

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, Г. БЕЛГОРОД),
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.Н. ГУМИЛЕВА
(РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН, Г. АСТАНА),
УНИВЕРСИТЕТ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА В НИТРЕ (СЛОВАКИЯ, Г. НИТРА)

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ: ТАЙНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА,
ПОСВЯЩЕННОГО 80-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО
(Г. БЕЛГОРОД, 14-16 МАЯ 2026 ГОДА)

БЕЛГОРОД
2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Белгородский государственный национальный исследовательский университет, педагогический институт, кафедра русского языка и русской литературы (Российская Федерация, г. Белгород),

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Республика Казахстан, г. Астана),
Университет Константина Философа в Нитре (Словакия, г. Нитра)

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ: ТАЙНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

Сборник научных трудов по итогам Международного симпозиума,
посвященного 80-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко
(г. Белгород, 14-16 мая 2026 года)

Белгород
2026

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Р-46

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Педагогического института НИУ «БелГУ», протокол №6 от 03.07.2026 г.

Рецензенты:

Аглеева З.Р., доктор филологических наук, профессор (г. Астрахань);
Пименова М.В., доктор филологических наук, профессор (г. Владимир)

Редакционная коллегия:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор,
Озерова Е.Г., доктор филологических наук, профессор,
Голикова М.М., кандидат филологических наук

Р-46

Речемыслительные образы: тайны взаимодействия мысли и слова : сборник научных трудов по итогам Международного симпозиума, 80-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 14-16 мая 2026 года) / Под общ. ред. д.ф.н., проф. Е.Г. Озеровой, к.ф.н. М.М. Голиковой. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2026. – 445 с.

ISBN 978-5-6056850-0-5

В сборник научных работ включены статьи, отражающие проблематику современных направлений лингвистики. Представленные исследования посвящены осмыслению актуальных направлений: 1. Речевое/языковое сознание: синергичное единство мысли и слова; 2. Речемыслительные образы – вербализованные концепты; 3. Речемыслительный дискурс: от образной модели – к порождению текста; 4. Лингвокогнитивные механизмы текстопорождения; 5. Речемыслительные образы в художественном тексте; 6. Речемыслительные образы как лингводидактическая проблема.

Сборник адресуется лингвистам-исследователям, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-6056850-0-5

© НИУ «БелГУ», 2026

**Профессор, доктор филологических наук, заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, член фразеологической комиссии при
Международном комитете славистов,
член-корреспондент Российской академии естествознания,
обладатель почётного звания «Основатель научной школы»**

Алефиренко Николай Фёдорович

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО УЧИТЕЛЮ	9
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ Ли К.К., Чумак-Жунь И.И.	9
<i>Замалетдинов Р.Р.</i> ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА	10
<i>Месельми Н.Б.</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОФ. МЕСЕЛЬМИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ НА СИМПОЗИУМЕ, ПРИУРОЧЕННОМ К 80-ЛЕТИЮ Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО	11
<i>Озерова Е.Г.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА АЛЕФИРЕНКО	13
РЕЧЕВОЕ/ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СИНЕРГИЙНОЕ ЕДИНСТВО МЫСЛИ И СЛОВА	14
<i>Нуртазина М.Б., Нурсеитов А.С.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТРИЛИНГВАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: СИНЕРГИЙНОЕ ЕДИНСТВО МЫСЛИ И СЛОВА	14
<i>Мокиенко В.М., Семененко Н.Н.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЕДИНИЦ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО	25
<i>Барановская К.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА И «1984» ДЖ. ОРУЭЛЛА)	30
<i>Беззубикова М.В., Кайгородова И.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА	36
<i>Борисенко Т.В.</i> КОНЦЕПТ «FAMILY» В АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)	40
<i>Доброва С.И.</i> ТАЙНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА В ОБРАЗНОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ (на материале жанров русского фольклора)	44
<i>Евтушенко С.В.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРОДНО- ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	50
<i>Мышкин С.В.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	55
<i>Ракитина С.В.</i> МЫСЛЬ И СЛОВО В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И. ВЕРНАДСКОГО	59
<i>Кошарная С.А., Уренкова А.П.</i> СТАТИКА И ДИНАМИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА МОДЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	66
<i>Хайруллина Р.Х.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ	70
<i>Шестак Л.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ОРЕОЛ ОБРАЗОВ ПРЕДЫДУЩИХ КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ И СОВРЕМЕННОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	75

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ОБЫДЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ	81
<i>Агашкова Е.Ю., Суслова Л.В. КОНЦЕПТ «РАЗГОВОР ПО ДУШАМ» В РУССКОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ</i>	<i>81</i>
<i>Басова Т.А. ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ АРХАИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ KI NO DOKU)</i>	<i>84</i>
<i>Василенко А.П. ОБ АЛОГИЧНОМ СОДЕРЖАНИИ ГИДРОМЕТАФОРЫ В РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОМ ОБРАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА</i>	<i>87</i>
<i>Винихина М.М., Хмелевский М.С. КОНЦЕПТ «ВИНОДЕЛИЕ» В СЕРБСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ</i>	<i>91</i>
<i>Голева Н.М. СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВ В ЛОГОГЕНЕЗЕ ...</i>	<i>94</i>
<i>Мичугина С.В. ХРОМАТИЗАЦИЯ МЫСЛИ: ЦВЕТОВЫЕ МЕТАФОРЫ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ</i>	<i>97</i>
<i>Морозова Е.Н., Перельгина Т.А. ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОРЧИ</i>	<i>104</i>
<i>Мухина И.К. АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТОВ КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «СПОРТ»</i>	<i>108</i>
<i>Савченко А.В., Хмелевский М.С. КОНЦЕПТ «МОСТ» В СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: СИМВОЛЫ, МЕТАФОРЫ, ОБРАЗЫ</i>	<i>113</i>
<i>Титова А.С. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЕДИНИЦА</i>	<i>118</i>
<i>Токарев Г.В. СЕМИОТИКА ЧУДА В РАССКАЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»</i>	<i>122</i>
<i>Фаронская С.А. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЫ</i>	<i>124</i>
<i>Федуленкова Т.Н., Притомская А.Р. ДЕЛОВЫЕ ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ</i>	<i>129</i>
<i>Шкуран О.В. НЕОСЕМАНТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ САКРАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ «ИКОНА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i>	<i>135</i>
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ОТ ОБРАЗНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ – К ПОРОЖДЕНИЮ ТЕКСТА	141
<i>Артёмова О.А. РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД</i>	<i>141</i>
<i>Власова Т.А. РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА И ПРОТ. АНДРЕЯ ТКАЧЕВА)</i>	<i>145</i>
<i>Евграфова Ю.А. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОЛЕВОГО АСМР-ДИСКУРСА: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕО)</i>	<i>148</i>
<i>Курмакаева Н.П. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ДИСКУРСИВНО-СМЫСЛОВОЙ ПРИЕМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА</i>	<i>157</i>

<i>Мазуз Д.</i> ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УПРОЩЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА	164
<i>Назаров Н.В.</i> РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФАКТ.....	168
<i>Попова А.Р.</i> РАЗВИТИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ, ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ ЗАГЛАВНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ, В ТЕКСТАХ ЖАНРА СТИХОФРАЗЫ	175
<i>Скнарев Д.С.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА БРЕНДА В РЕКЛАМЕ ОПЕРАТОРОВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ	182
<i>Супрун В.И.</i> ДИСКУРСИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА: ЧЕШСКО-НЕМЕЦКО-РУССКОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДНЕВНИКЕ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА	188
<i>Чумак-Жунь И.И., Прокофьева Ю.А.</i> СРАВНЕНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНЕНИЙ С СОЮЗОМ КАК В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА) ...	194
<i>Янутик С.Я.</i> ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	197
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ.....	200
<i>Базылев В.Н.</i> ХАОС, СТРЕМЯЩИЙСЯ К СТРУКТУРЕ	200
<i>Бакина А.Д.</i> РЕЧЕПОРОЖДАЮЩИЕ МОТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	205
<i>Булгакова С.С.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИАТЕКСТАХ	211
<i>Голикова М.М.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ).....	214
<i>Кармазина И.С.</i> КОММУНИКАЦИЯ КАК ДОМИНАНТНЫЙ СПОСОБ САМОПОЗНАНИЯ.....	219
<i>Касьянова Л.Ю.</i> КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОНОМИНАЦИЙ	222
<i>Кузнецова Т.Н.</i> МИНИМИЗАЦИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ	229
<i>Мельникова Ю.Н., Скокова Т.Н.</i> АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)	233
<i>Нурутдинова А.Р.</i> УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА VS. КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	239
<i>Огнева Е.А.</i> МЕХАНИЗМЫ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ В АРХИТЕКТОНИКЕ РОМАНА Ю. СЕМЕНОВА «СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»	246
<i>Озерова Е.Г.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ДЕТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	250
<i>Усманова Л.А.</i> ГИБРИДНЫЙ СНОВИДЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЦИФРОВОМ ПОЛИЛОГЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ТЕКСТОГЕНЕЗА	253

<i>Фаттахова Н.Н., Мубаракшина А.М.</i> ПРИНЦИП «СЕМЕЙНЫХ СХОДСТВ» КАК МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПОРОЖДЕНИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАГОРОСКОПЕ	261
<i>Черемохина Д.А.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА В ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА	267
<i>Шеметова Е.А.</i> ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АНГЛО-РУССКОГО ТРАНСФЕРА МОДЕЛИ-РЕКОНСТРУКЦИИ «СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗАМОК» В РОМАНЕ В. СКОТТА «АЙВЕНГО»	270
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	275
<i>Абакумова О.Б., Цуканов М.В.</i> СТРУКТУРА ОБРАЗА ДЕНОТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ПОСЛОВИЦЫ С НУМЕРАТИВОМ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	275
<i>Авдеева О.И.</i> СИНЕРГЕТИКА КОНЦЕПТОВ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОВ И МЕТКИХ ВЫРАЖЕНИЙ» В.И. ЗИМИНА)	279
<i>Аглеева З.Р., Кудряшов И.А.</i> ФЕНОМЕН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА В ТИПОЛОГИЗАЦИИ И ПОСТАСЕЙ ЧИТАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)	285
<i>Антонова Е.Н.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕРТЕКСТЕМ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	293
<i>Аль-Тамими А.Я.А.</i> КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ НАЗВАНИЯ СИМВОЛА «МЕЧЕТЬ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСЛАМСКО-АРАБСКОГО МИРА	298
<i>Бабаян В.Н.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРИАДНЫЙ ДИАЛОГ КАК ПРОДУКТ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО АКТИВНЫХ И ПАССИВНОГО УЧАСТНИКОВ	301
<i>Владова Н.</i> КОНЦЕПТ «ЯЗЫКОВАЯ СИНЕСТЕЗИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	308
<i>Гарколь Н.С.</i> МНОГОЗНАЧНОСТЬ И АССОЦИАТИВНОСТЬ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ	315
<i>Декатова К.И.</i> КОМПОЗИТЫ-АЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. БАЛЬМОНТА	318
<i>Завьялова Е.Е.</i> К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ: ТИПЫ ПОВЕСТВУЮЩЕЙ ИНСТАНЦИИ В РОМАНЕ А.В. КОРОЛЁВА «ХОХОТ»	321
<i>Калинина Л.В.</i> ЛЕКСЕМА НЕУЛОВИМЫЙ И ЕЁ ПРОИЗВОДНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	326
<i>Любецкая В.С.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ИОСИФА БРОДСКОГО	332
<i>Плотникова Л.И., Мельчакова Е.И.</i> ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ПОСТУЛАТОВ З. ГИППИУС: ОТ ИДЕИ К ОБРАЗУ	335
<i>Москвин В.П.</i> «СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА: ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОЛКОВАНИЯ	340
<i>Морицинский В.С.</i> КАТЕГОРИЯ «НЕНАЗЫВАЕМОЕ» КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА	343

<i>Невзорова Н.П.</i> СПЕЦИФИКА РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ У.С.МОЭМА «ТРЕПЕТ ЛИСТА: МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ ОСТРОВОВ ЮЖНОГО МОРЯ»	348
<i>Орлова Т.С.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТИШИНЫ В ПРОЗЕ КАДЗУО ИСИГУРО: МЕЖДУ СЛОВОМ, ПАУЗОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ ДЕТАЛЬЮ	357
<i>Панина Я.В.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ПАМЯТИ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ	361
<i>Петрова И.М.</i> АРХИТЕКТОРЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОНТОЛОГИЙ: ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТАПРОЗЕ	367
<i>Прокончук К.А.</i> ТОРГОВЫЕ МАРКИ И ИХ ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ.....	372
<i>Сальников В.Б.</i> СИСТЕМНОЕ ЕДИНСТВО КОМПОНЕНТОВ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИНОПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АНТАГОНИСТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО МИСТИЧЕСКОГО ФИЛЬМА «БЕС»).....	379
<i>Тарасова И.А.</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	385
<i>Чересюк П.А.</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕНСОРНЫХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»	391
<i>Чумак-Жунь И.И.</i> ИМЯ СОБСТВЕННОЕ НИКОЛАЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СМЫСЛОВ	395
<i>Шаравин А.В., Старцева И.Л., Резаков Я.О.</i> «СЕРОЕ» КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ПРОЗЕ Ю. В. ТРИФОНОВА: К ВОПРОСУ О ЧЕХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ, СЕМАНТИКЕ СГОРАНИЯ И ОСТУЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ	400
<i>Якимова Е.М.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПАМЯТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Л. ЯСНОВОЙ)	407
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	413
<i>Иваненко М.Ю., Любимова Н.И.</i> ИНТЕГРАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	413
<i>Мамедова И.О.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ	415
<i>Маркова Е.М.</i> ОБРАЗ КАК МОТИВ НОМИНАЦИИ И МНЕМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ.....	425
<i>Скляренко С.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ	430
<i>Солнышкина М.И., Мартынова Е.В., Гатиятуллина Г.М., Вахрушева А.Я.</i> СЛОЖНОСТЬ СЛОВА В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ РКИ	435
<i>Чекулаева О.В.</i> ОТ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА К ИНОЯЗЫЧНОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ АРХИТЕКТОРОВ	438

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО УЧИТЕЛЮ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Ли К.К., Чумак-Жунь И.И.

Дорогой Николай Федорович, примите наши поздравления от имени коллег, преподавателей кафедры русского языка и русской литературы НИУ БелГУ!

Нет на кафедре человека, который бы ни разу не произнес с гордостью и уважением: «Наш Николай Федорович!». При этом спрашивать, о каком Николае Федоровиче идет речь, не нужно — все его знают и любят, все гордятся тем, что есть такой «наш человек» — простой и великий, добрый и строгий, интеллигентный, интеллигентный и... интеллигентный!

Мы очень дорожим этим общим мнением, ценим отношение коллег, потому что Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор Николай Федорович Алефиренко — не просто наш Учитель, а на протяжении долгих лет близкий и дорогой нам человек.

Знаем мы Николая Федоровича со студенческой скамьи — для одного из авторов это совсем еще недавние годы учебы в БелГУ, для другого — конец прошлого века в Полтавском пединституте. И тогда, и сейчас нас — студентов и молодых преподавателей, вдохновляла Ваша энергия, заряжала любовь к филологии, поражало стремление досконально познать секреты текста, особое трепетное отношение к Великому Русскому Слову.

Неугомонный дух познания, жажда учить и учиться собрали вокруг Вас целую плеяду талантливых учеников, которые продолжили Ваше дело и продолжают сейчас — здесь и ученые с солидным научным стажем, и совсем молодые, но уже яркие и творческие личности. Нам, ученикам, комфортно оставаться «под прикрытием» Вашего авторитета. И когда возникают научные споры, наш последний и главный аргумент: «Спросим у Николая Федоровича». То, что сказал профессор Алефиренко, обсуждению не подлежит.

Спасибо за то, что несмотря на недостижимую высоту научного филологического Олимпа, на которой находитесь (один из самых цитируемых российских лингвистов, «защитивший» огромное количество учеников — кандидатов и докторов наук, в арсенале которого все дефицитные для многих ученых показатели — и статьи в Скопус, и высокий Хирш, и редактирование центральных лингвистических журналов), Вы очень щедрый на передачу научных идей, на добрый взгляд, и, наконец, на комплимент собеседнику человек. Выбирая тему научной работы, мы начинаем с того, что уточняем у Николая Федоровича — так ли? И в разговоре с ним тема открывается как на ладони — ааа, вот что мы, оказывается, хотели сказать!

Хочется еще много написать — и о любви к людям, и об интересе к новому, и о прекрасных фразеологических конференциях, но это, пожалуй, тема отдельной книги.

В заключение же возьмем на себя смелость сказать от членов всей нашей кафедры: «Большое спасибо, наш Николай Федорович! С Юбилеем! Здоровья Вам!»

От имени и по поручению членов кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ»:

**И.о. зав. кафедрой русского языка и русской литературы
НИУ БелГУ Ли Кира Константиновна,**

**Завкафедрой русского языка и русской литературы (2017–2024 гг.)
Чумак-Жунь Ирина Ивановна.**

Замалетдинов Р.Р.
ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уважаемый Николай Федорович!

От имени Института филологии и межкультурной коммуникации и от себя лично поздравляю Вас с 80-летним юбилеем!

Ваша научная и педагогическая деятельность является признанным образ-цом служения филологической науке. Для коллектива нашего института Вы являетесь выдающимся ученым с мировым авторитетом, многолетнее взаимодействие с которым составляет важную часть академической традиции.

Особого упоминания заслуживает длительное и плодотворное сотрудничество между научными школами Казани и Белгорода, развитие которого осуществлялось при Вашем непосредственном участии. Ваш вклад в установление и поддержание указанных межрегиональных научных связей следует признать фундаментальным, обеспечивающим прочную основу для совместных исследований и академического обмена.

Мы глубоко признательны Вам за многолетнюю работу в составе редколлегии нашего журнала «Филология и культура». Благодаря Вашему авторитету и профессионализму издание сохраняет высокий научный уровень и остается востребованным среди лингвистов России и зарубежья.

Желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой жизненной силы, новых научных открытий и благодарных учеников. Пусть Ваш оптимизм и любовь к слову еще долгие годы служат примером для научного сообщества!

С глубоким уважением,
директор Института филологии и межкультурной
коммуникации Р.Р. Замалетдинов

Месельми Н.Б.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОФ. МЕСЕЛЬМИ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ
НА СИМПОЗИУМЕ, ПРИУРОЧЕННОМ К 80-ЛЕТИЮ Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО**

Дорогой наш юбиляр Николай Фёдорович, дорогие коллеги!

Я рада хотя бы в такой форме быть сегодня с Вами и внести свою малую лепту в тот замечательный праздник, который устроили для Николая Фёдоровича его коллеги и ученики.

То, что среди организаторов симпозиума значится Университет им. Константина Философа в Нитре, – закономерный результат многолетнего плодотворного сотрудничества и обмена опытом, который так щедро всегда раздаёт Николай Фёдорович. Потому он по праву носит не только звание Заслуженного деятеля науки РФ, но и почётное звание Основателя научной школы: кроме личных научных достижений, на профессиональном счету Николая Фёдоровича целая плеяда учёных, вот уже несколько поколений. Его бывшие студенты, становясь кандидатами и докторами наук, продолжают черпать творческое вдохновение не только из его идей, которыми Николай Фёдорович всегда был и есть богат, но и из его отеческой заботы о них и готовности помочь и словом, и делом.

Меня тоже и профессионально, и человечески Николай Фёдорович очень поддержал, и этот торжественный день – прекрасный повод публично выразить ему мою глубочайшую признательность и уважение. Спасибо Вам, дорогой Николай Фёдорович, за научную поддержку и человеческое тепло! Вы сыграли в моей жизни несколько важных ролей:

1) благосклонного оппонента, благодаря которому блестяще прошла защита моего профессорского звания (в Словакии это отдельная защита по совокупности трудов, которая может состояться не раньше, чем через пять лет после защиты диссертации, эквивалентной докторской – здесь она называется хабилизацией);

2) авторитетного (и, несомненно, ведущего!) соавтора, щедро делившегося со мной опытом и советами при совместном написании научной монографии «Проблемы когнитивной лингвистики» (2011);

3) мудрого учителя и коллеги, вдохновившего меня личным примером.

В большой степени благодаря Николаю Фёдоровичу я сменила свой исследовательский вектор и занялась фразеологией и когнитивной лингвистикой, что, бесспорно, обогатило не только мою профессиональную карьеру, но и всю мою жизнь, потому что фразеологи – это особый сорт филологов. Можно сказать, что это филология не только с человеческим лицом, но и с неизменной улыбкой на лице. Для меня самой сильной привязкой к фразеологии стали не научные, а человеческие качества двух замечательных людей, научных авторитетов и ярких личностей одновременно – Николая Фёдоровича Алефиренко и присутствующего в числе главных сегодняшних докладчиков Валерия Михайловича Мокиенко. Огромное вам человеческое спасибо!

Предполагаю, что в докладе Валерия Михайловича Мокиенко и Наталии Николаевны Семененко, которой я, пользуясь случаем, также передаю сердечный привет, будут упомянуты и подкреплены фактами многочисленные заслуги нашего дорогого юбиляра, поэтому я не буду эту информацию дублировать. В заключение скажу только, что Николая Фёдоровича и его труды прекрасно знают за рубежом, а в нашем университете у него есть научные последователи не только среди русистов, чего, в принципе, логично ожидать, но и среди словакистов: наша коллега, профессор Зузана Ковачова, просто влюблена в теорию «живого слова» и по всему миру цитирует работы Николая Фёдоровича не только этого, но и многих других направлений, которыми он занимался на протяжении своей богатой научной

биографии. Не в последнюю очередь именно благодаря ему она значительно повысила свой уровень владения русским языком.

Дорогой Николай Фёдорович! Желаю Вам ещё «многая и благая лета», творческого вдохновения, благодарных учеников и последователей и, конечно, здоровья и бодрости духа! От имени всех словацких коллег поздравляю Вас с Вашим замечательным юбилеем и желаю симпозиуму плодотворной работы!

Озерова Е.Г.
РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ФЁДОРОВИЧА АЛЕФИРЕНКО

Осмысление масштаба личности Заслуженного деятеля науки РФ, профессора Николая Фёдоровича Алефиренко репрезентирует ценностно-смысловые векторы речемыслительных образов моего Учителя. Организация и порождение речемыслительных образов в научных трудах профессора Н.Ф.Алефиренко выявляет многовекторные интерпретации актуальных и в то же время спорных научных феноменов. Коммуникативные события в сопряжении с интенциями адресанта высвечивают дискурс профессора Николая Фёдоровича Алефиренко как продукта речемыслительной деятельности, отображённой в более четырёхстах публикациях, 63 диссертациях и многочисленных трудах учеников и продолжателей речемыслительного научного пространства своего Учителя.

Дискурс, отмечает Николай Фёдорович, – это способ формирования когнитивной структуры, вербализирующей образно-ассоциативными знаками, благодаря которым порождается мысль. Чтобы выявить эти знаки, мы провели ассоциативный эксперимент со студентами и преподавателями нашей кафедры. Частотность ассоциативных реакций на стимул «Николай Фёдорович Алефиренко» у студентов высока, но представлена лишь немногочисленными реакциями. 99% респондентов ответили: *профессор, учёный*; более 90% – *экзамен, умный*. Результаты эксперимента, проведённого с преподавателями, продемонстрировали многовекторность типов реакций: *авторитет, академическая наука, академичность, амальгама, БелГУ, выдающийся учёный, глубина и широта души и знаний, добрый, живое слово, золотой век, именитый учёный, когнитивистика, коллега, конференция, культура, лингвист, лингвокогнитология, масштабность, монография, научная метафора, ностальгия, образ, один из первых преподавателей, опыт, остроумие, ответственность, очки, педантичность, первый экзамен, порядочность, приятный человек, профессионализм, российская наука, синергетика, тактичность, скрупулёзность, умный, учёный, фундаментальное знание родного языка, юмор*. Повторяющимися реакциями являются *галантный/галантность, дискурс, наука и учёный*. Один из реципиентов (проф. С. А. Кошарная) представил ассоциативный текст – реакцию: *Николай Фёдорович Алефиренко – это Человек и Учёный, имя которого известно не только в России, но и в международном научном пространстве. Для меня лично – это оппонент, который не просто оппонировал мою докторскую диссертацию, но и одновременно дал мне настоящие уроки служения науке, погружения в глубины разрабатываемых проблем. Это учёный-когнитивист, лингвокультуролог, теоретик языка высочайшего уровня! Плеяда его учеников – докторов и кандидатов наук – это настоящее международное созвездие с именем Алефиренко! Звание Заслуженного деятеля науки РФ – это знак признания и знак Качества, который наполняет всю нашу кафедру глубочайшим уважением и гордостью причастности к человеку науки, человеку дела и широкой души!* Такие образно-ассоциативные знаки мы получили на стимул «Н.Ф. Алефиренко».

Дорогой Николай Фёдорович, я Вам желаю только позитивных, тёплых и радостных переживаний, пусть эмоционально воспринимаемые события порождают у Вас желание радоваться жизни, а речевые средства реализации будут окрашены только положительной коннотацией! Я бесконечно благодарна Вам за то, что Вы увидели во мне те возможности, о которых я сама даже не мыслила, все мои интенции, порождающие научные мысли, являются продуктом заложенных Вами и реализованных Вами мотивов, мыслей, образов, переживаний и чувств!

РЕЧЕВОЕ/ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: СИНЕРГИЙНОЕ ЕДИНСТВО МЫСЛИ И СЛОВА

УДК 81-23

Нуртазина М.Б.¹, Нурсеитов А.С.²

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ТРИЛИНГВАЛЬНОМ СОЗНАНИИ: СИНЕРГИЙНОЕ ЕДИНСТВО МЫСЛИ И СЛОВА

^{1, 2} Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет

имени Л.Н. Гумилева

¹ maralo204@mail.ru

Введение. Постановка проблемы

В эпоху глобализации и мультикультурной интеграции полиязычие становится неотъемлемой частью нашей повседневной реальности. В лингвистической парадигме XXI века фокус исследовательского внимания сместился с изучения абстрактной языковой системы на анализ реальной языковой личности, которая живёт и развивается в условиях постоянного языкового разнообразия. Представленная научная работа посвящена изучению речемыслительных образов в рамках трилингвального сознания, рассматриваемого как синергийное единство мысли и слова [Дискурс 2025: 67-69], как механизм самоорганизации сознания, который позволяет трилингву удерживать целостность мира при многообразии языковых форм.

Априори отметим, что механизмы взаимодействия трёх языковых систем в единой ментальной сфере человека до сих пор остаются недостаточно изученными. Требуется синергетический подход [Алефиренко 2023; Ахметжанова 2024; Сейдимбек 2001; Stockwell 2020], способный объяснить системные свойства многоязычного сознания, где пересечение кодов порождает качественно новые когнитивные структуры [Хомский 1972]. Так, концепт «Свобода» (в казахском «Бостандық» и в английском «Freedom») вступают в сознании в «великий диалог», обладая мощной энергетикой как результат взаимодействия «когнитивно-прагматических векторов» разных языков [Pavlenko 2022]. М. Бахтин писал, что «смысл рождается только на границе двух сознаний» (или двух языков) [Бахтин 1986: 138-140]. И действительно, как отмечает А. Сейдимбек, синергийное мировосприятие – это постоянный внутренний диалог культур, где смыслы не стирают друг друга, а взаимно обогащаются, создавая «сверхсмысл» [Сейдимбек 2001].

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и экспериментальной верификации модели синергийного взаимодействия мысли и слова у индивидов-трилингвов на примере современной лингвистической ситуации Казахстана. В условиях реализации государственной политики полиязычия [Сулейменова 2020] формируется особый тип языковой личности – трилингв, в сознании которого сосуществуют три разные картины мира: казахская (национально-специфическая и коллективистско-восточная с кочевыми корнями), русская (промежуточная/евразийская) и английская (глобалистская и индивидуалистически-западная). Поэтому актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понять, как взаимодействие трёх языков трансформирует речемыслительные образы – ментальные единицы, в которых закодированы знания, эмоции и культурные коды. Это позволяет увидеть, как универсальные концепты («Семья», «Успех») адаптируются под разные ментальные коды.

Теоретическую основу работы составили труды по психолингвистике и когнитивной лингвистике, в частности, концепции речемыслительного дискурса и

теории языкового сознания [Алефиренко 2023; Пименова 2011; Ахметжанова 2024]. Материалом для исследования послужили данные ассоциативных полей, полученные от информантов-трилингвов, владеющих тремя разноструктурными языками. Методологический аппарат включает метод когнитивного моделирования, сопоставительный и компонентный анализы, а также элементы концептуального анализа; приводятся аргументы в пользу существования единого динамичного концептуального пространства, где вербализованные образы перестраиваются под воздействием активных языковых стимулов. Предполагается, что трилингв обладает «подвижной когнитивной матрицей»: его восприятие абстрактных понятий («Время», «Успех», «Пространство») меняется в зависимости от того, на каком языке он в данный момент говорит или пишет («эффект когнитивного переключения») [термин Pavlenko 2022], происходит «когнитивная диффузия» [Pavlenko 2022: 298]: английский язык преимущественно обслуживает образы, связанные с карьерой и технологиями; казахский – образы семьи, этики и духовности; русский – социальную коммуникацию и повседневный быт. При этом возникает феномен «гибридных образов», когда одно и то же понятие (например, «Успех») наделяется разными смыслами в зависимости от активного в данный момент языкового кода.

Интеграция идей Л. Выготского о внутренней речи [Выготский 1999], М. Бахтина о полифонии [Бахтин 1986] и Н.Ф. Алефиренко о когнитивной синергетике [Алефиренко 2023; Дискурс 2025] позволяет определить трилингвальное сознание как диалогическое пространство, где мысль, совершаясь в слове, обретает три измерения. Это делает мировосприятие трилингва в Казахстане не просто суммой знаний, а уникальным полифоническим инструментом познания бытия [Сулейменова 2020].

Аспекты многовекторного рассмотрения речемыслительных образов в трилингвальном сознании

Центральной категорией данного исследования является речемыслительный образ, понимаемый не как пассивное ментальное отражение действительности, а как динамический, гештальтный феномен, находящийся на стыке довербального мышления и языковой актуализации [Колесов 2019]. В условиях трилингвизма речемыслительный образ приобретает особую специфику. Интегративный когнитивно-синергетический подход дает возможность проследить динамическое продвижение от изначально невербального, целостного речемыслительного образа к его конечной многокодовой синтаксической и текстовой материализации, анализируя задействованные семантические векторы [Алефиренко 2023]. Обладая единой концептуальной природой, этот образ пронизывает сразу три языковые плоскости, обеспечивая синергичное единство мысли и слова. Под синергизмом в данном контексте, вслед за идеей Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2023; Дискурс 2025], мы понимаем нелинейный эффект взаимодействия языков, при котором их совместное функционирование в сознании превосходит эффекты от использования каждого языка по отдельности.

Экспериментальное исследование речемыслительной деятельности трилингвов позволяет обнаружить уникальные лингвокогнитивные механизмы текстопорождения. На этапе зарождения речевой интенции возникает образная модель коммуникативного события, которая еще не привязана к конкретному языковому коду. В монолингвальном сознании путь от этой модели к тексту последователен. В трилингвальном сознании активируется феномен «когнитивной диффузии»: довербальный образ вступает в одновременное взаимодействие со всеми доступными лексико-семантическими системами, что активирует такие механизмы, как фреймовое сканирование, интуитивное озарение и кросс-языковой перенос в многоязычном сознании [Pavlenko 2022: 293-294].

Анализ ассоциативных полей трилингвов наглядно демонстрирует синергичную природу их ментального лексикона, где такие связи, активируемые стимулом на одном языке, мгновенно актуализируют семантические зоны других языков. При этом речемыслительные образы выступают в качестве вербализованных обыденных концептов, обеспечивающих смысловую целостность восприятия. Выявляя архитектуру ментального лексикона, А. Pavlenko [Pavlenko 2022] отмечает, что слово в многоязычном сознании перестает быть жестко привязанным ярлыком к предмету: оно становится подвижной, гибкой оболочкой. Существует одно глубинное концептуальное ядро и три вариативные языковые оболочки (L1, L2, L3), готовые актуализироваться в любой момент. «Когнитивный контроль» способствует тому, что три языка в сознании вступают в резонанс, взаимно активируют и оптимизируют когнитивные ресурсы человека. В таком случае мысль становится более гибкой, а металингвистическое сознание – более развитым (см. Рис. 1).

Рис. 1. Функциональная карта «когнитивного контроля»

В ядре ассоциативного поля фиксируются универсальные, культурно-независимые признаки образа, тогда как периферия поля демонстрирует яркую этнокультурную специфику, формируемую под влиянием каждого из трёх языков. Чтобы избежать беспорядочного переключения между языковыми системами, в сознании трилингва формируется упорядоченная структура контроля, отвечающая за последовательный отбор нужных слов и выражений, что не позволяет разным языкам беспорядочно перемешиваться в речи [Хомский 1972]. Синергичный эффект выражается в том, что знание третьего языка не перегружает память, а напротив, оптимизирует когнитивные стратегии. Происходит металингвистическое осознание структуры языка как такового. Речемыслительный образ становится более гибким, объёмным и многомерным и выступает в качестве универсального механизма, способного передавать многогранные ментальные смыслы во всей их сложности.

Результаты исследования и дискуссия

На пересечении трех культурных кодов – казахского (кочевого и коллективистского), русского (оседло-земледельческого и литературоцентричного) и английского (индивидуалистического и прагматичного) – рождается особое понимание речемыслительного образа [Сейдимбек 2001]. В данном контексте он концептуализируется как подвижный ментальный каркас, трансформирующий первичный замысел человека в конкретную языковую форму. В точке пересечения трёх культур это выглядит так: 1) казахское языковое сознание ориентировано на историю и пространство, поэтому восприятие мира строится вокруг родовых традиций и степной философии. Мыслительный образ здесь всегда динамичен и привязан к общности людей, напоминая внутренний зов предков или вековое

движение кочевников; 2) русское языковое сознание сфокусировано на психологии и эмоциях. На первое место выходят понятия «души», «ауры» и «рефлексии», и в этом контексте идея формируется как глубокое внутреннее переживание или мысленный диалог, наполненный культурными символами; 3) английское языковое сознание прагматично и структурно. Основными ориентирами служат личная автономия и результативность, когда каждая мысль изначально организуется как чёткий план действий или рациональный алгоритм, направленный на достижение цели (см. «функциональную карту» – Рис. 2).

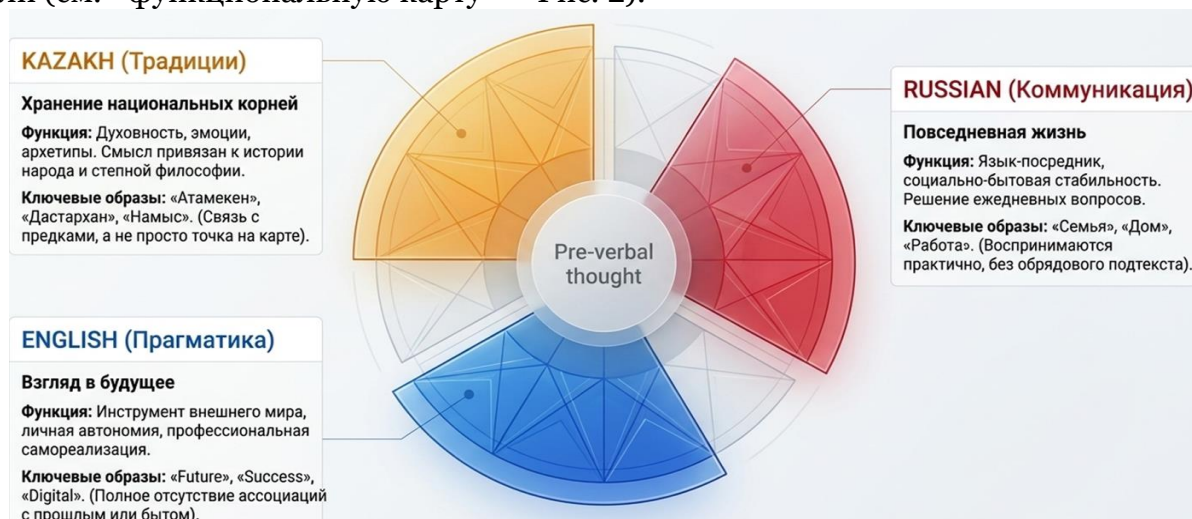

Рис. 2. Речемыслительный процесс и языковые традиции народа

Именно в таком ракурсе раскрывается суть речемыслительного образа как общей основы мышления. В нем наши личные ощущения – картинки, звуки и эмоции – тесно переплетаются с языковыми традициями народа. Это своего рода «схема» мысли, которая позволяет говорящему моментально выразить сложную идею всего одним словом, а слушателю – сразу её расшифровать. Такое взаимопонимание возможно благодаря тому, что оба собеседника опираются на единый культурный багаж (например, на понятия «степное гостеприимство», «русская тоска» или «английский прагматизм»). На основе «карты смыслов» для одного и того слова (например, «Freedom» / «Свобода» / «Бостандық») мы продемонстрировали факты того, как различаются их образы в этих трёх культурах, так как они опираются на разные исторические образы (Рис. 3), а также каков их речемыслительный образ и глубинный смысл (Табл. 1), чтобы увидеть различия образов в этих трех культурах.

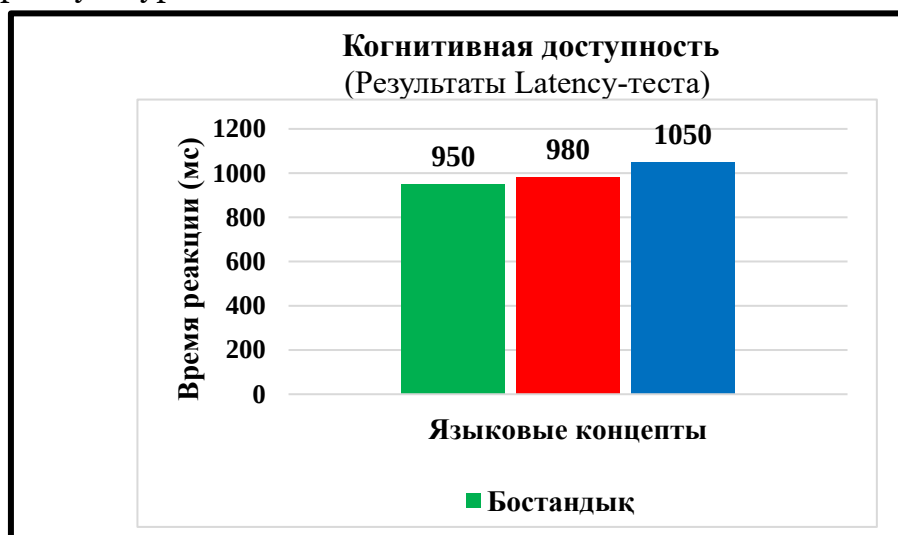

Рис. 3. Результаты Latency-теста языковых концептов

Таблица 1 Речемыслительный образ и глубинный смысл концептов

Язык / Понятие	Речемыслительный образ	Глубинный смысл
Бостандық (каз.)	Пространство и Воля. Образ бескрайней степи без границ.	Свобода как отсутствие пут на ногах коня и возможность кочевать. Это «внешняя» свобода движения и независимость рода.
Свобода (рус.)	Душа и Воля. Образ отсутствия оков или «выхода из тесноты».	Часто сопряжена с понятием «воля» – стихийная, безграничная мощь духа. Свобода как избавление от гнета (внутреннего или внешнего).
Freedom / Liberty (англ.)	Право и Выбор. Образ забора и личного пространства	<i>Freedom</i> – это автономия личности от государства; <i>Liberty</i> – политические права. Свобода заканчивается там, где начинается свобода другого.

Как сложный конструкт, связывающий вербальное выражение с визуальным или чувственным представлением, речемыслительные образы в сознании трингва распределяются по функциональным областям. В ходе проведенного эксперимента было замечено, что стимулы на казахском языке вызывают глубокие архетипические ассоциации. Например, концепт «Отан» (Родина) прочно связан с образом земли, предков и юрты, что свидетельствует о том, что эмоционально-ценностная и духовная основа человека формируется под влиянием традиций его народа [Сейдимбек 2001]. Однако при переключении на английский язык те же респонденты демонстрируют иную прагматическую установку. Слово «Future» (Будущее) ассоциируется не с продолжением рода, как в казахском («ұрпақ»), а с индивидуальными достижениями и глобализацией. Это подтверждает теорию о том, что язык определяет фокус внимания: английский язык в сознании казахстанцев выступает как инструмент «внешнего мира» и профессиональной самореализации [Сулейменова 2020].

Особый интерес вызывает роль русского языка. Для многих городских казахов в Казахстане русский язык остается «языком-посредником», на котором формируются абстрактно-логические образы. В ходе проведения анкетирования нами было выявлено, что термины науки и быта часто быстрее всплывают в сознании именно на русском. Подобный баланс исключает внутренний конфликт между языковыми системами. Соединяясь в сознании трилингва, они запускают механизмы когнитивного трилингвизма, который трансформирует мышление в пластичную и устойчивую структуру, способную к разностороннему восприятию мира [Ахметжанова 2024].

Важным аспектом исследования является анализ переключения кодов (code-switching). Регулярное вкрапление иностранных слов и русизмов в казахский язык не указывает на дефицит лексики, а отражает живые процессы трансформации и динамики ментальных образов в сознании говорящего. Если трилингв не может найти эквивалент понятию «ұят» (стыд/совесть) в английском, это означает, что данный речемыслительный образ обладает уникальной этнокультурной спецификой, не переводимой на глобальный код без потери смыслов [Сейдимбек 2001]. Вместе с тем, оперирование тремя языковыми системами перестраивает пластичность когнитивных сетей, укрепляя исполнительные функции и оптимизируя общие стратегии генерации текста и переключения кодов. Наши экспериментальные результаты показывают, что речемыслительные образы претерпевают естественный синтез, порождая смешанные кросс-языковые

ментальные прототипы, которые выходят за рамки мооязыковых культурных барьеров.

Способность человеческого разума быстро подстраиваться под меняющиеся условия и разносторонне оценивать ситуацию формируется именно благодаря постоянному контакту трех языковых систем. Респонденты-трилингвы показывают более высокую скорость переключения между задачами и способность рассматривать проблему с разных точек зрения (через призму традиций, через призму логики и через призму глобальных трендов). Речемыслительные образы в трилингвальном сознании становятся многомерными [Ахметжанова 2024], так как это личность является носителем трех языковых кодов и с синтетическим типом мышления, способная гармонично сочетать локальные корни и глобальные амбиции [Сулейменова 2020]. Для выявления специфики вербализации ментальных образов у носителей трех языковых кодов мы провели эксперимент для определения функционального распределения языков в когнитивных процессах. Примечательно, что ряд экспертов [Stockwell 2020] предлагают нейролингвистическое объяснение синергетического функционирования нескольких языков.

Методология и методы исследования

В исследовании приняли участие 150 человек (студенты ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, магистранты и докторанты в возрасте 18–35 лет в 2025–2026 гг.). Данная возрастная группа выбрана как наиболее репрезентативная категория «естественных трилингвов», активно использующих казахский, русский и английский языки в повседневной и академической жизни. Группа формировалась методом случайной выборки с предварительным фильтрующим вопросом об уровне владения английским языком (не ниже Intermediate/B1). Был разработан трехязычный стимульный материал: с этой целью отобраны 25 ключевых концептов (ядерных слов), охватывающих три сферы: этнокультурную («Отан», «Қонақ»), социально-бытовую («Работа», «Дом») и глобально-технологическую («Success», «Future»). Далее был проведен направленный ассоциативный эксперимент через онлайн-платформу GoogleForms. Респондентам предлагались слова-стимулы на трёх языках в случайном порядке для того, чтобы в течение 5–7 секунд зафиксировать первую возникшую речемыслительную ассоциацию (образ или слово) для выявления «чистого» подсознательного образа. На этапе саморефлексии были предложены ответы на вопросы закрытого типа о языке внутренней речи и субъективных ощущениях при переключении кодов [Богоявленская 2022]. На заключительном этапе исследования была проведена классификация полученных реакций на тематические группы путем сравнительного анализа семантических полей одного и того же концепта на разных языках.

Использовался также метод семантического дифференциала Ч. Осгуда [Pavlenko 2022; Stockwell 2020] для оценки эмоциональной окраски образов и метод сравнительной типологии для выявления когнитивных лакун (ситуаций, когда образ существует в одном языке, но отсутствует в другом) (см. Рис. 4) для проведения дифференциации качественных характеристик при сохранении единого ядра значения по таким характеристикам, как сила, масштаб, эмоциональность, устойчивость и активность по трем языкам.

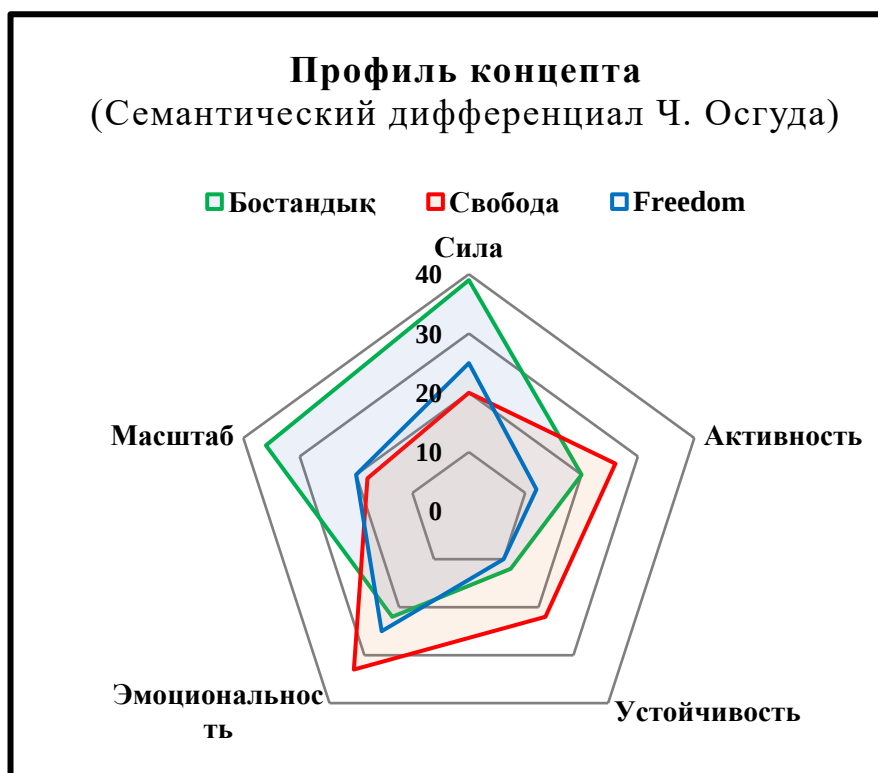

Рис. 4 Профиль концептов в соответствии с семантическим дифференциалом Ч. Осгуда

Для интерпретации данных анкетирования и статистической обработки результатов с помощью языка программирования Python была построена семантическая карта кластеров в формате «облака тегов». Данная визуализация наиболее частотных ассоциаций на каждом из трёх языков позволяет верифицировать гипотезу о функциональном распределении языковых кодов в сознании трилингва, а также выявить чёткую специализацию каждого языка.

Рис. 5 Семантическое облако / карта кластеров

Анализ семантических полей выявил чёткую специализацию каждого языка. Для изучения частотности и сочетаемости слов-ассоциаций были применены специализированные конкордансы корпусной лингвистики, позволившие проверить

функционирование данных ассоциаций в реальных текстовых корпусах в качестве объективно существующих дискурсивных паттернов.

1. Казахская языковая среда: хранение национальных корней

Главные слова-образы в казахском языке («Атамекен», «Дастархан», «Намыс») наполнены для людей огромным личным и общественным смыслом, которые не просто обозначают вещи или территории, а связывают человека с историей его народа. Например, «Атамекен» в ответах людей – это не точка на карте, а духовная, почти священная связь с предками. Это подтверждает, что в сознании человека, владеющего тремя языками, именно казахский язык отвечает за сохранение традиций, корней и эмоционального баланса.

2. Русскоязычная сфера: повседневная жизнь и общение

Список ассоциаций на русском языке выглядит самым стабильным и предсказуемым, ведь его основу составляют слова «Семья», «Дом» и «Работа». Именно русский язык помогает людям решать ежедневные социальные вопросы. Специфично, что понятия «Семья» и «Дом» здесь воспринимаются просто и практично – как часть обычных будней. Более глубокий, торжественный и обрядовый подтекст данных слов в казахском языке указывает на то, что для трилингвов Казахстана русский язык выступает прежде всего удобным прагматичным инструментом повседневной коммуникации»

3. Англоязычная сфера: взгляд в будущее и карьера

Набор ассоциаций на английском языке (главные слова: «Future», «Success», «Digital») совсем не похож на казахский и русский варианты. Здесь вообще нет упоминаний о прошлом или домашних делах. Для молодых казахстанцев английский язык – это символ современного человека и открытого мира; в этой системе он работает как специальный инструмент для построения карьеры и планирования профессионального будущего. Примечательно, что слово «Success» (Успех) здесь означает личные победы и цифровые достижения, а не похвалу от родственников или одобрение общества (как в случае с казахским словом «Жетістік»).

Феномен полиязычия современных казахстанцев демонстрирует комплементарный характер взаимодействия языковых систем в структуре языкового сознания. Динамическое переключение кодов обусловлено прагматикой коммуникативной задачи: казахский язык актуализирует этнокультурные и ценностно-смысловые доминанты, русский выступает основным инструментом повседневной интерперсональной коммуникации, а английский ассоциируется со сферой профессиональной реализации и глобальной интеграции. Данная специфика свидетельствует о формировании качественно новой когнитивной модели мировосприятия, в которой национальная идентичность и глобализационные интенции интегрируются в гибкую, комплементарную систему мышления.

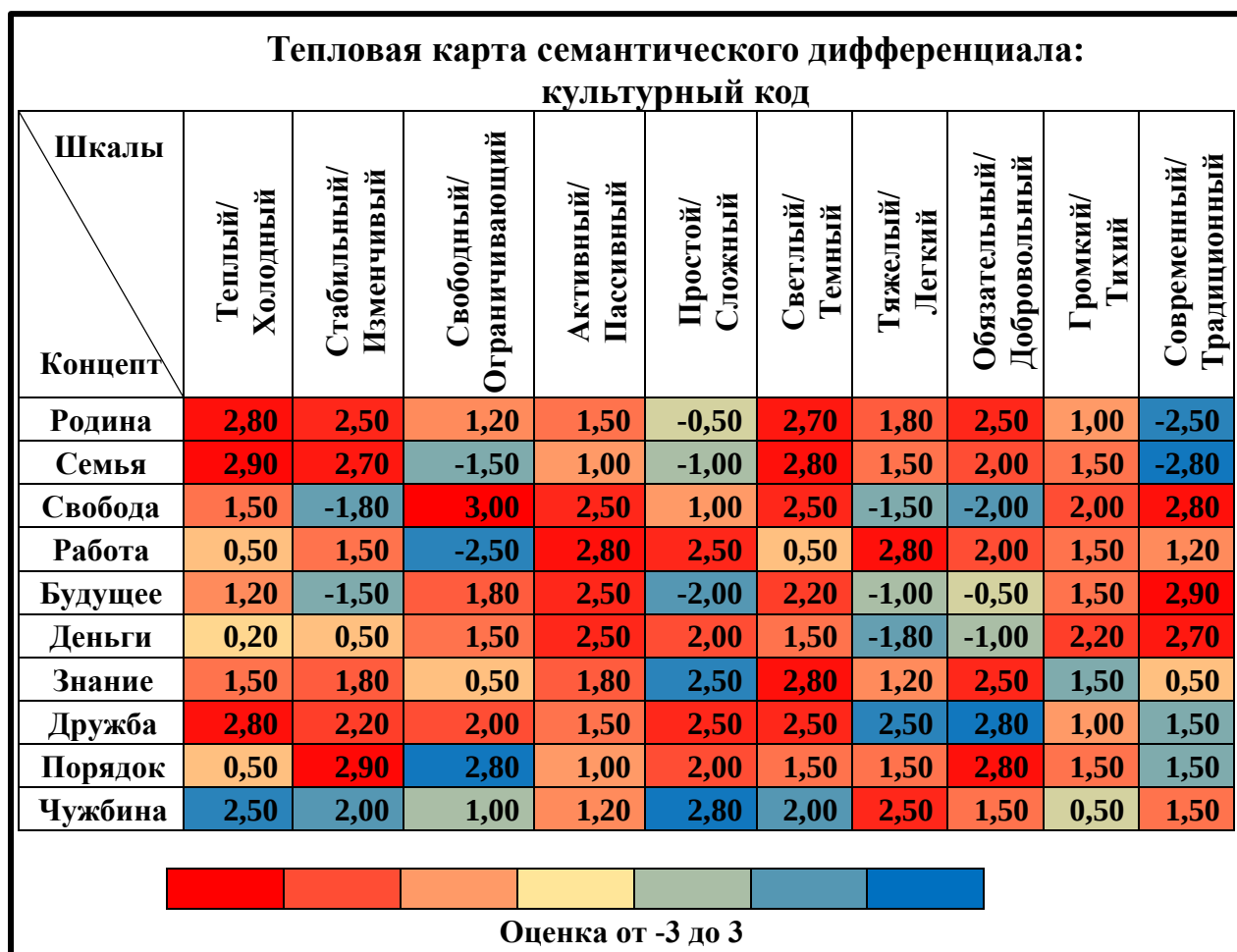

Рис. 6 Тепловая карта семантического дифференциала: культурный код

В исследовании рассматриваются количественные подходы к выявлению словесных ассоциаций и устойчивых коллокаций в компьютерной и корпусной лингвистике. Автор оценивает дистрибутивно-статистические меры (включая MI-score), доказывая их эффективность для обнаружения неслучайных семантических связей, укорененных в активном ментальном лексиконе. Сравнение частотных списков продемонстрировало, что лексическое разнообразие в английских ответах ниже, чем в казахских, что констатирует: английские речемыслительные образы более унифицированы и стереотипны (связаны с учебными паттернами), в то время как русские и казахские образы более индивидуализированы и вариативны. Для математической точности результатов мы применили дистрибутивно-статистический анализ. В частности, мы измеряли силу семантической связи между словами с помощью показателя взаимной информации – MI-score (Mutual Information score). Методологическую валидность этого шага подтверждают работы [Stockwell 2020; Богоявленская 2022; Хомский 1972]. Высокий показатель MI-score между компонентами ассоциативного поля трилингва строго и математически доказал: совместное появление этих концептов в речемыслительной деятельности закономерно, устойчиво и продиктовано синергийной структурой их сознания, а не случайным совпадением [Сейдимбек 2001].

*Таблица 2 Результаты корпусного анализа ассоциативных полей
(по данным AntConc)*

Языковой корпус	Концепт-стимул	Частотность (Freq)	Доминирующая коллокация (MI-score > 3.0)	Когнитивный тип связи
Казахский (KZ)	Отан	52	Отан – Ана (MI: 6.4)	Этно-архетипический
Русский (RU)	Родина	48	Моя – Родина (MI: 4.2)	Эгоцентрический
Английский (EN)	Motherland	12	Land of – Opportunity (MI: 5.8)	Прагматический
Казахский (KZ)	Болашақ	35	Жарқын – Болашақ (MI: 7.1)	Метафорический
Русский (RU)	Будущее	42	Планировать – Будущее (MI: 3.9)	Инструментальный
Английский (EN)	Future	60	Digital – Future (MI: 8.2)	Технократический

Заключение

Проведенное исследование речемыслительных образов в трилингвальном сознании трилингвов позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, трилингвизм в Казахстане носит иерархический и функциональный характер: многоязычное сознание функционирует на основе синергийного единства мысли и слова, представляя собой сложную, самоорганизующуюся открытую систему. Казахский язык остается фундаментом эмоциональной и этнокультурной идентичности, формируя образы, связанные с духовными ценностями. Русский язык выполняет функцию коммуникативного и когнитивного медиатора, а английский активно интегрируется как язык будущего, инноваций и профессионального роста. В ходе реализации исследования гипотеза о «когнитивной диффузии» подтвердилась. Мы увидели, что речемыслительные образы трансформируются под влиянием английского языка, становясь более прагматичными в определенных сферах. Однако ядро национальной идентичности проявляет устойчивость: ключевые концепты («Семья», «Родина», «Честь») сохраняют свою традиционную образность, несмотря на активное использование иностранных языков.

Трилингвальное сознание является более сложной и саморегулирующей системой по сравнению с монолингвальным. Лингвокогнитивные механизмы текстопорождения (такие как фреймы, гештальты и метафорический перенос) в трилингвальном контексте обогащаются за счет взаимовлияния и взаимодополнения различных языковых картин мира. Это приводит к формированию у трилингвов более высокого уровня абстрактного мышления и развитой металингвистической рефлексии, что дает казахстанскому обществу уникальное преимущество в условиях глобализации – сохранение культурного кода при высокой международной конкурентоспособности.

Подводя итог, можно утверждать, что «трилингвальное сознание» казахов – это динамичная система, находящаяся в процессе эволюции. Речемыслительные образы здесь служат индикаторами социальных изменений: в них отражается переход от закрытого этноцентричного общества к открытому миру, где язык становится не только средством общения, но и инструментом конструирования новой многогранной реальности.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблемы видятся в расширении эмпирической базы за счет привлечения информантов с различными комбинациями родных и изучаемых языков (включая разноструктурные и

генетически отдалённые языковые системы). Кроме того, актуальным направлением является изучение возрастной динамики формирования трилингвальных речемыслительных образов в условиях естественного и искусственного многоязычия. Данное исследование может быть расширено за счет изучения нейролингвистических аспектов: как именно мозг трилингва обрабатывает информацию при мгновенном переключении между такими разными языковыми семьями (тюркской, славянской и германской).

Практическая значимость результатов проекта связана с возможностью их непосредственного внедрения в практику лингводидактики при разработке инновационных методик многоязычного обучения, в сферу межкультурной коммуникации, а также при проектировании интеллектуальных систем ИИ и машинного перевода.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Речемыслительная синергия дискурса: монография. – М.: Флинта: Наука, 2023. – 183 с.
2. Ахметжанова З.К. Очерки по национальной концептологии. – Алматы: Елтаным, 2024. – 148 с.
3. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Богоявленская Ю.В., Палийчук Д.А. Меры ассоциации для установления силы семантико-синтагматической связи элементов словосочетания // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2022. – № 5. – С. 69–78.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
6. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.
7. Колесов В.В. Основы концептологии. – СПб.: Златоуст, 2019. – 775 с.
8. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: учеб. пос. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.
9. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. – Алматы: Рауан, 2001. – 576 с.
10. Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика // Полилингвальность и транскультурные практики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 112–120.
11. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: МГУ, 1972. – 122 с.
12. Pavlenko A. The bilingual mental lexicon: One or two conceptual systems? // International Journal of Bilingualism. – 2022. – Vol. 26, No. 3. – P. 289–305.
13. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. – Ed. 2nd. – London; NY., 2020. – 256 p.

SPEECH-THINKING IMAGES IN TRILINGUAL CONSCIOUSNESS: THE SYNERGETIC UNITY OF THOUGHT AND WORD

M.B. Nurtazina, A.S. Nurseitov

Kazakhstan, Astana, L.N. Gumilyov Eurasian National University

Abstract. The paper examines the specifics of the formation, dynamics, and functioning of speech-cognitive images within a multicultural trilingual consciousness. A cognitive-discursive approach is used as the theoretical basis, viewing language and thought in their synergistic, harmonious unity. The relevance of the study is driven by the need for a profound understanding of the mental processes of individuals who simultaneously operate three language systems, which is a typical phenomenon in the modern globalized and Eurasian scientific and educational space. The main purpose of the article is to reveal the mechanisms of generating speech-cognitive discourse,

from the initial imagery model of a communicative event to its final multilingual textual verbalization. The research methodology relies on a comprehensive psycholinguistic toolkit, including free and directed word association tests, semantic field modeling, as well as descriptive and comparative analyses. According to the author's interpretation, the speech-cognitive image features a synergistic interaction of three language codes that do not merely coexist in the trilingual consciousness but form a qualitatively new, flexible, and integrative mental module. The study proves that the speech-cognitive image acts as an invariant core, whereas the verbal means of the first, second, and third languages serve as variable cognitive shells.

Keywords: speech-cognitive image, trilingualism, linguistic consciousness, synergistic unity, text generation, cognitive linguistics.

УДК 81'371

Мокиенко В.М.¹, Семенов Н.Н.²

**РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА
ЕДИНИЦ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО¹**

¹ Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

² Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский технологический институт им.

А.А. Угарова НИТУ «МИСИС»

¹ mokienko40@mail.ru

² nsemenenko@yandex.ru

Русская фразеология как область отражения языковой действительности и традиционных проявлений материальной и духовной культуры традиционно является предметом живого интереса лингвистов как в рамках синхронно-описательного подхода, так и в исторической ретроспективе.

Ещё классические этимологические опыты грамматиков античности заронили в мировую философскую мысль идею реконструкции того, что считалось «истинным представлением о слове» [Мокиенко 2009: 4]. Стремление классиков философии языка найти стоящий за словом исходный образ предмета или явления активно развивается в современной антропоцентрически ориентированной лингвистике, для которой этимологический подход заключается уже не только в поиске исторически обоснованных фактов языка с опорой на методы грамматической и семантической реконструкции, но и в активном взаимодействии сторонников разных направлений лингвистики в поиске образных истоков национальной культуры и обыденных представлений русского народа.

Начинались эти изыскания с толкований, которые приводились в самых важных для современной паремиографии источниках – сборниках пословиц В.И. Даля, Ф.И. Буслаева, И.М. Снегирёва, И.И. Иллюстрова, Н.Я. Ермакова, М.Я. Рыбников, А.И. Соболева и др.

Отмечается в истории отечественной паремиологии и ряд изданий, изначально ориентированных на этимологическое толкование крылатых слов в их широком понимании. Такие авторы, как С.В. Максимов, М.И. Михельсон, Э.Д. Вартаньян, М.А. Булатов основное внимание традиционно уделяли заимствованному выражению, образная основа которых не до конца понятна носителям русского языка, а сама идея выявления особенностей национальной культуры через анализ истории формирования образа, лежащего в основе паремии, впервые отчётливо проявляется в трудах известного собирателя русского фольклора

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №26-18-00372 «Большой синонимический словарь диалектной фразеологии»: народная фразеология в системно-семантической лингвокультурологической репрезентации», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

И.М. Снегирёва. Его работа «Русские в своих пословицах» является в каком-то смысле хрестоматийным трудом, иллюстрирующим глубинную связь пословиц и поговорок с национальными обычаями, с традиционными поверьями и суевериями, с общеизвестными моментами истории, с особенностями быта и фольклорными текстами иных жанров.

Насколько важен поиск исходного образа, лежащего в основе внутренней формы единиц косвенно-производной номинации, мы можем судить по тому, что большинство современных смежных лингвистических направлений, изучающих взаимосвязь феноменов языка и культуры, традиционно обращаются к тому, каким образом экстралингвистический фон влияет на образование и функционирование устойчивых единиц. Идиоматика традиционно является наиболее показательным и богатным материалом для анализа внутренней формы с позиции влияния факторов культуры, поэтому такие направления русистики рубежа 20-21-го веков, как лингвострановедение, этнолингвистика и лингвокультурология, неизменно обращаются к фразеологическому и паремиологическому материалу в поисках комплексной методики, которая позволила бы установить взаимосвязь между исходным образом, этимолом и внутренней формой единиц косвенно-производной номинации, попутно разрабатывая дискуссию относительно лингвистической сущности данных терминов.

В различные периоды исследовательской деятельности Н.Ф. Алефиренко в его работах отмечается устойчивый интерес к проблеме образных истоков знакообразования единиц косвенно-производной номинации. Каким бы ни был теоретический вектор исследования, влияющий на выбор метода – лингвокультурологический, лингвокогнитивный, лингвосемиотический, какое бы место ни занимали в анализе языкового материала теория концепта или теория фрейма в авторском их понимании, Николай Фёдорович неизменно говорит о ведущей роли образа как стимула косвенно-производного знакообразования.

В понимании природы речемыслительного образа учёный отмечает, что языковой образ по своей природе отличается от реалий, представленных в окружающем мире и чувственно-предметно отраженных в обыденном человеческом сознании. Квалифицирующей чертой языкового образа при этом называется субъективность, обусловленная «личными ментальными способностями коммуниканта и сформированной у него этнической картины мира» [Алефиренко 2021: 10].

Для понимания сущности языкового образа как речемыслительного субстрата Н.Ф. Алефиренко предлагает учитывать все три уровня познания, задействованные в осмыслении, а соответственно и в языковлении коммуникативного события, лежащего в основе внутренней формы фразеологизма. Это механизмы 1) ощущения и восприятия, 2) представления и воображения и 3) собственно мышления.

Оригинальность авторского научного подхода в изучении речемыслительной природы языкового образа заключается прежде всего в системе методических операций, которые базируются на лингвокультурологическом методе и подразумевают применение процедуры «психосемантического выявления способов объективации в языковом образе так называемых культурно значимых смыслов... с последующей интерпретацией «культурных коннотаций» (термин В.Н. Телия) в их символической, архетипической и концептной репрезентации» [Алефиренко 2021: 11].

В концепции Н.Ф. Алефиренко языковой образ является следствием в реализации механизмов лингвокреативного речемышления. При этом под лингвокреативностью учёный понимает как создание первичных языковых образов, лежащих в основе фразеосемиозиса, так и творческую адаптацию данных образов к различным дискурсивным ситуациям.

Второй аспект особенно актуален для понимания динамики внутренней формы фраземы как синергично развивающейся образной основы фразеологического значения. Иными словами, на наш взгляд, трактовка речемышлительного образа как продукта непрерывно осуществляемого речемышления позволяет уточнить терминологические различия таких понятий, как образ, внутренняя форма и этимон, применительно к вопросам анализа фразеологической семантики.

Поскольку образ, в соответствии с теорией Н.Ф. Алефиренко, не является застывшим слепком, а представляет собой «субъект речемышлительной деятельности», то этимон относительно него может быть определен как исходный исторический обусловленный образ, зафиксированный лексико-грамматической структурой фраземы, а внутренняя форма относительно этих двух категорий может трактоваться как актуальная для современного речемышления и адаптированная к условиям текущего дискурса интерпретация образа.

В выявлении критериев взаимодействия категорий речемышлительного образа и внутренней формы единиц косвенно-производной номинации хочется обратить внимание и на тот момент, что внутренняя форма объективно зависима от собственно языкового статуса знака и у разного типа единиц характеризуется различным функциональным статусом: у пословиц она выполняет роль проводника от обобщённого значения к дискурсивно обусловленному смыслу, у поговорок и устойчивых сравнений фиксирует переосмысленный образ как «ключ» оценочной номинации, у фразем сохраняет исходный образ-действие как активную мотивирующую базу, а у загадок является слабо ассоциированным средством связи денотативной базы и выражаемого смысла [Семененко 2010: 112]. Но при всей полифонии семантической функции внутренней формы она безусловно связана с речемышлительным образом как способом отражения действительности в содержании языковой единицы.

Образная природа внутренней формы, с одной стороны, очевидна – ещё А.А. Потебня определял её как «отношение содержания мысли к сознанию», которое «показывает, как представляется человеку его собственная мысль», и образ в этом контексте выступает в роли своеобразного «самообъяснения» стоящей за ним идеи.

Н.Ф. Алефиренко в своих трудах неоднократно обращается к данной категории как к «элементу синергетического процесса смыслообразования», как к продукту дискурсивного мышления, отличному собственно от смысла или этимологически исконного значения единицы [Цит. по: Семененко 2015: 116].

Возвращаясь к вопросу о сущностной стороне связи категорий речемышлительного образа и внутренней формы фраземы, следует проникнуть в суть подхода к интерпретации фразеосемиозиса как процесса лингвокреативного мышления, представленного в трудах Николая Фёдоровича.

Знакопорождение и интерпретация идиом, по мнению учёного, тесно связаны с описанием механизма формирования так называемых «предзнаковых форм накопления и хранения информации», которые образуют особую систему, определяемую Н.Ф. Алефиренко как «когнитивно-деривационную базу фразеомобразования» [Алефиренко 2017: 50]. Иначе говоря, для того, чтобы сформировался фразеологический образ, в речемышлительной деятельности должна присутствовать базовая когнитивная модель, которая и предваряет появление семантической структуры фразем.

В соответствии с теорией Н.Ф. Алефиренко эта базовая модель является не только фактором фразеосемиозиса, но и отправной точкой для дальнейшего восприятия фразеологического значения. По сути дела, каждый фразеологический образ является следствием неких стереотипных схем речемышления, и при все лингвокреативной составляющей демонстрирует устойчивые и повторяющиеся

когнитивные схемы, что собственно и порождает феномен закреплённости значения у единиц косвенно-производной номинации.

Само понятие фразеосемиозиса, к которому учёный неоднократно обращается в своих трудах, характеризуется неоднозначной терминологической трактовкой, поэтому нам видится важным уточнение авторской позиции Н.Ф. Алефиренко в определении фразеосемиозиса – собственно речемыслительного процесса, следствием которого и является фразема как языковой знак. Николай Фёдорович отмечает, что феномен слитности фразеологического значения, независимо от степени идиоматизации конкретной фраземы, во многом обусловлен природой фраземопорождающего концепта, целостная и неделимая сущность которого и обуславливает устойчивость образа как основы воспроизводимости значения [Там же: 51].

Своеобразной квинтэссенцией той части теории Н.Ф. Алефиренко, в которой обосновывается лингвосемиотическая природа фразем, является разработанная им концепция дискурсивно-когнитивной модели фразеосемиозиса, в которой выделяется три основных контура. Первый контур позволим себе обозначить как формирование предметного плана события, осуществляемое мышлением событийного типа – то есть моделирование того самого процесса, в котором происходит осмысление предметного действия как манипуляции событийными объектами. Этот процесс протекает в сфере предметного мышления и формирует прототипический образ денотативной ситуации. Именно прототипический образ является отражением денотативного плана культуры и формируется через объективное отражение распространённых артефактов, повторяющихся событийных сценариев и базовых мировоззренческих установок, актуальных для представителей национальной культуры.

Второй контур представляет собой собственный интериоризацию, когда сформированный прототипический образ «включается» в структуру дискурсивного мышления, где происходит процесс перехода типического в обобщенное – в те схемы действий и схемы предметов, которые мыслятся как повсеместные, всеобъемлющие и подходящие к разного рода ситуациям.

Третий контур представляет собой формирование языковой рамки или, по определению Николая Фёдоровича, «контурной карты» образа. В концепции учёного для образов в равной степени значимы такие формирующие структуры, как 1) образный прототип свободного синтаксического сочетания, 2) внутренняя форма фраземы и 3) модусный концепт, понимаемый как интенционально обусловленная идея, заключённая во фраземе. Важно понимать, что эти три элемента находятся в сложной взаимосвязи, одновременно взаимодействия с прототипом означающего и прототипом означаемого, что и порождает знак-идиому [Алефиренко 2017: 59].

В контексте выше рассмотренного хочется отметить, что для моделирования процесса фразеосемиозиса особую роль играет дискурсивно-модусный концепт – лингвоментальная единица, сущность которой Н.Ф. Алефиренко детально рассматривает в работах последнего десятилетия. Действительно, как уже отмечалось ранее, категория концепта особенно значима при объяснении роли внутренней формы во фразеомообразовании. Концепт как некая идея, заключённая во фразеологическом знаке, в контексте дискурсивного мышления «преломляет» внутреннюю форму в соответствии с исходным чувственно-предметным смыслом. В системном анализе понятий внутренней формы, концепта и образа Николай Фёдорович подчёркивает, что фразеомообразующий концепт служит рождению того самого образа, который впоследствии получает языковое воплощение в форме фраземы. И именно внутренняя форма является своеобразным вербальным кодом, позволяющим установить взаимосвязь фразеологического значения с исходной идеей.

В концепции Н.Ф. Алефиренко терминосочетание «фразеологический концепт» характеризуется как недостаточно отражающее сущность понятие, в большей степени отсылающее нас к проблеме типологии концептов, которая исходно кажется учёному слабо аргументированной и в целом несовершенной. Николай Фёдорович предлагает понятие фразеоморождающего концепта, сосредотачивая наше внимание на том, что концепт как мыслительная (лингвокогнитивная) категория получает косвенное знакообозначение в условиях дискурса оценочно-эмотивной, или модусной, направленности, поскольку предназначение концептов «не в именовании предмета мысли, а в выражении оценочно-смыслового отношения к нему» [Алефиренко 2016: 8].

Таким образом, категории образа и внутренней формы как составляющие целостной модели фразеосемиозиса в соответствии с теорией Н.Ф. Алефиренко находятся в конгруэнтных отношениях, поскольку их согласованность не формального свойства, она опирается на единство лингвокультурного смысла, воплощённого в дискурсивно-модусном концепте и обобщённого смысла как следствия интериорации предметно-чувственного образа в обобщённый образ ситуации/действия.

Вне сомнения, концепция фразеосемиозиса, разрабатываемая в рамках научной школы Н.Ф. Алефиренко, имеет большое будущее как системный подход к описанию разножанрового материала – единиц косвенно-производной номинации различных типов – и открывает широкие перспективы для разработки методологической парадигмы современной когнитивной лингвокультурологии

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фразеосемиозиса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – №3. – С. 7–12.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеосемиозис как процесс лингвокреативного мышления // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – №2. – С. 50–73.
3. Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. – 2021. – №4 (80). – С. 10–18.
4. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 464 с.
5. Семененко Н.Н. От образной модели к стереотипу: синергия внутренней формы пословицы // Вестник ТГПУ. – 2015. – №2 (40). – С. 116–121.
6. Семененко Н.Н. Роль когнитивной метафоры в организации внутренней формы паремий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – №3. – С. 109–114.

THE SPEECH-THINKING IMAGE AND THE INTERNAL FORM OF UNITS OF INDIRECTLY DERIVED NOMINATION IN THE CONTEXT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF N.F. ALEFIRENKO

V.M. Mokienko¹, N.N. Semenenko²

¹ Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University

² Russia, Stary Oskol, Technological Institute named after A. A. Ugarov, National University of Science and Technology «MISIS»

Annotation. The article examines the relationship between the categories of a speech-thinking image and the internal form of a phraseme in the context of Nikolai Fedorovich Alefirenko's theory of phraseosemiosis. According to the author's interpretation, a speech-thinking image is a kind of guide from a discursive-mode concept as an initial culturally conditioned idea to an internal form as a verbal code of phraseological meaning. The arguments of this approach are the units, categories, and mechanisms grounded in the author's model of phraseosemiosis.

Keywords: internal form, discourse, discursive-modal concept, speech thinking, speech-thinking image, phraseosemiosis.

УДК 81'371

Барановская К.А.
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «МЫ» Е. ЗАМЯТИНА И «1984»
ДЖ. ОРУЭЛЛА)

Россия, г. Луганск, Луганский государственный педагогический университет
ksy.baranowskaya@yandex.ru

В условиях меняющейся действительности и трансформирующихся стереотипов язык постоянно развивается, адаптируясь к новым идеям и социальным ролям: «В контексте литературных и общекультурных процессов, происходящих сегодня в мире, актуальным является всестороннее исследование проблемы духовности, а также творческое переосмысление литературы в целом» [Новикова 2026: 80]. Беллетристика XX столетия подарила миру два произведения, продемонстрировавших, как язык может быть превращен в орудие порабощения: в романе «Мы» Е. И. Замятин заложил основы жанра антиутопии, а Дж. Оруэлл в произведении «1984» продолжил описание тоталитарного общества будущего и даже создал вымышленный язык «новояз», призванный сделать невозможным оппозиционный образ мышления, то есть «мыслепреступление».

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа уже более века остаётся одной из самых провокационных теорий в науке о языке, и сегодня ее актуальность лишь возрастает, в связи с лингвистическим детерминизмом, согласно которому структура и состав языка не просто влияют на мышление, а полностью определяют восприятие мира. Именно эту версию гипотезы два великих антиутописта XX века превратили из научной абстракции в работающий механизм тоталитарного контроля. В статье «Лингвистика и дистопия: формирование реальности с помощью вымышленного языка» [Барановская 2026] мы доказали, что искусственно созданные языковые системы в романах Е.И. Замятина «Мы» (1920) и Дж. Оруэлла «1984» (1949) активно конструируют и поддерживают тоталитарную реальность, поэтому целью настоящего исследования является уже выявление специфических особенностей реализации сильной версии гипотезы Сепира-Уорфа на основных уровнях языка: лексическом, грамматико-синтаксическом, семантическом и прагматическом, а также определение современных возможностей ограничения мышления и речи народа путем сокращения доступных речевых единиц.

Гипотеза исследования заключается в том, что, несмотря на общее следование принципу «язык определяет и контролирует мышление», Е.И. Замятин и Дж. Оруэлл реализуют этот принцип через принципиально разные лингвистические стратегии: в романе «Мы» доминирует математическая модель унификации языка, а в романе «1984» – политическая модель «новояза» и двойного мышления, что доказывает возможность тоталитарного контроля над мышлением человека.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов (Н.Ф. Алефиренко, М.А. Горшениной, Х. Диллона, Х. Гохила и В. Смита, Д. Эрсой и др.), посвящённые проблемам языкового детерминизма, а также исследования в области политической лингвистики. Методология работы базируется на сравнительно-сопоставительном анализе, который позволяет выявить сходства и различия в реализации гипотезы лингвистической относительности в романах Е.И. Замятина «Мы» и Дж. Оруэлла

«1984». Кроме того, в работе применяются элементы семантического, грамматического и прагматического анализа языковых единиц.

Научная новизна исследования заключается в сопоставительном анализе проявления гипотезы Сепира-Уорфа на всех уровнях языка в романах «Мы» Е.И. Замятина и «1984» Дж. Оруэлла, а также в выявлении связи между моделями тоталитарного языка в художественных произведениях XX века и современным «алгоязыком», который ранее не являлся предметом отдельного исследования.

Два произведения, разделенные тремя десятилетиями, но связанные идеей и смыслом, являют собой наиболее развернутые и влиятельные модели лингвистического тоталитаризма, поэтому рассмотрим, как гипотеза лингвистической относительности воплощается в языке каждого из тоталитарных обществ, созданных Е.И. Замятиным и Дж. Оруэллом. Гипотеза лингвистической относительности в романе Е.И. Замятина «Мы» приобретает свое художественное воплощение на всех уровнях языковой системы: единое государство контролирует мышление народа и делает все, чтобы существование индивидуального сознания было невозможным. Рассмотрим, как лингвистический детерминизм проявляется в произведении.

1. Лексический уровень

Главный маркер замятинской антиутопии – замена личных имен буквенно-цифровыми кодами (D-503, I-330, O-90). Имя как языковой код личности уничтожено, а вместо него представлен функциональный код, подчеркивающий, что каждая ячейка этого общества взаимозаменяема и все «нумера» равны, что свидетельствует о лингвистическом стирании собственного «я». D-503 воспринимает себя не как личность, а как некую часть коллективного «мы»: «Я, D-503, строитель «Интеграла», – я только один из математиков Единого Государства» [Замятин 2024: 8] Использование математических имен вместо символов создает ощущение принадлежности к чему-то целому, общему, но в то же время лишает человека индивидуальности, если он в эту формулу не вписывается [Эрсой 2006: 35]

Таким образом, нумерация превращает человека в машину, в функциональный элемент Единого Государства, который лишает граждан самой возможности определять себя как отдельную личность и заставляет их добровольно поддерживать систему, чтобы сохранить смысл собственного существования. Контроль над языком и историей лишает людей «стандарта для сравнения» и ведет к «ментальному обеднению», а отсутствие имен – первый его шаг [Там же: 45]

Е.И. Замятин создал целый пласт неологизмов, отражающих тоталитаризм жизни: так, новообразования можно условно подразделить на несколько групп:

- быт и унификация: «юнифа» (униформа), «стопудово» (точно);
- социальные отношения: «розово-талонно» (секс по талонам);
- государственные институты: «Благодетель», «Интеграл», «Зеленая Стена»

Подобные неологизмы создают эффект отчуждения, так как читатель погружается в мир, в котором даже привычные для него вещи называются иначе. При этом особое значение приобретают отдельные слова. Например, лексема «стекло» становится символом прозрачности, хрупкости свободы и одновременно стабильности изоляции: стеклянные стены домов делают жизнь нумеров полностью прозрачной для государства, и это закрепляется в языке.

2. Грамматический уровень

Речь главного героя характеризуется определенными грамматическими особенностями, которые явно прослеживаются в тексте:

- преобладание простых предложений, коротких фраз: «Но я готов, так же как каждый, или почти каждый, из нас. Я готов» [Замятин 2024: 8];
- номинативность: «Нет: к счастью – не бред. Нет: к несчастью – не бред» [Замятин 2024: 154];

– отсутствие вопросительных конструкций (в первой части романа): «...Только тогда человек в полном смысле этого слова, когда в его грамматике совершенно нет вопросительных знаков, но лишь одни восклицательные, запятые и точки» [Замятин 2024: 140];

– использование математических формул и уравнений как элементов речи: «Не хочу $\sqrt{-1}$! Выньте из меня $\sqrt{-1}$!» [Замятин 2024: 36; 9].

Однако, по мере пробуждения чувств к I-330, синтаксис предложений D-503 меняется: появляются вопросительные предложения, сложные конструкции, многоточия, метафоры и незаконченные фразы. Ключевой момент осознания героем своих чувств проявляется в словах: «Неужели все это сумасшествие – любовь, ревность – не только в идиотских древних книжках? И главное – я! Уравнения, формулы, цифры – и это – ничего не понимаю! Ничего...» [Замятин 2024: 55] Таким образом, подтверждается гипотеза Сепира-Уорфа, а именно то, что изменение языка отражает изменение мышления.

3. Семантический уровень

Один из основных механизмов замятинской модели – семантическая трансформация слов, обозначающих эмоции. Слова «любовь», «ревность», «мечта» и «душа» не просто табуируются, а приобретают новое негативное значение: «Сны – серьёзная психическая болезнь» [Замятин 2024: 31]; «Вдохновение – “неизвестная форма эпилепсии”» [Замятин 2024: 19]; «Фантазия – то, что делает механизмы несовершенными: “У механизмов нет фантазии”» [Замятин 2024: 142]. Счастье понимается как отсутствие желаний, а свобода – как добровольное подчинение. Таким образом, отсутствие или негативная семантическая нагрузка слов блокирует саму возможность осмысления опыта: человек не просто не говорит о любви и других известных нам чувствах – он перестаёт её распознавать как реальность. Так, например, М.А. Горшенина связывает это с полемикой Е.И. Замятина против идеологии Пролеткульта и военного коммунизма, которые утверждали коллективное «мы» над индивидуальным «я» [Горшенина: 2018].

4. Прагматический уровень

В Едином государстве речь утрачивает свою коммуникативную функцию и становится ритуалом: гимны Благодетелю, коллективные декламации, формульные приветствия – язык больше не является способом обмена информацией. Как указывал Н.Ф. Алефиренко, говорящий «всегда находится в плену коллективного языкового сознания и дискурсивных стереотипов» [Алефиренко 2005: 7]. В антиутопиях этот «плен» становится тотальным: язык не только ограничивает мысль, но и заставляет человека добровольно принимать навязанные стереотипы.

При этом ритуализация общения как раз и является одним из способов контроля, так как исчезает спонтанная коммуникация, а остается лишь повторение одобренных формул. Прагматика языка в романе является фильтром: правильная речь маркирует «своих», неправильная – «чужих», подлежащих исключению. Те, кто начинает использовать старый язык, автоматически определяются больными. Кульминацией этого механизма становится Великая Операция, после которой все становятся «идеальными»: «Радуйтесь, ибо отныне вы – совершенны» [Замятин 2024: 142], то есть, те, кто сохранил старый язык и чувства, подвергаются «лечению» – фактически, уничтожению.

Хотя термин «двоемыслие» принадлежит Дж. Оруэллу, у Е.И. Замятина существует его аналог: нумера должны одновременно верить в счастье Единого Государства и подавлять свои чувства. Так, например, D-503 не может назвать любовь, поэтому интерпретирует ее как болезнь, что и является прагматическим двоемыслием: знать одно, говорить другое, и в итоге верить в то, что говоришь.

Таким образом, в романе Е. И. Замятина «Мы» гипотеза лингвистической относительности реализуется на всех уровнях языка: уничтожаются слова для эмоций, индивидуальности и воображения, а язык в дистопии становится центром,

через который осуществляется власть. В отличие от Е.И. Замятина, Дж. Оруэлл предлагает сознательное упрощение и сокращение языковых средств, предупреждая о силе лингвистической манипуляции: создание и навязывание правительством гражданам «новояза» в попытке подчинить их.

1. Лексический уровень

«Новояз» – официальный язык Океании, созданный для того, чтобы «навсегда уничтожить возможность независимой мысли» [Оруэлл 2023], созданный для формирования сознания граждан, и цель такого языка – сделать мыслепреступление попросту невыразимым.

В приложении к роману Дж. Оруэлл предлагает три словарных слоя:

- 1) словарь А – слова для повседневной жизни (работа, еда, дом);
- 2) словарь В – политические термины, созданные намеренно;
- 3) словарь С – технические и научные термины [Оруэлл 2023].

Собственно «новоязом» называется только словарь В, а остальные – этот лишь уступка переходного периода.

Также выделяются ключевые принципы, которым должны соответствовать слова «новояза»:

- краткость (лексическая единица не должна содержать более трех – четырех слогов);
- благозвучие (слова должны легко произноситься);
- семантическая прозрачность (значение должно быть очевидным из состава слова);
- морфологическое единообразие (одни и те же морфемы должны использоваться одинаково).

Как отмечают некоторые авторы, иногда при переводе на русский язык принцип краткости сложно соблюсти из-за различий между русским и английским языками, но остальные принципы в большинстве случаев соблюдаются [Самохин 2023: 4015].

В романе также представлены различные типы словообразования: *Minipax* – *Минимир* (калькирование), *Telescreen* – *телескан* (калькирование + замена), *Newspeak* – «новояз» (калькирование + замена с сокращением), *goodthinkful* – *благомысленный* (не переводческое новообразование, а архаизм), *crimethink* – *мыслепреступление* (калькирование с перестановкой и интерфиксацией), *Muck House* – *Дрянъхаус* (окказинализм). «*Радлаг*» – калькирование от *joycamp*, означающее «лагерь радости», то есть, каторжный лагерь [Там же: 4016].

2. Грамматический уровень

Одно из ключевых отличий «новояза» от замятинской модели – целенаправленная грамматическая реформа:

- любое слово может использоваться как глагол, существительное, прилагательное или наречие;
- унификация неправильных глаголов (например, *think* – *think* вместо *thought*);
- отмена степеней сравнения.

Основной принцип «новояза» – морфологическое единообразие: одни и те же морфемы должны передаваться одинаково в разных окказинализмах, что приводит к предсказуемости языка и многозначности. Например, приставка *in-* и суффикс *-ful* используются систематически, откуда и происходят шаблонные слова. Однако, принцип морфологического единообразия нарушается даже в оригинале [Там же: 4016].

3. Семантический уровень

Главный семантический механизм – количественное и качественное обеднение, к которому автор прибегает намеренно, так как «чем меньше выбор слов, тем меньше искушение задуматься» [Оруэлл 2023: 54]. Из языка исключаются

многозначность, синонимия и антонимия. Сокращая словарь, партия сокращает и спектр возможных мыслей. Лексика искажается путем внедрения лозунгов, которые теперь воспринимаются не как пропаганда, а как онтологическое утверждение: «Война – это мир» (постоянная война = стабильность), «Свобода – это рабство» (подчинение Партии = свобода), «Незнание – сила» (отсутствие информации = лояльность) [Оруэлл 2023: 6].

Еще одним приемом становится двоемыслие – способность одновременно удерживать два противоположных убеждения и принимать оба. Двоемыслие – практическое воплощение детерминизма: если реальность определяется языком, а язык подконтролен Партии, то никакой независимой истины не существует.

4. Прагматический уровень

У Дж. Оруэлла механизм отделения «своих» от «чужих» систематизирован: в связи с наличием разных словарей для разных жизненных ситуаций, тот, кто использует слова из «старого» языка, автоматически маркируется как подозрительный. В этом смысле прагматика работает в виде раннего оповещения, а любое отклонение от нормы фиксируется и наказывается.

«Новояз» направлен не на продуцирование (выбор и творчески-спонтанное комбинирование), а на репродуцирование – это язык с ограниченным числом степеней свободы, язык, в котором от говорящего требуется лишь повторение готовых формул. Ритуализация проявляется через лозунги на стенах, двухминутки ненависти с коллективными выкриками и формульные приветствия. «Новояз» можно отнести к «деревянному языку», ведь его формирует идеология, делающая его ригидным, клишированным и неспособным выражать индивидуальный опыт. В романе это проявляется в речах О'Брайена и других членов Партии: все слова существуют в замкнутой системе, не соотносясь с реальностью.

Центральный механизм – прагматика мыслепреступления – обобщающее слово для всего, связанное с ранее существовавшими «свободой» и «равенством». Существует оно для того, чтобы человек не мог «проследить за вредной мыслью дальше того пункта, что она вредна» [Оруэлл 2023: 57]. Работает это следующим образом: если у вас возникла «неправильная» мысль, вы уже совершили преступление – вы не можете обсудить эту мысль, так как для этого нет слов – вы не можете даже осознать ее, потому что язык не дает средств для ее оформления: в этом и проявляется сильная версия гипотезы Сепира-Уорфа.

Сопоставление двух моделей позволяет выявить различия в подходах Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла к лингвистическому детерминизму. В романе «Мы» язык становится формулой, точнее, механизмом, подавляющим чувства, в то время как в произведении «1984» язык – примитив, лишаящий человека возможности мыслить.

У Е. И. Замятина язык технически усложняется, что связано с исключением из него всего иррационального: герой мыслит заданными формулами, что делает его идеальным «номером». У Дж. Оруэлла язык, наоборот, максимально упрощается, чтобы сузить горизонт мысли. Е.И. Замятин атакует внутренний мир человека – его душу, эмоции, чувства, способность любить и мечтать, поэтому, уничтожая слова для этих понятий, он делает невозможным их переживание, а Дж. Оруэлл редактирует реальность – историю, факты, объективную истину, так как контроль над прошлым не менее важен, чем контроль над языком [Эрсой 2006: 45].

В романе «Мы» реализуется сильная версия гипотезы, ведь изменение языка действительно изменило мышление. В произведении «1984» ситуация сложнее, так как Дж. Оруэлл показывает не столько невозможность мыслить, сколько невозможность выразить мысль и быть услышанным. Таким образом, две модели лингвистического детерминизма, представленные в романах, дополняют друг друга. В XXI веке они прекратили быть лишь литературным вымыслом, и обрели новую форму – «алгояз» (*algospeak*), язык, формируемый не столько политической волей,

сколько цифровыми платформами и модерацией контента («алгояз» – русскоязычный аналог *algospeak*, сокращения от *algorithmic speak*) [Стэнли 2026]. Данный термин возник по аналогии с «новоязом». Ключевое отличие в том, что сегодня правила задает не Министерство Правды, а архитектура цифровых платформ. Таким образом, алгояз – это набор речевых, визуальных и аудиальных стратегий, который вырабатывается для обхода алгоритмической цензуры.

В англоязычном пространстве алгояз включает множество стратегий: лексические замены (*unalive* вместо *suicide*), орфографические изменения (*p*riod* – *period*). Русский язык также попал под влияние алгояза: например, в различных социальных сетях можно встретить: *котики* – *наркотики*, «*конфликт*» – *война*, *запретграм* – *инстаграм*, редактируются тексты песен [Гохил 2024; Стэнли 2026].

Русскоязычный алгояз развивается по тем же законам, что и англоязычный: замена табуированных слов эвфемизмами, использование эмодзи вместо слов, орфографическое искажение, калька. При этом в русском языке сильнее выражен политический аспект из-за особенностей законодательства и цензуры, поэтому пользователи вынуждены кодировать не только «опасные» темы, но и политические высказывания.

Проведенное исследование показало, что в романе Е.И. Замятина «Мы» лингвистический детерминизм реализуется через математическую модель унификации языка, которая на всех уровнях подавляет индивидуальность и эмоциональную сферу. В романе Дж. Оруэлла «1984» гипотеза Сепира-Уорфа воплощается в модели «новояза» – вымышленного языка, максимально упрощённого и сокращённого для исключения самой возможности мыслепреступления. Сопоставительный анализ выявил некоторые различия в подходах писателей: Е.И. Замятин усложняет язык, исключая иррациональное, в то время как Дж. Оруэлл – упрощает. При этом оба автора демонстрируют, что язык становится инструментом тоталитарного контроля над обществом. В XXI веке эти модели обретают новую форму – «алгояз», язык, сформированный для обхода алгоритмической цензуры. Русскоязычный алгояз развивается по тем же законам, что и англоязычный, но с более выраженным политическим аспектом. Таким образом, гипотеза Сепира-Уорфа получает новое подтверждение в цифровую эпоху, когда механизмы контроля над языком воспроизводятся уже не политической волей, а алгоритмической логикой платформ.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс. – 2005. – № 3. – С. 5–13.
2. Барановская К.А. Лингвистика и дистопия: формирование реальности с помощью вымышленного языка // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы Университетской научно-практической студенческой конференции (Луганск, 10 февраля 2026 года). – Луганск: Издательство ЛГПУ, 2026. – С. 120–130.
3. Горшенина М.А. Роль ключевых элементов индивидуально-авторской картины мира в художественном моделировании социальной действительности (на материале романов «Мы» Е. Замятина и «О дивный новый мир» О. Хаксли) // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Вып. 2. – М.: КДУ; Университетская книга, 2018. – С. 528–530.
4. Гохил Х., Смит В. An Analysis of Algospeak and the Dreaded Algorithm // International Journal of Advanced Research. – 2024. – Vol. 12. – No. 10. – P. 656–669.
5. Замятин Е. Мы. – М.: Эксмо, 2024. – 384 с.
6. Новикова А.А. Библиейский интертекст как триггер эмоционального дискурса в романе А. Дж. Кронины «Звезды смотрят вниз» // Вестник Луганского

государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2026. – № 1(131). – С. 80–88.

7. Оруэлл Дж. 1984; пер. с англ. Д. Целовальниковой. – М.: АСТ, 2023. – 320 с.

8. Самохин И.С., Никашина Н.В., Нагорнова Е.В. Окационализмы Дж. Оруэлла из романа «1984» в переводе Ю.Р. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 11. – С. 112–118.

9. Стэнли Н. Сетевой новояз // За рубежом: электрон. ресурс. – 2026. – URL: <https://zarubejom.ru/articles/setevoy-novoyaz/> (дата обращения: 13.03.2026).

10. Эрсой Д. Manipulation of history and language in three dystopias: дис. ... магистра полит. наук. – Анкара: Middle East Technical University, 2006. – 143 с.

FEATURES OF LINGUISTIC RELATIVITY (BASED ON Y. ZAMYATIN'S "WE" AND G. ORWELL'S "1984")

K.A. Baranovskaya

Russia, Lugansk, Lugansk State Pedagogical University

Abstract. The article examines the strong version of the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity as implemented in Yevgeny Zamyatin's "We" (1920) and George Orwell's "1984" (1949). Both dystopias portray language as a tool of totalitarian control over thought: Ye. Zamyatin employs a mathematical model of linguistic unification (numerical codes instead of names, neologisms like "yunifa," semantic redefinition of emotions as diseases, ritualized speech, and grammatical simplification with formulaic structures), suppressing individuality and irrationality. G. Orwell develops "Newspeak" through deliberate lexical reduction (A, B, C vocabularies), grammatical unification, semantic impoverishment, and doublethink, making "thoughtcrime" inexpressible. Comparative analysis reveals contrasting strategies such as mathematical complexity in Ye. Zamyatin's versus and extreme simplification in G. Orwell, but both confirm linguistic determinism. In the digital age, these mechanisms evolve into "algoyaz" (algospeak), a coded language for evading algorithmic censorship on platforms, driven by platform architecture rather than state ideology, thus actualizing the hypothesis today.

Keywords: linguistic relativity hypothesis, linguistic determinism, Sapir-Whorf hypothesis, dystopia, Zamyatin "We", Orwell "1984", Newspeak, algospeak, totalitarian control, thoughtcrime.

УДК 81'373.612.2

Беззубикова М.В.¹, Кайгородова И.Н.² **ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА**

^{1, 2} Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет

¹ mv55@yandex.ru

² kin905@mail.ru

Образный способ отражения действительности, природа метафоры до сих пор остаются в фокусе пристального внимания ученых. Отражение действительности в образах представляет собой сложный процесс, который предполагает взаимодействие и взаимодополнение лингвистики, психологии и культурологии. Когнитивная лингвистика, в поле интересов которой находятся исследование различных сторон человеческого сознания, стремится определить механизмы процессов познания. В частности, определить, с помощью каких механизмов слово приобретает ценностно-смысловую интерпретацию и в какой форме («упаковке») образная информация содержится в сознании человека. Профессор Н.Ф. Алефиренко считает, что важными категориями являются знания, их внутренняя репрезентация и ментальность. «В настоящий период развития когнитивной науки эти три процесса одинаково значимы и для когнитивной психологии, и для когнитивной лингвистики – теоретической основы когнитивной лингвокультурологии. Именно ментальные репрезентации знания обуславливают

ценностно-познавательное пространство языковой картины мира, которое и составляет основной предмет лингвокультурологии. Это объясняется природой и сущностью культуры, которые обуславливаются особыми взаимоотношениями мышления, сознания и языка, генерирующими культуруносные смыслы» [Алефиренко 2020: 7].

Знание как деятельность сознания и его результат выступает важным критерием жизнедеятельности человека. При этом становится главной формой когнитивной организации культуры. Для декодирования фразеологизм *у черта на куличиках* в значении 'очень далеко' необходимы знания, отражающие особенности восприятия и понимания пространства. Обычно так говорят о глухих окраинах, малообитаемых городских районах, заброшенных деревнях. Любое место, которое представляется человеку опасным и таит опасность, можно назвать этой фразеологической единицей. Согласно словарю В.И. Даля, *кулижками* (не *куличиками*) на Руси называли участки ровной земли, небольшие луга среди леса или наоборот – островки леса среди поля, малообитаемые отдалённые места, выселки. Упоминание черта связано с восприятием пространства древними славянами. Они четко противопоставляли «свое» и «чужое». Например, дом, двор, храм считалась местами священными и находились под защитой добрых сил. Дороги, перекрёстки, заброшенные дома, мельницы, леса, овраги воспринимались как места обитания нечистой силой. Следовательно, фразеологизм *у черта на куличиках* следует понимать в значении «в нехорошем месте, очень далёком и непригодным для житья». В этом устоявшемся образе запечатлён опыт русского народа в освоении и осмыслении окружающего мира.

Ментальность представляет собой особое мировосприятие, включающее менталитет и духовность. Менталитет «характеризуется устойчивостью» [Токарев 2022: 30], рассматривается как статичная структура, основанная на понятийном мышлении. Ментальность есть «мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов 2006: 13]. Словесная метафора выступает тем средством, благодаря которому ментальность порождает культурные феномены. Способ возникновения многих устойчивых выражений – это метафоризация, при которой все же сохраняются семантические связи между словами с прямым и переносным значениями. Следующие фразеологизмы обозначают ограничение свободы или возможностей человека: *крылья обрезаны* – 'кто-либо лишен возможности проявить себя, осуществить что-либо; кто-либо не может развернуться в полную силу'; *обрезать крылья* – 'лишить кого-либо веры в себя, в свои силы, возможности'; *подрезать крылья* – 'лишить возможности проявить себя, подорвать веру в себя, в свои силы'; *помять крылышки* – 'сковать чьи-либо силы, препятствовать их проявлению'; *пообломать крылья* – 'укротить, усмирить, заставить покориться кого-либо'. Выражения возникли из образного представления о птицах, которым обрезают крылья, чтобы они не могли улететь. В русской лингвокультуре птица часто ассоциируется со свободой, независимостью и стремлением к высоте, полёту. Когда у птицы обрезают крылья, она теряет способность летать, становится беззащитной и зависимой. Метафорический смысл данных выражений актуализирует ситуацию, когда кто-то или что-то ограничивает личные возможности, свободу действий или инициативу человека.

Внимание к метафорическому отражению действительности способствовало объединению научных воззрений и формированию когнитивной лингвистики в исследованиях различных сторон человеческого сознания. «В её основе – предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществление процессов усвоения, переработки и трансформации

знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [Петров 1988: 41]. На смену понимания метафоры как декоративного, орнаментального средства приходит утверждения, что метафора является когнитивным явлением, важным механизмом познания окружающего мира, используемого в целях увеличения и накопления знаний относительно до конца не познанных реалий. С помощью метафоры сложные наблюдаемые явления в процессе познания сопоставляются с конкретными наблюдениями. Следовательно, метафора представляет собой универсальное орудие мышления и познания, а лингвокогнитивная теория метафоры исходит следующего положения: в основе метафоры лежит метафорическое мышление. Н.Ф. Алефиренко пишет, что метафорическое мышление репрезентирует «сложное взаимодействие концептуальных структур, связанных между собой общими когнитивными заделами: ассоциативно-образно усваивать, перерабатывать и преобразовывать знания» [Алефиренко 2009: 167]. Проиллюстрируем эту мысль на следующем примере. В России в 90-х годах была популярное метафорическое *крыша* – ‘то, что охраняет, защищает от опасности; прикрытие (обычно в криминальном мире)’ [Скляревская 2001: 399]. Крыша – верхняя часть любой постройки, которая оберегает от внешних воздействий, атмосферных явлений, находится выше и предстаёт как защита. Именно это понимание стало толчком для интерпретации образа ‘крыши’ как некоего средства, обеспечивающее защиту, безопасность и покровительство. В 90-х годах предприниматели часто прибегали к услугам криминальных структур для неприкосновенности своего бизнеса, «крыша» предполагала высший уровень надёжности, стабильности и независимости.

Метафора в художественном дискурсе является частью внутреннего мира автора, становится его особой формой мышления. Она создает новые образы и способствует усилению изобразительности и выразительности речи, передачи оценочного и эмоционально-экспрессивного значений. Метафоры находят широкое применение в художественном дискурсе, а дискурс рассматривается как «коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [Алефиренко 2002: 104]. Индивидуально-авторские метафоры в художественных произведениях отражают индивидуальное творческое мышление писателя. Проиллюстрируем эту мысль на примере из художественных текстов В.О. Пелевина. Эпизод разговора главного героя с попутчиком в поезде о развале СССР: ... *Но в восьмидесятом году окончательно выяснилось, что вместо коммунизма будет Олимпиада. Все вокруг, как рассказывают современники, еще казалось железным и несокрушимым. Но всего через несколько лет это несокрушимое **железо** рассыпалось само* (Числа). Авторская речевая стратегия – воздействовать на читателя – находит свою реализацию, благодаря лингвокреативному мышлению писателя. Вместо привычной номинации *Советский союз* автор находит фигуральное имя – *железо*. Важную роль здесь играют фоновые знания читателя. Всем известное выражение *железный занавес* – политическое клише, которое ввел У. Черчилль. Железо рассыпалось как распался Советский союз. Метафора характеризуется повышенной смысловой субъективностью, двусмысленной предметной отнесенностью, что ограничивает использование таких метафор в определённом контексте.

Генетивная метафора содержит отступление от нормы привычной сочетаемости словоформ, однако именно нарушение вскрывают основания метафорической интерпретации читателем. Структура метафоризируемых генетических словосочетаний включает, как правило, два компонента, которые образуют конструкции с зависимой в родительном падеже словоформой. Метафорическая номинация происходит в контексте, в роли микроконтекста выступает слово-аргумент – выступает в прямом значении и слово-параметр – в переносном значении. Например, *Мы им сейчас покажем **музыку революции***

(Чапаев и пустота). Генетивная метафора *музыка революции* репрезентирует метафорическое значение: 'основные черты, приметы, особенности, свойства времени в период революции'. Образный компонент (музыка) существительное выражает явление, уподобляемое называемому и в образной форме характеризующего его отличительное свойство. Переменный, вспомогательный компонент, существительное в родительном падеже называет непосредственно референт образной номинации. Формирование ассоциативной связи начинается в том случае, когда хотя бы один признак основного субъекта попадает в сферу действия закрепленных в сознании носителей языка характеристик вспомогательного субъекта.

Как правило, генетивная метафора характеризует тот или иной предмет, явление действительности по какому-либо признаку. Тем самым автор стремится обратить внимание читателя на какое-либо свойство описываемого явления. С помощью таких метафор писатель репрезентирует общие свойства того или иного субъекта, предмета, явления окружающей действительности, характеристика происходит по одному или нескольким присущим данному явлению свойств. Кодирование смысла в таких метафорах происходит за счет зрительных образов. Метафора начинает «работать», когда «хотя бы один из предикативных признаков основного субъекта попадает в сферу действия закрепленных в сознании носителя языка характеристик вспомогательного обобщенного субъекта» [Ярошук 2013: 131]. Предикативные свойства в генетивных метафорах могут быть разнообразными: по форме (*щели воспоминания, крендель люстры, веер волос*), место и вместилище (*яма беспамятства, пасть ножниц, царство тьмы, царство света, пачка газет, коктейль свойств*), направление, движение (*нить жизни, поворот жизни, путешествие душ, ветер смерти*), интенсивность (*поток людей, удар судьбы, волна радости, соль жизни*).

Конструкция «существительное + существительное в Р. п.» нацелена на описание объективных свойств и характеристик того или иного явления художественной действительности, но с позиции субъективного авторского восприятия. Свойством объекта в следующем примере выступает оружие: – *Ты возьмешь в руку **копьё судьбы**, постигнешь число зверя, вступишь с этим зверем в бой и пронзишь его (Числа)*. Судьба – события и жизненные обстоятельства человека. Некоторые считают, что судьба predetermined. Нестандартные жизненные перипетии, перемены, важные события часто происходят в каждой человеческой жизни. Они случаются, как правило неожиданно. Значение слова-параметра (*копьё*) осмысливается как свойство: всем известно, что копье представляет собой метательное, колющее холодное оружие. С помощью копья можно нанести быстрый и неожиданный удар врагу.

Признак «ограниченность, предел» можно выделить в следующем примере: *Есть **норма счастья**, положенного человеку в жизни...* (Онтология детства). Специфика значения этой метафорической конструкции связана с отнесением компонентов к определённом лексико-грамматическому разряду, данном примере они представляют отвлеченные существительные. Норма – '1. узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-нибудь. 2. Установленная мера, средняя величина чего-нибудь' [Ожегов 2004: 420]. Счастье – 'чувство и состояние полного, высшего удовлетворения' [Ожегов 2004: 783]. Компоненты конструкции выступают в особые отношения, обнаруживают семантическую общность, значение слов проникают друг в друга. В результате взаимопроникновения рождается метафорическое значение, которое передаёт представление об ограничениях человеческого счастья. Генетические метафоры демонстрируют особый механизм построения подобного рода метафорических образований с нарушением сочетаемости словоформ по заданным моделям. Такие метафоры обладают устойчивыми ассоциациями, допускают различные

переосмысления и совмещения, что создаёт множество интерпретаций. Важным источником формирования образных смыслов выступает дискурс.

Таким образом, метафора связана с особенностями мировосприятия человека, а также с функциональной сущностью сознания человека. Человеческое сознание способно определить не только поверхностные, но и скрытые от внешнего восприятия связи на первый взгляд несовместимых объектов. Часто метафора является единственным подходящим или находящимся в распоряжении говорящего средством, которое помогает ему выразить ту или иную мысль, не прибегая к прямым, иногда резким, выражениям, выступает как оригинальное по своей сути средство образной номинации.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. – М.: Академия, 2002, – 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2020. – 288 с.
4. Колесов Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.
6. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. – 1988. – № 2. – С. 39–48.
7. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 944 с.
8. Токарев Г.В. Словарь лингвокультурологических терминов. – Тула: ТППО, 2022. – 57 с.
9. Ярошук И.А. Когнитивно-метафорическая палитра текста (на материале художественной прозы писателей Черноземья): дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2013. – 168 с.

FEATURES OF THE METAPHORICAL IMAGE

M.V. Bezzubikova¹, I.N. Kaigorodova²

^{1, 2} Russia, Astrakhan, Astrakhan State University

Abstract. The nature of metaphor and its functioning in different types of discourse has been and continues to be of interest to scholars. Metaphor is one of the ways to create an image of the world. However, the image of the world is not a mirror reflection, but rather depends on the worldview and understanding of a particular society. Knowledge and mentality play a crucial role in understanding the mechanisms of metaphorization. In artistic discourse, metaphor is a part of the writer's inner world.

Keywords: metaphor, discourse, mentality, mind.

УДК 81'373

Борисенко Т.В.

КОНЦЕПТ «FAMILY» В АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный университет

tatiana-tv11@yandex.ru

В системе любого общества понятие семьи представляет одну из фундаментальных ценностей. Оно выступает культурным концептом,

аккумулирующим в себе исторический опыт, этические нормы, мировоззренческие установки. Этим обусловлен интерес исследователей к проблеме содержания данного концепта [Зарипова 2023; Тамбиева 2022; Фаткуллина 2022; Кралина 2025]. В современном мире во многих странах происходит трансформация социального института семьи, связанная с изменением форм брака, гендерных ролей, моделей воспитания, и американское общество является одним из ярких примеров таких изменений. Целью данной статьи является анализ концепта «Family» в американской языковой картине мира. В работе применён метод анализа ассоциативно-вербальных сетей и концептуальный метод анализа.

Языковое сознание и концепт

Под языковым сознанием Н.Ф. Алефиренко понимает «совокупность значений языковых категорий, отражающих типовые коммуникативно-прагматические ситуации речевого общения, и знание алгоритма использования механизма воздействия языковых подсистем, необходимых для реализации коммуникативной интенции в данном речемыслительном акте» [Алефиренко 2007: 13-14]. Помимо действительности, объектом языкового сознания может являться и язык. В сознании отражаются и звуковая сторона, и языковые значения, и категории языка. Выполняя посредническую функцию, языковое сознание соотносит языковую действительность с реальной, что даёт основание утверждать о промежуточной позиции сознания между языком и действительностью [Там же: 15]. Смысловым и конструктивным ядром любого концептуального пространства, в том числе и языкового сознания исследователь называет концепты и понятия [Алефиренко 2004: 63].

Согласно Н.Н. Болдыреву в концептах отражено содержание знаний, опыта, всей человеческой деятельности. Они представляют собой «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности [Болдырев 2014: 39]. В концепте заключены не только общие и существенные признаки предмета (как в понятии), а любые, не обязательно ключевые и важные признаки [Там же]. Особенности «функционирования языкового сознания человека» возможно исследовать с помощью анализа данных ассоциативно-вербальных словарей [Уфимцева 2011: 229]. При обработке ассоциаций, предложенных на тот или иной стимул возможно получение информации о компонентах концепта (оценочное отношение, концептуальные слои). Когнитивная интерпретация результатов эксперимента позволяет обобщить полученные реакции в когнитивные признаки. Выраженность признака определяется количеством реакций, связанных с признаком, разделённая на количество испытуемых [Попова, Стернин 2002: 28-29].

Концепт «Family»

Для анализа американского концепта мы использовали словарь свободных ассоциативных норм Университета Южной Флориды [Nelson 1998]. На стимул *family* в словаре представлено 173 реакции, из них всего 25 уникальных. Поэтому в анализе мы используем также данные обратного ассоциативного словаря, где ассоциат *family* был использован 378 раз в качестве реакции на 56 стимулов. В скобках после реакций указано количество респондентов, предложивших данный ассоциат, после стимулов – количество респондентов, предложивших ассоциат *family* на указанный стимул.

Итак, по данным прямого словаря, две самые распространённые реакции на рассматриваемый стимул – *love* (34) и *friend* (22). Замечено также, что на стимул *friends* 26 респондентов предложили ассоциат *family*. Считаем, что указанные реакции актуализируют признак **имеющие хорошие взаимоотношения**. Обратимся к значениям лексики *friend*: ‘человек, которого вы хорошо знаете, и который вам нравится, но обычно он не является членом вашей семьи’; ‘человек, который поддерживает какую-либо организацию (например, благотворительную),

особенно когда речь идёт о пожертвованиях; человек, который поддерживает какую-то идею'; 'человек, имеющий общие с вами интересы, тот, кто помогает и поддерживает вас' [Oxford Advanced American Dictionary]. Сразу обращает внимание то, что согласно первой дефиниции, друг не является членом семьи, это несколько противоречит результатам ассоциативного эксперимента. Таким образом, вероятно, в обыденном сознании друзья всё же рассматриваются как члены одной группы/семьи, кроме того можно также говорить о дружелюбных взаимоотношениях между членами семьи. Признаки концепта «Family» в связи с этим реализуются не только в контексте кровного родства, но и в контексте общности интересов, идеалов, мировоззрения и т.п.

Признак **имеющие плохие взаимоотношения** актуализирован через единственную реакцию (3) и единственный стимул (24) с негативной коннотацией – *feud*. Данный факт указывает на преимущественно положительное восприятие анализируемого концепта в американской лингвокультуре. Признак **имеющие хорошие взаимоотношения** реализован большим количеством положительно окрашенных ассоциатов и стимулов.

Обращает внимание малочисленность эмотивов в рассматриваемых словарных статьях. Среди них реакции *love* (34), *feud* (3), *happiness* (3) и стимул *feud* (24). Это может говорить о сдержанности респондентов в проявлении эмоций.

Довольно ярко проявляет себя в ассоциативном словаре признак **единство членов группы**. Он актуализирован реакциями, имеющими значение объединения, принадлежности к группе: *together* (7), *group* (6), *unit* (6), *bond* (2), *circle* (2), *member* (2). В обратном словаре это стимулы *gathering* (6), *community* (3), *bond* (2), *together* (2), *union* (2).

В исследуемом материале довольно широко представлен кластер признаков **родственники: являющиеся родственниками, имеющие близкого родственника, имеющие дальнего родственника**. Причём последний признак не был актуализирован в толковых и фразеологических словарях, в словарях синонимов. Среди лексических единиц, обозначающих родственников, отмечены близкие люди разных линий родства: *parent* (20), *mother* (10), *relative* (5), *father* (4), *brother* (2) в прямом словаре и *cousin* (22), *parents* (12), *ancestor* (8), *grandparents* (6), *grandpa* (5), *nephew* (5), *sibling* (4), *sister* (4), *brother* (2), *daughter* (2), *mother* (2), *immediate* (2). Наименования родственников реализуют также признаки **наличие потомства, обладающие общим предком**. Признак **наличие потомства** реализуется также через реакцию *child* (4) и стимул *kids* (2).

Важное место в американском языковом сознании занимает признак **наличие своих порядков (традиций, обычаев и т.д.)**. Здесь отмечены ассоциаты со значением объединения (*together* (7), *circle* (2)), стимулы, описывающие совместные действия: *vacation* (6), *holiday* (5), *cookout* (3), стимулы, называющие традиции, праздники и т.п.: *Thanksgiving* (2), *custom* (2).

В английском языке две лексемы имеют значение дом: *home* и *house*. 20 человек из 173 опрошенных предложили ассоциат *home* к стимулу *family*. И всего 2 человека назвали *house*. Ассоциат *family* 9 раз был предложен на стимул *home* и 5 раз на стимул *house*. Это говорит о приоритете признака **наличие функции прибежища** по сравнению с признаком **имеющие общий дом**. Для сравнения приведём таблицу значений *home* и *house* (Таблица). Данные взяты из толкового словаря [Oxford Advanced American Dictionary].

Таблица. Значения лексем *home* и *house*

<i>home</i>	<i>house</i>
Дом, квартира и т.п., место, где вы проживаете с семьёй	Здание, где живут люди (обычно одна семья)
Дом, квартира и т.п., который намереваются купить или продать	Все люди в доме

Город, район, страна, в которой ты родился и к которой чувствуешь свою принадлежность	Здание, используемое для конкретных целей (для встреч, хранения предметов и т.д.)
Семья, проживающая вместе и то, как члены семьи себя ведут	Компания, занимающаяся конкретным делом, учреждение
Место, где присматривают за людьми, которые не могут о себе заботиться сами	Ресторан
Место, где произрастает растение или проживает животное, место, где кого-то либо что-то можно обнаружить	Группа людей, которые встречаются для принятия законов в стране
Место, где было совершено открытие, изобретение.	Зрители на представлении, зрительный зал
	Древняя известная семья

Из таблицы видим, что значения двух лексем в целом схожи, при этом эмоциональный контекст отличается. *Note* используется для обозначения места, с которым у людей есть определённая душевная связь. Это дом/квартира/город и т.п., к которому человек чувствует свою принадлежность, который является прибежищем для него (в эмоциональном или физическом плане).

Интересно, что в английском языке с лексемой *house*, реализующей признак **имеющие общий дом** связана лексема, обозначающая дом-фургон, дом на колёсах: стимул *caravan* (8) и *van* (2) (в русском языке с домом связана квартира). Т.е. дом, семья может перемещаться. Дом там, где я.

Итак, в ассоциативном словаре актуализировались три ключевых для американской лингвокультуры признака концепта «Family»: **имеющие хорошие взаимоотношения**, кластер **родственники** и **единство членов группы**.

Выводы

Итак, в ассоциативном словаре отражены наиболее значимые для носителей языка признаки концептов. Анализ стимула *family* позволил выявить ядерные признаки концепта, обнаружить вероятность объединения признаков в кластеры (группы схожих признаков), обозначить эмоциональную нагрузку концептов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивные структуры и языковое сознание // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 19-20 нояб. 2007 г. / под ред. А.М. Аматава. – Белгород, 2007. – С. 11–16.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций для студентов высших учебных заведений. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
4. Зарипова А.М. Репрезентация концепта «семья» в турецкой лингвокультуре // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – Т. 20. – № 4. – С. 33–38.
5. Кралина Я.С. Особенности лексической репрезентации концепта СЕМЬЯ/FAMILY в русской и американской языковой картине мира: корпусный подход / Я.С. Кралина, Е.В. Румянцева, О.В. Смолина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 11. – С. 4980–4986.
6. Попова З.Д. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. Коллективная монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 314с.

7. Тамбиева Ф.А. Концепт «семья» во французском языке // Известия Чеченского государственного университета. – 2022. – № 3(27). – С. 87–91.

8. Фаткуллина Ф.Г. Репрезентация концепта «семья» в русской и японской языковых картинах мира / Ф.Г. Фаткуллина, М.П. Калугина // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27. – № 2. – С. 458–461.

9. Nelson D.L., McEvoy C.L., Schreiber, T. A. The University of South Florida word association, rhyme, and word fragment norms [Электронный ресурс]. – URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/> (дата обращения: 11.03.2026).

Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/ (дата обращения: 11.03.2026)

THE CONCEPT OF “FAMILY” IN THE AMERICAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON AN ASSOCIATIVE DICTIONARY)

T.V. Borisenko

Russia, Chelyabinsk, Chelyabinsk State University

Abstract. The article analyzes the concept of «Family» in American linguistic culture using associative verbal networks. Key features include good relationships among members, unity within a group, and kinship ties. The study highlights emotional attachment to home as a place where one belongs.

Keywords: concept, association, language consciousness.

УДК 81'373

Доброва С.И. ТАЙНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА В ОБРАЗНОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ (на материале жанров русского фольклора)

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет
svetdobr@mail.ru

Исследование посвящено изучению эволюции смысловой многослойности и образной поликодовости [Алефиренко 2012: 2019] фольклорного текста.

Цель работы – проанализировать речемыслительные основы образного параллелизма (ОП) как микротекста, выявляющие в его границах единство мысли и слова. Избранный исследовательский подход содержит «конструктивный потенциал для осмысления процессов порождения и функционирования высказываний разного речежанрового формата» [Галло 2020: 23].

Материалом исследования послужила репрезентативная авторская коллекция образных параллелизмов, которая включает более 50.000 конструкций, извлеченных из текстов двенадцати жанров русского фольклора: обрядовых и необрядовых песен, исторических песен, причитаний, баллад, заговоров, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др. Образные параллелизмы аккумулированы сплошной и специальной выборкой из обладающих исключительной историко-культурной и научной ценностью авторитетных собраний Т.А. Агапкиной, М.К. Азадовского, С.Н. Азбелева, В.П. Аникина, Л.А. Астафьевой, А.М. Астаховой, А.Н. Афанасьева, А.А. Барсова, Е.В. Барсова, А.Е. Бурцева, З.И. Власовой, А.Ф. Гильфердинга, А.А. Горелова, А.Д. Григорьевой, С.И. Гуляева, В.И. Даля, Кирши Данилова, Б.М. Добровольского, Е.Н. Елеонской, А.С. Ермолова, П.С. Ефименко, Б.Б. Ефименковой, С.Н. Жаркова, А.А. Ивановой, В.И. Игнатова, П.В. Киреевского, Н.П. Колпаковой, А.И. Кретьева, Ю.Г. Круглова, М.С. Крюковой, С.Г. Лазутина, А.М. Листопадова, Л.Н. Майкова, В.П. Мансикки, А.В. Маркова, В.В. Митрофановой, В.Н. Морохина, Н.Е. Ончукова,

Б.Н. Проценко, Б.Н. Путилова, Т.Ф. Пуховой, М.А. Рыбниковой, Г.Д. Рыженкова, Н.И. Савушкиной, Д.Н. Садовникова, И.П. Сахарова, Ф.М. Селиванова, К.Н. Селянгиной, В.И. Симакова, А.И. Соболевского, А.Н. Стрижева, А.Л. Топоркова, В.К. Харченко, И.А. Худякова, О.А. Черепановой, В.И. Чернышева и др. В качестве фонового материала привлечены собрания болгарских лечебных заговоров И.Ф. Амроян и И. Тодоровой-Пироговой, библейские и индивидуально-авторские образные параллелизмы (в том числе с привлечением данных сайта «Цитаты и афоризмы» – <https://citaty.su/>) и феномены разговорной речи.

Образный параллелизм макрокосма и микрокосма – это композиционный принцип сопоставления на основе содержательного сходства образов вселенского макрокосма и человеческого микрокосма, которое формируется в сознании человека на базе ассоциативных связей образных представлений, объединенных общей гипертемой, и получает выражение в текстах с бинарной структурой, объективирующих сопоставление образов макрокосмических и микрокосмических миров с целью умножения культурных смыслов. Содержательную основу образного параллелизма составляет психологический параллелизм образных представлений; структурную основу – синтаксический параллелизм. Методологическую значимость имеет разграничение психологического параллелизма как мировоззренческой формы и образного параллелизма как ее стилистического выражения [Доброва 2025: 13–14]. Образный параллелизм представлен образами **разных** миров, воплощающих **один** культурный смысл (или гипертему).

Новизна определения ОП как бинарного или троичного; симметричного или асимметричного построения предполагает пересмотр общепринятого в фольклористической и лингвофольклористической науке определения его как бинарного и симметричного построения. Обязательное наличие имплицитной или эксплицитной гипертемы, устанавливающей в границах образного параллелизма ассоциативную связь между символом и символизируемым, дает убедительные основания определить образный параллелизм как троичное и асимметричное построение в составе гипертемы и двух ее образных воплощений – символа и символизируемого [Доброва 2025].

Первичное имплицитное выражение гипертемы ОП отражает симметрию **бинарного** построения. Гипертема (*лирический персонаж*) устанавливает ассоциативную связь между символом (*голуби*) и символизируемым (*женихи*): в обрядовой песне «Слетались голуби... / На один двор, / Садилась женихи... / За один стол» [Киреевский 1986: 73, № 89].

Вторичное эксплицитное выражение гипертемы ОП отражает сущностную константную асимметрию **троичного** построения. Гипертема (*что к чему покорно*) устанавливает ассоциативную связь между символом (*щи к пирогу, хлеб к молоку*) и символизируемым (*баба к мужику, девка к парню*): в пословице «**Что к чему покорно: щи к пирогу, хлеб к молоку, баба к мужику, девка к парню**» [Даль 2000: 305].

«<...> речемыслительные процессы обеспечивают формирование у языковых образов лингвокреативного потенциала, опирающегося на **асимметрию знаков**, их номинирующих» [Алефиренко 2021: 11]. Сущностная константная троичность и асимметрия ОП объясняют истоки смысловой равнозначности сопоставляемых в его границах композиционных частей.

Методология и методика исследования: в ходе исследования последовательно применена авторская инновационная методика комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора как вторичной моделирующей системы и в образном параллелизме как знаке и технике вторичной моделирующей системы [Доброва 2025]. В методологическом плане организация и компонентный состав образных параллелизмов «описываются с помощью условных формулировок, передающих их смысловые инварианты»

[Восточнославянские заговоры 2014: 53]. Формирующийся в границах ОП «языковой образ рассматривается в статусе семиотической единицы этнокультурной памяти» [Алефиренко 2021: 11], а его «природа и сущность <...> раскрываются с помощью лингвокультурологического метода – совокупности методов, приёмов и методик, позволяющих проникнуть в механизмы взаимосвязи языка и ценностно-смысловых доминант моделируемой человеком картины мира» [Там же]. Такой подход позволяет «эксплицировать скрытую ипостась языка как орудия формирования, хранения и развития культуры» [Там же].

Эволюционная семиология образного параллелизма изучает системный характер эволюции его семиотических основ, ментальный подтекст семиогенеза посредством реконструкции семиотической системы репрезентации в границах ОП культурных смыслов [Доброва 2025]. Культурно-семиотический анализ раскрывает знаковую природу и знаковый статус образного параллелизма как знака и техники вторичной моделирующей системы, т. е. системы символов.

Теоретическую основу настоящего исследования составили идеи наибольшего соответствия культурно-семиотического анализа сущностной природе фольклорных формульных построений [Артеменко 2006], психолингвистического аспекта порождения фольклорного текста [Артеменко 2006], интеграции прогрессивных идей психолингвистических [Кубрякова 1994], семиологических [Гальперин 1981] и ценностно-смысловых [Алефиренко 2012] доктрин к анализу эволюции художественной формы, бифункциональной природы языковой и речевой деятельности [Кретов 2023], исследования абстрактных моделей связного текста как инструмента анализа языковой динамики фольклорного текста [Daneš 1978; Доброва 2025], которые вписаны в широкий контекст интегративной междисциплинарной концепции, направленной на определение сущности текста и универсальных механизмов текстопорождения [Галло 2020: 23], и применены в представлении этапов порождения и восприятия ОП как знака и техники вторичной моделирующей системы.

Эволюционная семиология ОП раскрывает *символическую реальность параллельной формулы в ее развитии: семиотическую вертикаль* как схему-сценарий имплицитных и эксплицитных этапов порождения и восприятия ОП, кумуляцию (сведение) связей и отношений между компонентами ОП к гипертеме (единому для обеих параллелей культурному смыслу), динамику семиотических модификаций в процессах *семиогенеза* (эволюции знаковости параллельной формулы) и *семиозиса* (смыслового функционирования). «<...> языковое общение осуществляется на основе обобщенных воспроизводимых моделей текстопорождения. Это стимулирует поиск более совершенной модели иерархии языковых уровней и их функциональное взаимодействие с соответствующими им речевыми единицами. Это требует «технологического» развития постулата о том, что каждая языковая единица представляет собой инвариантное образование, обобщающее в себе всю совокупность репрезентирующих его речевых вариаций и вариантов» [Галло 2020: 30].

Этапы порождения и восприятия ОП отражают эволюционный аспект последовательных этапов формирования его **семиотической вертикали**, в которой «верх (квинтэссенция) смысла соотносится с низом формы» [Топоров 1999: 65], и демонстрирует в границах ОП синергичное единство мысли и слова.

Прочтение семиотической вертикали сверху вниз отражает порождение образного параллелизма: *гипертема* (условное обозначение ГТ) → *семантический инвариант* (СИ) → *структурная инвариантная модель* (СИМ) → *варианты текстовых реализаций* (ВТР). Прочтение эволюционной цепи в обратном порядке отражает процесс восприятия ОП: *ВТР* → *СИМ* → *СИ* → *ГТ*.

Гипертема (термин Ф. Данеша [Daneš 1978: 185–192]) ОП является означаемым параллельного знака и представляет сущность-инвариант, культурный

смысл как основание сопоставления и рядоположенности параллельных образов. Гипертема реализует стратегию ОП. Единство гипертемы образует «вертикальную скрепу», интегрирующую СИ, СИМ, ВТР в целостное семиотическое образование.

Семантический инвариант (СИ) представляет воплощение гипертемы на материале концептуального содержания образов макро- и микромиров в двух параллельно организованных рядах (макро- и микрокосмические магические защитники, макро- и микрокосмические условия и загадочные предметы, разнообразные внешние и внутренние проявления чувства и т. д.).

СИ объективируется в вариантах воспроизведения смысла на уровне компонентов вербальной парадигмы частей ОП. Совокупность вариантов, систематизированная по параллельным рядам, представлена в структурной инвариантной модели, отражающей идею «гнездования» трансформов вокруг ядерной конструкции.

Структурная инвариантная модель (СИМ) интегрирует в двух параллельных рядах разнообразные варианты воспроизведения инвариантного смысла в компонентах вербальной парадигмы частей образного параллелизма.

Варианты текстовых реализаций (ВТР) представляют разнообразные параллельные сочетания компонентов структурной инвариантной модели.

В качестве иллюстрации обратимся к **семиотической вертикали акциональных образных параллелизмов** (о типологии ОП с гипертемами означивания **явлений** и означивания **связи явлений** см. [Доброва 2025]).

ГТ «пусть произойдет определенное действие».

СИ «происходит А, происходит Б».

СИМ представлена 12 модификациями. Грамматические показатели сопоставления параметров параллельных макромира А и микромира Б имеют имплицитное (условное обозначение <...>) или эксплицитное выражение. Грамматические показатели способов оформления модальных планов частей ОП реализуются на основе функциональных компонентов, что определяет характер репрезентации гипертемы, имеющей функциональную природу. В параллелизмах предикативных конструкций выявлены три типа соотношения модальных планов частей: (I) симметричная репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности; (II) симметричная репрезентация параллельных миров средствами ирреальной модальности; (III) асимметричная репрезентация параллельных миров средствами реальной модальности в символической части и ирреальной модальности в реальной части.

I: <как> происходит А, <так сходно> происходит Б // <как> происходит А, так сходно происходит Б // как происходит А, <так сходно> происходит Б // как происходит А, так сходно происходит Б;

II: <как> пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // <как> пусть происходит А, так сходно пусть происходит и Б // как пусть происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // как пусть происходит А, так сходно пусть происходит и Б;

III: <как> происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // <как> происходит А, так сходно пусть происходит и Б // как происходит А, <так сходно> пусть происходит и Б // как происходит А, так сходно пусть происходит и Б.

ВТР: в заговоре «Нитка порвалась – кровь унялась» [Аникин 1998: 41, № 1549]; в частушке «Чайка вьется над водой, / Мил смеется надо мной» [Астафьева 1987, № 3149]; в пословице «Человек ходит, Бог водит» [Даль 2000: 23] и др.

Интегрирующий потенциал гипертемы на уровне глубинных смыслов (гипертемы и семантического инварианта) нивелирует различия между тремя линиями развития классических, трансформированных и формализованных ОП [Доброва 2025] в их 12 модификациях. Семиогенез ОП демонстрирует отсутствие противоречия между аналитизмом формы и синкретизмом содержания.

Этапы порождения и восприятия ОП как знака и техники вторичной моделирующей системы отражают **вертикаль традиции** и типологизируются **по ряду критериев**: инвариантные и вариативные; имплицитные и эксплицитные; означаемое, реализующее стратегию композиционного принципа построения фольклорного текста, и означающее, реализующее тактическую составляющую образного параллелизма; соотносимые с единицами языка и единицами речи.

Семиотическая вертикаль включает **инвариантные и вариативные этапы реализации** ОП. Инвариантные этапы представлены *гипертемой* как *сущностью-инвариантом*, *семантическим инвариантом*, *структурной инвариантной моделью*. Вариативный – *вариантами текстовых реализаций*.

Семиотическая вертикаль включает **имплицитные и эксплицитные этапы реализации** ОП. Имплицитные этапы реализации ОП воплощают «*господство родового над конкретным*» как характерную черту стиля словесного искусства *архаической ступени* и представлены гипертемой как сущностью-инвариантом в ее имплицитном выражении, семантическим инвариантом. Вербальные, эксплицитные – *экспликацией гипертемы*, *структурной инвариантной моделью* и *вариантами текстовых реализаций*.

Этапы реализации ОП дифференцируются на **означаемое, реализующее стратегию** композиционного принципа построения фольклорного текста, и **означающее, реализующее тактическую составляющую** параллельных построений. *Гипертема* как означаемое реализует стратегию и функциональную направленность параллельной формулы. *Имплицитно или эксплицитно представленная гипертема* как означаемое воплощается в *семантическом инварианте* и в *структурной инвариантной модели* как означающем, реализующем тактическую составляющую формулы в двух параллельных образных плоскостях – *символической* (внешней, физической) и *реальной* (внутренней, психической), которые в фольклорном тексте получают воплощение в *вариантах текстовых реализаций*.

Этапы реализации ОП дифференцируются на основе их **соотнесения с единицами языка и единицами речи**. С единицами языка соотносятся инвариантные типовые образцы-модели репрезентации культурных смыслов, воспроизводимые в соответствии с «*памятью фольклорной традиции*», – *гипертема* как *сущность-инвариант*, *семантический инвариант*, *структурная инвариантная модель*. С единицами речи соотносятся конкретные структурно-семантические реализации инвариантных типовых образцов представления культурных смыслов, структурированные по заданным типовым моделям разнообразные *варианты текстовых реализаций*.

Этапы реализации ОП	Типологические характеристики этапов реализации ОП
Гипертема	Инвариантный; имплицитный; означаемое, реализующее стратегию; коррелирует с единицами языка
Семантический инвариант	Инвариантный; имплицитный; означающее/означаемое, реализующее тактику; коррелирует с единицами языка
Структурная инвариантная модель	Инвариантный; эксплицитный; означающее, реализующее тактику; коррелирует с единицами языка
Варианты текстовых реализаций	Вариативный; эксплицитный; означающее, реализующее тактику; коррелирует с единицами речи

Исследование семиотической вертикали образного параллелизма раскрывает его сущностные характеристики.

ОП функционирует не как простая знаковая система, а как **сложная саморазвивающаяся структура, обладающая высокой степенью смыслопорождающей и образопорождающей способности**. Совмещение различных типов семиозиса, «голосов» в едином текстовом пространстве реализует

в ОП гетерогенную технику означивания и образует гетерогенность (неоднородность, многослойность) фольклорного текста.

Высокая смыслопорождающая и образопорождающая способность как результат синергийного взаимодействия мысли и слова, плана содержания и плана выражения обеспечивается, с одной стороны, свободой и пластичностью формы, с другой стороны, строгой константной соотносительностью содержания символической и реальной частей с единой для них гипертемой.

ОП оказывается максимально семантически и структурно приспособленным к моделированию и передаче сложных динамических смысловых структур. Главный признак семиогенеза и семиозиса ОП – «диахронная глубина» как сложная система фольклорной памяти, объясняющая полипластовость и поликодовость фольклорного микротекста, построенного на его основе.

Перспективу исследования составляет изучение фольклорного художественного дискурса (по Н.Ф. Алефиренко) как целостного продукта речемыслительной деятельности двух сознаний (коллективного креативного и индивидуального рецептивного), виртуальной модели порождаемого текста, эвристического синергийного механизма порождения и смыслового восприятия фольклорного художественного дискурса.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (80). – С. 10–18.
2. Алефиренко Н. Ф. Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 232 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Дискурс: Смыслопорождающий механизм текста: монография. – Градец Кралове: Gaudeamus, 2019. – 226 с.
4. Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения. – Воронеж, 2006. – С. 138–150.
5. Восточнославянские заговоры: материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов. Аннотированная библиография / авторы-составители: Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. – М.: Индрик, 2014. – 320 с.
6. Галло Я. Лингвистика текста: традиции и перспективы / Я. Галло, Н.Ф. Алефиренко // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 23–38.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 468 с.
9. Доброва С.И. Теория развития образного параллелизма в жанрах русского фольклора: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2025. – 593 с.
10. Кретов А.А. Коммуникативный такт и бифункциональная сущность языка как средства общения // Фундаментальная лингвистика. – 2023. – № 1(1). – С. 12–22.
11. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
12. Русские заговоры и заклинания: материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под редакцией В.П. Аникина. – М.: МГУ, 1998. – 480 с.
13. Собрание народных песен П.В. Киреевского. – Тула: Приокское книжное издательство, 1986. – 462 с.
14. Топоров В.Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – М., 1999. – Т. 2. – С. 54–68.

15. Частушки / составление, подготовка текстов, предисловие и комментарии Л.А. Астафьевой. – М.: Современник, 1987. – 492 с.
16. Daneš F. Zur linguistischen Analyse der Textstruktur // Textlinguistik. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1978. – S. 185–192.

THE SECRETS OF THE INTERACTION OF THOUGHT AND WORD IN FIGURATIVE PARALLELISM

(based on the genres of Russian folklore)

S.I. Dobrova

Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University

Abstract. The research is devoted to the study of the evolution of semantic layering and figurative polycoding of folklore text. It is based on extensive factual material from twelve genres of Russian folklore: ritual and non-ritual songs, historical songs, lamentations, ballads, charms, proverbs and sayings, epics, ditties, riddles, omens, tales, and fairy tales, etc. The analysis of the semiotic vertical, including the hyperteme, the semantic invariant, the structural invariant model, and variants of textual implementations, of figurative parallelism reveals the sense-generating and image-generating effects of its production and perception.

Keywords: folklore, figurative parallelism, cultural and semiotic analysis, hypertema.

УДК 81'24

Евтушенко С.В.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Savvina_S@bsuedu.ru

Вопросы речемыслительной деятельности с давних времен находятся в центре внимания ученых и не теряют своей актуальности сегодня. Понятия *мысль, язык, речь, сознание, речепорождение* и их взаимосвязь изучали античные и восточные философы (Гераклит, Платон, Аристотель, Конфуций и др.), мыслители нового времени (Г.Галилей, Р. Декарт, Ф. Бэкон, Дж. Локк и др.), представители XIX века (В. фон Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, А.А. Потебня) и ученые XX в. (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н. Хомский и др.). В разное время в зависимости от подхода *язык и речь* (или *Слово*) являлись магическим орудием, божественным откровением, средством облачения нематериальных идей (мыслей) в материальную оболочку, осознавались двойственным отражением одной сущности, а также психологическим, социальным и коммуникативным явлением.

В числе современных исследований разноплановые и междисциплинарные работы: Н.Ф. Алефиренко (посвящены речемыслительным образам и механизмам порождения текста), И.И. Чумак-Жунь (рассматривается речемыслительная специфика поэтического дискурса), Ю.А. Шулекиной (изучаются стратегии совершенствования восприятия речи у детей), И.Б. Костиной (акцент на развитии внутренней речи), Е.Г. Озеровой (представлены интердискурсивные факты порождения текстов лирической прозы), Е.А. Огневой (в центре внимания моделирование религиозного дискурса), Е.В. Каширской (выявлены условия формирования речемыслительной деятельности у студентов-психологов) и др.

Н.Ф. Алефиренко говорит о двойственной природе языка: «Предметы и явления окружающей нас действительности существуют объективно, независимо от человека. Язык же существует лишь постольку, поскольку он «живет» не только в речи, но и в сознании человека. Однако язык как амбивалентное явление связан с мышлением и разными формами проявления действительности. Благодаря

знаковой репрезентации эти формы проявления действительности «встречаются» друг с другом в нашем сознании, образуя то, что называется внешним миром» [Алефиренко 2013: 33]. Согласимся с мнением ученого о том, что язык – идеален и социален, а речь – индивидуальна. И вместе с тем это две взаимосвязанные стороны одного явления.

Рассуждая о роли мыслей в речепорождении, А.Ф. Рогалев отмечал: «Передаваемые от человека к человеку мысли представляют собой информацию, а сам мыслительный процесс есть по сути процесс информационный. Информация же является особым видом энергии, то есть тонкого материального начала. Следовательно, мысль и мышление с точки зрения их природы также материальны» [Рогалев 2012: 107]. Данное суждение находит отражение в современных психологических (формирование устойчивых паттернов поведения через речевые установки, которые возникают в сознании человека как под воздействием извне, так и путем создания собственных мыслеформ) и лингвопрагматических (изучение эксплицитных и имплицитных целей высказывания, эффективность коммуникации, речевые стратегии и тактики, которые потенциально могут оказать необходимое речевое воздействие на собеседника) исследованиях.

Лингвопрагматика, возникшая в 60-70-х годах XX века (Дж. Остин, Дж. Серль, Дж. Лакофф и др.) рассматривает речемыслительную деятельность с позиций антропоцентризма, акцентируя особое внимание на речевом акте, личностях говорящего и слушающего, пресуппозиции. Подробно изучаются стратегии и тактики общения, реакция адресата на полученное сообщение, возможность достижения максимальной эффективности коммуникации через речевое воздействие.

Н.Д. Арутюнова, придерживающаяся логического подхода к анализу языка, считает, что речь напрямую зависит от типа мышления и конкретной коммуникативной ситуации, а потому общение может выстраиваться стратегически. Исследователем было представлено определение речевого акта – «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами Р. а. являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. Р. а. всегда соотносены с лицом говорящего. Последовательность Р. а. создаёт дискурс» [Арутюнова 1990: 345]. Интенциональность представлена в речевых актах в разновидностях: позитивной и негативной, эксплицитной и имплицитной. Целеустремленность зависит от конечного желаемого результата общения. Конвенции подразумевают соблюдение ряда условий, необходимых для достижения эффективности коммуникации. Поскольку речевой акт *намерен, целеустремлен и конвенционален*, его успешная реализация возможна благодаря наличию *речевого воздействия*. По мнению Е.В. Шелестюк, речевое воздействие представляет собой «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленное особыми предметными целями говорящего, включающими: изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструкторов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроения либо психофизиологических процессов» [Шелестюк 2014: 10]. «В зависимости от мотивов говорящего речевое воздействие может состоять из одного или нескольких речевых актов, необходимых для осуществления намерения» [Ковалева 2024: 27].

Лингвопрагматическое, лингвокультурологическое и когнитивное исследование той или иной речемыслительной стратегии позволяет выявить специфику конкретного языка, охарактеризовать речевой портрет его носителей,

определить особенности национального культурного кода. Под *речемыслительной стратегией* мы понимаем совокупность речевых и неречевых действий, направленных на достижение эффективности коммуникации при соблюдении различного рода условий (или конвенций, по Н.Д. Арутюновой).

Фольклор, представляя собой тексты устного характера, соотносится с теорией речевых актов, поскольку фольклорные жанры нередко имеют четкого отправителя, адресата, код и сообщение (например, колыбельные песни часто поются матерью ребенку, а некоторые заговоры используются знахарями для лечения больных). Традиционная модель коммуникативной ситуации, принятая Р.О. Якобсоном, может быть несколько расширена посредством включения в неё дополнительных лингвопрагматических дискурсивных элементов (социальный, психологический, культурный контекст обеих сторон коммуникации).

«Различные речевые жанры, определяясь индивидуальными особенностями речевого акта, предполагают специфический подход к осуществлению речевого воздействия» [Ковалева 2024: 27]. Ю.А. Эмер, исследуя народно-поэтический дискурс, отмечает: «Основными коммуникативными стратегиями фольклорного дискурса являются изложение и объяснение знания, оценка этого знания. Частные коммуникативные стратегии, как правило, жанрово и ситуативно обусловлены. <...> Каждый жанр интерпретирует мир через призму, заданную жанровыми особенностями: у него своя эстетика, свой набор бытийных бытовых ситуаций, свой хронотоп, часто особые языковые средства» [Эмер 2011: 54].

Адресант обрядовых фольклорных текстов чаще всего имеет заданную социальную принадлежность и, соответственно, ограниченный круг исполнителей (например, плакальщицы в похоронных обрядах или свахи во время свадеб), в необрядовых текстах функцию адресанта может выполнить любой человек (например, частушки или былички). Поскольку обрядовые тексты обусловлены магически-бытовой жизнью народа, в качестве адресата речевого акта могут выступать не только люди (например, обращения к болезням в заговорах). Необрядовая традиция также подкреплена культурно-бытовой спецификой жизни, однако в качестве адресата в таких текстах всегда выступает человек, либо группа людей (например, сказки или былины могли рассказываться как детям, так взрослым).

Рассмотрим речемыслительные стратегии народно-поэтического дискурса на примере текстов обрядового и необрядового жанров. Наиболее ярко все виды речевого воздействия проявлены в заговорах. Функцию адресанта при исполнении такого текста чаще всего выполняли специально «обученные» люди – ведуны, знахари, бабки и др. Поскольку заклинания принадлежали к магическим обрядовым текстам, необходимо было обладать неким «тайным» знанием, доступным не каждому. В зависимости от коммуникативной цели в качестве прямого адресата воздействия в заклинаниях могли выступать не сами люди, а их чувства и заболевания, а также силы природы, духи, явления окружающего мира. Практически на любую жизненную задачу можно обнаружить текст в сборнике собирателей. Среди самых распространенных форм речемыслительных стратегий заговорных текстов выделим *внушение*, *приказ* и *убеждение*. В некоторых случаях они функционируют одновременно. Обратимся к небольшому тексту на избавление от болезни из сборника Л.Н. Майкова (1869):

«Булатный нож, подрежь черную болезнь в ретивом сердце, в костях, жилах» [Майков 1869: 96].

В примере показана распространенная модель речевого акта в заклинательных текстах – использование глаголов-перформативов в повелительном наклонении, что подразумевает синхронное исполнение сказанного: *подрежь*. Адресат воздействия имеет трехслойную структуру, что возможно только в народно-поэтическом тексте: приказ обращен к предмету – ножу, через действие которого

осуществляется следующий этап – воздействие на заболевание. Конечный адресат данного речевого акта – больной человек, который становится пассивным латентным коммуникатором. По нашему мнению, внушение и убеждение имплицитно также присутствуют в подобных заговорных текстах. Они направлены на самого исполнителя и «заказчика» и обусловлены верой в магическую функцию слова. Все желаемое подробно описывается в заклинаниях параллельно с ритуальными действиями, которые всегда подкрепляют и визуализируют сказанное. Обрядовый народно-поэтический дискурс зачастую связан с календарным годовым циклом (встреча Масленицы, Троичные песни и др.), нередко основной речемыслительной стратегией становится внушение, так как интенция многих текстов направлена на воспроизведение в речи будущего урожая с целью привлечения плодородия, что отчасти носит отголоски заклинаний. Однако жанр заговора ситуативен и носит частный характер, поскольку рассчитан на внезапные, но необходимые изменения в окружающей реальности посредством магического слова.

В числе необрядовых жанров наиболее ярко речевые стратегии представлены в сказках. Данный жанр обладает обширным воспитательным, прагматико-ориентированным, коммуникативным потенциалом с точки зрения взаимоотношений в социуме, поскольку помогает сформировать у носителей языка различные способы речевого воздействия и отношение к той или иной модели коммуникации. Рассмотрим стратегии сказки «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» из сборника собирателя фольклора А.Н. Афанасьева. Само название включает указательные и неопределенные местоимения, представляя собой речемыслительную установку, направленную, с одной стороны, на приказ, с другой стороны, на манипуляцию через снятие ответственности. Императивы частотны в тексте: *«Пусть король наберет полсотню матросов»*; *«Молись богу да ложись спать»* [Афанасьев 2008: 90-96]. Угроза становится основной формой воздействия для представителей власти в сказке: *«Не пойдешь охотой – возьму силою»*, *«А не изведешь – пеняй на себя»*, *«Коли не сделаешь дела, то мой меч – твоя голова с плеч»* [Афанасьев 2008: 90-96]. Обращения через комплимент и похвалу служат для установки контакта с собеседником: *«Ах, добрый человек!»*; *«Тебя-то, милая, мне и надо»*; *«Ты у меня молодец, первый в команде стрелец, сослужи теперь другую службу»* [Афанасьев 2008: 91-96]. Стратегия обещания помогает выстроить доверительное общение: *«В свое время я к тебе назад вернусь!»* [Афанасьев 2008: 101]. Тактики обмана и предупреждения помогают главному герою получить личную выгоду через хитрость: *«Ну как знаете; А я иначе меняться не стану!»* [Афанасьев 2008: 102]. Как видим, в данной сказке представлено множество речемыслительных стратегий, однако имплицитно выраженная цель адресанта сказочного жанра заключается в противопоставлении глупости и безнаказанности власти находчивости и добродушию человека из народа, хотя речевой портрет последнего также содержит манипулятивные формулировки. В целом народные сказки обладают широким спектром речевых установок, их соотношение в тексте и функционирование напрямую связано с выбором конкретного сюжета рассказчиком по отношению к слушателям.

Язык фольклора наиболее полно репрезентует особенности языковой картины мира, запечатленной «народным духом» в коллективном бессознательном. Каждый фольклорный жанр представляет собой уникальную систему лингвистических и экстралингвистических элементов, функционирующих в условиях, необходимых для решения конкретных, ситуативно обусловленных задач. Специфика жанра определяет использование тех или иных коммуникативных стратегий. Для обрядовых жанров характерна социальная обусловленность адресанта, необрядовым жанрам свойственно свободное исполнение без привязки к конкретному лицу. Конкретизируя особенности заговора как магического ритуала, отметим, что

базовыми стратегиями заклинательных текстов являются внушение, приказ и убеждение. Сказочный жанр с точки зрения коммуникативной ситуации представляет собой разнообразный вариативный текст, включающий такие речевые стратегии, которые необходимы исполнителю для осуществления речевого воздействия по отношению к слушателю.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Общее языкознание. История и теория языка: Интегрированный курс. – М.: Изд-ий центр «Азбуковник», 2013. – 310 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №8 (490). – С. 39–48.
3. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 345.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 5 т. Т. 2. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – С. 90–104.
5. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.
6. Ковалева С.В. Язык народного заговора: культурно-прагматические аспекты: дисс. ... к-та филол. наук. – Белгород, 2024. – 165 с.
7. Коваленкова Д.Н., Галичкина Е.Н. Реализация коммуникативных стратегий в речевом поведении современного учителя (на материале русского языка) // Креативная лингвистика. – Астрахань: Астр-ий гос-ый ун-т им. В.Н. Татищева, 2024. – С.111–116.
8. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. – СПб.: типография Майкова, 1869. – 164 с.
9. Можарова Е.О. Директивные тексты медицинского дискурса в немецком и русском языках: стратегии речевого воздействия // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества. – Чебоксары: ООО Изд-ий дом «Среда», 2024. – С. 330–337.
10. Рогалев А.Ф. Теория языкознания и философия языка. – Гомель: УО «ГТУ им. Ф. Скорины», 2012. – 312 с.
11. Чумак-Жунь И.И. Лингвопрагматические особенности женского речевого портрета (на примере драматургии А.П. Чехова) / И.И. Чумак-Жунь, И.С. Кармазина // Оригинальные исследования. – 2024. – Т.14. – №4. – С.251–254.
12. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.
13. Эмер Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №2 (027). – С. 51–60.

SPEECH AND THINKING STRATEGIES OF THE RUSSIAN NATIONAL CONSCIOUSNESS

S.V. Yevtushenko

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. Speech-thinking strategies and tactics play a key role in building communication. The Russian national consciousness, like any other ethno-linguistic community, has unique specific features. These features have their roots in the ancient psycholinguistic and linguocultural components, which are most vividly represented in folklore.

Keywords: speech-thinking strategies, Russian national consciousness, folk-poetic discourse, speech act.

Мышкин С.В.

**СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет

myskinsv@mgpu.ru

Организационная психолингвистика обладает потенциалом самостоятельного научного направления. Становление и развитие научной школы организационной психолингвистики позволит расширить междисциплинарную предметную область теории речевой деятельности А.А. Леонтьева. Теоретические и прикладные усилия организационной психолингвистики направлены на решение проблем речевого общения в совместной профессиональной деятельности, которая представляет самый крупный и самый важный фрагмент активности любого социума. Научная значимость выделения организационной психолингвистики в системе наук заключается в разработке междисциплинарных методологических и исследовательских проблем организационной психологии и психолингвистики, нацеленных на изучение фундаментальных основ совместной активности членов социума, единственно обеспечивающей его экзистенцию. Кроме того, фундаментальность организационной психолингвистики проявляется в консолидации усилий лингвистов, психолингвистов и психологов по сохранению и развитию традиций отечественной общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева и существенного усиления её роли в научном и практическом планах.

Организационная психолингвистика находится на этапе своего становления. Но уже сейчас в своей работе она использует известные проверенные и надежные методы психолингвистики и психологии: психолингвистический эксперимент, организационная игра и др. В методическом плане организационная психолингвистика преимущественно отличается от организационной коммуникации, которая в своих исследованиях использует дискурс-анализ и конверсационный анализ [Кизер, Мюллер 2005].

В сентябре 2017 г. был создан электронный научный журнал «Организационная психолингвистика». Главный редактор журнала – С.В. Мышкин. Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является рецензируемым научно-практическим периодическим изданием. Основное содержание журнала представляет собой научные публикации, отражающие результаты завершённых исследований проблем языка и речи в современных организациях и других малых социальных группах. Научная значимость журнала отражается в методологических, исследовательских проблемах психолингвистики, общей психологии, педагогической психологии, психологии труда, организационной психологии. Практическая значимость журнала состоит в обеспечении организационных психологов, HR-менеджеров, специалистов в сфере психолингвистики, профессиональной информацией теоретического, методического и прикладного характера в области психолингвистики, психологии труда, организационной психологии, а также других смежных областях науки о «человеке работающем». Также журнал призван способствовать внедрению новых научных и прикладных разработок в практику работы с организациями и другими профессиональными социальными группами.

16 ноября 2018 года в Москве состоялась I Международная научно-практическая конференция «Организационная психолингвистика. Теория и практика». Основными партнерами мероприятия выступили Институт языкознания РАН, в лице заведующего отделом психолингвистики, доктора филологических наук, профессора Е.Ф. Тарасова, а также Московская Международная Академия, в

лице ректора, доктора филологических наук Л.М. Терентия. Фактически это мероприятие можно считать официальным днем рождения организационной психолингвистики. В конференции приняли участие видные отечественные и зарубежные ученые: Е.Ф. Тарасов, А.В. Кирилина, В.А. Маслова, Е.В. Харченко, Б.Л. Бойко, И.В. Вашунина, Н.В. Иванов и другие представители фундаментальной науки.

Основные цели первой конференции – это становление и развитие организационной психолингвистики как научной школы; привлечение опытных и молодых исследователей в ряды перспективного научного направления; консолидация усилий лингвистов, психолингвистов и психологов по сохранению и развитию традиций общепсихологической теории деятельности, существенного усиления её роли в теоретическом и практическом планах. На пленарном заседании конференции обсуждались идеи теоретико-методологического характера, определяющие объектное и предметное содержание организационной психолингвистики.

22–23 ноября 2019 года под эгидой МГПУ, ИЯз РАН и ММА в Институте иностранных языков МГПУ состоялась двухдневная Международная научно-практическая конференция «Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог». Среди участников были специалисты как из регионов России, так и других стран: Германии, Китая, Казахстана, Турции, Беларуси и др. Конференция объединила множество областей научной деятельности: лингвистику, филологию, психологию, психолингвистику, социологию, экономику, политологию, педагогику. Целью мероприятия была демонстрация и описание разнонаправленного и многоуровневого подхода к определению современной профессиональной картины мира.

Первый день конференции «Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог» состоял из двух этапов: пленарных и секционных выступлений. В числе прочих, на пленарных выступлениях обсуждались вопросы следующего содержания: специфика медийно-политической экспертизы (д. филол. н. В.И. Карасик); взаимодействие профессиональных культур через политическую борьбу (д. филол. н. М.Р. Желтухина); интеллектуальная мода в лингвистике (д. филол. н. О.А. Радченко). Секционные выступления развивались в шести направлениях: этнокультурные варианты профессиональной деятельности, сознания и личности; историко-культурные аспекты профессиональной картины мира; монокультурная и поликультурная гипертекстуальность профессионального общения; социология, педагогика, психология и лингвистика профессиональной личности; совместная профессиональная деятельность в мультинациональных трудовых коллективах; политическая борьба как современная форма взаимодействия профессиональных культур.

Второй день начался с мастер-класса режиссёра, почётного доктора наук А.В. Омельченко об аспектах творческой самореализации личности политика в условиях современной медийно-политической конъюнктуры. Параллельно проходил круглый стол «Гипертекст – II», на котором обсуждались особенности гипертекстового пространства в таких научно-практических областях, как педагогика, лингвистика, журналистика, реклама и связи с общественностью. Завершилась конференция серией пленарных выступлений, на которых рассматривались следующие проблемы: изучение образа мира в поликультурном пространстве (д. филол. н. Е.В. Харченко); аксиология профессиональной коммуникации (д. филол. н. Г.Г. Слышкин); организационная психолингвистика (д. филол. н. Е.Ф. Тарасов); специфика профессионального общения в организациях (д. филол. н., к. психол. н. С.В. Мыскин).

18–19 декабря 2020 года на базе института среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского МГПУ состоялась третья Международная научно-

практическая конференция «Культурно-исторические тенденции развития профессиональной деятельности». Основными партнерами мероприятия выступили ИЯз РАН и МГППУ. Основной целью конференции стало обсуждение природы, феноменологии, а также различных форм сопровождения профессиональной деятельности и профессионального общения в современном мире с позиций культурно-исторического подхода, основы которого разработаны Л.С. Выготским и его последователями. В ходе научных дискуссий рассматривались возможности расширения ключевых позиций культурно-исторического подхода в полидисциплинарном аспекте с учетом современных социокультурных и психологических трансформаций мира профессиональной деятельности и профессионального общения. Особое внимание было уделено эффектам самоизменения человека в профессиональной деятельности.

23 июня 2021 издательством Springer была опубликована статья С.В. Мыскина “Introduction to Organizational Psycholinguistics”. Статья вышла в составе высокорейтингового журнала “Journal of Psycholinguistic Research” в разделах «Язык и Лингвистика (Language and Linguistics)» и «Психология (Psychology)». Это событие поистине стало начальным этапом международного признания организационной психолингвистики. В своей статье С.В. Мыскин раскрывает основные методологические принципы организационной психолингвистики, объясняет актуальность разработки новых теоретических и практических решений в области профессионального общения, обозначает цели, объекты, предметы, задачи организационной психолингвистики как самостоятельного научного направления и намечает перспективы дальнейших исследований в этой области.

Дальнейшая популяризация ключевых идей организационной психолингвистики осуществлялась в рамках следующих научных мероприятий: Международная научно-практическая конференция «Речь и языки общения в конфликтном мире» (17–18 декабря 2021 г.), Международная научно-практическая конференция «Язык и личность в полидисциплинарной перспективе» (16–17 декабря 2022 г.), Международная научно-практическая конференция «Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации» (15-16 декабря 2023 г.).

Говоря о тенденциях развития организационной психолингвистики, следует обратиться к публикации Е.Ф. Тарасова «Теория речевой деятельности: перспективы развития» [Тарасов 2023]. В качестве многообещающего направления Е.Ф. Тарасов выделяет психолингвистическое исследование профессиональной деятельности. Основным фокусом исследовательского внимания для отечественной психолингвистики выступает анализ проблемы *профессионального образа мира и профессионального языка*. Наряду с общественной значимостью профессиональной деятельности и ее влияния на формирование личности, существенным основанием для развития теории речевой деятельности является глубокая разработанность этой проблемы в психологии, а также появление нового ресурса «Организационная психолингвистика» [Мыскин 2019; Тарасов 2018].

Не менее перспективным направлением выступает исследование деструктивной речевой коммуникации, проблемное поле которой включает *патогенный текст*. Психолингвистической сутью патогенного текста (диффамация, клевета, симулякры, «фейки», агрессивные тексты и пр.) является отсутствие интенции говорящего на сотрудничество [Мыскин и др. 2023]. Еще один феномен, раскрывающий проблему деструктивной речевой коммуникации, обозначен как «*патология языковой личности*». Патологическая языковая личность понимается как искаженное, зависимое видение мира, возникающее вследствие нарушений потребностно-мотивационной сферы субъекта. Проецируя иррациональное видение на порождаемые тексты (патогенные тексты) и предъявляя

их другим, патологическая языковая личность деструктивно влияет на категориальные структуры сознания коммуникантов.

Еще одним перспективным направлением развития организационной психолингвистики является проблема коллективных интерпретантов – константных структур личности, обуславливающих достижения общности сознаний партнеров по общению. В этой связи следует отметить *речевой инвариант* – такую глубинную структуру, которая характеризуется константностью и неизменяемостью, а на ее основе возникает облигаторная вербальная реакция [Мыскин и др. 2024]. Речевой инвариант формируется на ранних стадиях речевого онтогенеза в условиях общения ребенка со значимым взрослым. При этом психофизиологической основой речевого инварианта является механизм сенсомоторного единства, который обуславливает его актуализацию у взрослых людей в интенсивно протекающих эмоциональных состояниях. Не менее интересным с точки зрения исследовательского потенциала выступает феномен *этнокультурной семантической универсалии*. В современных условиях поликультурности проблема этнических особенностей смыслового восприятия учебных текстов в настоящее время является архиважной для системы отечественного образования. Полидисциплинарный подход к решению этой задачи позволяет вскрыть семиотические, психологические и психолингвистические закономерности смыслового восприятия учебного текста представителями различных этнокультур.

Как видно из представленного краткого анализа, организационная психолингвистика постоянно развивается за счет расширения своей предметной и объектной областей. Что в перспективе укрепляет ее статус как самостоятельного научного направления.

Литература

1. Мыскин С.В. Концепция организационной психолингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета, серия «Гуманитарные науки». – М.: Изд-во МГЛУ, 2019. – Вып. 4 (820). – С. 11–22.
2. Мыскин С.В. К постановке проблемы «патологии языковой личности» // Организационная психолингвистика. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – № 3(23). – С. 10–24.
3. Мыскин С.В. К постановке проблемы патогенного текста / С.В. Мыскин, Е.Ф. Тарасов // Материалы международной междисциплинарной научной конференции «Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы», Тверь, 12–13 октября 2023 г. / Отв. ред. А.А. Романов. – Тверь: ТГУ, 2023. – С. 306–309.
4. Мыскин С.В. Речевой инвариант агрессивного и аутоагрессивного дискурсов/ С.В. Мыскин, Л.Г. Кравцов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – №5(1). – С. 51–63.
5. Мыскин С.В. Психолингвистика деструктивной речевой коммуникации: памяти Е.Ф. Тарасова // Организационная психолингвистика. – 2024. – № 4(28). – С. 101–112.
6. Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика. Коллективная монография / под общей ред. С.В. Мыскина, Е.Ф. Тарасова. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2020. – 312 с.
7. Тарасов Е.Ф. К построению теории организационной психолингвистики // Организационная психолингвистика. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. – № 1(1). – С. 11–20.
8. Тарасов Е.Ф. Теория речевой деятельности: перспективы развития // Организационная психолингвистика. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – № 4(24). – С. 35–50.

9. Myskin S.V. Introduction to Organizational Psycholinguistics. Journal of Psycholinguist Research. – 2021. – №51(3). – P. 437-453.

FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

S.V. Myskin

Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University

Abstract. The article presents a brief analysis of the stages of formation of a new interdisciplinary field – organizational psycholinguistics. Organizational psycholinguistics focuses its efforts on solving the problems of speech communication in the context of joint professional activity. The main ideologists of this trend were S.V. Myskin and E.F. Tarasov. The author of the article also analyzes the prospects for the development of organizational psycholinguistics, which are represented by studies of the professional image of the world, professional speech communication, pathogenic text, pathology of linguistic personality, speech invariant and ethno-cultural semantic universality.

Keywords: organizational psycholinguistics, joint professional activity, destructive speech communication, semantic perception of the educational text.

УДК 81'42

Ракитина С.В.

МЫСЛЬ И СЛОВО В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.И. ВЕРНАДСКОГО

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

s.rakitina@mail.ru

Взаимосвязь мысли и слова – давняя проблема, получившая интенсивное развитие в XIX–XX веках в трудах лингвистов, психологов, философов. Концепции Вильгельма фон Гумбольдта, видевшего в языке «орган, образующий мысль» [Гумбольдт 1984]; Эдварда Сепира [Сепир 2025] и Бенджамина Уорфа [Уорф 1960] с гипотезой лингвистической относительности; Л. С. Выготского, рассматривающего значение слова как единство мышления и речи [Выготский 1999], заложили основу для её междисциплинарного изучения.

Эта проблема не теряет актуальности в лингвистике, когнитивной науке, философии. Её изучение порождает оживлённые дискуссии, вдохновляет на открытия, формирует основу для экспериментальных исследований, помогает глубже понять природу сознания, работу когнитивных процессов и механизмы взаимодействия человека с окружающим миром.

Большой вклад в исследование проблемы соотношения мысли и слова внёс известный лингвист Н.Ф. Алефиренко. В его работах язык рассматривается как сложная система, взаимодействующая с мышлением, сознанием, культурой и формирующая специфические способы осмысления действительности [Алефиренко 2024].

В данной статье взаимодействие мысли и слова рассматривается в научной картине мира, которая определяется нами в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода как «ядро картины мира, открывающееся учёным» и характеризующее понимание им действительности через научную интерпретацию [Ракитина 2024: 43].

Особый интерес представляет в этом отношении научная картина мира В.И. Вернадского, крупнейшего учёного-естествоиспытателя, оригинального мыслителя и энциклопедически образованного человека. Своеобразие его научного творчества в рамках рассматриваемой проблемы обусловлено уникальным подходом к науке, который отличается органичным сочетанием научного, художественно-

образного, философского мышления; особым стилем изложения, отражающим глубину мировоззрения; представлением о научной мысли как геологической силе, ведущей к преобразованию биосферы в ноосферу.

Изучение естественнонаучных, философских работ В.И. Вернадского, его эпистолярного наследия показывает, что в них глобальные вопросы геохимии, кристаллографии, биохимии, минералогии, геологии, почвоведения, истории науки он объединял с осмыслением роли разума, науки и человека в эволюции биосферы, создавая тем самым целостную картину взаимодействия природы и человека.

Проблемы мысли и слова волновали В.И. Вернадского на протяжении всей жизни. Об этом он размышляет, в частности, говоря о специфике научных понятий и их соотношении с мыслью и словом, в сравнении с философскими понятиями. Учёный пишет, что «эмпирические понятия отличаются ... от понятий философии ... тем, что они в науке непрерывно подвергаются не только логическому анализу, как слова, но и реальному анализу» [Вернадский 1988: 234]. Далее приводится цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь». С помощью неё передаётся представление учёного о том, что словесное выражение мысли неполно раскрывает её суть. Однако, по В.И. Вернадскому, это утверждение «к научной мысли не относится», поскольку в отличие от философского мышления, где понятия «подвергаются логическому анализу» [Вернадский 1988: 234] как слова, в науке «опыт и наблюдение непрерывно восстанавливают её связь с реальностью» [Вернадский 1988: 235]. В результате учёный делает вывод, что «в этом основном её свойстве заключается отличие научной мысли от всякой другой» [Вернадский 1988: 235].

Таким образом, В.И. Вернадский подчёркивает, что научное мышление отличается от всех других форм мышления, в том числе и от философского, тем, что его понятия не только формулируются и логически анализируются, но и проверяются практикой, как «тела реальности», т. е. связаны с жизнью, несмотря на невозможность полно выразить их в словах.

В другом фрагменте из этой работы В.И. Вернадский также рассуждает о несовершенстве языка как инструмента познания. Он подчёркивает, что «ни одно ... изучаемое явление, ни один научный эмпирический факт и ... научное эмпирическое обобщение не может быть выражено до конца ... в словесных образах» [Вернадский 1988: 308]. Иными словами, при передаче мысли в языковой форме она неизбежно теряет часть своей полноты и точности. В.И. Вернадский отмечает, что исследователь «в своей научной работе часто сталкивается с противоречиями между эмпирическими научными обобщениями и отвлечёнными построениями философии» [Вернадский 1988: 308]. Причина этих противоречий заключается в различии подходов: наука опирается на «эмпирические научные обобщения», философия оперирует «отвлечёнными понятиями», которые не всегда способны точно отразить сложность природных явлений.

Для описания знания, влияющего на эмпирическое изучение, но пока не поддающегося словесному выражению и рациональному осмыслению, В.И. Вернадский вводит понятие «нераскладываемого рационалистически остатка».

Подчёркивая ограниченность языка в передаче сути мысли, учёный опять обращается к известной цитате Ф.И. Тютчева «Мысль изреченная есть ложь». Вместе с тем он делает важную оговорку: связь мысли и слова постепенно восстанавливается в процессе эмпирических исследований. Постоянно уточняя мысль и облекая её в соответствующую языковую форму, наука обеспечивает непрерывность поиска. Благодаря этому процесс научного познания остаётся открытым и незавершённым.

В.И. Вернадский не просто констатировал неполноту языкового выражения мысли в сфере науки, он видел в этом универсальное свойство человеческого сознания. Ярким свидетельством такого взгляда служит запись в дневнике от 22

июня 1923 года. Это не просто философское рассуждение, а исповедь человека, столкнувшегося с разрывом между внутренним опытом жизни и его словесным воплощением. Высказывая своё отношение к прочитанному роману Мартена дю Гара, учёный характеризует его как «вещь сильная и глубокая». Переходя к общим рассуждениям, говорит: «В любви, в мыслях, достижениях..., когда начинает подходить разум, – чувствуешь мгновенность и недостаточность пережитого по сравнению с внутренней сущностью» [Вернадский 1993: 219]. Подобное явление с позиций когнитивной семантики объясняется тем, что концептуальная информация не может быть до конца передана языковыми средствами: концепты как элементы сознания «автономны от языка», а языковые значения передают лишь часть знаний о мире [Ракитина 2006: 27].

Схожую ситуацию исследует Н.Ф. Алефиренко в рамках когнитивной лингвопоэтики. Он описывает процесс, при котором «корреляции ментального слова и денотата коммуникантом установлены, в кратковременной памяти актуализируются внутренние слова доступными для мысленного моделирования соответствующего коммуникативного события и подбора нужного для реализации замысла звукового образа того, что рождается в недрах души автора». Н.Ф. Алефиренко подчёркивает, что «сам процесс такого подбора носит мучительный характер. Его обычно называют «муками слова» [Алефиренко 2024: 43].

Используя эту метафору, исследователь характеризует трудности, с которыми сталкивается автор при выборе словесного знака из долговременной семиотической памяти «для наиболее меткой, точной и выразительной экспликации переполняемых мыслей и переживаемых эмоций» [Алефиренко 2024: 43], знака, который должен не просто назвать предмет или явление, а передать внутренний опыт, то самое, что зарождается «в недрах души».

Таким образом, оба учёных, естествоиспытатель В.И. Вернадский и лингвист Н.Ф. Алефиренко, затрагивают одну проблему взаимоотношения мысли и слова, но рассматривают её в разных аспектах: В.И. Вернадский – на примере научного мышления и личных переживаний, Н.Ф. Алефиренко сосредоточивается на когнитивных и лингвистических механизмах художественного текстопорождения.

Несмотря на высказанную В.И. Вернадским убеждённость в том, что мысль не всегда находит своё воплощение в слове, учёный, размышляя о взаимосвязи разума, языка и научного познания, подчёркивает их сложную динамическую связь и роль в создании ноосферы, сферы коллективного разума, «новой эпохи жизни человечества» [Вернадский 2013: 18]. Такое состояние биосферы, по мнению В.И. Вернадского, создаётся «под влиянием научной мысли и человеческого труда» [Вернадский 2013: 13].

На данном этапе, как отмечает учёный, человек охватил своей деятельностью всю биосферу, превратившись в мощную геологическую силу. При этом «жизнь человечества, при всей её разнородности, стала неделимой, единой» [Вернадский 2013: 19]. Этому способствовали развитие средств связи и появление «возможностей мгновенной передачи мысли, её одновременного обсуждения всюду на планете» [Вернадский 2013: 19], благодаря чему события в одной точке планеты способны оказывать влияние на всю планету.

Из приведённого фрагмента следует, что формирование ноосферы обусловлено развитием научной мысли и связано с ускорением обмена информацией. Этот процесс В.И. Вернадский рассматривает как «начало стихийного движения, природного явления, которое не может быть остановлено случайностями человеческой истории» [Вернадский 2013: 19]. Подобные идеи можно интерпретировать как близкие к концепции синергического единства мысли и слова. В такой трактовке научная мысль выступает не абстрактным понятием, а реальной геологической силой, преобразующей биосферу.

Хотя В.И. Вернадский здесь прямо не говорит о языке как таковом, его рассуждения подразумевают важность передачи и систематизации знаний, инструментом фиксации и распространения которых служит именно язык. Более того, переход к новому состоянию биосферы требует появления новых понятий и терминов, таких как, например, «ноосфера». В этом смысле синергичное единство мысли и слова порождает новое качество – научное знание – и способствует формированию нового планетарного сознания через систему языка и научных понятий.

Взаимодействие и взаимоусиление мысли и слова наиболее явно реализуются в научных трудах В.И. Вернадского в процессе использования метафоризации, рассматриваемой нами как когнитивный механизм, который помогает представлять новое знание путём трансформации абстрактных научных концепций в доступные словесные формы, связывать теорию с образным мышлением, усиливая тем самым убедительность научного изложения.

Как указано выше, отличительная черта научного творчества В.И. Вернадского – тесная взаимосвязь научного и философского мышления. Учёный характеризует их как «стороны одного и того же процесса..., неизбежные и неотделимые» [Вернадский 1981: 7]. Для описания этой связи прибегает к яркой метафоре, которая характеризует философию как «корни и жизненную атмосферу научного мышления», где «корни» в этой образной конструкции символизируют фундаментальные принципы и методологию развития науки, «жизненная атмосфера» обозначает социокультурную и мировоззренческую среду, в которой развивается наука.

Приведённая метафора не только подчёркивает взаимозависимость философии и науки, но и раскрывает более глубокий смысл: философия не просто сопровождает научное познание, а порой опережает его. Как отмечает исследователь, философия «заклучает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области развития науки» [Вернадский 1981: 7]. В данном контексте метафора служит для объяснения сложной взаимосвязи философии и науки, где образ «корней» характеризует фундаментальность философии как основы научного знания, понятие «жизненная атмосфера» передаёт идею всеобъемлющего влияния философских концепций на научную деятельность, метафора «зародышей» иллюстрирует потенциал философии в прогнозировании будущих научных открытий.

Таким образом, используемая в данном контексте метафора выполняет объяснительную функцию, упрощая восприятие сложной взаимосвязи науки и философии через наглядные образы; смыслообразующую, раскрывая особый характер взаимодействия двух сфер познания; эмоциональную, придавая тексту выразительность и усиливая воздействие на адресата.

Метафора в трудах В.И. Вернадского не подменяет строгие научные описания, а служит инструментом, раскрывающим новые грани понимания сложных природных процессов.

В частности, при разработке концепции биосферы исследователь использует метафоры для образного описания её свойств. Так, характеризуя биосферу как целостное образование, которое представляет собой «не просто оболочку земли», а систему, в которой космические излучения «являются для нас формами энергии, играющими важную роль в поддержании жизни», В.И. Вернадский использует в качестве метафоры музыкальную терминологию – систему октав. Тем самым делает вывод, что «космические излучения, принимаемые нашей планетой, строящие ее биосферу, лежат только в пределах четырех с половиной октав из сорока нам известных». Эта аналогия позволяет наглядно представить диапазон биологически значимых излучений [Вернадский 2013а: 274].

Другой метафорой, характеризующей роль живого вещества в формировании биосферы, является «всюдность жизни» [Вернадский 2013а: 289].

Она подчёркивает повсеместное распространение живого вещества, способность приспосабливаться, заполнять свободное пространство путём размножения, активно участвовать в биологических и геологических процессах.

Ноосфера в трудах В.И. Вернадского часто описывается с помощью метафор, в которых подчёркивается роль разума в ней как геологической силы.

Например, ускорение темпа развития науки, которое привело к переходу биосферы в ноосферу, передаётся через метафору «взрыв научной мысли». В ней содержится идея о ноосфере как новом состоянии биосферы, «создаваемом прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества» [Вернадский 2013: 27]. Метафора «взрыв» по аналогии с быстропротекающим физическим или химическим процессом высвобождения большого количества энергии в концепции В. И. Вернадского – внезапный сильный скачок в накоплении знаний. Учёный характеризует его как «исключительное явление в ходе научной мысли», когда «темп развития её становится совершенно необычным, небывалым» [Вернадский 2013: 27], что способствует распространению научной мысли по всей биосфере и делает её решающим фактором, охватившим всю планету.

Метафора «мыслящий тростник» характеризует «создателя науки в биосфере», который «научно понял своё положение в организованности планеты» [Вернадский 2013: 40]. Другими словами, человек, обладающий разумом, научной мыслью, способен изменять биосферу и определять будущее планеты.

Метафора «царство разума» представляет собой образное описание учёным нового эволюционного состояния биосферы, где доминирует разумная деятельность человека. Лексема «царство» в контексте ноосферы выступает переносным значением: разум человека начинает определять развитие планеты по аналогии с властью правителя, распространяющейся на царство. В приведённом фрагменте для более точного выражения мысли автор использует сравнение с другим природным процессом: «как размножение организмов проявляется в давлении живого вещества в биосфере, так и ход геологического проявления научной мысли давит ... на косную, его сдерживающую среду биосферы, создавая ноосферу, царство разума» [Вернадский 2013: 17].

Такое сопоставление ещё более усиливает метафорический характер выражения, подчёркивая закономерность и необратимость процесса перехода к ноосфере.

Вместе с тем следует отметить, что данное понятие можно рассматривать как метафору лишь по происхождению. В контексте теории В.И. Вернадского оно приобретает статус научного термина, обозначающего определённый этап в развитии биосферы. Подобное происхождение имеют и такие термины, созданные В.И. Вернадским, как «живое вещество», «сгущения живого вещества», «давление жизни», «напор жизни», «биохимические провинции», «пространство земной реальности» и др. [Ракитина 2012: 67].

Как видим, метафоры в научных текстах В.И. Вернадского помогают понять сложные абстрактные научные понятия и концепции, установить связи между разными уровнями знаний (научным, философским, художественным), эмоционально передать содержание излагаемого, которое иногда теряется при чисто рациональном изложении, активизировать творческое мышление.

Научная мысль и слово в концепции В.И. Вернадского не существуют изолированно, а взаимодействуют с другими формами человеческого опыта, обогащая научное познание. В своих научных трудах и в эпистолярном жанре он всегда отмечал важную роль, которую играли в его научном творчестве философия, художественная литература, поэзия, искусство и другие формы духовной

деятельности. Это проявлялось в использовании поэтических цитат, эпиграфов, а также в сопоставлении научных воззрений с художественными образами.

В очерках книги «Биосфера» эпиграфами становятся строки из поэзии Ф.И. Тютчева. Образное слово не только украшает текст, но и подчёркивает ключевые идеи. Эпиграф к первому очерку – «Невозмутимый строй во всём, Созвучье полное в природе» – соотносится с мыслью В.И. Вернадского о том, что биосфера представляет собой целостную гармоничную систему [Ракитина 2006: 31]. Однако, как отмечает учёный, жизнь, живое вещество как активный компонент, определяющий геохимические и энергетические процессы не только биосферы, но и всей планеты, порой исследуется «как случайное явление на Земле». Это подтверждается тем, что «среди огромной геологической литературы отсутствует связный очерк биосферы, рассматриваемой как единое целое, как закономерное проявление механизма планеты» [Вернадский 2013а: 271]. Подобные рассуждения подводят учёного к необходимости решения задачи «описать геологическое проявление жизни, дать картину совершающегося вокруг нас планетного процесса» [Вернадский 2013а: 271]. В этом контексте поэтическое слово выступает инструментом, помогающим сформулировать сложную научную мысль автора об организованности биосферы.

Эпиграф ко второму очерку «Область жизни» взят также из поэзии Ф.И. Тютчева: «В лучах огневицы развил он свой мир, Земля зеленела, светился эфир». По мысли учёного, биосфера «получает энергию, вызывающую в ней изменения, из космической среды, от Солнца» [Вернадский 2013а: 319]. Тютчевская «огневица» здесь ассоциируется с солнечной энергией, а строка «земля зеленела, светился эфир» символизирует изменение биосферы под влиянием космической энергии. Таким образом, мысль о космическом происхождении энергии передана поэтом через художественный образ и обоснована в научной концепции учёного.

В монографии «Живое вещество» к главе «Два синтеза Космоса» эпиграфом являются строки из поэзии Е.А. Баратынского: «С природой одною он жизнью дышал, Ручья разумел лепетанье, И говор древесных листов понимал, И чувствовал трав прозябанье; Была ему звёздная книга ясна, И с ним говорила морская волна. Изведан, испытан им весь человек».

Стихотворение Е.А. Баратынского посвящено И.В. Гёте, известному поэту, писателю, мыслителю, естествоиспытателю, который воспринимал себя как часть природы, понимал её язык, [Ракитина 2006: 32]. Поэтическое слово здесь перекликается с мыслью В.И. Вернадского о том, что «есть учёные, которые охватывают эту живую, реальную природу ... и для которых это понимание единой Природы является руководящей нитью всей их научной работы» [Вернадский 2013а: 9]. Размышляя о двух подходах к изучению Космоса, учёный противопоставляет «отвлечённое представление физика или механика», которое нашими органами чувств и нашим сознанием не охватывается в образной форме и потому оказывается неполным; и натуралистическое представление, «более сложное и более для нас близкое и реальное, которое пока тесно связано не со всем Космосом, но с её частью – нашей планетой» [Вернадский 2013а: 8].

В своей работе В.И. Вернадский приводит обширный перечень учёных, которые, подобно И.В. Гёте, «дышали» одной жизнью с природой. Именно это единство с окружающим миром позволило им сделать свои значимые открытия. [Ракитина 2006: 32]. Отсюда эпиграф концептуально соотносится с содержанием работы через мысль о единстве человека и природы, понимании последней не просто как объекта изучения, а как живого целостного явления.

Таким образом, в рамках рассмотрения проблемы взаимоотношения мысли и слова с позиций научной концепции В.И. Вернадского можно прийти к следующим выводам:

– научная мысль в его трудах предстаёт не только как отражение реальности, а как новая геологическая сила, преобразующая биосферу в ноосферу, т. е. становится деятельной, созидающей, а слово служит её выражением;

– отмечая ограниченность языка в передаче мысли, что с позиций когнитивной семантики объясняется автономностью концептуальной информации от языковой формы, В.И. Вернадский прибегает к поэтическим образам и философским размышлениям, подчёркивая, что мысль всегда стремится преодолеть границы слова и именно через слово обретает форму и становится доступной;

– формирование научной картины мира неразрывно связано с разными видами знания (научным, художественным, философским), что подчёркивает важность синтеза разных способов осмысления действительности, где мысль обретает полноту, а слово – глубину, способную передать сложность представляемой в ней реальности;

– разум в эволюции биосферы, по В.И. Вернадскому, играет ключевую роль в преобразовании природной и социальной среды, где мысль (научная идея) и слово (языковая форма) выступают во взаимосвязи при реализации этого процесса;

– ноосфера в научной картине мира учёного не просто абстрактная научная концепция, а живое видение будущего, новая форма существования, направленная на гармоничное развитие всего живого: научная мысль при этом задаёт вектор развития, а слово помогает сформировать коллективный разум для реализации этого идеала;

– понимание взаимосвязи мысли и слова процесс непрерывный, который развивается исторически во взаимодействии с разными сферами познания (наукой, искусством, философией): мысль инициирует поиск слова для передачи новизны исследуемого, а слово формирует и передаёт мысль.

Как видим, анализ научного творчества В.И. Вернадского показывает, что мысль и слово в его научной картине мира не просто инструменты познания, а живые взаимосвязанные элементы целостного процесса преобразования мира, где мысль задаёт содержание, а слово реализует его, отражая индивидуальное озарение автора и выступая средством выражения глобальных изменений в биосфере.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 450 с.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / АН СССР; Сост.: М.С. Бастракова, Н.В. Филиппова, Н.Ф. Овчинников, Ф.Т. Яншина. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
4. Вернадский В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. / Сост. Г.П. Аксёнов. – М.: Современник, 1993. – 688 с.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Собрание сочинений: в 24 т. / под ред. Э. М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитич. химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке науч. наследия В.И. Вернадского. – М.: Наука, 2013. – Т.10. – 475 с.
6. Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. / под ред. академика Э. М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. – М.: Наука, 2013а. – Т. 8. Живое вещество и биосфера / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013а. – 526 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

8. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37 – 297.

9. Ракитина С.В. Дискурсивность научного текста (на материале научных произведений В.И. Вернадского). // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2006. – № 3 (16). – С. 26-35.

10. Ракитина С.В. Творческий диапазон учёного как языковой личности (на материале работ В.И. Вернадского) // Уральский филологический вестник – Вып. 3. – Екатеринбург, 2012. – С. 64–68.

11. Ракитина С.В. Категория времени в индивидуальной научной картине мира В.И. Вернадского. // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2024. – №3 (91). – С. 42–49.

12. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. / переводчик А. М. Сухотин. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 211 с.

13. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Периодизация времени в SAE и хопи. // Новое в лингвистике. – Вып.1. – М., 1960. – С. 135 – 169.

THOUGHT AND WORD IN V.I. VERNADSKY'S SCIENTIFIC WORLDVIEW

S.V. Rakitina

Russia, Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract. This article examines the problem of the relationship between thought and word within the scientific worldview, a topical issue in cognitive linguistics. The research material is the works of V.I. Vernadsky, a leading natural scientist, original thinker, and encyclopedically educated individual, whose scientific work is distinguished by a harmonious combination of scientific, artistic, and philosophical thinking, a distinctive style of presentation, and a concept of scientific thought as a geological force leading to the transformation of the biosphere into the noosphere. The article discusses the relationship between thought and word in scientific and philosophical concepts, analyzing V.I. Vernadsky's arguments on the incomplete expression of thought in science and the imperfection of language as a tool of cognition, as well as his conclusion that this is a universal property of human consciousness. The book describes the scholar's proposed ways of overcoming the limitations of language through connection with life, experimental research, and the synergy of rigorous scientific thought and imaginative thinking. Specific examples of the use of metaphors and various forms of spiritual activity demonstrate how this synergy enriches scientific knowledge. The work of V.I. Vernadsky demonstrates that thought and word do not exist in isolation, but interact with other forms of human experience.

Keywords: scientific worldview, V.I. Vernadsky, metaphor.

УДК 81'373.45

Кошарная С.А.¹, Уренкова А.П.²

СТАТИКА И ДИНАМИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА МОДЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

^{1,2} Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

¹ kosharnaja@bsuedu.ru

² urenkova-a@mail.ru

Как в любой масштабной сфере человеческой жизни, обладающей сложной структурой, в моде сформировался особый подязык, призванный упростить коммуникацию представителей отрасли, способствовать распространению модных тенденций, формированию и стандартизации общественного мнения,

дифференциации интересов потребителей. Л.Л. Нелюбин толкует подъязык как совокупность элементов языка, которые взаимодействуют в текстах с однородной тематикой [Нелюбин 2018: 131].

При рассмотрении лексико-семантических и стилистических особенностей словаря индустрии моды И.В. Попова также обращается к понятию подъязыка: «любая из специальных сфер деятельности человека, характерных для сложной структуры современного общества (наука, экономика, СМИ, оборона, реклама, мода и т.д.), обслуживается языком, и без общения людей, участвующих в совместных актах, не может существовать и нормально функционировать. Средством общения в каждой из отраслевых сфер является специальный подъязык» [Попова 2007: 5].

И.В. Попова в работе «Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды: на материале журналов о моде» дает определение понятию *язык моды*, на которое будем опираться и мы в своем исследовании: язык моды – подсистема естественного (национального) языка, обслуживающая сферу общения в индустрии моды [Попова 2007: 22].

Язык моды как культурный код имеет под собой многовековую основу, но при этом обнаруживает динамический, изменчивый характер. Кроме того, данный код имеет многоуровневую структуру, которую образуют различные лексические группы. Язык моды представлен исконно русскими языковыми единицами и заимствованными наименованиями, среди которых выделяются устоявшиеся заимствования и иноязычные новации.

Обобщенно состав современного языка моды можно представить как трехуровневую структуру, устойчивую базу которой составляют немногочисленные исконные наименования, а основную массу – устоявшиеся заимствования, при этом самый подвижный пласт представлен иноязычными новациями.

Национальный корпус русского языка позволяет визуализировать особенности функционирования отдельных лексем в истории языка посредством построения графиков частоты их употребления в определенном корпусе, иллюстрирующих вычленяемые нами уровни словарного состава языка моды.

Так, в ряду исконных, имеющих многовековую историю номинаций, активно употребляемым является слово *рубаха* и его диминутивный вариант *рубашка*. Сегодня рубашка входит в базовый мужской и женский гардероб. Можно утверждать, что слово *рубашка* является доминантой русского словаря одежды, а сам элемент гардероба не утрачивает актуальности с древнейших времен, что демонстрирует график зафиксированных употреблений слова (Рисунок 1).

Для построения графика автоматически задаются параметры периода и сглаживания. Анализируя данный график, мы пришли к выводу, что корректировка параметров не требуется, так как 1682 и 2022 год являются в данном ресурсе окончательными временными параметрами, а сглаживание позволяет увидеть общую картину без отображения единичных случайных колебаний частоты употребления.

Рис.1. Частота употребления лексемы **рубашка** в русском языке с 1682 по 2022 гг.

Интерактивный график позволяет сделать следующие выводы о функционировании выбранной для рассмотрения исконной лексемы:

- слово активно функционирует в текстах основного корпуса с 1682 года. Вероятно, употреблялось и ранее, но в ресурсе данных о предыдущих периодах не представлено;

- наблюдается несколько спадов частоты употребления до 0 упоминаний в XVIII веке на период в нескольких лет;

- в целом, лексема стабильна на протяжении веков, к 2022 году видим спад частоты употребления, но наблюдения за материалами последних лет свидетельствуют о том, что реалья остается актуальной.

- Об устойчивости номинации также свидетельствует её функционирование не только в специализированном дискурсе моды, но и в других дискурсивных пространствах. В частности, слово *рубаха (рубашка)* употребляется в составе традиционных речений – паремий и фразем: *Последнюю рубашку отдаст, Родиться в рубашке, Своя рубашка ближе к телу, рубаха-парень.*

В качестве репрезентанта лексического уровня устоявшихся заимствований рассмотрим слово *свитер* (Рисунок 2).

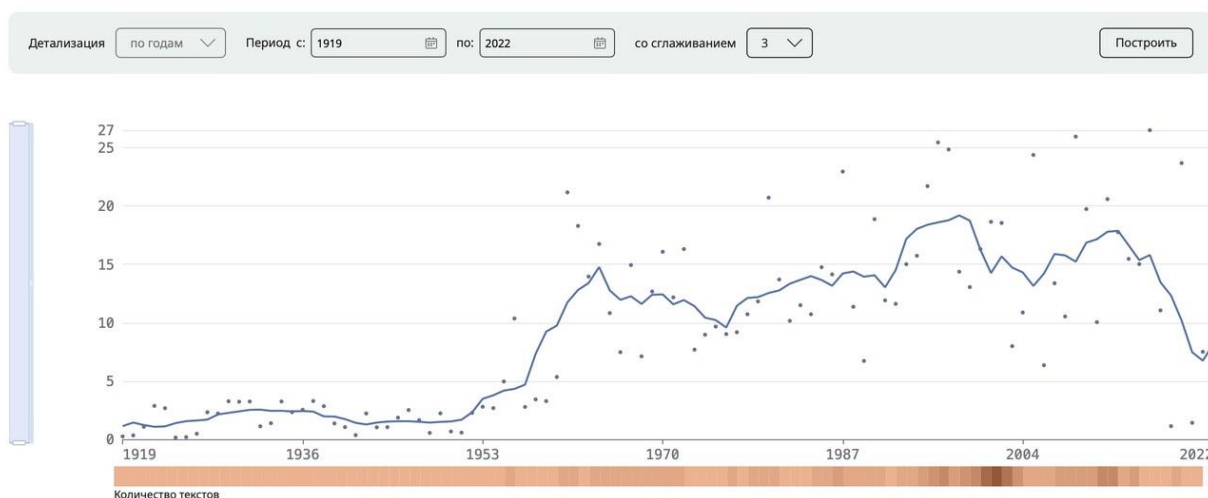

Рис.2. Частота употребления лексемы **свитер** в русском языке с 1919 по 2022 гг.

Известно, что лексема *свитер* заимствована из английского языка (*sweater*).

- По данным НКРЯ, в русскоязычных текстах слово употребляется с 1919 года и не утратило актуальности по сегодняшний день, то есть лексема функционирует в нашем языке более века;

- в период до 50-х гг. XX века употребляемость лексемы была стабильно низкой, далее наблюдается активный рост частоты употребления, который начал резко снижаться с 2016 года;

- в то же время слово продолжает активно употребляться и сегодня.

Факт некоторого снижения употребительности слова *свитер* в русском языке можно объяснить проникновением в национальный словарь моды целого ряда видовых названий: *джерсер*, *пуловер* и др.

Наиболее подвижным пластом заимствований являются иноязычные новации, к которым мы относим лексемы, вошедшие в язык недавно, характеризующиеся низкой степенью освоенности и воспринимаемые носителями языка как незнакомые. Такие лексические единицы не встречаются в повседневной речи и функционируют в узкотематическом дискурсе, соответственно, они, как правило, не зафиксированы в словарях.

Репрезентантом уровня иноязычных новаций может служить лексема английского происхождения **свитишот** (англ. *Sweatshirt*) (Рисунок 3). *Свитишот* представляет собой кофту с круглым вырезом и длинными рукавами, эластичными манжетами и резинкой по низу, обычно из плотной хлопчатобумажной ткани или трикотажа, не имеет застежек и капюшона. В языке-источнике *sweatshirt* – буквально «рубашка для потения» – слово является сложным и образовано от *sweat* – ‘пот’ (ср. *свитер*) – и *shirt* – ‘рубашка’.

Распределение результатов поиска по датам (частота на миллион словоформ) с 1682 по 2022 ⑦
Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

Рис.3. Частота употребления лексемы **свитишот** в русском языке с 2010 по 2022 гг.

Информация, представленная на графике, иллюстрирует характерные черты иноязычных новаций как языкового явления:

- во-первых, активный период словоупотребления достаточно краток – с 2010 по 2021 гг.;

- частота употребления низкая с незначительным ростом, так как иноязычные новации в словаре моды, именую краткосрочные тренды, не успевают распространиться среди носителей языка и быстро покидают его.

Сопоставив данные графики, отметим, что наибольшей частотой употребления на всех этапах наблюдения отличается лексема *рубашка*, средней частотностью – *свитер*, низкой – *свитишот*. Это объясняется не только

длительностью существования слова в языке, но и актуальностью самой реалии, так как *рубашка* и в современной моде представляет собой базовый предмет гардероба, который является частью повседневного делового костюма и некоторых видов дресс-кода (от англ. *dress code* – «кодекс одежды» – форма одежды, обязательная при посещении определённых мероприятий, организаций, заведений либо в определенной ситуации и т.п.), используется в любое время года. *Свитер* – разновидность сезонной одежды, он актуален только для холодного времени года и неформальной обстановки. *Свитшот* был актуальным предметом гардероба молодежи 10-х годов XXI века, то есть использование реалии ограничивалось не только обстановкой, сезоном, но и возрастной группой. Таким образом, устойчивость и динамика национального словаря моды детерминирована как внутриязыковыми причинами, так и экстралингвистическими факторами, что обуславливает перспективность его рассмотрения с позиций лингвокультурологии.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта, 2016. – 288 с.
2. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.
3. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Доница О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. // Вопросы языкознания. – 2024. – №2. – С. 7–34.
4. Нелюбин Л.Л. Очерки по введению в языкознание. – М.: Изд-во Флинта, 2018 – 249 с.
5. Попова И.В. Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды: на материале журналов о моде: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 156 с.

STATICS AND DYNAMICS OF THE VOCABULARY OF THE LANGUAGE OF FASHION AT THE PRESENT STAGE

S.A. Kosharnaya, A.P. Urenkova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article analyzes lexemes representing the levels of vocabulary of the fashion language: native names, established borrowings and foreign language innovations. The purpose of the work is to visualize the features of the functioning of individual lexemes in the history of the language by plotting the frequency of their use on the NCRE portal. The interpretation of the graphs allowed us to draw conclusions about the frequency of use, the duration of the functioning of the lexemes and their correlation with the history and culture of the people.

Keywords: the language of fashion, sublanguage, foreign language innovation.

УДК 81'373

Хайруллина Р.Х.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ

Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы

rajhan@mail.ru

Фразеологическая картина мира, как известно, является языковой универсалией, поскольку любой национальный язык закрепляет «образную карту» окружающей действительности посредством установления ассоциативных связей

между понятиями и реалиями мира. Система образов базируется, по словам Д.О. Добровольского, В.Т. Малыгина и Л.Б. Коканиной, «на общих для всех людей (т.е. универсальных) логико-психологических и собственно-лингвистических основаниях» [Добровольский 1990, с.7]. В то же время этническая специфика мировосприятия тесно связана с образом жизни народа, природно-климатическими условиями жизни, стереотипами мышления, сложившимися в течение всего его культурно-исторического развития. Мир един, но опыт его познания и адаптации к нему у каждого народа свой. Процесс познания мира – это постоянный процесс сравнения как исходной точки когнитивного процесса.

Фразеологическое моделирование представляет собой построение фразеологизма в языке по определенной логико-понятийной схеме, образцу, зачастую отражающим общечеловеческое понимание сути реалии, понятия или ситуации. Например, фразеологизмы-компаративы с зоонимическими компонентами во многих языках характеризуются общими мотивационными основаниями: **русск.** хитер, как лиса, **башк.** *Төлкө кеүек* ‘как лиса’, **турецк.** *tilki gibi* ‘как лиса’, когда хитрость зверя воспринимается народами как главное его качество. Ю.П. Солодуб, анализируя в сопоставительном аспекте построение фразеологизмов на материале 15 разносистемных языков, вводит термины «словесный комплекс-прототип» и «логико-семиотическая формула» [Солодуб 1985]. Если первый термин означает языковое (словесное) выражение (план выражения), образно-переносное значение которого и образует значение фразеологизма, то логико-семиотическую формулу можно охарактеризовать как отвлечение от конкретной словесной формы, абстрагированную от смысла схему, которая может быть выражена в разных языках аналогичным словесным сочетанием или разным. В.М. Мокиенко называет их «структурно-семантическим инвариантом» [Мокиенко 1980: 43]. Однако в силу идиоматичности фразеологии не все ученые признают возможность выделения таких инвариантов. Так, И.И. Чернышева считает такой процесс «задачей неосуществимой» [Чернышева 1970: 41].

Фразеологические модели могут быть исследованы как с точки зрения их формального выражения [Стоянова 2020], так и с точки зрения языкового выражения ментального смысла, стереотипа мышления народа, носителя языка. «Такие модели, будучи связанные со словом, высказыванием, текстом, образуют структуры разного уровня абстракции и степени сложности» [Сагитова 2018: 1184].

В процессе изучения русских, башкирских и турецких фразеологизмов, мы попытались выявить некоторые логико-семиотические формулы как отражение общего в миропонимании, в одной стороны, и культурно-маркированного, другой. Это структурно-семантические модели, анализ которых дает возможность вскрыть когнитивные процессы в познании мира разными народами.

Отражение образа жизни русского народа, говорящего на одном из восточнославянских языков, и башкирского и турецкого народов, говорящих на тюркских языках, подвержено влиянию разных культур – славянской и восточной. Отсюда априори больше сходства в стереотипах мышления башкир и турок, что обусловило наличие не просто близких по семантике и форме фразеологизмов, но и фразеологизмов как полных эквивалентов относительно мотивационной основы. В то же время в языках всех трех народов наблюдаются устойчивые обороты, отражающие общечеловеческие стереотипы, символы и морально-ценностные установки. Рассмотрим такие фразеологические модели подробно.

Общность мотивационной основы фразеологизмов в языках сравнения обусловлены универсальным характером окружающей действительности, временной матрицы и универсалиями человеческого бытия.

Как показывает наш анализ, общие фразеологические модели наблюдаются в языках, в которых дается интерпретация частей тела человека, представителей животного и растительного мира, видов ландшафта, природных явлений. Это

обусловлено использованием в составе фразеологизмов таких компонентов, как соматизмы, зоонимы, наименования видов растительности, предметов быта, водоемов и др.

Так, большое количество эквивалентных фразеологизмов, построенных по общей модели и сходных по компонентному составу, имеет место во всех трех языках.

Например: **русск.** *Надуть губы*, **башк.** *Ирен кабартыу*, **турецк.** *Dudađını büktek* ‘надуть его губы’ – обидеться; **русск.** *С ноготок*, **башк.** *Торнак кәзәр*, **турецк.** *Turnak kadar* ‘как ноготь’ – очень маленький, **русск.** *Меж двух огней*, **башк.** *Ике ут ара-һында*, **турецк.** *İki ateş arasında* ‘между двумя огнями’ – положение между двумя опасностями и др.

Однако каждый народ видит и оценивает мир сквозь призму своей культуры, и поэтому уникальность миропонимания каждого из народов находит выражение во фразеологических моделях двух типов: во-первых, во фразеологизмах, построенных по общей логико-семиотической формуле, словесный комплекс-прототип которых может различаться по компонентному составу, ввиду конкретного уклада жизни каждого народа (разные природно-климатические условия жизни, специфическая флора и фауна, разный быт и т.д.), во-вторых, во фразеологизмах, уникальных как по своему логико-семиотическому основанию, так и по компонентному составу. Это безэквивалентные фразеологизмы, имеющие и специфическое грамматическое построение. Так, в башкирском и турецком языках это вопросительные предложения, предложения с прямой речью и вопросно-ответные конструкции.

Дадим анализ этих двух типов фразеологических моделей.

Общая логико-семиотическая формула как мотивационная основа фразеологизмов обуславливается общими законами человеческого мышления и логикой миропонимания. Например, это сравнение предметов по размеру, ценности (равноценный и неравноценный обмен), символизация актуальных для представителей лингвокультурной общности предметов и понятий, интерпретация сакральных понятий (количества, времени и пространства), эталоны качеств и черт характера человека и многое другое.

Например, отсутствие самого необходимого для жизни у русских, башкир и турок воспринимается как выражение бедности, причем у русских и турок, занимающихся земледелием, это дом, очаг, земля, у башкир, ведущих кочевой образ жизни, скот: **русск.** *Ни кола ни двора*, где кол – это участок земли для пахоты, **башк.** *Мал мәгәзенә элерлек намәһе лә юк* ‘нечего даже на рог скотины повесить’ – из обычая метить свою скотину лоскутом цветной ткани на роге, **турецк.** *Ne od var ne osak* ‘ни огня, ни печи’; невозможность говорить сравнивается с занятым чем-либо ртом: **русск.** *Как воды в рот набрал*, **башк.** *Аузына һыу уртлау* ‘спрятать воду в рот’, **турецк.** *ağzında fare var* ‘у него на языке мышь’ – интересное сравнение в турецком языке, видимо, возникло под влиянием восприятия мышей как бесшумных животных (ср. Сидеть тихо, как мыши); семантика “распределять прибыль до совершения действия” в русском языке передает фразеологизм *Делить шкуру неубитого медведя* – из традиций русских ходить на охоту на медведя; в башкирском языке речь идет о жеребенке, которого собираются заколоть – *Тыумаған колондон билән һындырыу* ‘сломать поясницу еще неродившемуся жеребенку’, в турецком – о еще не выловленной из моря рыбе – *Denizde ki balığın pazarlığı olmaz* ‘рыбой, которая находится в море, не торгуют’.

Как уже было отмечено выше, в башкирском и турецком языках во фразеологии наблюдается большое сходство, ввиду влияния восточных культурных традиций. В башкирских и турецких фразеологизмах часто используются наименования животных по возрасту, масти, половой принадлежности. Во фразеологии находят отражение одинаковые жизненные ситуации, сходная интерпретация одних и тех же предметов и животных, например, **башк.** *һин хужа*

лә мин хужа, атка бесән кем бирә? – ‘Ты господин, и я господин, а кто лошади сено даст?’ **Турецк.** *Sen dede ben dede, bu atı kim tımar ede* – ‘Ты почтенный человек, я почтенный человек, а кто будет заботиться о лошади?’ **башк.** *Иртә йырлаған әтәстең башын кыркалар* – **турецк.** *Vakitsiz öten horozun başını keserler* – ‘петуху, который не вовремя кукарекает, голову отрежут’ – нужно знать, что и когда говорить.

Грамматическое построение-модель башкирских и турецких фразеологизмов отражает грамматическую систему тюркских языков. В этих языках фразеологизмы и пословицы могут быть, в отличие от русских единиц, выражены вопросительными предложениями, предложениями с прямой речью, вопросно-ответными конструкциями.

Например: 1) вопросительные предложения: **башк.** *Катының яман булһа, нисек котолорһоң?* – если жена злая, как избавишься /от нее?, *Кара ерҙә кармандап кал, кар яуғас, кайҙа барырһың?* ‘Пока земля черная, успевай работать, снег выпадет, куда денешься?’ **турецк.** *Her sakallıyı baban mı sanırsın?* – ‘каждого с бородой ты считаешь отцом?’ 2) предложения с прямой речью: **башк.** *Ялкау айткән: “Бөгөн ял итәйем дә, иртәгә ныклап эшләргә”*. Тырыш айткән: *“Бөгөн тырышып эшләйем дә, иртәгә ял итермән”* – ‘Ленивый скажет: „Сегодня отдыхаю, завтра сделаю“. А трудолюбивый скажет: „Сегодня хорошо поработаю, а завтра отдохну“, **турецк.** *Terziye “dinlen” demişler, ayağa kalkmış* – ‘портному сказали: «Отдохни!» - он встал на ноги’; 3) вопросно-ответные конструкции: **башк.** *Алтмыш, һиңә ни кылдым?* – Аяғыма бау һалдың, колағыма шау һалдың! – *Етмеш, һиңә ни кылдым?* – Уртымдағы теште алдың, башымдағы һушты алдың! – *һикһән, һиңә ни кылдым?* – Маңлайҙағы күҙе алдың, бурбайҙағы бизе алдың! – *Тукһән, һиңә ни кылдым?* – Ауыҙдағы һүҙе алдың, илтеп ләхеткә һалдың! – ‘60 лет что сделали? – Ноги путами окутали, уши зашумели! – 70 лет что сделали? – Средние зубы забрали, ум забрали. – 80 лет что сделали? – Зрения лишили и чувств! – 90 лет что сделали? – речь забрали и на смертное ложе уложили!’ **Турецк.** *Köre “şimdi gese” demişler, “ne zaman gündüzdü?” demiş* ‘У албанца спросили: «Пойдешь в ад?» – «Оплата какая?» – спросил он’, *Arnavuda sormuşlar “cehenneme gider misin?” diye “aylık kaç?” demiş* ‘У лисы спросили: «Ты съешь кебаб из курицы?» – «Какие глупости вы спрашиваете», – ответила она’.

В русском языке таких грамматических моделей почти не наблюдается.

Наибольшую самобытность фразеологии придают безэквивалентные обороты. Они могут различаться и моделями (логико-семиотической формулой), и компонентным составом, поскольку закрепляют во фразеологии уникальные ситуации и понятия, важные только для какого-либо одного народа.

Русские занимались оседлым земледелием, жили в деревянных избах, имели традиционные ремесла и промыслы, сформировали свои обычаи и традиции. Все это нашло отражение в лингвокультурном пространстве фразеологии русского языка.

Например: *Щи лаптем хлебать, Сорока на хвосте принесла, За морем телушка полушка, да рубль перевоз, Не было гроша, да вдруг алтын, Везет, как утопленнику, Зовут Иваном, а люди кличут болваном, Ногами кренделя выделывает, Свинья борову, а боров всему городу.*

Башкиры вели кочевой образ жизни, жизненным пространством была бескрайняя степь, жили своим родом в переносных юртах, разводили лошадей, овец, проводили национальные праздники – скачки, особо почитали гостеприимство. Фразеологизмы и пословицы закрепили опыт восприятия таких жизненных условий.

Например: *Арбаңа карап йөк һал, атыңа карап юлға сык* ‘По размеру телеги груз клади, по силе коня в дорогу отправляйся’, *Һандуғас һайрап еңер, карға каркылдап еңер* ‘Соловей побеждает пением, а ворона – карканьем’, *Кояш якишыға*

ла, яманға ла бер тигез карай ‘Солнце одинаково светит и для хорошего, и для плохого /человека’, Белемле катын башыңа карай, белемһез катын йәшенә карай ‘Умная жена на голову/ум смотрит, а глупая – на возраст’, Ут усакта якишы, катын косакта якишы ‘Огонь хорош в очаге, а женщина – в объятиях’.

Традиционный уклад жизни турок тесно связан с торговлей, с морскими промыслами, садоводством и овощеводством. Турки очень трудолюбивый, гордый народ, до сих пор сохранивший исламские традиции.

Например: *Çalışan kazanır* ‘Кто работает, тот и зарабатывает’, *Korkak bezirgan ne kar eder ne ziyan* ‘Трусливый торговец ни прибыли не получит, ни убытка не потерпит’, *Varsa pulun, herkes kulun; yoksa pulun, dardır yolun* ‘Если у тебя есть деньги – все твои рабы, если нет денег, дорога твоя узка’, *Pamukçu ak köpekten hoşlanmaz* ‘Торговцу хлопком не нравятся белые собаки’, *Kiminin parası, kiminin duası* ‘У кого-то деньги, у других – молитвы’, *Geçti Bor’un pazarı, sür eşiğini Niğde’ye* ‘Базар в Боре уже закончился, гони своего осла в Нигде’ (где Бора и Нигде – названия городов в Турции), (т.е.уже поздно, надо искать другой выход), *Deniz de kum , onda para* ‘В море песок, у него деньги’ – об очень богатом человеке, *Ağrısız baş yastık istemez* ‘Здоровой голове подушка не нужна’, *Allah seni dünya boş kalmasın diye yaratmış* ‘Аллах сотворил тебя, чтобы мир не был пустым’.

Таким образом, лингвокультурное пространство фразеологии в языках сравнения характеризуется как сходством в образном картировании мира, так и различиями в семантике, грамматическом построении, в способах фразеологического моделирования. Лингвокультура народа закрепляет коллективный опыт познания и интерпретации мира, а во фразеологии отражаются образные основания такого познания. Структурные модели фразеологизмов создаются под влиянием грамматической системы языка. Наибольшей спецификой в моделировании характеризуются безэквивалентные устойчивые обороты как результат актуализации реалий мира и ситуации сквозь призму национальной культуры.

Литература

1. Бочина Т.Г. «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии. Материалы конференции. – Будапешт, 2013. – С. 125–130 с.
2. Добровольский Д.О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) / Д.О. Добровольский, В.Т. Малыгин, Л.Б. Коканина. – Владимир, 1990. – 80 с.
3. Сагитова А.Ф. Роль языкового сознания в моделировании мира / А.Ф. Сагитова, Э.Ф. Рахимова, Р.Х. Хайруллина // Вестник БашГУ. Серия: Филология и искусствоведение. – 2018. – Том 23. – № 4. – С.1182–1187.
4. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1985. – 406 с.
5. Стоянова Р.С. Формально-структурные модели терминологических фразеологизмов в болгарской и русской экономической терминологии // Славянская фразеология и паремиология. К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко. Сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины 2020. – С. 223–230.

PHRASEOLOGICAL MODELING: UNIVERSAL AND ETHNIC

R.Kh. Khairullina

Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Abstract. The article examines the features of the formation of phraseological models in languages with different structures in the context of the linguistic culture of a nation. Based on the material of the Russian, Bashkir, and Turkish languages, the article identifies universal and nationally marked stereotypes of perceiving the world, which serve as a model for the formation of phraseological images. The article reveals similarities and differences in the worldview of the peoples who speak these languages, as well as the differences in their phraseological imagery, depending on their environment and lifestyle, and the reflection of this worldview in phraseological modeling.

Keywords: phraseology, model, ethnic worldview, linguoculture, Russian language, Bashkir language, Turkish language.

УДК 81'37

Шестак Л.А.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА: АССОЦИАТИВНЫЙ ОРЕОЛ ОБРАЗОВ ПРЕДЫДУЩИХ КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ И СОВРЕМЕННОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

l_shestak@mail.ru

Вопросы синтагматики тесно связаны с теорией текста и речью в целом. Именно связанное высказывание на одну тему составляет текст. Синтагматика определяет правильность речи как ее главное свойство. Семантическая синтагматика определяет механизм создания и понимания авторских метафор, маркирует речевой портрет говорящего [Борисова 2022; Карасик 2025; Хазагеров 2023]. Семантические штудии показали разный механизм семантической синтагматики в языках различного строя, например, славянских и романских [Гак 1998: 453–497]. При общем языковом механизме семантической синтагматики (итеративность, то есть неединственность, повторяемость сем) в разных языках и контекстах используются семы разных типов: денотативные, коннотативные и потенциальные, с разным преобладанием тех или иных [Золян 2024].

Проследим, различается ли механизм семантической синтагматики в контекстах с образами философскими, религиозными, культурологическими и образами спонтанной авторской, креативной устной речи. Подобные исследования крайне немногочисленны [см., например, Дубровская 2024; Хазагеров 2023], что определяет актуальность и новизну подобного описания.

Рассмотрим механизмы семантической синтагматики в художественном стиле, прежде всего в поэзии, оперирующей образами философско-религиозными, а также образами европейских культурных парадигм, названных нами «цивилизационными смыслами» [Шестак 2003: 211–214], и образами устной номинации современного социума (страны, лидеры, профессии, установки, «лозунги момента»).

Так, в стихотворении Бориса Чичибабина «Есть поселок в Крыму. Называется он Качивели...» *цокот цикад* именуется *языческим*: *Там у синего моря цветы на камнях розовели, и дремалось цветам под **языческий** цокот цикад* ('мерный', 'таинственный', 'заговораживающий').

В стихотворении Дмитрия Бобышева «Перо и кисть» ключевым выражением является *щепоть Бога*, обозначающая 'трехперстие при осенении себя крестом':

*Возьми **щепоть от Бога**, и тогда-то*

в честном овале, в черепном яйце
напечатлеешь, осолнчишь лице,
и **крест** на нем проступит брусковато,
как бы ни миловиден был раскрой. <...>

Но пусть
любой из нас заплакан и не вечен.
Живем не мы, – немые наши вещи
вбирают хищно опыт, вкус и пульс.
А чудо ангелического слога
и радужные звуки свежих уст,
и самобытие мазка, боюсь,
даются только за чертой итога.

.....
Но этот минус перекрестят в плюс
перо и кисть **щепоткою от Бога**.

Арсений Тарковский в стихотворении «Телец, Орион, Большой пес» характеризует звезду образом Древних Царств: Сам Сирius с **египетской, загробной, собачьей головой** – взойдет...

В стихотворении Б.Л. Пастернака «Весна» орган именуется **гладиатором** на основе физического сходства труб ('цилиндрическая форма', 'металл', 'блеск') с наколенниками римских гладиаторов: *Лес стянут по горлу петлею пернатых Гортаней, как буйвол арканом, И стонет в сетях, как **стенает в сонатах Стальной гладиатор органа***. В его же стихотворении «Мчались звезды» Сфинкс прислушивается к пустыне, которую 'сторожит': *Мчались, звезды. В море мылись мысы. Слепла соль. И слезы высыхали. Были темны спальни. Мчались мысли. И **прислушивался сфинкс к Сахаре***. А между его лапами находится тропинка на тот свет: *Такой сложной абстракции, как прекращение существования, я не мог себе представить; мне казалось, что смерть – просто переезд в места, куда **ведет тропинка между лапами сфинкса***. В. Пелевин «Empire V».

Максимилиан Волошин в одном из писем называет Черное море Одиссеевым: *Мы должны прожить вместе здесь на этой земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее **Одиссеево море**...*

Белла Ахмадулина вспоминает, как на курорте они любовались стройными тренированными ногами теннисистки, сравнивая их по форме с **амфорами** (*Страшно было за высокие **амфоры** ее ног, наполненные **золотом виноградного сока**...* «Миг бытия»), художавость Анны Ахматовой сравнивает с рабами на галерах (*Я завидую ей – молодой и худой, как **рабы на галере**: горячей, чем рабыни в гареме, возжигала зрачок золотой...* «Я завидую ей»).

Готической архитектурой восхищается Осип Мандельштам: *Я ненавижу свет Однообразных звезд. Здравствуй, мой давний бред, – **Башни стрельчатой** рост!* С готикой сравнивает русский лес Иосиф Бродский: *Но еловая **готика** русских равнин поглощает ответ...* «Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...»

Андрей Вознесенский описывает ситуацию визуального и вербального «испепеления» старушками-соседками девушки, которую он привозит домой утром, со средневековой казнью чернокнушницы: *И за это за все – как **казнят чернокнушницу** – Привезу тебя к утреннему крыльцу, Погляжу в дорогие глаза злоумышленницы, на прощанье губами **перекрещу**..* «Иверский свет».

В поэзии используются целые речевые формулы различных эпох: периода Древних Царств (*Никто из хора не спасет меня, Не крикнет: «**Смилуйся или добей его!**» И каждый стих, звучащий дольше дня, Живет все той же казнью Прометеевой. А.Тарковский «Эсхил»); античности (*Я впрыгнул в грузовик, идущий**

к побережью. Шофер длинноволос, совсем еще дитя. На лобовом стекле – изображение Цезаря. Садясь, я произнес: «Приветствую тебя!». А. Вознесенский «Римский водитель»; Тут, как бывает во сне, и возникла истина, показавшаяся ясной и старой: не **когито эрго сум**, а люблю эрго сум, вот и все. Ю. Трифонов; средневековья (Вскричать: **“Полцарства за коня!”** – какая вспылчивость и щедрость! Но снизойдет и на меня последнего задора тщетность. <...> Мне жаль коня! Мне жаль любви! И на манер **средневековый** ложится под ноги мои лишь след, оставленный подковой. Б.Ахмадулина «Влечет меня старинный слог».

Русская культурная история упоминается на южнославянском фоне великого византийского влияния: Не они ли, братие, **обучили нас грамоте**, бересту ли, кожу ли телячью **корябати словёсы разумными**. О. Чухонцев «А не поскрести ли пером по сусекам...»; А уж как вошёл я в её пространство, как увидел все паруса, абсиды, купол – без преувеличения свод небесный, лишний раз уверовал в **правый выбор веры в византийском её изводе...** Схожи крики чаек и **муэдзинов**, птиц, укоренённых в **магометанстве**. Облаков громоздкие цепелины висят в сумеречном пространстве. Да, сегодня я **по-иовы плачу**, а, вернее, **плачем Петра страстною ночью пятничной пыточной и холодной**, не по разу пережитой, родною. Юрий Кублановский «Сумерки на Босфоре»; Не доводом и не мечом **Царьград** был выкован и слеплен. Наивный варвар был прельщен Его **коварным благолепьем**. Д. Самойлов «Софья Палеолог».

Учителя русского языка Светланы Кековой зовут именем великого греческого просветителя (На второй этаж дорогих угодий он взлетал, не касаясь рукой перил. И, конечно, звали его – **Мефодий**. Был любимый **брат** у него – **Кирилл**), а сквозь оболочку многих слов просвечивает их южнославянская основа: И сквозь слово **“млеко”** сияло око, голубой, **славянский** горел зрачок. «Учитель словесности».

В количественном отношении среди образов культурных парадигм превалирует античность, создавая часто монокодовое кодирование смыслов [Шестак 2003: 110–132; Шестак 2003а: 51–60]: О, как пряно дыханье гвоздики, Мне когда-то приснившейся там, – **Это кружатся Эвридики, Бык Европу везет по волнам**. А. Ахматова «Осипу Мандельштаму»; Этот дом для меня, этот двор, этот сад-огород как **Эгейское море**, наверно, и **Крит** для **Гомера...**; Если **в бочке сидеть**, я хотел бы не как **Диоген**, а как юнга на мачте – и чтобы **сирены мне пели...**; Я люблю молодую удачу, хоть я у нее не любимцем, а пасынком был, да и буду, пожалуй. Ну а ты-то все шуточки шутишь? все **ткешь суровье?** Ты одряхла, **Итака** моя, а глядишь моложаво...; Вот и дом наконец. Шелести же листвою парусин, прозябающий прах, недалекая наша **Эллада!** Ибо живо лишь то, что умрет, как сказал бы **Плотин**. А другого, увы, не дано, да уже и не надо. Олег Чухонцев «Дом».

В поэзии Олега Чухонцева, Светланы Кековой, других современных поэтов образы великих культурных парадигм (Древних Царств, Античности, Средневековья, Ренессанса, Нового времени) и отечественной истории объединяются в последовательную цепь, чередуются и дополняют друг друга, создавая голограммную картину культурно-исторического развития человечества:

Пусть **колокола – подводные – звонят**, пусть бьются била у побережий новых **атлантид**, над **Китежем**, вздымающим стропила, где хриплый петушок еще кричит... – О. Чухонцев «Как вскрылись реки и очнулся лед...»; Кто-то ходит в ночи и **бренчит золотыми ключами**, и кричи-не кричи – смотрит **Аргус** сухими очами на тебя, на меня, на **развалины мира и Рима**, и, прищипав коня, наше время проносится мимо. Что же делать – бежать или **ждать у причала Харона**, или **желтую воду** ударить **жезлом Аарона**, или, вымолив ад, вдруг опомниться ночью бессонной, и, вернувшись назад, умереть от болезни кессонной... С. Кекова «Слыша рокот волны, ты налево свернешь под

предложением...»; Вот как тронет струны **Давид** и, споря с **гусями**, **Гомер** припадет к **кифаре** – и пески попятятся, и вспыхнет море, и сухой мороз пробежит по чинаре. И хвалу **Единому** пропоет многопсалмие, и воздуси, и земли огласятся голосами его, и соткет многобожие, хлобыща парусиною, сагу странствий, аукаясь с **Палестиною**. Он войдет, сказавшись однополчанином, муж, неузнанный в рубище, **гость нечаемый**, – вот и свиделись, – скажет, – присевши с краешка, – я такой тебя и представлял, хозяйюшка. Так что **тки** свою **скорбную ткань**, **рукодельница**, а потом **распускай, распускай по ночам ее, если плат не соткан, вольно надеяться**, а душа невольна по умолчанию, ведь она лишь вестница, лишь посланница, но **Едино**го славящий в Нем прославится, весь и в образе нищем не обесплотится, яко царь с **Царем** говорить сподобится. Олег Чухонцев «А не поскрести ли пером по сусекам...».

Как видим, синтагматика философско-религиозных и культурно-исторических образов базируется на денотативных, реже коннотативных (идиостиль – идиот) семах и широком ассоциативном ореоле потенциальных сем страноведческого и культурологического характера ('история', 'мифология', 'религия', 'философия', 'культура' древних культурных парадигм, 'внешний вид артефактов', 'речевые поведенческие формулы').

Рассмотрим также неформальную устную номинацию современного социума, звучащую в открытых студиях и фиксируемую в комментариях к блогам:

исторический период: времена бобровых шуб и лихих троек 'девятнадцатый век'; ревущие (комиссарские, проклятые) двадцатые; сороковые роковые; «оттепель»; вульгарные нулевые; лохматые восьмидесятые; лихие (святые, помойные) девяностые; настоящие кипящие (эра ТикТока);

поколения: молчаливое (1928–1945); бумеры (1946–1964); иксеры («потерянное поколение») (1965–1980); миллениалы (1981–1996); зумеры (джензеры, поколение большого пальца 'набирающее SMS на смартфоне'), снежинки, поколение розовых единорогов (1997–2010); альфа (2011–2024); бета (2025–2039);

страны, города: Большой Брат 'Америка'; восточный старший брат 'Китай'; Финка 'Финляндия'; войлочный тапок 'Киргизия'; страна 404, страна У, небратья; ненька, «вишнёвый садик» – реминисценция к стихотворению Т. Шевченко «Садок вишневый коло хати» 'Украина'; Вильнобад 'Вильнюс'; украинский Хартланд 'Киев'; Мелкобритания; Прибалтийские вымираты, шпроты 'прибалтийские страны'; Бандерштадт 'Львов'; цветущий сад 'Евросоюз' в противоположность джунглям 'остальному миру' (выражение Ж. Борреля); all inclusive 'Турция'; Караганда 'глубинка'; Урюпинск, Кислородищенск 'глухая провинция';

население: польские свинопасы 'украинцы'; Болеки-Лёлеки, пан Ковальски 'поляки'; Миколы 'украинцы'; Барбос и Бобик 'Польша и Украина'; пиндосы 'американцы'; японаматии 'японцы'; понаехали / понаехи, 'некоренное население столицы'; замкадники 'немосквичи, провинциалы'; поухавшие 'эмигранты'; ватники, колорады 'русскоязычные и пророссийские по своим взглядам жители Донбасса и Луганска'; отдыхаи, бздыхи 'название жителями Черноморского побережья России туристов'; чурки, чебуреки, ахмеды 'трудовые мигранты';

лидеры и публичные лица: Усатый 'Сталин'; Меченый, Минеральный секретарь 'М. Горбачев'; Кукурузник 'Н. Хрущев'; ЕБН 'Ельцин'; Жерик 'Жириновский'; Зю, Зюган 'Зюганов'; наш Цицерон 'Черномырдин'; Миша 2 процента 'Михаил Касьянов'; Паша-мерседес 'Павел Грачев'; Killary 'Хиллари Клинтон'; Бидон 'Байден'; тетя Мо 'А. Меркель'; кебаб 'президент Азербайджана Исхам Алиев'; патлатый 'Б. Джонсон'; Кепка 'Ю. Лужков'; Оленевод 'С. Собянин'; «Из штази в князи» 'о В. Путине'; Большой Дональд 'Д. Трамп'; Бацька 'А. Лукашенко'; обиженная ливерная колбаса, печальная сосиска 'О. Шольц'; члены

Ордена Салфетки и Ложечки, салфеточники ‘пресмыкающиеся перед американским президентом лидеры ЕС’; Света-жарькотлеты, «Котлетная принцесса», «мадам белорусская президент» ‘С. Тихановская’.

профессии, фактическая занятость, особенности поведения: лимита; бомбила ‘самозанятый шофер’; откидушники ‘отбывшие тюремное наказание’; экспат ‘проживающий в холодное время года вне страны’; эскортницы ‘сопровождающие состоятельных мужчин на мероприятиях и в деловых поездках’; уютчицы ‘домохозяйки’; тарелочницы ‘женщины, знакомящиеся с мужчинами и встречающиеся с ними ради похода в кафе или ресторан’; парковод ‘мужчина, приглашающий даму на свидание и ограничивающийся долгими прогулками’; «профессиональные жены» ‘знакомящиеся и экстренно расписывающиеся с контрактниками, отбывающими к месту службы’;

образование и здравоохранение: домашка, продленка, удаленка, возвращенка ‘возвращенная литература’; классуха классный руководитель; вышка ‘Высшая школа экономики’ и ‘высшая математика’; матан ‘матанализ’; плешка ‘финансовый институт’; стыр-дыр ‘строительно-дорожный институт’; заборолитейный институт ‘выпускающий кадры для промышленности вуз с низкими проходными баллами вступительного испытания’; здравозахоронение;

«лозунги момента»: «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит!», «Если они считают, что они нам платят, пусть думают, что мы им работаем!», «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор» (70-е гг. XX в.); «Мы победим мадам Бурду своей оплатой по труду!» (80-е гг. XX в.); «Нои до-го, as chavat chavat» – нарочитый «перевод» выражения «Как потопаеть, так и полопаеть»; «Купи еды в последний раз!»; «Каждому пенсионеру по гробу!»; «Ельцин, рельсы ждут тебя!» (90-е гг. XX в.); «Зарплата учителя во многих регионах не совместима с жизнью» [URL: https://dzen.ru/a/aKzRPq2WuAfbdlk_]; «Кто смотрит на запад, не встретит рассвет» [URL: <https://dzen.ru/a/Z3TOOpw91QFdG93t>]; «Американцы, держите годный лайфхак: “Если убрать свои базы из Сирии и Ирака, то по ним никто не будет стрелять”. Не благодарите» [URL: <https://cont.ws> 14.12.23].

Как видим, неформальная номинация содержит преимущественно коннотативные семы, ассоциативный ореол связан часто с местом рождения (Оленевод), успехами/неудачами деятельности (Кукурузник, Минеральный секретарь, Миша 2 процента), политической субъектностью (войлочный тапок ‘Киргизия’ ‘деиндустриализованная’, ‘этнографическая территория’; страна 404 ‘Украина’ ‘реально государством не являющаяся’), типом экономики (шпроты ‘прибалтийские страны’, all inclusive ‘Турция’; кебаб ‘И. Алиев’, чебуреки ‘трудовые мигранты из Средней Азии’), речевыми аллюзиями (Killary, пиндосы, японаматти) и языковой игрой (Мелкобритания).

Литература

1. Борисова Е.Г. Язык поколений. Как говорят пожилые // Вестник МГПУ. – 2022. – №3 (47). – С.64 – 71.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Дубровская Е.М. Характеристика жителей российских городов и регионов в паремиологическом фонде русского языка //Мир лингвистики и коммуникации. – 2024. – №78. – С.54 – 67.
4. Золян С.Т. Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. – М: Издательский дом ЯСК. – 2024. – С.448 с.
5. Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. – М.: Гнозис., 2025. – 468 с.

6. Хазагеров Г.Г. Стеб как социально-культурный феномен: «культурная самооборона» или «нравственная амбивалентность»? // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т.10. – №3. – С.474–486.

7. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. – Волгоград: Перемена, 2003.

8. Шестак Л.А. Аранжировка образных средств художественного текста: контрапункт и резонанс // Филологические науки. – 2003а. – №4. – С. 51– 60.

**SEMANTIC SYNTAGMATICS: THE ASSOCIATIVE HALO OF IMAGES FROM
PREVIOUS CULTURAL ERAS AND THE MODERN INFORMAL LINGUISTIC
WORLDVIEW**

L.A. Shestak

Russia, Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract. The article examines the patterns of semantic syntagmatics in literary texts using images of cultural paradigms of the past (Ancient Kingdoms, Antiquity, the Middle Ages, Renaissance, Modern Times) and in the modern linguistic picture of the world, framed by an unofficial nomination. The article reveals the specifics of the associative halo of (potential family) cultural images of the past and the modern informal nomination of the existing society (countries, rulers, public figures, professions, “slogans of the day”, etc.).

Keywords: semantic syntagmatics, potential semes, civilizational meanings, informal nomination.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ОБЫДЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ

УДК 81'373

Агашкова Е.Ю.¹, Суслова Л.В.²

КОНЦЕПТ «РАЗГОВОР ПО ДУШАМ» В РУССКОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

^{1, 2} Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

¹ hollybon@mail.ru

² larisasuslova@yandex.ru

Исходя из аксиомы о том, что в речемыслительной деятельности проявляются все формы образного отражения действительности, актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью выявления явных и скрытых инструментов фиксации различных форм мышления в лексической семантике. Изучение обыденных концептов, вербализованных в устойчивых словосочетаниях и речевых оборотах, позволяет приблизиться к пониманию внутренних структур мышления носителей языка. Изучение концепта «Разговор по душам» особенно своевременно для современной лингвистики, поскольку отражает уникальные особенности национального менталитета и специфику русской языковой картины мира, акцентируя внимание на этических и поведенческих установках. Дополнительную значимость исследование концепта приобретает в цифровую эпоху, позволяя выявить особенности удовлетворения глубинной потребности человечества в искренности и эмоциональной близости.

В русском обществе концепт «Разговор по душам» является одним из ключевых, так как он относится к эталонному общению. В англо-американской культуре ему лишь частично соответствуют такие концепты, как “Heart-to-heart talk” и “Deer talk”. Цель данной работы – выявить специфику концепта «Разговор по душам» и определить его культурологические особенности в сопоставлении с близкими концептами англо-американской лингвокультуры.

В современной психологии выделяются три уровня отражения объективной действительности: уровень ощущения и восприятия, уровень представлений и воображения и речемыслительный уровень.

Психическое отражение явлений объективной действительности является результатом их воздействия на органы чувств субъекта и обозначается понятием восприятие. Это первый уровень отражения объективной действительности, когда в сознании субъекта происходит формирование целостного образа явления или предмета. Основное отличие восприятия от ощущения заключается в том, что восприятие воплощает явление в совокупности всех его свойств; тогда как ощущения отражают отдельные стороны явления. На втором уровне представление и воображение формируют вторичный образ предмета или явления. Вторичный образ – это воспроизведенный субъектом образ предмета, основывающийся на прошлом опыте этого субъекта и возникающий в отсутствие воздействия предмета на его органы чувств [Козловская 2017: 127]. Представления, как и восприятия, всегда наглядны, но отличаются обобщенностью, меньшей выраженностью и неустойчивостью. Можно выделить следующие характеристики представлений:

1. Многосоставность, так как представления формируются при участии зрительных, слуховых, тактильных и прочих составляющих.

2. Представления являются либо образом памяти (когда они формируются относительно прежде воспринятого предмета или явления), либо образом воображения (когда отношение образа к прошлому опыту субъекта не осознается).

3. Представления являются основой для воспроизведения и свидетельствуют о тесной взаимосвязи между мышлением и речью.

В результате неразрывной диалектической взаимосвязи мыслительных процессов и речевой деятельности возникают концепты.

Ученые-филологи понимают под концептами «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Абдыкадырова 2022: 111]. В любом концепте выделяют три постоянных компонента:

1) универсальный компонент как знание об объекте, присущее любому человеку любой национальности;

2) этнический компонент, то есть знание об объекте, которое есть только у конкретного народа;

3) индивидуальный компонент, связанный с личным опытом каждого человека.

Как видим, концепт связан с культурой как системой ценностей, с языком, который объективирует сам концепт, и с сознанием человека [Адамчук 2021: 15].

В свете описанных выше теоретических закономерностей, обратимся к практическому анализу концепта «Разговор по душам», аккумулирующего в себе важные смыслы русской культуры.

Выражение «разговор по душам» прочно вошло в нашу жизнь, означая искреннюю доверительную беседу. Среди основных правил такой коммуникации выделяют «стремление понять собеседника, оказаться на его месте, взглянув на ситуацию его глазами» [Петрова 2025: 91]. Вербализация концепта, глубоко уходящего корнями в русское языковое сознание, опирается на соматический код культуры, где душа выступает психологическим центром личности. Ключевыми лексическими маркерами при этом являются предлог «по», указывающий на движение по поверхности, и существительное «душа».

Анализ, проведенный с помощью «Национального корпуса русского языка», показывает, что концепт «Разговор по душам» строится на следующих семантических признаках:

1. Искренность и открытость. Разговор по душам исключает ложь, социальные маски и недомолвки, что вербализуется в контексте: «Он решил поговорить с сыном по душам, без утайки».

2. Доверие и близость. Такой разговор требует тесного уровня общения и возможен только с близким кругом – друзьями, родственниками, любимыми.

3. Спонтанность и эмоциональность. В отличие от деловой беседы, разговор по душам не планируется. Он возникает спонтанно и часто сопровождается сильными эмоциями, которые могут проявляться в слезах, смехе, смене тона.

4. Терапевтическая польза. Ключевой функцией разговора по душам является психологическое освобождение. Говорящий «изливает душу», «снимает камень с души». Как правило, после разговора по душам наступает облегчение.

Как видим, в русском сознании концепт «Разговор по душам» – это не просто обмен информацией, а экзистенциальный акт бытия, направленный на достижение внутреннего единства с собеседником.

В англо-американской лингвокультуре существуют концепты “Heart-to-heart talk” и “Deer talk”, которые могут быть переведены на русский язык как «разговор по душам», однако их речемыслительное наполнение имеет существенные отличия.

Самым близким эквивалентом изучаемого русского концепта в англо-американской культуре является концепт “Heart-to-heart talk” (разговор сердцем к сердцу). Эмоциональная схожесть достигается за счет использования соматизма “heart” вместо слова «душа». Проведенный анализ специфики данного концепта с привлечением “Corpus of Contemporary American English” демонстрирует смещение акцентов семантических признаков:

1. Целеполагание. “Heart-to-heart talk” часто инициируется для решения конкретной проблемы, а не просто для доверительной беседы. Например, это может быть диалог родителя с ребенком о его поведении или разговор партнеров о назревших трудностях.

2. Прямота. Внимание перераспределяется в сторону честности, граничащей с конфронтацией. Приведем несколько примеров. “We need to have a heart-to-heart talk” (Нам нужно серьезно поговорить). Данное сообщение несет оттенок предстоящего выяснения отношений, но отнюдь не душевного единения. “I had a heart-to-heart talk with my daughter about the dangers of social media” (У меня был откровенный разговор с дочерью об опасностях соцсетей). Цель сообщения – наставление и предупреждение, а не совместное переживание.

Англоязычный концепт “Deep talk” (глубокий разговор) активно популяризируется в современной англо-американской культуре, особенно в контексте противопоставления концепту “Small talk” (легкая пустая беседа).

Согласно “Corpus of Contemporary American English”, акцент в концепте “Deep talk” ставится на рационализации. “Deep talk” подразумевает обсуждение философских, научных или экзистенциальных тем. При этом ценность заключается в глубине мысли, а не в глубине чувств. Например: “I’m tired of small talk. I want to have a deep talk about the meaning of life.” (Я устал от пустой болтовни. Я хочу глубокого разговора о смысле жизни). В сообщении доминирует интеллектуальный запрос, в то время как русский «Разговор по душам» может быть и о бытовых вещах, но пронизанных эмпатией.

Сопоставление русского и англоязычных концептов позволяет представить их специфику следующим образом:

1. Анализ концепта «Разговор по душам». Ядро (главная цель) – эмоциональное единение, облегчение. Ближайшая периферия – доверие, спонтанность. Дальняя периферия – слезы как утешение. Метафорическая основа – душа как источник правды.

2. Анализ концепта “Heart-to-heart talk”. Ядро (главная цель) – разрешение трудностей, принципиальность. Ближайшая периферия – конфронтация, вдумчивое серьезное отношение. Дальняя периферия – нравоучение, напутствие, рекомендация. Метафорическая основа – сердце как центр переживаний, чувств и воли.

3. Анализ концепта “Deep talk”. Ядро (главная цель) – творческий поиск. Ближайшая периферия – неконкретность темы. Дальняя периферия – противопоставление концепту “Small talk”. Метафорическая основа – глубина познания.

Как видим, концепты англо-американской лингвокультуры видятся более прагматичными: “Heart-to-heart talk” нацелен на изменение поведения или ситуации, “Deep talk” – на удовлетворение любопытства. Русский концепт принципиально иной, он фокусируется на ценности совместного эмоционального переживания в ходе беседы. При этом успех коммуникации измеряется не результатом в виде решенной проблемы или найденной истины, а состоянием, в котором пребывают собеседники после разговора: им легко на душе, они испытывают чувство близости.

В заключение следует отметить, что концепт «Разговор по душам» представляет собой один из ключевых обыденных концептов русской культуры, вербализующий представление об эталонном общении. Его ядерным признаком является эмоциональный контакт и терапевтическая польза, достигаемые через искреннюю эмоциональную близость собеседников. Сопоставление с близкими концептами англо-американской лингвокультуры “Heart-to-heart talk” и “Deep talk” демонстрирует значительную культурно-обусловленную специфику. Несмотря на наличие общей эмоциональной составляющей в виде слов “heart” и «душа»,

семантические признаки англоязычного концепта “Heart-to-heart talk” смещены в сторону нахождения решений для появившейся проблемы; в то время как семантические признаки концепта “Deep talk” переключены на утоление интереса. Установленные различия отражают общие противоположности в коммуникативных ценностях двух народов: сфокусированность на результате в англо-американской традиции и ориентацию на процесс и «бытие-с-другим» в русской лингвокультуре.

Дальнейшее изучение межкультурных концептов, близких с точки зрения семантических признаков, может быть полезным для практики перевода, где ключевой задачей является поиск функциональных, а не буквальных соответствий.

Литература

1. Абдыкадырова С.Р. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт / С.Р. Абдыкадырова, М.К. Назарова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 2-1 (65). – С. 110–114.

2. Адамчук А.А. Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2021. – С. 13–19.

3. Козловская Т.Н. Общая психология (сборник практических заданий): учебное пособие. – Оренбург: ОГУ, 2017. – 343 с.

4. Петрова Р.Ю. Речевой жанр «разговор по душам» в русскоязычном фанфикшне по «Гарри Поттеру» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 4 (127). – С. 89–99.

THE CONCEPT OF “HEAR-TO-HEART TALK” IN RUSSIAN AND ANGLO-AMERICAN LINGUOCULTURES

E.Y. Agashkova, L.V. Suslova

Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the Russian concept “Razgovor po dusham” and two partially corresponding concepts of the Anglo-American linguistic culture “Heart-to-heart talk” and “Deep talk.” In the article the process of concept development is described; the theoretical term of the concept and its characteristics are considered; semantic features of the studied concepts in Russian and Anglo-American linguoculture are analyzed.

Keywords: concept, linguistic culture, semantic features.

УДК 811'521

Басова Т.А.

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ АРХАИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *KI NO DOKU*)

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

tanyatako@gmail.com

Фразеологические единицы представляют собой динамичную подсистему языка, подверженную постоянным семантическим и структурным изменениям. В процессе языковой эволюции их значение может меняться, а сами они способны переходить в разряд сложных слов, в ряде случаев приобретая новые смысловые оттенки. Семантика дериватов может наследовать все семы ФЕ, включая потенциальные [Алефиренко 2009: 107], что выявляется при семантическом анализе актуализированных в дискурсе фразеологизмов и их лексических дериватов.

Отфразеологические сложные образования, возникающие на базе исходных фразеологизмов, как правило, функционируют параллельно с ними, образуя

сопряженные пары <исходная ФЕ – лексический дериват> [Басова 2022–2023]. Такое сосуществование свидетельствует о многоуровневости языковой системы и отражает процессы лексикализации и деривации, обеспечивающие ее развитие и обновление.

Среди исследований сложных слов фразеологического происхождения в японском языке особо выделяются труды Присциллы Исиды, дающие обзор этому явлению в сопоставлении с английским языком [Ishida 2015], а со структурной точки зрения сложные слова (как явление вообще) были глубоко изучены А. А. Пашковским [Пашковский 2006]. В японском языке, типологически являющимся агглютинативным, большинство отфразеологических лексем – основосложные (складываются основы главных компонентов: *kuchi o dasu* ‘встревать (в разговор)’ → *kuchidashi* ‘встревание’), а синтаксические форманты, как правило, не становятся морфемами сложных слов, но есть небольшое количество и синтагмосложных слов [Пашковский 2006: 15], как, например, *ki no doku* (букв. «яд для духа»); *no* – формант принадлежности.

В современном языке это сложное слово имеет значение ‘жаль, соболезнующую, жалко, жалкий, достойный сожаления’ и считается цельнооформленной лексемой, функционирующей как существительное или именное прилагательное. К ней могут добавляться гонорифический префикс *o-*, форманты *ni* и *na*, переводящие лексему в наречие или прилагательное, а также она обладает дериватами, например, *kinodokugaru* ‘выражать сожаление’.

Возникновение данной единицы подробно рассматривается в работе «Исследование языка Эдо» (江戸語の研究), где Тайдзо Эбара указывает на существование более раннего, зафиксированного в письменных источниках XIV–XV вв., фразеологизма *ki no kusuri* (букв. «лекарство для духа»), обозначавшего ‘то, что дает эмоциональное облегчение и душевный комфорт’ [Ebara 1979]. По его мнению, на основе этого выражения сформировалась фразеологическая единица *ki no doku* («яд для духа») по принципу контраста (замены ‘лекарства’ на ‘яд’). Отмечается, что уже в период Эдо (XVII в.) новое выражение употреблялось в значении ‘состояние внутреннего дискомфорта и неудовлетворенности’, отражая представление об «испорченном» или «отравленном» состоянии духа или его причине. В дальнейшем, как показывает анализ ученого, произошел семантический сдвиг, в результате которого закрепилось значение ‘сожаление’, связанное с проявлением жалости и сострадания, и далее единица лексикализовалась как синтагмосложное образование с новым, измененным значением (‘достойный сожаления’). *Ki no doku* в ряде текстов, особенно более старых или стилистически маркированных, может записываться как 気毒, где *no* опущено (орфографическая компрессия), но чтение *ki no doku* часто сохраняется.

Как фразеологизм, *ki no doku* считается устаревшим. В современной лексеме остается сема огорчения, подавленного состояния духа, но только в случае сострадательной реакции на горе другого человека (или просто как вежливое выражение в таких ситуациях). Есть ли в современном языке следы исходного, раздельнооформленного фразеологизма – или же он навсегда ушел в прошлое со своим изначальным значением ‘отравы для духа’?

Такие примеры обнаруживаются в редких пословицах:

聞けば気の毒、見れば目の毒

kikeba ki no doku, mireba me no doku

Если услышишь – яд для духа, если увидишь – яд для глаз (т. е. чрезмерное знание может оказывать разрушительное воздействие: оно порождает навязчивую вовлеченность и интенсивное стремление к обладанию, вызывает неконтролируемые эмоциональные реакции и тревожные состояния, приводя к ущербу как для психического, так и для физического состояния человека).

Выражение *ki no doku* первоначально обозначало состояние духовного «заражения» или утраты внутренней чистоты, а не чувства сожаления. В составе пословицы оно сохраняет более архаичное значение «яда для духа», которое не связано с вежливыми выражениями, проявлением эмпатии или современным значением ‘жаль’.

Другое выражение с тем же смыслом:

聞かぬが仏、聞けば気の毒

kikanu ga hotoke, kikeba ki no doku

Не слышавший – Будда, а если услышать – яд для духа.

Но не только в пословицах наблюдаются эти семантические пласты. Представляется примечательным, что данное выражение получает своеобразную реактуализацию в неожиданном комическом контексте современного аниме «Gachiakuta» (2025). Персонаж, наделенный способностью поражать противников ядом, вызывающим помутнение сознания и галлюцинации, после победы, склоняясь над поверженным оппонентом, произносит реплику: «*O ki no doku! Chigau. O ki ni doku!*» (Буквально: «Яд для духа! А, нет. Яд [входящий] в дух!», то есть: «Как жаль! А, нет. Любимый (*по душе*) яд!», но также это может быть: «Яд для духа! Нет, не так. Яд по душе!»). Данный фрагмент представляет собой игру слов, основанную на фонетической близости и семантическом расщеплении выражений: с одной стороны, актуализируется современное значение *ki no doku* – ‘как жаль’, с другой – переосмысливается исходная внутренняя форма «яд для духа», яд, которым персонаж поразил оппонента и «осквернил» его дух. Исправление фразы (*o ki ni doku* – «любимый яд») усиливает каламбурный эффект. Таким образом, в данной сцене одновременно реализуются как прямое, так и метафорические прочтения: буквальное значение «яда», соответствующее свойствам оружия персонажа, и современная эмпатичная интерпретация. Это свидетельствует о наложении семантических пластов, при котором и буквальное, и архаичное переосмысленное значение сохраняются в фоновом режиме и становятся доступными для стилистической игры и расширении речемыслительного образа.

Данная сцена может рассматриваться как пример актуализации речемыслительного образа, т.е. когнитивного образования, в котором язык и мышление взаимосвязаны через образное представление. Игра слов создает многомерный речемыслительный образ, в котором и буквальный, и исходный переосмысленный семантический слой сосуществуют с актуализированным современным значением, обеспечивая когнитивную сложность и художественную выразительность. Таким образом, в данном контексте лексическая/фразеологическая единица *ki no doku* (в данном случае, на наш взгляд, уже нельзя четко провести границу между ними) может одновременно расширять когнитивное пространство и расслаиваться на параллельные смысловые потоки.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.
2. Басова Т. А. Продукты межуровневой отфразеологической деривации в свете вариативности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – Курск, 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 62–67.
3. Басова Т.А. Узуальность отфразеологических лексем в английском и японском языках // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2022. – № 3. – С. 22–24.
4. Басова Т.А. Лексические варианты соматических фразеологизмов в английском и японском языках // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2023. – № 3. – С. 31–33.

5. Басова Т.А. Трактровка вариативности как неотъемлемого свойства языка / Т.А. Басова, Т.Н. Федюленкова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2023. – № 3(63). – С. 173–178.
6. Пашковский А.А. Слово в японском языке. – М.: КомКнига, 2006. – 208 с.
7. Ebara Taizo (榎原退藏). 榎原退藏著作集 (Коллекция работ Тайдзо Эбара). – 1979. – Vol. 16. – Tokyo: Chuokoron-Shinsha. – 225 p.
8. Ishida Priscilla (石田 プリシラ) 言語学から見た日本語と英語の 慣用句 (Английские и японские фразеологизмы с точки зрения лингвистики). Tokyo: Kaitakusha, 2015. – 215 p.

LEXICALIZATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND REACTUALIZATION OF ARCHAIC MEANINGS: THE CASE OF THE JAPANESE LEXEME *KI NO DOKU*

T.A. Basova

Russia, Vladimir, Vladimir State University named after the Stoletov brothers

Abstract. The article examines the phenomenon of the lexicalization of phraseological units and the semantic transformations undergone by their derivatives, using the Japanese unit *ki no doku* as a case study. This unit originally functioned as a phraseological expression with a somewhat different meaning. The study also addresses the issue of the reactualization of archaic meanings of phraseological units.

Keywords: phraseology, derivatives, lexicalization, semantic shift, discourse actualization.

УДК 81'276

Василенко А.П.

ОБ АЛОГИЧНОМ СОДЕРЖАНИИ ГИДРОМЕТАФОРЫ В РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОМ ОБРАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Россия, Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского

a.p.vasilenko@mail.ru

Интерпретация лексического конгломерата, которым, в частности, является такой малоформатный текст, как фразеологизм, затрагивает уникальность созданного речемыслительного образа в результате особого сочетания десемантизированных слов.

Порождение данного речемыслительного образа обусловлено рядом факторов, которые носитель языка косвенно номинирует во внутренней форме устойчивого оборота.

В общем плане, понимание целостного значения языковой единицы исходит из покомпонентного осмысления её составных частей, раскрывающих полную картину происходящего [Никитин 1997: 16].

В этой связи рассмотрим обыденное представление о *воде*. Трактровка этой лексемы не выходит, как правило, за пределы восприятия данного жидкого химического вещества как необходимого материала, принимающего участие в порождении сущего, а также являющегося необходимым элементом для поддержания самой жизни. Об этом, например, ‘прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение двух частей водорода с одной частью кислорода’ [Большой толковый словарь 2005: 277].

В подавляющем большинстве случаев *вода* является универсальным напитком для утоления жажды, предотвращение от высыхания: ‘напиток в виде бесцветной жидкости естественного происхождения, употребляемый для утоления жажды и в лечебных целях’ [Большой толковый словарь 2000: 139].

Однако при размышлении о воде как стихии очевидным становится тот факт, что она обладает мощью, противопоставляясь (но не сравниваясь) иным силам природы – огню, воздуху, земле. Вода – бесформенная субстанция, хранитель жизни, символ бессознательности; обладает женской сущностью; способна укреплять, растворять и уничтожать [Керлот 1994: 115–119].

Образы воды, которые упоминаются в структуре фразеологизма, метафоризирует происходящее, напрямую исходя из тех символических (и, скорее всего, – мифических) смыслов, который носитель языка приписывает гидросфере.

Как правило, вербализация образа основана на пережитом коммуникативном событии, откуда возникает сопряжение не только значений и предназначений объектов, но и способность этих объектов вызывать символические ассоциации с миром действительности. В этой связи оборот *седьмая вода на киселе* как прямая номинация остаточного принципа в технологии производства, используемая в роли вторичной номинации дальних родственников [Алефиренко 2021: 15–16].

Очевидно, что речевой замысел, который вербализируется в образе фразеологизма, порождается в результате накопленного впечатления и становится эмоциональным выразителем ситуации, своеобразным ассоциатом предъявляемой коммуникативной ситуации.

Так, ситуативно возникающие речемыслительные структуры на основе гидрометафоры, которые впоследствии запечатлеваются в устойчивых образных единицах языка, зачастую не соответствуют привычному(закономерному) ходу вещей, логическому следованию одного явления из другого в иерархии событий из окружающего мира. Тем не менее обладая заведомо непредполагаемым решением, такая вербализация подобных алогичных речемыслительных образов способна отображать философскую глубину познания бытия. В частности, вода может придавать силы слабому, усложнять простое, возвращать ушедшее или объединять различное.

Рассмотрим некоторые из них.

Речемыслительный образ ‘слабое усиливается’

В немецком языке находим оборот *Das Wasser nimmt alles Weg* (букв.: вода берёт все пути) [Sprichwörterlexikon 1988: 655].

В данном образе воды присутствует метафора всепоглощающей и всепроникающей силы.

Субстантивный компонент *путь* – это направление, возможность перемещения из одной точки в другую. В этом случае *путь*, как вектор движения, выступая пространственной метафорой, оказывается во власти процессуального компонента апроприативной семантики *nimmt* и показывает доминирующую роль субъекта *Wasser*.

Речемыслительный образ бесформенной стихии, заполняющей и покрывающей пространство, положен в основу фразеологизма в результате наблюдения за естественными событиями в природе, когда подобные явления наблюдаются, например, в период половодья вблизи крупных рек или, например, в прибрежных районах – надвигающаяся волна метеорологического генеза.

Речемыслительный образ фразеологизма строится на основе ассоциации заполнения отводимого пространства. При этом ранее созданные препятствия, возникающие на пути движения воды, подвергаются обхвату и поглощению. Если препятствие не поддается, то вода воздействует на него, и по прошествии времени препятствие утрачивает сопротивленческий характер, поддаваясь натиску воды.

В этой связи в русском языке находим поговорку *вода камень точит* [Жуков 1991: 141] – образ, демонстрирующий воздействие заведомо мягкой силы, которая со временем способна ослабить противоборствующий объект, заведомо во многом

превосходящий по степени резистентности. Об этом – корреляция материальной структуры субъекта (*вода*) по отношению к изначально превалирующим показателям структуры объекта (*камень*).

В русском образе очевидна антитезная картина мира в обозначении морфологических свойств материй в результате контакта поверхностей (*вода точит камень*), а именно: субъекту (*вода*), как слабой стороне, преимущественно свойственна, согласно образу, стойкость во временном континууме, и благодаря стойкости «слабая» вода наделяется «сильными» свойствами.

В этом случае речемыслительный образ физической характеристики направленного действия (*точит*) накладывается на темпоральный показатель (несовершенный вид глагольного компонента), усиливая неочевидный потенциал субъекта.

Кроме того, гидрометафора показывает непрекращающееся (систематичное) поступательное движение субъекта, способное реализовываться даже после того, как препятствие будет со временем устранено.

Речемыслительный образ 'простое усложняется'

Рассмотрим гидрометафору в норвежском образе *Vann er den sterkeste drikk, den kan knuse både berg og stein* (букв: Вода – самый крепкий напиток, разрушающий как скалу, так и камень) [Ordspakleksikon 1996: 256].

Состав воды является относительно простым химическим соединением. Будучи основой жидких веществ, *вода* по своей природе способна организовывать материю и придавать ей базовые показатели – текучесть, подвижность.

Образ кажущейся простоты опровергается национальным видением *воды* посредством высокого степеней проявления признака – превосходная степень адъективного компонента *sterkeste*. Формируемая антитеза выстраивает оппозиционное представление об элементарном характере известного вещества, придавая заметную важность и всеобъемлющий характер исполнения.

В большей мере созвучный с уже упоминаемым русским образом *камень вода точит*, данный гидроним в рамках норвежского оборота наделяется гиперболическими чертами.

Будучи элементом, номинирующим природную стихию, *вода* перемещается в плоскость гастрономической сферы, отождествляясь с напитком – *drikk*. Отсюда возникает антропоморфная оценочность *воды* – крепкий напиток – словосочетание, традиционно используемое для номинации алкогольной продукции.

Стоит полагать, что метафорическая крепость *воды* связывается с человеческим фактором, человеческой мощью, позволяющей преодолевать возникшие препятствия после принятия этого напитка внутрь. Кстати, в некоторых культурах *вода* обладает магической силой, в частности русская мифология – сочетания *живая* и *мертвая* вода. Проявляющаяся в этой связи мистическая (сложная) составляющая гидрометафоры формирует речемыслительный образ с позиции сюрреалистического воззрения на бытовые (простые) вещи.

Речемыслительный образ 'ушедшее возвращается'

Немецкий образ *Wo Wasser wegfließt, da fließt es auch wieder hin* (букв.: Куда по пути течет вода, вот туда она течет снова) [Sprichwörterlexikon 1988: 657] коррелирует с темпоральной укладом мира. В общем плане, когда *время* представляет собой постоянно движущуюся материю, не имеющую обратного направления, метафорический образ *воды* формирует неожиданную цикличность происходящего: возврат к тому, что уже происходило.

Образ движения *воды* нарушает естество модели следствия: от прошлого – к настоящему – и в будущее. Решительное преобразование устоев подтверждается существующими в языке другими гидрометафорами: *В одну реку дважды не войдешь; Все течет, всё изменяется* [Большая книга афоризмов 2002].

Данные устойчивые структуры отрицают повторение прошлого, поскольку свойства *воды* не могут оставаться без изменения. Вода – явление живое, подвергающееся преобразованию.

Примечательно, что повторение прошлого в немецком образе *Wo Wasser wegfliest, da fließt es auch wieder hin* не детализируется качественным изменением. Указывается лишь факт повторения, но особенности возобновления самим образом-гидронимом не уточняются.

В норвежском языке находим аналогичное *Der vann har vært, kommer vann igjen* (букв.: Там, где была вода, вода прибывает снова) [Ordsprakleksikon 1996: 255].

Стоит полагать, что ключевыми сателлитами гидрометафоры выступают хронотопические маркеры: *куда – туда, там – где*. Они формируют контекстуальное окружения метафоры, моделируют координаты, по которым осуществляется повторение событий.

Речемыслительный образ 'неодинаковое связывается'

Немецкий образ *Wie die Quelle, so das Wasser* [Sprichwörterlexikon 1988: 657] (букв.: Как и родник, так и вода) формирует образ за счет объединения точки в пространстве и качеств, которые связывается с этой пространственным ориентиром.

Безусловно, прослеживается семантическая связь включенности между субстантивными компонентами *Quelle* (родник) и *Wasser* (вода). Однако при строгом рассмотрении, родник – это прежде всего выход *воды* на поверхность земли, локализация фактического проявления естества. И далее упоминаемая в образе *вода* – это качество, степень манифестации потребительских свойств.

Тем не менее в языке существуют образные выражения, которые показывают взаимосвязь целого и части, например, русские выражения: *яблоко от яблони не далеко падает; муж и жена – одна сатана; как аукнется, так и откликнется; что посеешь, то и пожнешь* [Жуков 1991].

Думается, что компоненты *вода* и *родник* в большей мере противопоставлены, чем взаимосвязаны, однако их общая пространственная принадлежность позволяет формировать одинаковую оценочность разноплановых проявлений в рамках компаративной синтаксической структуры *как и ... так и ...*

В рассматриваемом образе – вода и родник нейтральны: изолированно не происходит уточнение по шкале «отрицательно – положительно», данная актуализация разворачивается в речевой ситуации.

Итак, гидрометафора во фразеологизме может обладать алогичным образным основанием. Формируя мало соотносимые образы ('слабое усиливается', 'простое усложняется', 'ушедшее возвращается', 'неодинаковое связывается'), она транслирует глубокое лингвофилософское обоснование жизненных обстоятельств, обнаруживая общежитейскую закономерность и национально-специфическую картину мира.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4(80). – С. 10 – 18.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание / под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ - ПРЕСС КНИГА, 2005. – 862 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. Кузнецов С.А. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Большая книга афоризмов / сост. Душенко К.В. – М.: Эксмо, 2002. – 1056 с.

5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1991. – 534с.
6. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М.: RELF-book, 1994. – 608с.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. – 757 с.
8. Ordspakleksikon. B. Jensen. – Oslo: Chr.Schibsteds Forlag A / S, 1996. – 462 p.
9. Sprichwörterlexikon: Sprichwörter u. sprichwörtl. Ausdrücke aus dt. Sammlungen vom 16. Jh. bis zur Gegenwart / Horst u. Annelies Beyer. – 4., unveränd. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches. Institut, 1988. – 712 p.

ABOUT THE ILLOGICAL CONTENT OF THE HYDRO-METAPHOR IN THE SPEECH-THINKING IMAGE OF PHRASEOLOGY

A.P. Vasilenko

Russia, Bryansk, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Abstract. The article discusses the possibility of verbalizing national thinking through metaphor in the form of phraseology. As an example, the author chooses a hydro-metaphor, which is represented in the figurative basis of a phraseological unit. Using the examples of Russian, German and Norwegian, it is concluded that speech-thinking procedures in the process of constructing an image of a phraseological unit associated with water sometimes form illogical structures of initial-effective semantics. Being formless and inferior in density to other chemical compounds, water has an impressive power that forms a persistent mythological idea of the natural element. The material shows that water can empower the weak, complicate the simple, bring back the departed, or combine the various. These results, which contradict the rational structure of the world of things, demonstrate the special role of water in national culture, reveal non-standard mechanisms of linguistic verbalization, which are largely symbolic in the cognition of being.

Keywords. phraseology, semantics, speech-thinking image, hydro-metaphor, component analysis, national thinking, culture, association.

УДК 811'163

Винихина М.М.¹, Хмелевский М.С.²

КОНЦЕПТ «ВИНОДЕЛИЕ» В СЕРБСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

^{1, 2} Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

¹ margaritavinikhina@gmail.com

² chmelevskij@mail.ru

Омонимия как языковое явление в близкородственных языках, т.е. славянских, а именно – сербском и русском – представляет собой предмет давнего пристального внимания лингвистов. Однако в нашем исследовании мы сузим данный обширный материал до сферы виноделия и рассмотрим его с точки зрения лингвокультурологии. Как известно, сам процесс виноделия, виночерпия и винопития издревле является частью культуры южных народов, где произрастает виноград, следовательно, это отражается и в их менталитете в представлении об окружающем мире. В этой связи сравним русское ассоциативное представление о вине обычно с такими определениями, как *французское, итальянское, изысканное, дорогое, южное* и под., тогда как для сербов или черногорцев оно является одной из составляющей их повседневный быт и совершенно не несет маркировку элитарности, как в русском сознании. В качестве иллюстративного языкового примера для этого сопоставления может выступить само название сосуда, из которое традиционно пьется вино: русск. *фужер, бокал* – лексемы иностранного происхождения, с другой стороны – сербск. *чаша вина* – как *чаша* – в значении «кружка, стакан», из которого пьют также обычный чай, кофе, воду и т.п.: сербск.

чаша чаја, кафе, воде, лимунaде, вина.

На уровне межславянской омонимии в винодельческом дискурсе мы уже сразу обнаруживаем различия в наименовании самого «месторождения» вина. Так, в сербском языке лексема *виноград* обозначает ‘виноградник’, то есть непосредственно сам участок земли, где растет виноградная лоза, тогда как русское слово, почти совпадающее фонетически, по значению соответствует сербскому *грожђе*, которое является однокоренным с русской лексемой *гроздь* (*винограда*).

У христиан вино символизирует кровь Христа, это значимый сакральный предмет для носителя православной культуры, церковных обрядов, включая образ вина на изображении Тайной вечери (сербск. *манастирско вино*). Однако в сербской культуре концепт *вино*, не без христианского влияния, расширяет свой ассоциативный ряд, выходя за рамки религиозных представлений, и его семантика распространяется вообще на «молодую кровь, несущую здоровье, молодость» (сербск. *žderčeva krv* – букв. ‘кровь жеребенка’ в значении ‘вино’, ср. русск. *молодая кровь*). На традиционный сербский праздник – «Слава» – день святого родоначальника и покровителя семьи – вином окропляют хлеб, вкладывая в этот обряд смысл продолжения рода, молодости, а также святости. Виноград и вино в сербской культуре являются даже одними из персонажей так называемых «житий» растений и предметов – малого фольклорного жанра. [Сибиряков 2020, 170].

В продолжение темы окропления хлеба вином у сербов отметим, что на сербской свадьбе обязательно присутствует традиционный для сербов свадебный хлеб (аналог русского каравай), который близкие родственники или кумовья разламывают и поливают кусочек красным вином.

С одной стороны, в славянском восприятии вино имеет религиозный маркированный характер (сербск. *вино – крв Христова* – ‘вино – кровь Христа’, *претворити воду у вино* – ‘перевести что-л. в иное состояние, придать чему-л. иной вид’, и т.д.), а с другой – этот напиток сопровождает человека в самых разных бытовых ситуациях, в том числе и в качестве лекарства или красителя для тканей, для утоления жажды, для увеселения или для образной характеристики человека (сербск. *нити вино, нити вода* – букв. ‘ни вино, ни вода’, в значении русск. *ни рыба, ни мясо*; или сербск. *старо вино* – говорится о чем-либо качественном или о ком-либо опытном (ср. русск. *пуд соли съел*), сербск. *рујно вино* – ‘напиток певцов, исполняющих веселые песни’ и т.п. [Савченко 2017: 272].

Вышеприведенные экстралингвистические примеры из традиционной культуры виноделия, несомненно, отражаются и в языке, как, например: феминитивная сербская форма *виноградарка* – ‘женщина-виноградарь’, а также целый ряд однокоренных слов, входящих в анализируемое лексико-семантическое поле: сербск. *винарина* – ‘налог или сбор за вино’, *винарица* – ‘корабль, лодка, которые доставляли вино’, метафоричное прилагательное *винаст* – ‘цвета вина, румяный, покрасневший, загоревший’ (используется для подчеркивания внешних данных здорового человека). Здесь же приведем еще такие распространенные в сербской разговорной речи употребления, как: сербск. *бити у вину / при вину* – ‘находиться в подвыпившем состоянии, быть слегка опьяневшим’ (ср. русск. *быть под градусом, быть навеселе, быть под мухой*), где в русских фразеологических аналогах используется компонент. А также сербская фразеологическая единица *ни вода ни вино* – говорится об бесхарактерном, безличном человеке’ (ср. русск. *ни рыба, ни мясо; серая мышь*) или в значении ‘человек, часто меняющий свое мнение или планы’ (ср. русск. *семь пятниц на неделе*). [Винихина 2023: 207].

В сербских словарях мы также встречаем такие фиксации устойчивых выражений с компонентом «вино», отображающих сербскую картину мира, как, в частности: *вино је душе огледало* – букв. ‘вино – зеркало души’ (ср. русск. *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*); *Ко се мраза боји, нек не сади винограда* – букв. ‘Кто мороза боится, пусть не сажает виноград’ (русск. эквивалент – *волков*

бояться – в лес не ходить); виноград не иште молитве, него мотике – букв. ‘виноград не ищет молитвы, а мотыгу’ (сравним русский аналог с другим компонентом *без труда не выловишь и рыбку из пруда*. [Кузнецова 2023: 270].

Далее приведем ряд наиболее иллюстративных и частотных сербских фразеологических единиц для иллюстрации концепта «вино» в сербском языковом культурологическом сознании:

- сербск. **Као вино (као старо вино, као добро вино)** – данное частотное для разговорной речи сербское устойчивое сравнение употребляется для характеристики человека для того, чтобы подчеркнуть его либо внешнюю красоту, либо положительные внутренние качества с высоким экспрессивно-эмоциональным семантическим оттенком. Нередко оно используется также и как позитивная характеристика человека, а именно для того, чтобы подчеркнуть внешние достоинства и красоту женщины (серб. *лепа као добро вино* – букв. ‘красивая как хорошее вино’), а если в отношении мужчины – то в качестве оценки его позитивных черт характера или качеств (серб. *Он је као вино* – букв. ‘Он как вино’, в значении ‘опытный, мудрый, зрелый’ (ср. русск. *как настоящий коньяк*)).

- сербск. **Вино точим а вино не пијем** – букв. ‘вино наливаю, но вино не пью’. Это устойчивое выражение употребляется в сербском разговорном языке в ситуации, когда человек является профессионалом в своем деле, изготавливает что-либо для других, но сам того не имеет (ср. русск. *сапожник без сапог*).

- сербск. **вино не трпи госта** – букв. ‘вино не терпит гостя’. Однако, компонент «гость» в этой идиоме употреблено не в прямом, а в переносном, метафорическом значении. Приведем пример данного употребления из сербской разговорной речи: *Kafanska mudrost iskustnog vinorijce. Drugim riječima, kad piješ vino ne miješaj!* – букв. «Кабацкая мудрость опытного винолюба», иными словами: когда пьёшь вино, не смешивай (имеется в виду – с другими (спиртными) напитками).

Таким образом на примере лексических и фразеологических единиц сербского языка в сопоставлении с русскими мы проиллюстрировали сходства и различия в их компонентном составе с точки зрения культурологического фона. Собранный нами материал показал, что для сербской картины мира концепт «вино» является намного более широким по своему внутреннему наполнению в сравнении с русским, что во многом объясняется экстралингвистическими факторами и, как следствие, проявляется в языке. Как видим, там, где в сербских фразеологизмах участвует компонент *вино*, в русских семантических эквивалентах используются другие лексемы.

Литература

1. Винихина М.М. Фразеологизмы и поговорки с лексическим компонентом «вино» как часть сербской языковой картины мира // *Slavica iuvenum*. – Ostrava: OSU, 2023. – S. 205–210.
2. Кузнецова И.В. Ориентализмы тематической группы «Напитки» в боснийской фразеологии (на фоне фразеологии других народов) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 2023. – С. 261–274.
3. Савченко А.В. Образная символика с компонентом национальных блюд у украинцев, сербов и хорватов / А.В. Савченко, М.С. Хмелевский // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 2017. – С. 269–276.
4. Сибиряков А.В. Принципы лексикографирования терминологических винодельческих словарей // *Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы*. – Орел: ОГУ, 2020. – С. 168–175.

CONCEPT "WINE" IN THE SERBIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTUROLOGY

M.M. Vinikhina, M.S. Khmelevsky

Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University

Abstract. This study is the result of many years of linguacultural observations of the stereotypical ideas of two closely related nations – Serbs and Russians, associated with the culture of winemaking. Extralinguistic factors (in particular, climate, environment, geographic location, and traditions) are largely reflected in the worldviews of the two Slavic ethnoses, as well as in their languages. Particular emphasis is placed on phraseological material, which illustratively presents the concept of "wine" within the context of the Serb and Russian worldviews, as well as the similarities and differences in their perceptions of reality. Our goal in analyzing the most frequent stable units related to the conceptual theme under analysis is to present the diversity of the Slavic world and the ways in which it is realized in language.

Keywords: concept, Serbian linguistic culture, Russian linguistic culture.

УДК 81'37

Голева Н.М.

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВ В ЛОГОГЕНЕЗЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

goleva@bsuedu.ru

В рамках современной антропоцентрической парадигмы детская речь является важной составной частью различных лингвистических дисциплин, неотъемлемой частью культуры; этот аспект справедливо рассматривать как «важную часть антропосферы» [Степанов 2007: 109–116]. Детская речь многообразна в лексических средствах выражения, в формах передачи информации, потаенных детских смыслов; способствует созданию, как правило, позитивного эмоционального впечатления.

Ю.М. Лотман рассматривает семиотику как «науку о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди (и не только люди, но и животные или машины [Лотман 2000: 6]. Семиотика важна для языкознания, так как лингвосемиотика «изучает те свойства языка, которые выявляются при сопоставлении языка с другими семиотиками» [Мечковская 2004: 21]: семиотическое видение искусства, например. «Семиотическое пространство – совокупность бытийно сложившихся правил понимания, оценки и организации хаоса человеческого бытия, исторически вселенски, этнически и социально закрепленных в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках» [Прохоров 2005: 84].

Ребенок познает мир, повторяя звуки, которые он слышит, различные движения, которые он видит. То, что ему понравилось, он повторяет чаще, добавляя к известному собственные наблюдения через вербальные и невербальные средства. Например, воспроизводя звукоподражания животных, ребенок запоминает их названия, имитирует их «речь»: показывая на собаку, ребенок произносит «ав-ав», или «гав-гав», или «тяф-тяф». В зависимости от того, нравится ли ему животное, он может показать, какое это животное по размеру – большое или маленькое; по экстерьеру – пушистое или гладкошерстное; по характеру – злое или ласковое; по «коммуникабельности» – активное или пассивное. С возрастом через языковое мышление данный образ получает различные номинации: бобака, кусь-кусь, авка, собацька, собака, песик. Номинации зависят от среды, в которой развивается ребенок. То есть образ в речи детей формируется прежде всего при помощи «основной высшей психической функции» (Л.С. Выготский) – речи, опосредованной языком, которая является доминантой в развитии детей, а потом к ней добавляется

жестовое общение и дактильное (при помощи пальцев). По точному замечанию Н.Ф. Алефиренко, «слово оживает тогда, когда в нашем сознании появляется образ обозначаемого им предмета» [Алефиренко 2009: 21]. При формировании образа важно еще одно условие – понимание речи и поведения взрослых носителей языка. «Образ есть основная и исходная форма человеческого восприятия» [Романова 2008: 30], к которому примешиваются накопленный ранее опыт, коммуникативные ситуации, необходимые средства репрезентации отображения образа. Многие образы в логогенезе являются маркерами детства. Взрослый коммуникант-зритель помогает раскрыть задуманный детский образ своими реакциями похвалы, одобрения.

Проследим, как вербальные и невербальные (включая дактильные) знаки репрезентируют предметы, способствуют порождению образа в речи детей.

Предлагаем описать образ имиджевого предмета в современном обществе, каким является автомобиль. Автор «Словаря образов современной рекламы» Д.С. Скарнев отмечает, что «автомобили рекламируются практически всеми возможными средствами распространения» [Скарнев 2015: 9]. Этот предмет также актуален и в речи детей, так как с самого рождения ребенок с ним знаком, практически во всех семьях сейчас имеется автомобиль. «Автомобили – одна из тем, в которых проявляется гендерный фактор», – подчеркивает автор словаря [Там же], что актуально и для логогенеза. По нашим наблюдениям, первые характеристики этого образа в звуковой форме появляются в речи и мальчиков, и девочек в десятимесячном возрасте: *би-би*. Сначала это звукоподражание появляется в качестве реакции на слово *ехать*, потом ребенок показывает пальчиком на автомобиль и называет его *би-би*, позже – *бибика*. Некоторые дети его в первый год жизни номинируют его как *пи-пи*, *пи-пип* – повторяют за взрослыми звук сигнала (клаксона) автомобиля.

К пятилетнему возрасту дети осваивают названия автомобилей, часто искажая их точное наименование: «*У моего папы большой Миси-биси Автолендер*» (4,6 – девочка о Mitsubishi Outlander); «*А у моего – Пыжик*» (5 лет – мальчик о Peugeot). Образ формируется под влиянием речи родителей, взрослых носителей языка. Имя бренда часто модифицируется вследствие трудного произношения, ослышек, окказионального творчества: *Ланд крейзи*, *Товота*, *Воля*, *Реношка*, *БМВэшка*, *Ладушка*.

Взрослея, дети употребляют метафорические образы: *четыре колеса*, *мощь моя*, *машина*, *жучок*, *сила*, *силища*, *подружка*, *неубиваемая*, *рыжик*; *пущка*.

Кроме легковых автомобилей, мальчики создают образ машин-тружеников (детское название): *виу-виу-виу* – о спецмашинах при включенной мигалке – проблесковом маячке; *фургонная машина* [Харченко 2012: 27]; *самосвальная машина*; *быстрая машина* – о карете «скорой помощи»; *чистюля* – о мусоровозе; – *порядочная машина* – о патрульной полицейской машине. Тут же при коммуникации у детей возникают вопросы: – *Почему она быстрая? Ездит, как и все.* – *Почему чистюля? А возит всю грязь.* – *Почему порядочная? Потому что порядок любит. А возит всех беспорядочных.*

В логогенезе уместны фольклорные жанры, характеризующие образ автомобиля:

- поговорки: *ВАЗ против нас;*
- считалки: *В гараже стоят машины: Волги, Нивы, Москвичи. Выбирай скорей ключи;*
- отговорки-дразнилки: на предыдущую считалку, которая не понравилась, так как употребляются старые, далеко не популярные марки автомобилей: *Москвичи, Москвичи, а у вас не те ключи;*
- загадки: *Ехал Петя на стальном коне, который пшеницу/траву не ест (машина).*

Дети творят, трансформируя образы из авторских произведений, подчиняя их своему замыслу, «освежая» реминисцированные образы: – *Там на неведомых дорожках следы разбитых Жигулей, / Там БМВ на курьих ножках стоит без окон и дверей.*

В речи мальчиков мы зафиксировали случаи употребления узкоспециальных терминов: – Переворачивает вверх колесами велосипед, исследует неполадки и выносит вердикт: *«Трансмиссия полетела»* (7 лет), а также грубого просторечия: – Обращается на заправке к авто: – *Хавал, Хавал (Naval), ты похавал (заправили бензином, то есть поел)? Тогда вперед, родненький!* (9 лет).

Девочки подходят к образу более избирательно, тактично, используя в речи диминутивы, синестетизм: – *Ты моя маленькая* (речь сопровождается описательными жестами), *французенька моя* (о Renault) (6 лет); – *Хочу себе красивую машину, похожую на божью коровку, но розовощекую, с ресницами* (об аксессуарах для машин); при этом девочка быстро моргает, «хлопает ресницами» *Может быть, как бензиновая радуга* (видела, как в луже разноцветные круги от бензина расплывались) (7 лет); – *Я, когда вырасту, куплю себе практический седан и буду в нем сидеть, повешу себе там вонючую пахучку – пусть вкусно пахнет* (5 лет).

Одухотворение окружающего мира характеризует логогенез: – Машина привезла продукты (в магазин). Машина дальше поехала. *Пока, машина!* [Харченко 2012: 20]; Машина проехала по луже: *О! Машина нам сделала хороший пруд!* [Там же: 114].

Итак, логогенез является определенным семиотическим пространством, так как включает в себя индивидуальные выразительные образы. А составными частями его образной структуры, помимо бессловесных, являются словесные знаки, в которых функционирует авторская мысль юного носителя языка.

Семиотическое пространство является важной ступенью познания мира, проявления детской Я-личности, демонстрации креативных возможностей.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек, текст, семиосфера, история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: Искусство, 2000. – 704 с.
4. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 428 с.
5. Прохоров Е.Ю. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с.
6. Романова С.И. Художественный образ в пространстве семиотических отношений // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2008. – №6. – С. 28–38.
7. Скарнев Д.С. Словарь образов современной рекламы: учебно-справочное пособие. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 111 с.
8. Харченко В.К. Корпус детских высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 520 с.

THE SEMIOTIC SPACE OF IMAGES IN LOGOGENESIS

N.M. Goleva

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The proposed article analyzes the generation of an image in logogenesis (ontogenesis of speech) as a sign object, the formation of which is influenced by social, psychological, and physiological conditions, as well as the peculiarities of a child's communication with language speakers of different ages and cultural backgrounds. The completeness, similarities, and differences, as well as the naturalness of the desired image, largely depend on these factors. We traced the process of image generation and concluded that images in logogenesis are vivid, individual, and belong to "representational semiotics," as they are created using tropeic means and synesthetic reactions. It is important for a child to have a viewer-interlocutor, so that the images are semiotically complete and holistic. The family environment is an important factor in the development of logogenesis.

Keywords: image, logogenesis (ontogenesis of speech), semiotics, anthropocentric paradigm, speech.

УДК 81'373.612

Мичугина С.В.

ХРОМАТИЗАЦИЯ МЫСЛИ: ЦВЕТОВЫЕ МЕТАФОРЫ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
michuginasv@mgpu.ru

Проблема соотношения мысли и слова остается одной из центральных в современной лингвистике, психолингвистике и философии языка. Традиционно в рамках рационалистического подхода к познанию мысль понималась как внутренний, часто амодальный процесс, оперирующий абстрактными категориями, логическими связями и смысловыми комплексами. Однако для того чтобы мысль стала коммуникативно значимой, она должна быть экстериоризирована, т. е. облечена в языковую форму. Этот процесс перевода внутреннего содержания во внешнюю знаковую систему сопряжен с серьезными когнитивными трудностями, а именно передачей нюансов эмоционального состояния, тонких оттенков интеллектуального поиска или экзистенциальных переживаний, не имеющие прямых денотатов в физическом мире.

Одним из наиболее эффективных когнитивных механизмов преодоления этого разрыва является метафоризация. Среди многообразия метафорических моделей особое место занимает цветовая метафора. Цвет, будучи первичным сенсорным опытом человека, обладает уникальной способностью аккумулировать сложные ассоциативные поля, включая эмоциональные, температурные, пространственные и оценочные компоненты. Использование цвета для описания абстрактных явлений мы называем «хроматизацией» мысли. Под хроматизацией мысли мы понимаем когнитивный процесс, при котором абстрактное понятие или внутреннее состояние получает цветовую квалификацию, что приводит к формированию специфического речемыслительного образа. Этот образ не является простой иллюстрацией; он становится онтологической основой самого мышления о данном предмете. Иными словами, мы не просто «раскрашиваем» уже готовую мысль, мы думаем через цвет, и цвет формирует саму структуру нашего понимания.

Актуальность данного исследования продиктована несколькими факторами. Во-первых, в современной когнитивной лингвистике наблюдается рост интереса к проблемам воплощенного познания (*embodied cognition*), где сенсорный опыт признается фундаментом концептуальной системы [Lakoff 1999; Gibbs 2006; Barsalou 2008; Мичугина 2014]. Во-вторых, изучение цветовых метафор позволяет глубже

понять национально-культурную специфику мышления, так как цветовые коды глубоко укоренены в культурной традиции [Мичугина 2016]. В-третьих, понимание механизмов хроматизации имеет важное прикладное значение для теории перевода, лингводидактики и межкультурной коммуникации, поскольку несоответствие цветовых ассоциаций может приводить к искажению речемыслительных образов при межкультурной передаче смысла.

Целью настоящей статьи является выявление и описание механизмов, посредством которых цветовые метафоры участвуют в формировании речемыслительных образов. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- раскрыть теоретическое содержание понятий «речемыслительный образ» и «хроматизация» мысли;
- проанализировать когнитивные операции, лежащие в основе переноса цветовых признаков на абстрактные сферы;
- показать, как цвет наделяет абстрактные понятия сенсорными характеристиками (вес, температура, плотность);
- продемонстрировать роль цветовых метафор в конструировании сложных эмоциональных образов.

Объектом исследования выступают цветовые метафоры в русском языке, функционирующие в различных типах дискурса. Предметом исследования является процесс хроматизации как механизм формирования речемыслительных образов.

Для понимания сути хроматизации необходимо четко разграничить и соотнести ключевые термины: концепт, образ и речемыслительное единство.

В отечественной лингвистике [Степанов 2004; Кубрякова 2012] концепт трактуется как дискретная единица ментального пространства, обладающая сложной структурой, включающей понятийный, образный и ценностный компоненты. Концепт – это «сгусток культуры» в сознании человека. Однако концепт сам по себе часто остается потенциальным, скрытым в ментальном пространстве человека. Актуализация концепта происходит в речи, в момент коммуникации. Именно здесь на сцену выходит речемыслительный образ.

Речемыслительный образ – это динамическое единство интеллектуального и чувственного начала, возникающее в процессе порождения или восприятия высказывания. Это не статичная картинка в голове, а живой процесс осмысления, где мысль обретает чувственную плоть. Как отмечал Л.С. Выготский, мысль не выражается в слове, но совершается в слове [Выготский 1982]. Речемыслительный образ является результатом этого совершения. Он полимодален: задействует зрение, слух, осязание, проприоцепцию.

Согласно теории воплощенного познания, наши абстрактные концепции строятся на базе физического опыта тела. Мы познаем мир через движение, взаимодействие с объектами, сенсорные ощущения. Цвет является одним из самых важных сенсорных сигналов, активно участвует в этом процессе [Мичугина 2011]. Выражения «черная тоска» или «светлая радость» активизируют опыт визуального восприятия света и тьмы для структурирования эмоциональных перцепции. Соответственно, трансформация концепта в речемыслительный образ осуществляется через механизм сенсорной проекции, где цвет играет роль катализатора. Хроматизация мысли – это и есть процесс такой проекции, когда абстрактное содержание «окрашивается», приобретая свойства видимого реального мира.

Хроматизация мысли с когнитивной точки зрения представляет собой не просто литературный прием, а фундаментальную операцию человеческого мышления. Ее суть заключается в переносе признаков из цветового домена (исходная область) в домен абстрактных понятий, эмоций, моральных категорий

или временных отношений (целевая область). Этот процесс базируется на нескольких когнитивных операциях:

1. Сенсорно-эмоциональная корреляция. В психологии восприятия давно установлены устойчивые связи между цветом и эмоцией. Существует множество психологических и психолингвистических теорий, которые рассматривают ассоциации цвета с различными эмоциями. Красный цвет ассоциируется с возбуждением и страстью; синий – со спокойствием, холодом, грустью; желтый – с радостью, энергией. Эти связи имеют как психофизиологическую природу, т. е. основанием является воздействие длины волны на нервную систему, так и культурную обусловленность такого рода ассоциаций. В процессе хроматизации мысль «притягивает» тот цвет, который наилучшим образом резонирует с ее эмоциональным фоном. Например, идея опасности автоматически активирует красный или черный спектры, идея чистоты и истины – белый. Однако ассоциации цвета амбивалентны, и один и тот же цвет может вызывать положительные и отрицательные эмоциональные ассоциации. Красный цвет помимо устойчивых ассоциаций с энергичностью, обладает рядом негативных коннотаций, связанных со значением болезни, опасности и агрессии. Культурная обусловленность определенного цвета также имеет свою вариативность в зависимости от исторических и культурологических кодов в определенной картине мира. Упомянутый выше белый цвет, который в европейской культурной традиции ассоциируется с чистотой и невинностью, в восточном мире выстраивает символические связи с трауром, похоронами и горем.

2. Аксиологическая маркировка через бинарные оппозиции. Цветовые ассоциации имеют двойственный характер. Одной из физических основ хроматизации является оппозиция *свет – тьма*, реализованная в цветовом пространстве как противопоставление *белое – черное*. Эта оппозиция имеет конвенциональную оценочную коннотацию. Свет практически во всех языках ассоциируется с жизнью, активностью, добром. Тьма, соответственно, выстраивает противоположные ассоциации со смертью, горем, злом. Когда мысль хроматизируется через призму данной оппозиции, она приобретает оценочную квалификацию. Сочетание «светлая личность» не просто описывает внешний вид, а формирует образ человека нравственно чистого, открытого, несущего добро. Выражение «темные силы» создает образ чего-то скрытного, враждебного, губительного. Аксиологическая маркировка позволяет цвету выражать как общепринятый этический код, так и национально-специфический, соотносимый с определенной национальной цветовой картиной мира.

3. Пространственно-временная локализация. Цвет может служить опорой для локализации абстрактных понятий в пространстве и времени. «Серое будущее, серые будни, серые дни» представляют временную перспективу как неопределенную и лишенную ярких событий. «Золотые годы, золотая пора, блестящее будущее, розовое детство», наоборот, определяет выбранный период времени как максимально положительный, наполняя его добрыми и насыщенными яркими впечатлениями о пережитом. Цветовая квалификация временных понятий трансформирует абстрактную линейность времени в полисенсорный речемыслительный образ. «Золотые годы» не просто указывают на период молодости, а наделяют его весом, теплотой и невосполнимой ценностью; «светлое будущее» лишается неопределённости, обретая вектор, прозрачность и этическую маркировку. Хроматизация времени выступает когнитивным механизмом преодоления темпоральной абстракции: цвет делает время «осязаемым», а значит, мыслимым в категориях опыта, оценки и памяти.

Специфика языкового сознания определяет два взаимосвязанных регулятора хроматизации мысли: лингвистическую градационность и этнокультурную рамку картирования. Во-первых, развитая словообразовательная система европейских

языков обеспечивает не просто номинацию цвета, а создание дискретной шкалы сенсорной калибровки. Суффиксальные модели (голубоватый, желтистый, чернявый, bluish), а также префиксоидальные сочетания (бледно-, ярко-, нежно-, насыщенно-, pale-, dark-, light-) позволяют говорящему точно дозировать интенсивность, эмоциональную плотность и аксиологический вес понятия, переводя абстрактный концепт в градированный чувственный опыт. Во-вторых, хроматизация регулируется глубинными культурными кодами, которые задают правила проекции цветовых признаков на экзистенциальные категории. Так, в русской лингвокультуре белый цвет амбивалентен: он маркирует не только чистоту, но и пустоту, потусторонность или стихийную угрозу («белая смерть», «белое безмолвие»). В англоязычном сознании тот же концепт смерти хроматизируется иначе – через чёрный цвет (black death), тогда как белый сохраняет преимущественно позитивную или нейтральную семантику. Чёрный цвет в обеих традициях, однако, констатирует скрытность, таинственность или оккультную семантику (dark soul, black magic). Таким образом, хроматизация мысли регулируется взаимодействием языкового инструментария (обеспечивающего тонкую градацию образа) и культурного фрейма (определяющего вектор его смысловой и оценочной привязки). Подобное взаимодействие объясняет, почему один и тот же абстрактный концепт в разных языках обретает различную цветовую фокусировку, при этом когнитивная функция трансформации мысли в осязаемый речемыслительный образ сохраняется.

Механизм формирования образа с помощью цветовой метафоры представляет собой многоуровневый конструкт. Метафора запускает процесс интеграции двух разнородных областей знания. В результате возникает новое эмерджентное свойство речемыслительного образа. Цветовая метафора выступает не столько эмоциональным маркером, сколько инструментом концептуального структурирования. Она задаёт логическую рамку восприятия понятия, определяя вектор ментальной обработки информации. Так, устойчивое сочетание «светлый ум» (где свет (белый) ассоциируется с ясностью, прозрачностью и рациональной точностью) формирует образ мышления как упорядоченного и логически цельного. Напротив, «тёмное дело» или «мутная схема» активируют фрейм неопределённости, скрытности и логического нарушения, что вызывает у реципиента ощущение необходимости проверки или эпистемического недоверия. Особый случай составляет «серая зона». Здесь серый выступает как хроматический маркер промежуточного, амбивалентного цвета и кодирует категориальную размытость, что приводит к бинарной неопределённости при ментальной обработке данного выражения. В обоих случаях цвет организует ментальное пространство, т.к. выполняет роль когнитивного механизма, который распределяет понятия по классам достоверности, ясности и логической цельности, тем самым направляя процесс верификации и категоризации. Хроматизация мысли обеспечивает здесь переход от абстрактного суждения к механизмам его восприятия, при этом сам цвет становится вектором, задающим верное направление мыслительной обработки информации.

Аффективно-оценочное моделирование является частью хроматизации речевого образа. Эмоциональный аспект часто ошибочно сводят к простому «наделению чувства», однако его когнитивная функция специфична: цвет выступает оператором аффективной градации и аксиологической привязки. Он не просто сопровождает мысль эмоцией, а трансформирует её качественный и профиль интенсивности, переводя диффузное внутреннее состояние в дифференцированный речемыслительный образ. Сравним устойчивые коллокации: «чёрная тоска» конструирует образ статичной, поглощающей, экзистенциально тяжёлой подавленности (аффект паралича, безысходности), тогда как «светлая грусть» или «голубая печаль» задают вектор созерцательной меланхолии, ностальгии или эмоциональной дистанции. Цветовой маркер здесь работает как регулятор

субъективного проживания мысли: он указывает реципиенту, как именно следует воспринимать концепт – с тревогой или с принятием, с сопротивлением или с отстранением. Таким образом, эмоциональный компонент хроматизации не дублирует общие наблюдения о связи цвета и чувства, а раскрывает механизм, посредством которого абстрактный концепт обретает личностную значимость и получает «разрешение» на коммуникативное проживание.

Синестетический аспект хроматизации мысли в современной когнитивной лингвистике трактуется не как стилистический приём, а как языковое проявление кросс-модальных корреляций человеческого восприятия. Цветовой домен в метафоре выступает узлом полисенсорной активации: при обработке цветообозначения когнитивная система реципиента параллельно симулирует сопутствующие модальности – термальную, проприоцептивно-тактильную, акустическую и кинетическую. Так, в сочетаниях «холодный синий» или «ледяной голубой» визуальный признак одновременно активирует ту часть фрейма или скрипта, которая включает в себе процессы изменения температуры (понижение температуры, оцепенение, дистанцирование), тогда как «багровый гнев» или «обжигающий красный» запускают симуляцию термального и гемодинамического напряжения (прилив крови, мышечный спазм, нарастание агрессии). Аналогично цветовые маркеры проецируются на кинестетические параметры. В случае с выражением «свинцово-серый» конструируется образ тяжёлой, плотной, статичной субстанции, а «воздушный голубой» проектирует лёгкость, разреженность и динамичное движение вверх. Акустическая корреляция («глухой серый день», «звонкий алый свет») отражает перенос признаков звуковой интенсивности и тембра на визуальный спектр. Именно эта мультимодальная симуляция обеспечивает переход от дискретного признака к целостному речемыслительному образу: цвет выступает когнитивным интегратором, который «сшивает» разрозненные сенсорные модальности в единый гештальт. В результате мысль перестаёт функционировать как абстрактный символ и обретает телесную, пространственно-динамическую форму, доступную для прямого оперирования и коммуникативной трансляции.

Рассмотрим, как хроматизация мысли дифференцирует речемыслительный образ концепта «Страх» в русском и английском языках. Цветовые метафоры страха маргинальны в обеих традициях (уступая температурным и текстурным), однако там, где они актуализируются, цвет выступает строгим когнитивным механизмом построения фрейма:

«Бледный от страха» / *pale with fear, white as a sheet*

Хроматический сдвиг в сторону обесцвечивания кодирует страх как силу, отнимающую жизненные силы. Отсутствие пигмента моделирует физиологический отток крови, но в речемыслительном образе трансформируется в экзистенциальную уязвимость, «стирание» личности, замирание. Цвет здесь работает как маркер дегенерации и пассивности.

«Чёрная паника» / «чёрный ужас» / *black terror, black dread*

В литературно-экспрессивном регистре чёрный цвет конструирует образ страха как всепоглощающей, непроницаемой субстанции. Когнитивный механизм опирается на физическое свойство чёрного спектра поглощать свет: в сознании реципиента активируется фрейм безысходности, экзистенциального вакуума, утраты ориентиров. Образ становится статичным, массивным и лишённым вектора выхода.

«Серая тревога» / «серый страх» / *grey dread, grey fear*

Серый хроматический код моделирует восприятие страха как диффузного фона, лишённого четких границ. В отличие от «чёрного ужаса», «серый страх» реализует скрипт, когда страх не парализует мгновенно, а постепенно увеличивает эмоциональную насыщенность. Английское *grey dread* фиксируется в современной прозе и публицистике как метафора бесконечной усталости, бюрократического или

повседневного ощущения напряженности и тревоги, где цвет кодирует амбивалентность, стирание контрастов и потерю жизненной силы.

В каждом примере лингвистического выражения концепта мысль о страхе не просто «окрашивается», а получает строго заданную когнитивную фокусировку: хроматизация мысли предписывает реципиенту, как именно проживать данную эмоцию – как жизненно важную потерю, как экзистенциальный вакуум или как фоновое истощение. Цвет выступает не иллюстрацией, а инструментом смыслового распределения, превращая абстрактный аффект в дифференцированный речемыслительный образ. Таким образом, цветовая метафора не пассивно отражает реальность, а активно конструирует её в сознании говорящего и слушающего. Она выступает матрицей ментального пространства, где цвет является определенным вектором построения мысли.

Реализация механизмов хроматизации речевого образа строго детерминирована типом дискурса, который задаёт когнитивные цели и коммуникативные конвенции работы с цветом. В корпусе современных текстов можно выделить два полярных регистра: художественный дискурс, ориентированный на концептуальную реконфигурацию, и публицистический (массово-коммуникативный) дискурс, функционирующий в режиме аксиологической стандартизации.

Художественный дискурс характеризуется индивидуально-авторской калибровкой и выделением концептуальной доминанты. В литературном тексте хроматизация мысли выходит за пределы узуальных кодировок, реализуясь как авторская когнитивная оптика. Писатель не воспроизводит готовые цветовые клише, а заново выстраивает концептуальные связи, заставляя реципиента переосмыслить привычные категории. Цвет здесь часто приобретает статус структурообразующей доминанты, обозначающий не отдельный признак, а макрополе смыслового содержания произведения.

Одним из примеров может служить хроматическая система Ф.М. Достоевского. В «Преступлении и наказании» жёлтый цвет трансформируется из дескриптивного признака в маркер экзистенциальной деградации, физиологического истощения и моральной патологии («жёлтые обои», «жёлтое лицо», «жёлтая вода»). Происходит когнитивный сдвиг: цвет перестаёт обозначать визуальное свойство и начинает функционировать как онтологический предикат, формирующий у читателя устойчивый фрейм болезненной, безысходной среды. Восприятие сюжета и мотивации героев опосредуется этой «жёлтизной», которая становится когнитивной матрицей интерпретации, предписывая режим аффективного отторжения и интеллектуального анализа одновременно.

Аналогичный механизм наблюдается в символистской поэзии А.А. Блока. Чёрные и фиолетовые тона в «Незнакомке» и ранней лирике кодируют состояние переходности, метафизической двойственности и разрыва между эмпирической реальностью и трансцендентным идеалом. Хроматизация мысли у А.А. Блока выполняет философско-онтологическую функцию: цвет выступает инструментом концептуализации непознаваемого, задавая реципиенту режим созерцательного, а не дискурсивного восприятия.

В современной прозе и постмодернистской эстетике активно внедряются «кислотные» и неоновые цвета как хроматические коды цифровой среды, виртуальности и искусственной реальности. Высокая насыщенность и неестественная яркость таких оттенков моделируют когнитивный фрейм гиперстимуляции, сенсорной перегрузки и, как результат, отчуждения. Все это формирует речемыслительный образ мира как симулякра, не имеющего физиологическое воплощение и естественной воплощенности.

В противоположность художественному, публицистический и массово-коммуникативный дискурс опирается на узуальную хроматизацию, где цвет работает

как аксиологический ярлык или конвенционализированный маркер для быстрой и однозначной категоризации. Сочетания «чёрный пиар», «красная линия», «зелёный свет», «белые воротнички» не требуют декодирования индивидуальной авторской логики, а активируют готовые культурологические фреймы-сценарии. Здесь хроматизация мысли выполняет функцию оперативного конструирования фрейма, т.к. цвет не усложняет речемыслительный образ, а сжимает его до мгновенно считываемого оценочного маркера. При этом происходит сбережение когнитивных затрат реципиента в условиях высокой информационной плотности современной жизни и в рамках временного ограничения.

Таким образом, дискурсивный регистр определяет когнитивную функцию хроматизации: в художественном тексте она выступает инструментом концептуальной инновации и углубления речемыслительного образа, в публицистическом – механизмом аксиологической стандартизации и когнитивной экономии. Оба регистра подтверждают центральный тезис исследования: цвет не является нейтральным дескриптором или стилистической декорацией, а активно участвует в структурировании мысли, адаптируя сенсорный опыт к коммуникативным задачам и типам сознания, которые обслуживает конкретный дискурс.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что хроматизация мысли выступает не стилистическим приёмом, а фундаментальным когнитивным механизмом, обеспечивающим конвергенцию абстрактных концептов и сенсорно-телесного опыта. Цветовая метафора функционирует как инструмент концептуального структурирования: она преодолевает ограничения дискурсивной вербализации, транслируя невербализуемые состояния в полисенсорные речемыслительные образы.

Механизм хроматизации характеризуется многоуровневой архитектурой, включающей кросс-модальное картирование, аффективно-аксиологическую калибровку и синестетическую проекцию термальных, проприоцептивных и кинетических параметров. В результате формируется речемыслительный образ с высокой интегративной ёмкостью: цвет выступает когнитивным интегратором, синтезирующим логическое построение фрейма, эмоциональную оценку и телесную симуляцию в единую операциональную структуру.

При универсальности когнитивной базы реализация хроматизации строго детерминирована этнокультурными конвенциями и дискурсивными регистрами. В художественном дискурсе она обеспечивает индивидуально-авторскую реконфигурацию концептов и углубление образа, тогда как в публицистическом регистре функционирует как конвенционализированный маркер, оптимизирующий когнитивные затраты за счёт активации узальных аксиологических схем. Историческая и архетипическая специфика цветовых кодов объясняет устойчивость хроматических фреймов в выражении экзистенциальных состояний.

Таким образом, хроматизация мысли предстает как ключевой механизм концептуализации действительности: посредством цветового кодирования человек трансформирует амодальные абстракции и диффузный сенсорный опыт в структурно организованную, коммуникативно действенную картину мира.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – С. 5–361 с.
2. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – С. 13–35.

3. Мичугина С.В. Когнитивное варьирование при формировании категории цвета и ее прототипов // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 19. – С. 294–302.
4. Мичугина С.В. Субъективное и объективное в восприятии и категоризации цветообозначений // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 310–316.
5. Мичугина С.В. Закономерности зрительного восприятия и категоризации терминов цвета // Когнитивные исследования языка. – 2011. – № 8. – С. 292–295.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
7. Barsalou L.W. Grounded Cognition // Annual Review of Psychology. – 2008. – Vol. 59. – P. 617–645.
8. Barsalou L.W. Grounded Cognition // Annual Review of Psychology. – 2008. – Vol. 59. – P. 617–645.
9. Gibbs R.W. Jr. Embodiment and Cognitive Science. – Cambridge University Press, 2006.
10. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 605 p.

CHROMATIZATION OF THOUGHT: COLOR METAPHORS AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF SPEECH-THOUGHT IMAGES

S.V. Michugina

Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University

Abstract. The article examines the chromatisation of thought – a cognitive mechanism for constructing speech-thought images through colour metaphors. It is demonstrated that colour functions as an integrator of logical framing, affective calibration, and multimodal simulation, transforming abstract concepts into sensory-perceptual images. The discursive and cultural specificity of the mechanism's realisation is identified. The findings are significant for cognitive linguistics and intercultural communication.

Keywords: chromatisation, metaphor, cognitive linguistics.

УДК 81'373

Морозова Е.Н.¹, Перелыгина Т.А.²

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОРЧИ

^{1, 2} Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹ morozova_e@bsuedu.ru

² perelygina@bsuedu.ru

Порча представляет собой одно из наиболее значимых явлений в сфере жизнедеятельности человека, поскольку она непосредственно касается вопросов сохранности материальных и духовных ценностей. Формирование научного взгляда на этот феномен зависит от множества факторов, таких как исторический опыт человечества, психологические предпосылки поведения отдельных индивидов и групп, а также социальный контекст, в котором развивается данное явление. Кроме того, изучение порчи невозможно без обращения к культурным и религиозным традициям, которые во многом определяют восприятие этого феномена в различных обществах. В одних культурах порча рассматривается как проявление сверхъестественных сил, в других – как результат целенаправленного негативного воздействия человека. Во всех странах существуют нормы, регулирующие ответственность за нанесение порчи имуществу или репутации. С точки зрения

психологии, феномен порчи тесно связан с вопросами коллективных страхов, нанесением морального вреда.

Настоящая статья посвящена рассмотрению феномена порчи с точки зрения экстралингвистических данных, включающих философские, психологические, социальные аспекты. Данный подход позволяет представить структурные и содержательные особенности концепта «Порча», определить его место среди смежных категорий и сформировать модель вербальной репрезентации данного феномена в общественном сознании и англоязычном коммуникативном пространстве.

Остановимся подробнее на определении понятия порча. Хотелось бы отметить, что представляемое в толковых словарях русских лингвистов (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, В.И. Даль) значение порчи как «болезни, напущенной злой ворожкой» лишь частично представлено в концептуальной области концепта «Порча» в английском языке, как единичное проявление вербального и невербального воздействия на объект с целевым назначением причинения ущерба. Подобное толкование порчи как «болезни, напущенной злой ворожкой» характерно исключительно для русской культуры и отображает ее фундаментальные ценностные ориентиры.

Понятие порчи находится, на наш взгляд, в одной плоскости с такими понятиями как «ущерб», «вред», «убыток».

В уголовном праве оперируют терминами «общественно опасные последствия», «вредные последствия», «причиненный вред» и «причиненный ущерб». В гражданском праве аналогичные явления именуются через понятия «вред», «ущерб» и «убытки». В административном законодательстве используется термин «вредные последствия» [Землюков 1994].

Категория «ущерб» в юриспруденции служит индикатором общественной опасности и следствием любых незаконных или деструктивных деяний, будь то преступление, административное правонарушение или иное антисоциальное действие. Его суть раскрывается через совокупность негативных изменений, возникших в окружающем мире вследствие человеческих поступков или природного воздействия.

Понятие порчи расширяется за счет употребляемых в психологической литературе таких понятий, как «психологический ущерб», «психологический вред», «психологическая травма», «психологическое насилие».

Термины «психологический ущерб» и «психологический вред» рассматриваются Е.Н. Волоковым как равноправные и взаимозаменяемые, и с этим нельзя не согласиться. Автор определяет «ущерб» и «вред» как следствие психологической агрессии и психологического насилия. Другими словами, вред или ущерб может возникать как непосредственный результат психологического насилия, так и вследствие «взаимодействий человека с экстремальными факторами внешней среды, такими как природные или техногенные катастрофы, а также стать следствием иных форм физического насилия» [Волков 2002: 85–88].

Е.Н. Волков под психологическим ущербом (вредом) понимает «последствия социально-психологического воздействия одних людей на других», находящее свое выражение в «искажении и/или затруднении восприятия действительности у объектов воздействия; в препятствовании их самостоятельному и свободному выбору в отношении своих мыслей, поведения и образа жизни; в нарушении сбалансированного, здорового психологического и социально-го развития и/или препятствовании таковому; в усугублении антисоциальных акцентуаций или психопатологических проявлений» [Волков 2002: 87].

Этот тип вреда находит свое выражение в негативных эмоциональных состояниях и переживаниях потерпевшего. Обычно он возникает в ситуациях, связанных с нарушением личной чести и достоинства, угрозами, запугиванием или

шантажом, провоцирующих особые психоэмоциональные реакции и внутренний дискомфорт, касающийся профессиональных достижений, здоровья, репутации, семейной стабильности или уровня благосостояния пострадавшего.

А.Б. Орлова к психологическому воздействию относит «угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, чрезмерную критику, ложь, изоляцию, запреты на поведение и переживание, негативное оценивание, фрустрация основных нужд» [Орлова 2000: 184].

В понимании Л.И. Геращенко, социальное воздействие представляет собой «целенаправленную активность участников социальной структуры, направленную на качественное преобразование структуры личности, ее социобиологических черт и жизненных условий» [Геращенко 2005: 14].

Речевое воздействие также выступает частью социального воздействия и понимается Е.В. Шелестюком как «произвольное или непроизвольное воздействие субъекта на реципиента в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которое определяется сознательными и бессознательными интенциями субъекта, целями коммуникации, пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией» [Шелестюк 2007: 23].

Таким образом, рассмотрев понятия вред, ущерб, убытки, мы приходим к выводу, что «вред» и «ущерб» зачастую выступают как синонимичные понятия. В иерархии правовых дефиниций «вред» занимает положение родового понятия, тогда как «ущерб» и «убытки» рассматриваются как видовые, уточняющие конкретные формы и масштабы наступивших неблагоприятных последствий.

Как было указано выше, понятие порчи, если рассматривать этот феномен через призму действие/процесс/деятельность, неразрывно связано с понятием вреда. Вред в этом случае представляет собой определенный видимый (практически всегда) результат, который подлежит оценке. Вред в таком понимании также выступает как следствие любого воздействия (физического, психологического, социального), направленного как на человека или общество, так и на объекты реальной действительности.

Разделяя точку зрения С.В. Землюкова, мы также придерживаемся мнения, что вред является «заключительным элементом деяния», то есть результат некой деятельности, а также вред связан и выражается в изменениях отрицательного характера, которые имеют свойство существовать после окончания деятельности [Землюков 1994].

Для понимания таких ключевых понятий, как «порча», «вред» и «ущерб», важными оказываются категории «явного» и «скрытого», «осознанного» и «неосознанного», «преднамеренного» и «случайного». Это подчеркивает необходимость анализа этих феноменов с точки зрения общей методологии исследования социальных процессов, базирующейся на концепции человеческой деятельности.

Понимание «порчи» одновременно как вида активности и как протекающего процесса неизбежно влечет обращение к самому понятию деятельности (деятельностному подходу). Оценочная деятельность, являющаяся неотъемлемой частью концепта «Порча», напрямую связана с жизнью и опытом человека. Оценка выражает отношение субъекта к окружающей действительности, а само понятие деятельности служит связующим звеном между выделением ценностных категорий, лежащих в основе организации человеческого опыта, и их последующим выражением в языке через оценочные суждения.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, деятельность – это «специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение, преобразование» [ФЭС 1983: 151].

Действия определяют деятельность и, в сущности, представляют собой процесс, подчиненный сознательной цели. Действия могут совершаться как в результате волевых усилий, так и без учета его воли, то есть исходя из своих или навязанных стимулов. В связи с этим деятельность может быть осознанной или неосознанной.

По нашему мнению, анализ понятий «порча» и «повреждение» невозможен без обращения к категориям «деструкция» и «деструктивные действия».

Особое значение приобретает сопоставление философского термина «человеческая деструктивность» (по Э. Фромму) с понятием «природная деструктивность», которая выступает следствием разрушительной активности человека. Согласно Э. Фромму, деструктивность – это «злокачественная» форма агрессии, присущая исключительно человеку [Фромм, 2004: 16].

К деструктивным относятся не только силы, угрожающие жизни (*например, стихийные бедствия или умышленные разрушения*), но и любые условия, нарушающие естественный ход событий в производстве и быту. При этом Э. Фромм признает существование «доброкачественной» агрессии, необходимой для выживания и имеющей биологические корни; она исчезает, как только исчезает угроза.

Порча или повреждение часто становятся результатом человеческой агрессии, которая под воздействием различных факторов трансформируется из защитной реакции в деструктивную силу.

Этимологические истоки слов «порча», «повреждение», «вред» тесно связаны с идеей «нарушения» и, вероятно, восходят к древнейшим мифологическим сюжетам о первом нарушении установленного порядка (*например, библейский сюжет о грехопадении*). Эти понятия осмысливаются через фундаментальные оппозиции: добро и зло, открытость и сокрытие намерений, порядок и хаос.

Таким образом, категория порчи включается в более широкое понятие зла, что требует рассматривать их в неразрывном единстве. Как отмечает фон Вригт, английское существительное “*evil*” («зло») обозначает как причину вреда, так и сам причиненный вред, тогда как слово “*harm*” («вред») применяется преимущественно к результату негативного воздействия [Wright 1963: 46].

Рассмотрев феномен порчи через смежные и соприкасающиеся с ней понятия, мы считаем целесообразным предложить свое определение порчи.

Итак, порча детерминируется нами как «целенаправленное/нецеленаправленное (намеренное или случайное) действие, обращенное на человека или предмет, результатом которого обязательно будет являться вред (материальный или нематериальный), сущность которого заключается в нарушении свойств и функций данного предмета или в недееспособности человека (физической или умственной), но и как процесс, в котором предмет или человек (под воздействием внешних или внутренних условий) становится плохим, непригодным для дальнейшего использования или не может существовать» [Морозова 2010: 20].

Таким образом, привлечение экстралингвистических данных позволяет глубже проникнуть в сущность явления порчи как объективного факта окружающей реальности. Эти знания связаны с опытом человека и формируют содержательную основу концепта «Порча», одним из распространенных способов выражения которого выступают глаголы типа “*spoil, damage*” («портить, испортить») в английском языке. Экстралингвистические данные помогают выявить различные концептуальные сферы, отражающие разные аспекты представления феномена порчи в сознании говорящих. В совокупности, они образуют целостную когнитивную структуру – своего рода матрицу, лежащую в основе интерпретации и обозначения феномена порчи посредством языка.

Литература

1. Волков Е.Н. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия // Вестник Нижегородского университета. Сер. Социальные науки. – 2002. – Вып. 1. – С. 84–95.
2. Геращенко Л.И. Социальное воздействие на биопотенциал человека: факторы, проблемы, решения: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – СПб., 2005. – 33 с.
3. Морозова Е.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности глагольных лексем, репрезентирующих концепт «Порча» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 192 с.
4. Орлов А.Б. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // Психолог в детском саду. – 2000. – № 2–3. – С. 182–187.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 840 с. (ФЭС)
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятников. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.
7. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и таксономия // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. гос. ун-т. – 2007 – № 1. – С. 23–30.
8. Wright G. H. von. The varieties of goodness. – London: Routledge & K. Paul; New York: Humanities Press, 1963. – 222 p.

EXTRALINGUISTIC GROUNDS OF THE PHENOMENON OF SPOILAGE/DAMAGE

E.N. Morozova, T.A. Perehygina

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article examines the phenomenon of negative influence (spoilage/damage) through the lens of extralinguistic data, including philosophical, psychological, and social aspects. This approach reveals the structural and substantive features of the concept, establishes its place among related categories, and identifies the general conceptual domains that serve as a cognitive background for understanding the various linguistic means used to represent this phenomenon.

Keywords: action, extralinguistic data, conceptual sphere.

УДК 81'373

Мухина И.К.

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТОВ КОГНИТИВНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «СПОРТ»

Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина
mironova-mukhina@yandex.ru

Образные смыслы как составная часть ментального поля концепта возникают на основе совмещения когнитивных признаков концептов, которые не только отображают обусловленные объективными факторами денотативные связи явлений в действительности, но и детерминируются действием человеческого фактора в языке, вызывающим «ассоциативно-образное совмещение фактов, событий, явлений, основанных на ее субъективном восприятии» [Бабенко 2017: 17].

Под языковым образом понимается «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» [Ольховиков 2000: 338]. Любой образ как «смыслопорождающий феномен» обладает, согласно концепции Н. Ф. Алефиренко, следующими свойствами: характеризуется целостностью и смысловой

содержательностью, служит основанием для символической интерпретации [Алефиренко 2005: 114], «создается знаками косвенно-производной сигнификации» [Алефиренко 2005: 116], выступает продуктом «наглядного обобщения» и отбора культурно значимых событий и ситуаций [Там же: 114–115], а в качестве результата восприятия и понимания мира человеком – является категорией сознания [Там же: 115].

При актуализации в речи определенного концепта в сознании всплывают и образы его языкового выражения, которые, по мысли Б.М. Гаспарова, объективируются в виде *мгновенной вспышки*, при этом «образное представление языкового материала выполняет по отношению к этому материалу интегрирующую и синхронизирующую функцию» [Гаспаров 1996: 276].

При когнитивном подходе к образным смыслам как способам хранения информации необходимо опираться на роль образов в языковой деятельности человека. По мнению Б.М. Гаспарова, для того, чтобы в сознании возник «образный отклик», говорящий должен сделать перцептивное усилие. По мысли ученого, роль образного отклика в процессе успешной коммуникации говорящего субъекта особенно значима: «Только представив себе некое языковое выражение – ту частицу языкового материала, с которой мы в данный момент имеем дело, – в виде образа, мы оказываемся в состоянии охватить и осознать это выражение как целое, без чего было бы невозможно “понять” его смысл» [Гаспаров 1996: 273]. Напротив, коммуникативные неудачи в процессе коммуникации обусловлены тем, что «высказывания не вызывают у нас какого-либо осмысленного образа либо вызывают совсем не тот образ, на который мы рассчитывали» [Там же]. В связи с этим изучение языковых образов, стоящих за лексическими единицами с переносным значением, репрезентирующими определенный концепт и обладающими яркой национально-культурной семантикой, представляется актуальным.

Языковые образы как категории языкового сознания способны постоянно вступать в новые ассоциативные отношения, необходимые для моделирования феноменов национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде устойчивых образных представлений [Алефиренко 2005: 115]. При этом осмысливание образа, по Б.М. Гаспарову, происходит следующим образом: «выражение втягивается в работу мысли говорящего: оно соотносится с другими выражениями, близкими и далекими, образы которых всплывают из резервуаров памяти, ассоциативно притягиваясь к только что полученному образному впечатлению; со множеством сведений, воспоминаний, эмоциональных реакций, логических умозаключений, подразумеваний, догадок, пропускающих в его сознании в связи с этим впечатлением-откликом и складывающихся во все новые конфигурации в процессе работы мысли» [Гаспаров 1996: 276].

Рассмотрим, какие образные поля формируют ключевые концепты русского национального сознания, которые входят в когнитивно-идеографическую сферу «Концептуализация сферы “Спорт”» и включают в себя концепты «Соревнование», «Футбол», «Хоккей». Источником материала выступал идеографический словарь концептов [КРЯКК].

Игровое пространство спортивных игр, а также в принципе любого спортивного соревнования как спортивного мероприятия, проводимого по специально установленным правилам, участники которого стремятся превзойти друг друга в борьбе, образно осмысливается как территория сражения, поле битвы, место проведения поединка. Спортивные соревнования уподобляются военному сражению с активными действиями *противников* и осмысливаются в терминах войны (*ринуться в бой, переломить ход борьбы, вырвать победу, сокрушить противника*).

Хоккейные и футбольные матчи образно соотносятся с битвой, поединком спортивных команд, индивидуальной дуэлью за абсолютное первенство. Так,

хоккейный матч ассоциируется с битвой между соперниками за право считаться лучшими (вспомним слова известной песни А. Пахмутовой на стихи поэтов С. Гребенникова и Н. Добронравова «Суровый бой ведет ледовая дружина / Мы верим мужеству отчаянных парней!»).

Быстрые и решительные действия игроков во время футбольного и хоккейного матча уподобляются стремительному наступлению войск на противника (*несов. и сов. атаковать*) подобно военному нападению на кого-либо. Деятельность участников игры ориентирована на активные действия в сторону противника (*нападение, нападающий, бомбардир*) или на оборону (*защита, защитник, оборона*). Действия игроков, которые нападая, забивают или пытаются забить голы в ворота соперника (в футболе) или попасть в них шайбой (в хоккее), уподобляются военным действиям, когда, противники, обстреливая врага из артиллерийских орудий или атакуя с воздуха, сбрасывают бомбы на кого-, что-либо (*бомбардировать*).

Футбольные и хоккейные *бои, поединки, схватки* заканчиваются *победой* одних спортивных команд и *поражением, разгромом* других. Результат не выигранного никем спортивного соревнования уподобляется чему-либо, не принадлежащему никому (*разг. ничей, перен. разг. ничейный*) по аналогии с понятием *ничейная земля*. В рамках широкого исторического контекста важно, что, поскольку в СССР спортивные победы были почти тождественны военным, они воспринимались глобально – как политическая победа социалистического строя над капиталистическим.

Противостояние спортивных команд имеет и конкретное воплощение: исторически в России непримиримыми соперниками являются футбольные клубы ЦСКА и «Спартак». Лучшие спортсмены, а также клубы, спортивные команды, тренеры, имеющие высшие спортивные заслуги и получившие специальные футбольные награды и титулы, которые присуждаются по результатам матчей или по итогам опроса журналистов (например, *Лучший футболист года, Золотой мяч, Золотая бутса, Лучший бомбардир, Футбольный тренер года, Вратарь года* и др.), начинают восприниматься как эталонные (к примеру, Лев Яшин – как образцовый вратарь и т. п.).

Футбол как спортивная игра находит отражение в художественных образах в искусстве. Именно «художественный образ в единстве двух начал – рецептивном и эмоциональном – может на основе рецептивного (звука, цвета) передать эмоции» [Малинина 2018: 23], вызываемые у носителей определенной лингвокультуры сформированным в их сознании концептом.

Командная игра с мячом отражается в живописи (например, картина Пабло Пикассо «Игрок в футбол»), скульптуре (памятники великим игрокам, к примеру, Льву Яшину в Москве), литературе и поэзии (см. стихотворения Н. Заболоцкого «Футбол», О. Мандельштама «Футбол», Н. Глазкова «Футболисты»). Существует много документальных и автобиографических произведений, написанных футболистами и хоккеистами, тренерами и судьями. Общеизвестными российскими фильмами, посвященными футболу, стали фильмы «Вратарь» (режиссер С. Тимошенко) и «Матч» (режиссер А. Малюков). Известным стал фильм «Легенда № 17» (режиссер Н. Лебедев), посвященный хоккеисту Валерию Харламову. Популярна советская спортивная песня «Трус не играет в хоккей» (слова С. Гребенникова и Н. Добронравова на музыку А. Пахмутовой).

Согласно Н.Ф. Алефиренко, именно образ служит основанием для дальнейшей его символической интерпретации [Алефиренко 2005: 114]. Подтверждение этому можно найти в когнитивных признаках спортивных концептов, связанных с яркими историческими фактами, формирующими дальнейшую периферию ментального поля концепта (термин Л.Г. Бабенко), репрезентированную национально-культурными фоновыми знаниями.

К примеру, некоторые спортивные соревнования интерпретируются носителями русского национального сознания в модальности особенной значимости. Так, во время Великой Отечественной войны в оккупированном фашистами Киеве был проведен «матч смерти» – матч киевского «Динамо» с футболистами Вермахта. Через некоторое время после этой игры одни из советских футболистов оказались в концентрационных лагерях, а другие были расстреляны. Особое значение имели также такие соревнования, как серия хоккейных матчей СССР – Канада.

Динамический характер спортивных состязаний находит отражение в переносных значениях устойчивых ассоциативно-образных репрезентаций концептов сферы спорта, многие из которых имеют процессуальную семантику. Например, контрольное упражнение перед соревнованием (*разг. прикидка*) сравнивается с процессом, когда делаются предварительные расчеты, намечается что-либо, а достижение спортивной победы образно представляется в русской языковой картине мира как движение вперед, при котором одни участники оказываются впереди других (*разг. обходить/обойти кого-что*).

Футбол и хоккей – это одни из самых зрелищных видов спорта, так как действия футболистов с мячом, их игровые приемы обладают особой динамичностью и вызывают усиленную зрительскую реакцию.

Футбольные и хоккейные матчи характеризует острота зрительских эмоций: игровые действия воспринимаются болельщиками непосредственно, сопровождаются глубокими переживаниями, детерминируют яркий эмоциональный ответ. Интерес зрителей вызывает, к примеру, чувство ожидания зрелищного игрового действия, когда его участники не знают заранее исхода спортивной встречи. Острые моменты нападения и защиты, игровые ситуации, которые могут закончиться попаданием мяча или шайбы в ворота соперника, вызывают особый интерес зрителей. Обычно *проигрыш*, *разгром* любимой команды воспринимается участниками игры и болельщиками с болью, с разочарованием и другими негативными чувствами, а *победа* любимой команды или национальной сборной на крупных международных матчах вызывает всплеск положительных эмоций, чувство гордости за свою страну.

Игровое поле в футболе и хоккее ассоциируется, не только с местом военного противостояния, но и со сценой спортивного действия: участники матча могут как *заиграть* (*разг.*) – начать играть с максимальной самоотдачей, становясь полезными для команды, результативными игроками, ловко, умело действуя подобно тому, как кто-то начинает играть чем-либо, забавляясь и развлекаясь, так и стать причиной *провала* в игре – временного периода матча, в течение которого команда совершает множество технических ошибок, вследствие чего резко ухудшается качество игры, а также быть основанием для полной неудачи, неуспеха, спортивного поражения команды.

Для образного представления спортивной сферы важен метафорический перенос, связывающий сферу спорта с когнитивной областью восприятия конкретных физических качеств объекта, в связи с тем, что «в нашей перцепции языкового материала такую важную роль играют именно зрительные представления» [Гаспаров 1996: 277]. Так, результат игры, при котором команды не набирают ни одного очка, образно представляется в языковой картине мира как что-то, лишенное необходимого количества влаги (*разг. сухой счет*), а *желтая карточка*, которой отмечают игроки, нарушившие правила, по цвету ассоциируется с листом бумаги со слоем порошка горчицы, применяемым как лечебное средство (*разг. перен. горчичник*); медали, полученные спортсменом за первое, второе и третье места, называются по аналогии с металлами разной степени ценности (*золото, серебро и бронза*).

Оценочной образной интерпретации подвергаются как качество игры в целом и игры отдельных игроков, так и действия игроков на поле в ходе матча, используемые ими приемы и их действия с мячом, нарушения, возникающие в той или иной игровой ситуации, упущенные и реализованные возможности произвести удар мячом или шайбой в ворота соперника, результативность или нерезультативность произведенного удара по воротам, итоговый результат.

Проявленные футболистами и хоккеистами во время матча настойчивость, сила, выносливость, а также быстрота передвижения, умение обвести соперника, неповторимый стиль игры, эффектные броски, точность передачи мяча или шайбы партнеру по команде, молниеносная реакция на изменения игровой ситуации, большое количество голов или попаданий шайбой в ворота противника, упорство в достижении победы оцениваются положительно.

Напротив, технические ошибки игроков, их неинициативность, нечестность, нарушение правил и неспортивное поведение (провокации, оскорбительные выражения или жесты и т. п.) оцениваются отрицательно.

Несмотря на то, что существуют женские футбольные и хоккейные команды, игра в футбол воспринимается как специфически мужской вид спорта для смелых и мужественных людей (*«В хоккей играют настоящие мужчины»*).

Анализ показал, что лексико-фразеологические средства в переносном значении, формируя дальнейшую периферию спортивных концептов, репрезентируют важные для носителей русского национального сознания когнитивные признаки. При ассоциативно-образной репрезентации сферы спорта в национальной концептосфере «наглядно-образное мышление доминирует, и оперирование абстрактными образами в определенной ситуации становится настолько продуктивным, что воображение начинает доминировать над логикой. <...> Образ служит для компактной передачи сложной информации, которую трудно репрезентировать в языке в силу ее многозначности и недосказанности» [Минахин 2015: 88], такой, как понятия инициативности, неповторимого стиля игры, спортивного азарта и т. п.

Развернутая военная и театральная метафоры, ассоциативные переносы, основанные на актуализации конкретных физических свойств объектов номинации, воспринимаемых органами чувств, служат эффективным средством обобщения знаний о мире, поскольку вызванные образной лексикой ассоциации помогают сформировать наглядный и яркий образ спортивного состязания и образно репрезентировать различные его аспекты.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017. – С. 11–21.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
4. КРЯКК – Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017. – 1020 с.
5. Малинина Н.Л. Эволюция художественного образа в сознании и самосознании культуры XX века: автореф. ... докт. филос. наук. – Владивосток, 2018. – 52 с.

6. Минахин Л.В. Образный и логический пути представления информации в языке // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXI. – С. 88–90.
7. Ольховиков Д.Б. «Образность» как категория филологического описания текста // Res linguistica: К 60-летию проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 2000. – С. 338–355.

ASSOCIATIVE COGNITIVE FEATURES OF CONCEPTS OF COGNITIVE-IDEOGRAPHIC SPHERE “SPORT”

I.K. Mukhina

Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University named after First President of Russia
B.N. Yeltsin

Abstract. The article is devoted to identifying lexical means representing associative-shaped cognitive features that make up the further periphery of the key concepts of the cognitive-ideographic sphere «Sport». It was revealed that a visual and vivid image of a sports competition is formed by associative transfers based on the actualization of a detailed military and theatrical metaphor, as well as on the profiling of specific physical properties perceived by the senses.

Keywords: cognitive traits, cognitive ideographic sphere, language image, associative-figurative meanings.

УДК 81'373

Савченко А.В.¹, Хмелевский М.С.²

КОНЦЕПТ «МОСТ» В СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: СИМВОЛЫ, МЕТАФОРЫ, ОБРАЗЫ

¹ Тайвань, г. Тайбэй, Государственный университет Чжэнчжи

² Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

¹ savchenko75@mail.ru

² chmelevskij@mail.ru

Концепт «мост» в славянской лингвокультурологии, как и сама лексема, помимо своего прямого значения, обладает довольно широким спектром образно-ассоциативных коннотаций, выходящих за рамки исключительно словарных толкований [Карасик 2021; Акишина 2016]. Она широко представлена в общечеловеческой картине мира, реализуя свое метафорическо-символическое значение не только вербально, но и иными экстралингвистическими ассоциативными средствами (например, на банкнотах единой европейской валюты – евро – изображение моста олицетворяет единство Европы).

Данное переосмысление образа моста играет немаловажную роль в том числе и в славянских культурах, находя отражение не только в сознании близкородственных (но при этом отличающихся друг от друга в большей или меньшей степени) народов, но и в их языках. В настоящем исследовании представлен обзор наиболее характерных и важных в историческом и лингвокультурологическом плане языковых примеров в мировоззренческом восприятии данного концепта разными славянскими этносами, с акцентом на схожести и различиях в языке и когнитивном сознании их представителей.

Так, в восточнославянской культуре встречается образ каменного моста, однако если русское выражение *дороже каменного моста* говорит 'о чем л. очень дорогим', или *каменного мосте лучше* – 'ком-л., чем-л. очень хорошем', то украинские устойчивые выражения *кам'яний міст*, *калиновий міст* имеют совершенно другие коннотации как в сознании носителя украинской культуры, так и в фольклоре, литературе, метафорике. Например, особым компонентом мифоэпической украинской образности стал *калиновий міст*, символизирующий некое образное связующее между молодостью и зрелостью; здесь прежде всего

подразумевается период времени «до и после замужества»: *ходити по калиновому мосту* – ‘познать счастье любви’, *перейти калиновий міст* – ‘начать новый этап в жизни, повзрослеть, попрощаться с прошлым; выйти замуж’, а также *бути / опинитися на кам’янім мості* – букв. «быть / оказаться на каменном мосту» в значении ‘на распутье’, в метафорическом переосмыслении – ‘стоять / оказаться перед жизненно важным выбором между прошлым и будущим, быть в нерешительности’, что как раз мотивировано ключевым символическим образом моста, соединяющего два берега реки [Савченко 2018: 119], в данном случае, метафорический образ заключается в том, что человек фактически оказывается «между двух берегов», ср. русский образ *витязь на распутье*.

В русской лингвокультуре концепт «мост» можно считать одним из продуктивных, ярких и многозначных образов. Непосредственно на языковом уровне отмечается полисемантичность данного слова, которое, помимо прямого значения, также широко используется и в сфере терминологии, и в разговорной речи, включая сленг и жаргон, при этом все значения объединены общей семой – ‘то, что соединяет / объединяет два объекта’, то есть «нечто связующее» в самом широком смысле, как в прямом, так и переносном значении.

Во фразеологии образ моста, возможно, не самый частотный, однако достаточно часто встречаемый в составе фразеологизмов. Из наиболее употребительных назовем, например, *хоть с моста в воду* – ‘о крайне тяжелом, безвыходном положении’; *наводит / навести мосты* – 1. ‘разузнавать о чем-л.’ 2. Разг. ‘знакомиться с кем-л.’; *сжигать / сжечь [все] мосты* – Книжн. ‘решительно порвать с прошлым, делать невозможным возврат к нему’.

Говоря об ассоциативно-метафорической символике концепта «мост» в русской картине мира в рамках ассоциативного ряда, который вызывается в сознании ее носителей, то одним из стереотипных представлений по праву является город Санкт-Петербург с его многочисленными реками, каналами и соединяющими их берега мостами. Так, в разговорном дискурсе встречается перифрастическое наименование – *город мостов*. Емкое описание А.С. Пушкина города в поэме «Медный всадник» – «*Мосты повисли над водами*» – стало прецедентной цитатой и расхожим метафорическим выражением. Одним из главных и узнаваемых визуальных символов города (часто изображаемым на картинах и фотографиях) стал *Дворцовый мост*, а вид разведенного Дворцового моста олицетворяет период Белых ночей в Петербурге. Мосты вообще играют важную роль в «мифологическом пространстве» города, что отражается в литературе, музыке, изобразительном искусстве, кинематографе.

Прецедентной стала песня «Ленинградские мосты», а такие строчки из нее, как «*У фонарей Дворцового встречалась Вера с Вовой, А Коля – тот бежал на Биржевой*», «[секрет в том, что] *все мосты разводятся, А Поцелуев – извините, нет*» вошли в «цитатную сокровищницу» городского фольклора. Знаковым для городской культуры стал и петербургский *Большеохтинский мост*, что нашло отражение в строках песни Б. Гребенщикова с устойчивым сравнением «*прекрасный, как Охтинский мост*», и это выражение превратилось в расхожий разговорный оборот. В этой же связи нельзя не упомянуть локальное УС, встречаемое в городской песенной культуре, укоренившееся в разговорной речи: (*пролететь*) *под мостом как Чкалов*; оборот отсылает к историческому факту пролета известного летчика-аса В. Чкалова под Кировским (Троицким) мостом [Егоров 2001].

Среди наиболее знаковых петербургских мостов вспомним и *Литейный мост*, зафиксированный в литературе, например, роман Н.Г. Чернышевского «Что делать» начинается со сцены самоубийства Лопухова именно на этом мосту [Орловская 2023: 119]. О нем также писала и А.А. Ахматова: «*Темнеет жесткий и прямой Литейный [мост], Еще не опозоренный модерном*». В петербургской исторической топонимике

он также печально известен (и перифрастически называется) как *мост самоубийц*. Согласно старым городским поверьям, на месте современного моста когда-то был «мост-оборотень», и в безлунные ночи под ним образовывался черный водоворот, который затягивал людей в пучину, а из воды вылезала нечистая сила.

Важную роль играют мосты и в произведениях Ф.М. Достоевского (Раскольников прятал украденное у старухи-процентщицы у *Кокушкина моста* или *Вознесенский мост*, на котором герой романа «Преступление и наказание» часто стоял в раздумьях с мыслями о женщине, бросившейся в воду и т.д.) [Туркина 2022].

В этом смысле своеобразным «родственником» Петербурга можно считать польский город Вроцлав, через который протекает река Одра, образуя вместе с притоками множество островов, поэтому поляки образно называют его устойчивым эпитетом (*Wrocław to miasto (100) mostów* – '(Вроцлав) – город (100) мостов'. В связи с рассматриваемым концептом можно вспомнить польский фразеологизм *prosto z mostu* – букв. «прямо с моста», употребляемый в повседневной речи в значении 'перейти прямо / сразу к делу', или, например, устойчивое выражение *zamieszkać pod mostem* – букв. «поселиться под мостом», т.е. 'потерять свой дом, стать бездомным' (ср. рус. *жить под мостом* в том же значении), либо устойчивое метафорическое выражение *most przyjaźni* – 'мост дружбы', опять же мотивированное прямым значением лексемы как 'нечто соединяющее два берега, единение, место встречи'.

В чешском языке слово *мост* также встречается в устойчивых сочетаниях, например, *maturita je most do dalšího života* – 'окончание школы – путь к новой жизни' (тут вспомним вышеприведенный украинский пример со сходным в некоторой степени по смыслу образом: *на кам'янім мості*), *most vzájemného porozumění* – 'мост взаимопонимания', а также в пословице *nemoc hořký host a někdy ke hrobu most* – 'горе-гость иногда и к гробу гость (досл. «к могиле мост»)'.

Безусловно, одним из самых известных символов Чехии вообще и Праги в частности считается *Карлов мост*, не просто соединяющий два берега реки Влтавы, два района Старой Праги, и являющийся частью т.н. Королевской дороги, – это исторически и культурологически знаковое место, с которым связано множество образов, легенд и преданий. В связи с этим можно упомянуть устойчивое сравнение *stát jako Turek na Karlově mostě* – букв. «стоять как турок на Карловом мосту» – в значении 'бездействовать, быть равнодушным ко всему окружающему', что мотивировано символическим образом одной из статуй в общей архитектурной композиции моста.

В городской топонимике мосты нередко получают шутливо-ироничные «прозвища», обрастая легендами, «объясняющими» это значение. Так, в Одессе известен т.н. *Тещин мост*. Среди версий, поясняющих такое название, обычно приводят две: согласно первой, мост был построен в 60-х годах XX-го века по распоряжению одного из руководителей города, который хотел сократить дорогу к дому тещи, готовившей очень вкусные блины. Вторая говорит о том, такое название возникло из-за того, что мост длинный и слегка качается от ветра «как тещин язык».

В контексте тематики нашей работы нельзя не упомянуть о концепте «мост» на славянских Балканах. Так, одним из самых узнаваемых в сербской (и шире – южнославянской) культурологической картине мира стал старинный каменный мост через реку Дрину в боснийском городе Вишеград, который прославил великий писатель И. Андрич, лауреат Нобелевской премии, в своем историческом романе «*Na Drini ćuprija*» (в русском переводе «Мост на Дрине»). Простоявший многие века и переживший многие исторические события, он, как отмечается в литературоведении, по сути, стал главным героем этого произведения, а само название романа – фактически прецедентной устойчивой фразой-этнокультурологической реалией. Писатель сознательно использует в названии не

славянское слово *most*, а тюркизм, благодаря чему устаревшее локальное турецкое слово *ćuprija* прочно вошло в языковой обиход и укрепилось в современных разговорных языках народов бывшей Югославии, являя собой образ долговечности, стойкости перед всеми невзгодами, незыблемости, несмотря на смены эпох, поколений, войны и прочие катаклизмы нашего времени. Показательным в этом смысле является устойчивое сравнение *čvrst kao na Drini ćuprija* – букв. «твердый / непоколебимый как мост на Дрине», употребляемое по отношению к человеческому качеству, черте характера; или *stoji kao na Drini ćuprija* – букв. «стоит как мост на Дрине» в значениях 1) 'о долговечном строении, напр. доме', 2) 'о человеке, который твердо стоит на своем мнении; человек, которого невозможно переубедить' [Šehović, 2017: 59; Хмелевский 2020: 159].

Вместе с этим отметим ставший концептуальным не только для боснийской культуры и истории, но и для европейской цивилизации в целом мост через реку Миляцку – *Латинский мост* в самом центре г. Сараева, на котором сербским студентом, участником организации «Млада Босна» Г. Принципом был убит эрцгерцог Ф. Фердинанд, что послужило формальным поводом для начала Первой мировой войны. Латинский (ранее – мост Принципа) в наше время является одним из наиболее популярных туристических мест и символов столицы Боснии. В кодовом сознании и мировоззренческом восприятии народов славянских Балкан он до сих пор является метафорическим образом исторической борьбы за освобождение южнославянских земель от Австро-Венгерской империи.

В рамках освещения в славянской культуре концепта «мост» как общеобъединяющего символа нельзя не упомянуть широко известный как с архитектурной точки зрения, так и благодаря историческому фону мост через реку Неретву (серб., босн. *Stari most*) в боснийском городе с однокоренным названием Мостар. Как и в случае с вышеупомянутым устойчивым сравнением *kao na Drini ćuprija*, идиома *kao Stari most* в литературе, фольклоре, разговорном языке употребляется в значении 'долговечный, постоянный, неразрушимый, непоколебимый', но также и в значении 'то / тот, что / кто связывает, соединяет непримиримое, очень разное, не похожее', Второе значение мотивируется экстралингвистическим фактором – мост разделяет две исторически сложившиеся части города: мусульманскую с характерной ориентальной культурой, бытом и укладом жизни, и католическую, жители которых до сих пор находятся в довольно непростых отношениях между собой и по возможности избегают пересекать мост с одного берега на другой, что в сущности являет собой факт попадания по мосту из одной культуры в другую, или – из одного мира в другой, не имеющих ничего общего между собой, разных и взаимонепонятных, хотя, по сути, и находящихся в одном городе. В данном случае, мост выполняет несвойственную ему функцию – если не барьера, то некой незримой «ментальной границы» в сознании жителей города Мостара, проживающих по разные стороны реки Неретвы.

Подводя итоги подчеркнем, что концепт «мост» представляет собой лингвокультурную ассоциативно-когнитивную универсалию, в семантике которой заложены не только многозначность значений, но и целый ряд образных, метафорических, символических и иных (в т.ч. невербальных) смыслов, имеющих свои общие черты как в европейской, так и в славянской культуре. Как мы видим из результатов представленного материала, ключевой семой и метафорой является соединение, объединение. С другой стороны, данный концепт аккумулирует в себе и «национально-специфическое», фиксируя в языке конкретные реалии, выражая определенные образы и отражая символы и прочие ценностные маркеры той или иной нации, ее культуры.

Литература

1. Акишина Е.О. Мост как мифологема и философская метафора / Е.О. Акишина, Н.И. Мартишина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2016. – №4 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/most-kak-mifologema-i-filosofskaya-metafora> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Егоров Е.А. Гипертекст Б.Г.: «Под мостом, как Чкалов» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2001. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-b-g-pod-mostom-kak-chkalov> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Карасик В.И. Мост как лингвокультурный символ / В.И. Карасик, М.С. Милованова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/most-kak-lingvokulturnyy-simvol> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Орловская Т.О. Мифологический образ моста в литературе и его интерпретации на примере мостов Санкт-Петербурга // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97-10. – С. 117–120.
5. Савченко А.В. Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии / А.В. Савченко, М.С. Хмелевский // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. – Грайфсвальд-СПб: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2018. – С. 118–125.
6. Туркина В.Г. Мосты в произведениях Ф.М. Достоевского в культурно-символическом дискурсе // Наука. Искусство. Культура. – 2022. – №1 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mosty-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo-v-kulturno-simvolicheskom-diskurse> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Хмелевский М.С. О разговорном языке современной Боснии / М.С. Хмелевский, И.В. Кузнецова // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. – Чебоксары: Плакат, 2020. – С. 158–163.
8. Šehović A. Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika / A. Šehović, Đ. Haverić. – Sarajevo: FF, 2017. – 269 p.

THE CONCEPT “МОСТ” (“BRIDGE”) IN THE SLAVIC WORLDVIEW: SYMBOLS, METAPHORS, AND IMAGES

A.V. Savchenko¹, M.S. Kchmelevsky²

¹Taiwan, Taipei, Zhengzhi State University

²Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University

Abstract. The lexeme «мост» ("bridge") except its literal meaning, possesses a wide range of figurative and associative connotations; it is widely represented in the universal human worldview, expressing its metaphorical and symbolic meaning not only verbally but also nonverbally (for example, on the banknotes of the single European currency—the euro—the image of a bridge represents the unity of Europe). The symbolic and metaphorical reinterpretation of the image of a bridge also plays a significant role in Slavic cultures, being reflected, among other things, in language. The report presents the most characteristic and important examples from the historical and linguacultural perspectives, in particular, the symbolic meaning of bridges in the Slavic Balkans, primarily the Bridge on the Drina by I. Andrić as a precedent phenomenon of Balkan bridges, the image of Prague's Charles Bridge, the Ukrainian folkloristic expression about the stone bridge, Russian precedent texts, for example: bridges hung over the waters, etc.

Keywords: concept, symbol, metaphor, image.

*Титова А.С.***ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЕДИНИЦА**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
titova_a@bsuedu.ru

Одним из ключевых продуктов речемыслительной деятельности коммуникантов выступает многомерная лингвокогнитивная единица – прецедентный феномен. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «коммуникативная предназначенность языка реализуется в речи в процессе межличностного общения коммуникантов, когда эмпирические (полученные опытным путём) денотативные признаки, зафиксированные единицами языкового кода, отображаются в смысловой (семной) структуре речевых единиц» [Алефиренко 2025: 15]. «Скрепление» в сознании денотативных и коннотативных признаков языковой единицы отражает явление прецедентности как лингвокультурного процесса, в котором отмечен ступенчатый этап становления, формирования, трансформации и функционирования прецедентного феномена [Титова 2022; 2023].

Современная лингвистическая наука, опираясь на учение Ю.Н. Караулова о языковой личности и прецедентном тексте [Караулов 2014] и концепцию И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и Д.В. Багаевой о когнитивной базе и прецедентных феноменах [Захаренко 1997], под последними понимает «единицы, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Захаренко 1997: 82]. Прецедентным может быть текст, ситуация, высказывание и имя.

Прецедентное имя (ПИ) – это особая лингвокогнитивная единица массового коммуникативного сознания, включающего в себя языковое сознание и представляющего часть общего (когнитивного) сознания [Стернин 2002]. В дискурсе прецедентное имя выступают как яркий пример вербализованного речемыслительного образа. Под последним, в свою очередь, понимаем образ, формируемый «в сознании благодаря познавательным процессам, характер которых зависит от личных ментальных способностей коммуниканта и сформированной у него этнической картины мира» [Алефиренко 2021: 10].

Прецедентное – это трёхмерная единица сознания, соответственно, как предмет исследования в науке возможен анализ феномена в разных аспектах:

1. Языковой уровень – изучение ПИ как лексемы, репрезентирующей прецедентный феномен (например, значение лексемы *Плюшкин* в публицистическом тексте).

2. Лингвокогнитивный и когнитивный уровни – исследование ПИ как элемента номинативного поля концепта (например, оним *Плюшкин* как средство репрезентации концепта «Скупость») или как самостоятельный культурный концепт («*Плюшкин*» как символ гоголевского творчества).

3. Коммуникативный уровень – исследование ПИ как инструмента воздействия на адресата в конкретной речевой ситуации (например, использование онима *Плюшкин* в СМИ для оценки скупости или патологического накопительства современного человека) [Титова 2022].

В **языковом сознании** ПИ имеет закреплённое за онимом значение и «отсылает» коммуниканта к анализу конкретного культурного феномена: образу

литературного персонажа, исторической личности, к известному событию и т.п. Например:

- ПИ «*Плюшкин*» – ‘персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», ‘скупой человек’, ‘накопитель хлама’;
- *Дон Кихот* – ‘герой романа Сервантеса’, ‘наивный мечтатель, фантазёр, борющийся за неосуществимые идеалы’;
- *Жанна д’Арк* – ‘историческая личность, национальная героиня Франции’, ‘символ борьбы за свободу, нечто грандиозное и вдохновляющее’.

В когнитивном сознании ПИ выполняет двойную функцию:

1) выступает элементом ассоциативного поля концепта. Например, ПИ «*Плюшкин*» функционирует в сознании представителя русской культуры как синоним скупости и патологического накопительства: «В качестве одного из руководителей нашими финансами, нашей денежной системой, будьте, товарищ Лева, скопидомом, **Плюшкиным**» [НКРЯ: Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок, 2017].

2) представляет собой вербализацию цельного культурного концепта «*Плюшкин*», входящего в текстовую концептосферу «Мёртвые души» [Титова 2022: 42]. Например: «Еще один классический персонаж, родство с которым узнается в *Иудушке Миронова*, это гоголевский **Плюшкин**» [НКРЯ: Идиотушка // Коммерсант, 2005].

В сознании языковой личности прецедентное имя имеет сложную структуру, включающую ядерную и периферийную зоны. Ядерная зона (инвариант восприятия ПИ) есть набор общеизвестных дифференциальных признаков, закреплённых в массовом коммуникативном сознании. Например, для ПИ «*Плюшкин*» это: ‘скупость’ и ‘патологическое накопительство’. Периферийная зона – нестандартные ассоциативные связи, отражающие индивидуальное восприятие языковой личности. Например, ПИ *Плюшкин* в сознании меньшинства носителей русского языка и представителей русской культуры может ассоциироваться с трагической судьбой человека, потерявшего смысл жизни.

Среди многообразия прецедентных имён как национальной лингвокультуры различают 1) моносемантические ПИ (имеют один доминирующий дифференциальный признак), например: ПИ «*Обломов*» → ‘лень’ и 2) полисемантические ПИ (содержат несколько дифференциальных признаков), например: ПИ «*Дон Кихот*»: ‘борьба за справедливость’, ‘занятие бесполезным делом’, ‘наивность’. Дифференциальные признаки ПИ формируются, как правило, в тексте-источнике (первоисточник), однако, массовая культура распространяет и фактор «косвенного первоисточника»: представление о ПИ может формироваться не через первоисточник (например, чтение «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя), а через вторичные источники (научные лекции и литературоведческие статьи о творчестве Н.В. Гоголя, пересказ сюжета на уроках литературы в школе, интернет-статьи, мемы и соцсети («Синдром Плюшкина»).

Функционирование прецедентного имени в тексте-реципиенте

Текст-реципиент – это сфера употребления ПИ вне сферы-источника (художественные произведения, СМИ, разговорная речь и т.п.); интертекстуальное функционирование онима как языковой единицы. Адресант включает ПИ в текст-реципиент, адресат его распознаёт и расшифровывает. Выделяют следующие этапы восприятия ПИ адресатом:

1. «Сопоставление» – языковое сознание распознаёт имя собственное как единицу языка.
2. «Расшифровка» – когнитивное сознание активирует дифференциальные признаки ПИ (денотативное и коннотативное значение онима).
3. «Соответствие» – коммуникативное сознание соотносит ПИ с контекстом и целью высказывания / информирования.

Главная функция ПИ в тексте-реципиенте – смыслопорождение. ПИ выступает в дискурсе как компактный код, вмещающий объёмную культурную информацию. К сопутствующим относят следующие функции ПИ:

1. Оценочная – ПИ используется для эмоциональной оценки субъекта: «*Ну ты и Плюшкин!*» (о жадном человеке).

2. Прагматическая – ПИ воздействует на адресата через эмоционально окрашенный языковой код: «*У всех дети как дети, а у меня Плюшкин*» (выражение недовольства).

3. Текстопорождающая – ПИ запускает развитие сюжета или образа: «*Бойтесь пушкинистов / Старомозгий Плюшкин...*» (В. Маяковский).

4. Эстетическая – ПИ выступает в тексте-реципиенте как метафора или метонимия: «*прореха на человечестве*» (о Плюшкине и сравниваемых с ним).

5. Парольная – ПИ выделяет «своих» читателей: «*Если муж – Плюшкин, или Как жить со скупцом?*» (заголовок статьи).

6. Людическая – ПИ в языковой игре: «*Дай мне Плюшкина в друзья...*» (Н. Минский).

7. Эвфемистическая – ПИ, например, смягчает негативную коннотацию языковой единицы: словосочетание «*Синдром Плюшкина*» вместо «патологическое накопительство» [Титова 2022].

Так, условиями успешной коммуникации является идентичность прецедентных феноменов для адресанта и адресата; акцент на «факторе адресата» – его фоновых знаниях и пресуппозициях. ПИ выступает инструментом переключения между «фактическим» и «ментальным» контекстом мысли, через конкретный оним актуализирует в сознании адресата: 1) денотат (культурный объект); 2) первоисточник (текст, событие); 3) другие прецедентные феномены (ситуации, высказывания, тексты); 4) внешность, черты характера, атрибуты (*худощавая фигура старика, замасленный, засаленный халат Плюшкина*).

Классификация прецедентных имён в современной научной парадигме

В современной лингвокультурологии различают прецедентные имена по следующим категориям:

1. Сфера-источник прецедентного имени:

• Текстовые источники:

- религиозные тексты (*Адам, Ева*);
- античная литература и мифология (*Геракл, Одиссей*);
- художественная литература (*Раскольников, Печорин*);
- фольклор (*Баба-Яга, Кощей Бессмертный*);
- кинофильмы (*Терминатор, Джокер*).

• Социально-исторические источники:

- исторические деятели (*Наполеон, Пётр I*);
- деятели культуры (*Пушкин, Чайковский*);
- современные медийные личности (*Илон Маск*).

2. Локализация функционирования ПИ в пространстве и времени:

- **Межнациональные** (*Дон Кихот, Ромео и Джульетта*);
- **Общенациональные** (*Алёша Попович, Чапаев*);
- **Социумно-прецедентные** (*Зубастик* для футбольных болельщиков);
- **Кратковременные** (имена блогеров, участники «мемов» и «рилсов»).

3. Происхождение онима (тип имени как лексико-словообразовательной единицы):

- антропонимы (*Ленин, Обломов*);
- топонимы (*Чернобыль, Бородино*);
- хрононимы (*Девятое мая*).

4. Тип дифференциального признака ПИ:

- Связанные – актуализируют в тексте-реципиенте прецедентный текст, прецедентную ситуацию или прецедентное высказывание (Раскольников → ‘убийство старухи-процентщицы’);
- Независимые – функционируют как самостоятельные символы (Обломов → ‘лень’).

Выводы

1. Прецедентное имя – важная единица массового коммуникативного сознания, отражающая культурные ценности и антиценности национальной языковой картины мира.
2. Изучение ПИ позволяет понять механизмы взаимодействия языкового, когнитивного и коммуникативного сознания.
3. Анализ функционирования ПИ в текстах разных жанров помогает проследить динамику культурных и языковых изменений в обществе.
4. ПИ выполняют не только номинативную, но и прагматическую, оценочную, эстетическую и другие функции, делая коммуникацию более выразительной и эффективной.
5. Исследование ПИ имеет прикладное значение для лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, психолингвистики и теории коммуникации, а также для практики преподавания русского языка как родного и иностранного.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (80). – С. 10–18.
2. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
3. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 82–103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: URSS, 2014. – 264 с.
5. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. – НКРЯ (дата обращения: 19.03.2026).
6. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание [Электронный ресурс]. – М.–Воронеж, 2002. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm> (дата обращения: 02.03.2026).
7. Титова А.С. Терминологическая база теории прецедентности // Дали Даля: Сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных, посвящённой Дню славянской письменности и культуры, Белгород, 15-17 мая 2023 года. – Белгород: Эпицентр, 2023. – С. 94–102.
8. Титова А.С. Эволюция прецедентного имени в массовом коммуникативном сознании (на примере имени Плюшкин): дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2023. – 193 с.

A PRECEDENT NAME IS A LINGUISTIC AND COGNITIVE UNIT

A.S. Titova

Russia, Belgorod, Belgorod National State University

Abstract. A precedent name is an important unit of mass communicative consciousness, reflecting cultural values and the anti-values of the national linguistic worldview. A precedent name is a verbal image. The study of the precedent name in linguistics makes it possible to understand the mechanisms of interaction of linguistic, cognitive and communicative consciousness. The analysis of the functioning of the precedent name in texts of different genres helps to trace the dynamics of cultural and linguistic changes in society. The precedent name

performs nominative, pragmatic, evaluative, aesthetic and other functions, making communication more expressive and effective.

Keywords: precedent name, precedent phenomenon, speech-thinking image, linguistic and cultural unit, Plyushkin.

УДК 81'22

Токарев Г.В.

СЕМИОТИКА ЧУДА В РАССКАЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»

Россия, г. Тула, Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого

grig72@mail.ru

Рассказ Л.Н. Толстого «Чем люди живы» написан в жанре притчи. В литературоведении данный вид произведения трактуется как «...иносказательная история о случае, представляющем собой не странный казус, а наглядный пример всеобщей закономерности, которой ... необходимо следовать» [Поэтика 2008: 187]. Характерными чертами притчи является поучительность, типичность, иносказательность, императивность. Одним из средств воплощения императивной интенции является удивление адресата. В притчах нередко описываются чудеса, которые имеют аллегорический и назидательный смысл. В православной трактовке чудо – ‘событие или явление, не вытекающее из познанных человечеством законов природы или естественных человеческих сил, а обусловленное сверхъестественными способностями людей или всемогуществом Бога’ [Воскобойников 2008: 281]. На протяжении всего повествования писатель держит читателя в напряжении. Обыденное сознание трактует чудо как нечто необъяснимое, непонятное. Повествование в рассказе «Чем люди живы» поступательно ведёт читателя к постижению чуда. Завязка начинается с момента, когда сапожник видит у часовни что-то непонятное. Повествователь использует символические знаки: место события – часовня, где человек приобщается к таинству Бога. Непонятный предмет, на который обращает внимание сапожник, белого цвета: *глядит – за самой за часовней что-то белеется*. Этот цвет символизирует нравственную чистоту. В совокупности две эти художественные детали готовят читателя к ожиданию чуда. Семантика непонятного, неясного выражена неопределённым местоимением *что-то*. Знаковый фон формирует контрастный контекст: вокруг сумерки, и на этом фоне выделяется неясный белый предмет. Возникает аллюзия на проявление божественного начала в греховном дольном мире. Встречу с незнакомцем сапожник уже называет чудом: *Что за чудо: точно, человек...* [Толстой 1950].

Читатель заинтересован: откуда взялся человек, почему он голый, живой он или мёртвый? Рассуждения сапожника подаются как вариант объяснения: *«Убили какие-нибудь человека, раздели, да и бросили тут»* [Толстой 1950]. Описание внешности незнакомца усиливает эффект непонимания: *И видит Семен – тело тонкое, чистое, руки, ноги не ломаные и лицо умильное*. Явно, что никто не пытался его убить. Таким образом, противоречивые пропозиции усиливают эффект непонимания за счёт их содержательного несоответствия, противоречия, разрешить которое может только чудо. Странны ответы незнакомца: нездешний, никто его не обидел, бог наказал. Последний ответ, безусловно, не воспринимается буквально. Он означает справедливое возмездие за плохие поступки. Главное же, незнакомец не может сказать Семёну, как он здесь оказался: *нельзя мне сказать*. Этот мотив усиливает напряжённость текста, генерирующую когнитивные трудности при его восприятии за счёт несоответствия пропозиций, недостаточности информации.

Странно поведение Михаила.

Какую ни покажет ему работу Семен, все сразу поймет, и с третьего дня

стал работать, как будто век шил. Работает без разгиба, ест мало; перемежится работа – молчит и все вверх глядит. На улицу не ходит, не говорит лишнего, не шутит, не смеется. [Толстой 1950]

Удивительны для семьи сапожника и для читателя поведение Михаила во время приезда барина: *Оглянулся и Семен на Михайлу; видит – Михайла на барина и не глядит, а уставился в угол за барином, точно вглядывается в кого. Глядел, глядел Михаила и вдруг улыбнулся и просветлел весь.* Автор подводит читателя к мысли, что Михаил улыбается чему-то незримому. Наречие вдруг подчёркивает нестыковку когнитивных: не смотрит, но что-то видит.

Михаил шьёт барину не сапоги, а босовики. Семён удивляется, почему он ошибся: выполняет другой заказ. Эта пропозиция также противоречит предшествующим по содержанию: ранее Михаил отлично понимал, что ему следует делать, а сейчас совершает ошибку. Однако оказывается, что барин неожиданно умер. Его жена требует не сапоги, а босовики, которые уже готовы. Тем самым Михаил чудесным образом предугадал, что произойдёт с барином.

Михаил долго живёт у Семёна, но как-то по-особенному, не так как обычные люди: *живет Михайла уже шестой год у Семена. Живет по-прежнему. Никуда не ходит, лишнего не говорит и во все время только два раза улыбнулся: один раз, когда баба ему ужинать собралась, другой раз на барина...* [Толстой 1950].

Ещё одна странность в поведении Михайлы – проявление неожиданного интереса к купчихе и её детям. *То никогда не глядит на улицу Михайла, а теперь припал к окну, глядит на что-то.* Странно поведение Михаила во время рассказа купчихи: он внимательно смотрит на девочек, улыбается. *Поговорили они так промеж себя, поднялась женщина идти; проводили ее хозяева, оглянулись на Михайлу. А он сидит, сложивши руки на коленках, глядит вверх, улыбается.* [Толстой 1950]. Слова *глядит вверх, улыбается* подчёркивают отрешённость героя. Автор фиксирует внимание читателя на трёх улыбках Михаила. Явно, что он улыбается чему-то внутреннему. Читательское напряжение разрешается описанием выражения чуда: Михаил излучает свет. Данный символ имеет узуальный сакральный смысл. Читателю открывается, что Михаил – ангел, наказанный Богом за непослушание. Его улыбки – это прозрение, связанное с пониманием божьего промысла. Эта информация объясняет ранее созданные пропозиционные противоречия.

Таким образом, средствами семиотики чуда в рассказе Л.Н. Толстого «Чем люди живы» являются символы с архетипическими смыслами, противоречие содержания пропозиций, недосказанность.

Литература

1. Воскобойников В.М. Иллюстрированная православная энциклопедия. – М.: ЭКСМО, 2008. – 288 с.
2. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной, 2008. – 358 с.
3. Толстой Л.Н. Чем люди живы // Полное собрание сочинений. В.: 90 т. Т. 25. – М.: Государственное издательство художественной литературы. 1950. – С. 7-25.

THE SEMIOTICS OF THE MIRACLE IN L. TOLSTOY'S SHORT STORY "HOW PEOPLE ARE ALIVE"

G.V. Tokarev

Russia, Tula, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

Abstract. The article examines the semiotic mechanisms of objectification of the miracle intention.

Keywords: text, interpretation, artistic detail, miracle, Tolstoy.

*Фаронская С.А.***ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЫ**

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

sabiko_98@mail.ru

Общение в современных исследованиях часто рассматривается в контексте коммуникативного пространства, определяющего тематику и тип дискурса. Исследование электронного дискурса представляет собой одно из актуальных направлений современной лингвистики, характеризующееся трансформацией языковых практик в виртуальной среде, происходящей под влиянием стремительного развития цифровых технологий, что требует междисциплинарного подхода к анализу новых форм коммуникации, особенностей дискурса пользователей и динамики языковых изменений в данной среде. Наиболее удобным подходом, способным учесть многокомпонентную организацию интернет-дискурса, является когнитивно-дискурсивный подход, который берет во внимание ментальные (когнитивные), дискурсивные и собственно языковые элементы.

Пользователями различных электронных коммуникативных площадок, в частности социальных сетей, являются разновозрастные люди [Кудрина 2019: 177]. Общение пожилых людей в интернете отражает функциональную разновидность русского языка, имеющую свою специфику, «обусловленную реализацией социальной ипостаси человека, выделяемой по признаку возраста» [Ма 2024: 3]. Кроме того, возраст человека является ключевым фактором, влияющим на его языковые и коммуникативные особенности, предпочтения и привычки, репрезентируемые в речи, когнитивное восприятие и др. [Борисова 2022: 65].

Объектом исследования является коммуникация в социальной сети. Предмет исследования – языковые особенности интернет-дискурса пожилых женщин в социальной сети «ВКонтакте». Материалом послужили комментарии пожилых женщин, написанные как ответ-реакция на новостные публикации разных тем в сообществах «Мы – пенсионеры», «Новости для пенсионеров», «Пенсионеры из СССР» социальной сети «ВКонтакте».

Цель исследования: выявить лексико-семантические и когнитивные особенности дискурса пожилых женщин в русскоязычном интернет-пространстве. Для достижения цели решались задачи:

- 1) выявить доминирующие темы публикаций в сетевом дискурсе пожилых подписчиц;
- 2) отобрать комментарии пожилых участниц дискурса;
- 3) выявить семантико-когнитивную специфику дискурса пенсионерок;
- 4) охарактеризовать содержание комментариев с точки зрения оценочности (по шкале «хорошо – плохо»).

Необходимо отметить, что в интернет-коммуникации функционируют десятки жанров, имеющих свою аудиторию, форму и контент. Социальная сеть является исконным жанром интернет-коммуникации, в свою очередь, комментарий в социальной сети «ВКонтакте» является субжанром, т. е. жанром, функционирующим внутри жанра более широкой организации [Фаронская 2024: 2082]. Выбор данной социальной сети обусловлен тем, что «ВКонтакте» является одной из крупнейших коммуникативных площадок современного русскоговорящего интернета, измеряемой по показателю активных пользователей, – более 100 млн человек в месяц [ВКонтакте: сайт]. Платформа поддерживает множество форматов взаимодействия: личные сообщения, обсуждения в сообществах, комментарии к публикациям. Последние обеспечивают репрезентативность выборки для исследования сетевого дискурса, так как к текстам комментариев имеется открытый

доступ, они формируются в режиме реального времени и непосредственно связаны с контекстом. Одной из важных особенностей жанра комментария является также высокая степень интерактивности, формирующая диалогическую цепочку, в которой отображаются когнитивные и дискурсивные специфические черты пожилых участниц дискурса.

Комментарий имеет определенную структуру, включающую в себя пять типов, имеющих конкретные цели и связь с текстом публикации [Фаронская 2024: 2082–2083]. Для настоящего исследования отбирались комментарии первого, второго и третьего типов [Там же].

«Мы – пенсионеры», «Пенсионеры из СССР», «Новости для пенсионеров» – это открытые сообщества в социальной сети «ВКонтакте», аудиторию которых составляет старшее поколение, пожилые люди. Вопрос возрастного разграничения в демографии является достаточно спорным. Согласно данным Демографического энциклопедического словаря, в категорию «пожилые» входит население от 45 до 60 лет [Демографический энциклопедический словарь]. Общепризнанной является возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения, согласно которой к пожилой группе отнесены лица в возрасте от 60 до 74 лет, к старческой – от 75 до 90 лет [КонсультантПлюс: сайт].

Специфика коммуникации пользователей, входящих в геронтологическую группу, заключается прежде всего в том, что она сконцентрирована на особом круге интересов, тематических направлений, имеет коммуникативные традиции [Темаева 2020: 409]. Наиболее популярными темами по количеству публикаций и комментариев, как показал количественный анализ контента сообществ ВКонтакте, являются темы «Пенсия», «Медицина», «Семья», «Дача и садоводство». Кроме того, пожилые участницы сетевого дискурса регулярно апеллируют к прошлому, противопоставляя его настоящему, что проявляется в подобных частотных высказываниях: «в СССР такого не было», «раньше было лучше все: и устрой, и врачи были человечнее, молодежь воспитаннее».

В таблице 1 представлены тематические блоки публикаций интернет-дискурса пожилых женщин, количественные показатели публикаций и комментариев.

Таблица 1. Тематические блоки публикаций в интернет-дискурсе пожилых женщин: количественные показатели публикаций и комментариев

Тема	Количество публикаций	Количество комментариев к публикациям
Пенсия	56	≈ 1300
Медицина	49	≈ 1020
Семья	34	≈ 740
Дача и садоводство	29	≈ 400

Вербализаторами данных тем являются лексические единицы как личные реакции и ассоциации. Приведем несколько примеров репрезентации выделенных тем (орфография и пунктуация авторов сохранены).

1. **Пенсия:** «Когда же вы все поймете. Стаж не играет роли в начислении пенсий. Главное белая зарплата и взносы с нее, уплаченные работодателем на Ваш ИЛС в период с 202 года!! И только это. Остальное учитывается коэф и валоризацией»; «И еще уверена ничего у Вас не крали. А за документами своими и записями в трудовой сами должны следить!!!». В анализируемом высказывании отражается когнитивная модель восприятия пенсионной системы, в рамках которой акцентируется смещение фокуса с трудового стажа на ключевые финансовые параметры формирования пенсионных прав.

2. **Медицина:** «Китайской медицины только не хватало», «Во время проведения СВО военные врачи и медицинские специалисты ежедневно спасают жизни не только военнотружущих, но и мирных жителей. Спасибо вам», «Наша медицина самая развитая в мире». Сопоставление высказываний демонстрирует дихотомию когнитивных моделей восприятия медицины: от скептического отношения к «чужим» практикам (с опорой на предубеждения и когнитивную экономию) до героизации и сакрализации «своих» медицинских работников в условиях социально значимого события (с акцентом на гуманизм, самоотверженность и общественную ценность).

3. **Прошлое:** «Да во времена нашей молодости было проще учеба в вузах медицина путевки в санаторий бесплатно без особых проблем можно было получить жилье не как сейчас жалко молодежь или ипотека на всю жизнь или в кредитах по уши если строить самим», «Раньше ничего не было хорошего, разруха и нищета, и пустые полки в магазинах». Когнитивное восприятие прошлого носит конструктивный характер: оно не воспроизводит объективную картину, а создает интерпретативные модели, служащие для осмысления настоящего, выражения ценностных установок и формирования групповой идентичности. Различия в оценках могут отражать не столько историческую реальность, сколько актуальные потребности и эмоциональные состояния говорящих, а также доминирующие в обществе дискурсивные практики.

4. **Семья:** «У меня пять внуков самой старшей 21год маленькая 11месяцев единственный внук2ноября будет 11лет», «нет ничего важнее, когда дети и внуки здоровы и счастливы». Когнитивное восприятие у пожилых коммуникантов в рамках семейной тематики характеризуется интеграцией эмоциональной, ценностной и временной составляющих: семья выступает как когнитивная структура, организующая опыт, задающая систему координат для осмысления собственной жизни и обеспечивающая психологическую устойчивость в позднем возрасте.

5. **Дача и садоводство:** «Вырастили в собственной теплице Центра, уже и малосолим огурцы 🥒, на следующую весну пообещали 2-ю теплицу поставить под посадку 🍓 клубники с земляникой; редиса; баклажан 🍆; перца и побольше зелени: укроп, петрушка, базилик, листья салат иодированного и т.д.... 🥒😊💚👍». Для пожилых коммуникантов огородничество и садоводство выступают многофункциональным когнитивным конструктом, объединяющим практическую деятельность, эмоциональную регуляцию, ценностно-смысловую ориентацию.

Анализ вербализации доминирующих тем сопоставим, на наш взгляд, с анализом вербализации концептов ввиду того, что в процессе речевого взаимодействия пожилые пользователи не просто обмениваются мнениями, а актуализируют в речи ментальные структуры, концепты. В интернет-дискурсе отображается коллективное или индивидуальное представление о явлениях действительности. Темы и тексты публикаций соотносимы с именами концептов, которые запускают когнитивную обработку и стимулируют репрезентацию концептов, которая, в свою очередь, заключается в комментариях (как во множественной речевой реализации этих концептов). В совокупности социальная сеть, тексты публикаций и комментарии формируют дискурсивное пространство, в котором прослеживаются ассоциации, оценка, семантические связи, репрезентирующие ментальные и мыслительные структуры. Тексты эти «погружены в жизнь», они представляют собой «речевое произведение, интерпретирующее то событие, которое приковало внимание автора, вызвало в нем те или иные переживания и побудило его к вербальной коммуникации» [Алефиренко 2024: 41].

Анализируя язык интернет-текстов пожилых женщин, отметим, что была выявлена низкая включенность людей старшего поколения в современный лингвокультурный контекст. Это проявляется, прежде всего, на лексическом уровне – употреблением устаревших форм слов: «мы в свое время как-то обдумывали, а нынешняя молодежь сначала делает, а думает **опосля**», «**радеют** за нашу старость»; «место-то в транспорте не уступит, молодежь нынешняя, **очи** в телефон, как будто не видят». Употребление фразеологизмов, пословиц и поговорок говорит о преобладании национально-культурного компонента в речи, о близости к народу: «а че спорить-то? **Бох дал бох взял** и забрал обратно»; «Это должно было произойти! Жируют, пируют и **в ус не дуют!**», «вот жили в советское время **как у Христа за пазухой**». В большом количестве зафиксированы этикетные конструкции: «Нижайшая благодарность», «Доброе утро, товарищи! Всем прекрасного дня и настроения!», «С праздником всех Настоящих Медиков... Спасибо».

Ярко выделяется аксиологический аспект – оценка тем публикаций по шкале «хорошо – плохо». В таблице 2 представлены частотные слова позитивной, нейтральной и негативной реакций.

Таблица 2. Оценочная реакция в комментариях по шкале «хорошо – плохо»

Оценка	Частотные репрезентанты выделенных фрагментов	Количество упоминаний
Положительная и нейтральная реакции (хорошо)	Дети	51
	Внуки	62
	Цветы жизни	24
	Цветочки	10
	Радость	19
	Любовь	11
	Смысл жизни	5
	Счастье	19
Негативная реакция (плохо)	Копейки	14
	Калечат	10
	Губят	4
	Убийцы	6
	Смерть	3
	Нищета	19
	Маленькая пенсия	24
	Неучи	3
		1

Анализ реакций на публикации о пенсии и медицине позволил выявить преобладание единиц с отрицательным семантическим наполнением и зафиксировать недоверие к пенсионной и медицинской системе в стране. Негативность выражается в отрицательной репрезентации объекта, ситуации или участника ситуации: «врачи-убийцы, не лечат, а колечат», «пашешь всю жизнь ради нищенских пенсий». Исследование вербализаторов тем «Семья», «Дача и садоводство», напротив, выявило доминирование лексем с положительным коннотативным значением: «одна радость – дети да внуки», «Унывать некогда: У внуков каникулы! Развлекаем и сами с ними развлекаемся!», «Хожу, кормлю внуков, гуляю с ними. В этом вижу смысл жизни. Они так быстро растут...», «Помидорки взошли, все идет как надо, пусть будут вкусенькие», «копаюсь в земле так и отдыхаю, успокаиваюсь».

Таким образом, на основании проведенного анализа коммуникативного материала, полученного из социальной сети «ВКонтакте», выявлен комплекс наиболее репрезентативных характеристик дискурса пожилых женщин. Ключевыми темами интернет-дискурса, соотносимыми с концептами, выступающими в качестве приоритетных «векторов» обсуждения, являются «Пенсия», «Медицина», «Семья», «Дача и садоводство». При этом наблюдается дифференцированная репрезентация указанных тематических блоков: сферы пенсии и медицины преимущественно вербализуются посредством экспрессивных языковых средств с преобладанием негативно-оценочных коннотаций, тогда как темы семьи, дачи и садоводства раскрываются с использованием лексических единиц с положительной эмоциональной окраской, что отражает аксиологическую специфику восприятия соответствующих сфер жизнедеятельности пожилыми женщинами.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Борисова Е.Г. Язык поколений. Как говорят пожилые // Вестник МГПИУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2022. – № 3 (47). – С. 63–71.
3. ВКонтакте: о нас. – URL: <https://vk.com/about> (дата обращения: 05.12.2025).
4. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 614 с.
5. КонсультантПлюс Классификация возрастов ВОЗ. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/klassifikaciya_vozrastov_voz/?ysclid=m29f6uz70z815312945 (дата обращения: 05.12.2025).
6. Кудрина Л.В. Речевые особенности комментария в новостных текстах интернет-изданий // Вестник Московского университета. – 2019. – № 6. – С. 174–194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-osobennosti-kommentariya-v-novostnyh-tekstah-internet-izdaniy> (дата обращения: 10.12.2025).
7. Ма Ю. Лингвистические особенности речевого поведения пожилых носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2024. – 24 с.
8. Темаева И.В. Геронтное общение: социолингвистический взгляд на проблему // Известия Саратовского университета. – 2020. – Т. 4. – С. 407–411. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gerontnoe-obschenie-sotsiolingvisticheskiy-vzglyad-na-problemu> (дата обращения 26.12.2025).
9. Фаронская С.А. Комментарий как реакция на медиапродукт в рамках социальной сети «ВКонтакте»: характеристика, структура и содержание // XV Конгресс МАПРЯЛ: избранные доклады. – СПб: МАПРЯЛ, 2024. – С. 2080–2085.

FEATURES OF THE INTERNET DISCOURSE OF AN ELDERLY WOMAN

S.A. Faronskaya

Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is devoted to the consideration of the specifics of communication between older women on the VKontakte social network through the prism of linguistic personality levels. The paper presents an analysis of the semantic and cognitive components of Internet communication of users in the elderly age group. In addition, some lexical and syntactic features of the elderly woman's Internet texts are displayed. An integrative approach to the analysis of the selected material is applied, which includes the methodology of text linguistics, cognitive linguistics, and Internet linguistics. The object of the study is online communication. The subject of the study is the linguistic features of the Internet discourse of older women on the VKontakte social network. The material was comments by elderly women, written as a response to news articles of various headings (fragment-incentive) in the communities "We are pensioners", "News for

pensioners", "Pensioners from the USSR" on the social network VKontakte. The purpose of the study is to identify the semantic and cognitive features of the discourse of an elderly woman in the Russian-speaking Internet space. As a result of the conducted research, the fragments of the worldview most discussed by subscribers (medicine, pension, family, cottage and gardening), their positive and negative representations were found. To achieve the goal, you need to complete a number of tasks: 1) to select the comments of elderly participants in online discourse, 2) to identify the verbal and semantic specifics of the remarks of retired women, 3) to identify the dominant fragments of the linguistic picture of the world of an elderly (YAKM) woman and the lexical features of the representation of these fragments; 4) characterize the content of the comments from the point of view of axiology (on a scale of "good – bad").

Keywords: Internet discourse, elderly woman, Internet communication.

УДК 81'373

Федуленкова Т.Н.¹, Притомская А.Р.²

ДЕЛОВЫЕ ТЕРМИНЫ-ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

^{1, 2} Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

¹ fedulenkova@list.ru

Важность изучения деловой фразеологии терминологического свойства связана как с экстралингвистическими факторами, так и с лингвистическими. В первом аспекте актуальность работы поддерживается постоянным развитием производства и деловых связей, а также необходимостью обладания соответствующими компетенциями в деловом общении. Второй аспект имеет дело с основной проблематикой терминоведения в условиях качественно новых научных достижений и особенно в плане функциональной дифференциации термина-фразеологизма, то есть такого термина, в основе которого лежит какой-либо механизм семантической трансформации компонентного состава.

Объектом нашего исследования является подборка контекстов национального корпуса современного английского языка в его американском варианте (СОСА). Объем выборки составляет одна сотня контекстов. Предмет исследования заключается в выявлении и изучении функций двухкомпонентных терминов-фразеологизмов делового английского языка на основе корпусных контекстов с ФЕ-термином **hot money** и установление их количественного соотношения.

Теоретическую и методологическую основы работы составили актуальные труды отечественных лингвистов в области структурной типологии [Аракин, 1983; Fedulenkova, 2019; Бакина, 2021; Vasova, 2021], фразеологии и когнитологии [Алефиренко, 2009; 2020; Федуленкова 2020; Бакина, 2023а; 2023б] и терминологии [Fedulenkova, 2023].

В результате структурно-семантического анализа контекстов, содержащих ФЕ-термин **hot money** и извлеченных из национального корпуса СОСА, выясняем следующие факты:

1. Термин-фразеологизм **hot money** способен выступать в функции прямого дополнения, см. контекстуальные примеры:

(1a) *DAVID-STECK: One interpretation is that China is basically lending us the money to buy stuff from them. PAUL-SOLMAN: Now, at this point, we could run a montage of sound bites from politicians, and even some economists, about what a huge problem this is. More graphic and succinct is this futuristic fear video gone viral. MAN-1through-tran: Why do great nations fail? PAUL-SOLMAN: Its about the rise of China, the decline and fall of great empires. They overspent, says the Chinese professor, and went into debt – the most recent great debtor: America. MAN-1through-tran: Of course,*

*we owned most of their debt, so now they work for us. PAUL-SOLMAN: That's one view of the Chinese. But they say they're just being prudent, controlling their currency to keep **hot money** from overheating their economy.* (COCA38: SPOK: PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST) – ДЭВИД-СТЕК: Одна из интерпретаций заключается в том, что Китай, по сути, дает нам займы деньги, чтобы мы покупали у него товары. ПОЛ-СОЛМАН: На данном этапе мы могли бы сделать подборку высказываний политиков и даже некоторых экономистов о том, насколько это серьезная проблема. Это футуристическое видео о страхе, ставшее вирусным, более наглядно и лаконично. MAN-1 through-tran: Почему великие нации терпят крах? ПОЛ СОЛМАН: Фильм рассказывает о возвышении Китая, упадке великих империй. Они перерасходовали средства, говорит китайский профессор, и влезли в долги – последний крупный должник – Америка. MAN-1 through-tran: Конечно, большая часть их долга принадлежала нам, так что теперь они работают на нас. ПОЛ-СОЛМАН: Это один из взглядов на китайцев. Но они говорят, что просто проявляют благоразумие, контролируя свою валюту, чтобы **горячие деньги** не перегрели их экономику. (Здесь и далее пер. наш – Т.Ф.).

(16) *If you look at the U.S., the interest rates here are very, very low. Japanese interest rates are very, very low. This money needs to find a home, to park, to generate higher returns. PAUL-SOLMAN: OK, so, lots of hot money rushes into China. So what's wrong with that? YASHENG-HUANG: They – well, I mean they bid up prices. They buy up the real estate assets. They buy up stock market assets, bid up the prices. And then they have a catastrophic fall, right? That's the fear. PAUL-SOLMAN: But, in actively discouraging **hot money**, by forbidding the open trading of its currency, China opens itself to the now familiar charge.* (COCA41: SPOK: PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST) – Если вы посмотрите на США, то увидите, что процентные ставки здесь очень, очень низкие. Процентные ставки в Японии очень, очень низкие. Этим деньгам нужно найти пристанище, чтобы они могли приносить более высокую прибыль. ПОЛ-СОЛМАН: Итак, в Китай устремляется много горячих денег. И что в этом плохого? ЯШЕНГ-ХУАН: Они... ну, я имею в виду, они повышают цены. Они скупают недвижимость. Они скупают активы на фондовом рынке, взвинчивая цены. А затем происходит катастрофическое падение, верно? Вот чего они боятся. ПОЛ-СОЛМАН: Но, активно противодействуя «**горячим деньгам**», запрещая открытую торговлю своей валютой, Китай подвергает себя уже знакомому обвинению.

2. Термин-фразеологизм **hot money** способен выступать в функции предиката, см. контекстуальные примеры:

(2a) *Whether by design or accident, the type of identity which Osogbo art has tried to give Nigeria abroad and Africa is that of the innocent African child at the crossroads of modernization: See also Robinson 1977. n6 Restrictions exist, though. Thus devotees initiated into the Osun cult and therefore authorized to divine and heal are expected to deliver their services for free or a minimal fee. Moreover, there is good and bad money. The former is known as "cool money" (<...>), like the cool water coming from (the) Osun (river); the latter is **hot money** (<...>), obtained by treachery or deceit.* (COCA44: ACAD: African Arts) – Намеренно или случайно, но тип идентичности, который искусство Осогбо попыталось придать Нигерии за рубежом и в Африке, – это образ невинного африканского ребенка на перепутье модернизации: см. также Robinson 1977, №6. Однако существуют ограничения. Таким образом, ожидается, что приверженцы, посвященные в культ Осун и, следовательно, уполномоченные предсказывать будущее и исцелять, будут оказывать свои услуги бесплатно или за минимальную плату. Более того, деньги бывают хорошие и плохие. Первые известны как «холодные деньги» (<...>), подобно прохладной воде, текущей из (реки) Осун; вторые – «**горячие деньги**» (<...>), добытые предательством или обманом.

(26) # *Seastrom, who was named along with the bank in some of the lawsuits, acknowledged to the Greeley Tribune that he settled most of the claims after firing Allison. And he assured the public that the bank's deposits were safe. He loathed the bad publicity, he said, comparing it to people "attacking your child."* # *But risky practices were pervasive. Seastrom's staff was stockpiling "brokered deposits", funds from customers of brokerage houses seeking the highest yields on CDs. Such deposits are considered **hot money***, said Colorado's acting bank commissioner, Fred Joseph. (COCA47: NEWS: Denver Post) – # Систром, который фигурировал вместе с банком в некоторых судебных процессах, признал в интервью газете Грили Трибьюн, что он урегулировал большинство претензий после увольнения Эллисон. И он заверил общественность, что банковские депозиты в безопасности. По его словам, он ненавидел дурную славу, сравнивая ее с тем, как люди «нападают на вашего ребенка». # Но рискованные методы были широко распространены. Сотрудники Систрома накапливали «брокерские депозиты» – средства клиентов брокерских компаний, которые стремились получить максимальную доходность по депозитному сертификату. Такие депозиты считаются «**горячими деньгами**», – заявил исполняющий обязанности банковского комиссара штата Колорадо Фред Джозеф.

3. Термин-фразеологизм **hot money** способен выступать в функции препозитивного определения, см. контекстуальные примеры:

(3a) *Exports from the region to Europe have already been slowing in the first of this year, although the fall off in demand does not look as deep as it was in the 2009.* # *How developed economies respond to events is of critical interest to policy-makers in emerging markets. A new round of quantitative easing poses a number of challenges the region's central bankers and monetary authorities. While the hope is that quantitative easing would boost growth in developed economies, there are some specific policy risks for emerging markets: **hot money** flows into the region may lead to asset bubbles and inflation.* (COCA10: State of the Region 2012-2013) – Экспорт из региона в Европу уже замедлился в начале этого года, хотя падение спроса не выглядит таким глубоким, как в 2009 году. # То, как развитые экономики реагируют на события, представляет большой интерес для политиков развивающихся рынков. Новый раунд количественного смягчения ставит ряд проблем перед центральными банками и денежно-кредитными властями региона. Хотя есть надежда, что количественное смягчение ускорит экономический рост в развитых странах, для развивающихся рынков существуют некоторые специфические политические риски: приток **горячих денег** в регион может привести к образованию пузырей активов и инфляции.

(3б) <...> devised and carried out this economic treason... every single month (NFL is valued somewhere around 10 billion U.S. dollars) # In exchange the American people get more debt to serve as the pretext for more austerity measures and privatizations and the worthless paper notes created so long ago. # This "designed debt = austerity and privatization" scheme, a plan to force the fundamental shape of democratic structure of the Western world into a corporatist/ neo-fascist model, though being replicated across every social democracy they can manage (Iceland opted out), isn't the end game. Far from it actually. # You see, while they were busy in 1998 laying the groundwork for the economic terrorism structure that would remake the world, they also had to set the stage for dealing with pesky nations that wouldn't allow them access to their **hot money** speculators who sold the bundled instruments of economic destruction. (COCA 23: Globalism State of the Union "American Everyman") – <...> придумал и осуществил это экономическое предательство... каждый месяц (стоимость NFL оценивается примерно в 10 миллиардов долларов США) # В обмен на это американский народ получает все больше долгов, что служит предлогом для принятия новых мер жесткой экономии, приватизации и выпуска бесполезных бумажных банкнот, созданных так давно. # Эта схема «спроектированный долг = жесткая экономия и приватизация», план по

преобразованию фундаментальной формы демократической структуры западного мира в корпоративистскую/ неофашистскую модель, хотя и тиражируется во всех социал-демократиях, которыми они могут управлять (Исландия отказалась от нее), не является конечной целью. На самом деле это далеко не так. # Видите ли, в то время как в 1998 году они были заняты закладкой фундамента для структуры экономического терроризма, которая должна была переделать мир, они также должны были подготовить почву для борьбы с надоедливými странами, не дававшими им доступа к своим спекулянтам с **горячими деньгами**, которые продавали готовые инструменты экономического разрушения.

4. Термин-фразеологизм **hot money** способен выступать в функции предложного дополнения, см. контекстуальные примеры:

(4a) *So somebody with **hot money** and a gun sees his name in the obituaries and decides to borrow his name. Yeah, now all we have to do is interview anybody who read a newspaper in 1969. The gun's not traceable. Maybe the money is. Secretary of the Treasury, C. Douglas Dillon: "Yeah, we noticed. Uh, that would put the bill someplace in the '60s. We figured maybe the bureau had something on the serial numbers. (BEEPING) Excuse me. (SIGHS) Nice office. You want to be an F.B.I. agent when you grow up? He blanked the screen. What? Maybe he thinks we're communist spies. Hi, I'm Agent Tilley. Charmed. Hayden told me about your inquiry. I'm afraid we have nothing that can help you. Well, it looked like he saw something on the <...> (COCA 62: Law & Order (Years: 1990–2010: 391 episodes) Country: USA Genre: Crime, Drama, Mystery) – Итак, кто-то, у кого есть «горячие деньги» и пистолет, видит его имя в некрологах и решает позаимствовать его фамилию. Да, теперь все, что нам нужно сделать, это опросить любого, кто читал газету в 1969 году. Отследить пистолет невозможно. Возможно, дело в деньгах. Министр финансов К. Дуглас Диллон: «Да, мы заметили. Это относит банкноту где-то к 60-м годам. Мы подумали, что, возможно, у бюро есть что-то по серийным номерам. (ПИЩИТ) Извините. (ВЗДЫХАЕТ) Приятный офис. Вы хотите стать агентом ФБР, когда вырастаете? Он выключил экран. Что? Может, он думает, что мы коммунистические шпионы. Привет, я агент Тилли. Зачарованный. Хейден рассказал мне о вашем расследовании. Боюсь, мы ничем не можем вам помочь». Похоже, он что-то увидел на <...>.*

(4б) *On his way out, Bloomberg does a quick Q & A; with a group of Chinese reporters. They're pretty smooth, warming him up with softballs before getting down to business. "So why do you choose these two companies, because there are many companies here in Shenzhen?" "I wanted to pick the couple of companies that were really ahead of their times, pushing the envelope and making a great difference, and I also depended on Goldman Sachs for advice." "So they give you this kind of suggestions?" "Yes, both these companies were picked or suggested by Goldman Sachs. I turn to the experts." The Chinese reporters turn to the pressing question of the Fed's latest purchase of bonds, which they are alarmed about. They get specialized, talking **about** firewalls and **hot money**, and Bloomberg's right there with them, respecting the right of a central bank to engage in quantitative easing but always wishing the best for both nations as they work together to build a better world. (COCA37: MAG: Esquire) – По пути к выходу Блумберг быстро задает вопросы группе китайских репортеров. Они довольно любезны, разогревают его игрой в софтбол, прежде чем перейти к делу. «Итак, почему вы выбрали эти две компании, ведь здесь, в Шэньчжэне, много компаний?» «Я хотел выбрать пару компаний, которые действительно опередили свое время, вышли за рамки возможного и добились значительных перемен, и я также обратился за советом к Гольдману Саксу». «Значит, они дают вам такого рода рекомендации?» «Да, обе эти компании были выбраны или предложены Гольдманом Саксом. Я обращаюсь к экспертам». Китайские журналисты переходят к насущному вопросу о последней покупке облигаций ФРС, которая их встревожила. Они специализируются, рассуждая о брандмауэрах и **горячих деньгах**, и Блумберг*

с ними солидарен, уважая право центрального банка на количественное смягчение, но всегда желая всего наилучшего обеим странам, поскольку они работают вместе, чтобы построить лучший мир.

5. Термин-фразеологизм **hot money** способен выступать в функции подлежащего, см. контекстуальные примеры:

(5a) *Banks are priced far below book value, the breakup value of a company's assets, and this is a shockingly low number. # A depressed stock price creates a perfect opportunity for a hedge fund to come in, take a position and lobby for a spinoff. # Nelson Peltz recently took a 3.3 percent interest in State Street, one of the largest institutional investors in the world. He wants State Street to spin off its investment management business. Notably Mr. Peltz had previously focused on retail ventures like Wendy's and Tiffany's. His turn to financial institutions without apparent prior experience shows how that **hot money** is pouring into the latest Wall Street strategy <...>. (COCA9: Banks May Be Target of Their Own Tactic – Deal Book – The New) –* Банки оцениваются намного ниже балансовой стоимости, то есть ликвидационной стоимости активов компании, и это шокирующе низкая цифра. # Низкий курс акций создает прекрасную возможность для хедж-фонда прийти, занять позицию и лоббировать выделение средств. Нельсон Пельтц недавно приобрел 3,3% акций State Street, одного из крупнейших институциональных инвесторов в мире. Он хочет, чтобы State Street выделила свой бизнес по управлению инвестициями. Примечательно, что ранее г-н Пельтц специализировался на розничных предприятиях, таких как Вендис и Тифанис. Его обращение к финансовым институтам без очевидного предшествующего опыта показывает, как эти **горячие деньги** вливаются в новейшую стратегию Уолл-стрит <...>.

(5б) *# I don't understand the thinking of these people. Throwing money into a dead economy is about like buying a dead horse with the hopes that it will come alive. Every time they do someone ends up with the money in a short time. It does absolutely nothing for the economy except for a short time. The only thing that's going to solve the problem is full employment and put money in people's pocket to buy usefull manufactured products. The problem now is to many stingy tightwads, with the attitude I got mine now you get yours. MONEY IS THE ROOT OF ALL EVIL. # There really isn't inflation though. Housing is stagnated. There is increase in prices of commodities, but some of that is due to weather (cotton meat, milk and grain) and the rest artificial. Plus, **hot money** is flowing into farmland. (COCA17: Why QE3? Because Bernanke Says 25 Million Unemployed is a) – # Я не понимаю ход мыслей этих людей. Вкладывать деньги в мертвую экономику – все равно что покупать дохлую лошадь в надежде, что она оживет. Каждый раз, когда они это делают, кто-то в конечном итоге получает деньги за короткое время. Это абсолютно ничего не дает экономике, за исключением кратковременного эффекта. Единственное, что может решить проблему, – это полная занятость и приток денег в карманы людей для покупки полезных промышленных товаров. Проблема многих скупердяев в том, что они придерживаются такого подхода: «Я получил свое, а ты получишь свое». ДЕНЬГИ – КОРЕНЬ ВСЕХ ЗОЛ. На самом деле инфляции нет. Жилищный сектор находится в стагнации. Цены на сырьевые товары растут, но частично из-за погодных условий (хлопок, мясо, молоко и зерно), а на остальное – искусственно. Кроме того, в сельскохозяйственные угодья поступают **«горячие» деньги**.*

Структурно-семантический и контекстуально-квантитативный анализ изучаемых функций данного термина-фразеологизма приводит к следующим выводам:

1. Термин-фразеологизм *hot money* способен выступать в функции прямого дополнения в 6% случаев.
2. Термин-фразеологизм *hot money* способен выступать в функции предиката в 10% случаев.

3. Термин-фразеологизм *hot money* способен выступать в функции препозитивного определения в 19% случаев.
4. Термин-фразеологизм *hot money* способен выступать в функции предложного дополнения в 31% случаев.
5. Термин-фразеологизм *hot money* способен выступать в функции подлежащего в 31,3% случаев.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 288 с.
3. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1983. – 38 с.
4. Бакина А.Д. Формы, значения и категории языковых и речевых структур // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 1. С. 135–139.
5. Федуленикова Т.Н. Фраземосемиозис как когнитивно-прагматическая проблема. Рецензия на книгу: Алефиренко Н.Ф. «Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса»: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018, 192 с. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2020. – №1. – С. 114–122.
6. Bakina A.D. The Problem of Variability in Biblical Phraseological Units // Вестник ТПУ. – 2023. – № 1 (225). – С. 58–68.
7. Bakina A.D. The linguo-cognitive paradigm for the study of biblical phraseology // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. – Белгород. – Т. 42. – № 2. – 2023. – С. 290–300.
8. Basova T. The comparative analysis of English-Japanese idioms with the component 'guts'/'harawata' // 15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts / Ed. by Jehanne Eveno, Valérie Favre, Vanessa Guignery, Natacha Lasorak, Héloïse Lecomte, Romane Marcon and Marie Rabecq. – Lyon: Université Claude Bernard, 2021. – P. 111.
9. Fedulenkova T. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2019. – Vol. 15. – No 3(45). – Pp. 126–134.
10. Fedulenkova T.N. Phraseologisation as a means of development of business terminology // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2023. – № 4(44). – 156–172.

BUSINESS TERMS-PHRASEOLOGICAL UNITS OF A TWO-COMPONENT STRUCTURE AND THEIR FUNCTIONAL POTENTIAL

T.N. Fedulenkova, A.R. Pritomskaya

Russia, Vladimir, Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov

Abstract. The article is devoted to the study of the behavior of two-component business English phraseological units in order to identify their functional range. The study is based on a sample of contexts with the term **hot money** from the national corpus of the American version of modern English. As a result of the analysis, five most characteristic functions for these two-component phraseological units are identified.

Keywords: phraseology, business English, two-component phraseological units, functional characteristics.

Шкурин О.В.

**НЕОСЕМАНТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ САКРАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ «ИКОНА»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
oksana.shkuran@mail.ru

Концепт «ИКОНА» принадлежит к числу тех феноменов, которые находятся на пересечении богословия, лингвофилософии, искусствоведения, семиотики, когнитивистики, лингвокультурологии и др. С точки зрения семиотики «ИКОНА» понимается как знак, обладающий свойством иконичности, т.е. однозначным соответствием между формой и содержанием языкового знака, проявляющемся в материальном (*form miming meaning*) или структурном (*form miming form*) подобии между означаемым и означающим [Лотман 1992].

Однако в русском языковом сознании слово «ИКОНА» имеет и иное, лингвокультурное измерение: это не просто изображение, а сакральный предмет, «явленный образ» иного мира, «живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения, образ» [СРЯ 1985: 658] и, к тому же, медиатор между человеком и трансцендентным.

Цель работы – выявить и охарактеризовать направления семантической деривации единицы «ИКОНА», установив соотношение традиционного (сакрального) и инновационного (неосемантизированного) значений в различных типах дискурса. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, тексты современных СМИ, интернет-коммуникации (социальные сети, блоги), а также опрос носителей языка.

Теоретико-методологической основой выполненного исследования явились труды российских и зарубежных ученых, посвященные анализу концепта «ИКОНА» в когнитивном и лингвокультурном измерении [Флоренский 1972; Лотман 1992; Пирс 2000; Козлова 2018 и др.]. В работе применялись методы компонентного анализа, контекстуального описания, семантического моделирования и количественной оценки частотности употреблений.

В семиотике, восходящей к работам Ч.С. Пирса, икона представляет собой один из трех важных визуальных знаков – икона (*icon*), символ (*symbol*), индекс (*index*), – поскольку усиление такого рода наглядной коммуникации провоцирует человека к моделированию процессов визуального восприятия и миропонимания. Такой тип мышления обновляет подход в методах анализа категории восприятия. По мнению Ч.С. Пирса, важен не сам иконический знак, а когнитивное воздействие на процесс семиозиса, т.е. «весь универсум пронизан знаками, если не состоит исключительно из знаков», а человек «коннотирует все то, что знает об этом объекте, чувствует (от взаимодействия с ним) и то, что является воплощением формы объекта и способом его понимания» [Пирс 2000: 65]. Иконический знак характеризуется тем, что его означающее репрезентирует означаемое по принципу сходства, аналогии. Как видим, *icon* обладает свойством копирования внешних качеств конкретного предмета и превращает его в знак более общего содержания, «вызывает идею, воздействуя на мозг» [Пирс 2000]. «ИКОНА» не столько отражает физический облик предмета, сколько воплощает определённую схему его восприятия, т.е. когнитивную модель. В нашем случае, концепт «ИКОНА» репрезентирует образ через подобие, поэтому определяется как *hypoicon*, а, по мнению М. С. Кухта, как иконический символ через посредство смысловых трансферов, т.е. «переносит универсальные законы в пространство визуального образа и выражает скрытую суть вещи» [Кухта 2004: 168].

В когнитивной семантике иконичность также понимается как принцип изоморфизма языковой формы и мыслительного содержания. Л.А. Козлова определяет иконичность как «выбор такой языковой формы, которая в определённой степени отражает ментальный образ объекта в сознании» [Козлова 2018: 54]. Иконическое кодирование смысла оказывается наиболее экономным и доступным для интерпретации, поскольку сама форма способствует пониманию значения.

В этом контексте принципиальное значение приобретает различие между наивным и теоретическим пониманием иконичности. Как показывает анализ современной научной литературы, иконичность не следует отождествлять с прозрачностью значения или его непосредственной данностью. Это сложное отношение между различными уровнями репрезентации – перцептивным, концептуальным и языковым.

Такой подход имеет принципиальное значение. Он смещает акцент с отношения между языком и внешним миром на отношение внутри концептуального пространства – между формой и содержанием как двумя полюсами знака. Для лингвистики открывается важная перспектива – иконичность перестает восприниматься как «призрак», от которого следует избавляться в строгом научном анализе, и признается фундаментальным свойством языка, связанным с его когнитивными исследованиями.

Помимо этого, исследуемый концепт иллюстрирует особую эмоциональную насыщенность, потому что имеет образную связь с внешним миром, реальными объектами и имеет отношение к трансцендентальным основаниям бытия.

Вслед за П. Флоренским, «икона напоминает нам об определенном архетипе, то есть пробуждает в нашем сознании духовное видение: для тех, кто ярко и осознанно созерцал это видение, это новое, вторичное видение через икону также является ярким и осознанным. С другой стороны, икона пробуждает дремлющее в нашем сознании восприятие духовного, но вместо того, чтобы просто констатировать, что такое восприятие существует, она позволяет нам пережить или приблизить к нашему сознанию наши собственные переживания такого рода» [Флоренский 1972].

И.В. Бугаева, анализируя религиозный концепт «ИКОНА» как единицу православной концептосферы, ссылается на данные словарей разных исторических периодов, Национального корпуса русского языка и ассоциативного эксперимента среди атеистов и верующих. Судя по словарным фиксациям, лексема является моносемантом с единственным значением и впервые датирована 1073 г. Изборником. Однако с начала XXI в. наблюдается расширение семантического объёма слова: *иконизация текста, иконотекст, иконический бум, деиконизация* и др. нерелигиозные названия. «ИКОНОЙ» называют не только сакральные изображения, но и объекты моды, политики, популярной культуры в значении 'кумир, идол'. В компьютерной сфере закрепляется термин «иконка» для обозначения элемента графического интерфейса, т.е. появляется новое значение 'значок, пиктограмма' [Бугаева 2016: 17].

О расширении концептуального поля «ИКОНЫ» пишут Т.М. Шкапенко, С.С. Ваулина: «В середине XX столетия, существительное *icon* попадает в фокус внимания американских специалистов в области масс-культуры, активно изобретающих «продающие» языковые метафоры. Слово начинает употребляться по отношению к персоне, олицетворяющей собой некое совершенство и пользующейся большой популярностью среди населения» [Шкапенко 2023: 1146]. В исследовании отмечено, что концепт «ИКОНА» до начала XXI в. в русском языке употреблялся исключительно в одном сакральном значении.

Интерес представляет и словообразовательный потенциал концепта. Производные единицы («иконка», «иконный», «иконник», «иконостас»,

«иконописец», «иконовед», «иконография» и др.) демонстрируют различные аспекты осмысления феномена – от уменьшительности до собирательности и атрибутивности.

Особую ценность для понимания концепта «ИКОНА» представляют исследования его функционирования в художественных текстах, где концепт обретает индивидуально-авторское измерение.

Н.Б. Бугакова на материале произведения И.С. Шмелева «Пути небесные» выделяет когнитивные признаки концепта «икона», идентифицированные как индивидуально-авторские. В картине мира Шмелева икона предстаёт не просто как предмет культа, а как живое присутствие иного мира, как точка соприкосновения земного и небесного [Бугакова 2016: 72–74].

Е.Г. Озерова рассматривает культурный концепт «ИКОНА» как «имманентную систему интертекстуально-вербально-невербальных культурных кодов православного сознания» [Озерова 2013: 598]. На примере «Лета Господня» И.С. Шмелева исследователь показывает, как икона раскрывает духовную самобытность славянского народа, как через этот концепт транслируются базовые ценности православной культуры.

Важно отметить, что в художественном тексте концепт «ИКОНА» актуализирует не только денотативные, но и коннотативные, символические, ассоциативные признаки. Икона может выступать как:

- сакральный объект, обладающий чудотворной силой;
- семейная реликвия, связующая поколения;
- эстетический феномен, воплощающий представления о красоте;
- психологический «якорь», обеспечивающий связь человека с его духовными основаниями.

Анализ современного словоупотребления показывает, что концепт «ИКОНА» находится в процессе активной семантической трансформации. Расширение сочетаемости (*монитор-икона, икона стиля, икона своего времени, икона химии – таблица Менделеева, икона маскулинности Жерар Депардье, икона большевистской революции* и др.) [НКРЯ] свидетельствует о десакрализации концепта и его адаптации к нуждам массовой культуры, т.е. иллюстрирует иной антиценностный уровень, ведущий к деструкции личности и новой культурно-языковой константе, напр.:

Начнем наш обзор с Брюсселя, где с 24 по 27 октября проходил 13-й «Маршрут моды» (*Mode Parcours*), в этом году получивший название **«Икона стиля»**. (Люба Попова. *В поисках индивидуальности* // «Теория моды», 2014); *Красавица или дворняжка? Икона стиля или Фотошоп? Ее простодушие от глупости или искренности?* (Игорь Найденов, Наталья Водянова. *Личное тело Натальи Водяновой* // «Русский репортер», 2012) [НКРЯ];

В больших лабораторных помещениях присутствует неременная **«икона» химии** – таблица Менделеева, вытяжные шкафы становятся неотъемлемым атрибутом интерьера (рис. 9.24). (Михаил Левицкий. *Карнавал молекул* (2019)) [НКРЯ];

Дальше будет еще хуже: на следующий год режиссер снимет «Прощай, самец», где у него опять сыграет главную роль **икона маскулинности** Жерар Депардье, а феминистки изнасилуют последнего достойного мужчину Нью-Йорка, лишив его веры в человечество (Елена Кушнир. *Пацаны не плачут. Кризис маскулинности в истории и на экране* (2019.03)) [НКРЯ] и др.

НКРЯ иллюстрирует первое употребление слова «ИКОНА» в произведении И.А. Желябужского «Дневные записки» (1682-1709 гг.) и около 4500 текстов с исследуемым словом. Чаще всего слово «ИКОНА» употребляется с существительными *Спаситель, Богородица, святитель, Троица, преподобный, чудотворец Николай*; с прилагательными, называющими место почитания:

Тихвинская, Казанская, Владимирская, Феодоровская, Иверская и др. или благоговейной сущностью иконы: чудотворная, святая, церковная, с глаголами-сказуемыми висеть, храниться, пребывать, являть, украшать, темнеть, мироточить, приковывать, которые придают особую почтительность к религиозному артефакту христианской культуры.

Используя современные русскоязычные нейросети GigaChat, DeepSeek, ChatGPT, мы получили результаты, которые отмечаются корреляцией между качеством результатов и языковым профилем обучающих данных:

ChatGPT:

священное изображение, используемое в христианской традиции, прежде всего в православии;

DeepSeek:

многозначное слово, но в первую очередь имеет сакральное значение (священное изображение Иисуса Христа, Богородицы, ангелов или святых, выполненных на дереве, холсте или металле);

икона стиля/моды (образец, эталон вкуса);

икона рока/спорта (легендарная культовая личность);

графический значок (пиктограмма) на экране компьютера или телефона;

GigaChat:

Икона – это священное изображение, используемое в христианстве (в первую очередь в православии) для молитвы и почитания. На иконах изображены Иисус Христос, Дева Мария, ангелы, святые и важные события священной истории. Само слово "икона" происходит от греческого слова εἰκών, что означает "изображение" или "репрезентация".

Таким образом, с когнитивной точки зрения, в современном русском языке с концептом «ИКОНА» действуют механизмы метафорического переноса и продуктивного синтеза когнитивного и лингвокультурного – безусловной ценности, образцовости, способности притягивать внимание и почитание. Концепт «ИКОНА» становится моделью для описания объектов, претендующих на культурную канонизацию. Как подчеркивает Ю.М. Лотман, «икона представляется метафорой, возникающей на столкновении двух разнонаправленных энергий: энергии божественного Логоса, который стремится высказать себя людям, и энергии человека, который возносится в поисках высшего знания, – она представляет собой часть ритуально-риторического контекста, охватывающего не только процесс создания иконописцем иконы, но и весь духовный строй его жизни, подразумевает строгую и праведную жизнь, молитвы, пост и духовное вознесение» [Лотман 2001: 173], что требует интегративного – семиотического, когнитивного, лингвокультурологического – подхода в представлении концепта «икона».

В результате исследования установлено, что процесс неосемантизации лексемы «ИКОНА» реализуется по нескольким ключевым моделям. Во-первых, наблюдается метафорический перенос по принципу «образец для подражания» / «эталон», что особенно характерно для сфер моды, музыки, кино и спорта (*икона стиля, икона рока, икона спорта*). В данном контексте религиозный компонент «священное изображение» полностью редуцируется, остаётся лишь семантический признак «чтимости» и «непревзойдённости». Во-вторых, в компьютерной и цифровой сфере (под влиянием англ. icon) словом «ИКОНА» обозначается графический символ, пиктограмма на экране устройства, что представляет собой метонимический сдвиг по линии «изображение → элемент интерфейса». В-третьих, зафиксированы промежуточные, гибридные употребления, где сакральная семантика сохраняется частично, создавая эффект иронии или стилизации.

Мы пришли к решению, что неосемантизация «ИКОНЫ» не приводит к полному вытеснению исходного значения, но формирует полисемичную структуру, в которой традиционный религиозный смысл сосуществует с новыми, производными.

Ключевым фактором, ускоряющим этот процесс, выступает языковая экономия и стремление к выразительности в массовой коммуникации. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования полученных данных при составлении толковых словарей нового типа, в преподавании русского языка как иностранного (особенно при освоении культурно маркированной лексики) и в разработке теоретических курсов по семантике и неологии. Перспективой исследования является сопоставительный анализ неосемантизации других сакральных единиц («крест», «святой», «молитва»).

Литература

1. Бугаева И.В. Концепт икона в русской языковой картине мира // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 3 (20). – С. 13–20.
2. Бугакова Н.Б. Икона в языковой картине мира И.С. Шмелева (индивидуально-авторские особенности восприятия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 4 (58): в 3-х ч. – С.72–74. [Электронный ресурс]: www.gramota.net/materials/2/2016/4-3/ (дата обращения: 22.03.2026).
3. Козлова Л.А. Явление иконичности в языке: семиотический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале английского языка) (Единица языка и методы их исследования в междисциплинарном аспекте) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1. – С. 47–55.
4. Кухта М.С. Специфика репрезентации смысла в иконических символах: постнеклассическая интерпретация теории Ч.С. Пирса // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – Выпуск 2 (39). – С. 167–171.
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Статьи по семиотике и топологии культуры. Том 1. – Таллин: Александра, 1992. – 242 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.03.2026).
7. Озерова Е.Г. Культурный концепт «Икона» в лирикопрозаическом тексте // Філологічні студії. Кривий Ріг. – 2013. – Вип. 9. – С. 598–607.
8. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ, Алетейя, 2000. – 352 с.
9. Флоренский П. Иконостас // Богословские труды. – 1972. – Сб.9. – С. 82–148.
10. Shkapenko T. M. Semantic Transformations of the Lexeme Икона in the Russian Language of the Newest Period / T.M. Shkapenko, S.S. Vaulina // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Вып. 14 (№4). – С. 1139–1153.

NEOSEMANTIZATION OF THE LINGUISTIC SACRED UNIT “ICON” IN MODERN RUSSIAN

O.V. Shkuran

Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the process of neosemantization of the sacred linguistic unit “icon” in modern Russian. The relevance of the research is due to the active semantic transformations occurring in the lexicon under the influence of extralinguistic factors, including the secularization of society, digitalization, and intercultural communication. Sacred lexemes, which have long functioned primarily in religious discourse, are now acquiring new meanings, sometimes far from their original ones, which requires systematic linguistic description.

The aim of the work is to identify and characterize the directions of semantic derivation of the unit “icon” establishing the relationship between traditional (sacred) and innovative (neosemanticized) meanings in various types of discourse. The research material included data

from the National Corpus of the Russian Language, texts from modern media, internet communication (social networks, blogs), as well as a survey of native speakers. The work employed methods of component analysis, contextual description, semantic modeling, and quantitative assessment of usage frequency.

As a result of the research, it was found that the process of neosemantization of the lexeme "icon" is realized through several key models. Firstly, a metaphorical transfer is observed based on the principle of "role model" / "benchmark," which is particularly characteristic of the fashion, music, film, and sports spheres ("icon of style", "rock icon", "sports icon"). In this context, the religious component "sacred image" is completely reduced, leaving only the semantic feature of "veneration" and "unrivaledness". Secondly, in the computer and digital sphere (under the influence of the English "icon"), the word "icon" denotes a graphical symbol, a pictogram on a device screen, which represents a metonymic shift along the line "image → interface element". Thirdly, intermediate, hybrid usages have been recorded, where the sacred semantics are partially preserved, creating an effect of irony or stylization.

The authors conclude that the neosemantization of "icon" does not lead to the complete displacement of the original meaning but forms a polysemous structure in which the traditional religious meaning coexists with new, derived ones. The key factor accelerating this process is linguistic economy and the pursuit of expressiveness in mass communication.

The practical significance of the article lies in the possibility of using the obtained data for the compilation of new types of explanatory dictionaries, in teaching Russian as a foreign language (especially when mastering culturally marked vocabulary), and in the development of theoretical courses on semantics and neology. The research prospect is a comparative analysis of the neosemantization of other sacred units ("cross", "saint", "prayer").

Keywords: neosemantization, semantic derivation, sacred lexemes.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ОТ ОБРАЗНОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ – К ПОРОЖДЕНИЮ ТЕКСТА

УДК 81'374

Артёмов О.А.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет
иностранных языков
artimosh2008@rambler.ru

В фокусе внимания современной лингвистики, развивающейся в рамках антропоцентрической парадигмы, находится человек как носитель языка и сознания. Инструментом, обеспечивающим переход от внутреннего замысла к его текстуальному воплощению, выступает дискурс [Алефиренко 2018] – «живой процесс взаимодействия мысли и слова» [Алефиренко 2025: 45] через речемыслительные образы – ментально-вербальные структуры, формирующиеся в ходе когнитивного освоения окружающей действительности, выступающие воплощением коллективного культурного опыта и объективируемые устойчивыми сочетаниями – фразеологизмами. Данный теоретико-методологический ракурс анализа обуславливает переход от общепринятого в лексикографии дефиниционного толкования значения фразеологизмов, к их комплексной лингвокультурной интерпретации, позволяющей раскрыть не только их семантические характеристики, но и значимый прагматический потенциал.

В связи с этим возрастает научная и практическая значимость создания полиязычных фразеологических словарей нового поколения, приоритетной задачей в разработке которых становится не только переводческая функция, но и обеспечение культурологической релевантности представленных в подобных лексикографических справочниках лингвистических данных. Поставленная задача может быть реализована посредством включения в архитектуру словарной статьи лингвокультурного комментария – специализированного раздела, манифестирующего национально-культурную специфику устойчивых выражений через раскрытие их историко-этимологического генезиса, предметно-понятийного содержания и образной составляющей.

Отметим, что отдельные элементы лингвокультурного комментирования не являются исключительно достижением современности: его истоки прослеживаются в традициях славянской лексикографии середины XIX – начала XX столетия, что свидетельствует о преемственности научных подходов. Так, в трудах В.И. Даля, А.О. Подвысоцкого, И.М. Снегирёва и других собирателей народной речи паремии сопровождаются разнообразными пояснениями этимологического характера с указанием на фольклорные источники [Даль 1955], краеведческими и страноведческими справками [Даль 1955]; этнографическими пояснениями [Жуков 2000: 5]).

В академических собраниях пословиц конца XX – начала XXI вв. данная традиция нашла своё продолжение в лаконичных, но предельно ёмких культурологических ремарках, способных в сжатой форме передать сложные смыслы. Такие комментарии обеспечивают интерпретацию диалектизмов (например, *канкавый* – ‘горбатый’ [Жуков 2000: 542]), архаичной лексики (*подлекарь* – ‘помощник врача’ [Снегирев 2014: 326]) и социально-исторических аллюзий (*стучать лучше, чем перестукиваться* – отсылка к репрессиям 1930-х годов [Мокиенко 2010: 881]).

Современное теоретико-методологическое обоснование лингвострановедческого подхода в русскоязычной лексикографии было заложено в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин 1990]. Хотя лингвокультурный комментарий широко востребован в мировой лексикографии, единый стандарт его организации пока не выработан. Данная ситуация обусловлена отсутствием консенсуса среди фразеографов относительно структуры, объема и способов подачи культурно маркированной информации [Городецкий 1983; Заграевская 2012].

Тем не менее, синтез существующих подходов дал возможность ведущим славистам выделить фундаментальные принципы организации лингвокультурного комментария в полиязычном фразеологическом словаре:

1. Паритетность: единицы обоих языков комментируются одинаково;
2. Унификация параметров: объем, структура и глубина комментария должны быть идентичны для всех языков представления;
3. Фокус на значимом: предметом описания становятся компоненты, наиболее важные для межъязыкового сопоставления;
4. Взаимная проекция: комментарии даются отдельно, но их содержание должно быть семантически соотнесено [Бредис 2017: 21].

Соблюдение этих принципов позволяет не только выявить этнокультурную уникальность фразеологии конкретного народа, но и обнаружить универсальные смыслы, служащие фундаментом эффективной межкультурной коммуникации.

Структурно лингвокультурный комментарий включает три взаимодополняющих композиционных блока:

1. *Историко-этимологический* с раскрытием происхождения фразеологизма. Например, английская идиома *between Scylla and Charybdis* [CD] со значением выбора между двумя одинаково опасными или неприятными альтернативами, требует подачи этимологической справки ее происхождения из древнегреческой мифологии: Сцилла и Харибда – это два морских чудовища, которые, согласно древнегреческим мифам, охраняли узкий пролив. Мореплавателям приходилось либо проходить между ними, рискуя попасть в пасть Сцилле, либо подвергаться смертельной опасности со стороны Харибды.

2. *Страноведческий* с отражением быта, традиций, социальных норм. Например, значение фразеологизма *пад гаршчок падстрыгаць* ‘очень коротко стричь волосы, часто без учёта эстетики или личных пожеланий’ [СФ 1, с. 298] сформировалось на основе короткой стрижки, напоминающей по форме дно горшка – типичного предмета кухонной утвари характерной формы в быту белорусского крестьянина.

3. *Зону собственно культурологического комментария* с интерпретацией мировоззренческих доминант, архетипов, мифологических представлений, культурных кодов (соматический, фитоморфный и т.д.). Например, устойчивое выражение *кадук яго ведае дзе* ‘неизвестно где’ [СФ 1, с. 535] содержит лексему *кадук*, обозначающую болотного духа, приносящего материальный и физический вред.

В белорусско-английском фразеологическом словаре лингвокультурный комментарий органично встраивается в архитектуру словарной статьи наряду с разделами номинации, орфографической, грамматической, прагматической и семантической информации, иллюстраций и паспортизации. Зона номинации включает белорусский фразеологизм в корпус словаря. Раздел орфографической информации представляет варианты его написания. Грамматической компонент содержит сведения о структурно-языковых характеристиках белорусской единицы. Раздел прагматической информации репрезентирует ее функциональные параметры. Блок лингвокультурного комментария белорусской фразеологической единицы содержит описание ее национальной специфики относительно ее англоязычных

аналогов. В зоне семантической информации раскрывается значение фразеологизма. Раздел эквиваленции содержит его англоязычные соответствия, которые сопровождаются собственным лингвокультурным комментарием, если они являются неполными эквивалентами белорусского фразеологизма. Иллюстрации репрезентируют контексты употребления белорусского фразеологизма и его англоязычных эквивалентов с переводом на белорусский язык. Раздел паспортизации представляет информацию об источниках языкового материала.

Словарная статья представляется следующим образом:

ПАЙСЦІ НА СЯЛО [ФСМТЯК, с. 555]

Вык. Разм. Ужываецца з назоўнікамі, якія абазначаюць асобу. Каб хутчэй і непрыкметна ішоў час, адправіцца хадзіць, бязмэтна праводзіць час.

Традыцыйна сяло вызначаецца як гаспадарчы і адміністрацыйны цэнтр навакольных вёсак. Метафарычна сяло ўспрымаецца як прастора спакою, вынесена за межы будзённай мітусні, пераход да адпачынку, дзе час цячэ павольна і непрыкметна.

*~ **to go for a walk to kill time** [LDCE, p. 900; HAPC, с. 454].*

Літаральна 'пайсці на шпацыр, каб забіць час', метафарычнае пераасэнсаванне якога пазначае намер зрабіць паўзу ў справах для псіхалагічнай разгрузкі.

*«Ты, можа, паклічаш маму?» – «Яна, мусіць, **на сяло пайшла**», – прамовіла разважліва дзяўчына (Я. Колас) [ФСМТЯК, с. 555].*

*"Could you call Mum?" – "She may **have gone for a walk to kill time**", – said the girl thoughtfully [АПНКРЯ] '«Ты, можа, паклічаш маму?» – «Яна, мусіць, **на сяло пайшла**», – прамовіла разважліва дзяўчына'.*

Подобная организация словарной статьи обеспечивает не только комплексное представление структурных, семантических и функционально-прагматических характеристик фразеологической единицы, но и позволяет эксплицировать механизм вербализации актуализируемого ею речемыслительного образа посредством его лингвокультурной интерпретации.

Таким образом, речемыслительные образы как сложный, многоаспектный феномен, возникающий на пересечении языка, мышления и культуры и хранящий в себе реликты когнитивной обработки действительности и культурного опыта носителя языка, обуславливают применение интегральной методики для полноценного описания их семантики, установления скрытых механизмов вербализации репрезентируемых ими ментальных моделей и адекватной лексикографической репрезентации посредством включения лингвокультурного комментария в структуру словарной статьи полиязычного фразеологического словаря. Нормативно-справочный статус такого лексикографического справочника трансформируется в полноценный инструмент межкультурного диалога, что позволяет пользователю получить доступ не только к поверхностному значению репрезентирующей речемыслительный образ фразеологической единицы, но и к стоящей за ним глубинной логике иноязычного мышления, что позволяет нивелировать укоренившиеся стереотипы восприятия и способствует осуществлению успешной коммуникации на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия.

Літаратура

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса. Монография. – М.: Флинта-Наука, 2018. – 192 с.

3. Бредис М. А. Лингвокультурологический комментарий в полиязычном фразеологическом словаре / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131.
4. Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 318 с.
5. Городецкий Ю.Б. Проблемы и методы современной лексикографии // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 5–22.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – 3-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей (ГИС), 1955. – Т. 1. – 699 с.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 537 с.
8. Заграевская Т.Б. Теория словаря в отечественных оригинальных концепциях конца XX – начала XXI века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 3 (Филология). – С. 90–98.
9. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
10. Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи / под ред. О.А. Платонова. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 528 с.

Список источников иллюстративного материала с принятыми сокращениями

- АПНКРЯ – Английский подкорпус Национального корпуса русского языка. – URL: ruscorpora.ru/new/search-para.html (дата обращения: 20.02.2026).
- СФ 1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 1: А–Л. – 669 с.
- СФ 2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2: М–Я. – 702 с.
- НАРС – Новый англо-русский словарь / В. К. Мюллер [и др.]. – Изд. 2-е, стер. – М: Рус. яз., 1995. – XIV, 880 с.
- CD – Collins Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 05.05.2025).
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – 3rd ed. – Harlow: Longman, 1995. – 1668 p.

COGNITIVE-DISCURSIVE IMAGES AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION: LINGUOCULTURAL APPROACH

O.A. Artemova

Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University of Foreign Languages

Abstract. The article examines speech-thinking images as lexicographic objects within a linguoculturological approach. It substantiates the necessity of linguocultural commentary in multilingual phraseological dictionaries, including historical-etymological, country-specific, and cultural components, transforming them into effective intercultural dialogue tools.

Keywords: speech-thinking images, lexicography, linguocultural commentary.

Власова Т.А.

**РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ПРОПОВЕДИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА
И ПРОТ. АНДРЕЯ ТКАЧЕВА)**

Россия, г. Челябинск, ЧОУ «Челябинская православная гимназия во имя Святого
Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца»
idea01t@gmail.com

Современная православная проповедь представляет собой сложный коммуникативный феномен, находящийся на пересечении церковной традиции и актуальных общественных запросов. Возвращение интереса к духовному красноречию в постсоветский период актуализировало лингвистические исследования религиозного дискурса, долгое время остававшегося закрытым для научного анализа. Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137], что в полной мере относится и к проповеди, которая не только транслирует богословские истины, но и реагирует на вызовы современности.

Цель данной статьи – выявить и сопоставить риторические приемы в проповедях двух известных современных церковных деятелей: митрополита Илариона (в миру Григория Валериевича Алфеева) и протоиерея Андрея Ткачева. Материалом исследования послужили 20 проповедей (по 10 у каждого автора), произнесенных в период 2019–2025 гг. и доступных в виде видеозаписей и стенограмм. Выбор авторов обусловлен их значительным влиянием на церковную аудиторию и принципиальными различиями в риторических стратегиях. Теоретическую основу работы составляют исследования в области теории дискурса [Арутюнова 1990; Карасик 2000], религиозной коммуникации [Бобырева 2007; Прохвятилова 1999], а также классические труды по риторике [Волков 2001].

Риторический анализ проповедей митрополита Илариона позволяет выделить несколько устойчивых приемов, которые мы рассмотрим на конкретных примерах. Антитеза является одним из ключевых приемов в арсенале митрополита Илариона. В проповеди на Благовещение Пресвятой Богородицы, произнесенной 7 апреля 2024 года в храме Всех святых в Страсбурге, владыка строит развернутое противопоставление: «Богородица могла бы сказать: “Я еще слишком молода, я не готова, я не доросла до такого служения, мне нужно еще пожить для себя, подумать о замужестве, о детях, о своем земном счастье”. Но Она не сказала так. Она сказала: “Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему”. И в этом Ее ответе – весь смысл христианского подвига: не искать своей воли, но верить себя воле Божией». Здесь через антитезу человеческой логики («пожить для себя») и божественного призвания («Раба Господня») раскрывается суть евангельского события. В проповеди на Рождество Христово (Храм Христа Спасителя, 7 января 2023 года) антитеза служит для противопоставления двух царств: «Царство Ирода держится на страхе, на насилии, на преступлении. Царство же Христа, “Царство Мое не от мира сего”, держится на любви, на правде, на жертве». Противопоставление усиливается параллелизмом конструкций, что характерно для библейской поэтики.

Метафора в проповедях митрополита Илариона часто носит развернутый характер и опирается на святоотеческую традицию. В проповеди на праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября 2024 года, московский храм «Большое Вознесение») он говорит: «Крест Христов – это древо жизни, которое Господь насадил посреди истории. Подобно тому, как в раю было древо познания добра и зла, принесшее смерть, так на Голгофе было насаждено новое древо – Крест, приносящий жизнь. И каждый из нас может прийти к этому древу, прикоснуться к

нему верую и получить исцеление». Метафора «древо жизни» получает развитие через противопоставление с древом познания, создавая целостный богословский образ. В проповеди на Сретение Господне (15 февраля 2023 года) он использует метафору света: «Симеон Богоприимец держит на руках Младенца Христа как светильник, в котором горит свет миру. И мы, приходя в храм, тоже должны зажигать свои светильники от этого неугасимого Света, чтобы идти им во тьме жизни». Здесь метафора органично вплетается в символику праздника и богослужебного действия.

Цитирование Священного Писания у митрополита Илариона отличается точностью и глубиной экзегезы. В проповеди на воскресный день (Неделя о расслабленном, 2024 год) он не просто приводит евангельский текст, но и комментирует его, вскрывая скрытые смыслы: «Христос спрашивает расслабленного: “Хочешь ли быть здоров?” (Ин. 5:6). Казалось бы, вопрос странный: тридцать восемь лет человек лежит у купели, очевидно, что он хочет исцелиться. Но Господь ждет от него исповедания веры, ждет, чтобы человек осознал свое желание и выразил его. И когда расслабленный отвечает: “Так, Господи” – он не просто констатирует факт, он исповедует свою веру в Того, Кто стоит перед ним». Цитата становится отправной точкой для психологического и богословского анализа. В проповеди на Успение Богородицы (28 августа 2023 года) цитирование ветхозаветных прообразов (ковчег Завета, лестница Иакова) служит для раскрытия догматического учения о Богородице как «честнейшей херувим».

Важной особенностью дискурса митрополита Илариона является его ритмическая организация и синтаксический параллелизм. В проповеди на Пасху (5 мая 2024 года) мы наблюдаем характерную структуру: «Христос воскрес, и жизнь живет! Христос воскрес, и никто не мертв во гробе! Христос воскрес, и смерть уже не властна над человеком!». Троекратное повторение, восходящее к литургической традиции, создает эффект нарастания и торжества. Такая организация речи характерна для эпидейктического красноречия, целью которого является не столько убеждение, сколько воодушевление и духовное укрепление.

Совершенно иной риторический стиль демонстрирует протоиерей Андрей Ткачев, что особенно заметно при анализе конкретных текстов.

Риторический вопрос и диалогизация являются доминирующими приемами в проповедях Ткачева. В проповеди «О страшном суде» (Неделя мясопустная, 2023 год, храм святителя Василия Великого в Москве) он буквально атакует слушателя вопросами: «Ты знаешь, что будешь гореть, если не покаешься? Знаешь. И что? Молчишь? Живешь, как живешь? А Христос за тебя на Кресте висел – тебе все равно? Или ты думаешь, что Бог – это такой добрый дедушка, который всех простит, потому что он “по определению” любовь?». Вопросы следуют один за другим, не оставляя паузы для размышления, создавая эффект интенсивного внутреннего диалога. В проповеди «О покаянии» (2024 год) он обращается к воображаемому оппоненту: «“Батюшка, а вот я грешу и каюсь, грешу и каюсь – и что мне делать?” А ты перестань грешить! “Не могу!” А ты попробуй! “А вдруг не получится?” А ты начни!». Такая имитация разговора с паствой, с использованием прямой речи и реплик, максимально приближает проповедь к живому общению.

Градация как прием смыслового нагнетания ярко проявляется в проповеди «Время встречи» (2023 год), посвященной подготовке к Великому посту. Ткачев выстраивает последовательное восхождение: «Первое – это просто остановиться. Второе – оглянуться вокруг и увидеть, что рядом с тобой живые люди, а не функция. Третье – увидеть над собой небо. Четвертое – услышать тишину, в которой говорит Бог. И только тогда, на пятое, – начать молиться не “дай, дай, дай”, а “Господи, я здесь, я слушаю Тебя”». Постепенное усложнение и углубление духовного опыта передается через ступенчатое расширение смысла. В проповеди «О семье» (2024 год) градация строится на эмоциональном нарастании: «Ребенок должен видеть, что

папа любит маму. Не просто терпит, не просто живет рядом, не просто зарабатывает деньги, а именно любит – с нежностью, с заботой, с готовностью жизнь за нее отдать». Каждое последующее уточнение усиливает и конкретизирует предыдущее.

Метафора и аналогия у Ткачева носят подчеркнуто бытовой, часто сниженный характер, что резко контрастирует с книжной метафорикой митрополита Илариона. В проповеди «О молитве» (2024 год) он поясняет: «Молитва – это не накачка духовных мышц. Это не культуризм. Ты не становишься лучше от того, что много молишься, как спортсмен становится здоровее от тренировок. Молитва – это разговор с Любящим. Это когда ты просто пришел и сказал: “Папа, я устал, мне плохо, я не знаю, как дальше”». Сравнение молитвы с культуризмом, а Бога с «папой» – пример характерной для Ткачева тактики «остранения», когда высокое передается через простое и доступное. В проповеди о Евхаристии он использует аналогию с едой: «Тело Христово – это не символ. Это не значок, не медалька, которую повесил на шею и пошел. Это ХЛЕБ. Еда. То, без чего человек умирает. Вы понимаете? Бог стал для нас ЕДОЙ, чтобы мы Им жили». Эпатирующая прямота аналогии служит задаче преодоления формального, обрядового восприятия таинства.

Цитирование Писания у Ткачева часто представляет собой парафраз и актуализацию. В проповеди о блудном сыне (Неделя о блудном сыне, 2024 год) он пересказывает притчу современным языком: «Представьте: парень приходит к отцу и говорит: “Пап, ты, конечно, еще не умер, но мне уже сейчас нужны деньги. Давай мою долю, я ухожу”. Это же хамство, это же плевок в душу! А отец взял и отдал. И парень ушел. И все спустил – на девочек, на рестораны, на красивую жизнь. А когда остался без ничего, в свинарнике, с голодным брюхом вспомнил, что у отца даже наемники сыты». Библейский текст здесь снижен до разговорной лексики, что делает его максимально понятным для прихожан, но, в то же время отходит от оригинала и является сниженным. В проповеди «о Мытаре и Фарисее» он явно обращается к примерам из реальной жизни, говоря против людей, которые склонны соблюдать внешнюю сторону поведения – правильно одевать, правильно креститься и кланяться, в ущерб реальной воцерковленности.

Показанные примеры отличаются тяготением к сниженной лексике «плевок в душу», «по полной программе». Широко распространенными становятся даже просторечные выражения: «Не надо тут: “ой, батюшка, я недостойная, ой, я грешная”, а самой в это время на мужиков заглядываться». Применение такой речи сделано целенаправленно, так как оно направлено на простых граждан и ставит оратора как бы на один уровень с ними.

Сравнительный анализ позволяет говорить, что оба проповедника сохраняют каноны жанра проповеди. Для них характерно обращение к пастве. Но, если у Илариона показательным становится обращение в возвышенном стиле («возлюбленные мои»), то у Ткачева особенностью становится сниженный стиль «дорогие мои». Это говорит об употреблении проповеди на основании возвышенного стиля [Карасик 2000: 15]. Кроме того, оба оратора употребляют свои речи с целью поучения.

Тем не менее, различия в речи проповедников имеют принципиальный характер. Митрополит Иларион обладает умением выстраивать коммуникацию со слушателем на основе классической проповеди, соблюдая ее структуру и догмы. Андрей Ткачев стремится работать в жанре новой проповеди, потому для него не чуждым становится показатели эпатажа и даже новых форм риторики: его проповеди тяготеют к современным жанрам – смол-ток, подкаст, чем традиционному красноречию. Он ставит цель говорить с современным прихожанином на понятном для него языке.

Таким образом, современная проповедь не является монолитным жанром. Она варьруется в широком диапазоне от богословского дискурса до эмоциональной

публицистики, сохраняя при этом ядро жанра – передачу поучительных истин и призыв к нравственному преображению. Это говорит о том, что, хотя православная традиция адаптирует риторику к языку, который сегодня реализуется в современной действительности, то адаптация эта происходит принципиально по-разному в зависимости от оратора. Для Илариона речь идет об интеллектуализации веры, в то время как для Андрея Ткачева основная роль такой проповеди – эмоциональное вовлечение.

Перспективой дальнейшего исследования становится изучение лексического состава летописей с применением методов корпусной лингвистики и анализа их синтаксической организации, а также анализа развития проповеди в диахронном аспекте.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). – Волгоград: Перемена, 2007. – 112 с.
3. Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Издательство храма Св. мч. Татианы, 2001. – 480 с.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
5. Прохвятилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. – 364 с.

RHETORICAL FEATURES OF MODERN ORTHODOX PREACHING (BASED ON THE TEXTS OF METROPOLITAN HILARION AND ARCHPRIEST ANDREY TKACHEV)

T.A. Vlasova

Russia, Chelyabinsk, Chelyabinsk Orthodox Gymnasium in the Name of Saint Simeon the Wonderworker of Verkhoturys

Abstract. The article examines the rhetorical features of modern Orthodox preaching as a special genre of religious discourse. Based on the sermons of Metropolitan Hilarion (Alfeyev) and Archpriest Andrey Tkachev, key rhetorical techniques are analyzed: antithesis, metaphor, rhetorical question, gradation, and features of quoting Holy Scripture. The author identifies common features and differences in the rhetorical strategies of the preachers due to their individual style and target audience. The conclusion is made about the transformation of the traditional genre under the influence of modern communicative conditions.

Keywords: religious discourse, Orthodox preaching, rhetoric, rhetorical techniques, Metropolitan Hilarion, Andrey Tkachev.

УДК 81'37

Евграфова Ю.А.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОЛЕВОГО АСМР-ДИСКУРСА: КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГОЯЗЫЧНЫХ ВИДЕО)

Россия, г. Москва, Национальный исследовательский университет «МЭИ»

yu.evgrafova@mail.ru

Введение

Характерной чертой современного цифрового коммуникативного пространства является подверженность существующих в нём дискурсивных практик постоянным изменениям. Так, трансляционная (однонаправленный процесс передачи информации) и интерактивная (двусторонний обмен) модели

коммуникации обогащаются партиципаторными и аффективно-иммерсивными практиками (интерактивное погружение с эмоциональным воздействием) таким, как иммерсивные шоу, перформансы, аффективная реклама, VR/AR, видеомэппинг, в том числе и АСМР-сеансы (оффлайн и онлайн, синхронные и асинхронные). АСМР или автономная сенсорная меридиональная реакция (ASMR, *autonomous sensory meridian response*) – «приятное, покалывающее, успокаивающее ощущение, которое некоторые люди испытывают в ответ на определённые аудиовизуальные триггеры, такие как шёпот и осторожные движения рук» [Евграфова 2025: 42]. За последние почти 20 лет своего существования АСМР прошёл путь от субкультурного явления к массовой медиапрактике. Как лингвистическое явление АСМР представляет собой особый тип дискурса, в котором вербальные единицы не только передают пропозициональное содержание, но и, прежде всего, управляют психофизиологическим состоянием адресата.

Интерес к изучению АСМР растёт, его рассматривают как социальное явление, инструмент преподавания, эстетический феномен или как способ преодоления стресса (см., например: [Евграфова 2024, 2025; Ткачева 2024] и др.). Однако, изучение АСМР как речемыслительного дискурса, анализ составляющих его вербальных единиц как инструментов интенционального воздействия на адресата остаётся фрагментарным. Опираясь на положение, выдвинутое Н.Ф. Алефиренко, о том, что «определить дискурсивную функцию слова в тексте – значит выявить его роль, с одной стороны, в интенционально-авторском текстопорождении, а с другой – со стороны его восприятия и понимания читателями» [Алефиренко 2021: 318], настоящее исследование ставит своей **целью** рассмотреть АСМР как речемыслительный дискурс и дать описание его семантической структуры через выявление и описание ключевых слов в зависимости от выполняемых ими функций. **Объектом исследования** выступает дискурс ролевых АСМР-видео как форма цифровой аффективной коммуникации. **Предмет исследования** составляют используемые в нём ключевые слова как операторы порождения смысла.

АСМР-видео рассматриваются нами как видеотексты, а именно как полимодальные тексты, созданные для воспроизведения на экране и имеющие в своём составе как вербальные, так и невербальные единицы. Любой ролевой АСМР-видеотекст – это заранее продуманный и спланированный диалог в рамках того или иного бытового риторического жанра, соответствующего повседневным практикам: визит к врачу, в спа-салон, разговор с подругой, осмотр у школьной медсестры и пр. Контекст просмотра АСМР-видео – это коммуникативная ситуация неканонического типа, характеризующаяся асинхронностью. Автор АСМР-видео, реализуя свой замысел о порождении полимодального текста в процессе своей дискурсивной деятельности, подбирает в качестве доминанты дискурса базовый фрейм, который на начальном этапе своего формирования уже соотнесён в его сознании с соответствующей лексемой. Его дальнейшие действия в рамках выбранного фрейма запускают стереотипную последовательность действий – сценарий. Это помогает спрогнозировать поведение воображаемого адресата так, чтобы при асинхронной коммуникации выбранные фрейм и сценарий были узнаваемы. Используемые автором вербальные единицы не просто информируют, но создают условия для возникновения особого психофизиологического состояния у зрителя – пиллоэрекции (мурашки), расслабления, доверия, чувства безопасности, что является основной целью асинхронного коммуникативного акта и критерием его успешности. В этой связи смыслопорождение (в значении трансляции внутреннего сущностного содержания) в АСМР-дискурсе следует определять как конструирование парасоциальных отношений и инициация телесно-аффективного отклика адресата.

Необходимо также прояснить понятийный объём ещё двух оперативных терминов. Под «ролевой АСМР-дискурс» понимается ментальное пространство, конструируемое корпусом АСМР-сеансов, разворачивающихся в контексте статусно-

ролевых отношений (медицинских, административных, педагогических, деловых и т.д.), под «дискурс ролевых АСМР-видео» – коммуникативное событие, общение в процессе АСМР-сеанса, зафиксированное в конкретном видео. В настоящем исследовании на основе анализа дискурса ролевых АСМР-видео делается вывод о семантической структуре ролевого АСМР-дискурса в целом. Оно фокусируется только на вербальном компоненте, опуская аудиовизуальный (о них подробнее в [Евграфова 2024]) и опирается на концепции лингвопрагматики и семиотики, [Алефиренко 2021; Лотман 2002]. В нём реализуется дискурсивно-семиотический подход, интегрирующий **методы:** коммуникативно-прагматический, контекстуального анализа и кластерного анализа (нисходящий алгоритм). **Алгоритм исследования** составляли следующие шаги: 1) методом сплошной выборки был собран эмпирический материал (АСМР-видео), проведена его транскрибация в онлайн-сервисе <https://speech2text.ru/>; 2) был проанализирован и описан ситуативный контекст отобранных АСМР-видео (ситуация общения, роли участников, их статус, отношения, включённость в деятельность, временные и тематические рамки), выделены реализуемые фреймы и сценарии; 3) далее определялись языковые проекции задействованных ментальных структур; 4) фиксировалось тематическое ядро каждого видео, использовался онлайн-сервис <https://voyant-tools.org/> для составления списков слов с высокой частотностью для каждого видео для определения его смысловых точек (ключевых слов); 5) далее при помощи https://miratext.ru/seo_analiz_text был проведён кластерный анализ отобранных ключевых слов, они были помещены в один кластер; 6) далее использовался нисходящий алгоритм – методом контекстуального анализа единый кластер разделся на меньшие кластеры; 7) далее производилась интерпретация и синтез полученных результатов для целостного осмысления анализируемого материала и классификации выделенных ключевых слов по типу выполняемых функций в дискурсе ролевых АСМР-видео.

В качестве **материала исследования** послужили русскоязычные ролевые АСМР-видео, размещённые на платформе RuTube. Всего было отобрано 10 видеотекстов (см. Табл. 1) с канала АСМР-иста FebruaryASMR общей длительностью 146 минут (2 часа 26 минут). Корпус текстов был разделён на подгруппы по типу ролей: 1) медицинские (осмотр врача); 2) сфера услуг (парикмахер, визажист); 3) бытовые (подруга).

Таблица 1. Материал исследования

№	Название	Ссылка	Мин,сек/ Кол-во слов
1) медицинские			
1	АСМР дерматологический осмотр кожи головы ASMR dermatological scalp exam шёпот, фонарик, лупа	https://rutube.ru/video/12a639f268f71f3518fc8e7835539148/?r=a	13,45 458
2	АСМР ОКУЛИСТ ПРОВЕРИТ ТВОЁ ЗРЕНИЕ ASMR OPHTHALMOLOGIST	https://rutube.ru/video/4e792ae344ea20718a6a24a13a025a6a/?r=a/	13,23 615
3	АСМР Осмотр волос Дерматологический осмотр кожи головы ASMR Role play Scalp exam Whisper	https://rutube.ru/video/ba8044b514aae75c2fc6a3000d85bd10/?r=a	26,29 1233
4	АСМР ОСМОТР И ЧИСТКА УШЕЙ ASMR Проверю и почищу твои ушки АСМР мурашечный осмотр ушей	https://rutube.ru/video/od8c5c4278b4e4db299a364b3328c672/?r=a/	9,49 403
5	АСМР ПОЛНЫЙ ОСМОТР ДЕРМАТОЛОГА ASMR дерматологический осмотр твоей кожи и родинки АСМР ВРАЧ	https://rutube.ru/video/f2b519c055effe7251bb71eb582374a8/?r=wd	13,41 420

6	АСМР ВЫЛЕЧУ КРАСНЫЕ ПЯТНА НА ТВОЕЙ ГОЛОВЕ ASMR ОСМОТР КОЖИ ГОЛОВЫ И ВОЛОС, ЛЕЧЕНИЕ	https://rutube.ru/video/ad4a5748c27d190c68ebbbead5205cbf/	21,12 668
2) сфера услуг			
7	АСМР Сделаю тебе реснички ?ASMR Мастер быстро наклеит тебе новые ресницы АСМР видео для сна	https://rutube.ru/video/688efc7b5e4065f59663oedodo178f55/?r=a/	5,44 178
8	АСМР МАССАЖ ГОЛОВЫ ASMR расчешу твои волосы и сделаю массаж головы 100 % мурашки и сон	https://rutube.ru/video/72f199bb20a49ffb6ec800a7a916c24e/	13,43 237
9	АСМР НЕЖНЫЙ УХОД ЗА ТВОИМ ЛИЧИКОМ ASMR Нежная забота о тебе перед сном АСМР видео для сна	https://rutube.ru/video/5e801ba337ef6fd7edoe5b750079ed4/	16,55 682
3) бытовые			
10	АСМР МАКИЯЖ ASMR Накрашу тебя Ролевая игра Макияж подружке АСМР ВИДЕО ДЛЯ МУРАШЕК	https://rutube.ru/video/4a10b72a6c59825dc829bf969cof8c79/	13,51 695
Итого:			145,92 5598

Отобранные для анализа видеотексты (№№1–10) выполнены, как это уже было отмечено выше, в жанре ролевой игры, и имеют двух участников – ведущего и его воображаемого собеседника. Стереотипные действия ведущего и его квазидialog с «собеседником» направляют коммуникацию. Оба играют роли, отведённые выбранным фреймом и сценарием: врач – пациент; персонал – клиент; подруга – подруга и т.п.

В ходе исследования в ролевых АСМР-видео были выделены четыре доминирующих **семантических кластера**: сценарно-ролевой, сенсорно-гаптический, альтерэгоцентрический, оценочно-регуляторный, каждый из которых выполняет свою функцию в дискурсе.

Сценарно-ролевой кластер

Сценарий ролевых АСМР-видео состоит из следующих фаз: фаза 1: «вход» в сценарий; фаза 2: развёртывание сценария, введение специальных терминов; фаза 3: «выход» из сценария. В отобранных видео обнаруживаются следующие группы сценарных маркеров (см. Табл. 2) в каждой из фаз.

Таблица 2. Группы сценарных маркеров (на примере АСМР-видео №2)

Группа маркеров	Функция	Ключевые лексемы
Конститутивные Фаза 1	Запуск фрейма, активация сценария	<i>комплексная проверка зрения, проходите, присаживайтесь, осмотрю ваши глазки</i>
Процессуальные Фаза 2	Поддержание сценария, маркировка этапов коммуникации	<i>для начала, сейчас, теперь, давайте, так</i>
Инструментальные Фаза 2	Симуляция медицинских действий	<i>фонарик, капли, очки, приборчиком, рецепт</i>
Завершающие Фаза 3	Выход из сценария, подведение итогов	<i>выписывать не буду, придёте через пару месяцев, до свидания, отпускаю</i>

Ключевые слова, составляющие сценарно-ролевой кластер выполняют роль операторов, запускающих погружение адресата в демонстрируемый АСМР-сеанс на всех этапах коммуникации (от запуска сценария до его завершения). Так, в фазе 1 они маркируют заключение негласного контракта между ведущим (адресантом) и зрителем (адресатом): первый предлагает сценарий, а второй принимает его (продолжает просмотр видео), соглашаясь таким образом на предлагаемую роль, или нет (прерывает просмотр). Ключевые слова фазы 2 активируют в памяти реципиента ментальные структуры, связанные с реализуемым сценарием (в видео №2 – это «медицинский приём»), обосновывая действия ведущего, а также удерживают ролевую рамку, не давая дискурсу «рассыпаться» на набор отдельных высказываний (инструкций). Выход из сценария в фазе 3 осуществляется постепенно, чтобы не разрушить эффект расслабления, мягко возвращая адресата из АСМР-сеанса в реальность и создавая условия для интеграции полученного опыта расслабления в повседневное состояние.

Сенсорно-гаптический кластер

Ключевые слова, входящие в состав сенсорно-гаптического кластера, выстраивают тактильную эмпатию, обеспечивая погружение адресата в демонстрируемый сценарий (см. Табл. 3)

Таблица 3. Сенсорно-гаптический кластер (обобщённые данные)

№	Группа	Ключевые слова (выборочно)	Семантический признак
1	Тактильные действия и манипуляции (руками / инструментами)	<i>дотрагиваюсь, нажимаю, точечные прикосновения, зацепить, вытащить, почистить, растушуем, подкрашу, провожу манипуляции, расчесу, впиталась</i>	Непосредственный физический контакт с кожей, волосами, лицом или предметом
2	Инструменты и приспособления	<i>фонарик, палочка, лопатка, лопачкой, пинцет</i>	Предметы-посредники, дополняющие «тактильный» контакт
3	Характер и интенсивность действий	<i>немножечко, чуть-чуть, аккуратненько, тихонечко, тонко, лёгкими</i>	Маркеры действий, создающие эффект нежности, осторожности
4	Физические ощущения (реакция кожи/тела)	<i>сухая, чешется, шелушения, порозовела, жирнится, безболезненный, обволакивает тепло</i>	Ощущения, в т.ч., возникающие в ответ на прикосновения / процедуру
5	Визуальный контакт и команды для глаз	<i>закройте (глаза), прикрой, моргаем, следите, следим, смотреть, посмотрите</i>	Контроль визуального канала
6	Эмоциональное состояние и комфорт	<i>расслабиться, приятный, не беспокоит, потерпите</i>	Описание внутреннего состояния «собеседника»; призывы к расслаблению
7	Анатомические структуры	<i>луковица (волосая)</i>	Специфические термины, связанные с объектом воздействия
8	Общие сенсорные глаголы	<i>чувствуете, ощущаете, не травмируют</i>	Глаголы восприятия и безопасности, объединяющие сенсорный опыт

Проведенное исследование демонстрирует, что сенсорно-тактильный кластер неоднороден и включает три взаимосвязанных слоя: **процессуальный** (ключевые слова, относящиеся к описанию действий ведущего), **сенсорный** (ощущения и телесные реакции «собеседника») и **регуляторный** (инструкции по поведению и расслаблению). Благодаря сенсорно-гаптическому кластеру выбранный сценарий воспроизводится с добавочным семантическим компонентом «заботливый уход», создавая атмосферу комфорта и безопасности.

Альтерэгоцентрический кластер

Основная цель ролевого АСМР заключается в создании эффекта погружения в разыгрываемую ситуацию. Так как непосредственное физическое участие адресата в разыгрываемом АСМР-сеансе невозможно, дистанция экрана компенсируется ключевыми словами (личными местоимениями, наречиями места и времени, диминутивами), создавая иллюзию личного присутствия. Доверительность конструируется не через сокращение дистанции (неформальное обращение на «ты»), а имплицитно, через создание фиктивного общего пространства и прошлого в рамках формального обращения (на «Вы»).

В альтерэгоцентрическом кластере были обнаружены следующие группы дейктических элементов: 1) персональный дейксис (*мы с Вами / у нас; Я; Вы / Вас / Вам*); 2) пространственный дейксис (*здесь / тут; сюда / туда; поближе; на меня*); 3) временной дейксис (*сейчас; сегодня; пока; через пару месяцев*), в том числе для конструирования фиктивного общего прошлого (*не первый раз у меня; помните как вы ко мне приходили?*); 4) социальный дейксис (диминутивы *глазки; носик; лобик; приборчик* и пр.). Дейктические элементы накладываются один на другой. Сначала внимание адресата фокусируется на текущем моменте при помощи временного дейксиса, затем выстраиваются парасоциальные отношения, в которых происходит сближение (за счёт диминутивов и фраз типа *Мы с Вами когда очки меняли?*) и одновременно сохраняется дистанция при помощи местоимения «Вы». В поле социального взаимодействия «включается» пространство: *Смотрите вот в эту точку; Я поближе взгляну; Смотрим прямо на меня* и время, формируется иллюзия общего будущего: *Придете... через пару месяцев*.

Оценочно-регуляторный кластер

В ходе исследования были обнаружены ключевые слова, относящиеся к оценочно-регуляторному кластеру, внутри которого можно выделить группы слов, каждая из которых играет роль в представлении ведущего как «заботливого специалиста» (см. Табл. 4).

Таблица 4. Оценочно-регуляторный кластер (обобщённые данные)

№	Группа	Ключевые слова (выборочно)
1	Позитивная оценка состояния, качества или результата	<i>хорошо, замечательно, отлично, прекрасно, идеально, чудесно, неплохо, чистенько, полезные, эффективно, быстро, тщательно, легко, достаточно</i>
2	Оценка безопасности и безболезненности	<i>не больно, не травмируют / не травмировать, ничего (в значении «всё в порядке»)</i>
3	Успокоение, снятие тревоги	<i>не переживайте, не страшно, не стесняйтесь, не запустили / не тянули (похвала за своевременность)</i>
4	Регуляция процесса, планирование	<i>проверю / посмотрю, нанесу, можно будет, нужно, важно, самое главное, правильно, поможет, справимся</i>
5	Маркеры вежливости	<i>пожалуйста</i>
6	Констатация частотности	<i>часто встречается</i>

Ключевые слова оценочно-регуляторного кластера формируют доверительную рамку взаимодействия ведущего с адресатом. Выделенные группы ключевых слов функционируют в комплексе: позитивная оценка (*хорошо, замечательно, отлично*) закрепляет успех, «достигнутый в ходе процедуры», формулы успокоения и заверения в безопасности (*не больно, не переживайте*) снижают уровень тревоги и стресса, высказывания *проверю / посмотрю, нанесу* выдерживают сценарную рамку процесса, *пожалуйста* служит маркером вежливости и доброжелательности.

Обсуждение результатов

Ключевые слова распределены по кластерам неоднородно. Ниже, в таблице 5, приведено распределение лексем в процентном соотношении по отобранным кластерам, заливка светлеет при убывании частотности.

Таблица 5. Семантические кластеры ключевых слов в АСМР-видео

Семантический кластер	№ видео из таблицы 1									
	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	№9	№10
1. Сценарно-ролевой	29%	23%	21%	28%	34%	38%	41%	35%	41%	53%
2. Сенсорно-гаптический	14%	17%	7%	11%	16%	11%	15%	24%	12%	14%
3. Альтерэго-центрический	44%	41%	53%	42%	32%	34%	23%	30%	34%	45%
4. Оценочно-регуляторный	13%	19%	19%	18%	18%	16%	20%	11%	13%	18%
Кол-во ключевых слов	107	199	207	114	151	151	84	98	244	188
Общее кол-во слов в тексте:	458	615	1233	403	420	668	178	237	682	695

Количественное доминирование сценарно-ролевого и альтерэгоцентрического кластера объясняется следующим. Сценарно-ролевой кластер содержит ключевые слова (напр., *комплексная проверка зрения, проходите, присаживайтесь, осмотрю ваши глазки*), называющие действия и объекты, которые относятся к выбранному фрейму и сценарию, обеспечивая его запуск и поддержку в течение всего видео. Дейктические же элементы (напр., *я, Вы, мне*) из альтерэгоцентрического кластера персонализируют дискурс, обращая транслируемый АСМР-сеанс непосредственно на адресата здесь и сейчас. Они объединяют ведущего и зрителя в едином референциальном пространстве. Ключевые слова из сенсорно-гаптического кластера описывают тело (напр., *волосики, корни, сухая кожа*) и телесные переживания (напр., *чешется, на ощупь*), вводя в контекст представления о «телесном/телесности». В рассматриваемых видео сценарии «медицинский приём», «посещение сферы услуг», «макияж от подруги» (прогнозируемым компонентом которых является тревога пациента / клиента, его озабоченность своим внешним видом) трансформируется в терапевтическую практику благодаря ключевым словам из оценочно-регуляторного кластера (напр., *ничего страшного, хорошо, нормально, часто встречается, поможет*).

Между семантическим кластером и той функцией, которую он выполняют в дискурсе ролевых АСМР-видео, обнаруживается устойчивая связь (см. Табл. 6). Ключевые слова, его заполняющие, можно обозначить как операторы – единицы, регулирующие конструирование смысла.

Таблица 6. Ключевые слова как операторы смысла в АСМР-ролевых видео

Семантический кластер	Тип оператора
1. Сценарно-ролевой	Оператор погружения (запуск сценария)
2. Сенсорно-гаптический	Оператор идеастезии (активация телесного семантикой слов)
3. Альтерэгоцентрический	Оператор сближения в референциальном пространстве (точка сплетения интенций адресата и адресанта)
4. Оценочно-регуляторный	Оператор контроля

В сценарно-ролевом кластере обнаруживаются операторы погружения, иницирующие и удерживающие сценарий. Ключевые слова этого кластера (процедуры, инструменты, части тела, сценарно-обоснованные действия), нацелены на активацию в сознании адресата знакомых фреймов (напр., «посиделки с подругой», «приём у врача» или «визит к косметологу»). Фрейм запускает сценарий, что позволяет автору прогнозировать узнавание заложенных ментальных структур адресатом, ведущее к возможному принятию предложенной ролевой рамки (напр., «врач – пациент» или «мастер – клиент»). Исключение этих операторов из дискурса лишило бы демонстрируемого на экране контекстуального смысла. Сенсорно-гаптический кластер заполняют операторы идеастезии. Ключевые слова, описывающие совершаемые действия (напр., *дотрагиваюсь, нажимаю*) и физические ощущения (напр., *сухая, чешется, шелушения*) создают условия для перевода вербально выраженного содержания в конкретные физические ощущения (телесные переживания). Тактильный образ выстраивается семантикой ключевых слов без опоры на физические прикосновения. Устранение дистанции, создаваемой экраном, происходит за счёт операторов альтерэгоцентрического кластера (напр. *мы с Вами; здесь / тут; сейчас; сегодня*). Дейктические элементы объединяют ведущего и зрителя в едином референциальном пространстве демонстрируемого АСМР-сеанса, создавая иллюзию, что говорящий по ту сторону экрана находится в одном физическом пространстве со слушающим, и все действия синхронны моменту просмотра. Первые три группы операторов координируют погружение и гаптические переживания. Четвертая группа операторов из оценочно-регуляторного кластера управляет эмоциональным фоном. Такие ключевые слова, как, например, *отлично, прекрасно, идеально* или *не переживайте, не страшно*, обеспечивают «обратную связь» от ведущего, оценивающего процесс как безопасный и успешный. Это создаёт условия для расслабления зрителя, достижения состояния доверия и комфорта (основной цели асинхронной коммуникации в АСМР-дискурсе).

Заключение

В заключение отметим процессуальную природу исследуемого явления. Выбранный для реконструкции сценарий, будь то посещение специалиста сферы услуг, уходовая процедура, посещение врача, встреча с подругой, разворачивается как стереотипное действие в рамках заданного контекста, которое ведущий воспроизводит и фиксирует в аудиовизуальной форме, преобразуя событие (АСМР-сеанс) в динамичный полимодальный текст. Во время просмотра АСМР-сеанс вновь разворачивается для зрителя, погружая в симулируемую реальность, вовлекая в сопереживание и соучастие. Дискурсивная деятельность ведущего создаёт условия для перевода абстрактного содержания в конкретные физиологические реакции.

Опираясь на полученные результаты исследования, ролевой АСМР-дискурс можно представить как сложную семиотическую структуру, каждый компонент которой исполняет конкретную дискурсивную функцию. Операторы сценарно-ролевого кластера задают рамку конкретной ситуации, которая наполняется «телесным» содержанием сенсорно-гаптическими операторами, коммуникативный

барьер (экран) устраняется при помощи операторов альтерэгоцентрического кластера, а условия для ощущения комфорта и безопасности создаются оценочно-регуляторными операторами. В комплексе перечисленные операторы способствуют достижению главной коммуникативной цели ролевого АСМР-дискурса – иммерсии в сконструированный фрагмент реальности и принятие парасоциальных отношений и демонстрируемых проявлений заботы.

Проведённое исследование показывает, что объём понятия «ключевые слова» в рамках ролевого АСМР-дискурса имеет отличное от устоявшегося наполнение. Традиционно под этим термином понимают вербальные единицы, отражающие суть того или иного контента и служащие инструментом его индексации и/или поисковой оптимизации. Тогда как в ролевом АСМР-дискурсе ключевые слова выступают не как средство передачи информации о внешнем мире (референциальная функция) и не столько как средство знаковой объективации фреймов и сценариев. Ключевые слова функционируют как триггеры аффективной реакции для выстраивая парасоциальных отношений в асинхронном АСМР-сеансе. Семантическое значение ключевых слов является необходимым компонентом воздействия – именно вербализация придаёт сенсорному опыту осмысленность и направленность, превращая звуковую и зрительную материю в сценарий персональной заботы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, К.К. Стебунова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – №18 (2). – С. 313–338.
2. Евграфова Ю.А. Лингвопрагматические особенности АСМР-дискурса: эгоцентрические языковые единицы // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 3. – С. 41–51.
3. Евграфова Ю.А. Основные особенности АСМР-дискурса (на материале сюжетных видеотекстов) // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – № 4. – С. 28–39.
4. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С.М. Даниэля, сост. Р.Г. Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002. – 543 с.
5. Ткачева А.В. Применение элементов автономной сенсорной меридиональной реакции (АСМР) в современном нейромаркетинге / А.В. Ткачева, М.С. Лут // Новое в экономической кибернетике. – 2024. – № 2. – С. 155–175.

SEMANTIC STRUCTURE OF ROLE-PLAYING ASMR DISCOURSE: A CLUSTER ANALYSIS OF KEYWORDS (CASE-STUDY OF RUSSIAN-LANGUAGE VIDEOS)

Y.A. Evgrafova

Russia, Moscow, National Research University “MEI”

Abstract. The article examines the semantic structure of role-playing ASMR discourse, identifying semantic operators of the psychophysiological relaxation and piloerection response. Four clusters were identified: script-role (operators triggering the scenario); sensory-haptic (operators of ideasthesia); alter-egocentric (operators of convergence in referential space); and evaluative-regulatory (operators of control).

Keywords: ASMR-discourse, keywords, performative, parasocial relationships, meaning generation, intentionality.

Курмакаева Н.П.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ДИСКУРСИВНО-СМЫСЛОВОЙ
ПРИЕМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА²**

Россия, г. Донецк, Донецкий государственный университет

kurmakayeva@mail.ru

Современное бурно развивающееся регионоведческое направление в лингвистике, одним из флагманов разработки которого является коллектив ученых-филологов Белгородского университета, на нынешнем этапе уже трудно представить вне исследований в русле теории дискурса и тем более вне теории текста. Если спроецировать метафоризированное определение дискурса Н.Д. Арутюновой на региональный кластер, данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС 1990: 137], то региональный дискурс – это «речь, “погруженная в жизнь”» региона.

Понятие дискурса, как известно, продолжает обсуждаться (об этом работы Н.Ф. Алефиренко и его последователей в [Алефиренко 2002: 99; Дискурс... 2025] и др.), поскольку «термин “дискурс” сколь популярен, столь и малоопределен», он «используется исследователями для обозначения феноменов разного порядка» [Красных 2012: 253]. На наш взгляд, в русле лингворегионоведческих разработок есть основания, оттолкнувшись от классического, формально-лингвистического толкования (например, дискурс как «связная речь», по Г.Г. Почепцову), приемлемого для фольклорных региональных текстов, выйти на уровень современного определения данного понятия с учетом всех сопутствующих и уточняющих факторов, в том числе с опорой на тезис Н.Ф. Алефиренко: дискурс – «речемыслительный феномен, порождающий текст». С одного ракурса рассмотрения дискурс – это уже готовый текст «в совокупности с экстралингвистическими... факторами» [ЛЭС 1990: 136], что особенно зримо выявляется и доказывается на региональных текстах. С позиций лингвокультурологии и психолингвистики утверждается, что «дискурс есть вербализуемая / вербализованная речемыслительная деятельность, предстающая как совокупность процесса и результата и обладающая как (собственно) лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2012: 255]. С точки зрения функционально-прагматического подхода, «дискурс – это и процесс развёртывания коммуникативной интеракции, и продукт этого процесса» [Сусов 2009: 39], в связи с чем можно не сомневаться, что дискурс имеет сложную организацию.

Анализ эмпирического материала обуславливает необходимость экспликации языковых способов, приемов и форм организации актуального дискурса, поскольку дискурс – результат коммуникативного акта, в котором реализуется, наряду с речевыми способностями человека говорящего, его мыслительный потенциал, детерминированный экстралингвистическими факторами. На выходе получаем текст, на основе анализа которого делаем выводы о заложенных в нем смыслах – поверхностных, глубинных, подтекстовых, предтекстовых, затекстовых. Принимаем тезис Н.Ф. Алефиренко: «Осмысление дискурса как речемыслительной категории опирается на исследование смысловой матрицы текста» [Дискурс... 2025: 6], учитывая, что смыслы по большей части формируются словами и выражениями со всеми коннотациями, парадигматическими и синтагматическими связями и

² Работа выполнена в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3)

отношениями, актуальными для соответствующей лингвокультурной ситуации и среды, в которой рождается текст или о которой он повествует.

Региональное дискурсивное пространство, вербализованное в региональные тексты, обязательно должно стать предметом наблюдения и анализа дискурсологов, поскольку в региональном тексте выявляются порой специфические дискурсивные механизмы его порождения. Региональный дискурс – это речемыслительное моделирование мира сквозь призму его регионально обусловленного восприятия, сформированного многими факторами: лингвокультурная зона и лингвокультурная ситуация в ней; особенности мировидения региональной языковой (речевой, коммуникативной) личности, степень ее социализации и инкультурации, целеустановка и интенции продуцента текста и учет возможностей реципиента к адекватному восприятию текста, коммуникативная эффективность (релевантность). Исходя из этого, на наш взгляд, целесообразно выделение регионального дискурса как особой формы бытования русского языка в условиях иной социокультурной обстановки, чем в остальной части страны (в метрополии по отношению к Донбассу, например), в тех условиях, которые влияют на развитие региональной языковой личности, на ее мироощущение и мировидение, на ее характер. В регионах, надо признать, формируется в какой-то степени особый тип дискурсивного сознания и речепорождения. Основные смыслы сосредотачиваются вокруг событий регионального масштаба. Так, в Донбассе с момента его зарождения как производственно-экономического (угольно-металлургического) края весь региональный дискурс становится «сотканным» из фактов, связанных с трудом шахтеров и металлургов, героическим, но тяжелым, нередко смертельно опасным, а в последние годы (с 2014 по настоящее время) – с бытовыми сложностями и каждодневной опасностью для жизни на охваченной войной земле. Дискурсивная организация региональных текстов («донецких») сосредоточена на соответствующих темах и сопровождается соответствующими экстралингвистическими факторами, не характерными для остальной части русскоязычного мира.

Под «донецким текстом русской литературы» предлагается понимать «не только те тексты, которые создавались в Донбассе или выходцами из Донбасса, но также и весь корпус текстов, посвященных Донбассу или тем или иным образом связанных с регионом» [Донецкий региолект 2018: 147], в которых присутствует «дух Донбасса» [Курмакаева 2025: 150]. А дух Донбасса зримее всего передается через региональное слово или выражение. Для подтверждения всего сказанного стоит привести два ставших уже хрестоматийными примера донецкого регионального дискурса.

1) – *Вырастешь – шахтером станешь? – Нет, у меня дедусь шахтер, а баба Галя говорит: хватит нам одного слуги Шубина. – Не понял, какого Шубина? – Ну ты что, не знаешь, кто хозяин шахты?* (из разговора взрослого с ребенком 7–8 лет);

2) *Эти воины – дети кротами изрытой земли,
Вместо нимба Господь отдал им коногонку...* (А. Ревякина. Шахтёрская дочь).

Вероятно, нет необходимости говорить о том, что приведенные тексты для погружения в их дискурсивную сущность требуют некоторой расшифровки и включения определенного воображения.

Наша работа посвящена анализу региональных («донецких») лексических единиц и их комплексов, которые вошли в донецкое речевое пространство как семантические дериваты либо общеизвестных слов и выражений, либо собственно регионализмов и, став специфическим маркерами донецкого регионального дискурса, приобрели в текстах статус культурных кодов региона.

Семантическая деривация, по утверждению В.И. Теркулова, «формируется на основе лексикализации, когда новые номинативные единицы образуются в

результате семантических сдвигов, замены актуализированных сем слова семами, являющимися онтологическими конструктами концепта, связанного с обозначенным глоссой референтом, например: *брехунчик* (маленькая рюмка) > *брехунчик* (стограммовая бутылка водки)» [Донецкий региолект 2018: 40]. Лингвистические исследования, начатые еще В.В. Виноградовым и продолжающиеся поныне, свидетельствуют о сложности и неоднозначности этого процесса. Так, В.В. Виноградов писал, что «одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп» [Виноградов 1972: 17]. Важным также считаем его следующий тезис: «“Внутренняя форма” слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут уяснить лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [Виноградов 1972: 20]. Однако, как известно, семантическая деривация дает развитие как полисемии, так и омонимии, которые порой трудно разграничить, и в словарях эти явления фиксируются по-разному. Вопрос об их разграничении считается одним из «вечных» для языкознания. А.К. Киклевич семантическую деривацию слова связывает «с изменением его синтаксического функционирования, например – валентностных свойств» и приводит примеры: *Кто-то стучит в дверь – Сергей настучал на меня в деканат* [Киклевич 2014: 195].

Собранная картотека свидетельствует, что заметную долю регионально окрашенных слов и их комплексов составляют переосмысленные единицы либо общеупотребительного пласта, либо собственно региолектного фонда. Начало этого процесса пересемантизаций находим еще в раннем городском фольклоре, относящемся к рубежу XIX–XX вв. – частушках, быличках, паремиях, городской рабочей песне и др.

Одна из важнейших особенностей фольклора Донбасса, которую замечали все собиратели, – это, наряду с его билингвизмом, наличие большого количества региональной лексики того времени, что дает возможность исследователям изучать живой язык эпохи, а за ним региональную языковую личность.

Приведем слова песни «Коногон» из книги филолога-краеведа П.Т. Тимофеева «Протекших дней очарованье»:

*И мчится лошадь по продольной,
По темной, узкой и сырой.
А молодому коногону
Кричит с вагона тормозной:
Ой, тише, тише, ради бога,
Потише партию гони,
Бо здесь несправная дорога –
Повыбиваешь ты столбы.
А коногон про то не знает –
Все шибче, шибче лошадь гнал –
И вдруг вагончик забурился, –
Герой под партию попал:
Или десятника боялся?..
Или контору награждал?..
Я не десятника боялся,
И не контору награждал.
Я за девчоночкой погнался..
Герой под партию попал. [Тимофеев 2008: 80].*

Текст отражает специфику донбасской речи, где перемежаются просторечия, украинизмы и шахтерский профессиональный жаргон, а через них интерпретируется коммуникативно значимое событие из жизни шахтеров.

Осмысливать содержание рабочей песни, которую до сих пор знают горняки и исполняют во время панихиды по погибшим товарищам, приходится через семантизацию специальных слов и шахтерских профессионализмов. В их числе есть лексемы, которые присутствуют в толковых словарях, но с другим значением: *продольная, тормозной, партия, забуриться, награждать*. Региональных значений этих слов в словарях нет. Можно предположить, что появление у них новых значений могло возникнуть двумя путями: 1) калькированием иноязычных терминов, поскольку промышленник Юз и его команда, осваивавшие с середины XIX в. и до 1917 г. наш край, способствовали привнесению в региональное речевое пространство большого количества иноязычных слов и выражений, связанных с угольно-металлургическим производством; 2) семантической деривацией, или пересемантизацией. Однако первый прием характерен для получения первичного значения слова-термина. Здесь же речь идет о смысловых трансформациях либо общеупотребительных, либо уже имевшихся в языке горного дела слов, об экспликации и осмыслении их в жаргоне рядовых шахтеров, в «низовом», так сказать, слое языка.

Вот как толкует данные слова П.Т. Тимофеев в своей книге:

продольная коренная – ‘основной подземный ход к месту работы шахтеров’;

тормозной – ‘рабочий в шахте, тормозящий на ходу несколько сцепленных вагонеток’;

партия – ‘4 сцепленные вагонетки с углем, которые везет одна лошадь’;

забуриться – ‘сойти с рельс’ [Тимофеев 2008: 207–208].

Исходя из контекста, выражение *награждать контору* следует семантизировать как ‘делать план для того, чтобы поощрили конторских работников’.

Именно такого рода явления в языке относятся к семантической деривации, при которой под действием внешних (экстралингвистических, социальных) и внутриязыковых факторов у имеющихся в общеупотребительном или терминологическом словаре лексем развиваются вторичные, производные значения региолектного типа, расширяя и обогащая словарь региолекта. В современных лингвистических работах подобные процессы считаются активными в общеупотребительном сегменте языка (работы Н.С. Валгиной, О.П. Ермаковой, Е.В. Какориной, Т.Б. Радбиля и др.), их вывели под рубрикой «Собственно семантические инновации» в книге [Активные процессы... 2022: 20–23], видят в них «порождение новых значений в рамках того же слова на основе метафорического или метонимического переноса значений» [Петрухина 2024: 17]. В основном делаются выводы с опорой на иллюстративный материал из компьютерного сленга, благодаря которому развиваются «новые значения у стандартных общезыковых лексем» [Активные процессы... 2022: 20].

Этот же способ обогащения словаря разговорной речи наблюдается и в региональном дискурсе. Семантическая деривация, в результате которой у лексемы возникает вторичное значение и развивается полисемия на уровне региолекта, реализуется в нескольких моделях преобразований семантической структуры слова, что подтверждается примерами из донецких текстов:

– **метафорический перенос** (по сходству): *шпынять* 1) ‘толкать’: *Зачем ты его шпыняешь, он же сейчас упадёт*; 2) ‘попрекать’: *Каждый день шпыняют его за плохую учёбу – ничего не понимает*; 3) ‘стрелять’: *Сначала включили громкую связь, несколько раз призвали сдаваться, потом пошпыняли по лесополке из пулемета* (из соцсети). Важные дискурсивные признаки метафорического переноса – оценочность, эмоциональность, экспрессивность производного значения, элементы языковой игры, стёба: *бодяга* ‘долгое, скучное дело’, ‘чушь, обман’; *забуриться* ‘забрести далеко или не туда’; *уронить* ‘сбить снарядом беспилотник или самолёт’; *причесать, раскатать* ‘подбить, уничтожить вражескую технику’

(последние примеры из книги Г. Савицкого «Танк “Черный сепар”» характеризуют речь дончанина-танкиста);

– **метонимический перенос** (по смежности), при котором возникновение нового значения связано с синтагматикой соотносимых в деривационном акте единиц: *закрутка* 1) ‘процесс домашнего консервирования’, 2) ‘результат этого процесса, конечный продукт’; *упряжка* 1) ‘группа горнорабочих одной смены’; 2) ‘смена’; 3) ‘сменная норма выработки’ и др. В стихотворении В. Калиниченко «Бригадир и поэзия» есть такие строчки: *А в час «тормозков» / я устраивался на распи́л / и в тетрадо́чку самых заветных слов / сердцем принятые – заносил*, где *час «тормозков»* обозначает ‘перерыв на обед, время приёма пищи’, так как *тормозок* – это ‘еда с собой, продуктовый набор для перекуса’. В этом случае реализуется один из наиболее распространенных приемов трансформации смысловой структуры слова: значение кодового для региона предметного языкового знака *тормозок* «сдвигается» в сторону его расширения, слово превращается в номинацию события, когда общеизвестное, привычное для жителей региона «словарное» значение слова-символа получает новое, «свежее» прочтение, расширенную трактовку;

– **расширение значения** следует понимать как такое семантическое преобразование слова, которое выражается в модификации архисемы внутри одной лексико-семантической парадигмы с приданием ей большего объёма: *мачмала* ‘1) шахт. полужидкая горная масса, то же, что *бичмала*’; ‘2) всякая непонятная жидкость, тягучая смесь’ (*Это не кисель, а какая-то мачмала*); ‘3) перен. что-л. малоценное, малозначительное, плохое, негодное’ (*Подсовывают мне всякую мачмалу, голова пухнет*);

– **сужение значения**, понимаемое как такой лексико-семантический деривационный акт, в результате которого к исходному смысловому содержанию прибавляются новые семантические нюансы, конкретизирующие семантику производящего слова, сводящие ее к более узкому, точечному объёму: *распушить* ‘1) взбить’ (*Теперь нужно **распушить** крем*); ‘2) распустить волосы’ (*Тебе так красиво с **распушёнными** волосами*) (общая сема ‘придать чему-либо объём’). В результате их применения возникает новый текст.

В региолекте обнаруживаются случаи смешанных, сложных семантических деривационных трансформаций. Например, слово *крот* в донецком региолекте в первую очередь обозначает ‘шахтер’, ‘тот, кто копает ходы под землей’. Значение производного слова возникло метафорически, по сходству действий животного и человека. Отсюда понятными становятся строки А. Ревякиной: *Эти воины – дети **кротами** изрытой земли...* На основе этого значения появились новые – уже по смежности, т.е. метонимически: ‘1) игрок клуба «Шахтер»’; ‘2) его болельщик’. Одновременно в последних происходит сужение значения исходного региолектного лексико-семантического варианта. Так, в многогранности регионального слова выявляется то, что Н.Ф. Алефиренко назвал: «текстопорождающая энергия дискурса» [Дискурс...2025: 22].

Основное предназначение приема семантической деривации – не только развитие лексическо-семантических вариантов в пределах одного слова, но расширение потенциала его смысловых возможностей, обновление речемыслительного дискурса, стилистическое обогащение речи, эмоционально-экспрессивная нюансировка текста.

Иногда в результате семантической деривации возможно возникновение омопар: *мутить* ‘путать, вносить неразбериху’ и *мутить* ‘подавать идею’. Впрочем, несмотря на то, что данные омонимы нередки в донецкой речи, они, скорее всего, входят в общенациональный просторечно-жаргонный фонд.

Очень активно семантические дериваты используются в донецкой поэзии. С одной стороны, поэты сами задают параметры речемыслительного дискурса через

игру слов, метафоризацию либо метонимизацию, с другой – используют уже имеющиеся региолектизмы как образные модели для более яркой вербализации местной действительности, для придания порождаемому ими тексту еще большего регионального колорита.

У поэта Н. Рыбалко есть строчки: *Край донецкий, **смуглолицый** / С **золотинкою** глаза / Нелегко в тебя влюбиться, / Разлюбить тебя нельзя.*

Прилагательное-эпитет *смуглолицый* употреблен в несвойственном ему контексте, по отношению к шахтерам, выходящим на поверхность с черными от угольной пыли лицами, причем выбран адъектив без пейоративной коннотации. А *золотинки* – это речемыслительный образ, за которым угадываются мелкие частички угольной пыли вокруг глаз, отражающие солнечный свет блеском и переливами. Так через удачно примененную пересемантизацию общеупотребительных слов создается привлекательный образ шахтера, формируются и закрепляются в региональном дискурсе коды культуры края-труженика.

Павел Беспощадный одним из первых среди поэтов Донбасса заговорил метафорически, его можно назвать создателем региональной метафоры, метафоры-олицетворения. Его предметные регионализмы обрели черты и признаки живых сущностей: *смерть острит на меня «зубок»* (зубок – проф., шахт. ‘вставная оконечность обушка’). Люди шахтерской профессии уподобляются у поэта мифическим *Прометеем*.

На развитие специфических черт регионального дискурса, без сомнения, влияют экстралингвистические факторы. В газете «Социалистический Донбасс» большой популярностью долгое время пользовался сатирико-юмористический раздел «*Породу – на террикон!*» с его моногероем Василием *Шахтёркиным* (по аналогии с героем А.Т. Твардовского Василием Тёркиным). Название раздела целиком региональное выражение (в прямом значении: ‘отходы угледобычи – на глеевую гору, на место их свалки’). В тексте ему дано расширительное метафорическое значение: ‘всё, что мешает жизни людей, – на удаление, на свалку’. Так образная модель регионально обусловленного события через пересемантизацию ключевых слов предопределяет содержание текста.

Особенно заметным влияние экстралингвистических факторов на пересемантизации становится в периоды социально-политических потрясений, одно из таких переживает в настоящее время Донбасс. Военный конфликт спровоцировал «переоценку ценностей» в сознании социума, что в первую очередь нашло отражение в языке поэзии и в языке пользователей соцсетей.

Приведем примеры из поэзии Анны Ревякиной: *Забегай любой, арта коль беснуется, / забегай в подвал со **смертельной** улицы* (смертельная – ‘обстреливаемая’; метонимия); *Не хочу знать ничего про твоего Месси, / у меня тут город родной девятую зиму **в замесе** / **В кровавом замесе*** (кровавый замес – ‘война’; метафора); *Они присылают деньги от родины, / которая не забыла, / по крупницам, / деньги на хлеб и «птиц»* – / миллионы рублей (птицы – ‘беспилотники’; метафора); *Сонные степи с тех пор у нас топчет **кирза*** (кирза – ‘военные’; метонимия).

Пересемантизация в языке войны часто начинается в жаргоне военных на передовой, военкоров, а потом уходит в речевое пространство региона, становясь кодами регионально осмысливаемого локуса: *Никакие **минуса** в виде **градов** нам уже не страшны* (минуса – ‘выстрелы в сторону противника’; грады – ‘орудия дальнобойные’. *Лупили из «сапога»* (Г. Савицкий) «Сапог» – ‘орудие «777»’. *Давал прикурить «укропам»* – (укропы – ‘украинские солдаты’). *Ватники* – украинцы о русских, об ополченцах ДНР. «*Баклажаны*» – о разновидности боеприпасов, формой напоминающих баклажан.

В сетевой коммуникации жителей Донбасса встречается много примеров, в которых ключевое слово или выражение, обычно общеупотребительное, использовано с совершенно противоположным смыслом по типу энантиосемы или антифразиса. Так, энантиосемическое разветвление, обусловленное ситуацией военного противостояния в регионе, присутствует в таких фразах из коммуникации дончан в соцсетях: *Несколько раз с северо-запада бумкнуло. Подумал – гром, но это «перемирие»*, скорее всего («перемирие» – ‘ирон. нарушение тишины во время объявленного перемирия’; антонимическая пересемантизация); *И тут пошёл дружественный огонь* (‘неприятельский, со стороны противника’); *Еще бы поспать, но не тут-то было: симфония баха подняла* (симфония баха – ‘звуки выстрелов’); – *Ты что-то слышишь? – Да, обмен любезностями* (‘перестрелка’); *Второй раз за день гуманитарка летит* (‘ракеты или снаряды, выпущенные по Донбассу’) и др.

Таким образом, в региональном дискурсе дончан в текстах разных стилей и жанров непрерывно происходят определенные трансформационные процессы, влекущие обновления и пополнения его лексико-семантического состава. Один из наиболее заметных способов не только репрезентации, но и обогащения донецкого регионального пространства – семантическая деривация лексических единиц, пересемантизация в связи с изменяющейся общественно-политической, экономической и культурно-исторической обстановкой в регионе. Народное языкотворчество сейчас находится на пике своего расцвета и, безусловно, требует особого внимания специалистов.

Литература

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова и др.; под ред. Т.Б. Радбиля. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 232 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры / Отд-ние лит. и яз. Рос. акад. наук [и др.]. – М.: Academia, 2002. – 391 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Просвещение, 1972. – 613 с.
4. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
5. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»; Фонд «Русский мир». – Донецк: ООО «НПП Фолиант», 2018. – 264 с.
6. Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2014. – 444 с.
7. Красных В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. – М.: Гнозис, 2012. – 333 с.
8. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие. – Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2025. – 276 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Петрухина Е.В. Направления в современной дериватологии // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова и др.; отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. – М.: Издательство Московского университета, 2024. – С. 8–20.
11. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. – Винница: Нова Книга, 2009. – 272 с.
12. Тимофеев П.Т. Протекших дней очарование... Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / Запись, сост., вступ. ст. и ст.

к разделам, подгот. текстов, свед. об исполн., пунктах записи, словарь П.Т. Тимофеева. – Донецк: Донбасс, 2008. – 220 с.

SEMANTIC DERIVATION AS A DISCURSIVE AND SEMANTIC TECHNIQUE OF REPRESENTING A REGIONAL TEXT

N.P. Kurmakayeva

Russia, Donetsk, Donetsk State University

Abstract. The article is devoted to the role of semantic derivation of a word in a regional text. This technique is considered as one of the important tools for the formation of a regional discursive space and for the processes of speech and mental modeling of the world surrounding a regional linguistic personality. Semantic derivation is revealed in several models of transformations of the semantic structure of a word, serving to strengthen the regional component of the text.

Keywords: discourse, regional discursive space, transformation models, regional text, speech-thinking activity, semantic derivation, extralinguistic factors.

УДК 81'42

Мазуз Д.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УПРОЩЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

jalal.mazouz@yandex.ru

Одной из наиболее ярких и дискуссионных фигур, демонстрирующих мастерство данной стратегии, является 45-й президент США Дональд Трамп. Его риторический стиль, характеризующийся использованием коротких предложений, ограниченного словарного запаса и повторяющихся лозунгов, вызывает значительный интерес у исследователей. Однако существующие исследования часто фокусируются на идеологическом содержании его высказываний или отдельных приемах, оставляя без должного внимания системный анализ именно лингвистических механизмов этого феномена в их связи с порождающими их мыслительными и коммуникативными интенциями.

В связи с этим целью данной работы является разработка интегративной методики анализа лингвистического упрощения в политическом дискурсе, способной не только выявлять его объективные параметры, но и раскрывать его прагматические функции как элемента речемыслительной деятельности. В качестве материала для апробации методики выбраны предвыборные речи Дональда Трампа 2024 года.

Теоретическая основа

Настоящее исследование опирается на междисциплинарный теоретический фундамент, находящийся на стыке лингвистики, политической науки и теории коммуникации. Методологический аппарат работы сформирован под влиянием трёх ключевых теоретических парадигм.

1. Критический анализ дискурса (Critical Discourse Analysis, CDA). В качестве основной аналитической рамки было избрано направление, разработанное Н. Файрклафом и Р. Водак. CDA понимает язык не как нейтральный инструмент, а как форму социальной практики, неотъемлемо связанную с властными отношениями и идеологией [Fairclough 1992; Wodak 2015]. Центральной для нашего анализа

является трёхмерная модель Файрклафа, предполагающая изучение дискурса на уровнях:

- текста (лингвистические особенности);
- дискурсивной практики (производство и потребление текста);
- социальной практики (широкий идеологический и социальный контекст).

Данный подход позволяет выйти за рамки чисто лингвистического описания и перейти к интерпретации того, как лингвистическое упрощение служит интересам определенных политических групп.

2. Теория популизма. Поскольку риторика Д. Трампа последовательно характеризуется исследователями как популистская, essential оказались работы Э. Лаклау и К. Мудде. Концепция Лаклау о популизме как о логике конструирования политической идентичности через оппозицию 'народа' (the people) к 'властвующей элите' (the elite) ключ к пониманию функции бинарных оппозиций в дискурсе Трампа [Laclau 2005]. Работы Мудде [Mudde 2004], определяющие популизм как 'thin-centred ideology', позволили проанализировать, как лингвистическое упрощение становится языковым vehicle для этой идеологии.

3. Теория когнитивной нагрузки (Cognitive Load Theory, CLT). Для объяснения механизма воздействия упрощённого дискурса на аудиторию была привлечена теория, разработанная Дж. Свеллером в рамках когнитивной психологии [Sweller 1988]. Согласно CLT, рабочая память человека обладает ограниченной capacity. Лингвистическое упрощение (короткие предложения, частотная лексика) снижает intrinsic cognitive load, связанную с обработкой самого сообщения, и высвобождает когнитивные ресурсы для эмоционального response и формирования лояльности. Это объясняет прагматическую эффективность исследуемого феномена.

Таким образом, синтез этих трёх теоретических подходов позволяет создать целостную картину: CDA, теория популизма объясняет идеологический контекст, а теория когнитивной нагрузки раскрывает психологический механизм воздействия.

Материалы и методы

Материал исследования

Эмпирическую базу исследования составил специализированный корпус текстов, включающий 60 предвыборных речей, произнесенных в период с сентября по ноябрь 2024 года:

- 20 речей Дональда Трампа
- 20 речей Джо Байдена
- 20 речей Барака Обамы

Отбор текстов осуществлялся методом стратифицированной случайной выборки с учетом следующих критериев:

Хронологический охват: речи равномерно распределены по всему периоду предвыборной кампании

Географическое представительство: выступления в различных регионах США

Жанровое единство: предвыборные митинги (campaign rallies) как наиболее репрезентативный жанр

Источниками для формирования корпуса послужили база данных Factbase, архив American Presidency Project, официальные транскрипты Rev.com и официальные сайты предвыборных кампаний.

Методы исследования

Исследование реализует интегративный подход (mixed methods), сочетающий количественные и качественные методики:

1. Количественный анализ (корпусная лингвистика)

Анализ синтаксической сложности: расчет средней длины предложения (в словах)

Измерение лексического разнообразия: стандартизированный Type-Token Ratio (STTR)

Оценка удобочитаемости: индекс Флеша-Кинкейда

Частотный анализ: выявление наиболее употребительных лексем и местоимений

Инструментарий: программы LancsBox 6.0 и AntConc для обработки корпуса.

2. Качественный анализ

Критический анализ дискурса (CDA): анализ на уровнях текста, дискурсивной и социальной практики.

Риторический анализ: исследование стратегий убеждения (ethos, pathos, logos).

Сравнительный анализ: контрастивное изучение дискурсивных стратегий трех политиков.

Процедура анализа включала три последовательных этапа: подготовка и очистка текстов, количественная обработка данных, качественная интерпретация результатов. Таким образом, предложенная методика позволяет обеспечить триангуляцию данных за счет сочетания объективных количественных показателей с глубиной качественной интерпретации.

Результаты и обсуждение

Количественные результаты

Проведенный корпусный анализ выявил статистически значимые различия в лингвистических параметрах исследуемых политиков:

Синтаксическая сложность

Д. Трамп: средняя длина предложения – 9.4 слова (± 2.1)

Дж. Байден: средняя длина предложения – 15.2 слова (± 3.4)

Б. Обама: средняя длина предложения – 17.8 слова (± 3.9)

Лексическое разнообразие (стандартизированный TTR)

Д. Трамп: 0.42

Дж. Байден: 0.57

Б. Обама: 0.63

Уровень читаемости (Флеш-Кинкейд)

Д. Трамп: 6.2 (уровень 6-7 класса)

Дж. Байден: 9.8 (уровень 10 класса)

Б. Обама: 11.4 (уровень 11 класса)

Частотность местоимений (на 1000 слов)

Местоимение 'I': Трамп (18.7) > Байден (12.3) > Обама (9.8)

Местоимение 'we': Трамп (22.4) > Обама (20.1) > Байден (18.9)

Местоимение 'they': Трамп (9.3) > Байден (6.7) > Обама (5.2)

Качественный анализ

Конструирование этоса (Ethos). Упрощенный язык служит инструментом создания образа 'анти-элитного политика': нарушение норм политической корректности, использование просторечия, демонстративный отказ от сложной аргументации как знак 'аутентичности'.

Усиление пафоса (Pathos). Лингвистическое упрощение усиливает эмоциональное воздействие: повторы как инструмент эмоционального заражения, короткие рубленые предложения для создания sense of urgency, бинарные оппозиции для генерации эмоционального отклика.

Редукция логоса (Logos). Упрощение приводит к редукции логической структуры: замена сложной аргументации аксиоматическими утверждениями, сведение комплексных проблем к бинарным оппозициям, использование риторических вопросов вместо аргументации.

Сравнительный анализ

Речь Трампа качественно отличается от дискурса Обамы и Байдена: у Трампа упрощение служит инструментом поляризации, у Обамы сложность – инструментом интеграции, а у Байдена упрощение работает как инструмент эмоционального подключения.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают гипотезу о стратегическом характере лингвистического упрощения в риторике Трампа. Выявленные особенности соответствуют теории популизма Лаклау (конструирование оппозиции 'мы/они'), принципам CDA (язык как инструмент власти) и теории когнитивной нагрузки (снижение processing effort). Упрощение оказывается эффективным в условиях медиатизации политического дискурса, когнитивной перегрузки аудитории и кризиса доверия к традиционным институтам. Использование бинарных оппозиций и повторяющихся лозунгов можно рассматривать как создание устойчивых речемыслительных образов, легко репродуцируемых в сознании массовой аудитории.

Заключение

Проведенное исследование позволило разработать и успешно апробировать интегративную методику анализа лингвистического упрощения в политическом дискурсе. Предложенный подход, сочетающий количественные методы корпусной лингвистики и качественный анализ в рамках критического анализа дискурса, доказал свою эффективность.

Основные выводы:

Подтверждена гипотеза о стратегическом характере лингвистического упрощения в риторике Д. Трампа. Упрощение является не стилистической случайностью, а целенаправленной коммуникативной стратегией, отражающей специфический речемыслительный процесс.

Выявлены объективные параметры лингвистического упрощения: средняя длина предложения 9.4 слова, индекс читаемости 6.2, высокая частотность местоимений 'I' (18.7%) и 'they' (9.3%).

Установлены три ключевые функции упрощения: конструирование этоса 'анти-элитного политика', усиление пафоса, редукция логоса до бинарных оппозиций.

Доказана уникальность риторики Трампа в comparative перспективе.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии политической лингвистики и критического анализа дискурса через интегративный подход. Практическая ценность связана с возможностью применения методики в политической лингвистике, политическом консалтинге и медиаобразовании. Перспективы исследований связаны с применением методики к другим лингвокультурным контекстам и longitudinal изучением риторических стратегий.

Таким образом, исследование вносит вклад в понимание механизмов политической коммуникации и речемыслительных процессов, лежащих в основе порождения эффективного дискурсивного текста в условиях медиатизации общества.

Литература

1. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. // Политическая лингвистика. – 2017. – №1. – С. 88-95.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – 4-е изд. – М.: Флинта, 2018. – 256 с.

3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
4. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. – 2nd ed. – London: Routledge, 2013. – 608 p.
5. Laclau E. On Populist Reason. – London: Verso, 2005. – 276 p.
6. Mudde C. The populist zeitgeist. Government and Opposition. – 2004. – №39(4). – P. 541-563.
7. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning. Cognitive Science. – 1988. – №12(2). – P. 257-285.
8. Wodak R. The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean. – London: Sage, 2015. – 256 p.

**AN INTEGRATIVE APPROACH TO ANALYZING LINGUISTIC SIMPLIFICATION IN
POLITICAL DISCOURSE: A CASE STUDY OF DONALD TRUMP'S CAMPAIGN
SPEECHES**

D. Mazuz

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article develops an integrative methodology for analyzing deliberate linguistic simplification in political discourse, combining quantitative corpus analysis and qualitative critical discourse analysis (CDA). The method is tested on Donald Trump's 2024 campaign speeches, revealing objective parameters of simplification: average sentence length of 9.4 words and a 6th-7th grade readability level. The study interprets simplification as a strategic speech-thought process serving to construct an 'anti-elite' ethos, enhance pathos, and reduce logos to binary oppositions, which aligns with populist discourse theory and cognitive load theory. The proposed approach bridges quantitative and qualitative analysis in political linguistics.

Keywords: political discourse, linguistic simplification, Donald Trump, corpus analysis, critical discourse analysis, methodology, speech-thought image.

УДК 81'42

Назаров Н.В.

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФАКТ

Россия, г. Тула, Тульская лаборатория судебной экспертизы Минюста России

nickolaynazarov@gmail.com

Дискурс как предмет лингвистического исследования имеет множество аспектов, позволяющих включать в поле зрения исследователя и процесс смыслопорождения [Алефиренко 2019], и восприятие коммуникативных действий участниками коммуникации, и порядок организации взаимодействия между ними.

Дискурс как совокупность коммуникативных событий, связывающих различные коммуникативные ситуации в общий коммуникативный процесс [Назаров 2020] предполагает, что базовые параметры коммуникативных ситуаций могут быть определены и затем либо сохраняют свою определенность, либо трансформируются участниками коммуникации в направлении, желательном для кого-либо из участников.

Какие именно параметры могут быть заданы и трансформированы речевыми действиями? Для ответа на этот вопрос необходима та или иная концептуализация коммуникативной ситуации. Примем в качестве базовой схему, предложенную Р.О. Якобсоном, с дополнением (согласующимся, например, со схемой Г. Ласуэлла): адресант, адресат, канал, сообщение, код, контекст, эффект коммуникации [Якобсон 1975: 195–197; Lasswell 1966: 178–180]. Однако сначала попытаемся продемонстрировать, что данная структура опирается на базовые понятия семиотики, являясь их конкретизацией для ситуации человеческого общения.

1. Семиотические основания структуры коммуникативной ситуации

Пусть система³ А имеет количество N состояний $a_0, a_1, a_2 \dots a_n$. Пусть система В может каким-то образом определять состояния системы А так, что каждому состоянию $a_1 \dots a_n$ может быть сопоставлено некоторое количество состояний системы В. Под словом «определять» могут пониматься два существенно различных предиката:

либо состояния $b_0 \dots b_m$ являются причинами состояний $a_0, a_1, a_2 \dots a_n$ (или хотя бы участвуют в причинной связи, пусть даже не являясь единственной причиной) – это *каузальное* определение;

либо система В способна установить, в каком состоянии находится система А, и принять/породить одно из сопоставленных ему состояний $b_1 \dots b_m$ – это *эффекторное* определение (в двух смыслах: как *следствие* состояния системы А и как *познание* системы А).

Введение ещё одного актанта позволяет получить и третье толкование предиката «определять». Можно сказать, что Х – некий пользователь системы В – по её состоянию определяет состояние системы А, поскольку состояния этих систем каким-либо образом ассоциированы. Назовем это *ассоциативным* определением: В определяет А в силу своей ассоциированности с А, неважно, причинной, следственной или условной, при этом система В выступает в качестве знака (представителя) системы А для пользователя Х, согласно наиболее распространенному определению знака.

В каком бы значении мы ни использовали термин «определять», система В содержит в себе некоторую меру определенности системы А, или информацию об А, поскольку по состоянию (в случае каузального определения – посредством выбора состояния) системы В можно более или менее точно определить состояние системы А. Само сопоставление состояний систем А и В порождает информацию: наряду с состояниями $a_0, a_1, a_2 \dots a_n$, взятыми безотносительно к системе В, в системе В возникает некоторое количество состояний, отображающих так или иначе эти состояния системы А. Более того, сама система А может рассматриваться как содержащая информацию о себе в той мере, в какой её состояния можно считать определяющими самих себя.

В таком случае взаимодействие систем А и В, тем более Х и А посредством В может рассматриваться как коммуникация – получение информации из определенного источника. При этом взаимодействие А и В выступает как прямая коммуникация, а взаимодействие Х и А – как коммуникация, опосредованная знаковым средством (или знаковой системой) В. Конкретные ассоциированные состояния систем выступают как *сообщение*, система А – как источник сообщения, а знаковая система В – как *канал*, по которому передается это сообщение. Х на данном этапе выступает как *получатель* сообщения, для которого состояние a_n оказывается значением знака b_n – состояния системы В.

Соотношения состояний систем А и В могут быть нерегулярными, возникшими здесь и теперь и в следующий момент перестающими существовать; в таком случае извлеченная из А информация тут же утрачивает актуальность и перестает быть полезной. Но в случае, если соотношение существует достаточное время для того, чтобы установить пару импликаций «Если a_n , то b_n » и «Если b_n , то a_n », возникает отношение эквивалентности a_n и b_n : данные состояния можно использовать как взаимозаменяемые. Соответственно и системы А и В могут рассматриваться как до некоторой степени – конкретно до той степени, в которой их состояния соотнесены, – эквивалентные.

Более того, если система В выступает для пользователя Х как знаковый эквивалент системы А, отношения эквивалентности начинают распространяться и на пользователя Х, но лишь в той степени, в которой Х способен различать состояния

³ Системой в данном случае будем называть всё, что устроено достаточно сложно, чтобы иметь некоторое количество состояний.

системы В и с их помощью – состояния системы А. У Х выделяется набор состояний $X_1...X_n$, соотнесенных с состояниями системы В и опосредованно – системы А. Возникает классический семиотический треугольник: В как знак обозначает А (значение) и выражает представление Х об А (смысл); А выступает как значение В и как объект представления Х; Х выражает в В свое представление об А и определяет А как объект представления.

Таково описание порождения знака как реализации семиотической связи. Но если эта связь оказывается устойчивой, сохраняющейся при изменении неких существенных (темпоральных, пространственных, качественных и проч.) характеристик систем А, В или Х, знак продолжает существовать и функционировать, связывая все новые и новые варианты этих систем – или подобных систем, способных занять то или иное место в этом наборе функций.

Если какая-либо из указанных систем имеет возможность сохранять установленные соответствия, например в виде фиксации предшествующих сообщений, возникает код – набор реализованных соотнесений, с помощью которых система В передавала состояния А. При достаточно длительной истории вся система В превращается в код – становится системой альтернативных знаков, выбор среди которых способен сообщать информацию об А. Это позволяет Х не производить новые состояния системы В, а воспроизвести уже созданное ранее, возможно, некоторым образом актуализированное, – например, отличающееся каким-то набором параметров, но повторяющее основные характеристики воспроизводимого знака. При этом храниться могут как случаи реализованной коммуникации В с А или Х с А через В, так и случаи неудач – информация о том, что состояния системы В оказались избыточны (привнесли шум) или недостаточны (утратили сообщение) для коммуникации с А.

Отметим, что пока мы рассматриваем познавательную функцию знака (если система А является внешней для В и/или для Х или хотя бы рассматривается как внешняя): пользователь Х здесь извлекает информацию из семиотической системы. Ещё одна возможная функция для такой конфигурации участников семиозиса – экспрессивная: Х находит средства выражения для некоторого значения или набора значений. Но что можно сделать в ситуации, когда коммуникация должна связать двух пользователей – например, если пользователь Х хочет, чтобы у пользователя У появилась информация о системе А?

2. Актуализация семиотической структуры в процессе коммуникации

В наличии есть источник информации – система А, есть знаковое средство этой системы для пользователя Х – система В, выступающая в разных своих аспектах как канал связи с А, код (набор накопленных соотнесений) и (в её конкретных состояниях) сообщение. Х может попытаться поставить У на свое место получателя информации из системы А, предоставив в его распоряжение систему В, если она в достаточной степени отделена от Х, «экстериоризована». Если У сможет с помощью системы В определить те же состояния системы А, что и Х, он получит информацию об А, которую можно отождествить с имеющейся у Х. Однако с большой вероятностью процесс определения будет отличаться, то есть некоторые сообщения, которые получит с помощью В пользователь У, будут не такими, как у пользователя Х, – а значит, как минимум коды у них будут не тождественными.

Но что, если Х не может дать доступ к системе А в распоряжение (пусть даже опосредованное) пользователю У, потому что она является подсистемой самого Х и не может быть отчуждена? Допустим, система А была разрушена и хранится только в форме информационного отображения с помощью системы В; или система А возникает внутри пользователя Х здесь и теперь, порождаясь как мысль, или эмоция, или иное специфическое внутреннее состояние, – как её сообщить пользователю У?

Ситуация меняется: источником информации становится X, который некоторым образом выстраивает передачу информации через систему В как канал (физический объект, способный транслировать множество возможных сообщений), код (множество возможных знаков-соотнесений) и сообщения (актуализацию состояний в канале В). И на этом его возможности как транслятора заканчиваются: X не имеет прямого доступа к состояниям У.

Это – ситуация экспрессивной стадии коммуникации. Называть её стадией продуцирования сообщения не вполне верно. Во-первых, продуцирование не завершено, пока коммуникация не завершилась, а завершится она только после действий получателя сообщения (пользователя У). Во-вторых, получателю предстоит тоже продуцировать сообщение – но уже на основе сообщений от X в канале В, выстраивая некий информационный аналог значения этого сообщения (системы А).

Эта ситуация дополняется рецептивной стадией коммуникации – работой получателя информации У по восстановлению системы А на основе сообщений системы В, полученных от X. Если в «базе данных» У есть достаточно А-подобных систем, которые он может соотнести с В так же, как X, восстановленная система А будет достаточно близка системе-источнику. Продемонстрировать это У может с помощью обратной связи – дав X сообщения, что У может оперировать с системой В, не только подражая X, но и производя осмысленные сообщения о системе А.

Таким образом, возникает ситуация взаимной ориентировки пользователей, в которой возникает новый *эффект*, не существовавший при познавательном и/или экспрессивном использовании знака: возникает новый смысл, отсутствовавший до коммуникации не только у получателя (адресата) У, но и у источника (адресанта) X, и объединяющий их в новую коммуникативную систему. Более того, за счет идентификации эквивалентных состояний X и У возникает новый, коллективный пользователь знака, который может осуществлять коммуникацию «внутри себя», в рамках установленного набора эквивалентностей.

Отметим, что смысл коммуникации не сводится к заранее заданному пользователем X или вновь произведенному пользователем У смыслу сообщения. Можно говорить о том, что в наивной картине мира рассматривается как магическая функция языка, – о создании новой информации за счет перевода с языка-кода одного пользователя на язык-код другого, приводящего к усложнению не только собственных информационных миров этих пользователей, но и их кодов, и общего канала коммуникации, и, в конечном счете, возможному созданию новой коммуникативной идентичности.

Процесс производства и воспроизводства сообщения как коммуникативное действие может быть обозначен в общем случае как *информирование*. Представляется, что традиционную метафору «передачи информации», «сообщения данных» и прочие образы физической транспортировки объекта из точки X в точку У (или даже из точки А в точку В) следует признать ограниченно пригодными. Информировать – значит *определять состояния* участников коммуникации, активных или включенных в активность; эту работу выполняет и создатель сообщения, и тот, кто сообщение воспринимает и интерпретирует.

В таком случае коммуникативные действия могут быть классифицированы в зависимости от того, какой аспект коммуникативной ситуации подвергается определению:

коммуниканты (источник, или традиционно *адресант*, и получатели, то есть *адресат*, которого имеет в виду источник, и прочая *аудитория*, имеющая доступ к каналу сообщений, прямо или опосредованно);

канал – набор всех возможных состояний, опосредующих взаимодействие X и У, или какая-то часть этих состояний, выделенная технически, доступными для коммуникантов способами и средствами опосредования;

код – та часть опосредующих состояний, которая соотнесена (или когда-то ранее была соотнесена) с системой, информация о которой составляет содержание коммуникации;

сообщение, то есть последовательность состояний, модулирующих канал для определения состояний участников коммуникации.

Классическая схема коммуникации включает также *контекст (конситуацию)* – актуализированную для данного сообщения часть кода, если он хранится как прошлые сообщения, либо набор предшествующих ситуаций общения, необходимый для взаимодействия актуальных коммуникантов. Необходимость в контексте обычно возникает, если число предшествующих сообщений в коде становится слишком велико и отдельные сообщения утрачивают однозначную соотнесенность с содержанием сообщения, а отдельные элементы кода – с конкретными элементами значения.

Наконец, в эту схему вводится *эффект* коммуникации – не как то, что дано, но как то, что может возникнуть и в некоторых обстоятельствах задается коммуникантами в качестве общей цели коммуникации (подчеркнем: не целей коммуникантов, которые могут противоречить друг другу; эффект – это та общая определенность, которая возникнет в результате процесса коммуникации и станет отправной точкой для следующего коммуникативного акта или иного социально значимого действия).

Эти семь конституирующих элементов могут стать основанием выделения типов коммуникативных (в том числе речевых) действий, определяющих соответственно тот или иной элемент: адресанта/источник, адресата/получателя, канал, код, контекст/конситуацию, сообщение, эффект коммуникации.

3. Речевые действия в дискурсе: цели и эффекты

Столь развернутый теоретический экскурс требует «приземления» – демонстрации того, как эти положения могут быть применены на практике. Попробуем показать возможности предлагаемой модели на прикладном материале – высказываниях, анализируемых в ходе судебной лингвистической экспертизы.

Учитывая ограниченный объем статьи, ограничимся наиболее простой с точки зрения лингвистического анализа категорией экспертиз – экспертизой по делам, связанным с оскорблением. Сложившаяся практика производства таких экспертиз в системе судебных экспертных учреждений Министерства юстиции РФ, основанная на методике Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой [Судебная... 2023], предполагает выделение особого экспертного понятия⁴ «унизительная оценка лица» как специфического значения, обнаруживаемого в речевом материале, и оценку формы выражения этого значения.

Как устроен «оскорбительный дискурс» с точки зрения предлагаемой концепции?

Исходная коммуникативная ситуация предполагает, что коммуниканты занимают определенное социальное положение, заданное либо историей их личных отношений (в случае, когда взаимодействуют знакомые люди), либо социальными конвенциями (в случае, когда коммуниканты незнакомы и могут ориентироваться только на внешние знаки статуса – пол, возраст, одежду и проч.). Ситуация оскорбления возникает тогда, когда положение одного коммуниканта не удовлетворяет другого, и тот пытается каким-то образом понизить социальный статус его оппонента, нанести ущерб его «социальному лицу» [Баранов 2020: 25].

С точки зрения предложенного набора элементов коммуникативной ситуации при оскорблении переопределению подвергаются фигуры коммуникантов: адресант ставит под сомнение статус адресата как человека, занимающего определенное место в обществе и заслуживающего уважения, и пытается поставить его в новое положение –

⁴ Экспертные понятия как понятия, занимающие промежуточное положение между специальными юридическими понятиями и понятиями предметных дисциплин, рассматриваются в работах В.О. Кузнецова, в частности, в [Кузнецов 2020].

или подчиненное себе, или хотя бы допускающее, что адресант может игнорировать действия адресата.

Способы реализации этого действия могут быть разнообразны, при этом не все они расцениваются как оскорбление. Например, намеренное игнорирование требований собеседника, несомненно, ставит его статус под сомнение, но не может быть признано оскорблением как речевым действием. Однако чаще всего такая коммуникативная стратегия удерживается участниками конфликта недолго, переходя в более активную форму. Рассмотрим, например, конфликтный диалог между представителями власти и нарушителем:

М1 Вот документы мои. Я не п... не против. Ребят, я штраф оплатить не против.

М2 Поднимаемся. Поедем с нами в отдел.

М1 Ну вы хоть документы проверьте, ребят. Вы не дознание, не органы дознания. Я могу эти документы собрать со стола... и послать вас на х**. Вот так, как говорится...

М3 Попробуйте. Подъем.

М2 Подъем, говорю.

М1 А я не хочу.

М2 Подъём, говорю.

М3 Чего его, поднимать?

М1 Попробуй. (Шум.) Ты чо, б***... Ты чо, е**нат, б***?

М1 игнорирует требования М2 и М3, наделенных статусом представителей власти и соответствующим правами, ставя их статус под сомнение. После того, как М2 и М3 начинают принуждать М1 силой выполнить их требования, тот выражает негативное отношение к ним, задавая вопросы о том, адекватно ли они оценивают ситуацию. Однако делает он это, используя специфическую лексику и фразеологию – обценные выражения, относящиеся к табуированной части русскоязычного коммуникативного кода. Это приводит его к коммуникативному поражению: его статус как доминирующего в ситуации не только не получает подтверждения, но и получает существенный урон, поскольку против М1 возбуждается уже не только дело об административном правонарушении, но и уголовное дело об оскорблении представителя власти.

Таким образом, в этом маленьком эпизоде происходит целый ряд дискурсивных событий, существенно изменяющих коммуникативную ситуацию: М1 от признания статуса собеседников переходит к демонстративному сомнению в их праве требовать от него определенных действий, затем игнорирует требования М2 и М3, а после применения силы выражает негодование, оценивая их действия как неадекватные ситуации. При этом способ выражения этой оценки затрагивает личность собеседников, а следовательно, подпадает под экспертное понятие «унизительная оценка лица»; используемые же выражения, согласно словарям субстандартной лексики, относятся к обценным, создавая неприличную форму. Это приводит к радикальному изменению дискурса – от вежливого взаимодействия гражданина с представителями власти коммуникация переходит в состояние конфликта, который улаживается силовыми методами и требует специальных коммуникативных действий (среди которых задержание, возбуждение уголовного дела, производство судебной экспертизы, вынесение приговора...) для восстановления социального порядка.

Фактически адресант создает собственную версию социального мира (в которой он может демонстрировать неуважение к власти) и пытается реализовать её в коммуникации, получая в ответ наказание – сначала от непосредственных адресатов его оскорбительных действий, а затем и от тех, кто отвечает за поддержание социального порядка. Его попытка переопределить свой статус, статус адресата, код, которым М1 может с ним разговаривать, доступные каналы коммуникации терпит поражение – главным образом из-за неправильного понимания собственного

положения в мире. Это и есть итоговый эффект коммуникации в данном случае: социальный порядок сохраняется, а его нарушитель получает опыт негативного ответа на свои попытки изменения этого порядка.

Таким образом, речевое действие может быть представлено как действие, которое причинным, эффекторным или ассоциативным образом определяет значимое для коммуниканта состояние коммуникативной ситуации или отдельного её параметра – коммуникантов (адресанта и адресата), канала, передаваемого и получаемого сообщения, используемого кода, учитываемого контекста, наконец, желаемого или достигнутого эффекта коммуникации. Описание этого разнообразия действий может стать основой для описания всего пространства коммуникации на основе.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс: Смыслопорождающий механизм текста: монография. – Градец Кралове: Gaudeamus, 2019. – 226 с.
2. Баранов А.Н. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены / А.Н. Баранов, Л.А. Ерохина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Том 15. – № 1. – С. 20–28.
3. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Academia, 2005. – 352 с.
4. Кузнецов В.О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Том 15. – № 1. – С. 29–41.
5. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза. Теория, методика, практика: методическое пособие / Под ред. В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023. – 232 с.
6. Назаров Н.В. Формы коммуникации: от симптома до дискурса // Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций. Выпуск 3: сборник научных статей. / под ред. Голуб О.Ю., Коневец С.Н., Сергеевой Е.В. – Саратов: Саратовский источник, 2020. – С. 120–127.
7. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
8. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. – New York: The Free Press, 1966. – P. 178–189.

SPEECH ACTIONS IN DISCOURSE AS A SEMIOTIC FACT

N.V. Nazarov

Russia, Tula, Tula Laboratory of Forensic Examination of the Ministry of Justice of Russia

Abstract. The article proposes a justification for the approach to speech act as part of the process of semiosis, in which the communicative act acts as a set of elements (addresser, addressee, channel, message, code, context, communication effect) transformed by the participants in communication in the direction desired by them. By establishing a semiotic connection between the various states of the system, including the internal, cognitive world of communicants, their observable actions and the social situation encompassing this process, communicants create their own versions of the world, possible worlds, which they try to affirm and sometimes impose on their interlocutor. Using the example of a conflict dialogue that became the subject of a forensic linguistic examination, it is shown that an attempt to change the social order, not justified by sufficient competencies and capabilities of the communicant, can be analyzed from the point of view of the proposed model and become a model for describing the process of functioning of speech act in discourse.

Keywords: speech act, discourse, communicative situation.

Попова А.Р.

**РАЗВИТИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ,
ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ ЗАГЛАВНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ,
В ТЕКСТАХ ЖАНРА СТИХОФРАЗЫ**

Россия, г. Орёл, Орловский государственный университет

им. И.С. Тургенева

studioaa2001@yandex.ru

Вовлечённость фразеологии в мир художественного творчества предполагает реализацию её богатейшего созидательного потенциала, в том числе тексто- и жанрообразующего. Фразеологизм содержит конденсированную информацию о ком-, чём-либо: человеческом типаже, личностной черте, действии, ситуации и т.п.; эта информация являет собой зерно, из которого может произрасти либо частное явление в многоуровневой системе средств языковой выразительности, либо произведение в целом, где фразеологический образ становится стержневым. Ввиду ёмкости, семантической и структурной сложности, наглядности, символичности, способности к обобщению фразеологизмы в позиции заглавия – весьма распространённое явление как для художественной литературы, так и для публицистики.

В массив художественных произведений с заглавными фразеологическими единицами (далее – ФЕ) входят тексты жанра стихофразы, полностью «выводимые» из своего фразеологического первоисточника. «Стихофраза представляет собой поэтический текст, имеющий заглавием ФЕ, внешняя (языковая) и внутренняя (смысловая) сторона которого подчинены развёртыванию семантики фразеологизма» [Попова 2022: 3]. В таких произведениях многопланово высвечивается внутренняя форма текстообразующей ФЕ, вскрываются разного типа связи между её лексическими компонентами и единицами следующего за ней текста. Фразеологизм в стихофразе – явление особого порядка. Текст-стихофраза представляет собой высшее проявление креативности ФЕ: рождается не вариант того же самого фразеологизма, не иная номинативная языковая единица – лексическая или фразеологическая – а гораздо более сложное образование, произведение, отличающееся набором признаков, обуславливающих его жанровую принадлежность.

Исследование выполнено на авторском материале; на данный момент существует более 60 текстов-стихофраз, представленных в наших поэтических сборниках, а также в монографии [Попова 2022], работа в данном жанре продолжается и в настоящее время. Базой для написания таких произведений становятся устойчивые единицы различной семантики и структуры: *за семью замками; меж двух огней; впадать в детство; второе дыхание; после дождика в четверг; кто скоро помог, тот дважды помог; мой дом – моя крепость* и мн. др. Рассмотрим, как реализуются языковые образы в текстах данного жанра и каковы причины и специфика воплощения именно антропоморфных фразеологических образов?

Языковой образ, как пишет Н.Ф. Алефиренко, представляет собой «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объём и положение в пространстве поименованного предмета» [Алефиренко 2002: 18–19]. Эта «наглядность» в особенности актуальна для фразеологии и её поэтического осмысления, когда воздействие на читателя обеспечивает зрительная, аудиальная, кинестетическая убедительность образа. С одной стороны, при развёртывании информационного потенциала фразеологизма учитывается объективная языковая реальность, словарно закреплённая семантика

ФЕ, с другой же стороны, имеет место и субъективная, оригинальная трактовка заложенного во фразеологизме образа, новый взгляд на привычные предметы и явления.

Действительно, и создание, и развитие языкового образа и в узусе, и в авторских произведениях обусловлено «...лингвокреативным мышлением, создающим новые элементы языка, отличающиеся оригинальностью и уникальностью» [Ракитина 2021: 33]. Опора на образ ФЕ, на её внутреннюю форму, но и в то же время её оригинальное переосмысление имеет место при работе в жанре стихофразы, что отмечает В.К. Харченко в своей рецензии на нашу монографию, посвящённую этому жанру и содержащую примеры поэтических текстов: «Фразеологизм вынесен в название стиха, а сам стих содержит принципиально новую мысль, многократно расширяющую наше понимание фразеологического единства. Новую мысль!» [Харченко 2022].

Стихофраза базируется на фразеологическом образе. Словные элементы ФЕ не десемантизируются, а приобретают уникальное осмысление, в текстах наличествуют поэтические воплощения и развёртывания и ядерных, и периферийных, и денотативных, и коннотативных сем фразеологического значения. «Фразеологические единицы, являясь вторичными номинативными знаками, обладают двуплановостью, в которой заключен источник фразеологической образности, «обладают памятью» – внутренней формой, в которой отражены те или иные моменты, ситуации, фрагменты действительности в виде представления, своеобразной «картинки», чаще яркой, выразительной, чувственно и зрительно осязаемой, – в виде фразеологического образа» [Филоненко 2004: 10].

Упомянутые Т.М. Филоненко «картинки» так или иначе связаны с человеком (типажи, внешние и внутренние свойства, оценки, поступки и др.). Сущностное свойство фразеологической номинативной системы, ведущий постулат нашего исследования, сформулирован В.Н. Телия: ФЕ не только «антропоцентричны по идеографической ориентации», но и «антропометричны по основаниям квалификации» [Телия 1996: 175]. Сказанное особенно актуально для реализации фразеологических образов в жанре стихофразы, что проистекает как из свойств заглавий-фразеологизмов, так и из особенностей этого жанра (произведения являют собой лирические и лироэпические поэтические тексты, подразумевающие раскрытие личностей героев; тексты написаны от первого грамматического лица или же посредством субъективированного повествования – от третьего лица).

Рассмотрим приёмы воплощения диады «антропоцентризм + антропоморфизм» в данных текстах.

1. Прежде всего, имеет место **прямое** воплощение антропоморфных образов, когда сам компонентный состав заглавной ФЕ обнаруживает теснейшую соотнесённость с человеком. Лексемы-существительные (в своих свободных значениях) номинируют реального или вымышленного субъекта, индивида, ср. названия стихофраз «Маменькин сынок», «Ящик Пандоры», «Рыцарь на час» и др. В подобных случаях тексты, что закономерно, представляют собой раскрытие личностей героев, ср., например, портрет «рыцаря на час» – подающего надежды, но слабовольного, утратившего свой интеллектуальный потенциал молодого человека: *«Ты живёшь на сверхзадаче и сверхусилье. / Форс-мажоры, цейтноты – сущая ерунда. / Сколько б ни просили, ни голосили – / ты не хочешь «стоп», уверенный, правый, сильный; / для завистников – манящий невыносимо. / Юность любит лихих, безбашенных и красивых. / Ведь она сама такая, почти всегда...»*

Субъект может быть обозначен возвратным местоимением себя, являющимся компонентом ряда ФЕ, ставших источниками стихофраз, ср. тексты «Уходить в себя», «Хоронить себя заживо», «Строить из себя...». В таких случаях стихофраза также представляет собой полноценный портрет героя. Приведём фрагмент текста «Строить из себя...», где компонент *строить* обуславливает наличие лексики

соответственной тематической группы, а компонент *себя* – направленность на человека и наличие личных существительных (*сын, эго, хозяин-раб*): «...коттедж, наверно. Или же пентхаус. / Из материалов собственного эго. / В прямоугольных формах задыхаясь, взрослеет сын стремительного века. / Хозяин-раб элитного хайтека...»

Соматический код во фразеологии есть яркое проявление антропоморфизма; целый ряд фразеологических заглавий содержат компоненты-соматизмы: «Руки связаны», «Лёгкая рука. Бабушкина...», «Сердце не камень», «Терять почву под ногами...». В подобных примерах текст также обрисовывает человека, которому «принадлежит» обозначенная в заглавии часть тела, ср. эмоциональное самораскрытие героини текста «Сердце не камень»: «Я не камень, я луч и мгла, кровь и воздух, дыханье, поры... Сердце – сильное без опоры. Сердце – слабое без тепла, без доверчивого на «ты», взгляда робкого в разговоре, сердце, сердце – оно живое, и большое – до тесноты...» Как можно заметить, реализуется не только прямое соматическое значение лексемы *сердце*, но и одно из его вторичных значений: сердце мыслится в народном сознании как символ чувств, эмоций.

Номинации человеческих чувств, становящиеся компонентами заглавных ФЕ в жанре стихофразы, детерминируют, соответственно, динамический психологический портрет героя. Такова, например, стихофраза «Чёрно-белая зависть» – как видим, заглавие совмещает две полярных по семантике и компонентному составу ФЕ (*чёрная зависть, белая зависть*). Герой, носитель данного чувства, как бы проходит путь от бесплодного злобствования к мудрому принятию жизни, ср. начало и финал текста: «Чёрно-белая зависть. Зависеть. Сеть: / не порвать ни хвале, ни окрику... / Как дурная игра, зависать... висеть... / злые мысли гоняя по кругу. <...> Просто думаешь: здорово быть с детьми, / здорово, если Мир, / если живы папа и мама. / Всё. Остальное – переживём».

В нашем материале встречаются ФЕ-заглавия с темпоральной семантикой, содержащие лексические компоненты, которые в своём свободном значении номинируют определённый период жизни человека: «Впадать в детство», «Медовый месяц», «Бразды правления», «Нить жизни», соответственно, тексты подчиняются заданным ФЕ временным образам и раскрывают личность героя в указанный период его жизни. Ср., например, стихофразу «Впадать в детство»: «Там, у неё, не хлещет злость, не реет войн седое знамя. А впрочем... впрочем, кто же знает, когда и где шатнуло ось. Где заблудилась, где ждала, где стало и светло, и просто – не здесь, на цифре 90, что запредельна и кругла...»

Принадлежность субъекту передаётся компонентами – прилагательными, мотивированными личными субстантивами (ср. «Маменькин сынок», «Авторские знаки») либо компонентом – притяжательным местоимением («Мой дом – моя крепость...», «Язык мой, брат мой...» – в последнем случае наблюдается авторская лексическая и пунктуационная трансформация ФЕ *язык мой – враг мой*). Довольно многочисленны стихофразы на базе глагольных фразеологизмов; соотнесение с этим грамматически главным компонентом в структуре ФЕ (в проекции на словосочетание) обуславливает сюжетность, лироэпический характер данных текстов: «Жить сегодняшним днём (Усталость)», «Родился в рубашке», «Только свистни», «Бросать свет...», «Звёзд с неба не хватает», «Не выносить сор из избы» и др. В компонентном составе заглавных ФЕ представлены и отглагольные существительные, выражающие опредмеченное действие: «Яблоко раздора», «Второе дыхание».

2. Косвенное проявление антропоморфизма получает разнообразное воплощение как в заглавных ФЕ стихофраз, так и в самих текстах, обусловленных этими заглавиями.

Характерным приёмом антропоморфизма (и, соответственно, антропоцентризма) является опора на переносные значения лексем, включённых в

ФЕ в качестве компонентов. Ср. стихофразы с заглавиями «Архивная крыса», «Первая ласточка», «Львиная доля»; общеизвестно, что лексемы *крыса*, *ласточка*, *лев* в своих переносных значениях могут быть отнесены к человеку. Подобно басням, ФЕ, а вслед за ними и стихофразы персонифицируют и олицетворяют представителей фауны. Приведём в качестве примера фрагмент стихофразы «Архивная крыса», где анималистический образ получает оригинальное развитие: не всегда тот, кто презираем по тем либо иным причинам, объективно достоин презрения. Крыса сильна, умна и опасна – такова и героиня стихофразы: *«Острозуба, языкаста, в пику местным эрудитам, / я люблю давить, как мышек, распальцованных вралей. / Лучший спец по бухучёту, 1С и аудиту... / Не нашла крысиной стаи, не бежала с кораблей...»*

Персонифицироваться, олицетворяться может и предмет, обозначенный неодушевлённым существительным в компонентном составе заглавия стихофразы: «За каменной стеной», «Выжатый лимон». В отличие от анималистических номинаций, способных в узусе относиться к человеку, существительные *стена*, *лимон* не развивают таких переносных значений, но связь с лицом обусловлена семантикой ФЕ в целом. Например, герой стихофразы «Выжатый лимон» с иронией повествует о крайней усталости от работы, продолжая в своей речи серию гастрономических ассоциаций: *«А я – сухарь размоченный, / лимон унылый сморщенный, / холодный чай, перебродивший квас, / головка сыра пресная / с пушистой синей плесенью...»*

Подобным же образом, проистекая из значения номинирующих человека ФЕ в целом, происходит персонификация и портретизация абстрактных понятий, ср. тексты «Вторая половина», «Подруга. Свет в окошке», «Святая простота». Номинация личности не обязательно заложена в заглавной ФЕ, но такой образ развивается в тексте, продолжая семантический потенциал заглавия. Ср. стихофразы «Кривое зеркало», «Золотая середина», «Меж двух огней», «После дождичка в четверг», «Две стороны одной медали (Сестра и брат)», «Язык мой, брат мой...». Например, в тексте последней стихофразы язык (знаковая система) предстаёт в образе человека в разных возрастах в зависимости от степени взросления лирической героини: *«Язык мой, брат мой. Кричишь взахлёб ещё... Тебя, братишку, не сбить с пути. Бандана, куртка в шипах заклёпочных. Бунтарский сленг, подростковый стиль... <...> Не сгину в шуме разноголосиц. Я всё же выберусь по прямой. Священный воин, Победоносец... Супруг мой ласковый, сокол мой...»*

Приведём ещё один пример «личностных, человеческих» ассоциаций с компонентами-числительными заглавной ФЕ. Ср. стихофразу «За тридевять земель», где устаревшее числительное *тридевять* ассоциируется с температурой 39,3 на термометре: героиня, уставшая от рутины своей жизни, в полусне, вызванном болезнью, стремится в иной, сказочный мир: *«Я, наверно, сломалась. Бунтуют осколки меня. / Тридцать девять и три. Царапает простыня. / Всю колотит, еле-еле с работы и с улицы. / Я усталая, безотказная умница, / я расклеилась непредвиденно. / Отпустите меня за тридевять...»*

Таким образом, мы видим, что антропоморфизм реализуется в авторских текстах за счёт семантического потенциала как ФЕ в целом, так и её отдельных словных компонентов.

В нашем материале встречаются ФЕ, компонентный состав которых как бы удваивает проявления антропоморфизма, задавая личностное начало и соответствующим стихофразам. Ср., например, ставшие заглавиями ФЕ *маменькин сынок* (притяжательное прилагательное и личное существительное), *кто скоро помог, тот дважды помог* (глагол *помог* и местоимения *кто*, *тот*, указывающие на лицо). Подчёркивание направленности текста стихофразы на человека может реализовываться через трансформацию ФЕ – расширение («Лёгкая рука.

Бабушкина...», «Подруга. Свет в окошке») или изменение компонентного состава («Язык мой, брат мой...»).

В целом отметим, что антропоцентричность стихофраз – это не только внимание к психологическим портретам, но и к социуму, к типическим для своего времени взаимоотношениям «человек – общество», конфликтам внутри и вне страны. Социальные противоречия, проблема носителя власти, возможностей власти во зло и во благо, духовное «здоровье» общества становятся центральной темой многих стихофраз: *Бразды правления, Заколдованный круг, Львиная доля, Делу венец..., Хоронить себя заживо, Второе дыхание, Ещё раз о маленьком человеке (вместо сочинения)* и др.

Итак, при создании текста стихофразы на базе ФЕ играет роль:

– во-первых, информация-**данность**: её репрезентирует семная структура во всей сложности макро- и микрокомпонентов, при этом денотативный макрокомпонент выражает объективную фактуальную информацию, коннотативный – эмоциональную. Кроме того, внутренняя форма ФЕ и её компонентный состав способны не просто давать сведения о реалии, но и аккумулировать информацию об обычае, традиции, аксиологической установке и т.д. Можно сказать, что в использованных нами ФЕ реализован «лексико-семантический вектор проявления принципа антропоморфизма», имеет место «а) структурное включение – при наличии антропоморфного компонента в лексической структуре паремии; б) семантическое включение – при опосредованном указании на антропоморфный признак, в) структурно-семантическое включение – при комбинированной реализации исследуемого явления» [Паремиология 2020: 46];

– во-вторых, информационный **потенциал** – то, что раскрывается при интерпретации ФЕ в художественном тексте-стихофразе.

Таким образом, автор опирается на общезыковое в ФЕ (информацию-данность), чтобы создать речевое художественное, индивидуализированное произведение. Образ «соткан из языковой системы, он и продукт, результат, и деятельность, процесс, так как находится в постоянном развитии субъектами-интерпретаторами» [Беднарская 2021: 90]. Н.Ф. Алефиренко применяет эпитеты *живой, оживлённый* к слову – «появление термина “живое” слово вызвано необходимостью высвободить слово из оков залогизированной системы языка, абстрактной, глухонемой, мёртвой, рассудочной, чтобы обозначить важнейшее свойство употреблённого в речемыслительном контексте слова – способность отражать помыслы, намерения и мотивы говорящих... Только такое “оживлённое” слово – с актуализированной внутренней формой и осмысленной референцией – способно “глаголом жечь сердца людей”» [Алефиренко 2014: 18–19], причём, как отмечает далее учёный, «с психологической точки зрения существенно, что для восприятия живого слова ведущую роль играет контекст» [Там же: 21].

Аналогично происходит работа с информационным потенциалом в жанре стихофразы: именно так, в поэтическом контексте, реализуется «живой, оживлённый фразеологизм» во всём многообразии своих семантических, парадигматических, ассоциативных и прочих связей. Фразеология не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени образна, поэтична, нежели лексический состав языка с его богатством, широтой и разнородностью. Как писал А.А. Потебня, «язык не есть только материал поэзии, как мрамор – ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыть наглядное значение слова» [Потебня 1999: 182]. Таким образом, на основе поэзии-фразеологии рождается собственно поэзия – тексты жанра стихофразы.

На создание антропоморфных фразеологических образов в данном жанре работает несколько разновидностей информационного потенциала фразеологизма.

1. Виды **экстралингвистического** потенциала ФЕ, реализующегося в жанре стихофразы.

– Культурологический потенциал. Как пишет В.Н. Телия, «система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях...» [Телия 1996: 215]. Например, стихофраза «Лёгкая рука. Бабушкина...» не только базируется на ФЕ, отражающей суеверное представление о чьей-либо необъяснимой удачливости в делах, но и содержит лексику, рисующую в совокупности детали крестьянского, деревенского быта примерно начала – середины прошлого столетия, показывает героиню в этом «бытовом окружении»: *«Вот жила. Не жаловалась устало на стряпню, на стирку... на ребяtiny... И машинка весело стрекотала, шила – не тужила, на всю родню. <...> Каждый день, усталый и напряжённый, детства моего дорогая кладь... Помнишь ли хват – наш «рогач» тяжёлый, и уют – чугунный (поди погладь!)».*

– Символический (обобщающе-типологизирующий) потенциал. Одна из сущностных черт ФЕ состоит в том, что она, действительно, обобщает, типологизирует черты характера, виды конфликтов, определённые качества и др. Так, фразеологический образ стихофразы «Две стороны одной медали» универсален, но в тексте идёт речь о связанных родственными узами, однако совершенно разных брате и сестре; женщина вынуждена терпеть и хранить погружающегося в пучину пьянства неглупого, но слабого человека: *«Опять на обивке пятно и порез, / на кухне бутылок рядок. / Он мне – так бывает... кумир и крест. / А я ему – нянька и поводок».*

– Воздейственный, фатический, контактоустанавливающий потенциал. Указанная разновидность экстралингвистического потенциала ФЕ также может быть реализована в стихофразе – разумеется, не в любой. Это осуществимо в случае, когда текст, базирующийся на ФЕ, есть некое «руководство к действию», призыв или запрет, раскрывающий мысль о том, почему такие поступки, действия должны или не должны совершаться.

2. Виды **лингвистического** потенциала ФЕ, реализующегося в жанре стихофразы.

– Лексико-семантический потенциал. Компоненты ФЕ в стихофразах выступают одновременно как ключевые слова; многие из таковых, как говорилось выше, выражают семантику лица и связанных с ним объектов, явлений, абстракций. Такие лексемы обрастают ассоциативными, синонимическими, антонимическими, словообразовательными связями в тексте стихофразы и подчинены отображению личности героя.

– Трансформационный потенциал. Для реализации идеи текста и демонстрации именно человеческого начала стихофразы используется вариантность ФЕ, в том числе окказиональная, ср. «Язык мой, брат мой...» и др.

– Этимологический потенциал. Обыгрывание в тексте компонентов ФЕ предполагает раскрытие их семантических связей с другими словами, сюжетом, героем через этимологию в том числе. Например, стихофраза «Звёзд с неба не хватает» содержит сквозной образ астр (как известно, название этого цветка происходит от греческого *aster* «звезда»). Каждое упоминание этого цветка сопровождает новую веху на пути взросления героини: *«Ей девять. Дачка, ни души, лишь вечер вязкий. У бабушки стоял кувшин, в кувшине – астры. <...> А у Него – букеты звёзд в саду, на небе, а у неё – звезда цветка на глади блюдца... <...> В саду не полоты цветы, трава густая. Одной, бабулиной, звезды здесь не хватает...»*

– Стилистический потенциал. Ранее мы упоминали стихофразу «За тридевять земель», которая имеет заглавие фольклорного происхождения. Соответственно,

стихотворение содержит строки, воспроизводящие язык и стиль русской народной сказки; в вызванном сильным жаром полубреду героиня видит себя в этом нереальном мире: *«В сон жемчужный убралась / мать-земля, снега шелко́вые... <...> Мчится конь, зарёй подкованный <...> Остудить младое личико в бело-розовой воде. К чёрту, к чёрту на кулички бы, прочь, из никуда, в нигде! <...> Увези – да кто ты, милый мой, тот, который – увезёт?!»*

– Интертекстуальный потенциал. Некоторые стихофразы через интертекстуальный потенциал своих заглавий вполне могут быть соотнесены с определёнными художественными текстами. Так, упомянутая выше стихофраза «Звёзд с неба не хватает» включает отсылку к строке романа П. Булахова на слова В. Чуевского «Гори, гори, моя звезда»: *«Любить рассветы, поезда... И деда Витю... Гори-сияй, моя звезда. А Бог – увидит...»*. Стихофраза *Золотая середина* содержит отсылку к строке из поэмы «Руслан и Людмила»: *«Как царь Кощей, над златом не трясусь я...»* – ср. у А.С. Пушкина: *«...там царь Кащей над златом чахнет...»*. Стихофраза «Архивная крыса» за счёт ассоциации с компонентом заглавия крыса содержит отсылку к широко известной фразе Ф.М. Достоевского из романа «Преступление и наказание»: *«Стала тварью не дрожащей, а стремительной и чёткой...»*. Ср. в первоисточнике: *«Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...»*. В стихофразе «Впадать в детство» лексема *впадать* за счёт своей валентности порождает ассоциацию *«Как в речку – не впадать, но падать...»* и вызывает в памяти широко известные строки Г.Р. Державина: *«Река времён в своём стремлении Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей»*. Таким образом, в тексте получает развитие сочетаемость ассоциация, лейтмотив: *впадать в детство – впадать в реку*, показан символ реки/жизни, её течения/хода жизни человека, текущего времени. Возможно привести и другие примеры.

Всё перечисленное работает на сопоставление лица с иными объектами, на полноценное раскрытие персонажа, его действий, его личностных свойств, расширяет рамки восприятия текста, как бы поднимая его над конкретной ситуацией. Происходит двойная типологизация, абстрагирование личностей, поступков, событий, во-первых, за счёт обобщающего характера самих ФЕ, и, во-вторых, за счёт введения героев в интертекстуальное пространство.

В стихофразе, с одной стороны, фразеологизм выступает как порождающая единица, обладающая жанрообразующим потенциалом и многими видами информационного потенциала субстанция. С другой стороны, ФЕ становится одной из единиц текста, иерархически «высшей», занимая сильную позицию заглавия. Антропоморфизм фразеологических образов в жанре стихофразы реализуется не только через компонентный состав, морфологические особенности, семантику ФЕ в целом, но и через индивидуально-авторскую вариантность, работу с переносными значениями лексем в свободном употреблении, продолжение и развитие семантики отдельных компонентов и самих фразеологизмов, а также сразу несколькими способами. Антропоморфные образы раскрываются через оригинальное развитие богатейшего информационного потенциала фразеологизмов в комплексе описанных выше его разновидностей.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. Монография. – М.: Academia, 2002. – 391 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: 2014. – 344 с.
3. Беднарская Л.Д. Художественный образ: смыслы и формы. – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. – 399 с.

4. Антонова Е.Н. Паремология без границ. Монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова и др. – М.: РУДН, 2020. – 241 с.
5. Попова А.Р. Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии. Монография. – Орёл: ООО «Горизонт», 2022. – 256 с.
6. Потебня А.А. Полное собрание трудов. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
7. Ракитина С.И. Языковой образ в научном тексте // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17–19 сентября 2021 года). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 32–40.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
9. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества: дис. ... д-ра филол. наук. – Магнитогорск, 2004.
10. Харченко В.К. Создатель стихов – создатель жанра? Рецензия на монографию А.Р. Поповой «Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии» (Орёл: ООО «Горизонт», 2022. 256 с.) // Клаузура: литературно-публицистический просветительский журнал. – 2022 (28.09.2022). – URL: <https://klauzura.ru/2022/09/sozdatel-stihov-sozdatel-zhanra/> (дата обращения: 15.03.2026).

EVOLUTION OF ANTHROPOMORPHIC IMAGES DETERMINED BY TITLE PHRASEOLOGICAL ITEMS IN THE TEXTS OF THE POEMPHRASE GENRE

A.R. Popova

Russia, Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev

Abstract. Works of the author's genre of the poemphrase are poetic texts whose content and form are subordinated to the disclosure of the title phraseological item. The article identifies and typologizes the methods of implementing anthropocentrism and anthropomorphism of phraseological images in texts of this genre, as well as the extralinguistic and intralinguistic varieties of the information potential of phraseological items.

Keywords: phraseologism, phraseological image, anthropocentrism, anthropomorphism, information potential, poemphrase.

УДК 81'373

Скнарев Д.С.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА БРЕНДА В РЕКЛАМЕ ОПЕРАТОРОВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы

sknarev-ds@rudn.ru

Современный рекламный дискурс в сегменте телекоммуникационных услуг характеризуется высокой степенью конкуренции. Услуги мобильной связи воспринимаются потребителями как стандартизированный товар, в связи с чем основная конкурентная борьба смещается в область эмоционального брендинга и создания уникального рекламного образа. Интернет-среда, являющаяся основной площадкой для размещения рекламы операторов, диктует особые условия: необходимость мгновенного привлечения внимания, лаконичность и ориентацию на

пользователя, владеющего культурным кодом. Фразеологизмы, будучи носителями культурной памяти и устойчивых ассоциаций, становятся идеальным инструментом для реализации этих задач.

К проблеме функционирования фразеологизмов в рекламе обращались различные исследователи [Башмакова 2025; Лэн 2026; Маслова 2025; Мокиенко 2013; Режук 2025; Телия 1996]. Однако большинство работ фокусировались либо на печатной рекламе конца XX – начала XXI века, либо на общей стилистике. Специфика интернет-рекламы операторов мобильной связи как особого типа дискурса, сочетающего вербальные и визуальные компоненты и ориентированного на конкретные социальные группы, остается недостаточно изученной.

Цель исследования – выявить и описать механизмы использования фразеологизмов в интернет-рекламе операторов мобильной связи, а также определить их роль в формировании коммуникативного образа бренда.

Материалом исследования послужила авторская картотека, которую составили рекламные тексты, собранные методом сплошной выборки из официальных аккаунтов операторов мобильной связи в социальных сетях (VK), а также с интернет-сайтов (баннеры, лендинги) компаний «МТС», «Билайн», «МегаФон» и «Tele2» за период 2020–2025 гг. Общий объем проанализированного материала – более 200 единиц, из которых 87 содержат прямые или трансформированные фразеологизмы. Например, *на связи с близкими, на шаг впереди, на твоей стороне, живи на яркой стороне, общение со вкусом, простой подход к общению, ... все темы перетерты, живи на полной скорости* и др.

Н.Ф. Алефиренко рассматривает фразеологизмы как «фраземы» – знаки вторичной номинации, в семантике которых закрепляются результаты лингвокреативного познания и национально-культурные концепты [Алефиренко 2009, 2021]. Его работы в области когнитивной фразеологии и лингвокультурологии позволяют по-новому интерпретировать механизмы трансформации устойчивых выражений в рекламе: любой творческий сдвиг в структуре фразеологизма актуализирует глубинные смысловые пласты, формируя «когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса».

Значимый вклад в изучение историко-этимологических основ русской фразеологии внес В.М. Мокиенко. В его трудах убедительно показано, что образная природа фразеологизмов связана с культурными кодами, бытом и поверьями народа [Мокиенко 2007]. Для анализа рекламного материала это положение имеет ключевое значение: использование буквализации или замены компонента во фразеологизме (например, «умный в облака пойдет» у оператора «МегаФон») становится возможным именно благодаря тому, что исходный образ («гора») прочно закреплен в языковом сознании носителей.

Особого внимания заслуживает семантико-грамматическая классификация фразеологизмов, предложенная А.М. Чепасовой. Согласно данному подходу, фразеологизмы распределяются по семантико-грамматическим классам: предметные, процессуальные, качественно-обстоятельственные, призначные и модальные [Чепасова 2016]. Эта классификация оказывается чрезвычайно продуктивной при анализе рекламных текстов, поскольку позволяет предсказать, какие трансформации возможны для фразеологизмов разных типов. Например, процессуальные фразеологизмы (обозначающие действие) легче всего подвергаются замене глагольного компонента («сжигать не мосты, а гигабайты»), в то время как предметные фразеологизмы («медвежий угол», «глухая тетеря») чаще используются в рекламе в неизменном виде для создания образа места или типа потребителя. Рекламный дискурс изначально тяготеет к использованию устойчивых выражений, поскольку они обеспечивают «эффект узнавания» и снижают когнитивные усилия потребителя.

В интернет-рекламе, которая ориентирована на диалогичность и интерактивность, трансформация фразеологизмов выполняет аттрактивную, экспрессивно-оценочную и имиджевую функции.

Для операторов мобильной связи, чьи услуги носят технологический характер, особенно важно «очеловечить» продукт. Фразеологизмы, восходящие к бытовой сфере, русской классической литературе или народному творчеству, позволяют преодолеть разрыв между сложностью технологий и простотой их восприятия.

Анализ фактического материала позволил выделить несколько основных типов структурно-семантических преобразований фразеологизмов, используемых операторами.

Буквализация (реализация метафоры) – один из наиболее распространенных приемов, при котором устойчивое выражение, имеющее переносное значение, употребляется в прямом, буквальном смысле. Часто это сопровождается визуальным рядом.

Так, например, в рекламе тарифа МТС с безлимитным интернетом используется слоган «Дышите глубже». Фразеологизм «дышать глубоко» (быть спокойным) буквализируется: на визуале изображен человек, ныряющий в море данных, где «глубоко» означает большой объем трафика. Происходит подмена психологического смысла физическим действием, что создает образ бренда, дарящего свободу.

В рамках кампании о роуминге «Дома лучше» (Билайн) использовался хештег #будькакдома. Фразеологизм «чувствовать себя как дома» (в комфорте) буквализируется через визуальный ряд (тапочки, чай) в контексте путешествий. Образ бренда – «заботливый хозяин», устраняющий границы.

Расширение компонентного состава (вставка) предполагает введение в структуру фразеологизма новых лексем, уточняющих семантику в сторону рекламируемого продукта.

«Везде, где есть жизнь, есть и МегаФон». Данная конструкция является аллюзией на фразеологизм «везде, где есть жизнь» (в любых, даже самых сложных условиях). Вставка названия оператора не только расширяет структуру, но и создает образ тотального покрытия, приравнивая наличие связи к условию существования.

«Tele2: голод не тетка, а подруга». Обыгрывание поговорки «голод не тетка». Вставка слова «подруга» снимает негативную коннотацию исходного выражения (голод как мучение), заменяя ее на позитив: выгодные цены (голод по деньгам?) делают оператора «подругой» для кошелька.

Контаминация (скрещивание) – соединение частей двух различных фразеологизмов или фразеологизма и клише. Этот тип считается наиболее сложным и демонстрирует высокий уровень креативности.

«С жиру беситься не придется, с нашим тарифом – живи в кайф» (МТС). Здесь происходит контаминация фразеологизма «с жиру беситься» (вести себя причудливо от изобилия) и молодежного сленга «жить в кайф». В результате рождается парадоксальный смысл: тариф дает столько возможностей, что потребитель не будет испытывать дискомфорта от выбора, а будет наслаждаться.

«Не сжигай мосты, сжигай гигабайты» (Билайн). Контаминация фразеологизма «сжигать мосты» (совершать необратимые поступки) и прямого действия с услугами связи. Создается образ бренда, который призывает к разумному потреблению: не рви связи с близкими, лучше расходуя трафик.

Усечение (эллипсис) – намеренное опущение части фразеологизма, при котором оставшаяся часть намекает на целое, но приобретает новый смысл в контексте рекламы.

Слоган «Другие правила» (Tele2). Это усечение фразеологизма «играть по правилам» или «исключение из правил». Усечение создает интригу и

позиционирует бренд как disruptor'a (разрушителя устоев), который не подчиняется рыночным законам, устанавливая свои.

Замена компонента (субституция) – наиболее частотный прием, при котором ключевой компонент фразеологизма заменяется на слово, связанное с телекоммуникационной сферой.

«Тише едешь – дешевле платишь» (МТС) (трансформация поговорки «тише едешь – дальше будешь»). Замена «дальше» на «дешевле» смещает акцент с дистанции на экономию, что актуально для тарифов с посекундной оплатой.

«Умный в гору не пойдет, умный в облака пойдет» (МегаФон). Замена компонента в поговорке «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Замена на «облака» (облачные технологии, облачное хранилище) создает образ технологичного и современного оператора, предлагающего инновационные решения.

Каждый оператор мобильной связи обладает специфическим позиционированием, которое поддерживается через отбор определенных типов фразеологизмов и способов их трансформации.

МТС, как лидер рынка, часто использует фразеологизмы, подчеркивающие масштаб и надежность, но с добавлением элемента «цифровой трансформации».

«МТС – знаем, что нужно» (трансформация фразы «знать, что нужно» в контексте понимания клиента). Используется прием замены (конкретизация). Образ: заботливый, но технологичный гигант.

«Копейка рубль бережет» в рекламе кэшбэка. Узуальный фразеологизм используется без изменений, но в новом контексте (банковские услуги от оператора). Это подчеркивает традиционные ценности (бережливость), перенесенные в цифровую среду.

Билайн традиционно делает ставку на молодежную аудиторию, яркие эмоции и свободу. Трансформации здесь наиболее радикальны, часто используются контаминации и игра слов, граничащая с каламбуром.

«Билайн. Просто. Удобно. Твоя история» – здесь фразеологизм «твоя история» (личный опыт) противопоставляется «чужой истории». Образ: оператор-партнер, соавтор жизни клиента.

МегаФон позиционирует себя как оператор с лучшими технологиями (скорость, покрытие). Фразеологизмы здесь часто модернизируются через лексику, связанную со скоростью, цифрой и пространством.

«МегаФон – первый в мире по скорости». Трансформация клише «первый в мире». Используется расширение за счет уточнения «по скорости».

«Нет преград для тех, кто на связи». Трансформация популярного фразеологизма советской эпохи «Нет преград для тех, кто влюблен». Замена компонента «влюблен» на «на связи» создает образ активного, мобильного человека, для которого связь – это синоним жизни.

Tele2 изначально выбрал стратегию «дискаунтера», но со временем трансформировал её в образ «дерзкого прагматика». Фразеологизмы в рекламе Tele2 часто несут ироничную окраску и разрушают стереотипы.

«Tele2. Живи на халяву». Фразеологизм «на халяву» (бесплатно) имеет сниженную стилистику. Использование его в официальной рекламе (пусть и в кавычках) создает образ бренда, который «говорит на языке народа» и предлагает реальную выгоду без прикрас.

«Не парься, подключайся». Трансформация молодежного жаргона (близкого к фразеологизму) «не парься» (не беспокойся) в императив. Образ: простой, честный и без лишнего церемоний.

Использование трансформированных фразеологизмов в интернет-рекламе операторов связи позволяет добиться решения ключевых прагматических задач:

А) Создание прецедентного эффекта. Фразеологизм является прецедентным текстом. Его трансформация активирует в сознании потребителя два смысла: исходный (культурно-исторический) и новый (рекламный). Наложение этих смыслов создает эффект интеллектуальной игры, повышая лояльность аудитории с высоким уровнем языковой компетенции. Например, в рекламе МегаФона «Умный в гору не пойдет...» потребитель испытывает удовольствие от узнавания классической поговорки и одновременно осознает технологическое превосходство бренда.

Снижение коммуникативного барьера. Интернет-коммуникация предполагает неформальность. Использование фразеологизмов в трансформированном виде, особенно с включением просторечий («живи на халяву», «не парься»), позволяет бренду «снизить пафос», перейти из позиции «продавца» в позицию «приятеля». Это критически важно для операторов, так как услуги связи потребляются ежедневно и требуют высокого уровня доверия.

Б) Компрессия информации. В условиях ограниченного объема рекламного сообщения (баннер, короткий пост) фразеологизм позволяет передать сложный комплекс идей. Например, фраза «Копейка рубль бережет» в рекламе экосистемы МТС Деньги мгновенно вызывает ассоциации с надежностью, накоплением, выгодой, что в развернутом виде заняло бы несколько предложений.

В) Визуализация абстрактного. Услуги связи (скорость интернета, покрытие, качество голоса) абстрактны. Фразеологизмы, особенно подвергшиеся буквализации, помогают создать яркий визуальный образ. «Дышите глубже» – это не просто скорость, это свобода; «Тише едешь – дешевле платишь» – это не тарификация, а рациональность.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что фразеологизмы играют ключевую роль в создании образа операторов мобильной связи в интернет-рекламе. Отказ от использования фразеологизмов в их канонической форме в пользу структурно-семантических трансформаций обусловлен стремлением рекламодателей выделиться в конкурентной среде и установить эмоциональный контакт с потребителем.

В ходе работы были систематизированы теоретические подходы, позволившие рассматривать трансформированный фразеологизм как инструмент языковой игры и культурной коннотации. На материале рекламы операторов «МТС», «Билайн», «МегаФон» и «Tele2» выявлены и классифицированы основные типы трансформаций: буквализация, расширение, контаминация, усечение и замена компонента. Установлена корреляция между типом трансформации и имиджевой стратегией бренда. Так, для бренда «Билайн» характерны контаминация и эмоциональная буквализация; для «МегаФон» – замена компонента на технологическую лексику; для «Tele2» – использование усечения и сниженной лексики; для «МТС» – игра на балансе традиции и инновации через расширение и узусное употребление в новом контексте. Доказано, что прагматический потенциал фразеологизмов в интернет-рекламе реализуется через компрессию информации, создание прецедентного эффекта и снижение коммуникативного барьера, что способствует формированию лояльности.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении динамики фразеологических трансформаций во времени, а также в рассмотрении мультимодального аспекта (взаимодействие вербального фразеологизма с визуальным и звуковым рядом) в видеорекламе операторов.

Данное исследование подтверждает, что фразеологизм в современной рекламной коммуникации остается неисчерпаемым ресурсом для создания яркого, узнаваемого и антропоцентричного образа бренда.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. – 2021. – №4. – С. 10–18.
3. Башмакова И.С. Фразеология. Когнитивный подход. Монография. – М.: Российский гос. ун-т им. А.Н. Косыгина, 2025. – 182 с.
4. Лэн Ц. Лингвокультурологические параметры воздействия образа Санкт-Петербурга, созданного на основе интернет-рекламы ресторанов, на китайскую языковую личность / Ц. Лэн, Д.С. Скнарев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2026. – Т. 168. – №1. – С. 107 – 117.
5. Маслова В.А. Лингвокультурный образ Витебска и языковые средства его создания в туристической интернет-коммуникации / В.А. Маслова, Д.С. Скнарев, М.М. Русакова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2025. – № 6-2. – С. 59–68.
6. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 464 с.
7. Мокиенко В.М. Русская фразеология в интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. – 2013. – № S1. – С. 244 – 252.
8. Режук З.В. Интернет-коммуникация: жанровая специфика и влияние на фразеосистему русского языка / З.В. Режук, З.М. Туракулова // Научная мысль Кавказа. – №2. – 2025. – С. 100–107.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Чепасова А.М. Избранные труды. Том 1. Категории лексико-фразеологической грамматики русского языка. – Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2016 – 283 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A BRAND IMAGE-BUILDING MEANS IN MOBILE PHONE OPERATORS ADVERTISEMENT

D.S. Sknarev

Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract. This paper examines the linguistic creative potential of phraseological units in Russian mobile phone operators online-advertising. The phraseological transformations main types and their role in constructing the operator's image has been identified (innovative, popular, caring, or daring).

Keywords: phraseological unit, wordplay, advertising discourse, online advertising, brand image, mobile phone operators.

*Супрун В.И.***ДИСКУРСИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА:
ЧЕШСКО-НЕМЕЦКО-РУССКОЕ ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ДНЕВНИКЕ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА**

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический
университет
suprun@vspu.ru

Н.Ф. Алефиренко определяет дискурс как «сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, события, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации» [Алефиренко 2009: 9]. См. также: [Дискурс 2025; Алефиренко 2024]. При устном функционировании языка дискурсивность проявляется в обстановке коммуникации, жестах, телодвижениях, темпе речи, интонации, фонетических особенностях коммуникантов и пр. В письменном тексте для отражения дискурса используются, прежде всего, лексико-семантические и синтаксические средства. Участники коммуникации обозначаются в тексте антропонимами в разнообразных формах, апеллятивными номинациями и прономинальными заменами [Супрун 1998]. Их коммуникативные действия в тексте отражаются глаголами и другими единицами, передающими рече-жестовое поведение персонажей [Шелгунова 1991].

Нидерландский лингвист Тён Адрианус ван Дейк отмечает: «Discursive events by definition have beginnings and ends. That is, they take place in time, on specific days and dates, and for a specific more or less strict or variable duration. = Дискурсивные события по определению имеют начало и конец. То есть они происходят во времени, в определённые дни и даты и в течение определённой, более или менее строгой или переменной продолжительности» [Van Dijk 1998: 219]. В тексте это передаётся путём использования слов с темпоральным значением, в том числе цифровых обозначений года, дня месяца, точного или приблизительного обозначения времени в течение суток, и фрагментов с более или менее подробным описанием временных характеристик события.

«Many communicative events typically take place in specific locations. = Многие коммуникативные мероприятия обычно проходят в определённых местах» [Там же]. Основным средством обозначения локальных обстоятельств действия являются топонимы, включая астионимы, комонимы, урбанонимы, гидронимы, инсулонимы и другие названия географических объектов, и нарицательные обозначения мест.

Прозаические тексты, в которых отсутствуют перечисленные дискурсивные характеристики, встречаются редко (описания природы, нравственных переживаний, лирические зарисовки, хотя и в них могут встретиться локальные или темпоральные обозначения происходящего и антропонимы). Дневниковые записи всегда содержат обозначения места и времени действия, описания рече-жестового поведения автора и других лиц, их характерных черт и жизненных обстоятельств. В исторических документах локальные наименования могут быть представлены в устаревшем и искажённом виде, особенно в тех случаях, когда речь идёт об описании зарубежных стран со сложной этноязыковой ситуацией. Это делает дискурсивность погружённой в историю народов, стран, городов и селений. Рассмотрим частичную топонимическую составляющую исторического дискурса на примере дневника путешествия («юрнала 205 году») и статейного списка Великого посольства царя Петра I. Дневник опубликовал известный историк, профессор русской истории Санкт-Петербургского университета Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) в приложении IX в третьем томе своего исследования «История царствования Петра

Великого» [Устрялов 1858: 589–620]. Далее топонимы приводятся по этой публикации.

Охарактеризуем другие составляющие дискурса этого текста. Участниками события были царь, отправившийся в поездку инкогнито под именем десятника Петра Михайлова, генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, генерал Фёдор Алексеевич Головин, думный дьяк Прокофий Богданович Возницын, доктор Пётр Васильевич Постников, царский повар Осип Зюзин, ещё около 20 дворян и примерно 35 волонтеров, среди них подъячий, который вёл журнал.

Время действия началось 9–10 марта 1697 года, когда 24-летний царь Пётр I, всего лишь чуть более года назад ставший единоличным правителем России (его соправитель брат Иван V скончался 29 января 1696 года), отправился в длительную поездку по Европе для решения многих военно-политических, экономических, культурных, научных и просветительских вопросов. Проехав ряд стран, проведя 4,5 месяца в Нидерландах и около 3 месяцев в Англии, Пётр и его сопровождающие отправились в столицу Священной Римской империи Вену к императору Леопольду I [Гуськов 2005]. 14 июля 1698 года состоялась прощальная встреча Петра I с Леопольдом I. Затем посольство намеревалось выехать в Венецию. Поездка по разным причинам откладывалась, а тут из Москвы пришли тревожные вести о новом стрелецком бунте. Статейный список сообщает: «Июля в 15 день пришла с Москвы почта, отпущенная июня от 17 числа, на которой присланы писма о воровстве бунтовщиков стрелцов». Пётр тут же принимает решение ехать в Москву, поездка в Венецию отменяется. 19 июля посольство отправляется на север, спешно едет домой почти без остановок. 23 июля Пётр и его сопровождающие въехали на территорию тогдашней Польши, а 31 июля «приехали в город Раву, в котором короля увидели, и здесь кушали и веселились довольно и ночевали». 25 августа 1698 года Пётр I прибыл в Москву. Темпоральные рамки Великого посольства закрылись.

Место действия описанной в дневнике и статейном списке поездки охватывает большое количество европейских стран. Помимо упомянутых Нидерландов (в те и многие последующие годы страна обычно именовалась Голландией), Англии и Священной Римской империи, которая к тому времени, по словам Вольтера, уже не являлась «ни священной, ни римской, ни империей», Великое посольство посетило Лифляндию, Курляндию, Речь Посполитую (Польшу), Саксонию, Бранденбург, Восточную Пруссию, Венгрию. Часть из этих стран не были самостоятельными, находились в вассальном или полном подчинении у соседних государств. Среди них было и Чешское королевство (*Království české*, *Königreich Böhmen*, *Regnum Bohemiae*) [Historický lexicon 2006]. На анализе его топонимии мы остановимся подробнее. Дискурсивное время события охватывает период с 5 июня по 22 июля 1698 года. Участники путешествия в основном совпадают с отмеченным выше списком.

5 июня 1698 года Великое посольство пересекает границу Чешского королевства, входившего в Священную Римскую империю (Леопольд стал королём чешским 14 сентября 1656 года). В дневнике путешествия и статейном списке Великого посольства отмечаются названия чешских городов и деревень, рек, замков и других географических объектов на территории королевства.

В этот период чешский язык находился в упадке. Он сохранялся в диалектной форме только в сельской местности. В городах говорили в основном на немецком языке, на котором велось всё делопроизводство, осуществлялась переписка, он преподавался в школах, на нём же проходили прения в чешском сейме и осуществлялась коммуникация в других официальных органах. Поэтому и в документы Великого посольства многие чешские топонимы попали в германизированной форме. Однако сквозь немецкие наслоения просматриваются оригинальные славянские названия, которые становятся известными русским и вступают в чешско-немецко-русское ономастическое взаимодействие.

Первым чешским населённым пунктом стал почтовый двор *Петровице*, он назван в дневнике *Путершфейт* – так подъячий расслышал немецкую форму топонима Peterswald. Поселение было известно уже в 1352 году под латинским названием *Petri silva* ‘лес Петра’ [Lutterer 1982: 319]. Топоним типичен для славянских народов, у каждого из них имеются свои *Петровцы* (Белоруссия, Россия, Украина, Хорватия), *Петровки* (около 130 в России, более 80 на Украине, 2 в Белоруссии), *Петрово* (Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Македония, Россия, Словакия, Украина), *Piotrowo* (Польша) и мн. др. Почти все они свидетельствуют о том, что основатель или владелец поселения носил популярное у славян христианское имя *Пётр* / *Петро* / *Petr* / *Peter* / *Piotr*.

Следующая остановка была сделана в городе *Аус*, где «кушали и лошадей переменяли». В этом топониме отразилось многовековое славяно-германское взаимодействие. Первая его фиксация относится к 993 году на латинском языке в форме *Navsty super Albiam*, в первом слове отражены славянские предлог *na* и существительное *ustie*. Эта лексема представлена во всех славянских языках (рус. *устье*, белор. *вусце*, болг. *устие*, серб. *ушће*, хорв. *ušće*, словен. *ustje*, словац. *ústie*, польск. *ujście* и др.), она вошла в состав топонимов как в отдельном употреблении (рус. *Устье*, польск. *Ujście* и др.), так и в сочетании с гидронимом (рус. *Усть-Луга*, *Усть-Бузулукская*, серб. *Ушће Лима* и др.).

Далее в топониме следует латинский предлог *super* и гидроним в форме винительного падежа *Albiam* от латинизированного названия реки Эльбы (Лабы) *Albis*. Предполагается, что оно восходит к верхненемецкой основе **albī*, встречающейся в других германских языках: древнескандинавское название реки *Elfr*, шведское *älv* ‘река’, норвежское *elv* ‘река’, древнеанглийское название реки *Elf* и средненижненемецкое *elve* ‘русло реки’ [Orel 2003: 13].

Судя по первой фиксации топонима, первоначально в чешском языке, как и в восточнославянских, в названиях городов, расположенных на реке, использовался предлог *na*, но затем на западнославянские языки, видимо, оказала влияние латынь, предлог *super* был переведён *nad*, поэтому в них утвердилось форма топонимов с этим предлогом: в чешском языке название современного города звучит *Ústí nad Labem*, он расположен у впадения (*устья*) в реку Лабу (Эльбу) правого притока Билины, поэтому и получил такое название. В чешском языке гидроним имеет мужской род, поэтому форма творительного падежа имеет окончание *-em*; в других славянских языках название реки имеет форму женского рода, при этом существуют варианты гидронима: *Лаба* на территории Чехии и *Эльба* в Германии. В польском языке город называется *Uście nad Łabą*. В русском языке в разных текстах встречаются варианты наименования чешского города: *Усти-на-Лаб*, *Усти-над-Лабой*, *Усти-над-Лабем*.

Зафиксированное в юрнале название города имеет сложную историю. В 1262 году топоним зафиксирован как *Vzt*, в котором так было преобразовано чешского слово *Ústí*: *v* на месте *ú* (в Средние века буква *v* обозначала не только согласный звук [v], но и гласный [u]), *z* – *s*, *t* сохранилась, *í* отпала. Позже немцы преобразовали топоним в *Usk*, затем в *Ausk*, а в последующем астионим получил у них форму *Aussig* / *Außig* [Historický lexicon 2006: 319]. Название *Ауссиг* использовалось в дореволюционное время и в русском языке, поскольку в городе проживали в основном немцы. В юрнале это немецкое название сокращено до *Аус*.

Не все из встретившихся посольству по пути чешских населённых пунктов сохранились или их названия подлежат идентификации в современном виде. Из текста видно, что подъячий записывал топонимы со слуха, причём не слишком вслушиваясь в то, как произносили слово местные жители. Чешская деревня *Ловосице*, который немцы называли *Lobositz*, в юрнале записана как *Ловецыцет*. Эта искажённая запись всё же свидетельствует о том, что название было услышано от чеха, поскольку его фиксация ближе к чешскому, чем к немецкому варианту.

Название чешского города Velvary немцы не слишком изменили: Welwarn. Но в дневнике мы находим Вервер с заменой плавного на дрожащий.

6 июня «перед вечером приехали в город Прагу; ехали сквозь город, и город великий, столица Чехская». Здесь форма женского рода явно свидетельствует о том, что название было записано от чехов, по-немецки название оканчивается согласным – Prag. Впрочем, этот топоним был известен русским задолго до путешествия Петра. Он встречается в житии святого Вячеслава (Вацлава), князя Чешского, которого уже в XI веке почитали на Руси. Сохранилась служба святому в составе Новгородских служебных Миней 1095 года [Флоря 2005].

На следующий день посольство прибыло в город *Беймс-Брод*. Так писец обозначил немецкий астионим Böhmisches Brod, в котором совместились латинско-немецкое название Чехии и славянское обозначение удобного перехода через реку. Первое слово употреблялось также в России в форме *Богемия*, а чехов могли называть *богемцами*, *богемами*. В этом германизированном топониме второе слово не переведено, по-чешски город именовался Český Brod.

В данном случае использовалась европейская топонимическая модель обозначения места удобного перехода через реку, ср.: нем. Frankfurt, англ. Oxford и др. Топоним *Брод* отмечен во всех славянских странах. В Чехии имеется город Uherský Brod, получивший своё название в те времена, когда он находился на границе с тогдашней Венгрией. Этот город находился в стороне от маршрута посольство, а в другое поселение со сходным названием Пётр и его спутники заехали вечером 8 июня. В журнале записано: «В вечеру приехали в город Немецкий-Брод; тут кушали и лошадей переменя, поехали в ночь, отъехали 3 мили». Из текста видно, что у членов посольства был контакт с носителями чешского языка. По-немецки город назывался *Deutschbrod*, но в дневник включено чешское название. В 1945 году во время борьбы с германизмами (см. об этом: [Варламов 2024]) город стал называться Гавличкув-Брод, он был переименован в честь известного чешского поэта, русофила и панслависта Карела Гавличка-Боровского (1821–1856), который жил в этом городе и окончил местную гимназию. В Чехии встречаются и другие топонимы, свидетельствующие об удобном месте перехода через реку: Široký Brod, Vyšší Brod, Železný Brod.

9 июня Пётр с посольством прибыл в чешский город Йиглаву, подъячий записывает: *Инглан*. Причины такого искажения топонима понять трудно, он и по-немецки назывался Iglau. Название города Моравске-Будейовице в журнале приводятся как *Бедвице*. Получилось что-то среднее между чешским и тогдашним немецким вариантами названия: Budějovice – Budwitz. 10 июня посольство прибыло в город Зноймо. Подъячий записывает немецкий вариант названия *Знаим*.

Последним населённым пунктом на территории Чешского королевства стала деревня Хваловице. В дневнике она названа корчмой *Алендорф*. Писец не расслышал первый звук, по-немецки поселение именовалось Kallendorf, её жителями были немцы. Впервые деревня упоминается в документе от 30 июня 1279 года под названием Qualndorf. Это косвенно подтверждает, что селение было основано славянами, корень chval- представлен в славянских антропонимах и топонимах: чеш. Bohuchval, Chvalkovice, польск. Chwalka, Chwalibog, лужиц. Bohuchwal, рус. *Хвалово*, укр. *Хвалибога*, *Хвалибоговка* и др.

Находясь в Вене, Пётр I совершает поездки в другие города империи. 3 июля подъячий записывает: «Десятник изволил ездить в Теплицы». Комментатор издания журнала делает сноску: Baden. Возникает интересная коллизия: австрийский топоним попадает в дневник в славянской форме. Следует учесть, что в чешской топонимической традиции многие зарубежные города именуются в переводной или преобразованной форме: Salzburg – Solnohrad, München – Mnichov, Кёльн – Kolín, Венеция – Benátky, Dresden – Drážďany, Leipzig – Lipsko, Потсдам – Postupim и др. Сходные подходы к иностранным топонимам обнаруживаются у словаков, поляков,

сербов, хорватов и других славян. В русском языке эта традиция проявляется изредка: Рим (Roma), Париж (Paris), Вена (Wien), но хорошо представлена в хоронимах: Германия – Deutschland, Австрия – Österreich, Англия – England, Китай – 中国 [zhōngguó] и др.

Австрийская исследовательница Искра Шварц из института истории Венского университета убедительно доказала, что Пётр ездил именно в город Баден, расположенный в 26 км к югу от Вены. Его название в форме *Теплицы* употребляется в русских дипломатических документах конца XVII века [Шварц 2020: 88].

В Чешском королевстве было несколько курортных городов, именуемых *Теплице*. Их название образовано от славянского корня *тепл-*, которым обозначались предметы и состояния, имеющие повышенную температуры. На курортах осуществлялось лечение бьющей из земли тёплой водой. Один из них находился неподалёку от *Усти-на-Лабе* (*Ústí nad Labem*), в котором побывало посольство. Спустя 14 лет, 1 ноября 1712 года, Пётр прибудет сюда на лечение, правда, оно прошло не слишком успешно, поскольку царь не соблюдал лечебный режим. Но зато эта поездка способствовало интересу Петра к бальнеологии и привела к открытию по его указу от 20 марта 1719 года первого в России курорта Марциальные Воды.

Интересно, что немцы не стали переводить славянское название этого курорта, транскрибировали топоним Teplitz. В Чехии было ещё несколько городов с названием *Теплице* (Teplice nad Bečvou, Teplice nad Metují), этот топоним отмечался и на словацких землях, входящих тогда в Королевство Венгрия: Turčianske Teplice, Trenčianske Teplice, Ražské Teplice. Видимо, это популярное у западных славян название курорта и стало причиной перевода немецкого топонима *Баден* в дневнике посольства и в предшествующих русских документах.

Молодой царь после Бадена отправляется на север и посещает словацкий город *Пресбург*, который до 1684 года был столицей Королевства Венгрия. В записи журнала от 7 июля отмечается: «Приехал домой; были в Прешпурке». Другие документы извещают, что туда совершали путь водой, а оттуда на почтовых. Этот город, основанный неким славянином *Преславом* и названный в его честь, в Средние века получил германизированное название *Бреславсбург*, которое было преобразовано в *Пресбург*. Исследователи предполагают, что целью этой поездки царя было знакомство с кораблестроением на Дунае. Возможно также, что топоним напомнил Петру о его потешной крепости *Пресбурге* (*Прешпурхе*), название которой было взято, вероятно, из труда «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647), вольном переводе книги известного военного специалиста нидерландца Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Kriegskunst zu Fuss» («Военное искусство пехоты», 1615). Вскоре после возвращения из Великого посольства, в 1693 году, Петром была основана в Архангельске первая верфь.

Продолжить знакомство с кораблестроением Пётр I предполагал в Венеции. В письме из Вены полковнику Преображенского полка Ивану Ивановичу Блюмбергу от 18 июня 1698 году он писал о намерении ехать в этот итальянский город [Устрялов 1858: 466]. Царь также высказывал желание осмотреть местный арсенал, о котором ему так много рассказывали раньше. Поездка намечалась на 13 июля. Дневник сообщает: «Отсель поехали нашей кумпании 4 человека в Венецию наперед». Возглавил делегацию доктор Пётр Васильевич Постников, в неё вошёл и царский повар Осип Зюзин [Устрялов 1858: 521–522]. Ожидалось, что вслед за ними поедет в Венецию и Пётр с другими участниками Великого посольства.

Поездка по разным причинам откладывалась, а тут из Москвы пришли тревожные вести о новом стрельцком бунте. Статейный список сообщает: «Июля в 15 день пришла с Москвы почта, отпущенная июня от 17 числа, на которой присланы письма о воровстве бунтовщиков стрельцов». Пётр тут же принимает решение ехать в

Москву, поездка в Венецию отменяется. 19 июля посольство отправляется на север, спешно едет домой почти без остановок. 20 июля Пётр со спутниками вторично въезжает на территорию Чешского королевства. Первым городом, встретившимся им на пути, был *Микулов*, который в журнале назван *Николспург* (от немецкого *Nikolsburg*), далее миновали *Пурлиц* (*Погоржелице*, нем. *Pohrlitz*), на обед остановились только в *Прине* (Брно, нем. *Brünn*). «Перед вечером приехали в город Вишау» (*Вишков*, нем. *Wischau*), «в ночи приехали в город Просниц» (*Простеев*, нем. *Proßnitz*), после него был *Оломоуц* (нем. *Olmütz*), название которого писец искажил до неузнаваемости: *Аалмин*. Как видим, теперь все топонимы даются в основном в немецком варианте.

21 июля посольство прибыло в *Штернберк* (в журнале *Штарберк*), подъячий записывает: «Отсель были великие горы каменные и дорога велми худа». Обедали в городе *Гофе* (*Дворце*, нем. *Hof*), после него снова «были такие ж горы мили с 2». Последним городом Моравско-Силезской губернии была *Опава* (нем. *Troppau*, в дневнике: *Трупан*), далее следовали владения Пруссии, первым был город *Ратиборх* (польск. *Racibórz*, нем. *Ratibor*), он «весь выгорел». Затем проследовали ряд прусских городов, 23 июля въехали на территорию тогдашней Польши, а 31 июля «приехали в город Раву, в котором короля увидели, и здесь кушали и веселились довольно и ночевали».

Всего на территории Чехии, Моравии и Словакии во время Великого посольства царь Пётр провёл около 12 дней, однако это путешествие по городам Чешского королевства показывает нам дискурсивные особенности включения в русский текст названий чешских городов, влияние в то время немецкого языка на оформление чешских топонимов, однако сквозь немецкие наслоения проступает славянская ономастическая система, которая порой используется даже и для передачи по-русски австрийских наименований.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь; науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. Изд. 4-е, стер. – М.: ФЛИНТА, 2024. – 232 с.
3. Варламов А.Н. Одсун: роман без границ. – М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2024. – 536 с.
4. Гуськов А.Г. Великое Посольство Петра I: Источниковедческое исследование / Отв. ред. Н. М. Рогожин. – М.: ИЦ ИРИ РАН, 2005. – 400 с.
5. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
6. Супрун В.И. Ономастическая синтагматика и парадигматика художественного текста (на материале рассказа В. М. Шукшина «Даёшь сердце!») // Шукшинские чтения: Матер. научн. конф., посвящ. памяти В.М. Шукшина. – Волгоград: Научн. изд-во ВГСПУ «Перемена», 1998. – С. 31–36.
7. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. III: Путешествие и разрыв с Швецией. – СПб.: Тип. II отд-я Имп. канцелярии, 1858. – 652 + 9 с.
8. Флоря Б.Н. Вячеслав // Православная энциклопедия. Т. 10. – М.: Правосл. энц., 2005. – С. 166–168.
9. Шварц И. «Десятник изволил ездить в Теплицы» (О пребывании Петра I на курорте Баден под Веной летом 1698 года) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42. – №4. – С. 86–92.
10. Шелгунова Л.М. Способы передачи рече-жестового поведения персонажей в повествовательном художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – №4. – С. 61–70.

11. Historický lexicon obcí České republiky. 1869-2005. 1. díl / Red. J. Růžková, J. Škrabal. – Praha: ČSÚ, 2006. – 759 p.
12. Lutterer I. Zeměpisná jména Československa: Slovník vybraných zeměpisných jmen s výkladem jejich původu a historického vývoje / I. Lutterer, I. Majtán, R. Šrámek – Praha: Mladá Fronta, 1982. – 373 p.
13. Orel V.E. A Handbook of German Etymology. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – XXXVIII – 682 p.
14. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. – 365 p.

THE DISCURSIVITY OF A HISTORICAL DOCUMENT: CZECH-GERMAN-RUSSIAN ONOMASTIC INTERACTION IN THE DIARY OF THE GREAT EMBASSY

V.I. Suprun

Russia, Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract. The article, based on the research of N.F. Alefirenko, examines the discursive parameters of the historical document – the diary of the Great Embassy of Tsar Peter the Great, which reflect the anthroponyms of the participants in the event, their verbal and gestural behavior is manifested in verbs, temporal features are expressed by numerical designations of the year and days of the month. The local characteristics of the discourse expressed by the toponyms of Czech settlements, which reflect the Czech-German ethno-linguistic interaction, are considered in detail.

Keywords: historical document, Great Embassy of Tsar Peter the Great, discursivity.

УДК 81'42

Чумак-Жунь И.И.¹, Прокофьева Ю.А.²

СРАВНЕНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СРАВНЕНИЙ С СОЮЗОМ КАК В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА)

^{1, 2} Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹ chumak@bsuedu.ru

² stepanenko_yu@bsuedu.ru

Механизм поэтического сравнения можно уподобить чашам весов: сравнение достигает цели — служит сотворению образа — тогда, когда «чаши» гармонично уравновешены, то есть поэт находит выразительное средство, которое, придавая тексту образность и экспрессивность, наилучшим образом помогает читателю понимать и осмысливать произведение литературы. Сравнение как одно из универсальных стилистических средств играет важную роль в формировании художественного мышления и поэтому заслуживает пристального внимания гуманитарной науки.

В лингвистике сравнительный оборот традиционно понимается как «образное словесное выражением, приравнивающее одно явление действительности к другому на основании выделения общего признака» [Черемисина 1976: 154].

Поэзия выходит за рамки узуального уподобления. Оставаясь в пределах стандартной компаративной модели (*субъект сравнения — объект сравнения — основание сравнения*) и традиционной формы сравнительных конструкций («словно», «как», «будто», «точно», «чем»»), оригинальные поэтические сравнения часто строятся на неожиданных сопоставлениях или контрастах и неожиданных же образных развертках. Наглядным примером служит поэзия символиста А.А. Блока, который активно использует в своем творчестве сравнительные обороты с союзом *как* в самых разных функциональных и семантических вариантах. Анализ блоковских сравнений даёт представление об особенностях индивидуально-

авторской картины мира художника слова, о том, какие образы поэт вербализует через компаративы.

В юношеской лирике Блока образность прозрачна — объектом сравнения преимущественно выступают реалии природного мира и предметов быта. В стихотворении «Она молода и прекрасна была...», написанном в 19 лет, в 1898 году, А.А. Блок использует в описании героини несколько подряд сравнительных оборотов, передающих его настроения и чувства:

*«Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!...*

*Она беззаботна, **как синяя даль**,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!...*

*Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!...» [Блок 2012: 120].*

Уже на этом этапе своего творчества Блок усложняет описание, углубляет образ, использует развернутые сравнения — сложные обороты с эпитетами, обозначающими абсолютное спокойствие (*спокойный, беззаботна, уснувший*). Образ молодой девушки создается с помощью невуальных, но прозрачных, не требующих глубокого осмысления, образов: *Она <...> **Как зеркало речки спокойной, светла; Она беззаботна, как синяя даль, Как лебедь уснувший...*** Сравнения создают представление о безмятежности и светлой чистоте героини, одновременно усиливая контраст с рефреном *Как сердце мое разрывалось!...*, так что её спокойствие воспринимается как равнодушие по отношению к лирическому герою.

В этот же блоковский цикл «Ante Lucem» включено стихотворение «Осенняя элегия», где сравнение *душа как желтый лист*, тяготеет к устойчивым, или, по терминологии Б.М. Томашевского, — привычным [Томашевский 2003: 103].

*«И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист -
Душа не избежит невидимого тленья.
Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится
Что осень прошлых лет была не так грустна» [Блок 2012: 68].*

Объектом сравнения в данном примере выступает *желтый лист* как символ отжившей любви и конца жизни. Вообще, все оттенки этого цвета - символ гармонии и покоя, непорочности, первозданности и неминуемого конца. Он всегда выполняет функцию высокой поэтизации и романтизации образа.

С развитием поэтического языка А. Блока компаративные конструкции усложняются, эволюционируют. На смену прозрачным образам спящей любви или души как желтого падающего листа нередко приходят сравнения, где объект и субъект перестают четко разграничиваться. В стихотворении «В дюнах» героиня как бы становится частью природного пейзажа. Так, эпитет *смолистые* может относиться и к героине (*волосы черные*), и к сосне — *смолистая*:

*«Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.*

***И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи***» [Блок 2012: 34].

Зыбкость, нечеткость, размытость изображения, характерная для поэзии символистов, передается в блоковских эмоционально-оценочных компаративах. Вешний (весенний) ветер и стихи в стихотворении «Как день света, но непонятна...» (1914 г) не столько описывают предметы любви, сколько эмоциональный тон и эстетическое состояние влюбленности — лёгкость, вдохновение, приподнятость.

*«Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,*

Как в вешний ветер, как в стихи» [Блок 2012: 111].

В анализируемых текстах сравнительный оборот выполняет несколько функций: обозначает эмоциональное состояние, конкретизирует и визуализирует образ, создаёт семантические переключки между человеком и природой, формирует синестетические и символические наложения. В творчестве Блока сравнение работает наравне с символом как средство идиостилистической маркировки: оно помогает выстроить авторскую картину мира, где границы между субъектом и средой размываются, а простые бытовые и природные образы обретают многозначную поэтику.

Анализ показывает, что сравнительные обороты у А.А. Блока не только иллюстрируют эмоции и черты персонажей, но и служат инструментом формирования единой поэтической вселенной поэта. Как литературно-стилистическое явление сравнение у Блока проходит путь от простого соотнесения признаков к сложным авторским моделям, усиливающим символическую и образную насыщенность стихотворений.

Литература

1. Блок А.А. Стихи о Прекрасной Даме: [стихотворения, поэмы]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора; М.: ИД Комсомольская правда, 2012. — 238 с.
2. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. — М.: Аспект пресс, 2003. — 333 с.
3. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. — Новосибирск: НГУ, 1976 — 270 с.

COMPARISON IN POETIC TEXT (BASED ON COMPARISONS WITH THE UNION AS IN A. BLOK'S WORKS)

I.I. Chumak-Zhun, Y.A. Prokofieva

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. We have grouped these comparisons based on what is being compared. This provides insight into the individual author's worldview, the areas of life that the author frequently addresses in their text, and the imagery that is revealed through their comparisons.

The article examines comparative constructions with the conjunction "as" in the works of the prominent poet of the Silver Age, Alexander Blok. An analysis of the comparative turns that the poet uses in different periods of his poetic work gives us an idea of the poet's individual worldview, the areas of life that he often addresses, and the images that are revealed in his comparisons.

Keywords: poetic text, comparison, realia, subject of comparison, object of comparison.

Янутик С.Я.
ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
yanutik@bsuedu.ru

В лингвистике одним из важных направлений является изучение проблемы понимания текста

В.П. Белянин рассматривает текст «как феномен человека, как способ отражения действительности в речевом сознании с помощью элементов системы языка» [Белянин 2009: 11]. Быстро развивающиеся события в сфере технологий и техники влекут за собой необходимость восприятия объема информации, которую человек должен максимально воспринимать, понимать, анализировать, использовать и возможно передавать. Понимание текста представляет главную цель коммуникации. В жизни человеческого общества оно является одним из ключевых механизмов формирования мировоззрения и ценностных ориентиров. Все хорошие тексты успешно воздействуют на собеседника. Как отмечает А.Н. Рудяков, «движущей силой всякой человеческой деятельности является противоречие между реальностью, которая не зависит от наших надежд и чаяний, желаний и предпочтений, с одной стороны, и нашими надеждами, чаяниями, желаниями и предпочтениями – с другой» [Рудяков 2019: 354].

Предложенный текст, воздействуя на собеседника, прежде всего воздействует на его воображаемую картину мира. И здесь нужно понять, каким образом собеседник видит этот мир. В свою очередь для понимания конкретного текста автор старается решить, «какой фрагмент картины мира своих партнёров по коммуникации он пытается преобразовать в соответствии со своими идеалами» [Рудяков 2019: 356].

Понимание текста в современных условиях зависит от его структуры. Сплошной текст, вероятно, будет восприниматься хуже, нежели маркированный. «...в процессе восприятия и понимания текста на первый план выходит проблема соотносённости его частей и использования языковых единиц для выражения некоторого опыта» [Дорофеев 2019: 324].

Наличие ссылок будет уводить читателя от исходной темы. Цифровой контекст является поверхностным: например, чтение с экранов телефонов, способствует быстрому прокручиванию, а не вдумчивому перелистыванию страниц. Современные читатели воспринимают мир через короткие яркие образы и новости и это приводит к тому, что длинные и сложные тексты вызывают трудности в понимании. «Разная глубина понимания текста, разная степень проникновения в него рождает различные точки зрения» [Кавдангалиева 2012:52].

Современный информационный фон часто негативен. Понимание текста сегодня неразрывно связано со способностью критически оценивать источник.

Качество контента сегодня проявляется в избытке информации и изменении языка. Язык сильно упрощается и ускоряется, например, используется эмодзи, телеграфный стиль.

Пониманием текста О.А. Кузнецов и Л.Н. Хромов называют «обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удастся освоить посредством привычных действий смыслового восприятия» [Букатникова 2015].

В работе В.В. Знакова рассматривается понимание в разных аспектах: как процедуру осмысления логической структуры текста, как конструирование способов

категоризации опыта (инвариантных и индивидуальных), как трансформацию поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, имеющую смысловой характер. По его мнению, «понимание – это процесс, позволяющий субъекту понять мир, и кто он в этом мире. Отсюда на первый план выходит феноменология переживаний, ценностно-смысловая позиция субъекта, когнитивные и личностные механизмы понимания, связанные с познавательной деятельностью человека» [Знаков 1986: 163] Понимание текста зависит от структуры текста, степени его сложности, уровня умственного развития читателя и глубины знаний о предмете. «Акцентирование внимания на проблеме понимания объясняется тем, что по причине постоянного усложнения процессов коммуникации, все более обширного применения многообразных структур, простота взаимопонимания утрачивается» [Букатникова 2015: 799]. Для понимания и решения этой проблемы необходимы исследования всего многообразия явлений и аспектов, влияющих на понимание текста.

В современных условиях – это сложный процесс, который зависит от классических и новых специфических факторов для цифровой эпохи. Информационная перегрузка и мультимедийность контента кардинально меняют наше понятие, как воспринимается написанный текст. Вслед за Л.Н. Чуриловой мы определяем, что текст осмысливается как «сложный знак», который выражает знания его автора о действительности, воплощённые в произведении [Чурилина 2021].

Текст создается для множества целей, которые можно объединить в следующие функции: зафиксировать научные статьи, сообщить новости, оформить отчеты и приказы руководства, установить коммуникативную связь с помощью выражения мыслей и чувств в личных сообщениях, в мессенджерах, в блогах, комментариях и на форумах. Также создание текста выполняет воздействующую функцию, например, реклама, маркетинг, мотивация. Документирующая функция заключается в том, чтобы придать действиям юридическую силу или статус. Автор выбирает языковые средства, позволяющие ему воплотить свой замысел. «Понять смысл означает буквально «взять смысл» (взять толк), «ухватить смысл», а просто понять – своеобразный эллипсис, начиная с 17 века получивший все большее распространение в русской художественной, научной и деловой литературе. Отсюда и понимание как «установление смысла» [Демьянков 2005: 7].

Современная коммуникация приучила мозг слушателя к сжатым форматам, например, тикток и короткие сообщения. Поэтому слушатель теряет нить рассуждения, если мысль говорящего длиннее 15-20 секунд. Следует согласиться с Е.П. Никифоровой и М.П. Сидоровой, что «современные тексты – это система гиперссылок, это обилие коротких бытовых текстов, возникающих сиюминутно в печатной форме и разрывающих представление об особом статусе печатного слова» [Никифорова 2023:127].

Устная речь стала более гибридной, возникают проблемы кодирования смысла. Один и тот же текст может быть различно понят представителями разных возрастных групп. Большинство участников коммуникации находятся в режиме «говорить», а «не понимать».

Итак, вот некоторые факторы, от которых зависит понимание текста: адаптивность, эмоциональный интеллект, клиповое мышление, цифровой контекст, среда чтения, отвлечение, формат подачи, особенности современного читателя, инверсия смысла и презумпция понятности.

Литература

1. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: монография. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.

2. Букатникова С.Д. Понимание текста как проблема современной лингвистики и гуманитарного познания // Молодой ученый. – 2015. – № 6 (86). – С. 799–803.
3. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №. 3. – С. 5–10.
4. Дорофеев Ю.В. О функциональных основаниях восприятия и понимания текста // Педагогический ИМИДЖ. – 2019. – Т. 13. – № 3 (44). – С. 321–332.
5. Знаков В.В. Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 163–170.
6. Кавдангалиева М.И. О некоторых подходах к проблеме понимания текста // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2012. – №2 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podhoda-k-probleme-ponimaniya-teksta> (дата обращения: 21.03.2026).
7. Никифорова Е.П. К вопросу о текстах «новой природы» / Е.П. Никифорова, М.П. Сидорова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 126–128.
8. Пономарева Л.Д. Проблема чтения и понимания текста в условиях клипового мышления обучающихся: аспект / Л.Д. Пономарева, Е.Н. Деревскова, О.В. Дорфман, Е.А. Губчевская // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/99PDMN124.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).
9. Рудяков А.Н. Смысловое чтение и функциональное понимание текста // Педагогический ИМИДЖ. – 2019. – Т. 13. – № 3 (44). – С. 348–361.
10. Чурилина Л.Н. Лингвистика текста: учебное пособие. – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2021. – 115 с.
11. Щербакова М.В. Психолингвистический аспект восприятия текста // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – №. 1 (201). – С. 49–52.
12. Ярманова, Ю.Б. Закономерности смолообразования в процессе понимания // Молодой ученый. – 2015. – № 6 (86). – С. 726–729.

THE PROBLEM OF TEXT UNDERSTANDING IN MODERN COMMUNICATION

S.Ya. Yanutik

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article analyzes the problem of text comprehension in modern communication. This problem is evident in the following phenomena: digital communication and intercultural communication. It stems from the growing gap between the text and the recipient of information in the context of digital and fragmented modern communication. It is assumed that text comprehension depends on the text's structure, its complexity, the reader's level of intellectual development, and the depth of their knowledge of the subject matter.

Keywords: text, communication, problem, value orientations.

Базылев В.Н.

ХАОС, СТРЕМЯЩИЙСЯ К СТРУКТУРЕ

Россия, г. Москва, Инновационный научно-образовательный
и издательский центр «АЛМАВЕСТ»

v-bazylev@inbox.ru

Понятие хаотических когнитивных процессов пока не получило широкого распространения в отечественной когнитивистике. Несмотря на то, что все предпосылки для освоения названного лингвокогнитивного феномена у нас есть. Начиная с работ А.Ф. Лосева в качестве методологического основания. Не случайно он в середине 30-х годов прошлого века высказывался положительно об идеях А. Шопенгауэра: «Он больше всех других почувствовал как раз алогическую основу мира в отличие от всякой оформленности» [Лосев 1997: 264].

Отсюда проистекает принимаемый нами тезис Б.М. Гаспарова о том, что нам нужна не модель языка, а образ языка. В рамках решения этой, безусловно, глобальной задачи им были сформулированы для перспективного изучения два вопроса: «(1) почему то, что лингвистика склонно легко и охотно принимать за стабильные языковые объекты, то есть все те конечные продукты языковой деятельности, которые говорящий производит сам и которые он получает от других говорящих, является таковым только при самом поверхностном рассмотрении? (2) как конкретно при восприятии образа языка как духовной энергии и признании непрерывности развертывания языковой среды, в каких параметрах и категориях, с помощью каких приемов язык может быть описан в таком качестве?» [Гаспаров 1996: 220–221].

Описанию образа языка в этой научной парадигматике может, с нашей точки зрения [Базылев 2019], способствовать обращение к хаотическим когнитивным процессам, овнешняемых в речевой стратегии, понимаемой с позиций прагматики как совокупность речевых действий, цепочка решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств. А также разбор речевых тактик носителей хаотической когниции, как конкретного речевого акта в процессе осуществления речевой стратегии, иначе, как соответствия тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направления на решение частной коммуникативной задачи этого этапа.

К сожалению, разработка названной проблематики носит пока фрагментарный характер, представленный работами 90-х годов, можно сказать, «первой волны». Но, как о том свидетельствуют работы Н.Ф. Алефиренко и его школы [Базылев 2005: 208–211; Базылев 2016: 25–31], перманентно возобновляющийся интерес к ней присутствует в отечественной лингвистике и в междисциплинарных исследованиях по сей день [Купавцев 2023: 77–82; Каменская 2020].

Одним из аспектов, предложенных нами для исследования хаотических когнитивных процессов, стало т.н. клиповое мышление современного студента, в котором ярко проявилась дихотомия структурного vs. хаотического. Дело в том, что когнитивная психология 60-х гг. XX в. изначально констатировала, что в человеке на равных правах сосуществует мышление линейное и мышление нелинейное. Оказалось, что при клиповой подаче информации вовсе не так затруднительно выстроить логическую последовательность фактов. Дело в том, что контекст, как обладающая смысловой завершенностью единица, позволяющая выяснить смысл и значение отдельных входящих в ее состав фрагментов, все равно формируется.

Человек остается в состоянии осознать причины и следствия явлений, видит связи между ними. Важно то, что в клипе, по принципу построения, имеет приоритет не причинно-следственное, последовательно-линейное строение информации, а нелинейное, контекстуальное или гиперссылочное. Последнее само по себе более сложно с когнитивной точки зрения, следовательно, более продуктивно. Из этого может комбинироваться картина мира современного молодого человека, когда он начинает воспринимать окружающее не целостно – кем-то заранее принудительно заданное, а как набор контекстуально связанных фактов и событий, чья аранжировка и интерпретация зависит от внелинейной, а не от «примитивно» линейной (предметной причинно-следственной) системы мышления. Владелец такого типа мышления способен более эффективно проанализировать сложную ситуацию, поскольку факты структурируются не однозначно последовательно и линейно. При этом аналитическая работа разбивается на ряд фрагментов, которые легче воспринимаются, но в итоге дают более полную картину и обеспечивают более глубокое понимание текста [Базылев 2018: 86–97]. Налицо парадокс – развитие интуиции в хаотическом мышлении позволяет сформироваться структуре.

Еще раз оговорим: основные преимущества хаотического познания⁵ заключаются в том, что оно позволяет увидеть структуру в перспективе и не позволяет системному мышлению игнорировать потребности коммуникативного момента или реальную сложность коммуникативной ситуации.

Его основная цель – не элиминировать системное мышление, а удержать его от попыток иррационального контроля над поведением человека. С этой точки зрения хаотические когнитивные процессы имеют ряд специфических преимуществ. Самое главное – усиление креативности в случаях кризисных адаптивных ситуаций. Они позволяют менять стереотипы сознания и поведения, помогают решать «загадки», повышают внимание человека к значимым деталям окружающей действительности. Тем самым мы актуализируем идеи, сформулированные К. Гинзбургом в его модели познания, суть которой, напомним, заключается в анализе психикой незначительных «улик» или деталей, которые позволяют понять познаваемый объект в целом [Гинзбург 2024].

При этом, как всё в психике человека, преимущества хаотической когниции носят двусторонний характер. В одном контексте она часто может обернуться недостатком: относительная нестабильность системного мышления при анализе текущей ситуации может быть преимуществом, когда важно абстрагироваться от отвлекающих факторов данного момента и что-то планировать. Но она же позволяет учитывать множество реальностей, потенциальных возможностей и реакций на общий контекст ситуации.

Так, люди, обладающие «хаотичным мышлением», чтобы избежать общения с неприятными партнерами мотивируют свое поведение речевыми стратегиями «мини-кризисов». К ним могут относиться объяснение типа нехватка денег, внезапный приступ аллергии, необходимость починить сломавшуюся машину или необходимость помочь другу. Такого рода спонтанно придуманные речевые стратегии служат удобным предлогом в отказе от общения, что почти всегда принимается за истинную мотивацию носителями системного мышления.

Еще один парадокс: речевые стратегии людей, характеризующихся хаотическими когнитивными процессами, в общении с системно мыслящими собеседником более эффективны для формирования рационального поведения последнего, поскольку оно устраняет персонализированные ситуативные угрозы.

⁵ В данной конкретной статье с учетом ее жанра (письменная фиксация секционного выступления на конференции) по чисто стилистическим причинам термины *хаотические когнитивные процессы*, *хаотическая когниция*, *хаотическое мышление* и *хаотическое познание* употребляются синонимично.

Речевая тактика в этом случае будет представлена инвариантным высказыванием: *я собираюсь дать вам картину реальности, которую разделят другие*. Речь идет о тех случаях, когда прямое осуждение партнера по коммуникации или его поведения обычно терпит неудачу. Когда начинается разговор о том, что кто-то разрушает свою карьеру, здоровье или брак, то адресат, как правило, чувствуют угрозу и начинает все отрицать. В этой ситуации только носитель хаотического мышления может предложить адресату следующую речевую тактику: *Я собираюсь дать вам картину реальности, которую разделят другие. Это не значит, что вы плохой человек или пьяница. Тем не менее, ваши попытки отрицать это не увенчаются успехом, потому что вы в моем описании увидите последствия своего пьянства и поймете, как другие относятся к этому. И тогда вы больше не сможете отрицать реальность*.

Приведем еще один пример-иллюстрацию к вышесказанному. Помимо возможности эффективно «изобретать» мини-кризисы носитель хаотического мышления может заставить партнера по коммуникации раскрыть свои истинные намерения, заставив его отреагировать на потенциальный кризис. При подозрении на то, что начальник подумывает об увольнении, сотрудник, характеризующийся преобладанием хаотического мышления, может сам упомянуть, что рассматриваете возможность смены профессии или переезда в другой город. Или публично в коллективе спровоцировать обсуждение новостной статьи о массовом увольнении специалистов и прокомментировать жестокость руководства. Речевая тактика в этом случае ориентируется на высказывания типа *Должно быть, у них нет совести, раз они уволили всех этих людей без какого-либо предупреждения*. В этой же ситуации может быть упомянуто, что двоюродного брата дальнего знакомого только что уволили с работы и что сначала он обозлился, но в конце концов понял, что его начальник сделал то, что должен был сделать, и в конце концов стал уважать его за это. Такая речевая стратегия может принести свои результаты: начальник может открыто начать оправдываться: *мне приходится принимать некоторые трудные решения самому, но я надеюсь, что сотрудники отнесутся к этому с пониманием*. По сути, описанная речевая стратегия позволит добиться требуемого эффекта: начальник с большей вероятностью расскажет о том, что он планирует сделать в отношении оптимизации кадров.

Самое главное в речевом поведении носителя хаотической когниции – он стремится избегать прямой речевой конфронтации или агрессии. Системно мыслящие люди, вступая с кем-то в конфронтацию, начинают с речевых тактик осуждения. В тех редких случаях, когда хаотичные мыслящие люди вступают с кем-то в конфронтацию, то осуждение как речевая тактика отсутствует. Предпочтение отдается другой речевой тактике – выражению интереса: *мне все равно, что ты сделал что-то не так, мне просто было бы интересно узнать об этом*. Важно, что отсутствие оценочных суждений смягчает возможную речевую агрессию в целом.

В конфликтных ситуациях носители хаотической когниции предпочитают речевые стратегии запроса совета и даже лести. Например, при позиционной конкуренции хаотично мыслящий человек может подойти к оппоненту со словами: *Вы знаете, как я ценю ваше мнение. Вы, вероятно, один из лучших специалистов в отделе. Я знаю, что начальство рассматривает нас обоих на должность заведующего, но мне бы очень хотелось узнать ваше мнение о том, как я мог бы улучшить свою презентацию, когда буду выступать на заседании комиссии*. Подобная речевая тактика позволяет оценить ряд факторов и получить ту информацию, которая позволит понять, каковы шансы, варианты и альтернативы развития событий.

Когда хаотично мыслящие люди встречаются интересного человека, с которым они хотели бы познакомиться поближе, они выбирают небольшой, на первый взгляд малозначимый фрагмент беседы, а затем развивают его. Если собеседник упомянул

– *мне нравится зеленый цвет*, – то вместо того, чтобы просто соглашаться или не соглашаться с собеседником, хаотическая когниция выбирает речевую стратегию описания листвы за окном, впечатлений от наблюдений за природой во время отдыха. Это позволяет поддержать разговор с собеседником о чем-то, к чему он проявили интерес.

Предпочтительной речевой стратегией хаотично мыслящих людей является описание своих необычных переживаний: наблюдений за животными, за явлениями природы. Очень часто хаотическая когниция ведет к тому, что виртуальная реальность начинает превалировать над реальной виртуальностью.

Собеседник может рассказывать о свидании с очередной подружкой. Его партнер по коммуникации, если последний выступает носителем хаотического мышления, может попытаться убедить говорящего, что подружка идеально подходит ему, создавая и развивая альтернативные реальности, которые соответствуют ожиданиям собеседника. Это делается исключительно для того, чтобы создать в процессе коммуникации некую иллюзию (выдумку, игровую ситуацию), которую можно было бы описать и которой можно было бы поделиться с собеседником, сделав общение осмысленным и целевым.

Хаотично мыслящие люди предпочитают создавать виртуальную реальность, предлагая собеседнику попытаться объяснить ее, особенно если она кажется правдоподобной. Они могут упомянуть в разговоре о только что прочитанной в газете заметке о выведенном зоологами новом виде слонов с двумя хоботами. При этом сам же говорящий может попытаться объяснить, что на самом деле это имеет смысл, потому что наличие второго хобота позволило бы слону держаться за дерево, когда он пьет из реки, или издавать предупреждающие крики во время еды. Точно так же хаотичные мыслители описывают чьи-то воображаемые сильные стороны и таланты. Например, они могут упомянуть, что кто-то чемпион по бодибилдингу, кто-то обладает прекрасным певческим голосом, особенно если эти качества противоречат его истинным характеристикам, могут описать человека с избыточным весом как скалолаза мирового класса. Подобные речевые стратегии рассматриваются как возможность поделиться с собеседником новой или необычной точкой зрения.

Еще одна особенность речевого поведения людей, характеризующихся преобладанием хаотической когниции, заключается в том, что она помогает эффективнее справляться с психологическим давлением. Хаотично мыслящие люди часто реагируют на такое давление, позволяя первоначально навязывать им чужие принципы или ожидания, а затем постепенно усложняют ситуацию, которая уводит от прямого столкновения с партнером по коммуникации, потому что начинает использовать его собственные речевые стратегии и тактики.

Как в следующей ситуации: во время пребывания в ресторане к человеку подходит подвыпивший клиент и начинает придирается к нему. Обычной речевой реакцией может быть возмущение, например: *почему вы не лезете не в свое дело? или вы не имеете права мне это указывать!* Обычно это приводит к дальнейшим спорам и обострению ситуации, выходящей из-под речевого контроля. Автор однажды имел возможность наблюдать следующее развитие событий: *человек притворился глухим, начал делать хаотические жесты руками и в конце концов протянул скандалисту ручку и бумагу, намекая на то, что тот может написать что-то.*

Еще одно преимущество хаотического мышления заключается в том, что оно может изменить предвзятые представления, которые часто мешают людям относиться к другим как к уникальным личностям. Если они чувствуют, что их воспринимают как нечто стереотипное, то могут начать вспоминать различные эпизоды из своей жизни, которые раскрывают новые и неожиданные стороны их характера. Они могут описать, например, как однажды вечером решили раздеться и

выплыть на середину залива, потому что это показалось им интересным способом проверить, на что они способны. Они могут рассказать, что как-то отправились в центр города и несколько часов играли на гитаре на углу улицы в окружении толпы людей, которая им аплодировала. Или они могут рассказать о том, как однажды провели все лето, путешествуя по стране на автобусе без определенного пункта назначения. Из-за таких историй людям с системным мышлением трудно бывает разграничить правду от фейка при общении с собеседником – носителем хаотических когнитивных процессов, трудно прогнозировать и планировать не только речевое, но и неречевое поведение с ним. Рассказывая эти истории, хаотичные мыслители обычно пытаются связать их таким образом, чтобы создать определенный образ самих себя. Каждая история добавляет новый слой к этому образу, создавая, однако, альтернативную реальность, что, в конечном счете, ведет к когнитивному диссонансу в речевом и неречевом общении носителей системного и хаотического мышления. Это, в свою очередь, ведет к постоянно повторяющимся коммуникативным неудачам.

При всем том, только за счет функционирования хаотических когнитивных процессов можно изменить стереотипы. В том случае, если одновременно формулируются несколько точек зрения на ситуацию или проблему. Например, в разговоре человек жалуется на то, что его брак распался, потому что он узнал, что жена ему изменяет. Человек, склонный к хаотичному мышлению, может предположить, что на самом деле существует множество альтернатив в оценке ситуации. Речь идет вовсе не об измене, а просто о проблеме в общении. Работа мужа может мешать их отношениям. Жена может беспокоиться о том, что она больше не привлекательна. Или же она может просто разозлиться на него и завести интрижку, чтобы отомстить. Высказанные в совокупности носителем хаотических когнитивных процессов предположения относительно взгляда на ситуацию могут подтолкнуть собеседника на последовательный анализ причинно-следственных связей, помочь логически осознать, что брак на самом деле может и не закончился, а даже если и закончился, то есть и другие проблемы, которые нужно теперь решать. Это может помочь человеку более реалистично оценить ситуацию, а не просто прийти к выводу, что браку пришел конец и на этом все. Отказ от предвзятых мнений часто является предпосылкой к поиску альтернативных, творческих решений назревших проблем.

Заключение. Как видим, наше знание о хаотических когнитивных процессах может иметь как общетеоретическое, так и практическое применение. В первую очередь, это касается прогнозирования речевого и неречевого поведения, а именно прогностики того, какие решения и действия могут быть приняты в различных ситуациях. Важна не сама по себе коммуникативная ситуация как системно-структурное единство, а совокупность когнитивных процессов, не всегда системно-структурная, а зачастую – хаотически структурированная, но являющаяся решающей предпосылкой для преодоления сложностей в коммуникации.

Литература

1. Базылев В.Н. Сублогический анализ языка. Теория и практика исследования. – М.: Изд-во СГУ, 2019. – 276 с.
2. Базылев В.Н. «Клиповое мышление» и «студент читающий»: социолингвистический и психолингвистический ракурс соотношения// Инновации в образовании. – 2018. – № 8. – С. 86–97.
3. Базылев В.Н. «Расставание с языком»: миф и реальность современной лингвистики // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: Сборник научных трудов / под ред. проф. Е.Г. Озеровой. – Белгород: НИУ БелГУ, 2016. – С. 25–31.
4. Базылев В.Н. Рецензия: Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002 // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 7. – С. 208–211.

5. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: НЛЮ, 1996. – 351 с.

6. Гинзбург К. Соотношения сил. История, риторика, доказательство / пер. с итал. М. Велижева. – М.: НЛЮ, 2024. – 184 с.

7. Каменская В.Г. Фрактально-хаотические свойства когнитивных процессов: возрастной аспект / В.Г. Каменская, Л.В. Томанов. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 217 с.

8. Купавцев А.В. Когнитивные модели мышления // Вестник высшей школы. – 2023. – № 5. – С. 77–82.

9. Лосев А.В. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – 831 с.

CHAOS STRIVING FOR STRUCTURE

V.N. Bazylev

Russia, Moscow, Innovative scientific, educational
and publishing center “ALMAVEST”

Abstract. The article is devoted to the speech tactics of carriers of chaotic cognitive processes, in other words, chaotic thinking. The research is carried out within the framework of the sublogical analysis of language, going back to the ideas of A.F. Losev, B.M. Gasparov and N.F. Alefirenko. Attention is drawn to the stochastic properties of cognitive processes, properties associated with the weakly structured dynamics of human speech behavior. The latter makes it possible to predict which speech actions can be taken by a person in various speech situations, based on assumptions about the work of cognitive processes.

Keywords: cognitive linguistics, chaotic cognitive processes, sublogical analysis of language, speech tactics, personalities – A.F. Losev, B.M. Gasparov, N.F. Alefirenko.

УДК 81'373

Бакина А.Д.

РЕЧЕПОРОЖДАЮЩИЕ МОТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Россия, г. Орёл, Орловский государственный университета имени
И.С. Тургенева

heart-anna@yandex.ru

Введение. Библейская фразеология, берущая свое начало в сакральных текстах, вариативна и динамична в своем развитии, что обуславливается, главным образом, ее структурно-семантической спецификой, воспроизводимостью, частотностью использования в разных типах дискурса и лингвопрагматическим потенциалом [Бакина 2024: 133–134].

В последнее время явно замечен новый «всплеск» активного научного интереса к феномену Библейского Слова. Это отмечается многими исследователями в своих работах, посвященных изучению библейской фразеологической лексики (См. труды З.К. Адамии (2019); В.М. Мокиенко (2019; 2021) Т.Н. Федуленковой (2021а; 2025); А.Д. Бакиной (2022; 2024). Библейские фразеологизмы анализируются с множественных научных позиций и подходов: сравнительно-сопоставительные исследования фразеологии близкородственных и неблизкородственных языков; лингвокультурологические исследования; когнитивно-дискурсивные исследования и др.

Основная часть. Библейский фразеологизм мы определяем как «в относительной степени устойчивую, регулярно воспроизводимую языковую единицу, этимологически восходящую к Библии, которая структурно может быть

представлена в виде сочетания двух и более слов или предложения, обладает цельностью номинации при раздельнооформленности составляющих ее элементов и целостностью значения» [Бакина 2024: 18].

В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, в частности в контексте лингвокогнитивного и лингвокультурологического направлений новейших фразеологических исследований, изучение речепорождающих механизмов лингвокреативности представляется приоритетным и необходимым, поскольку несмотря на возрастающий интерес к фразеологии в фокусе когнитивистики, остается множество лакун в отношении именно предпосылок и речепорождающих механизмов креативного использования фразеологии ([Алефиренко 2021: 15–28]; [Мелерович 2021: 133–145]; [Fedulenkova 2021: 242–256]). При этом лингвокреативность определяется нами как способность языковых единиц порождать новые формы и смыслы, часто выходящие за рамки узуса, в процессе речевой деятельности.

По справедливому замечанию профессора Н. Ф. Алефиренко, «лингвокреативные механизмы фраземосемиозиса опираются на а) творческое использование уже имеющихся в народном сознании языковых образов и б) на способность порождать те выражения, смысл которых проецируется ассоциативными связями новой дискурсивной ситуации с ранее сформированными в этнокультурном сознании образами» [Алефиренко 2022: 23].

Мы будем исходить из центрального тезиса о том, что библейские фразеологизмы, «оторвавшись» от своего источника, Библии, и выйдя за пределы сугубо религиозного дискурса, подвергаются различным структурно-семантическим трансформациям, переосмысливаются, десакрализируются, что является вполне естественным процессом языковой эволюции. Это не статичные, «застывшие» речевые формулы, а «живые», динамичные образования, обладающие огромным лингвокреативным потенциалом, следовательно, процессы их адаптации и трансформации в акте речевой коммуникации заслуживают пристального внимания лингвистов. Факт вариативности фразеологизмов библейского происхождения доказывает, что они широко употребительны и частотны в разных видах англоязычного и русскоязычного дискурсов: художественном, массмедийном, публицистическом, политическом и др.

Цель исследования состоит в выявлении предпосылок и речепорождающих механизмов лингвокреативного использования библейской фразеологии, анализе окказиональных приемов трансформаций библеизмов.

Всего было исследовано 70 фразеологических единиц библейского происхождения, которые подверглись разного рода трансформациям. Проанализированных контекстов, в которых фигурировали видоизмененные фразеологизмы, насчитывается до 300. В корпусе наиболее частотных фразеологизмов, обладающих лингвокреативным потенциалом, представлены следующие единицы: *prodigal son* (блудный сын), *to carry the cross* (нести свой крест), *Egyptian darkness* (тьма египетская), *make the cup run over* (неперполнить чашу терпения), *for everything there is a season* (всему свое время), *at the eleventh hour* (в последнюю минуту), *a wolf in sheep's clothing* (волк в овечьей шкуре), *It's easier for a camel to go through the eye of a needle than to enter the Kingdom of God* (Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому в рай попасть).

Предпосылки и причины наличия и развития лингвокреативного потенциала библейской фразеологии обусловлены спецификой самого текста-источника, Библии. Этот уникальный древний текст, переведенный на множество языков мира, характеризуется архетипичностью образов и поэтической природой.

Высокая степень семантической конденсации библейских фразеологизмов достигается за счет их метафоризации и символизации. Большинство фразеологизмов библейского происхождения представляют собой свернутые

метафоры, фреймы, которые могут допускать различные интерпретации согласно той речевой ситуации, в которой они используются. Например, библейский фразеологизм *запретный плод*, который очень частотен в текстах разных видов дискурса, особенно медийном и рекламном, возник на основе библейского сюжета о грехопадении Адама и Евы (*древо познания добра и зла, искушение змеем, грехопадение, последствия*). Будучи десакрализованным и благодаря функции смысловой компрессии, фразеологизм в современном контексте означает «что-либо очень желанное, но недоступное», при этом именно факт недоступности делает объект еще более притягательным (расширение семантики фразеологизма). Конечно, исконный религиозный, библейский смысл «потерян», замещен на более подходящее к современным реалиям «приземленное» значение.

Культурная универсальность и дискурсивная укорененность библейской фразеологии, обеспечивающая ее вхождение в культурный код множества наций, оказывается непременным условием для порождения новых смыслов и форм вследствие ее частотного употребления в современном дискурсе.

Основные речепорождающие механизмы лингвокреативности библейской фразеологии включают:

- 1) семантические механизмы;
- 2) структурно-семантические механизмы;
- 3) структурно-грамматические механизмы;
- 4) семантико-стилистические механизмы;
- 5) контекстуально-прагматические механизмы.

Вышеперечисленные механизмы обеспечивают основные типы трансформаций. Так, согласно А.В. Кунину, структурные изменения библейских фразеологизмов могут быть обусловлены деривационными процессами [Кунин 1996] и могут быть представлены модификациями компонентного состава фразеологизма, в частности расширением, сужением, дистантным размещением частей, контаминацией, конвергенцией приемов и т.д.

В нижеследующем примере, иллюстрирующем дистантное расположение компонентов фразеологической единицы *to hold the scales equally*, регистрируем окказиональный компонент, лексему *justice* с предлогом: “*Good judge **holds the scales of justice equally***” / *Настоящий судья не будет считаться с чинами и званиями*.

При введении во фразеологизм нового конкретизирующего элемента, как в примере: “*If we can catch Trompe-la-Mort, and take possession of his funds, we should strike at **the root of this evil***”, можно говорить о приеме амплификации.

Расширение фразеологизма *the salt of the earth* осуществляется за счет дополняющих примеров добродетелей: “*He is not famous or rich, but he is **the salt of the earth – always willing to help anyone***” (BNC).

Пролонгированные библейские фразеологизмы, то есть те, при воспроизведении которых используется одна оригинальная часть, а последующее продолжение представляет собой окказиональное включение – очень частотны в современной коммуникации. Такие единицы часто сравнивают с антипословицами. Ср.: “*The reciprocity usually takes the form of direct equivalence: **an eye for an eye, a glass of beer for a glass of beer***” (BNC) / «Взаимность обычно принимает форму прямой эквивалентности: **око за око, стакан пива за стакан пива**».

Редукция фразеологизмов, т.е. сокращение его компонентного состава, используется часто, так как некоторые библейские фразеологизмы достаточно длинные, для экономии времени они редуцируются, при этом их смысл не меняется, и фразеологизм узнаваем. Примерами редукции могут послужить следующие: **не хлебом единым** вместо *Не хлебом единым жив человек* (Ср. английский эквивалент *not by bread alone* вместо *Man shall not live by bread alone*).

Лексическая замена является популярным приемом модификации фразеологической единицы: «Попыток возвратить **зablудшyю дочь** под бластные знамена было сделано немало, и всякий раз безуспешно» / *There were several attempts – all of them unsuccessful – to return the **prodigal daughter** to the proud standards of the criminal world* (НКРЯ). Данный окказиональный вариант фразеологизма *prodigal son* употребляется почти повсеместно в разных языках (английском, немецком, русском), и скорее всего перейдет в разряд узуальных вариантов библейской фразеологии.

По схожей модели трансформирования фразеологизм варьируется, но остается узнаваемым и семантически связанным с исконным вариантом: 1) «Она пролетает мимо одного знака остановки и чуть не ломает мне шею, резко тормозя возле следующего. Патрик – ее **блудный бой-френд**. С начала учебного года они рекордные тринадцать раз расстались и помирились» (НКРЯ); 2) «Остается неодолимое устремление и неодолимый ужас: греза о самой синей, самой далекой, самой крутой из сценических высей – и по милости этой грезы я, скорее всего, обращусь в еще одну старую деву на паучьих ножках, преподающую в театральной школе, знающую (о чем и ты, мой **блудный брат**, так часто твердил), что пожениться нам не удастся, и постоянно видящую перед собой ужасный пример трогательной, третьесортной, бестрепетной Марины» (НКРЯ); 3) «*Aunts Juley and Hester were on their feet at once, trembling from smothered resentment, and old affection bubbling up, and pride at the return of a **prodigal June!***» (НКРЯ).

Грамматические трансформации подразделяются на морфологические и синтаксические. Рассмотрим пример морфологического преобразования: «*He **promises land**, and He gives land, and He makes chaps rich with corn and cattle*». Частотный библейский фразеологизм *the promised land* (земля обетованная), трансформируется почти до неузнаваемости посредством морфологического изменения, образуя новый окказиональный грамматический вариант.

Изменение порядка слов также представляет собой часто наблюдаемое явление: *поцелуй Иуды* // *иудин поцелуй* (*иудино лобзание*); *the kiss of Judas* // *the Judas kiss*. Например, *in the image of God* трансформируется *in God's image!*: «*Of the same species as Pozzo! **Made in God's image!***» (S. Beckett).

Семантические преобразования библейской фразеологии включают семантическое разложение фразеологизма с целью создания комического эффекта (например, фразеологический каламбур, двойная актуализация); десакрализация/переосмысление; метафорическое переосмысление.

Десакрализация библейских фразеологизмов в современном дискурсе сегодня рассматривается как естественный процесс языковой эволюции и динамического развития библейской фразеологии. Наиболее часто встречаемые десакрализованные фразеологизмы: *forbidden fruit, the blind leading the blind, the good Samaritan, to carry one's cross, Love your neighbour as yourself, not to live by bread alone*. Все эти фразеологизмы используются в контекстах с ироничным или юмористическим подтекстом, не имеющих прямого отношения к вере и спасению, победе добра над злом, т.е. вечным истинам. Так, смысл фразеологизма библейского происхождения *to carry one's cross* (*нести свой крест*) при десакрализованном употреблении сводится к «несению любых проблем, мелких неприятностей или забот», как например: «Она вздохнула так, будто была до крайности утомлена всем этим и не уверена, сможет ли **нести свой крест** до конца, затем покрепче затянула белый шарф от «Гермес», из которого наvertsela вокруг запястья нечто вроде браслета, и принялась диктовать» (НКРЯ).

В качестве примера семантико-стилистического преобразования рассмотрим использование библейского фразеологизма *земля обетованная* (который изначально несет позитивный смысл, означает место больших надежд,

благополучия, исполнения желаний) с негативной коннотацией или ироническим подтекстом:

- «Уезжая за границу, многие думали, что найдут там свое счастье и спасение, но **земля обетованная** оказалась не такой уж радостной, как им представлялось» (НКРЯ).
- “*The genius who conceptualized the transistor and brought people to **the promised land** of Silicon Valley became a pariah who could not give a lecture without facing hecklers*” / «Гений, который выдвинул концепцию транзистора и привел народ в **землю обетованную** – в Силиконовую долину, стал изгоем. Он лекции не мог прочесть, чтобы не столкнуться с неприятными вопросами радикально настроенных студентов» (НКРЯ).
- “*I came to the **promised land** of a grocery store parking lot and I found my special purpose*” / «Я прибыл в **обетованную землю** парковки гастронома и нашёл свою особую цель» (НКРЯ).

Метафорическое переосмысление библейских фразеологизмов можно увидеть в следующих примерах: “*The rising costs of production were **the handwriting on the wall** for the company’s profitability*” (BNC); “*The **powers that be** in Silicon Valley are constantly innovating*” (BNC).

Конвергенция трансформационных приемов заключается в единовременном использовании сразу нескольких модификаций. Например, “**to take up and carry one’s cross**” (The Economist) наблюдаем совмещение приемов расширения, лексической замены и метафорического переосмысления, в результате чего образуется комплексный окказиональный вариант.

Закключение. Таким образом, библейская фразеология во всей своей семантико-стилистической многогранности и культурной универсальности представляет собой ресурс для лингвокреативности. Ее речепорождающий лингвокреативный потенциал реализуется посредством сложного взаимодействия структурных, семантических, прагматических механизмов. Семантическая трансформация (переосмысление, десакрализация) позволяет библейским фразеологизмам «встраиваться» в новый контекст, адаптироваться к определенным контекстуальным условиям при изменении смысла или потере сакральности фразеологизма. Структурно-грамматические трансформации фразеологизмов обеспечивают их гибкость и способность «удовлетворять условиям» синтаксических конструкций, порождая множество окказиональных вариантов библейской фразеологии. Контекстуально-прагматические механизмы речепорождения библейских фразеологизмов обеспечивают их мощный прагматический эффект.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 192 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразема и контекст // Фразеология в фокусе когнитивистики: монография / гл.ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А.М. Поликарпов. – М.: Академия Естествознания, 2021а. – С. 15–28.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокреативные стимулы фраземосемиозиса // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое: К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Ковалёва: Сборник научных статей. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2021б. – С. 22–30.
4. Бакина А.Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022а. – Т. 22. – № 5. – С. 28–38.
5. Бакина А.Д. Англо-русский толковый словарь библейских фразеологизмов. – Орел: Картуш, 2022б. – 128 с.

6. Бакина А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков). Дисс. докт. филолог. наук, Архангельск, 2024. – 496 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
8. Мелерович А.М. Семантизация межъязыковых семантических коррелятов и языковая картина мира / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Фразеология в фокусе когнитивистики: монография / гл.ред. В. Мидер, отв. ред. и сост. А.М. Поликарпов. – М.: Академия Естествознания, 2021. – С. 133–145.
9. Новожилова Е.С. Пословичная деривация в английском языке / Е.С. Новожилова, Т.Н. Федуленкова // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: сборник материалов научно-практических конференций, Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2025. – С. 1805–1809.
10. Alefirenko N.F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – Vol. 8. – No. 4. – P. 3–14.
11. Fedulenkova T.N. Tendencies in proverbial compression // Phraseology in the Focus of Cognitive Sciences: monograph. – М., 2021. – P. 242–256.
12. Fedulenkova T.N. Proverb and its truncated derivatives in discourse // From the Word to the Discourse. – Minsk. 2025. – P. 90–92.

Источники практического материала

1. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Т. 1 : А–О / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019a. – 288 с.
2. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Т. 2 : П–Я / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019b. – 308 с.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 17.03.2026).
4. British National Corpus (BNC). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 17.03.2026).
5. Beckett Samuel Waiting for Godot. – Grove Atlantic, 1994.
6. The Economist. – URL: <https://www.economist.com> (дата обращения 17.03.2026).

SPEECH-GENERATING MOTIVES AND MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY IN BIBLICAL PHRASEOLOGY

A.D. Bakina

Russia, Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev

Abstract. The article examines the phenomenon of linguistic creativity of biblical phraseology in terms of its speech-generating potential. Phraseological units, etymologically related to the biblical text, are characterized by the ability to structural-semantic transformations, as well as frequent functioning in their variable changes in different types of discourse, in particular, fiction, media discourse, political discourse, etc. The aim of the study is to identify and systematize the main mechanisms of transformation of biblical phraseological vocabulary taking into account linguistic creativity. In the analysis of the material presented by the contexts of their

media and fiction types of discourse, it is established that the linguistic creativity of biblical phraseology is realized through such structural-semantic techniques as the expansion and narrowing of the semantics of phraseology, as well as semantic shift; omitting, adding and transpositioning; finally, accepting metaphorical reinterpretation. It is concluded that speech-generating activity of biblical phraseology is conditioned by the specificity of its structure, semantics and pragmatics, intertextual and precedent potential of studied biblical units, as well as by the synergy of culturological and linguistic aspects of biblical phraseology.

Keywords: speech generation, linguistic creativity, biblical phraseologism, transformation, modification, variability.

УДК 81'373

Булгакова С.С.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИАТЕКСТАХ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

1638370@bsuedu.ru

Актуальность выбранной темы заключается в значимой роли речемыслительных образов в современном информационном пространстве и недостаточном освещении проблем формирования их смысловой структуры. Особую позицию в данном случае занимают фразеологические единицы, выступающие в роли одного из самых важных стилистических средств, помогающих создавать выразительные и запоминающиеся публицистические тексты. Предметом нашего исследования являются фразеологизмы, зафиксированные в СМИ за последнее десятилетие. В условиях повышенного внимания к когнитивной лингвистике и идиоматике, а также малым количеством работ, посвящённых предложенной теме, анализ фразеологизмов в медиатекстах становится особенно важным для понимания способов воздействия на аудиторию и интерпретацию авторской позиции в медиапространстве.

Современная лингвистика всё чаще обращается к когнитивно-прагматической парадигме, в рамках которой язык рассматривается через призму человеческого сознания и коммуникативных намерений. В этой парадигме фразеологические единицы языка, обладающие мощным экспрессивным и оценочным потенциалом, выступают одним из ключевых инструментов реализации авторских интенций, что отчётливо проявляется в текстах СМИ.

По мнению М.Ю. Казак, «медиатекст – это интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак 2012: 32]. Именно благодаря этой «открытости» фразеологические единицы в публицистических текстах не только активно используются в их устойчивом виде, но и подвергаются различным авторским и тематическим изменениям.

В нашей работе представляется три основные типологии функционирования фразеологизмов в публицистических текстах: Н.К. Пригариной и М.А. Поповой, В.М. Мокиенко и типология Е.А. Колобовой.

Н.К. Пригарина и М.А. Попова выделяют всего три основополагающих функции: аттрактивную, экспрессивно-образную и оценочно-характеризующую. Исследователи рассматривают данную проблему с точки зрения прагматического подхода, т.е. главным считается не красота языка, а его способность убеждать и доказывать.

В.М. Мокиенко при представлении типологии делает акцент на творческом начале использования идиом в медиатекстах и выделяет экспрессивную, прагматическую функции, функцию языковой игры и словесной креативности, функцию стилистического нюансирования, а также функцию оценочной и социальной значимости.

Иной подход предлагает Е.А. Колобова, которая рассматривает функции фразеологизмов в медиатекстах, учитывая не только их прагматическое воздействие на аудиторию, но и роль в композиционно-смысловой структуре самой публикации, поэтому выделяет заголовочную функцию, экспрессивно-оценочную, текстообразующую и функцию образного воздействия.

В рамках нашей работы наиболее уместными являются типологии В.М. Мокиенко и Е.А. Колобовой.

1. Заголовочная функция (по Е.А. Колобовой) выполняет номинативно-информативную задачу и обладает рекламно-экспрессивным стремлением привлечь внимание читателя к статье. К представленной функции мы относим такие примеры, как: *«Лёд тронулся»: Косачёв о возвращении российской делегации в ПАСЕ»* [заголовок] [Парламентская газета 02.06.2018] – публикация информирует о том, что в дипломатических отношениях произошёл долгожданный сдвиг после многолетнего политического кризиса; *«Золотая жила: как искусственный интеллект меняет экономику мошенников»* [заголовок] [Известия 22.03.2026] – благодаря использованию фразеологизма смысловое содержание статьи эксплицируется, поэтому сразу можно понять, что в ней идёт речь о мошенниках, которые зарабатывают с помощью искусственного интеллекта.

2. Функция языковой игры и словесной креативности (по В.М. Мокиенко) / Функция образного воздействия (по Е.А. Колобовой)

Как утверждает В.М. Мокиенко, необходимо выявлять стимулы, благодаря которым носители языка будут использовать языковую игру и словесную креативность. Авторы медиатекстов трансформируют фразеологизмы, порождая окказиональные образы.

Приведём пример представленной функции: *«Запад «может остаться один на один с разбитым от непомерных амбиций корытом»* [lenta.ru 15.09.2023]. Журналист видоизменяет привычное выражение путём расширения его компонентного состава, внедряя в структуру фразеологизма дополнительные элементы «один на один» и «от непомерных амбиций». Подобное обращение к фразеологии выступает значительным творческим ресурсом, который обновляет восприятие читателя: абстрактная причина неудачи (амбиции) метафорически превращается в физическую причину разрушения самого предмета («разбитым от... амбиций»).

По тому же принципу трансформируются следующие цитаты: *«Если ранее «серые» майнеры тянули «электроэнергетическое одеяло» на себя, то теперь государство провело перераспределение поставок электроэнергии в пользу легальных компаний»* [Газета.Ру: 14.05.2022]; *«Мы намерены продолжить эту практику, но нельзя вставлять бюрократические палки в колёса этой инициативе»* [Парламентская газета 27.07.2023].

3. Оценочная и социальная значимость (по В.М. Мокиенко) / Экспрессивно-оценочная функция (по Е.А. Колобовой)

Идиомы не только называют явления, но и дают им ёмкую общественную оценку. Е.А. Колобова отмечает: «Как единицы оценочно-экспрессивные, фразеологизмы способствуют выражению авторского отношения к происходящему, отражают авторскую субъективную оценку» [Колобова 2005: 339].

Для иллюстрирования представленной функции интерпретируем следующий пример: *«США должны серьёзно переосмыслить свои действия, прекратить*

подливать масло в огонь, греть руки на чужой беде и пользоваться возможностью для извлечения выгоды» [РИА новости 21.02.2023]. В данном контексте оценочная функция и социальная значимость фразеологической единицы реализуется при помощи обращения политического деятеля сразу к двум экспрессивно окрашенным идиомам («подливать масло в огонь» и «греть руки») для резкой морально-этической критики оппонента. «В таком акустико-смысловом сопряжении ментальный образ предопределяет функционально-стилистическую доминанту дискурсивной матрицы производимого текста» [Алефиренко 2024: 42]. Фразеологизмы здесь не просто выполняют номинативную функцию, называют конкретные геополитические или экономические действия, но и дают им максимально ёмкую общественную оценку, выставляя политику США как циничную и разрушительную. Представим еще несколько примеров: «*Не нашёл понимания и решил, что дальше **переливать из пустого в порожнее** нет смысла и закончил переговоры*» [Парламентская газета 28.02.2019]; «*МИД, который обязан защищать права молдаван за рубежом, просто **умывает руки***» [Риа новости 20.01.2026]; «*Пусть они сами выбирают свой путь и потом **расхлебывают кашу, которую заварили***» [РИА новости 04.02.2026].

4. **Текстообразующая функция (по Е.А. Колобовой)** проявляется в способности фразеологизма участвовать в структурировании текстового пространства, когда фразеологический образ разворачивается в метафору и становится смысловой основой текста.

Например: «*Мы вертимся как **ослеплённые белки в грандиозном колесе чужих идей** и миллиардов и голосуем, потеем, возмущаемся и видим скрытые смыслы там, где они есть, и там, где их нет*» [lenta.ru 17.05.2016] – авторская трансформация идиомы «вертеться как белка в колесе» путём расширения её компонентного состава создаёт концептуальное ядро, которое логически подчиняет себе последующий ряд глаголов («голосуем, потеем, возмущаемся»). Разворачиваясь в метафору, этот изменённый фразеологизм задаёт всему фрагменту единый композиционный и смысловой тон бессмысленной цикличности навязанных действий.

По тому же принципу журналистами созданы следующие цитаты: «*Россия – это **сук, на котором сидит** маленькая Грузия. И она этот сук **пилит***» [Газета.Ру 21.06.2019] – в статье сообщается, что антироссийская политика Тбилиси разрушает экономические отношения с РФ и неизбежно приведёт к более жестоким санкциям со стороны Москвы; «*Тут важно, насколько будет высока решимость международного сообщества не **тянуть кота за хвост** и не **разрезать этот хвост по кускам**, а пускай за полгода через дефолты, но эту проблему решить*» [lenta.ru 03.08.2022].

Таким образом, в современных медиатекстах фразеологизмы обладают высокой степенью адаптируемости и служат подвижным смысловым каркасом: разворачиваясь в метафоры, они способны выстраивать композицию и логику целой новостной статьи. Кроме того, использование речемыслительных фразеологических образов способствует как доступности, так и экспрессивности восприятия информации даже сложных явлений и выступает в качестве декодирования смыслового содержания медиатекста.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №8 (490). – С. 39–48.
2. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. Интерпретация медийных форм дискурса – 2012. – №6. – С. 30–41.

3. Колобова Е.А. Функции фразеологизмов в политическом дискурсе (на материале публикаций журнала «Новое время») // Информационный потенциал слова и фразеологизма: сб. науч. статей / редкол. Т.В. Бахвалова и др. – Орёл: ГОУ ВПУ «Орловский государственный университет», 2005. – С. 336–339.

4. Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи // Вестник КемГУ. Филология. – 2012. – №4 (52) – Т4. – С. 59–62.

5. Пригарина Н.К. Функциональный потенциал фразеологизмов в новостных медиатекстах / Н.К. Пригарина, М.А. Попова // Современное педагогическое образование. – 2023. – №11. – С. 474–477.

FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEDIA TEXTS

S.S. Bulgakova

Belgorod State University

Abstract. The article examines the specifics of the functioning of phraseological units in modern media texts, noting that the use of speech-thought phraseological images contributes to the accessibility and expressiveness of information perception and acts as a decoder of the semantic content of the media text.

Keywords: media text, phraseological units, phraseological images.

УДК 81'373

Голикова М.М.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

golikova@bsuedu.ru

Вряд ли будет преувеличением сказать, что фразеологический фонд любого языка становится своеобразным кладом сокровищ. Древние обряды, культурно значимый архетипы, артефакты культуры и истории – всё это и многое другое находит отражение во фразеологических единицах (далее – ФЕ), порождая лежащие в их основе фразеологические образы. Изучение ФЕ, метко названных В.А. Масловой «зеркалом жизни нации», даёт исследователям богатую пищу для размышлений и позволяет узнать больше не только о языке как таковом, но и о народе, на этом языке говорящем. Немаловажной представляется и роль ФЕ как репрезентанта ценностей, присущих тому или иному этносу.

Понятие *ценности* наряду с *оценкой* и *смыслом* является одним из самых важных в лингвокультурологии. Опираясь на сформулированное С.Н. Виноградовым определение *ценности* как «идеального образования, представляющего собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженного в различных проявлениях деятельности людей» [цит. по: Алефиренко 2010: 99], Н.Ф. Алефиренко отмечает не только её иерархичность (применимо к каждой лингвокультуре), но и тесную связь с *оценкой*, проявляющейся в самых разных формах [Там же: 100]. В научной литературе можно встретить разнообразные классификации ценностей, разрабатываемые как с лингвистических, так и с философских позиций. Так, например, Н.Ф. Алефиренко выделяет следующие виды ценностей, наиболее важных с точки зрения лингвокультурологии [Алефиренко 2010: 9]: витальные (*жизнь, здоровье*), социальные (*статус, трудолюбие, богатство, профессия*), политические (*свобода слова, гражданская свобода, законность*), моральные (*добро, благо, любовь, долг, честь*), религиозные (*Бог, вера, спасение*), эстетические (*красота, идеал, гармония*). Кроме того, по степени

представленности в языке учёный выделяет ценности *общечеловеческие*, признаваемые наибольшим количеством людей (*любовь, милосердие, мудрость*), *национальные*, важные для народа и отдельно взятой личности и носящие более материальный характер (*Кремль, Пушкин, первый спутник*), *групповые*, значимые для сравнительно небольшого объединения людей, субкультур, *семейные* и *индивидуально-личностные* [Алефиренко 2010: 11]. Такой подход коррелирует с предложенной Н.Д. Арутюновой типологией аксиологических значений, базирующихся на разнообразных формах оценки (которая в свою очередь, согласно Н.Ф. Алефиренко, представляет собой форму существования ценностей). Н.Д. Арутюнова предполагает существование *общеоценочных* и *частнооценочных* значений, где первые выстраиваются в виде дихотомии *хороший – плохой* и носят в большей мере холистический характер, тогда как вторые представлены значительно более разнообразно и позволяют квалифицировать разные по своей природе объекты [Арутюнова 1988: 75]:

- сенсорно-вкусовые, или гедонистические (*вкусно – невкусно*);
- психологические (*умный – глупый, интересный – скучный*);
- эстетические (*красивый – некрасивый*);
- этические (*моральный – аморальный, добрый – злой*);
- утилитарные (*полезный – вредный*);
- нормативные (*правильный – неправильный, нормальный – ненормальный*);
- телеологические (*эффективный – неэффективный, целесообразный – нецелесообразный*).

Вопросы соотношения ценности и оценки и способ их реализации в языке, в т. ч. за счёт коннотативных особенностей, нередко становятся предметом исследования отечественных и мировых лингвистов. Особое место занимают работы, посвящённые аксиологическому потенциалу фраземики. Богатству этого потенциала способствует сама природа ФЕ, обуславливающая их неоднородность и богатую коннотативную наполненность. Неслучайно аксиологический аспект фраземики рассматривается в трудах крупных отечественных учёных (см. работы В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Н.Н. Семененко, Л.Ю. Буяновой, А.И. Лызлова и др.). Особого внимания заслуживает подготовленный Л.К. Байрамовой «Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей», выстроенный на основе сформулированной автором теории о ценностях и антиценностях, аксиологических фразеологизмах, аксиологическом векторе и т. д. Демонстрируя обширную палитру аксиологических фразеологизмов, исследователь отмечает, что они «являются отражением культуры» [Байрамова 2014: 10]. Сами фраземы при этом, будучи антропоцентричным образованием, «всесторонне отражают отношение человека к ценностям», а также позволяют узнать больше о ценностно-нормативной системе всего общества [Багаутдинова 2007: 7].

Важным для настоящей работы представляется обращение к понятию аксиологемы – «дискурсивного оператора оценочной концептуализации», «структуры аксиологизации, возводящей, апеллирующей в процессах интерпретации к семиотическому ценностному измерению языкового формата знания» [Серебренникова 2024: 115]. Н.Н. Казыдуб выделяет несколько видов аксиологем по способу объективации в дискурсе [Казыдуб 2009: 134]. Наиболее показательными в рамках рассматриваемого нами вопроса представляются аксиологемы-словосочетания (*социальная ответственность*), формульные высказывания (*Россия – страна больших достижений и возможностей*) и паремии (*Упрямого исправит дубина, а горбатого могила*). Возникает резонный вопрос: можно ли дополнить этот ряд аксиологемой-фраземой? Иными словами, является

ли фразема самоценной аксиологемой или служит исключительно отражением ценностей другого порядка?

Чтобы если не ответить на этот сложный, дискуссионный вопрос, а хотя бы приблизиться к ответу, стоит попробовать понять, что именно во фраземе как цельной единице помогает репрезентировать ту или иную ценность, принятую в определённом социуме? Обычно упор делается на семантический аспект фраземы, её компонентный состав или же происхождение. Предполагаем, что наряду со всем вышеперечисленным в качестве «источника» аксиологической значимости фраземы можно считать и *фразеологический образ*.

Фразеологический образ по праву можно считать одним из самых сложных и загадочных феноменов фразеологии. Особую трудность представляет его дифференциация от внутренней формы. Опираясь на труды отечественных языковедов и собственные изыскания, под фразеологическим образом подразумеваем наглядное представление, воссоздающее конкретную ситуацию или сопутствующий ей атрибут и трансформированное языковым сознанием под влиянием экстралингвистических факторов. Иными словами, фразеологический образ – это не механическая ментальная копия реальной действительности, а продукт мыслительной деятельности, способный включать в себя ассоциативный, оценочный и иные компоненты. Характеризуя специфику ментального образа, Н.Ф. Алефиренко отмечает, что он «связан с языковым подсознанием и сверхсознанием», при этом подсознание содержит стереотипы и «выработанные в данной этнокультуре образцы взаимодействия, интериоризованные коммуникантами», а сверхсознание «опирается не на слова, а на о б р а з ы, что позволяет автору текста, получившему от сверхсознания прилив ментальной и речевой энергии, воображать, мечтать и сочинять» [Дискурс... 2025: 17]. Считаем, что такое положение в полной мере применимо и к фразеологическому образу, отличающемуся от «обычного» ещё большей многоуровневостью и сложностью организации. Столь сложная природа такого образа даёт все основания полагать, что он может быть аксиологичен сам по себе, ещё до экспликации в виде воспроизводимой конструкции. При этом под влиянием контекста (в широком его понимании) семантика фраземы и выражаемая ею оценочность могут до неузнаваемости меняться. Это позволяет предполагать, что аксиологический потенциал, заложенный во фразеологическом образе, в полной мере может реализовываться только в особом дискурсивном пространстве.

Материалом, на котором проводилось наше исследование, стала проза писателей русского зарубежья. Это особый «мир» текста. Находясь за пределами метрополии, человек, осознанно или нет, подвергается речевым трансформациям. Его речь с течением времени всё больше отличается от речи бывших соотечественников. Кроме того, нельзя забывать и о влиянии различных внеязыковых факторов, особенно тех, что связаны с психоэмоциональным состоянием личности.

Рассмотрим отдельные примеры, призванные продемонстрировать аксиологический потенциал фразеологического образа. Так, например, одной из признанных ценностей для русской лингвокультуры является *Родина*. В эмигрантской прозе отношение к Родине становится особенно болезненной темой. Ю.Н. Караулов отмечает, что «одним из центральных и неизбежных мотивов художественной литературы является мотив *ностальгии*» [Караулов 1992: 50]. В изученных нами произведениях такое положение, безусловно, находит своё отражение. Но при этом ценность *Родины* репрезентируется по-особенному. Так, понимание метрополии традиционно распадается на две части: есть *страна*, расставание с которой переносится тяжело, и есть *государство*, непосредственно повлиявшее на решение об эмиграции и вызывающее противоречивые чувства, вплоть до откровенной неприязни. Таким образом, одна непреложная ценность как

бы разделяется под влиянием оценки, сформированной внешними факторами и индивидуальным миропониманием автора. Такой сложный эмоционально-экспрессивный комплекс отражается и на языковом уровне, в частности, в ФЕ и особой интерпретации лежащих в их основе фразеологических образов.

Примерами могут послужить конструкции, сами по себе носящие характер аксиологом – лозунги. Такова конструкция *бить врага на его собственной территории*, ставшая популярной благодаря речи К.Е. Ворошилова (1936 г.). Глубоко патриотический пафос высказывания обеспечивается особым пониманием фразеологического образа: предполагается, что нога врага не ступит на родную землю, а значит, жители могут быть спокойны. Однако в контексте эмигрантского дискурса такая направленность способна кардинально преобразоваться. Этому способствуют как вербальные инструменты (семантика лексем, окружающих ФЕ, их коннотативные особенности), так и невербальные (читаемое между строк отношение автора к событиям, специфика дискурсивной ситуации). Например: «*Ваши наркомы бахвалились: бить врага на его территории, а бить стали нас, да на нашей земле*» [Юрасов В.И. Враг народа. 1952]. В приведённом примере ФЕ трансформирована, что позволяет создать противопоставление между идеальной ситуацией, заложенной в образе ФЕ, и реальной, якобы свидетельствующей о не сдержанных властями обещаниях (дополнительно это усиливается контекстуально: словоформой *бахвалились*).

Способность фразеологического образа аккумулировать в себе аксиологические особенности лингвокультуры может достигаться и за счёт обращения к представлениям о частях тела, религиозных феноменах и даже разнообразных животных. Показательной, например, может служить ФЕ *тыловая крыса* в значении 'военный, не принимающий реального участия в боевых действиях'. Фразеологический образ основывается на представлении о крысе как о «грязном» животном, далёком от высоконравственных поступков и заботящемся исключительно о сохранении собственной жизни. В условиях войны для каждого, от рядового до офицера, основным критерием оценки становится доблесть и умение проявить себя на поле боя. Соответственно, лицо, стремящееся спастись от угрозы в штабе или тылу, подвергается презрительному осуждению, что и порождает вышеупомянутый фразеологический образ. В системе эмигрантских текстов такая личность фактически становится одним из «видов» врагов, причём позорное наименование закрепляется за ней навсегда, даже в послевоенный период: «*А то, понимаешь, за спиной начальника Свердловского отдела думал, что кобениться может. Тыловая крыса*» [Юрасов В.И. Враг народа. 1952]. Такая номинация служит непосредственным отражением мировосприятия народа: трус и бесчестный человек заслуживает уподобления исключительно неприятному существу. В отдельных ситуациях подобные образы могут носить характер своеобразного клейма, которым могут маркировать представителей определённых организаций или же просто тех, кто находится по другую сторону идеологического фронта.

Чрезвычайно важным для реализации аксиологического потенциала фразеологического образа представляется его модификация. Полагаем, что такая значимость обуславливается особым переносом смыслового наполнения: модифицируя образ, автор смещает акценты, и сама по себе такая корректировка порой говорит едва ли не больше, чем сам образ. Существуют разные способы модификации фразеологического образа (подробнее этот вопрос рассматриваем в отдельной работе [Голикова 2023]). Так, например, фразеологический образ способен «отзеркаливаться». Это может проявляться по-разному, в том числе за счёт подбора компонентов-антонимов, помогающих, среди прочего, показать истинное отношение к объекту речи: «– *Мне нравится, как вы говорите о мистере Эммете, этом жалком воробушке революции*» [Аксёнов В.П. Желток яйца. 1989]. Базой для модифицированной ФЕ становится широко известное выражение *буревестник*

революции, зародившееся ещё в XIX веке, но вошедшее в активный запас благодаря «Песне о Буревестнике» Максима Горького. В течение длительного времени и самого автора в публицистике нередко называли *буревестником революции*, а впоследствии выражение приобрело ироничную окраску и стало употребляться для номинации лидеров каких-либо движений, возмутителей спокойствия и т.п. Актуализируя образ *буревестника революции* в сознании русскоязычного читателя, В.П. Аксёнов трансформирует его: на смену морской птице, ассоциирующейся с силой и выносливостью, приходит привычный *воробушек*, маленькая птица, не соотносимая с кем-то героическим (этот эффект усиливается и за счёт использования уменьшительного суффикса *-ушк-*). Само по себе представление о *воробушке* гораздо слабее, нежели ощущение, возникающее за счёт создаваемого скрытого сравнения с *буревестником*, который в свою очередь отличается в русской лингвокультуре от обычного зоонимического образа своей прецедентностью.

Важное место в эмигрантском дискурсе занимает осознание *своего* и *чужого*. На этой оппозиции во многом строится и художественное своеобразие текстов писателей русского зарубежья. Такая антиномия пронизывает все исследованные тексты и выделяется на самых разных уровнях: от взаимодействия заимствованных и автохтонных элементов до репрезентации на лексическом уровне. Интересным примером реализации такого без преувеличения философского поиска на уровне фразеологического образа становится необычный способ трансформации, названный нами **фразеологической мистификацией** (по аналогии с мистификацией литературной): использование ФЕ совместно с дополнительным описанием, преобразующим исходный, «правильный» фразеологический образ и тем самым создающим дополнительный смысловой фон. Примером может послужить переосмысление ФЕ *перемещённые лица*, характеризующей многих представителей второй волны эмиграции. Выражение представляет собой кальку английского *displaced person*. Впоследствии к подобной категории людей стало применяться более привычное сегодня понятие *беженец*. После Второй мировой войны число *перемещённых лиц* на Западе было достаточно велико. Сами они нередко сокращенно называли себя *DP* (или «ди-пи»), что нашло отражение на страницах романа «Лолита» В.В. Набокова: «А после этого я еще прикинул недельку единственно ради того, чтобы иметь удовольствие потягаться с могучим новым профессором из **«перемещённых лиц»**, или **Ди-Пи** (от «Дементии Прекокс»), очень знаменитым, который славился тем, что умел заставить больного поверить, что тот был свидетелем собственного зачатия» [Набоков В.В. Лолита. 1955]. В приведённом фрагменте рассказчик якобы раскрывает происхождение самой аббревиатуры, указывая на её происхождение от латинского словосочетания *dēmentia praesox*. В разное время этим термином обозначались такие психические расстройства, как шизофрения и раннее слабоумие. Получается, что В.В. Набоков становится автором своеобразной лингвистической мистификации, намеренное меняя природу фразеологического образа, что влечёт за собой кардинальное изменение в описании объекта речи: из *беженца* он превращается в *сумасшедшего*, что дополнительно подчёркивается контекстом. Такой оригинальный пример позволяет не только понять гибкость и значимость фразеологического образа, но и убедиться в том, насколько важно понимать образную составляющую иноязычного выражения для точного определения его семантики. Показательным этот пример становится и с точки зрения противопоставления *своего* и *чужого*.

Таким образом, даже краткий обзор особенностей фразеологического образа показывает, насколько широк может быть его аксиологический потенциал. Представляется перспективным дальнейшее изучение аксиологических возможностей фразеологического образа, в т.ч. его способность репрезентировать не только ценности, но и антиценности лингвокультуры.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Багаутдинова Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореферат дисс. ... д. филол. н. – Казань, 2007. – 45 с.
4. Байрамова Л.К. Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» / Л.К. Байрамова, М.В. Иванова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С. 10–12.
5. Голикова М.М. Об одном из способов модификации фразеологических единиц в произведениях русских писателей-эмигрантов [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 2 (38). – URL: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.9> (дата обращения: 25.03.2026).
6. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
7. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – №29. – С. 132–137.
8. Караулов Ю.Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья // La revue Russe. – 1992. – №3. – Р. 31–53.
9. Серебренникова Е.Ф. Аксиологизация дискурса: к проблеме отграничения понятия и проекции на анализ медийного дискурса. – Вестник МПГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2024. – №3 (55). – С. 110–121.

THE AXIOLOGICAL POTENTIAL OF THE PHRASEOLOGICAL IMAGE (BASED ON THE PROSE OF RUSSIAN WRITERS ABROAD)

M.M. Golikova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. A phraseological image is a complex phenomenon that accumulates everything that linguistic and cultural research is aimed at. This paper examines the ability of the phraseological image to act as the quintessence of the value-evaluative apparatus of phrasemics. A brief overview of the axiological possibilities of the phraseological image is intended to show its rich potential, as well as provide food for further research of the phenomenon in a linguocultural way. The research was conducted on the material of the works of writers from the Russian diaspora, a special text space with a specific value and semantic content.

Keywords: Phraseological unit, phraseological image, axiologeme, prose of the Russian diaspora.

УДК 81'42

Кармазина И.С.

КОММУНИКАЦИЯ КАК ДОМИНАНТНЫЙ СПОСОБ САМОПОЗНАНИЯ

Россия, г. Белгород, ОГАОУ ДПО «БелИРО»

irina.karmazina@inbox.ru

В последние десятилетия всё чаще звучит мысль о революции в сфере коммуникации, о её главенствующем положении и первостепенном значении в развитии человечества, что во многом объясняет интерес представителей разных наук: психологии, социологии, языкознания. Лингвистика изучает не только язык в человеке, но и человека в языке.

Вслед за О.С. Иссерс под термином «коммуникация» мы понимаем «стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных

речевых ресурсов» [Иссерс 2003: 10]. При этом передача речевых сообщений в процессе коммуникативного акта – серия волевых и осознанных решений говорящего.

Особый интерес для нашего исследования представляет коммуникация в художественных текстах, персонажи которых – центральные фигуры языкового пространства и как говорящие лица, и как главные действующие субъекты того мира, о котором они размышляют. Их речемышлительный процесс мы понимаем через коммуникативный код текста – «лингвистически и экстралингвистически выраженные, концептуально и прагматически обусловленные сигналы определённых речевых стратегий, тактик, коммуникативных ролей, речевого поведения персонажей и повествователя, актуализирующие содержание текста и авторскую интенцию» [Болотнова 2009: 61].

Принято считать, что обмен информацией осуществляется с помощью вербальных и паравербальных средств, намеренно используемых говорящим в процессе общения. Творческое наследие Ф.М. Достоевского интересно тем, что аккумулирует способы передачи информации, демонстрируя нам, читателям, неоднозначность человеческой мысли посредством диалогичности слова.

Каждый герой «большой прозы» Ф.М. Достоевского – участник полифонического коммуникативного акта. О полифонии голосов в художественных сочинениях русского классика второй половины XIX века впервые высказался М.М. Бахтин: «Всё в романах Достоевского сводится к диалогу, к диалогическому противостоянию как к своему центру, а потому один голос ничего не кончает и ничего не разрешает» [Бахтин 2017: 383]. Тем не менее на сегодняшний день понятие «полифонический коммуникативный акт» не фигурирует в трудах учёных-лингвистов и не имеет определения, что, по нашему мнению, является существенным академическим упущением.

Полифонический коммуникативный акт – одно из главных понятий в наше исследование, означающее способность языковой личности героя к порождению речемышлительной деятельности, характеризующейся относительной самостоятельностью логоса, его синхронностью и разнонаправленностью в пределах текстового континуума.

В процессе научных изысканий мы заметили, что паравербальная коммуникация – и часть полифонического коммуникативного акта, и самостоятельный, порой неопознанный, едва слышимый «голос», необходимый для полноценного понимания интенции говорящего.

Романы Ф.М. Достоевского – широкое поле для исследовательской деятельности лингвиста, а творческое наследие писателя – непрерывный диалог, в котором участвуют все герои, независимо от времени создания и жанра. Прежде чем начать разговор о межтекстовой коммуникации, следует остановиться на внутриктекстовой коммуникации.

Паравербальная коммуникация в текстах Ф.М. Достоевского – способ познания и себя, и другого («чужого голоса»), и мира в процессе общения героев одного текстового пространства. В этом заключается её основная, но далеко не единственная функция.

Проследим её функционирование на примере нескольких произведений.

Так, концентрация внимания собеседников по отношению к друг другу и предмету в речи в ключевых сценах романов зачастую передаётся паравербально. В «Преступлении и наказании» это репрезентуется:

1. Положением тел собеседников: Порфирий Петрович, желая придать своей речи большую убедительность, полностью наклоняется к Родиону Раскольникову, в то время как подозреваемый сторонится его и практически не садится на стул, чтобы быть иллюзорно «выше» оппонента.

2. Жестикуляцией: пристав неоднократно подмигивает убийце, тем самым сообщая, что он всё знает.

Например: «А коль так-с, то неужели вы бы сами решились – ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству – перешагнуть через препятствие-то? – он как-то вдруг *подмигнул ему левым глазом* и рассмеялся неслышно» [Достоевский 2017: 169].

3. Намеренным «вглядыванием» друг в друга: Порфирий пытается расположить Раскольникову, чтобы он примкнул к его «правде», но Родион не желает этого, защищаясь от него взглядом.

Сравним:

(1) «Вы всё лжёте, – проговорил он и *продолжал в упор смотреть на него*, говоря это, и вдруг опять беспредельная злоба блеснула в глазах его» [Достоевский 2017: 219].

(2) «Вам следует подать заявление в полицию, – сказал он, *ни разу не сводя с него глаз во всё время*» [Достоевский 2017: 159].

Примечательно, что в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» фразеологизмы и фразеологические единицы – репрезентанты паравербальной коммуникации с наиболее высокой частотностью употребления.

Например: «Пытливо и серьезно еще раз *обвел глазами* своих слушательниц» (Лев Мышкин – Аглая Епанчина) [Достоевский 2017: 511].

Например: «*Обвёл он* всех кругом недоверчиво» (Ипполит Терентьев – общество) [Достоевский 2017: 497].

Обычно они встречается в заключительных эпизодах: признаниях, разногласиях, откровенных разговорах.

Для речевого поведения героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» также характерно активное использование паравербальных средств коммуникации:

1. Взгляд как действие, направленное на объект: *вскинуть глазками, пристально смотреть* (Смердяков – Иван Карамазов); *сверкать глазами, впитаться глазами* (Иван Карамазов – Павел Смердяков).

2. Тон и тембр голоса: *тихий и смиренный тон, твёрдый и отдельный тон, раздражительный тон, злобный тон* (Иван Карамазов); *спокойный тон, тихий голос* (Павел Смердяков).

3. Мимика и жесты: *подмигивать левым глазом, прищуриваться, улыбаться* (Павел Смердяков); *перекошенное и дрогнувшее лицо* (Иван Карамазов).

В ходе анализа мы пришли к следующему выводу: паравербальная коммуникация в творческом наследии Ф.М. Достоевского представлена широко. Рассматривать её исключительно как вспомогательный инструмент было бы ошибочно, поскольку она выступает как один из «голосов», порой определяющих, но открытых к новому слову извне.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб.: Азбука, 2017. – 416 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. – М.: Флинта, 2009. – 384 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание романов в двух томах. Том 2. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1279 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2003. – 284 с.

COMMUNICATION AS A DOMINANT METHOD OF SELF-DISCOVERY

I.S. Karmazina

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. Dialogicity of speech is an idiostatic marker of F.M. Dostoevsky's literary texts, the characters of which are participants in polyphonic communicative acts. The article discusses the features of their generation and meaning.

Keywords: idiostatic marker, communicative acts, F.M. Dostoevsky.

УДК 81'37

Касьянова Л.Ю.

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОНОМИНАЦИЙ

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева
kaslyudmila@yandex.ru

Среди различных векторов исследовательского поиска Николая Фёдоровича Алефиренко, выдающегося ученого, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, юбилею которого посвящен международный симпозиум, особое место занимают когнитивные механизмы взаимодействия мысли и слова. Эта важнейшая научная проблема «удерживает на себе внимание интеллектуалов на протяжении нескольких эпох» [Алефиренко 2024: 40], оставаясь актуальной и в настоящее время. Именно поэтому ключевые вопросы корреляции ментальных и вербальных ресурсов речемышления, разрабатываемые представителями нескольких поколений научной школы под руководством Н.Ф. Алефиренко, послужили основой при определении исследовательской стратегии данной статьи.

В рамках избранного направления считаем целесообразным сосредоточить авторское внимание на происходящем расширении неологического сегмента языкового пространства, которое интенсивно осуществляется благодаря появлению, прежде всего, лексико-семантических инноваций, что, в свою очередь, детерминирует наше обращение к рассмотрению их когнитивного потенциала, реализующегося в лингвистических механизмах дискурсивной деятельности, которую в соответствии с ключевыми установками научной школы Н.Ф. Алефиренко мы рассматриваем в органичном единстве с комплексом определяющих факторов (прежде всего, социокультурных, коммуникативно-прагматических, психологических). В центр нашего исследовательского внимания, таким образом, попадает процесс обновления лексико-семантических ресурсов языка, рассматриваемый в когнитивно-дискурсивном ракурсе, что закономерно обеспечивает постижение своеобразия познавательного опыта современных носителей языка, речемыслительной специфики распознавания ими окружающей действительности.

В соответствии с вышеизложенным актуальность заявленной проблематики статьи определяется необходимостью научного осмысления активно осуществляющейся неологизации языкового пространства, вследствие чего значительные лексико-семантические ресурсы получают неологический статус, демонстрируя свой когнитивный потенциал. В контексте рассматриваемых вопросов представляется важным отметить, что неологизация понимается нами именно как когнитивно-дискурсивный процесс, характеризующийся обновлением лексико-семантической системы языка вследствие преобразования языкового сознания народа, трансформации его приоритетов в органичном сопряжении с когнитивно-прагматическими потребностями речемышления.

В развитие приведенного тезиса следует подчеркнуть, что появление лексико-семантических неониминаций определяется непрерывным познавательным процессом носителей языка, обусловленным их интеллектуальной и практической деятельностью. Образование лексико-семантических неониминаций фактически представляет собой результат постижения окружающей действительности, ключевую фазу дискурсивной адаптации номинируемых реалий обновляемого мира, их релевантных свойств, это своего рода реакция языка на социальный запрос в условиях когнитивно-дискурсивной интерпретации объективной реальности.

Ярким примером обновления окружающей действительности и необходимости ее постижения служит новое слово *бигданность* в значении 'состояние, когда огромные массивы данных не просто существуют, а являются определяющим, неотъемлемым фактором повседневности'. Новое гибридное слово, производное от англоязычного терминосочетания *Big Data* в рамках суффиксации на русской словообразовательной почве, стало активно использоваться в 2025-2026 гг. для описания новой реальности, в которой *Big Data* / *большие данные* пронизывают все сферы жизнедеятельности (государство, бизнес, быт и др.). Значение нового слова реализуется в контекстах типа: *«Переход от бигдаты к бигданности предполагает не только технологическое развитие, но и глубокие социальные, этические и культурные изменения»* (vs.ru, 8.04.2026). В данном контексте отражен переход от понимания простого сбора и хранения огромных объемов информации к их активному использованию в повседневной жизни для принятия автоматических решений. Причем если *бигдата* – это сами данные, то *бигданность* представляет собой результат их применения. Исходя из этого, когнитивный потенциал приведенных неониминаций обусловлен «индивидуальными знаниями, которые объективированы в новых словах» [Плотникова 2005: 73].

Стремление осмыслить возникновение лексико-семантических неониминаций в когнитивно-дискурсивной проекции имеет весомые основания, вследствие того что в неолексике отражено своеобразие познавательного опыта носителей языка, речемыслительная специфика распрямечивания ими реалий окружающей действительности. Такое утверждение базируется на актуальных подходах к осмыслению сути самой неологии, которая рассматривается «как наука о средствах и способах языковой фиксации и репрезентации нового опыта познания мира современным человеком» [Кубрякова 2004: 15]. В связи с этим ключевой исследовательский вектор в рамках неологии сосредоточен на синергии языка и сознания, что позволяет отображать различные структуры знаний, а также формы их существования в рамках концептосферы, представляющей собой «когнитивную среду, свойства которой изменяются в непрерывном пространстве сознания» [Алефиренко 2010: 19]. Соответственно её обновление рассматривается как результат ментальной проекции актуальных смысловых образований и закономерно обуславливается преобразованием картины мира, формирующей актуальную для социума совокупность новых представлений, восприятия и концептуализации реалий окружающей действительности.

К примеру, в систему новых представлений современного человека попадает концепция общественного транспорта будущего, разработка которой активно проводится в рамках федерального проекта «Развитие общественного транспорта». Ключевой элемент этой концепции – *нейробус*. Детальное описание инновации и реализация когнитивного потенциала номинирующей ее единицы представлены в современном медиадискурсе: *«Нейробус объединил в себе лучшее от автобуса, трамвая и поезда. Привод у него электрический, питание идет без верхнего провода и всего от одного рельса. Водителя нет: транспорт будущего полностью беспилотный»* (auto.ru, 6.03.2026); *«Салон полностью прозрачный и ориентирован на каждого пассажира: в нейробусе не будет привычных объявлений, человека проинформируют об остановках отдельно через плоские*

динамики в подголовниках. Сиденья должны регулироваться по высоте и подстраиваться под рост пассажира. Их можно будет поворачивать, чтобы люди сидели лицом друг к другу. Зимой сиденья подогреваются, а летом – охлаждаются. Для пассажиров с колясками предусмотрены широкие входные группы, а полы сделаны низкими» (Московские новости, 5.03.2026); **«Нейробус не требует обычных столбов с проводами – ему достаточно одного рельса, по которому он будет скользить, словно паря над землей»** (ria-stk.ru, 14.04.2026). Появление такого рода неониминации представляет собой результат работы сознания, способного «к опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в познаваемом мире» [Алефиренко 2004: 65].

Рассуждая о когнитивном потенциале лексико-семантических неониминаций, отметим, что стремительное изменение окружающего мира, разумеется, определяет и преобразование мировосприятия человека, в процессе которого трансформируются его ценности и происходит смена приоритетов. Вследствие этого осуществляется перекаатегоризация мира, вызывающая появление новых или преобразование существующих концептов, нуждающихся в вербализации. Логично, что все это становится существенным стимулом и наряду с этим ключевым условием неологизации.

Основываясь на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, считаем важным подчеркнуть, что неологизация предопределяется деятельностью природы сознания носителей языка. В связи с этим изучение специфики процессов языкового обновления подразумевает их экспликацию, осмысливаемую как развертывание, уточнение значения языковой единицы, посредством обращения к дискурсивно-ономасиологической деятельности, характеризующейся органичным сочетанием речевых, мыслительных и номинативных действий. В этом сущностно важном процессе человек, познавая или переосмысливая реалии языковой картины мира, является движущей силой лингвокреативной деятельности, результатом которой становятся лексико-семантические неониминации.

В доказательство приведенного выше утверждения обратимся к примерам. Так, в контексте новой политической и социально-экономической парадигмы наша страна внедрила практику взаиморасчетов в национальной валюте за поставки энергоресурсов и стала осуществлять экспорт газа и зерна за рубли. Вследствие этого по аналогии с устоявшимися в языке лексическими единицами *нефтедоллары* и *газодоллары*, на наш взгляд, преимущественно выражая альтернативное содержание в условиях снижения зависимости от западных финансовых систем и стремления к дедолларизации, использованию рубля в международных финансовых взаиморасчетах, появились лексические инновации *газорубль*, *нефтерубль*, *зернорубль*. Реализация их когнитивного потенциала в полной мере проявляется в современном медиадискурсе: **«Газорубль вместо нефтедоллара»** (ren.tv, 26.03.2022); **«Есть ли шансы у России создать газорубль, а может и то и другое вместе с нефтерублем. Сможет ли новое понятие стать не только инструментом для журналистов или финансовых аналитиков, а по-настоящему войти в мировую систему взаиморасчетов?»** (dzen.ru, 29.03.2022); **«Да здравствует газорубль! Новая мировая валюта – газорубль... Очень хочется верить, что после газорубля мы увидим нефтерубль»** (Военное обозрение, 23.03.2022); **«...зернорубль – возможен... Выглядит на первый взгляд как продолжение истории с газорублём»** (СнМИ, 30.03.2022); **«Зернорубль выходит на рынки»** (Эксперт, 22.05.2022). Употребление приведенных неониминаций способствует выражению национально-языковой специфики, демонстрирует их лингвокультурную ценность, обеспечивает соответствующий прагматический эффект. Сами же неониминации в экономико-политическом контексте «способны нести не только рациональную информацию, но и имплицитно выражать практически необозримый спектр человеческих эмоций, интегративно

представляя понимание и переживание человеком воспринимаемого мира» [Алефиренко 2011: 115].

Исследование лексико-семантических неониминаций с теоретико-методологических позиций когнитивно-дискурсивной неологии позволяет изучать их «как материал, отражающий акты осмысления мира и его освоения современным человеком и, конечно, раскрывающий нам особенности постижения мира сегодня» [Кубрякова 2004а: 9]. Разумеется, в процессе когнитивно-дискурсивного исследования лексико-семантических неониминаций необходимо учитывать совместное влияние всего комплекса факторов, определяющих образование новых слов и значений, потому что их формирование осуществляется в условиях нового отражения, переосмысления и зачастую нетипичной интерпретации действительности.

Так, освоение мира современных профессий, определяющее влияние новых общественных запросов, привело к появлению в дискурсивном пространстве множества профессионально маркированных лексических неониминаций, например: «**Мемолог** или **вайб-менеджер**: какие новые профессии придумал российский бизнес» (Forbes.ru, 7.08.2025); «От **мемелье** до **озонолога**: как на рынке труда появляются новые “зумерские” профессии» (www.vokrugsveta.ru, 10.10.2025); «**Авитолог**, **озонолог** и прочие **маркетплейслоги**. Такие специалисты занимаются выводом и продвижением товаров компании на торговых онлайн-площадках» (Российская газета, 15.10.2025). Подобного рода неониминации отражают современные ценности нового поколения, подтверждая ранее высказанную Н.Ф. Алефиренко мысль о способности языковых знаков выступать средством «для смыслопорождающей деятельности в процессе решения познавательных задач в целях дальнейшего освоения окружающего мира» [Алефиренко 2004: 64]. При этом когнитивный потенциал лексико-семантических инноваций неологического сегмента профессионального поля значителен, поскольку в современных условиях скорость изменений на рынке труда необычайно высока.

В контексте научной проблематики статьи следует затронуть и такой важный аспект, как действие продуктивных когнитивно-дискурсивных механизмов, запускающих сам процесс неологизации. Терминологическое сочетание *когнитивно-дискурсивный механизм* употребляется в данном случае как научная метафора, обозначающая тот или иной способ приведения в действие процесса образования лексико-семантической неониминации. Проведение научных изысканий в рамках неологического пространства русского языка различных временных срезов позволяет заключить, что к числу ключевых когнитивно-дискурсивных механизмов относится, прежде всего, когнитивно-деривационный, который соответственно запускает в действие процесс словообразовательной неологизации и используется как средство моделирования новых производных единиц номинации, принимающих участие в перекраивании сформировавшейся языковой картины мира.

Выделение когнитивно-деривационного механизма в качестве ведущего базируется на результатах проведенных нами исследований неологического знакообозначения появившихся фрагментов окружающего мира. Такое заключение основывается на том, что наиболее продуктивно когнитивно-дискурсивное кодирование новых знаний реализуется в структуре и семантике лексических неониминаций с использованием деривационного потенциала языка. Доказывая приведенный тезис, обратимся к зафиксированному неологическому материалу.

Как результат взаимодействия жизни и языка, когда в познаваемых фрагментах окружающего мира обнаруживаются их различные сущностные свойства, выступают так называемые ИИ-дериваты, появившиеся в третьем десятилетии XXI века в неологическом пространстве русского языка под влиянием

масштабного распространения технологий искусственного интеллекта: *ИИ-агент, ИИ-консультант, ИИ-репетитор, ИИ-эйчар, ИИ-эксперт, ИИ-аватар, ИИ-сериал, ИИ-музыка, ИИ-изоляция, ИИ-фейк, ИИ-фишинг* и мн. др. Данные образования имеют в своей структуре общий смысловой компонент ИИ (англ. AI), который приобрел релевантность в период стремительного формирования и продвижения технологий искусственного интеллекта. Такого рода неониминации отражают ход классификационно-познавательной деятельности людей, являются результатом работы сознания по установлению связей и отношений между предметами и явлениями действительности с помощью языковых средств.

Познание человеком реалий окружающей действительности детерминирует дальнейшее расширение ИИ-пространства, создание значительного количества неониминаций в рамках словообразовательной неологизации. ИИ-дериваты стали актуальными в современном неологическом пространстве и востребованными в речевой практике. Произошла своего рода ИИ-революция, в результате чего в неологическом пространстве русского языка сформировался целый пласт ИИ-дериватов, объективирующих в языковом сознании современного человека различные аспекты новой технологии и демонстрирующих результат классификационно-когнитивной деятельности в период интенсивного распространения реалий ИИ-сферы.

Аббревиатура *ИИ* стала мотивирующей базой для создания множества неониминаций в основном в рамках сложения. Есть все основания полагать, что состав ИИ-дериватов и в дальнейшем будет динамично расширяться за счет новых производных единиц, представляющих собой результат постоянной работы сознания человека, направленной на установление взаимосвязи между предметами и явлениями окружающего мира с использованием средств языка.

Исследуемые в статье неониминации, имеющие в своей структуре общий смысловой компонент, стали частотными в современном медиапространстве, где традиционно адаптируются новые языковые элементы. В медиатекстах различной тематической направленности активно употребляются ИИ-неониминации, демонстрирующие специфику новой технологии и отражающие процесс её распространения: «**ИИ-революция 2026: от мультимодальности к управлению роботами**» (РБК, 30.12.2025); «**Российский бизнес сможет строить корпоративную ИИ-инфраструктуру в одной экосистеме. В связи с этим VK Tech выделил ИИ-решения для бизнеса в отдельное направление...** Среди ключевых задач – создание корпоративной **ИИ-платформы** и усиление **ИИ-функциональности** продуктов компании» (lenta.ru, 7.04.2026); «Ученые Института AIRI, Университета Иннополис и ИТМО создали систему **ИИ-агентов**, которой нужно поставить задачу, и она полностью проведет исследование» (РБК, 8.04.2026); «Российские ученые разработали **ИИ-исследователя**» (dzen.ru, 10.04.2026); «Песни **ИИ-исполнителей** дошли до такого уровня, что их становится сложно отличить от настоящих» (lenta.ru, 24.04.2026); «**ИИ-“дочка” “Софтлайна”** запланировала IPO до конца года» (РБК, 6.10.2025).

В приведенных выше неониминациях закрепляется новый опыт постижения действительности, поскольку они актуализируют значимые фрагменты обновляемой картины мира, отражая классификационно-когнитивную деятельность современного человека. Такие единицы появились в неологическом пространстве языка как результат развития технологической сферы, которая активно расширяется за счет неониминаций, к примеру: *нейроартист, нейрохудожник, нейрокоуч, нейрокомментинг*. Они появляются в результате ментального освоения новых фрагментов окружающего мира и своей словообразовательной структурой выделяют предмет когниции и его атрибут. Подобным неониминациям свойственна семантическая двуплановость, формирующаяся за счет номинативной значимости

ономасиологического базиса и ономасиологического признака, что в сложных неодериватах передается соответственно первой и второй производящими основами.

Раскрывая когнитивный потенциал неониминаций, отметим, что наиболее заметно связь мысли и слова демонстрируют так называемые «инговые» производные. Прежде всего, речь идет о единицах, образованных от русских мотивирующих основ (чаще всего имен существительных конкретной семантики) с помощью форманта *-инг*, вносящего «процессуально-событийное значение» [Михайлова 2025: 765]. Например: *избинг*, *деревнинг*, *монастыринг*, *болотинг*, *квартиринг*, *каморкинг* и мн. др. Следует отметить, что эти слова образованы «для наиболее меткой, точной и выразительной экспликации мыслей и переживаемых эмоций автора» [Алефиренко 2024: 39], а сам акт неониминации характеризуется в данном случае как динамический процесс, отражающий креативную работу языкового сознания. Причем «наиболее ярко креативные способности языковой личности проявляются в словотворчестве» [Плотникова 2005: 70]. Сохраняя свою окказиональную природу, такого рода единицы отличаются экспрессивностью, выразительностью, частотностью в активной речевой деятельности наших современников.

Анализ неологического пространства языка позволяет выделить доминантные тематические зоны, в пределах которых фиксируется активное использование «инговых» дериватов. В основном такие неониминации процессуального характера формируют тематическую группу «туризм». К примеру: «*В Москве набирает популярность новый вид отдыха – **болотинг**. Среди москвичей продолжается мода на экологичность и возвращение к истокам. Первой ласточкой этого увлечения несколько лет назад стал **избинг** – отдых в русских избах, затем **монастыринг** – отдых в монастыре...*» (Российская газета, 17.11.2024); «***Болотинг**: почему москвичей все чаще привлекают модные прогулки по трясинам. Узнали у любителей такого вида туризма, что они ищут на просторах болот и от чего спасаются*» (Московские новости, 5.11.2024); «*В Москве развернулся квартирный туризм. **Квартирингом** называют ситуацию, при которой клиенты договариваются о просмотре жилплощади не ради покупки, а с целью экскурсии. Нередко **квартирингом** промышляют любопытные соседи*» (lenta.ru, 29.05.2025). Безусловно, приведенные неодериваты в полной мере отражают творческие возможности индивида, «соответствуют требованиям определенного коммуникативного акта и отражают познавательную деятельность человека» [Плотникова 2005: 70].

Обращает на себя внимание тот факт, что при включении неониминаций в медиатекст зачастую требуется пояснение ситуации: «***Болотинг** – относительно новое направление экотуризма. Это пешие прогулки по диким трясинам под руководством опытного проводника. Небольшая группа вместе с гидом выезжает за пределы города на топи, чтобы испытать их на прочность, а заодно проверить свою выносливость – как физическую, так и эмоциональную...*» (Московские новости, 5.11.2024); «*На столичном рынке недвижимости новый тренд – “**каморкинг**”. Москвичи вместе с квартирами приобретают в элитных жилых комплексах кладовки, а потом перепродают их для свободного пользования. Как правило, это помещения с отделкой, освещением и базовой меблировкой. Однако некоторые собственники делают полноценный ремонт и предлагают купить кладовую в качестве жилого объекта*» (Коммерсант, 25.12.2024). Благодаря развернутому пояснению происходит развитие содержания посредством его подробной детализации, что способствует отражению в языковом сознании номинируемых явлений окружающей действительности.

Таким образом, исследование когнитивного потенциала лексико-семантических неониминаций неразрывно связано с процессами познания человеком окружающей действительности, что детерминирует внутреннюю

мотивацию процесса вербализации продуктов познания, осуществляющейся в дискурсивной деятельности.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Речемыслительная синергия дискурса. – М.: ФЛИНТА, 2023. – 183 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №8 (490). – С. 39–48.
3. Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. – 2011. – №1 (23). – С. 114–119.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: ФЛИНТА, 2010. – 288 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
6. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
7. Кубрякова Е.С. Лингвистическая сущность номинации: когнитивно-семиотические характеристики // *Nowe srodki nominacji jezykowej w nowej Europie. Materialy VII Miedzynarodowej Konferencji Naukowej.* – Szczecin, 2004. – С. 15–20.
8. Кубрякова Е.С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы. – М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004а. – Т. 1. – С. 9–16.
9. Михайлова О.А. Неодериваты с формантом -инг в современной русской речи / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2025. – Т. 35. – Вып 4. – С.765–774.
10. Плотникова Л.И. Коммуникативно-когнитивный подход к исследованию новых слов на этапах их порождения, функционирования и языкового закрепления // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3 (006). – С. 70–75.

COGNITIVE POTENTIAL OF LEXICAL-SEMANTIC NEONOMINATIONS

L.Y. Kasyanova

Russia, Astrakhan, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Abstract. The article is devoted to the study of the cognitive potential of lexical-semantic neologisms. The author's attention is focused on the ongoing expansion of the neological segment of the linguistic space. In this regard, the research focuses on the process of neologization of lexical-semantic resources. It is argued that the cognitive potential of neologisms is realized in the linguistic mechanisms of discursive activity, which is considered in organic unity with a complex of sociocultural and communicative-pragmatic factors. The focus of research is on the process of updating the lexical and semantic resources of the language, which is viewed from a cognitive and discursive perspective, allowing for an understanding of the unique cognitive experience of modern language users and the specific way they perceive the world around them.

Keywords: neologism, cognitive potential, discourse.

Кузнецова Т.Н.
**МИНИМИЗАЦИЯ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ СМЫСЛОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ**

Россия, г. Челябинск, Институт Высшей школы государственного управления
Президентской Академии
tktrener@mail.ru

В профессиональном общении особую актуальность приобретает проблема коммуникативных рисков, понимаемых как вероятность нарушения ожидаемого коммуникативного эффекта, возникновения недопонимания, конфликта или искажения смысла в процессе речевого взаимодействия. Коммуникативный риск возникает в ситуациях, когда выбор языковых средств, стратегий или форм дискурсивного поведения не соответствует ожиданиям адресата либо институциональным и социокультурным нормам коммуникации.

В рамках деятельностного подхода к языку и общению коммуникативные риски рассматриваются через призму целенаправленной речевой деятельности. Так, А.А. Леонтьев трактует общение как форму деятельности, ориентированную на другого человека и реализуемую через речевые действия, что позволяет понимать язык не как нейтральный код, а как инструмент организации коммуникативного процесса. В этом контексте речевые акты выступают носителями как коммуникативных, так и познавательных целей, а их анализ позволяет выявлять потенциальные источники нежелательных высказываний и риска недопонимания [Леонтьев 1974]. Данный подход получает развитие в психолингвистических исследованиях прикладного характера. Как подчеркивает Е.В. Харченко, «одной из задач психолингвистики на современном этапе можно считать моделирование эффективного речевого поведения профессиональных коммуникаторов, то есть выявление оптимальных вариантов на каждом этапе деятельности. Для моделирования необходимо на первом этапе работы собрать и проанализировать бытующие удачные и неудачные речевые конструкции (типичные и нетипичные для конкретной сферы деятельности)» [Харченко 2003: 7].

С позиций дискурсивного анализа профессиональная коммуникация характеризуется устойчивыми параметрами, влияющими на выбор речевых моделей. По наблюдению Е.И. Головановой, она отличается «надситуативными целями, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью коммуникативных ситуаций» [Голованова 2001: 33], что обуславливает высокую степень типизации речевого поведения. В этих условиях выбор языковых средств напрямую соотносится с инструментальными задачами деятельности и сопряжен с потенциальными коммуникативными рисками, включая вероятность возникновения нежелательных высказываний.

В психолингвистике разграничиваются понятия коммуникативного риска и коммуникативной неудачи, что позволяет более точно описывать динамику речевого взаимодействия. Коммуникативный риск понимается как потенциальная возможность получения незапланированного результата вследствие рискованного речевого действия, тогда как коммуникативная неудача представляет собой реализованный сбой коммуникации. Б.Ю. Городецкий определяет коммуникативную неудачу как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т. е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» [Городецкий 1985: 69].

Одним из частных проявлений коммуникативного риска выступают нежелательные высказывания – речевые модели, которые независимо от намерений

говорящего способны вызывать у адресата негативные интерпретации, эмоциональное напряжение или сопротивление. В профессиональной среде подобные высказывания могут приводить к снижению эффективности взаимодействия, искажению передаваемой информации и формированию конфликтных ситуаций.

Профессиональное речевое взаимодействие строится на основе речевой ситуации и речевого поведения участников, рассматриваемых как обобщенная модель условий коммуникации и одновременно как конкретная языковая деятельность, реализуемая через социальные, профессиональные и культурные роли [Моисеева 2021: 9]. Социальный и профессиональный опыт участников, их статус и групповая принадлежность определяют, какие речевые действия воспринимаются как адекватные, а какие – как потенциально рискованные или вызывающие нежелательные интерпретации [Питина 2021].

Дополнительное объяснение механизмов возникновения коммуникативных рисков дает когнитивная лингвистика, в рамках которой общение рассматривается как целостный, социально и когнитивно обусловленный процесс. Речевая организация в этом подходе понимается как динамическая система, непрерывно модифицирующаяся во взаимодействии с социальным и профессиональным контекстом, интегрированная с когнитивными процессами и подверженная временным изменениям. Такая трактовка позволяет учитывать вариативность речевого поведения и прогнозировать появление нежелательных высказываний [Колмогорова 2021].

Особую роль в актуализации коммуникативных рисков играет эмоциональный фактор. Состояние участников профессионального общения существенно влияет на интерпретацию высказываний: в условиях напряжения даже нейтральные формулировки могут восприниматься как давление, недоброжелательность или нарушение профессионального этикета. В этой связи анализ профессиональной речи требует учета оценочного компонента высказываний, отражающего отношение говорящего и его воспринимаемую позицию. В этой связи обращение к анализу типизированных речевых практик представляется закономерным продолжением данного подхода. Анализ таких устойчивых профессиональных речевых моделей позволяет выявлять потенциальные источники нежелательных высказываний и снижать коммуникативные риски в деловом взаимодействии [Хакимова 2024].

Дальнейшая детализация данного подхода предполагает переход от уровня речевых моделей к уровню конкретных языковых средств их реализации. В этом контексте особую значимость приобретает выявление лингвистических маркеров, через которые проявляются нежелательные высказывания.

Лингвистические маркеры нежелательных высказываний

Анализ лингвистических маркеров – высказываний, способных блокировать диалог, снижать доверие и усиливать напряжение – позволяет выявить механизмы формирования речевых моделей, провоцирующих Их анализ позволяет выявить механизмы формирования речевых моделей, провоцирующих неблагоприятные интерпретации, и тем самым создает основу для разработки рекомендаций по минимизации коммуникативных сбоев в профессиональной среде. В этой логике исследование конкретных языковых средств, через которые реализуются нежелательные высказывания, приобретает ключевое значение для понимания двойственной природы профессиональных речевых моделей: с одной стороны, они могут обеспечивать эффективное взаимодействие, с другой – становиться источником недопонимания и конфликтов.

Сопоставительный анализ показывает, что сходные типы лингвистических маркеров и соответствующие им нежелательные интерпретации реализуются в разных языковых системах, что позволяет рассматривать данные речевые модели не

как специфические для отдельной культуры, а как отражающие более общие закономерности профессиональной коммуникации. Использование англоязычных примеров в данном случае носит иллюстративный характер и служит дополнительным подтверждением воспроизводимости выявленных эффектов в межкультурной среде.

К числу наиболее типичных лингвистических маркеров относятся следующие группы.

- Отрицательные конструкции *не можем // нельзя // cannot // can't* создают ощущение барьера и закрывают возможность обсуждения.

- Модальность долженствования *вы должны были // you should have* смещает ответственность на адресата и вызывает сопротивление. Схожим воздействием обладают директивные формы *успокойтесь // подождите // calm down // wait*, воспринимаемые как давление.

- Конструкции дистанцирования *это не моя работа // this is not my job // that's not my responsibility* сигнализируют об отказе от участия.

- Формулы некомпетентности *я не знаю // I don't know* подрывают доверие при отсутствии продолжения, а конфронтационные оценки *вы ошибаетесь // вы не правы // you are wrong* повышают вероятность конфликта.

- Категорические высказывания *это невозможно мы ничего не можем сделать // that's impossible // there's nothing we can do* блокируют поиск решения и фактически завершают диалог.

Таким образом, указанные лингвистические маркеры формируют у адресата ощущение отказа, давления или безразличия, что снижает доверие и повышает вероятность конфликтной реакции. Сравнительный анализ показывает, что в русском и английском профессиональном дискурсе встречаются сходные конструкции, вызывающие аналогичные когнитивно-эмоциональные реакции и функционирующие схожим образом, независимо от языковой среды. Такой кросс-лингвистический анализ позволяет рассматривать эти речевые паттерны как универсальные триггеры нежелательных интерпретаций и эмоционального напряжения в различных языковых и культурных контекстах.

Речевые стратегии минимизации нежелательных смыслов

В этой связи ключевая задача профессиональной коммуникации заключается не только в исключении конфликтогенных высказываний, но и в их системной трансформации в альтернативные речевые модели с минимальным коммуникативным риском или полностью нейтральные.

Прежде всего, эффективная речевая регуляция предполагает смещение фокуса с ограничения на возможность. Вместо прямых отрицаний *мы не можем // это невозможно // we can't do that // that's impossible* используются конструктивные альтернативы, акцентирующие доступные решения или дальнейшие действия: *мы можем предложить следующий вариант // давайте посмотрим, что можно сделать // we can offer the following option // let's see what we can do*.

Существенную роль играет перераспределение ответственности в коммуникации. Вместо обвинительных конструкций *вы неправильно сделали // you did it wrong* используются формулировки, ориентированные на уточнение и совместное решение: *давайте уточним // похоже, здесь возникла неточность // let's clarify this // it seems there might be an inaccuracy*. Такие выражения снижают защитную реакцию, стимулируют диалог и поддерживают эффективное взаимодействие.

Не менее важна демонстрация включенности и ответственности за процесс решения. Конструкции дистанцирования *это не моя работа // that's not my job* заменяются формулировками, подчеркивающими участие сотрудника: *давайте я помогу разобраться // сейчас проверю информацию // I'll check this for you, I'll help you // let me verify this for you*.

Отдельное внимание следует уделять поддержанию эмпатического компонента коммуникации. Признание значимости ситуации клиента *понимаю, что это может быть неудобно // вижу, что ситуация вызывает вопросы // I understand this may be inconvenient // I see why this might be concerning* снижает эмоциональное напряжение и способствует формированию позитивного взаимодействия.

Даже в случае отсутствия немедленного решения формулировка *я не знаю I don't know* должна быть дополнена *я уточню и вернусь с ответом // I'll check and get back to you*, чтобы сохранить доверие собеседника.

Минимизация нежелательных смыслов в профессиональной коммуникации достигается через системное применение речевых стратегий, направленных на снижение негативных интерпретаций и поддержание конструктивного диалога. Аналогичные трансформации высказываний показывают сопоставимый эффект как в русскоязычной, так и в англоязычной профессиональной практике. В обеих языковых системах негативные высказывания характеризуются использованием отрицательных конструкций, директивных форм и модальных выражений долженствования. Такие языковые средства формируют у адресата восприятие отказа в помощи или обвинения в возникшей проблеме.

Выводы

Анализ профессиональных речевых моделей показывает, что их двойственная природа заключается в способности одновременно обеспечивать эффективное взаимодействие и создавать риски недопонимания и конфликтов. Особое значение приобретают конкретные языковые средства, через которые проявляются нежелательные высказывания, включая отрицания, директивные формы, конструкции дистанцирования, выражения некомпетентности и категорические формулировки.

Сопоставительный анализ русского и английского дискурса подтверждает универсальность этих механизмов воздействия, демонстрируя схожие когнитивно-эмоциональные реакции адресатов в разных языковых и культурных контекстах.

Минимизация негативных интерпретаций достигается через системное применение речевых стратегий, включающих смещение фокуса с ограничения на возможности, перераспределение ответственности, демонстрацию включенности и поддержание эмпатии. Вместо прямых отрицаний, обвинений или дистанцирования применяются альтернативные формулировки, акцентирующие решение задачи, совместное уточнение и поддержку.

Системная трансформация конфликтогенных формул в безопасные и поддерживающие высказывания позволяет профессионалам минимизировать коммуникативные риски, предотвращать недопонимание и конфликтные ситуации, создавая условия для эффективного и этичного взаимодействия.

Литература

1. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №1 (292). – С. 30–35.
2. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сборник статей. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 64–78.
3. Колмогорова А.В. Классификация экологических подходов к языку // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021а. – № 1. – С. 181–201.
4. Кошкарлова Н.Н. Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка) / Н.Н. Кошкарлова, Е.М. Истомина //

Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2023. – Вып. 3 (227). – С. 7–14.

5. Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность. – М.: Педагогика, 1974. – 400 с.

6. Моисеева И.Ю. Речевое поведение в профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: учебное пособие / И.Ю. Моисеева, Е.А. Мельникова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». – Оренбург: ОГУ, 2021. – 113 с.

7. Питина С.А. Коммуникативный диссонанс в обращениях // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XIV Международной научной конференции, посвященной памяти Валерия Степановича Борисова, в 3 ч. Ч. 1. – М., Коломна: Московский педагогический государственный университет, 2021. – С. 81–83.

8. Хакимова Е.М. Дискурсивные механизмы коммуникативного партнерства при популяризации лингвистического знания // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 86–95.

9. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.

MINIMIZING UNDESIRE MEANINGS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

T.N. Kuznetsova

Russia, Chelyabinsk, Institute of Higher School of Public Administration of the Presidential Academy

Annotation. The article is devoted to the psycholinguistic analysis of undesirable statements in professional communication and the development of strategies to minimize them. Linguistic markers perceived by the addressee as manifestations of rejection, pressure or indifference, as well as their cognitive and emotional impact on the communication process, are considered.

Special attention is paid to ways to reduce the risk of undesirable meanings, including the use of constructive alternatives, reducing categorical statements, redistributing responsibility and maintaining empathy in professional interaction.

To ensure the universality of the proposed approach, examples in Russian and English are provided, which demonstrates the comparability of speech patterns and the possibility of applying recommendations in an intercultural and multilingual professional environment.

Keywords: undesirable utterances, linguistic markers, professional communication, communicative risks.

УДК 81'373

Мельникова Ю.Н.¹, Скокова Т.Н.²

АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

^{1, 2} Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹ melnikova@bsuedu.ru

² skokova@bsuedu.ru

Введение. Теории дискурса (его измерения и применения), включая концепции художественного дискурса, охватывают исследование вопросов категоризации сложных взаимосвязей в дискурсивном пространстве, оценку и классификацию концептуально воспринимаемых явлений, определение границ, создание коннотаций и приписывание им символических значений. «Der Diskurs

widerspiegelt so das Wissen über ein Thema einschließlich der gesellschaftlichen Perspektiven, Normen, Interessen und Machtverhältnisse. Dabei weist der Diskurs historisch und sozial bedingte, inhaltliche und formale Strukturen auf, bestimmte Muster der kommunikativen Praxis, welche sich in den einzelnen Texten, die ihm zugeordnet werden können, niederschlagen» [Luginbühl 2004: 290]. Все эти разнообразные дискурсивные процессы способствуют формированию лингвистического объекта реальности, рассматриваемого нами как системное образование, включающее такие компоненты, как: элемент и отношение (основные концептуальные уровни), смысл. Элемент – это часть языкового единства, которая при определенной познавательной потребности принимается субъектом познания, и, опираясь на общую теорию систем, может быть представлена как «минимально неделимое целое и которая обладает определенными взаимоотношениями с другими частями с ее окружением (средой), образующими в совместном взаимодействии рассматриваемый глобальный эффект» [Карташев 1995: 296]. Определяющим **результатом** («эффектом») изучения базисных концептуальных измерений дискурса в представленном исследовании является моделирование процесса смыслообразования, отражающего функционирование этнического языкового сознания. Christian Le Bart (1998) выделял ряд субстанциональных принципов и характерных для дискурса «топосов», важнейшим из которых является работа по воссозданию объективной реальности посредством ее языкового конституирования. Этническая картина мира представляет собой систему мировоззрения, включающую культурную традицию в сфере ценностных ориентаций. Прилагательное «*этнический*» означает принадлежащий к группе людей, связанных историческими и культурными общностями, характерными для определенного народа. (Ср: 1. in Bezug, mit Hinblick auf Grund von Abstammung, Sprache oder Volkszugehörigkeit, für ein bestimmtes Volk charakteristisch, 2. einem bestimmten Volk eigen, zugehörig [ethnisch]. Термин появляется у Парацельса (1530-е годы). В обиход это прилагательное вошло в XIX веке благодаря историческим исследованиям, в частности, в развивающейся области этнологии и происходит от греческого *ethnikós* «принадлежащий к (иностранному) народу», которое, в свою очередь, происходит от греческого *éthnos* («община, отряд, племя, народ») [ethnos]. Ассоциативный (от лат. *associare* присоединять) имеет значение «основанный на ассоциации, напр., а-ое мышление» [Романова 2022: 27]. Ассоциация в словаре Duden определяется как: 1) причинно-следственная связь между идеями («ursächliche Verknüpfung von Vorstellungen»; 2. цепочка мыслей («eine Gedankenkette»); ассоциативный – соединяющий, объединяющий («verbindet, vereinigend») [Duden 2011: 186] Отношение – это внутренняя согласованность, взаимная связь («innerer Zusammenhang, wechselseitiges Verhältnis») [Duden 2011: 312]. В психологии некоторые авторы, например, А.И. Назаров и др., считают, что ассоциативный ряд строится не по законам семантического сходства или совпадения во времени двух или нескольких событий, а «представляет собой результат умственного манипулирования образом, который активируется названием темы и создаётся в релевантном ей жизненном опыте индивида» [Назаров 2013: 43]. В лингвистике ассоциативные отношения Ф. де Соссюр (1977) обозначает как отношения между произнесенной лексической единицей и латентными единицами, присутствующими в памяти, но не произнесенными вслух. А.А. Залевская называет универсальный механизм ассоциирования «основополагающей характеристикой самой возможности формирования и функционирования» знания [Залевская 2005: 286]. С целью реконструкции роли организующих картину мира ассоциативных отношений и объективации способов передачи национально-культурных особенностей, в частности, немецкого народа, выбрано произведение «Tyl Ulenspiegel» из книги «Deutsche Volksbücher». Заметим, что этот сборник шванков о Тиле Уленшпигеле оставил глубокий отпечаток в европейской литературе целого ряда веков и занимает

существенное место среди народных книг, содержание которых характеризуется как обличительно-комическое. Статья продолжает цикл наших публикаций, **научная новизна** которых усматривается в дальнейшем расширении перспектив изучения механизмов проникновения в сущность языковых процессов с помощью лингвокогнитивного моделирования для восприятия процессов порождения смысла в дискурсе на базе отношений тождества, включения, принадлежности и др. [см. работы: Скокова 2025: 54–59; Скокова 2024: 22–27; Воронина 2025: 10–21]. «Лингвокогнитивный» означает смысловую, регулярную (системную, не одномоментную) соотнесенность когнитивного и языкового; системная когерентность – это функциональная, динамичная, многоуровневая и полиэлементная система соотнесения знаний и их объективации в языковых знаках, система закономерностей их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти» [Скокова 2014: 11]. Данное исследование осуществляется с использованием **когнитивно-научного метода**, который развивается в рамках направления, получившего название *Discourse Processing*. Использование такого метода имеет целью изучение взаимосвязей ментальных операций при языковой переработке информации. При восприятии контекста информация перерабатывается на ступенях различной сложности: от восприятия слов через понимание отдельных синтагматических конструкций, предложений и их последовательности до системного представления имеющегося в дискурсе смысла.

Основная часть. Е. Говсиевич в работе «Литературоведческие статьи, обзоры, извлечения» приводит следующие положения К. Паустовского о литературном творчестве: «Есть некий закон – закон ассоциаций, или, как называл его Ломоносов, «закон совоображения», который хаос воспоминаний распределяет по сходству или по близости во времени и пространстве – иначе говоря, обобщает – и вытягивает в непрерывную последовательную цепь. Эта цепь ассоциаций – путеводная нить воображения» [Говсиевич]. Основными «ассоциирующими» в произведении «Tyl Ulenspiegel» является пропозициональный код VERNUNFT, включающий следующие составляющие: *geistiges Vermögen, Erkennung der Zusammenhänge, sinnvolles und zweckmäßiges Verhalten, Verstand, Verständnis, Klugheit, richtiges Auffassen, Begreifen*. Внутренне ассоциативно согласованными с перечисленными ментальными образами выступают лингвокогнитивные структуры:

в части 15 [Tyl Ulenspiegel 1979: 27–28], где Уленшпигель выдал себя за лекаря и лечил доктора, состоящего при епископе Магдебургском: *man solle sich nicht um Narren kümmern; der Weise würde töricht bei Toren; einer wird wohl durch Narren klug gemacht; niemand ist so weise, dass er nicht auch Toren kennen sollte; und wenn nirgendwo ein Narr wäre, woran sollte man dann die Weisen erkennen?*);

в части 14 [Tyl Ulenspiegel 1979: 24], где герой обещает полет с крыши, собрав на рынке и молодых, и пожилых: *ich meinte, es gäbe keinen Toren oder Narren in der Welt außer mir; hier ist die ganze Stadt voller Toren; ihr glaubt mir, einem Toren; wie sollte ich fliegen können; er ist auch ein Schalksnarr, so hat er dennoch wahr gesagt*;

в истории 27 [Tyl Ulenspiegel 1979: 42–47], где Тиль, не будучи художником, «рисовал» невидимую картину для тех, кто родился вне брака, но не смел бы признаться в этом: *wer nicht ehelich geboren sei, könne seine Arbeit nicht sehen; wenn die Toren die Wahrheit sagen, so muss ich wahrlich wandern*. Анализ приведенных и множества других примеров показывает, что первостепенным базисным концептуальным параметром анализируемого художественного дискурса является элемент, который можно обозначить как «*торжество свободного ума*». Ассоциативное восприятие этого элемента транслирует следующий смысл: разум – это не только интеллектуальная способность действовать осмысленным и уместным образом, не только понимание и проницательность, но и то, что как раз Ф. Ницше называл «свободным умом» [см.: Ницше 1998: 263–280]. Это тот, кто мыслит по-другому, чем от него ждут в соответствии с его происхождением, сословием, он

рушит устаревшие стереотипы мышления. Именно такой «ум» открывает возможные пути для продвижения вперед, воплощает народную мудрость, темперамент и сообразительность.

Еще одно «ассоциирующее» GLEICHBERECHTIGTSEIN, связанное с таким «ассоциируемым», как: rechtliche Gleichstellung aller Personen. Приведем примеры из разных отрывков произведения:

в истории 78 [Tyl Ulenspiegel 1979:129–130]: *wo der Wirt ein Schalk ist, da haben es die Gäste nicht gut; du musst den Schalk mit einem Schalk bezahlen;*

в истории 77 [Tyl Ulenspiegel 1979: 127]: *er verabscheute jedoch die Spielleute; er betrachtete (Ulenspiegel) als Gaukler und Spielmann; bin ich ein Gaukler, so sollte ich ihm die Gaukelei beweisen; ihn ärgerte doch, dass der Mann ihn so verschmäht hatte.*

Ассоциативное отношение в дискурсе раскрывает особое образное видение явлений, в том числе, связанных, как следует из текстов, с пониманием равенства. Ср. высказывание героя в истории 22: «*Was jedermanns Recht ist, das nimmt man ihm gern*» [Tyl Ulenspiegel 1979: 37]. «Равность» – это также базисный концептуальный параметр данного дискурса. Тиль находился на низшей ступени социального статуса, но не мог мириться с тем, что это позволяло богачам, ландграфам, раболепствующей придворной знати, алчным, нарушающим тайну исповеди, служителям церкви унижать его человеческое достоинство. Продуцируемый смысл состоит в том, что, бросая вызов обществу, индивидуум олицетворяет связь между его состоянием как представителя этнокультурной общности и его потребностью в признании в нем человека, имеющего индивидуальную социально-духовную значимость, абсолютную ценность.

Равность предполагает отрицание насилия. Тиль был не знающим устали, дерзким, озорным бродягой, не подчинявшимся насилию и власти имущих. Цепь ассоциаций с «ассоциирующим» GEWALT в рассматриваемом художественном дискурсе состоит из нескольких звеньев: Macht, Fähigkeit etw. zu beeinflussen, zu lenken, zu dominieren; Zwang, Strenge, rücksichtsloses Durchsetzungsvermögen; Kraft; gewaltsame Ausschreitung. Ассоциативно когерентными с перечисленными ментальными образами выступают, например, лингвокогнитивные структуры в разделе 78, в котором рассказывается о том, как Тиль наказал хозяина постоянного двора, проявившего безжалостную напористость в отношении постояльцев [Tyl Ulenspiegel 1979:129-132]: *über j-n spotten; es sei eine Schande; j-n verächtlich behandeln; sich das Gespött anhören; das Gespött würde kein Ende haben; an dem Wirt Vergeltung üben* и др. Приведенный пример и другие являются основанием полагать, что ассоциативное отношение со своими двумя полюсами является базисом выявления такого структурного элемента дискурса, как «индивидуальный произвол». Р.Г. Апресян усматривал в установлении предела индивидуальному произволу смысл справедливости: «Принцип справедливости направлен против эгоистических мотивов и призван удержать человека от причинения другому вреда, страдания. Принцип справедливости требует уважать права другого человека и, значит, не посягать на чужую личность и ее собственность. Посягательство на личность заключается в нанесении ей вреда, не только материального, но и морального – причинением огорчения и не обоснованного беспокойства, выражением подозрения, нанесением оскорбления или клеветой» [Апресян 2010:144].

Конечно, Уленшпигель не всегда был альтруистом в своих поступках. Ему характерно также мышление и действие, часто руководствующееся собственной выгодой. Объектом, вызывающий такие ассоциации, как: Denken oder Handeln, das überwiegend vom eigenen Nutzen, Vorteil geleitet wird; Vorteil, Nutzen für die eigene Person oder Gruppe, является EIGENNUTZ. Вспомним содержание истории 21, в которой рассказывается о том, что Уленшпигель всю жизнь избегал некоторых вещей, одной из которых было то, что он неохотно останавливался на постоялом

дворе, если хозяином там был какой-нибудь пожилой человек, потому что он обыкновенно оказывался простаком и бездумно терял свое добро: *nicht auf sein Gut achten; gewöhnlich ein Tor sein* [Tyl Ulenspiegel 1979: 37]. Для Уленшпигеля там не находилось общества и денег, чтобы извлечь выгоду. В рассказе 31 [Tyl Ulenspiegel 1979: 51–53] употребляются следующие лингвокогнитивные конструкции: *seine Schalkheit wurde in allen Landen bekannt; sein Erwerb blieb aus; er sollte was treiben, um mit Müßiggang Geld zu erwerben*. С одной стороны, мы наблюдаем иллюстрацию из жизни дореформационной Германии, когда по стране бродили плуты и шарлатаны, пользовавшиеся с выгодой для себя доверчивостью людей. С другой, ментальные образы создают новый контекст на базе ассоциативного отношения, позволяющего не только определить непосредственно концептуальные структуры рассматриваемого художественного дискурса, но и увидеть очертания этнокультурной картины мира того времени. Таким элементом, на наш взгляд, является «осмысленная работа» и ее ценность в наполненности индивидуальным смыслом (см., например, истории 23, 29, 36, 41 и др.). Тиль включается в неё, не нарушая свою свободу, а даже наоборот, эта работа позволяет осуществлять его представления о независимости, не мешает сфере его понимания того, что он считает полезным или необходимым для торжества «свободного ума», достижения «равности» и преодоления «произвола».

Заключение.

1. Реляционная модель анализа рассматриваемого художественного дискурса может быть представлена в следующем виде:

объект, вызывающий ассоциацию или знания, которые хранятся в памяти («пропозициональный код» или «ассоциирующее») → ассоциативное отношение, служащее связывающим элементом между «ассоциирующим» и мыслительным образом («ассоциируемым») – тем, что связано или соединено с другим объектом, идеей или понятием, вызываемым в сознании реципиента с помощью лингвокогнитивных моделей аргументации, → смысл как синтез новых образов и результат ассоциативного осмысления этнической картины мира – необходимого основания для формирования в дальнейшем ценностных ориентиров.

2. Реконструкция сложного концептуального целого завершается построением законченных смысловых форм представления сущности художественного дискурса как системы в виде определённого знания, а система порождаемых смыслов является содержательной основой этноязыкового сознания (об этом см. работы Н.Ф. Алефиренко, Э. Кассирера, М. Мюллера, А.А. Потебни, Ф. Шеллинга и др.).

3. Основными «ассоциирующими» в произведении «Tyl Ulenspiegel» являются: пропозициональные коды VERNUNFT, GLEICHBERECHTIGTSEIN, GEWALT, EIGENNUTZ, вызывающие ментальные образы, базисом которых являются ассоциативные отношения. Ассоциативно когерентными с ментальными образами выступают лингвокогнитивные структуры.

4. Смысл, который представляет собой результат многослойных ассоциативных отношений между элементами анализируемого концептуального целого, состоит в констатации того, что проделки Уленшпигеля обладали взрывоопасной силой. бросали вызов и расшатывали устои мира с его социальной несправедливостью.

5. Выявленные смыслы, в основе которых лежат ассоциативные отношения, коррелируют с положениями, выраженными в работе Д. Роулса, который писал, что «общество тогда хорошо организовано, когда оно не только создано для предоставления благ людям, но и когда оно эффективно саморегулируется концепцией справедливости» [Роулс 1990: 231]. Это касается любого народа.

6. Если народ страдает национальной горячкой, как это характерно для нынешнего сознания немцев, немцев 2026 года, то его «постигает порою некоторое

умственное расстройство, его ум завлакивают тучи, словом, он испытывает небольшие приступы одурения» [Ницше 1998: 370].

Литература

1. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии агрессии и насилию // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С.143-153.
2. Воронина Л.В. Когнитивно-эволюционный подход к ойконимам славянского происхождения в немецком языке / Воронина Л.В., Мельникова Ю.Н., Скокова Т.Н. // Известия ЮФУ. Филол. науки. – 2025. – Т. 29. – № 4. – С. 10–21.
3. Говсиевич Е.Р. К. Паустовский о литературном творчестве и писательском труде [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litprichal.ru/users/govsik/?ysclid=mkvcebgdf2130404737> (дата обращения: 26.01.2026).
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
5. Карташев В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 416 с.
6. Назаров А.И. Ассоциации без ассоцианизма // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». Dubna Psychological Journal. – № 2. – 2013. – С. 43–77.
7. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том второй. – М., 1998. – 862 с.
8. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие / Под общей редакцией Т.В. Романовой. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022. – 216 с.
9. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 224 с.
10. Роулс Д. Теория справедливости // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения, 1990. – М.: Политиздат, 1990. – С.229–243.
11. Скокова Т.Н. Релятивность как смыслообразующая категория лингвокогнитивистики: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 304 с.
12. Скокова Т.Н. Inhaltsgenerierung im deutschen Fachdiskurs // Филология и новое знание: сборник материалов IV Российской научн. конф. с международным участием (г. Белгород, 21–22 ноября 2024 г.). – Белгород: ЦПП ИД «Бел ГУ» НИУ «БелГУ», 2024. – С. 22–27.
13. Скокова Т.Н. Объективация идеи реальности в авторском философском дискурсе: на базе отношения включения // Информативный потенциал лингвоконструктов. Часть 1: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 9–10 апреля 2025 г. / под ред. Е.А. Огневой, Л.Н. Мирошниченко, Д.Е. Смирновой. – Белгород: ЦПП НИУ «Бел ГУ», 2025. – С. 54–59.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – 696 с.
15. Deutsche Volksbücher in drei Bänden // Ein kurzes Lesen von Tyl Ulenspiegel. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1979. – P. 5–157.
16. Duden. Deutsches Universalwörterbuch 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Dudenverlag Mannheim – Zürich, 2011. – 1110 p.
17. ethnisch – DWDS. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/ethnisch> (дата обращения: 26.01.2026).
18. ethnos – DWDS. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Ethnos?o=ethnos> (дата обращения: 26.01.2026).
19. Le Bart de la Broise Christian. Le discours politique – Paris: PUF, 1998. – 127 с.
20. Luginbühl M. Textlinguistik / M. Luginbühl, A.K. Pantli // Studienbuch Linguistik. – Tübingen, 2004. – S. 241-293.

ASSOCIATIVE RELATIONS AND THEIR ROLE IN THE RECONSTRUCTION OF THE STRUCTURAL ELEMENTS OF THE ETHNOCULTURAL PICTURE OF THE WORLD (BASED ON GERMAN-LANGUAGE ARTISTIC DISCOURSE)

Y.N. Melnikova, T.N. Skokova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article examines one of the mechanisms for insight into the essence of linguistic phenomena with the help of linguacognitive modeling to understand the processes of meaning generation in discourse based on associative relations. The objectives of the article include presenting several specific elements for the conceptual and linguistic analysis of artistic discourse. These include: a) mental images immersed in a complex of different relations compared to those occupied by their prototypes in reality; b) the linguistic foundations of associations; c) associative relations in the recipient's consciousness as the basis for the formation of meanings and as important phenomena organizing the ethnic worldview. The factual material is presented by the work «Tyl Ulenspiegel» from the book «Deutsche Volksbücher». The novelty of this work lies in its attempt to rationally reconstruct the ethnocultural worldview through its interpretation based on "traces" in texts, and also through decoding it in the linguistic consciousness of the bearer of this culture to objectify this worldview and capture its elements, as far as it is possible in this format of presentation, in the form of a relational model.

Keywords: artistic discourse, associative relations, linguistic objectification of national-cultural characteristics, meaning, meaning generation.

УДК 81'37

Нурутдинова А.Р.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ТЕЛЕСНОГО ОПЫТА VS. КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

AiRNurutdinova@kpfu.ru

Проблема «универсальное vs. идиоэтническое» в языке приобретает особую остроту при обращении к сфере телесности: анатомическое единство человечества делает тело очевидным кандидатом на роль универсального. Однако, как демонстрируют кросс-культурные исследования, способы номинации и осмысления телесного опыта обнаруживают значительные расхождения. Актуальность работы обусловлена необходимостью уточнения границ лингвистической относительности применительно к телесному коду культуры в условиях интенсификации межкультурной коммуникации.

Теория воплощенного познания, получившая развитие в когнитивной науке второго поколения, утверждает, что познание основано на сенсомоторной активности тела и его взаимодействии с окружающей средой [Инь Чан 2024]. Как отмечает Н.Н. Николина, мышление и язык находятся в диалектическом единстве, где язык выступает не просто как внешняя оболочка мысли, но как способ её существования и формирования [Николина 2016]. В современной лингвистике утверждается, что язык связан с реальностью за счет когнитивной обработки телесного опыта [Инь Чан 2024], что делает необходимым междисциплинарное изучение данной проблемы.

Цель работы – выявление механизмов взаимодействия антропологически заданных и культурно обусловленных компонентов в языковой концептуализации телесности. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть теоретические основания дискуссии об универсальности vs вариативности в языке; 2) проанализировать роль телесного кода культуры в формировании языковой картины мира; 3) выявить лингвокогнитивные механизмы, опосредующие переход от физиологического опыта к его языковому выражению; 4) определить границы применимости гипотезы лингвистической

относительности к анализу соматической лексики. Материалом исследования послужили данные разносистемных языков (русского, английского, китайского, японского), а также корпусные данные и лексикографические источники.

Дискуссия между сторонниками универсальной грамматики и лингвистического релятивизма имеет длительную историю. Как отмечается в программной статье Центра философии сознания и когнитивных наук Института философии РАН, проблеме языка традиционно уделялось много внимания в теории познания, но о систематических и профессиональных опытах осмысления материалов лингвистики с философских и психологических позиций можно говорить лишь со второй половины XIX века [Бородай 2022: 48].

Классическая когнитивная наука, сформировавшаяся под влиянием генеративной теории Н. Хомского, предполагала лингвистический формализм, синтактикоцентризм, вычислительный подход, нативизм, универсализм, десемантизацию языка и ментализм [Бородай 2022: 49]. Хомский утверждал, что язык является способом доступа к когнитивным процессам и что через лингвистику можно прийти к пониманию мышления как универсального феномена. Однако, как подчеркивает М.А. Мулялкина, дискуссия находит новые точки соприкосновения в исследованиях языка индейцев пираха, где уникальные культурные запреты оказывают прямое влияние на грамматические структуры [Мулялкина 2025: 166], что эмпирически подтверждает проникновение культурных факторов на уровни языка, традиционно считавшиеся автономными.

Перелом в понимании соотношения языка и мышления связан с развитием когнитивной лингвистики во второй половине 1980-х годов. Ее базовые положения включают: 1) критическое отношение к синтактикоцентризму и построение теории с опорой на семантику и прагматику; 2) неприятие денотационной трактовки природы значения; 3) рассмотрение языка в тесной связи с другими когнитивными системами; 4) понимание значения как концептуализации [Бородай 2022: 51]. Теоретики когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ч. Филлмор, Р. Лангакер) показали, что всякое значение предполагает вовлеченность концептуальных структур, а в конструировании значения большую роль играют образные средства: метафора, метонимия, схемы, ментальные пространства.

Ключевой для нашего исследования является эволюция гипотезы Сепира-Уорфа. Хэ Яньян констатирует: «Гипотеза лингвистической относительности в интерпретации Б.Л. Уорфа постулирует, что язык не просто отражает реальность, но активно формирует ее восприятие носителями, однако в современной науке преобладает «мягкая» версия данной гипотезы, признающая влияние языка на мышление, но не его полную детерминацию» [Хэ Яньян 2025: 9]. В 1980–1990-е годы развивалось направление неорелятивизма, представители которого показали, что «структура родного языка оказывает глубокое влияние на невербальные и вербальные формы познания, однако сам характер этого влияния лингво- и культуроспецифичен, и он не может быть установлен чисто спекулятивно, но требует многочисленных «точечных» исследований» [Бородай 2022: 53]. Принципиальным является разграничение, предлагаемое Хэ Яньян: «Сравнительный лингвокультурологический анализ, в отличие от философской концепции лингвистической относительности, направлен на выявление культурно-специфических особенностей лексики и семантики отдельных лингвокультурных групп» [Хэ Яньян 2025: 12]. Данное разграничение позволяет изучать вариативность концептуализации телесного опыта, не впадая в крайности детерминизма.

В русле пострелятивистской исследовательской программы С.Ю. Бородай формулирует положения, релевантные для нашего исследования: «(1) каждый язык предоставляет уникальный способ организации значений, (2) который релевантен для познания, поскольку (3) язык способен структурировать когнитивность в процессе онтогенеза и (4) он вовлечен в когнитивные процессы в режиме реального

времени; результатом этого являются различия между носителями разных языков в (5) обработке и хранении информации, (6) отдельных когнитивных способностях, (7) содержании ментальной модели, (8) сенсомоторных реакциях и (9) нейронной активности» [Бородай 2022: 55].

Телесность человека представляет собой уникальный феномен: будучи частью физического мира, тело одновременно является условием возможности восприятия этого мира. Современная когнитивная семантика предлагает инструментарий для описания довербальных структур опыта. Когнитивная семантика утверждает, что значение не является абстрактным символом, но воплощено в человеческом опыте. Образ-схемы – повторяющиеся паттерны перцептивных взаимодействий – служат основой для организации абстрактного мышления и языкового выражения).

В психологии теория воплощенного познания требует изучать связь между физиологическим опытом и психологическим состоянием человека. Как указывается в современных исследованиях, «воплощенное познание стало базовой концепцией исследовательского метода когнитивной науки второго поколения: суть заключается в признании того, что познание основано на сенсомоторной активности тела и его взаимодействии с окружающей средой, необходимо концентрировать внимание на динамическом единстве тела, познания и окружающей среды» [Инь Чан 2024].

Анатомическое строение человеческого тела задает ряд фундаментальных параметров, которые неизбежно отражаются в языке. Как отмечает Ю.А. Башкатова, «характеристикой телесных схем, или моделей, является скрытая семиотическая структура: верх/низ, передняя часть/задняя часть, правая сторона/левая сторона, внутреннее/внешнее, единичность/множественность, согласно которым и происходит параметризация – концептуализация Универсума по аналогии с человеческим телом» [Башкатова 2014: 241]. Подобное представление о теле считается особенно оправданным для архаического мифопоэтического сознания, но, как показывают исследования, продолжает функционировать и в современных языковых картинах мира.

Эти универсальные образ-схемы (ВЕРТИКАЛЬ, КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ) формируют «код» культуры. Ценностно-смысловое пространство культуры структурируется через систему оппозиций, многие из которых (верх/низ, правый/левый, свое/чужое) имеют телесную природу и восходят к архаичным формам освоения мира, данные оппозиции образуют «код» культуры, работающий на всех ее уровнях. Универсальность когнитивных механизмов не исключает вариативности их реализации. Когнитивная перспектива позволяет проследить, как универсальные механизмы категоризации и метафоризации реализуются в текстах, выявляя как общие паттерны, так и культурно-специфические вариации).

Соматический код культуры представляет собой систему знаков, в которой тело и его части выступают в качестве означающих для культурно значимых смыслов. Как отмечает Н.Г. Меркулова, телесный (соматический) код связан с социокультурными представлениями и установками в ментальности определенного сообщества относительно структуры поверхности тела человека, его внутренних органов и жидких субстанций, телесных функциональных проявлений [Меркулова 2020: 91]. Обозначенный код представляется одним из самых рано оформившихся в силу первичного понимания и восприятия мира человеком сквозь призму своего тела – его единственной изначальной, природной данности.

А.В. Нагорная в монографии «Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений» подчеркивает, что «проблема рассматривается в широком междисциплинарном контексте с привлечением данных философии, психологии, социологии, культурологии, а также нейрологии и физиологии» [Нагорная 2019: 5]. В центре внимания исследователя – процессы когнитивного моделирования и вербальной репрезентации интероцептивных (внутрителесных) ощущений.

Определяются феноменологические свойства ощущений, релевантные в лингвокогнитивной перспективе, описываются когнитивные структуры, в которых фиксируются результаты интероцептивного опыта, анализируются способы репрезентации этих структур на лексическом и синтаксическом уровне, изучается направляющая и регулирующая роль культуры в формировании матрицы интероцептивных значений [Нагорная 2019: 12].

Ю.А. Башкатова в исследовании соматического кода в английской и русской языковых картинах мира отмечает: «Антропоцентрическая парадигма в лингвистике признает тело той моделью, согласно которой осуществляется концептуальное и языковое конструирование мира. При этом параметры тела становятся параметрами познания и концептуализации детально непознанного мира и ключевыми с точки зрения культуры» [Башкатова 2014: 240]. Концептуальные изменения позволяют человеческому разуму однонаправленно спроецировать уже знакомую телесную область-источник на новый опыт – менее телесную область-цель. Несмотря на общность анатомического строения и физиологических процессов, языковая концептуализация телесного опыта демонстрирует поразительное разнообразие. Это разнообразие проявляется на нескольких уровнях.

Уровень вариативности связан с членением телесного континуума на дискретные единицы: то, что в одном языке обозначается одним словом, в другом может требовать нескольких лексем или, напротив, объединяться в одну категорию. Классический пример – обозначение руки в английском (hand – кисть, arm – рука целиком) и русском (рука – и кисть, и вся конечность). Однако интересные различия обнаруживаются при обращении к периферийным зонам телесной лексики. В китайском языке соматизмы выступают в составе сложных слов, где второй компонент уточняет локализацию или функцию, что отражает специфику иероглифического письма и стоящей за ним концептуализации. Как отмечает Инь Чан, лингвистика воплощенного познания основана на философском эмпиризме и трех принципах: эмпирическая природа разума, бессознательность познания и метафорическая природа мышления [Инь Чан 2024]. Влияние телесного опыта на язык с наглядностью демонстрируют метафоры, описывающие физические проявления эмоций, метафоры физического воздействия на предмет, метафоры ориентировки в пространстве.

Наиболее ярко культурная вариативность проявляется в сфере вторичных, переносных значений соматизмов. Метафора является фундаментальным когнитивным механизмом, однако её языковое проявление глубоко опосредовано культурными моделями и социальными ценностями. Данный тезис иллюстрируется примером соматизма «сердце». В китайской лингвокультуре, как показывает Хэ Янъян, иероглиф 心 входит в состав слов, обозначающих не только эмоции, но и ментальные процессы (думать, помнить, значение), что свидетельствует об иной концептуализации: сердце мыслится как центр ментальной деятельности [Хэ Янъян 2025: 14].

Соматизм «голова» демонстрирует культурную специфику. Н.Г. Меркулова в исследовании лингвокультурологических аспектов анализа соматизма «голова» в отечественной культуре отмечает: «Голова – это часть тела, включающая черепную коробку и лицо. В.А. Маслова указывает, что современные представления о голове связаны с переработкой информации в сознании человека, с его интеллектуальными способностями» [Меркулова 2020: 93]. Произведенный лингвокультурологический анализ позволяет говорить, что код соматизма «голова» связан с представлениями об управлении как телом, так и деятельностью, поступками, поведением индивида. Ю.А. Башкатова дополняет: «Телесно-функциональное и культурное доминирование верха и передней части тела обусловлено расположением в этой части соматической территории наиболее важных для жизнедеятельности органов и частей тела: головы, лица и рук. Голова – важнейшая точка телесного верха. Основные функции головы

как местонахождения головного мозга – управление телом, поведением, контроль над ними, мыслительная деятельность» [Башкатова 2014: 242]. В исследовании А. Нурутдиновой, посвященном соматическому коду в паремиях, выявляется специфика репрезентации кинестетического и обонятельного восприятия в русском, английском и японском языках. Проведенный анализ позволяет установить «доминирование кинестетического компонента в русских и английских паремиях, в то время как для японских паремий характерна выраженная обонятельная семантика» [Нурутдинова 2025: 62]. Выявляется ключевая роль соматизмов как средства актуализации невизуальных сенсорных модальностей в устойчивых выражениях.

Вариативность может затрагивать не только лексику, но и грамматику. В некоторых языках мира соматизмы грамматикализуются и начинают выполнять функции предлогов, послелогов или показателей пространственных отношений. В языках банту слово «mbele» (передняя часть тела) может использоваться как пространственный предлог со значением «перед». Во вьетнамском языке слова «tay» (рука) и «chân» (нога) участвуют в образовании указательных слов и пространственных конструкций. Как отмечается в исследованиях по теории грамматикализации, подобные процессы отражают универсальную тенденцию к использованию тела как модели для структурирования абстрактных отношений [Бородай 2022: 58].

Особый интерес представляет категория «телесного владения» (body-part possession), по-разному представленная в языках мира. В одних языках части тела обязательно маркируются показателями принадлежности (моя рука, его голова), в других (например, в некоторых языках Австралии) такое маркирование факультативно, что отражает иное восприятие отношений между человеком и его телом.

Проведенный анализ ставит перед нами фундаментальный вопрос: *где проходит граница между универсальным, физиологически детерминированным, и вариативным, культурно обусловленным?* Исследовательская программа, разработанная в Институте философии РАН, предполагает анализ нескольких «уровней» когнитивности: доконцептуального опыта, перцепции и моторики, мышления и философского творчества [Бородай 2022: 56].

Первый уровень – уровень непосредственного сенсомоторного опыта. На этом уровне универсальность практически абсолютна. Строение сетчатки глаза, механизмы проприоцепции, работа вестибулярного аппарата – все это устроено сходно у всех представителей вида Homo sapiens. Этот уровень задает первичные образ-схемы и доязыковые структуры восприятия. Как отмечает А.В. Нагорная, к феноменологическим свойствам интероцептивных ощущений относятся: перманентный характер восприятия, специфичность канала восприятия, внесоциальность и принципиальная неверифицируемость, изменчивость и неконтролируемость [Нагорная 2019: 78].

Второй уровень – уровень базовых когнитивных категорий. Здесь универсальность сохраняется, но появляются первые признаки вариативности. Все люди способны различать цвета, но количество базовых цветообозначений варьирует от языка к языку. Все люди различают верх и низ, но способы концептуализации вертикальной оси могут включать культурно-специфические компоненты. Как подчеркивает С.Ю. Бородай, необходимо «изучение зависимости образных схем (преноэтической схематизации) от структуры конкретного языка» и «изучение характера образных схем у носителей неевропейских языков и культур» для развития интегральной теории доконцептуального опыта, объединяющей универсальное и относительное [Бородай 2022: 60].

Третий уровень – уровень языковой концептуализации и культурной символизации. На этом уровне вариативность достигает максимума. Одно и то же физиологическое ощущение может получать принципиально разную

интерпретацию в разных культурах. Ю.А. Башкатова подчеркивает: «Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства» [Башкатова 2014: 239]. Соматизмы характеризуются дополнительной культурной семантикой – определенной символической значимостью, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях национально-культурной общности.

П.А. Рыкова обращает внимание на практическую значимость этих различий: в синхронном переводе требуется «способность распознавать и передавать культурно-специфические смыслы, в том числе связанные с телесными метафорами и соматическими фразеологизмами» [Рыкова 2022: 3378].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно соотношения универсальности телесного опыта и культурной вариативности его языковой концептуализации.

1. Телесный опыт человека обладает двойственной природой. На уровне базовых образ-схем и сенсомоторных механизмов он универсален и задает «коридор возможностей» для языковой концептуализации. На уровне языковой репрезентации, метафорических моделей и культурной символизации вариативность достигает максимума. Как отмечает Ю.А. Башкатова, цель концептуальных исследований – «определить соотношение универсальных знаний о теле и культурно значимых ассоциаций, вызванных концептуальными переносами ментальной области тела на ментальные области окружающего мира» [Башкатова 2014: 239].

2. Соматический код культуры представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой тело выступает моделью для концептуального и языкового конструирования мира. На глубинном уровне он опирается на универсальные образ-схемы (КОНТЕЙНЕР, ПУТЬ, ВЕРТИКАЛЬ), формирующиеся в непосредственном телесном взаимодействии с миром. На поверхностном уровне он реализуется в конкретных языковых формах, метафорах и символах, которые варьируют от культуры к культуре.

3. Гипотеза лингвистической относительности сохраняет эвристическую ценность, но в ее «мягкой» версии: язык не детерминирует восприятие тела, но направляет и структурирует его, закрепляя культурно значимые способы интерпретации телесных сигналов. Язык выступает активным инструментом категоризации, преломляющим биологический опыт сквозь призму культурных кодов.

4. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание кросс-лингвистических баз данных, позволяющих проводить систематические сопоставления способов концептуализации телесного опыта в языках мира. Как указывает Инь Чан, подобные работы особенно важны для лексикографии, культуры речи, преподавания языка как иностранного [Инь Чан 2024]. Особого внимания заслуживают языки малых народов, находящиеся под угрозой исчезновения, поскольку с их утратой человечество лишается уникальных свидетельств о возможных способах осмысления собственной телесности.

В более широком контексте изучение соотношения универсального и вариативного в языковой концептуализации телесного опыта вносит вклад в решение фундаментальных вопросов о природе человека, соотношении биологического и социального, языка и мышления. В эпоху глобализации роль языка в сохранении культурной специфики многократно возрастает.

Литература

1. Башкатова Ю.А. Символические признаки соматических концептов // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 239–246.
2. Бородай С.Ю. Язык, концептуализация и воплощенное познание // Человек. – 2022. – Т. 33, № 2. – С. 46–64.
3. Зибин А. Метафора в языке, культуре и дискурсе: исследовательская повестка дня / А. Зибин, О.А. Солопова // Russian Journal of Linguistics. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 7–32.
4. Инь Чан. Исследования и развитие лингвистики с использованием теории воплощенного познания в Китае // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2024. – URL: <https://scinetwork.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Меркулова Н.Г. Лингвокультурологические аспекты анализа культурного кода соматизма «Голова» в отечественной культуре // Культура и цивилизация. – 2020. – Т. 10. – № 1А. – С. 90–97.
6. Мулялкина М.А. Культурный релятивизм Д. Эверетта в контексте универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистического релятивизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 3 (84). – С. 165–173.
7. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого. Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: URSS, 2019. – 320 с.
8. Николина Н.Н. Взаимосвязь мышления, речи и языка / European research. – 2016. – № 7 (18). – С. 43–44.
9. Нурутдинова А. Соматический код культуры в паремиях: кинестетическое и обонятельное восприятие (на материале русского, английского и японского языков) / А. Нурутдинова // Язык как структура и дискурсивная практика. – 2025. – № 4. – С. 60–70.
10. Рыкова П.А. Функционирование когнитивных механизмов межкультурной коммуникации в синхронном переводе (на материале англо-русского перевода) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 10. – С. 3375–3381.
11. Хэ Янъян. Лингвистическая относительность и сравнительный лингвокультурологический анализ: методологические противоречия в исследованиях Б.Л. Уорфа и А. Вежбицкой // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 9 (503). – С. 7–16.

UNIVERSALITY OF BODILY EXPERIENCE VS. CULTURAL VARIABILITY OF ITS LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION

A.I. Nurutdinova

Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. This paper examines the correlation between the universality of bodily experience and the cultural variability of its linguistic conceptualization. It argues that while human physiological commonality provides a basis for perception, linguistic categorization reveals ethno-specific divergences. The mechanisms through which universal somatisms acquire connotations are analyzed. The study addresses the boundary between physiologically determined universals and the arbitrariness of the linguistic sign. It concludes that language acts as an active tool, refracting biological experience through the prism of cultural codes.

Keywords: corporeality, conceptualization, universals, cultural variability, linguistic worldview, somatic code.

Огнева Е.А.

**МЕХАНИЗМЫ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ
В АРХИТЕКТОНИКЕ РОМАНА Ю. СЕМЕНОВА
«СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsuedu.ru

В современном языкознании одним из актуальных вопросов предстает моделирование мировосприятия в форматах когнитивных лингвоконструктов, поскольку миромоделирование – это «структурирование информации о среде и человеке в дискурсе вербально-семиотическими средствами» [Кушнерук 2025: 55].

Когнитивное миромоделирование как сложный процесс концептуализации среды представляет собой «интерпретирующий вектор современных когнитивных исследований» [Огнева 2022: 544]. Данный вектор интерпретируется как совокупность механизмов, сопрягающих форматы концептуализации мира в дискурсе и в тексте как значимом компоненте дискурсивной модели мировосприятия.

Одним из форматов концептуализации мира в дискурсе предстает дискурсивная матрица, интерпретируемая не только как «смысловой каркас, но и как зерно, из которого произрастает механизм программирования текста» [Алефиренко 2024: 42].

Программирование текста как значимого компонента модели дискурса в современной когнитивной лингвистике изучено недостаточно, что придает материалу данной статьи актуальность и востребованность. В свете этого значим тот факт, что «художественный текст является одним из влиятельных каналов коммуникации» [Хвесько 2024: 111] в свете того, что текст предопределяет функциональные свойства художественного дискурса, что требует пристального внимания к специфике текста в современной научной парадигме [Жирова 2025], где, с одной стороны, дискурс интерпретируется как текст, погруженный в коммуникативную ситуацию, а с другой стороны, текст предстает продуктом дискурсивной деятельности.

Интерпретация и моделирование в этом ракурсе формирует «инвариантные особенности персонального построения текстов» [Левченко 2018: 167], состоящих из статичных и динамичных когнитивных лингвоконструктов, среди которых фреймы относятся к статичным когнитивным лингвоконструктам, а когнитивные сценарии и когнитивные сцены – к динамичным.

В статье представляется интересным рассмотреть один из перечисленных лингвоконструктов, а именно когнитивный сценарий как «динамичный формат знания, репрезентированного в художественном тексте» [Огнева 2014: 77].

Модель текстового когнитивного сценария состоит из агенс-информанта, терминалопотока и фонового информанта. В каждом из трех сегментов сценарной модели можно выделить информативные ячейки и информативные узлы, сопрягающие форматы концептуализации мира.

Информативные узлы интерпретируются как «текстовые когнитивные аттракторы, [которые] удерживают внимание читателя» [Даниленко 2022: 183]. Аттрактивность как свойство текстового когнитивного сценария может функционировать в каждом сегменте его модели или отсутствовать в одном или двух сегментах, что предопределяется интенцией автора.

В агенс-информанте как совокупности агенсов в качестве когнитивных аттракторов выступают антропонимы, в то время как местоимения редко выполняют

аттрактивную функцию. В терминалопотоке сильные по семантике глаголы в терминалах, составляющих терминалопоток, также функционируют в роли когнитивных аттракторов. В фоновом информанте в качестве текстовых когнитивных аттракторов могут выступить проксемы, темпоральные маркеры, колоративы, глуттонимы, что способствует «изучению архитектоники фонового терминала» [Тугуз 2024: 572].

Специфика механизмов построения текстовых когнитивных сценариев выражается в различных аспектах, одним из которых предстают текстовые когнитивные аттракторы.

В данной статье концепция функционирования текстовых когнитивных аттракторов в архитектонике когнитивных сценариев была спроецирована в ракурсе интерпретации архитектоники романа Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны», впервые опубликованного в 11–12 номерах журнала «Москва» за 1969 год.

В архитектонике произведения выявлено значительное количество разноформатных текстовых когнитивных сценариев с различными механизмами построения и функционирования. Далее приведена интерпретация разноформатных текстовых когнитивных сценариев.

Пример (1). Текстовый когнитивный сценарий «На службе»

«Штирлиц **внимательно посмотрел** на Холтоффа, **дождался**, пока тот, не выдержав его взгляда, начал суетливо перекладывать бумажки на столе с места на место, и только после этого **широко и дружелюбно улыбнулся** своему младшему товарищу по работе» [Семенов 2015: 23].

В рассматриваемом текстовом когнитивном сценарии агенса Штирлиц, входящий в агенса-информанта модели, представляет собой текстовый когнитивный аттрактор в силу семантической роли в данном сценарии и, в целом, в силу сюжетообразующей роли в когнитивно-сюжетной матрице романа.

Терминалопоток состоит из трех терминалов, в которых глаголы функционируют в качестве когнитивных аттракторов, то есть терминалопоток состоит из следующих когнитивных аттракторов: (1) *внимательно посмотрел*, (2) *дождался*, (3) *широко и дружелюбно улыбнулся*.

Первый текстовый когнитивный аттрактор *внимательно посмотрел* является кинемой, маркирующей взгляд главного героя.

Второй текстовый когнитивный аттрактор *дождался* представляет собой темпоральный пролонгированный маркер. С данным терминалом связан субсценарий, номинирующий действия другого персонажа. Терминалопоток субсценария состоит из двух терминалов: из эмотива-кинемы *не выдержав взгляда* и эмотива-кинемы *начал суетливо перекладывать*. Следовательно, смысловая особенность субсценария заключается в его эмотивности.

Третий текстовый когнитивный аттрактор *широко и дружелюбно улыбнулся* репрезентирован эмотивной кинемой, где кинема репрезентирована глаголом, а эмотивность репрезентирована наречиями.

Таким образом, рассмотренные механизмы построения текстового когнитивного сценария «На службе» характеризуются наличием текстовых когнитивных аттракторов в агенса-информанте и в терминалопотоке, сопряженном с субсценарием, которому присуще свойство эмотивности. Фоновый информант отсутствует.

Пример (2). Текстовый когнитивный сценарий «Дома»

«Штирлиц **дождался**, пока разгорелся огонь в камине, **подошел к приемнику** и **включил его**. Он **услышал Москву**: передавали старинные романсы. Штирлиц **вспомнил**, как однажды Геринг сказал свои штабистам: «Это не патриотично – слушать вражеское радио» [Семенов 2015: 30].

Данный текстовый когнитивный сценарий состоит из пяти терминалов: (1) *дождался*, (2) *подошел к приемнику*, (3) *включил его*, (4) *услышал Москву*.

Первый текстовый когнитивный аттрактор *дождался* представляет собой темпоральный пролонгированный маркер.

Второй текстовый когнитивный аттрактор *подошел к приемнику* маркирует перемещение в пространстве комнаты.

Третий текстовый когнитивный аттрактор *включил его* является кинемой, посредством которой герой переходит из одного информативного мира в другой, в мир своей далекой Родины.

Четвертый текстовый когнитивный аттрактор *услышал Москву* представляет собой метонимическое выражение, которое одновременно является звуковой сенсемой.

Пятый текстовый когнитивный аттрактор *вспомнил* номинирует мыслительный процесс, описанный в фоновом информанте и поясняющий информативную ситуацию, которая царила на работе у Штирлица, главного героя исследуемого романа.

Агенсом в когнитивном сценарии предстает антропоним Штирлиц, который, как и в первом контексте, играет значимую семантическую роль, вследствие чего является текстовым когнитивным аттрактором.

Фоновый информант, отражающий слова Геринга, номинирует специфику ситуации в штабе, то есть в данном текстовом когнитивном сценарии сопряжено два пространства и косвенно упоминается о третьем пространстве, о далекой Москве. Проксемная триада сопрягает терминалопоток и фоновый терминал. Текстовые когнитивные сценарии с проксемной триадой в своей архитектонике низкочастотны в художественном дискурсе данного произведения и других художественных произведений.

Таким образом, механизмы построения текстового когнитивного сценария «Дома», состоящего из пяти терминалов, характеризуются наличием пространственной триады и метонимического номинанта.

Пример (3). Текстовый когнитивный сценарий «Размышление»

«Он **долго сидел у себя в кабинете** запершись **и не отвечал** на телефонные звонки. **Автоматически он подсчитал**, что звонков было девять. Два человека звонили к нему подолгу, видимо было что-то важное, или звонили подчиненные – они всегда звонят подолгу» [Семенов 2015: 92].

Рассматриваемый текстовый когнитивный сценарий состоит из трех терминалов, являющихся текстовыми когнитивными аттракторами.

Первый текстовый когнитивный аттрактор маркирует пространственно-временной узел, поскольку подчеркивается длительное местонахождение в определенной точке в пространстве кабинета.

Второй текстовый когнитивный аттрактор обозначает отсутствие технической коммуникации.

Третий текстовый когнитивный аттрактор представляет собой эмотивно маркированный глагол действия.

В отличие от двух выше рассмотренных текстовых когнитивных сценариев в данном динамическом формате агент не является текстовым когнитивным аттрактором. В фоновом информанте также нет текстовых когнитивных аттракторов.

Таким образом, механизмы построения рассматриваемого динамического формата данного текстового когнитивного сценария характеризуются такой отличительной чертой, как наличие когнитивных аттракторов только в терминалопоток сценария.

Итак, проведенное исследование позволило прийти к выводам о том, что текстовые когнитивные сценарии как динамичные конструкты в архитектонике романа Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» функционируют в соответствии с совокупностью механизмов построения динамического формата, в котором сопряжены текстовые когнитивные аттракторы преимущественно в трёх

сегментах модели сценария, а именно в агенс-информанте, в терминалопотоке и в фоновом терминале.

Установлено, что наличие текстовых когнитивных аттракторов в агенс-информанте и в фоновом информанте может варьироваться в зависимости от интенции автора, в то время как в терминалопотоках всех когнитивных сценариев текстовые когнитивные аттракторы функционируют.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч. Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2022. – С. 183–186.
3. Жирова И.Г. Текст в современной научной парадигме / И.Г. Жирова, Н.Г. Елифанцева, Е.П. Савченко. – М., 2026.
4. Кушнерук С.Л. Речевое воздействие и миромоделирование: к вопросу о соотношении понятий в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 2 (496). – С. 54–65.
5. Левченко М.Н. Вербальная репрезентация категории личности в текстах различных языков и функциональных стилей // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера. сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Г.Т. Хухуни. – М., 2018. – С. 166–177.
6. Огнева Е.А. Концепция интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 75–87.
7. Огнева Е.А. Текстовый когнитивный сценарий как формат знания // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4 (51). – С. 544–548.
8. Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – СПб: АМФОР, 2015. – 340 с.
9. Тугуз Т.Р. Спейсмены в проксеменной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 4. – С. 570–580.
10. Хвесько Т.В. Актуализация авторских интенций / Т.В. Хвесько, Н.Ю. Басуева // Язык и культура. – 2024. – № 68. – С. 108–121.

MECHANISMS FOR CONSTRUCTING COGNITIVE SCENARIOS IN THE ARCHITECTONICS OF ROMAN YU. SEMENOVA “SEVENTEEN MOMENTS OF SPRING”

E.A. Ogneva

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article examines textual cognitive scripts as dynamic informative constructs. The presence of cognitive attractors in models of textual cognitive scripts is revealed. A list of mechanisms for interfacing segments of models of textual cognitive scripts functioning in the architectonics of Yu. Semenova’s “Seventeen Moments of Spring” is established. The presence of textual cognitive attractors in the terminal flow of multifunctional cognitive scripts and the variability of attractors in agent-informants and background informants of scripts is determined.

Keywords: literary text, modeling, textual cognitive script, textual cognitive attractor, terminal flow.

Озерова Е.Г.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ДЕТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Ozerova@bsuedu.ru

Речемыслительные образы в детской речи выявляют взаимодействие апперцептивных процессов порождения слова и мыслительной деятельности ребенка. Под апперцептивными процессами в детской речи нами понимается активизация и развертывание ассоциативных механизмов и когнитивной информации при порождении номинации детской мысли в слово на основе имеющегося у адресанта опыта: *Рисовая каша вкуснее с изюмом, изюмолюбители – мы с Дениской* (5, 11). Следует отметить различия функционирования апперцептивной номинации в детской речи и художественном тексте, поскольку в последнем апперцептивная номинация выступает как когнитивный механизм формирования коннотативно-смыслового содержания, это «обозначение объема вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познанию» [Озерова 2012: 399] художественной действительности. Рассматривая слово как проблему апперцепции, А.А. Потебня отмечает, что «слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя» [Потебня 1999: 122]. Порождение окказионального слова в онтогенезе речи обусловлено мотивацией создания конкретной номинации и необходимостью отражения детского речемыслительного образа.

Следовательно, реализация когнитивных механизмов в детской речи детерминирована актуализацией создания точного, по мнению говорящего, названия объекта, предмета или субъекта коммуникативного события и побуждением к порождению конкретной лексемы, отображающей коммуникативные интенции и выявляющей формирование мыслительной деятельности адресанта речи: *Бычок купил в магазине двадцаток или тридцаток яиц* (2, 9). Частотно продуктом речевой деятельности ребенка является создание уникального слова, не имеющего узуальной фиксации. Исследование окказиональных лексем в детской речи позволяет выявить оригинальные лексемы, которые создает ребенок, поскольку не владеет готовыми лексическими конструкциями. «Одна из главных и наиболее существенных особенностей речевого онтогенеза состоит в том, что, овладевая системой языка раньше, чем языковой нормой (общими правилами раньше, чем частными правилами и исключениями), ребенок в своей речевой деятельности, прибегая к деривации, конструирует языковые единицы, правильные относительно системы (отвечающие общим правилам) и при этом расходящиеся с нормой (не соответствующие частным правилам) – и таким образом постоянно заполняет существующие в языке лакуны, как абсолютные, так и относительные» [Цейтлин 1989: 69–70].

В научных источниках существуют многоаспектные дефиниции окказиональных номинаций: слова-беззаконники (Е.А. Земская), слова-экспромты (К.И. Чуковский), слова-самоделки (Н.И. Фельдман), слова-метеоры (М.Д. Степанова), слова-однодневки (Г.И. Плотникова), индивидуально-авторские слова (Н.М. Шанский), индивидуализмы (Р.Ю. Намитокова), индивидуальные образования (В.Н. Хохлачева), одноразовые неологизмы (Э. Ризель).

Наиболее детально, на наш взгляд, специфику окказиональной номинации сформулировал Л.Г. Лыков: «принадлежность к речи; творимость (невоспроизводимость); словообразовательная производность; ненормативность; функциональная одноразовость; экспрессивность; номинативная факультативность;

синхронно-диахронная диффузность; индивидуальная принадлежность» [Лыков 1976: 11].

В отечественной русистике проблемы окказионального словообразования в детской речи исследовались в трудах К.Н. Гарганеевой (2007), А.Н. Гвоздева (1961), А.Р. Поповой (2015), В.К. Харченко (1994), С.Н. Цейтлин (1989, 2021).

Предметом нашего исследования являются окказиональные номинации как речемыслительные образы, зафиксированные в спонтанной детской речи, которые отображают процессы постижения действительности ребенком в конкретной коммуникативной ситуации: *драконарий* (6). Данное слово образовано по узуальной словообразовательной модели при помощи суффиксации: корень дракон + суффикс *арий*. Отметим, что созданный речемыслительный образ репрезентирует номинацию места, которое связано с конкретным объектом (дракон) или его деятельностью. Специфика порождения окказиональной детской номинации заключается в необходимости создания вымышленного (игрушечного) образа, который возникает в представлении адресанта.

Актуализация окказиональной речемыслительной деятельности ребенка опирается на определённый уровень умственного и речевого развития адресанта и представляет их неразделимую связь. Отметим, что речемыслительные процессы в детской коммуникации выявляют уровень формирования словарного тезауруса и демонстрируют владение словообразовательными конструкциями при порождении окказионального слова по определенным моделям, что иллюстрирует сформированность речи и мышления ребенка в конкретном высказывании.

Окказиональное словотворчество высвечивает мотивацию порождения детского слова как рефлексивно-ассоциативной деятельности адресанта и выявляет речемыслительные процессы в онтогенезе речи при помощи наглядного образа, который актуализируется в процессе коммуникативной ситуации и ассоциативно, опираясь на имеющиеся знания, номинирует объект/субъект действительности: Это у меня только *первозавтрак*, я буду завтракать еще (5,4); Этот дядя *полечудесник и сюрпризник* (5) – ведущий телепрограммы «Поле чудес»; Этот дядя папин *одноименец* (5,4); Эти зерна нужно на *кофетерке* превратить в кофе (7,11); Старшая сестра рассказывает о звездах. Младшая: – Это не она так думает, это *книгодумство*. Я видела, она это в книге прочитала (5,9).

Окказиональное слово в детской речи демонстрирует креативный потенциал детского словотворчества и выявляет когнитивные механизмы в процессе порождения окказиональной номинации.

И. С. Улуханов зафиксировал семьдесят девять узуальных и окказиональных способов русского словообразования и пришел к выводу, что имеются потенциально возможные, но лексически не реализованные номинации. Такие окказиональные номинации в спонтанной речи реализуют дети: *в саду растут яблони и грушени* (2, 11). На замечание взрослого, что правильно говорить *груши*, ребенок аргументированно отвечает: «*Яблоко, груша – это фрукты, а яблоня и грушина – деревья*».

Следовательно, в детской речи сформированы когнитивные механизмы, способствующие созданию речемыслительного образа на основе аналогии и ассоциативного восприятия, благодаря чему адресант способен классифицировать объект действительности и прокомментировать логическую парадигму мыслительной деятельности при порождении окказиональной номинации.

Следует отметить, что процесс аналогии и ассоциативной мотивации в детской речи находится в неразрывном сопряжении когнитивных и коммуникативных факторов порождения окказиональной лексемы.

Активно используются в детской речи окказиональные контаминированные номинации, образованные при помощи компонента –*андия* со значением «страна», которые, по мнению В.П. Изотова и В.В. Панюшкина, подчеркивают, что они «могут

семантизироваться и служить образцом для создания новых слов» [Изотов 1997:23–24].

Обезьяндия у нас получилась (6); Мы нашли не поляну, а целую поляндию! (11). При порождении окказиональной номинации ребенок опирается «на образы, что позволяет автору текста, получившему от сверхсознания прилив ментальной и речевой энергии, воображать, мечтать и сочинять. Благодаря этому сверхсознание, стимулирующее эмоциональную активность коммуниканта на первых этапах креативного речемышления, порождает в дискурсивном сознании догадки, замыслы и озарения» [Алефиренко 2025:17].

Отметим, что процесс речевой деятельности и реализация порождения слова происходит в процессе коммуникации ребенка для вербализации того речемышлительного образа, который репрезентирует адресант: «*Это самокрупнейший арбуз!*» (11).

Порождения детского окказионального слова эксплицирует мыслительный процесс в реальном контексте речи, поскольку номинация не воспроизводится, а порождается в сопряжении с фоновыми знаниями в процессе коммуникации. Специфика окказиональной номинации в детской речи состоит в том, что она сохраняет оригинальность и воспринимается как контекстуально мотивированный речемышлительный образ.

Литература

1. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 472с.
2. Дискурс: речемышлительные механизмы порождения текста : коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
3. Изотов В.П. Неузуральные способы словообразования / В.П. Изотов, В.В. Панюшкин. – Орел, 1997. – 40с.
4. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 117с.
5. Озерова Е.Г. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста: дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2012. – 403 с.
6. Озерова Е.Г. Сложные слова в детской речи: Оригинальные слова, которые создают дети: структура, семантика, эстетическое и функциональное своеобразие / Е.Г. Озерова, В.К. Харченко. – М.: URSS, 2024 – 200 с.
7. Попова А.Р. Опыт описания и лексикографического представления речи ребенка раннего возраста (Лексика. Морфология. Синтаксис). – Орел: ООО «Горизонт», 2015. – 240 с.
8. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
9. Харченко В.К. Словарь детской речи. – Белгород: Белгородский гос. пед. ин-т, 1994. – 256 с.
10. Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (На материале современного русского языка). Дисс ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1989. – 303 с.
11. Цейтлин С.Н. К вопросу о словообразовании в русской детской речи / Российский гуманитарный журнал. – 2021. – Том 10. – №2. – С. 99–110.

SPEECH AND THOUGHTFUL IMAGES OF CHILDREN'S COMMUNICATION

E.G. Ozerova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. Speech-thought images in children's speech reveal the interaction between the apperceptive processes of word generation and the child's mental activity. By apperceptive processes in children's speech, we mean the activation and deployment of associative mechanisms and cognitive information during the verbalization of a child's thoughts into words. Occasional

word creation highlights the motivation for children's word generation as a reflexive-associative activity of the addresser and reveals the speech-thought processes in the ontogenesis of speech through the use of a visual image, which is actualized in the communicative situation and, based on existing knowledge, associatively nominates an object of reality.

Keywords: children's speech, apperceptive nominations, occasional word, children's speech-thought image.

УДК 81'42

Усманова Л.А.

ГИБРИДНЫЙ СНОВИДЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ЦИФРОВОМ ПОЛИЛОГЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ТЕКСТОГЕНЕЗА

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

usmanova77@rambler.ru

Сновидческий нарратив, перемещаясь из сферы частного бытового общения в публичное пространство цифровых платформ, претерпевает существенные трансформации, затрагивающие базовые когнитивные процессы переработки информации, интеграции опыта и коллективной интерпретации. Онлайн-форумы, посвященные обсуждению снов, представляют собой асинхронный виртуальный полилог, в котором язык выполняет не только коммуникативную, но и фатическую, консолидирующую функции, а также обеспечивает потребность в самопрезентации и эмоциональном самовыражении. Актуальность настоящего исследования определяется быстрым ростом специализированных интернет-площадок для обмена сновидческим опытом: в условиях коллективной интерпретации индивидуальные сны перестают быть частными переживаниями и трансформируются в общественно значимые тексты.

Цель исследования – выявить и описать лингвокогнитивные механизмы текстопорождения (прототип, инсайт, осознание внутренних речепорождающих мотивов, фрейм, сценарий, гештальт), функционирующие в русскоязычном сновидческом дискурсе цифровой среды. Материалом исследования послужили пользовательские нарративы и обсуждения, размещенные на различных цифровых платформах, посвященных обмену сновидческим опытом (*Мир снов, Сны и Мы, Тонкий мир, Сомнамбулятор* и др.).

Достижение поставленной цели предполагает опору на теоретическую базу, позволяющую интерпретировать перечисленные когнитивные механизмы в единой системе координат. Такой базой в настоящей работе выступает когнитивно-дискурсивная парадигма, в рамках которой текстопорождение рассматривается как процесс, организуемый ментальными структурами на этапе, предшествующем собственно речевому воплощению.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода Н.Ф. Алефиренко дискурс трактуется не как единица языка или речи, а как речемыслительная категория, служащая в коммуникативном акте моделью порождения текста [Алефиренко 2024: 43]. Согласно данной концепции, текстопорождающий потенциал дискурса обеспечивается такими составляющими, как мыслекодовые акты, дискурсивная матрица и внутренняя речь, опирающаяся на ментальный лексикон и внутренние слова. Дискурсивная матрица понимается как абстрактная ментальная структура, в которой доминирующим смысловым элементом является стереотип, а сама матрица представляет в структуре дискурса элементы коммуникативного события, сохраняя основные предметные смыслы или подвергая их переосмыслению [Там же: 42].

Особое значение в теории Н.Ф. Алефиренко приобретает понятие ментального слова, соотносимого с концептом и порождаемого двуединным – интеллектуально-

эмоциональным – восприятием конструктивных объектов коммуникативного события. Ментальные слова являются результатом членения целостного образа коммуникативного события с последующим его структурированием в виде фрейма, что непосредственно связывает процессы текстопорождения с когнитивными механизмами категоризации действительности. Как подчеркивает ученый, «в живой дискурсии ментальное слово коррелирует со свойствами и признаками реалий коммуникативного события», а переживание воспринимаемого события порождает в ментальном лексиконе ономаσιологические импульсы, переводящие смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний [Там же: 43].

Лингвокогнитивные механизмы текстопорождения опираются на систему когнитивных структур, обеспечивающих хранение, обработку и вербализацию знаний о мире. Н.Н. Болдырев условно делит форматы знания на две группы: концептуально-простые (конкретно-чувственный образ, схема, представление, понятие, прототип) и концептуально-сложные (пропозиция, фрейм, сценарий, гештальт, категория, когнитивная матрица). Каждая из этих структур выполняет специфическую функцию в процессе порождения дискурса [Болдырев 2014]. Рассмотрим их подробнее.

Фрейм, по определению М. Минского, представляет собой структуру данных, предназначенную для представления стереотипной ситуации [Минский 1979]. Ч. Филмор связывает с фреймом лингвистически обусловленные характеристики структур знаний, включающие не только визуальные представления, но и типы привычных межличностных взаимодействий, стандартные сценарии, институциональные структуры [Филмор 1988]. В когнитивной лингвистике фрейм рассматривается как часть когнитивной системы человека и может быть сопоставлен с понятиями гештальта, прототипа, стереотипа и схемы [Кубрякова 1997: 187]. Н.Ф. Алефиренко в своих работах рассматривает фрейм как структуру представления информации в единстве познавательных и речевых актов, предопределяющих дискурсивную деятельность коммуниканта, при этом знания о коммуникативной ситуации фиксируются на двух уровнях: верхнем – конвенциональном и нижнем – ситуативном [Алефиренко 2023; Алефиренко 2024].

Сценарий (скрипт) является динамической концептуальной структурой, отражающей стереотипные обыденные процессы во временной последовательности [Кубрякова 1997: 181]. В отличие от статического фрейма, сценарий фиксирует развертывание событий, что делает его особенно релевантным для анализа нарративных структур, каковыми и являются рассказы о сновидениях.

Прототип как когнитивный механизм текстопорождения обеспечивает категоризацию объектов и ситуаций через соотнесение с наиболее типичным представителем категории. В сновидческом дискурсе цифровой среды прототипическая организация проявляется на нескольких уровнях.

На жанровом уровне сновидческий нарратив в интернет-коммуникации закрепляется как гибридное образование, сочетающее дискурсивные стратегии устной монологической речи (рассказ о сне как бытовой жанр) с особенностями цифрового сторителлинга. При этом естественный язык остается метаязыком описания снов, однако на новом витке своей эволюции приобретает черты, обусловленные платформенными нормами краткости, доказательности и соавторства. Прототипическая структура жанра включает устойчивые компоненты: экспозиционное указание на принадлежность миру сна («мне снилось...», «во сне я увидел(а)...»), нарративное ядро с элементами фрагментарности и алогизма, эмоциональную оценку и запрос на толкование.

На образном уровне прототипы проявляются в устойчивых категориях сновидческих персонажей и объектов. Исследователи отмечают, что метафоры сновидений строятся на основе конкретного для представления конкретного же, где

абстрактная семантика обеспечивается метонимией, что указывает на прототипическую природу образного мышления в онейрическом пространстве [Берестнев 2024]. Образы-прототипы (зеркала, двери, коридоры, темные фигуры) функционируют как знаки перехода – лиминальные маркеры, задающие семантическую рамку повествования.

Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, прототипическая категоризация связана с формированием концептов – смысловых квантов человеческого бытия, которые в зависимости от конкретных условий способны превращаться в различные специализированные гештальты бытия [Алефиренко 2023: 57]. В сновидческом дискурсе данная трансформация проявляется в том, что прототипический образ (например, «преследователь», «падение», «полет») конкретизируется через индивидуальные детали опыта рассказчика, сохраняя при этом узнаваемую категориальную структуру.

Инсайт (озарение) как лингвокогнитивный механизм текстопорождения представляет собой момент внезапного схватывания структуры ситуации – «разумную реорганизацию, позволяющую субъекту увидеть ситуацию в более широкой перспективе». В контексте гештальтпсихологической традиции инсайт понимается как «прозрение, производящее изменение в структурном значении составных частей, изменение их места, роли и функции» [Вертгеймер 1987]. Н.Ф. Алефиренко интерпретирует инсайт через механизм работы сверхсознания, которое стимулирует эмоциональную активность коммуниканта на первых этапах креативного текстопорождения, порождая «догадки, замыслы и озарения, необходимые для внутреннего программирования дискурсивной модели текста» [Алефиренко 2024: 42].

В сновидческом дискурсе цифровых платформ инсайт проявляется в нескольких модусах. Во-первых, это инсайт рассказчика – момент осознания скрытого смысла сновидения, часто вербализуемый через конструкции типа «и тут я понял(а)...», «проснулась и вдруг осознала...». Во-вторых, это коллективный инсайт, возникающий в процессе комментирования: реплики читателей нередко предлагают неожиданные интерпретации, которые рассказчик принимает как озарение. Данный механизм соответствует тому, что характеризуется как «коллективная амплификация» в онейрическом дискурсе – процессу, в ходе которого индивидуальный смысл сна обогащается и стабилизируется через полилогическое взаимодействие.

С точки зрения текстопорождения инсайт выступает как триггер перехода от латентного состояния знания к его эксплицитной вербализации. По мысли Н.Ф. Алефиренко, в момент озарения сверхсознание использует не слова, а образы, что позволяет автору текста воображать, мечтать и сочинять [Алефиренко 2023]. Именно поэтому сновидческий нарратив, рожденный из инсайта, отличается повышенной образностью, экспрессивностью и нелинейной логикой изложения.

Осознание коммуникантом своих внутренних речепорождающих мотивов представляет собой рефлексивный механизм, обеспечивающий переход от переживания коммуникативного события к его вербальной репрезентации. В концепции Н.Ф. Алефиренко этот механизм связан с работой внутренней речи, в которой ментальное слово – «живая клеточка речевого мышления» – актуализируется и подготавливается к речевому общению путем программирования высказываний. Процесс реализации авторского замысла сопровождается тем, что ученый называет «муками слова», – трудностями выбора внутреннего словесного знака из долговременной семиотической памяти для наиболее точной и выразительной экспликации мыслей и переживаемых эмоций [Алефиренко 2024: 43].

В сновидческом дискурсе цифровой среды осознание внутренних мотивов приобретает специфические черты. Рассказчик сновидения сталкивается с задачей

двойной репрезентации: необходимо не только передать содержание сна, но и артикулировать причину его рассказывания – тревогу, удивление, потребность в толковании или желание поделиться эстетически ярким опытом. Тексты пользователей интернет-форумов демонстрируют характерные метакоммуникативные маркеры, эксплицирующие мотивацию высказывания: «не могу выкинуть из головы...», «рассказываю, потому что нужен совет...», «может кто-то сталкивался...» и т. п. Например: *«Вообщем раньше совы не спились никогда, а тут за месяц второй раз. Часто очень кошки целыми стаями снятся очень агрессивно настроенные по отношению ко мне. Кошек очень люблю до фанатизма. **Помогите понять** к чему эти совы вдруг зачастили ко мне во снах?»* [tonkimir.ru] (здесь и далее орфография и пунктуация автора поста сохранены – Л.У.)

Существенную роль в осознании мотивов играет специфика цифровой коммуникации. Анонимность интернет-платформ снижает порог самораскрытия и позволяет вербализовать опыт, который в бытовом общении мог бы быть табуирован или маргинализирован. Как показывают исследования, включение элементов цифровой коммуникации (виртуальное общение, ники, графические элементы – эмодзи, смайлики) компенсирует отсутствие интонации, жестов, мимики и позволяет создать более живое и доступное описание сновидений. Например: *А мне сегодня приснилось, что у моего кота хвост отвалился и он бегал с маленьким*

обрубочком вместо хвоста. » [tonkimir.ru].

Фрейм как когнитивный механизм текstopорождения обеспечивает структурирование знаний о типичной ситуации и определяет набор слотов, заполнение которых формирует основу номинации. В сновидческом дискурсе фреймовая организация проявляется на нескольких уровнях: структурном, семантическом и коммуникативном.

На структурном уровне сновидческий нарратив реализует фрейм «рассказ о сне», включающий следующие слоты: условия сна (время, обстоятельства засыпания), пространственно-временная локализация сновидения, действующие лица, центральное событие, эмоциональная реакция, момент пробуждения и посленарративная рефлексия. Данная фреймовая структура оказывается устойчивой в различных цифровых форматах, однако платформенные особенности (ограничение по объему, возможность вставки мультимедиа, система комментирования) модифицируют заполнение отдельных слотов.

На семантическом уровне исследователи выделяют оппозиции, организующие смысловое пространство сновидческого текста. Предлагается модель пропозициональной сети для описания сновидческого нарратива, в которой ключевую роль играют фреймы «памяти» и «забвения». Маркеры этой оппозиции («помню – не помню», «четко вижу – размыто», «точно знаю – кажется») выполняют одновременно селективную, эпистемическую и коммуникативную функции, задавая степень достоверности изложения [Усманова 2025].

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что при фреймовом анализе знания о коммуникативной ситуации фиксируются на двух уровнях: верхнем, где содержатся общие конвенциональные признаки стандартного коммуникативного события, и нижнем, где фиксируются ситуативные характеристики, воспринимаемые и интерпретируемые коммуникантом в момент переживания конкретного события. В сновидческом дискурсе верхний уровень фрейма представлен культурно закрепленными сценариями толкования снов (символика сонников, архетипические образы), а нижний – индивидуальными деталями онейрического опыта.

На коммуникативном уровне фреймовая организация проявляется в том, что комментарии к сновидческому нарративу реализуют конкурирующие

интерпретационные фреймы: мистический (сон как послание, пророчество), психологический (сон как отражение внутренних конфликтов) и физиологический (сон как следствие телесных состояний – усталости, стресса, нарушений сна). Данная конкуренция фреймов обеспечивает полифоническую структуру сновидческого дискурса и стимулирует дальнейшее текстопорождение.

Сценарий как динамический когнитивный формат знания отражает стереотипные процессы во временной последовательности и позволяет представить действительность в виде цепочки связанных событий. В сновидческом дискурсе сценарная организация проявляется двояко: в структуре самого сновидческого нарратива и в сценарии коммуникативного взаимодействия на платформе.

Сновидческий нарратив в цифровой среде разворачивается по характерному сценарию, включающему несколько фаз: вхождение в мир сна (формульный зачин), нарастание событийной напряженности, кульминационное событие (часто – столкновение с иррациональным), момент пробуждения и постнарративная рефлексия. Динамичность и непредсказуемость данного сценария выражена собственным арсеналом правил текстопорождения, включающим модусы неопределенности, кажимости, внезапности и экспрессии. Формальные языковые показатели – обилие восклицаний, риторических вопросов, многоточий – служат индикаторами интенсивности переживания и маркируют переходы между фазами сценария. Например: *«... В какой то момент открывается входная дверь и входит незнакомый мужчина, довольно молодой. Он говорит, что это он мне подбросил котят. Типа я получше за ними ухаживать буду, а он не может.... Вот выбрал меня им в хозяйки. Он даже готов мне приплатить! По 150 рублей за каждого! Я в полном офигении... Котята мне нравятся, я их уже наглаживаю вовсю, они ко мне тоже ластятся... Но это явно перебор - 9 кошек в доме!!!!»* [luna.ru].

Коммуникативный сценарий взаимодействия на платформе также обладает устойчивой структурой: публикация нарратива → первичные эмоциональные реакции → уточняющие вопросы → конкурирующие толкования → итоговое осмысление автором. Каждый этап данного сценария порождает специфические речевые формы и активизирует определенные когнитивные модели. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, замысел рождается в результате накопления впечатлений, которые вербализуются по мере их интеллектуально-эмоционального обогащения, причем нередко толчком к вербализации служит незначительный стимул.

Языковые средства реализации сценарной организации включают темпоральные маркеры («вдруг», «потом», «и тут»), модальные операторы неопределенности («как будто», «словно», «кажется»), а также средства передачи одновременности и наложения событий, характерные для иррационального пространства сна. В условиях интернет-коммуникации к ним добавляются пиктографические средства – эмодзи и смайлики, выполняющие функцию компенсации отсутствия невербальных элементов коммуникации.

Гештальт как целостный, нерасчлененный образ, не сводимый к сумме составляющих его элементов, занимает центральное место в когнитивной организации сновидческого дискурса. Дж. Лакофф, разрабатывая концепцию языковых гештальтов, показал, что понимание сложных концептуальных структур осуществляется через восприятие их целостных образных конфигураций. Н.Ф. Алефиренко, развивая данную идею, рассматривает концепты как смысловые кванты бытия, способные в зависимости от условий превращаться в различные специализированные гештальты.

В сновидческом нарративе гештальтная природа проявляется в том, что сон воспринимается и репрезентируется как целостное переживание, несмотря на его фрагментарность и алогизм. Рассказчик стремится передать «атмосферу» сна как единый гештальт, используя для этого комплекс лингвистических средств:

синестетические метафоры, оксюмороны, нарушения логической связности, которые парадоксальным образом создают ощущение целостности. Г.И. Берестнев, исследуя лингвистику сновидений, демонстрирует, что метафоры сновидений объединяют рациональную и иррациональную сферы, реализуя прототипические когнитивные перенесения: метафорическую конверсию, метонимический сдвиг и прагматическое расширение [Берестнев 2024].

В цифровой среде гештальтное восприятие сна осложняется процессами клиповизации: на смену целостному, связанному смысловым единством изложению приходит фрагментарная последовательность визуальных образов. Однако именно эта тенденция актуализирует компенсаторные механизмы: пользователи прибегают к эмоционально нагруженным знакам пунктуации, графическим элементам, междометиям и звукоподражаниям, стремясь восстановить утраченную целостность гештальта. Например: «Мне снилось два сна.. Один давно, но помню **прям брр**...Снился дедушка покойный. <...> И вот везде в мебели...в креслах, диване ползали белые червяки.... ужасно неприятный сон. Я после него у бабушки по 2 раза в день даже пыль протирала. <...> потом как полезли червяки...прям почти как дождевые...опять **бее**... ужасы какие-то. Надеюсь это не очень плохой знак...» [tonkimir.ru].

С позиций теории Н.Ф. Алефиренко, гештальтное восприятие коммуникативного события предшествует его фреймовому структурированию: ментальные слова являются результатом членения целостного образа коммуникативного события с последующим его структурированием в виде фрейма. Применительно к сновидческому дискурсу это означает, что первоначальный целостный образ сна (гештальт) в процессе вербализации расчленяется на фреймовые элементы (персонажи, локации, действия, эмоции), однако стремление восстановить исходную целостность определяет выбор специфических языковых средств – нелинейный синтаксис, анаколуфы, повторы, экспрессивную пунктуацию.

Наложение языковых изменений, вызванных условиями интернет-коммуникации, на специфику сновидческого нарратива порождает новый вид гибридного образования, характеризующегося рядом устойчивых лингвистических особенностей.

В сфере лексики современные рассказы о снах включают новые единицы, связанные с технологиями или актуальными социальными темами: «искусственный интеллект», «виртуальная реальность», «экран монитора» и т. п. Например: «Следующая часть сна происходила **в виртуальном пространстве**, где **код, алгоритмы**, все процессы были показаны как в **визуальных языках программирования**. <...> Я двигался по коду, пытаюсь хоть что-то с ним сделать, хоть как-то разобраться» [forum.df2].

Одновременно в текстах сновидений активно используются жаргонизмы, окказионализмы и разговорные формы, отражающие контаминацию письменного литературного и устного разговорного языка. Маркеры неопределенности – центральная характеристика сновидческого дискурса – реализуются через вводные слова и модальные операторы: «как будто», «вроде бы», «не то... не то...», «что-то типа». Например: «сон 1. Запомнился плохо. **Что то типа того**, что у меня завтра день рождения, а сегодня уже вечер и я собираюсь покупать продукты на праздничный стол гостям, прихожу в Дикси (в реале в Дикси не хожу обычно), там совершенно пустые полки с единичными не нужными товарами, **как будто** магазин закрывается и распродают остатки. Тем не менее, очередь в кассу. Мне, **вроде бы**, и надо было бы купить пакеты в рулоне, но ради них стоять в очереди не хочется, решаю не брать и съездить за продуктами в Ашан. Параллельно мне звонит дочь из Питера и мы с ней обсуждаем, что у них с Яриком завтра свадьба. Я думаю, а нафига я тогда собираюсь устраивать праздничный стол, если дочь с Яриком все равно не приедут....» [luuna.ru].

В области синтаксиса обнаруживаются нестандартные грамматические конструкции, отражающие фрагментарный и ирреальный характер сновидений. Характерны парцелляция, эллипсис, анаколуфы и номинативные цепочки, передающие «стоп-кадровую» смену образов. Пунктуация приобретает статус мощного смыслового и стилистического средства: многоточие функционирует как маркер алогизма, противоречия здравому смыслу и неожиданности, а обилие восклицательных и вопросительных знаков становится индикатором интенсивности переживаний. Например: *«Некое подобие дурдома... Некоторые из психов более или менее спокойны и вполне нормальны, но иные ведут себя крайне неадекватно... Один с размаху бьет меня ломом... В моем левом плече образуется дырка... Сначала кровь пугающе сильно пульсирует и хлещет, но потом очень быстро заживает (может некое значение прощения?)»* [luna.ru].

На уровне прагматики сновидческий нарратив демонстрирует сосуществование нескольких коммуникативных стратегий: исповедальной (самораскрытие через описание сна), запросной (обращение к сообществу за толкованием), эстетической (рассказ ради художественного эффекта) и фатической (поддержание общения через обмен опытом). Данные стратегии определяют выбор языковых средств и формируют текстовую макроструктуру нарратива.

Описанные коммуникативные стратегии реализуются не как автономные риторические решения автора, а как результат взаимообусловленной работы когнитивных механизмов, предшествующих собственно языковому оформлению текста. Иными словами, прагматическая организация сновидческого нарратива является поверхностным – речевым – отражением более глубоких, ментальных процессов текстопорождения. Именно на этом уровне – уровне речемыслительной деятельности субъекта – необходимо искать объяснение тому, почему один и тот же «материал» (сновидение) порождает столь разнородные по стратегии и структуре нарративные тексты.

Лингвокогнитивные механизмы текстопорождения не действуют изолированно: в реальном процессе дискурсопорождения они образуют интегрированную систему, которую Н.Ф. Алефиренко характеризует как речемыслительную синергию дискурса. Применительно к сновидческому дискурсу цифровой среды взаимодействие когнитивных механизмов может быть описано следующим образом.

Исходным является гештальтное восприятие сновидческого опыта – целостный образ сна, сохраненный в памяти. Осознание внутренних речепорождающих мотивов (тревога, недоумение, потребность в интерпретации) запускает процесс вербализации. Прототипическая категоризация позволяет соотнести индивидуальный образ с типичными сновидческими сюжетами и персонажами. Фреймовая структура обеспечивает заполнение семантических слотов нарратива – кто, где, когда, что произошло. Сценарная организация задает динамическую развертку повествования. Инсайт может возникнуть как в процессе рассказывания, так и в результате коллективной интерпретации, порождая новый виток текстопорождения.

Как подчеркивает Н.Ф. Алефиренко, замысел представляет собой результат накопления впечатлений, которые нуждаются в речевом выражении по мере их интеллектуально-эмоционального обогащения. Сновидческий дискурс цифровой среды демонстрирует эту закономерность особенно наглядно: коллективная интерпретация непрерывно обогащает исходный смысл, стимулируя новые циклы порождения текста.

Согласно концепции Н.Ф. Алефиренко, дискурсивная матрица не только направляет языковое сознание, но и управляет им, преобразуя его в дискурсивное сознание. В сновидческом дискурсе эта трансформация проявляется в формировании особого типа языкового сознания – «сновидческого», в котором

ирреальность переживания сна сочетается с рациональностью его вербальной репрезентации и коллективного обсуждения.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что русскоязычный сновидческий дискурс цифровой среды представляет собой сложное речемыслительное образование, в порождении которого задействован полный спектр лингвокогнитивных механизмов. Прототип обеспечивает категоризацию сновидческих образов и жанровую типизацию нарратива. Инсайт выступает триггером перехода от имплицитного знания к эксплицитной вербализации и играет ключевую роль в коллективной интерпретации. Осознание внутренних речепорождающих мотивов определяет коммуникативную стратегию и прагматическую рамку высказывания. Фрейм структурирует семантическое пространство нарратива, задавая набор обязательных и факультативных элементов. Сценарий организует динамическую развертку текста. Гештальт обеспечивает целостное восприятие сновидческого опыта и определяет стратегии его языковой компенсации в условиях фрагментации цифрового формата.

Концепция дискурса как речемыслительного субстрата текста, разработанная Н.Ф. Алефиренко, предоставляет продуктивный аналитический инструмент для описания сновидческого нарратива в цифровой среде, позволяя выявить глубинные когнитивные процессы, предшествующие текстопорождению и определяющие его языковое своеобразие.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Алефиренко Н.Ф. Речемыслительная синергия дискурса: монография. – М.: Флинта, 2023. – 184 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Нейропсихические механизмы порождения дискурса как коммуникативного события: пролегомены / Н.Ф. Алефиренко, А.Т. Алефиренко // Организационная психолингвистика: Электронное периодическое издание. – 2023. – URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-naychnii-shynal/rybriki/konceptyalnie-voposi/nejropsihicheskie-mehanizmy-porozhdeniya-diskursa-kak-kommunikativnogo-sobytiya-prolegomeny/> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Берестнев Г.И. Пророческие сновидения: языковая образность, когнитивные механизмы / Г.И. Берестнев, И.Б. Васильева, А.А. Цветкова. – Калининград, 2024. – 224 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов, 2014.
6. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – М., 1987.
7. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1997.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
9. Усманова Л.А. От памяти к забвению: лингвистические маркеры сновидческого нарратива на русскоязычных форумах // Филология и культура. – 2025. – № 82 (4). – С. 77–82.
10. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.
11. Сны и Мы. – URL: <https://luuna.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
12. Тонкий мир. – URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Форум DF2. – URL: <https://forum.df2.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

HYBRID DREAM NARRATIVE IN DIGITAL POLYLOGUE: LINGUOCOGNITIVE BASES OF TEXT GENESIS

L.A. Usmanova

Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article explores the language of dreams in the context of digital communication from the perspective of a cognitive-discursive approach. Based on the analysis of narratives posted on online forums, the article identifies the linguistic and cognitive mechanisms that facilitate the transition from a holistic dream image to its verbal representation in the online environment. The article also explores the specific features of speech and thought processes in hybrid dream discourse.

Keywords: dream language, dream discourse, digital environment, linguocognitive mechanisms, frame, scenario, and gestalt.

УДК 81'42

Фаттахова Н.Н.¹, Мубаракшина А.М.²

ПРИНЦИП «СЕМЕЙНЫХ СХОДСТВ» КАК МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПОРОЖДЕНИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАГОРОСКОПЕ

^{1, 2} Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

¹ n-fattakhova@mail.ru

² blondyo10888@mail.ru

Потребность в прогнозировании грядущих событий коренится в фундаментальной когнитивной установке «познать свое будущее, скоординированное с изначально присущим человеку стремлением строить свою деятельность на основе» [Берестнев 2018: 17] полученных знаний. Подобный интерес нашел непосредственное отражение в языке, породив обширный корпус текстов предсказательного характера.

Языковая объективация искомой семантики проявляется в формировании устойчивых жанровых форм – от архаических заговоров, народных примет, пророчеств до современных метеорологических прогнозов, футурологических текстов и астрологических прогнозов, объединенных общей семантикой предсказания и моделями иррациональной каузальности. Отдельного внимания заслуживает медиагороскоп, представляющий собой вторичный речевой жанр, сочетающий черты прогностического, развлекательного и медийного дискурсов [Мубаракшина 2023: 38]. Благодаря активной транслируемости в средствах массовой информации, интернет-пространстве, социальных сетях и на телевидении, медиагороскопы стали неотъемлемым элементом повседневной коммуникации, что обуславливает их непосредственное воздействие на массовое сознание. При этом гороскопические тексты отличаются от профессиональных астрологических предсказаний в рамках прогностического астрологического дискурса в аспекте охвата целевой аудитории, глубины анализа, набора характерных лексико-грамматических средств и т.д.

В рамках медиагороскопов можно выделить два типа текстов: директивные (краткосрочные прогнозы, содержащие рекомендации к действиям) и дескриптивные (описания знаков зодиака). Вторые часто служат векторами идентификации человека как личности в сообществе носителей русской лингвокультуры, поскольку реализуют лингвокогнитивные механизмы, позволяющие реципиентам проецировать обобщенные вербальные описания на собственные характеристики: знаки зодиака предстают как бренды или культурные архетипы, сформировавшиеся «в результате взаимодействия языковых значений с фоновыми знаниями и культурными стереотипами» [Алефиренко 2022: 45]. В этой

связи медиагороскоп становится актуальным объектом исследования в русле лингвокультурологии, поскольку его содержание и языковое оформление отражают национально обусловленные модели восприятия действительности, укорененные в русской культуре и фольклоре; а исследования механизмов порождения стереотипного образа в гороскопическом тексте в русле идей научной школы Н.Ф. Алефиренко позволяет выявить те лингвокогнитивные операции, которые обеспечивают персонализацию прогноза и его интеграцию в суеверную картину мира носителя русского языка.

Целью настоящей статьи, таким образом, является описание механизмов концептуализации знака зодиака (на примере концепта «Овен») в медиагороскопе с опорой на принцип «семейных сходств» и теорию прототипов посредством ресурсов русского языка.

Принцип «семейных сходств» (*Familienähnlichkeiten*), отраженный в исследованиях выдающегося философа XX века Людвиг Витгенштейна, сместил внимание с классической аристотелевской модели категоризации, основанной на наличии общих необходимых и достаточных признаков.

Суть классического подхода заключалась в определении категории как «абстрактного вместилища с четкими непроницаемыми границами», все члены которой обладают общими существенными признаками и равным статусом [Живокина 2015: 7]. Согласно Л. Витгенштейну, члены одной категории связаны не едиными для всех набором свойств, а сложной сетью частичных сходств, перекрещивающихся подобно тому, как переплетаются черты членов одной семьи [Витгенштейн 1994: 111]. Эта идея была развита в рамках когнитивной психологии и лингвистики Элеонорой Рюш в теорию прототипов: центральное место в категории занимает наиболее репрезентативный ее представитель – прототип, а остальные элементы объединены с ним и друг с другом по принципу «семейных сходств», образуя радиальную структуру [Rosch 1973: 328]. Позже Джордж Лакофф применил эти положения к анализу языковых категорий, показав, что многие концепты имеют «радиальную» организацию, где периферийные значения мотивированы центральным, но не выводятся из него по строгим правилам [Lakoff 1987: 95].

Следует отметить, что идеи Л. Витгенштейна и теории прототипов получили продуктивное развитие в трудах представителей научной школы Н.Ф. Алефиренко (И.И. Чумак-Жунь, Е.А. Огнева, И.В. Чекулай, А.М. Аматов, О.В. Дехнич и другие ученые), разрабатывающих проблемы соотношения концепта, понятия и категории в их взаимосвязях с образами, символами, значениями и смыслами [Алефиренко 2010: 5]. В рамках данной школы обосновывается положение о том, что концепт обладает этнокультурно обусловленным смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка как основу этноязыкового сознания [Там же: 7]. Принципиально важным для настоящего исследования является вывод о том, что концепт представляет собой гибридное единство наименования предмета с его мыслительным образом, которое существует в сознании человека наряду с предметно-чувственным образом и понятием [Алефиренко 2019: 3].

Значимым методологическим основанием выступает также разрабатываемое в научной школе Н.Ф. Алефиренко представление о лингвокогнитивных механизмах вербализации концепта и синергетической архитектонике текста и дискурса [Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка 2016], которые в том числе обеспечивают переход от абстрактного астрологического символа к конкретному, узнаваемому и эмоционально окрашенному образу в тексте медиагороскопа.

В центре внимания нашего исследования – специфика концептуализации знака *Овен*, наделенного в астрологической традиции яркими характерологическими признаками. Он представляет собой интерес как знак, ассоциируемый с архетипом первопроходца, воина, инициатора, что создает

специфическую структуру «семейных сходств» между его различными дискурсивными репрезентациями.

На основании анализа текстов медиагороскопов, размещенных на тематических интернет-ресурсах и в тематических рубриках новостных электронных изданий (Гороскопы365.ру, Рамблер.Гороскопы, Кр.ру, Лиза.ру и др.) было установлено, что ядро концепта «Овен» формируется из пересекающихся признаков, мотивированных различными основаниями и вербализованных средствами русского языка. Так, доминирующими являются следующие источники концептуального содержания:

1. Поведение животного.

Образ барана в фольклорной и зоологической традициях связан с упрямством, напористостью, стадным инстинктом, с ролью вожака: *как баран на новые ворота; упрямый, как баран; куда один баран, туда и все стадо*. В медиагороскопе эти признаки переосмысливаются и вербализуются посредством ключевых слов и ассоциаций с ними:

- **упрямство (А):** *Если Овен что-то задумал, не стоит ему препятствовать, так как он будет из упрямства добиваться желаемого всеми силами* [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; **Упрямство, нежелание слушать других** и признавать собственные ошибки часто ведет к ссорам [Самый строптивый знак: URL]; *Из слабых сторон представителей знака можно отметить непримиримое упрямство, которое часто заходит слишком далеко, нежелание терпеть и ждать, а также неспособность слушать чужие советы, даже если они имеют ценность* [Овен: характеристика знака зодиака: URL].

- **лидерство (Б):** *Овны амбициозны и упрямы, любят выступать в роли руководителей. Они горячи и бесстрашны, не терпят, когда им указывают или требуют от них подчинения. Такие люди чаще работают на себя и не переносят бумажной волокиты, которая отбивает у них интерес к делу* [Самый строптивый знак: URL]; *Если подчинение касается работы, прилагают максимум усилий, чтобы самому продвинуться по карьерной лестнице и стать руководителем, хотя бы среднего звена, а не быть просто рядовым сотрудником* [Овен: характеристика знака зодиака: URL]; *В работе Овен всегда стремится к лидерству и поставленной цели, а в идеале – к признанию и славе, и нередко добивается своего* [Овен. Гороскопы365: URL].

- **импульсивность (В):** *Загореться идеей и зажечь ее огонь для других для Овна важнее, чем довести дело до конца. ... Напор, кратковременное мощное усилие, поиск цели и разведка боем – вот что выгодно отличает Овна от других знаков зодиака* [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; *Овны – воители, требующие обновления. Чтобы выполнить свое предназначение, такие люди должны быть решительными, активными, дающими отпор и умеющими завоевывать пространство* [Самый строптивый знак: URL]; *Нередки у них нервные срывы и депрессии на фоне хронической усталости* [Овен: характеристика знака зодиака: URL]; *Если же дело дойдет до конфликта, Овна несложно вывести из себя – приготовьтесь к его бурным и внезапным вспышкам гнева, которые, впрочем, проходят также быстро, как майская гроза* [Овен. Гороскопы365: URL].

- **эгоизм (Г):** *Как младенец, захотев что-либо, тут же оповещает об этом весь мир своим настойчивым криком, также и Овен считает нужным заявлять о своих желаниях, требуя от окружающих и даже от самой Судьбы того, что, по его мнению, принадлежит ему по праву. ... Впрочем, эгоизм и даже самовлюбленность Овна в большой степени сглаживаются другими его «детскими» чертами* [Овен. Гороскопы365: URL]; *Овен бесстрашен, горяч и эгоистичен* [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; *Эти люди проявляют*

упрямство и эгоизм, стремятся завоевать внимание окружающих. Ради достижения цели они способны даже преступить нормы морали [Самый строптивый знак: URL]; Женщина-Овен часто имеет мужской характер. А именно – характер мужчины-Овна. Целеустремленная, **эгоистичная**, волевая, самостоятельная, уверенная в себе. Она **высоко ценит себя** и не станет знакомиться с кем попало [Овен: характеристика знака зодиака: URL].

2. Мифология (Золотое руно, боевой баран, библейский Агнец).

Мифологическая основа концепта «Овен» является полисемантической и включает как античные, так и библейские пласты.

А) Основной источник – древнегреческий миф о баране с золотой шерстью, который спас Фрикса и Геллу, а затем его руно стало целью аргонавтов. Дополнительно – астрологическая архетипика, связанная с Марсом (бог войны) и началом весеннего равноденствия. Подобная когнитивная основа мотивирует функционирование в тексте гороскопа для Овна таких характеристик, как:

- **инициативность (Д): Инициатива и активность** представителей этого знака позволяет находить новые задачи, которые Овен ставит перед своими последователями [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; Целеустремленный и инициативный, часто идущий по непроторенной тропе, как истинный первооткрыватель. Все это о людях, родившихся под данным знаком [Овен: характеристика знака зодиака: URL]; Овны – это люди, которые приходят, чтобы **изменить** родовую программу. Каждый Род обладает незримой энергией. Если она устоялась, стала слишком инертной, Овны должны **дать новый толчок** колесу жизни и продвинуть вперед родовой Дух [Самый строптивый знак: URL]; Во всех любовных делах она **привыкла быть ведущей**, а не ведомой, так что не удивляйтесь, если она **первая** пригласит вас на свидание и даже первая вам предложит руку и сердце [Овен. Гороскопы365: URL].

- **энергичность (Е):** Конечно, с одной стороны, она от природы наделена многими «мужскими» достоинствами: она самостоятельна, **энергична**, умеет добиваться своего и склонна к прямоте, вплоть до безапелляционности [Овен. Гороскопы365: URL]; Овен без **энергетического потока Идеи** представляет собой жалкое зрелище, пока не найдет новую цель [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; Среди знаменитых актеров, звезд эстрады, политиков много родившихся под знаком Овна. Они обладают решительностью, **энергией**, целеустремленностью, которые позволяют им достигать своих целей [Самый строптивый знак: URL]; Задача родителей мальшей, родившихся под этим созвездием, понять к чему у чада есть способности и направить его **неуёмную энергию** в нужное и мирное русло [Овен: характеристика знака зодиака: URL].

- **способность к самопожертвованию (Ж):** Овнам очень важно заботиться о ком-либо, **представители этого знака любят обеспечивать близких всем необходимым**, часто искусные мастера различных ремесел [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; Главный символ этого знака зодиака – баранья голова. И она, как ничто другое, отображает противоречивость характера людей, родившихся под покровительством этого созвездия. С одной стороны, символ отражает **кротость, готовность принести самого себя в жертву ради других**. С другой стороны – это упрямство, мощная движущая сила [Овен: характеристика знака зодиака: URL]; В любви и в совместной жизни трудно представить себе большего собственника, чем женщина-Овен! Она **будет щедро делиться со своим партнером всем, что имеет, – своими деньгами, любовью, поддержкой, участием** – однако и с его стороны ожидает не меньше [Овен. Гороскопы365: URL].

- **целеустремленность (З):** Овен личность крайне **целеустремленная**. Что можно записать как в плюс, так и в минус, представителю знака. Если он действительно чем-то увлечен, он, без преувеличения, готов на все ради

достижения цели [Овен: характеристика знака зодиака: URL]; Овен, знак стихии Огня, открывает новый зодиакальный цикл, относится к стихии Огня, обладает особенной харизмой (качеством) первооткрывателя, **инициативой и целеустремленностью** [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; Овны – Несмотря на спокойный темперамент, эти люди привыкли **достигать своих целей и получать желаемое**; Овны предпочитают усиленный напор, энергию, активность, которые и позволяют совершить прорыв. **Если представители этого знака чем-то заинтересовываются, они преодолевают любые препятствия, чтобы достичь цели** [Самый строптивый знак: URL].

Б) В христианской традиции образ агнца (ягненка) занимает центральное место, что также нашло отражение в русском фольклоре: *Агнец с бараном – единое племя; благословенный баран лучше неблагословенного быка; кроткая овца всегда волку по зубам.*

Агнец Божий (*Agnus Dei*) – это Иисус Христос, приносящий себя в жертву за грехи мира. В медиагороскопах упоминания, коррелирующие с данным концептуальным основанием репрезентации Овна, актуализируют жертвенность, кротость, чистоту и амбивалентность образа. Данная семантика, эксплицируется преимущественно в контексте романтических идеалов, детской искренности или символической амбивалентности знака:

В отношениях с Овном можете быть уверены в одном его бесценном качестве: он не держит камня за пазухой и не плетет у вас за спиной хитроумных интриг. Он весь перед вами, как на ладони: если его что-то не устраивает в вас, он заявит вам об этом со всей прямотой [Овен. Гороскопы365: URL]; Однако за всей ее уверенностью (порой чрезмерной) и желанию все держать под своим контролем, скрывается удивительно **романтичная, тонкая натура, которая мечтает о неземной любви и ждет своего принца на белом коне** [Рамблер. Гороскопы. Овен: URL]; Овны приходят сюда для того, чтобы **первыми вступить на более совершенную ступень развития, ожидающую все человечество** [Самый строптивый знак: URL].

Проведенный анализ показал, что принцип «семейных сходств» в медиагороскопе для знака Овен функционирует как механизм, который позволяет объединить разнородные, а иногда и противоречивые признаки в рамках одной категории, не требуя от каждого представителя знака обладания всеми чертами. Так, один носитель знака может воплощать комбинацию **А+Б+Д** (*упрямство + лидерство + инициативность*) – в тексте он увидит себя во фрагментах, описывающих природную склонность руководить, не терпеть подчинения и быть первым в начинаниях. Другой – комбинацию **В+Е+Ж** (*импульсивность + энергичность + самопожертвование*) – сделает акцент на описании вспыльчивого, но щедрого и готового на самоотдачу ради близких. Третий набор **Ж+З+Г** (*самопожертвование + целеустремленность + эгоизм*) создает амбивалентный портрет, где эгоцентризм сочетается с готовностью на все ради своей цели и заботой о партнере. При этом возможные несоответствия с реальностью сглаживаются за счет выборочного восприятия реципиента или отнесения к иным астрологическим факторам.

Таким образом, проведенное исследование показало, что принцип «семейных сходств» выступает ключевым механизмом концептуализации и стереотипизации зодиакального знака Овен в русскоязычном медиагороскопе. Ядро одноименного концепта формируется из пересекающихся вербализованных признаков, мотивированных тремя доминирующими источниками: поведением животного, именуемого денотатом знака (упрямство, лидерство, импульсивность, эгоизм); античной мифологией (инициативность, энергичность, самопожертвование, целеустремленность) и библейским образом Агнца (кротость, жертвенность,

чистота). Эти признаки не образуют жесткой дефиниции, а связываются в радиальную структуру, вербализованную средствами русского языка. Выделение в качестве доминирующих отдельных ключевых слов в вербальном описании мотивировано когнитивным опытом самого реципиента и наличием у него фоновых культурных знаний. Подобная организация текста медиагороскопа обеспечивает устойчивость стереотипных представлений при сохранении их семантической гибкости, что объясняет успешность жанра в массмедиа.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 24 (95). – Вып. 8. – С. 5–11.
2. Алефиренко Н.Ф. Концепт – таинственный демиург когнитивной лингвопоэтики // Russian Linguistic Bulletin. – 2019. – № 1 (17). – С. 3–8.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта-Наука, 2022. – 288 с.
4. Берестнев Г.И. Язык и когнитивная структура профетических текстов: античность и русское православие: монография / Г.И. Берестнев, А.Я. Киреева. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, 2018. – 220 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – 544 с.
6. Живокина М.А. Категории и прототипы: от античности до современной лингвистики / М.А. Живокина, Е.А. Проценко // Russian Linguistic Bulletin. – 2015. – №1 (1). – С.6–7.
7. Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, приуроченной к юбилею Н.Ф. Алефиренко, Белгород, 11–12 янв. 2016 г. / НИУ БелГУ; сост.: Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова, И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: Эпицентр, 2016. – 508 с.
8. Мубаракшина А.М. Гороскоп в медиапространстве: лингвокоммуникативный аспект // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 3. – С. 38–43.
9. Овен: характеристика знака зодиака. – URL: <https://clck.ru/3SfVhF> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Овен. Гороскопы365. – URL: <https://clck.ru/3SfXta> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Рамблер. Гороскопы. Овен. – URL: <https://clck.ru/3SfWEM> (дата обращения: 10.03.2026).
12. Самый строптивый знак: почему с Овнами так сложно общаться и чем они хороши. – URL: <https://clck.ru/3SfVQh> (дата обращения: 12.03.2026).
13. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
14. Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 326–350.

THE PRINCIPLE OF “FAMILY RESEMBLANCES” AS A MECHANISM FOR CONCEPTUALIZING AND GENERATING A STEREOTYPICAL IMAGE IN RUSSIAN MEDIA HOROSCOPES

N.N. Fattakhova, A.M. Mubarakshina

Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article explores the principle of “family resemblances” as a mechanism for conceptualizing the zodiac sign Aries in Russian media horoscopes. Based on texts from thematic websites and news media, the study identifies three sources of conceptual content: animal

behavior, ancient mythology, and the biblical Agnus Dei. The overlapping attributes form a radial structure that ensures stereotype stability while allowing individual projection, thus enabling personalization of the forecast.

Keywords: family resemblances, media, personalization.

УДК 81'42

Черемохина Д.А.
**РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА
В ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Cheremohina@bsuedu.ru

Речемыслительный образ выступает динамической ментальной конструкцией, формирующейся в процессе речемыслительной деятельности, которая включает этап трансформации элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции. Н.Ф. Алефиренко в монографии «Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста» отмечает: «Ментальный образ служит средством сопряжения плана выражения и плана содержания подбираемого из внутреннего лексикона для выражения данного образа словесного знака. В таком акустико-смысловом сопряжении ментальный образ предопределяет функционально-стилистическую доминанту дискурсивной матрицы производимого текста» [Алефиренко 2026: 17–18]. В результате речемыслительный образ предстает не статичной конструкцией, а динамическим механизмом, обеспечивающим переход от концептуального сознания к языковому выражению.

Подробно механизмы связи языкового сознания и образа как результата речемышления рассматриваются в статье Н.Ф. Алефиренко и М.Б. Нуртазиной «Метафорический дискурс: в поисках сущности речевой образности». Исследователи отмечают, что «составляющими лингвосемиозиса, преобразующего мыслекод в язык слов, выступают процессы метафорической номинации, поиск внутренней формы вторичного номинанта, семантизация, коннотация и пр.» [Алефиренко 2018: 55]. Условной границей между внутренним (ментальным) и внешним (языковым) мирами выступает, по терминологии авторов, лингвокогнитивная мембрана, которая пропускает и регулирует потоки смысла и значения [Алефиренко 2018: 60–61]. Словесная метафора в таком подходе выступает феноменом, который синергетически конвергирует оязыковленные смыслообразы, проявляет связь чувственного и логического, невербального и вербального. Рождение метафоры как продукта «скорописи духа личности» (термин Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазиной) происходит благодаря озарению, в котором одновременно ясно видится суть проблемы и находится ее решение. Основополагающую роль озарение, безусловно, играет в процессе рождения художественного текста. Однако если в художественном тексте «скоропись духа личности» оформляется как поэтический образ, то в научном дискурсе такому же внутреннему скачку соответствует речемыслительный образ, который фиксируется в виде гипотезы, модели или концепта. В научном тексте озарение перестаёт оставаться чисто внутренним переживанием и превращается в речемыслительный акт, в котором ментальный образ трансформируется в понятийно-языковую форму.

Предметом нашего исследования выступают научные тексты ученых-лингвистов, в которых метафорические выражения функционируют не только как стилистический приём, но и как средство репрезентации речемыслительного образа. Метафоры рассматриваются нами как языковые формы, в которых ментальный

образ проблемного поля лингвистической науки материализуется в речи и фиксируется через образные схемы, которые одновременно «оформляют» и «вскрывают» внутренний ход мышления автора. Цель статьи – представить речемыслительный образ как когнитивную структуру, лежащую в основе использования метафор в научных текстах лингвистов, и показать, что метафорические выражения служат средством вербализации процесса речемышления автора в научном дискурсе.

Истоки научного стиля уходят корнями в художественный дискурс, отличающийся образностью и эстетическим началом. С течением времени научный текст эволюционировал, стремясь к объективности и рациональности и все дальше отдаляясь от художественной образности. Однако в трудах выдающихся лингвистов становление индивидуально-авторских стилей происходило с опорой на стилистические ресурсы языка: метафоры и другие средства выразительности выполняли ряд важных функций. Они привлекали внимание читателя (аттрактивная функция), применялись в аргументации (аргументативная функция) и участвовали в процессе вербализации сложных идей, объективируя динамику речемышления автора (когнитивная функция).

Примеры употребления метафоры в различном функциональном регистре мы наблюдаем в работах выдающегося русского лингвиста А.А. Потебни (1835–1891), который заложил основы психологической и семасиологической парадигм в лингвистике. Метафоры в текстах А.А. Потебни не только иллюстрировали и аргументировали научные положения, но и способствовали становлению лингвистики как науки, демонстрируя динамические процессы в языке и слове. Ученый писал: «Слово рождается в человеке невольно и инстинктивно, а потому и результат его, самосознание, должно образоваться инстинктивно» [Потебня 1892: 148]. Метафора «слово рождается... невольно и инстинктивно» репрезентирует речемыслительный образ языка как органического процесса, подобного биологическому рождению: слово – живое существо, возникающее без сознательного усилия, а самосознание – его естественный итог. Этот образ вербализует когнитивную модель А.А. Потебни, в которой язык эволюционирует автономно, через инстинктивные механизмы, аналогичные жизненным циклам. Метафора аргументирует позицию ученого, делая абстрактный процесс словообразования наглядным и убедительным.

Далее обратимся к работам Л.В. Щербы (1880–1944), выдающегося лингвиста, фонолога и педагога, автора фундаментальных работ по фонетике, грамматике и общей лингвистике. Л.В. Щерба внес большой вклад в экспериментальную фонетику и теорию языковых норм, формируя лингвистику как эмпирическую дисциплину. Его подход к метафоре ярко отразился в педагогической практике, описанной Л.В. Успенским в книге «Слово о словах». Обсуждая с учениками ставшую сегодня известной фразу «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка», Л.В. Щерба говорил: «...нельзя утверждать, что моя искусственная фраза ничего не значит! Нет, она значит, и очень многое, только её значение не такое, к каким мы привыкли. В чём же разница? А вот в чём. Дайте нескольким художникам нарисовать картину по этой фразе. Они все нарисуют по-разному, и вместе с тем, – всё одинаково. <...> никто не нарисует слона, который разбил бочку и катает бочонок? Никто! А почему? А потому, что моя фраза подобна алгебраической формуле!» [Успенский 1971: 310]. Метафорическое сравнение в тексте Л.В. Щербы вербализует когнитивный процесс интерпретации фразы, которая не имеет фиксированного смысла, а позволяет художникам (носителям языка) понимать ее как переменную структуру и генерировать вариации значения, опираясь на морфологическую форму языковых единиц. Таким образом, Л.В. Щерба использует метафору для демонстрации особенностей языковой системы и репрезентации мыслительных процессов в педагогическом дискурсе.

Особенно ярко полифункциональность метафоры проявлялась в работах В.В. Виноградова (1895–1969), чьи исследования середины XX в. внесли весомый вклад в изучение синтаксиса, стилистики и истории языка. Как отмечает Н.В. Халикова, для В.В. Виноградова «был важен сам способ представления явления, его словесный образ» [Халикова 2018: 45]. Метафора позволяла ученому не только описывать, но и моделировать ход своих мыслей в условиях методологической новизны сложных вопросов лингвистики. Например, в работе «О языке художественной литературы» Виноградов пишет: «Гоголь как художник слова – это тема историко-литературного исследования, которое почти не начато. В нее, как в большой спутанный клубок, вплелось множество побочных проблем. Некоторые из них уходят далеко за пределы творчества Гоголя...» [Виноградов 1976: 191]. Здесь метафора «спутанный клубок» вербализует когнитивную структуру речемыслительного образа: научная проблема предстает не как линейный ряд фактов, а как запутанная, многомерная сущность, требующая «разматывания». Еще один пример из размышлений о стилистике: «Стилистика выростала, как дикий бурьян, на границе между лингвистикой и историей литературы. Сквозь нее проходило много исследователей, но специально ее, как особую науку, возделывали лишь те из них, кто занимался философией языка, эстетикой слова и историей литературной речи. <...> И почти каждая стилистическая проблема балансирует на канате, протянутом от литературных дисциплин к лингвистике. Эти колебания, это раздвоение редко бывали плодотворными» [Виноградов 1980: 42]. Метафоры «дикий бурьян на границе между лингвистикой и историей литературы», «ее, как особую науку, возделывали» и «балансирует на канате» конструируют речемыслительный образ новой отрасли знания, которая, находясь на пограничье наук, пребывает в хрупком методологическом равновесии. Таким образом, в индивидуально-авторском стиле В.В. Виноградова метафоры и иллюстрируют проблему, и репрезентируют речемыслительный образ, и оценивают продуктивность и плодотворность новых идей.

Проведенный анализ научных текстов лингвистов (А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова) подтверждает, что метафорические выражения функционируют не только как стилистический прием, но и как средство репрезентации речемыслительного образа. Этот образ предстает когнитивной структурой, лежащей в основе вербализации процесса речемышления автора в научном дискурсе. От художественных истоков к рационализированному научному тексту метафора сохраняет функцию репрезентации речемышления, адаптируясь в работах лингвистов к задачам анализа языка. Полученные выводы имеют методологическое значение для стилистики научного текста, корпусной лингвистики и когнитивной семантики: они позволяют выявлять мыслительные паттерны авторов через метафорический анализ. Перспективы исследований включают корпусный анализ современных лингвистических текстов (например, из НКРЯ) для квантификации метафор как индикаторов речемыслительных образов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Метафорический дискурс: в поисках сущности речевой образности / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина // Cuadernos de Rusística Española. – 2018. – Вып.14. – С.49–65.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / послесл. А.П. Чудакова; коммент. Е.В. Душечкиной и др. – М., 1980. – Т. 5. – 361 с.
3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / отв. ред. М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. – М., 1976. – Т. 4. – 514 с.
4. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.

5. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – 2-е издание. – М.: Типография Адольфа Дарре, 1892. – 228 с.
6. Успенский Л.В. Слово о словах. Почему не иначе? – Л.: Детская литература, 1971. – 720 с.
7. Халикова Н.В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова // Русский язык в школе. – 2018. – Т.79. – №9. – С. 61–66.

A SPEECH-THINKING IMAGE AS A COGNITIVE STRUCTURE IN THE DISCOURSE OF A SCIENTIFIC TEXT

D.A. Cheremokhina

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article explores the speech-thinking image as a mental model that is formed in the process of verbalization of scientific ideas. Based on the texts of Potebnya, Shcherba, and Vinogradov, the article analyzes how the speech-thinking image affects the structure of argumentation and the metaphorization of abstract concepts.

Keywords. Speech-thinking image, speech imagery, speech-thinking, metaphor, scientific discourse.

УДК 81'42

Шеметова Е.А.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АНГЛО-РУССКОГО ТРАНСФЕРА МОДЕЛИ-РЕКОНСТРУКЦИИ «СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЗАМОК» В РОМАНЕ В. СКОТТА «АЙВЕНГО»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный институт искусств и культуры
elizaweta-gl@mail.ru

Одним из актуальных направлений современного переводоведения является проблематика функционирования лингвокогнитивных механизмов в процессе межъязыковой перекодировки форматов художественного дискурса. Лингвокогнитивные механизмы в этом случае представляют собой совокупность взаимосвязей компонентов текстовых моделей, в которых «дискурсивно-модусная ипостась коммуникативно значимого события служит первоосновой формирования визуальных очертаний» [Alefirenko 2022: 4].

Дискурсивно-модусное моделирование текстовых конструкторов создает предпосылки для интерпретации текста-оригинала и текста-перевода с последующей интерпретацией «кросс-лингвальных моделей художественного дискурса с точки зрения их смыслопостроения» [Огнева 2026]. Кросс-лингвальные текстовые модели рассматриваются в качестве бинарных построений художественных произведений на двух и более языках, в оригинальной и переводной версиях с учетом «сложных текстовых, контекстуальных и интертекстуальных связей, которые характеризуют переводы» [Жирова 2025] в ракурсе дискурсивного функционирования.

Тексты оригинальных и переводных художественных произведений создают текстовые миры, в свете чего актуализируется «когнитивная аттракция в текстовых мирах» [Даниленко 2022].

Когнитивная аттракция рассматривается в качестве свойства текста, в проводимом исследовании в качестве свойства художественного текста. Когнитивная аттракция функционирует как механизм привлечения и удержания внимания читателя к тексту оригинала и тексту перевода в дискурсивно-модусном формате,

где текст оригинала предстает «как объект межкультурной адаптации» [Моисеева 2003] в качестве лингвокогнитивного механизма.

В этом ракурсе когнитивная аттракция сопряжена с «этнокультурным колоритом, освоение которого служит глубинному постижению веками сформированного автохтонного жизнеустройства» [Шахпутова 2022: 92].

Следовательно рассмотрение художественных произведений в аспекте переводческого трансфера как процесса перекодировки сюжетно-тематических моделей с одного языка на другой основано на привлечении интерпретативного алгоритма исследования специфики «передачи компонентов переводческого кода» [Огнева 2004].

Переводческий код функционирует в рамках билингвального и мультилингвального трансферов.

Под билингвальным трансфером понимается модельная перекодировка текста оригинала на один иностранный язык, в то время как мультилингвальный трансфер представляет собой модельную перекодировку на два и более иностранных языка.

Исследование показало, что при билингвальном и мультилингвальном трансферах «интерпретативный потенциал выявляется у всех единиц оригинального текста» [Неваленая 2024: 325]. Интерпретативный потенциал в этом случае предстает лингвокогнитивным текстовым механизмом.

Следовательно, модели интерпретативного потенциала при билингвальном и мультилингвальном трансферах будут отличаться, прежде всего, количеством сопоставляемых сегментов этих моделей с учетом сюжетно-тематического построения текста оригинала в его функционировании в виде сюжетно-тематических моделей в рамках построения «когнитивно-семиотической модели перевода» [Наумова 2025: 742].

Выявление интерпретативного потенциала моделей при билингвальном и мультилингвальном трансферах представляет собой перспективное направление в современном переводоведении.

В данной статье прослеживается интерпретативный потенциал билингвального трансфера, а именно англо-русского трансфера исторического романа В. Скотта «Айвенго» [Scott 2022], впервые опубликованного более двухсот лет тому назад в 1819 году в Эдинбурге и впервые переведенного на русский язык Ковтыревым в 1823 году. Анализируемый в статье перевод Е. Бекетовой опубликован впервые в 1882 году.

Основным постулатом в статье является тезис о том, что интерпретативный потенциал билингвального трансфера определяется в сопряжении с его лингвокогнитивными механизмами функционирования с учетом того фактора, что перевод «лингвокультурных феноменов влияет на восприятие характеров персонажей» [Лукин 2025: 52].

Так, для создания образа одного из персонажей рассматриваемого романа, Седрика Сакса, В. Скотт детально описал его Средневековый замок, не отличавшийся уютом.

Текстовая художественная модель «Средневековый замок» в тексте оригинала состоит из следующих семи компонентов: 1) параметры зала, 2) описание стола, 3) описание потолка зала, 4) месторасположение очага, 5) состояние системы отопления зала и замка, 6) украшение стен зала, 7) двери в средневековом замке.

Далее представлена интерпретация каждого компонента модели «Средневековый замок» в сопоставительном ракурсе на основе результатов англо-русского трансфера.

1. Параметры зала переданы номинантом «In a hall, the height of which was greatly disproportioned to its extreme length and width» [Scott 2022] / «в зале, высота которого была несоразмерна его чрезмерной длине и ширине». В номинанте

отсутствуют архитектурные пропорции и выявлена поляризация пропорций зала, что говорит о грубом характере хозяина замка.

Номинант перекодирован асимметрично в плане выражения, поскольку переводчиком был применен прием конкретизации, подчеркнувший полярность пространства зала за счет двух имен прилагательных «просторный, но низкий».

2. Описание стола отражено в номинанте «a long oaken table formed of planks rough-hewn from the forest, and which had scarcely received any polish» (там же) / «длинный дубовый стол, сформированный из досок, грубо высеченных из леса, и который едва получил какой-либо обработку», номинант также подчеркивает грубость характера хозяина замка.

В переводном варианте номинанта упоминание о длине стола нивелируется и указывается на тот факт, что стол был большой, что приводит к искажению лингвокультуры средневекового стола, которым должен был быть длинным. Материал, дуб, из которого изготовлен стол, переведен симметрично. Параметр грубости досок также передан симметрично в переводе на русский язык.

3. Описание потолка зала выражено в номинанте «The roof, composed of beams and rafters, had nothing to divide the apartment from the sky excepting the planking and thatch» (там же) / «крыша, состоящая из балок и стропил, не имела ничего, чтобы отделить комнату от неба, кроме доски и соломы», что указывает на теплую погоду в той местности, где построен замок, иначе, в случае холодной погоды зимой, замок был бы утеплен.

Переводной номинант асимметричен в плане содержания и в плане выражения, где применена трансформация форм связи в предложении, вследствие чего в оригинальном номинанте внимание фокусируется на крыше, а в переводном номинанте – на комнате, то есть трансформирована пространственная ось комнаты, а именно вертикальная ось, привлекавшая внимание читателей оригинального произведения заменена на горизонтальную пространственную ось в переводной модели.

Следовательно, проксемный аттрактор в рассматриваемой модели оригинала и перевода поляризован, что привело к смещению фокуса аттракции в модели.

4. Месторасположение очага маркировано номинантом «there was a huge fireplace at either end of the hall» (там же) / «был огромный камин в другом конце зала», номинант описывает источник тепла и света в зале, и его размеры соответствуют огромному пространству зала.

В переводном варианте номинанта вследствие трансформации категории числа с единственного на множественное говорится об огромных очагах в противоположных концах зала. Осуществленная трансформация изменила аттрактор, описывающих внутреннее устройство зала, рассредоточив внимание читателя от одной точки зала, где находится огромный камин, в разные точки, где находились, как минимум, два огромных очага.

Более того, наличие двух каминов вместо одного говорит о более холодном климате за стенами замка, и о большем уюте в зале замка, где должно быть очень жарко, несмотря на тонкую крышу. Также данная трансформация указывает на то, что хозяин дома Седрик Сакс в тексте перевода более богат и позволяет себе иметь такой запас дров, чтобы хватило на два камина в зале. Увеличение количества каминов в тексте перевода подчеркивает тот факт, что хозяин изнежен и предпочитает находиться в тепле, что противоречит стилю жизни персонажа, описанному в модели оригинала.

5) состояние системы отопления зала и замка представлено в номинанте «as the chimneys were constructed in a very clumsy manner, at least as much of the smoke found its way into the apartment as escaped by the proper vent» (там же) / «поскольку дымоходы были построены очень неуклюжим образом, по крайней мере, столько же дыма попало в комнату, сколько не попало в вентиляционное отверстие», номинант

показывает специфику устройства дымовых труб в замке, которые также выполнены грубо, как и все остальные компоненты зала.

Искаженный перевод предыдущего номинанта, в котором вместо одного камина появилось, как минимум, два камина, проецируется и на данный номинант, несмотря на его симметричную перекодировку, поскольку в оригинале от одного огромного камина отходит несколько труб, что соответствует Средневековью, а в переводе от каждого камина отходит по трубе, то есть система отопления зала в замке в переводном номинанте описана иная и не соответствует системе, описанной В. Скоттом.

6. Украшение стен зала представлено в номинанте «On the sides of the apartment hung implements of war and of the chase» (там же) / «по бокам комнаты висят оружие для войны и погони», номинант маркирует милитаризованный род деятельности хозяина замка.

В переводном номинанте посредством приема конкретизации переводчик уточняет тот факт, что погоня может быть только на охоте, поэтому заменяет лексику «погоня» лексемой «охота», что приводит к конкретизации аттрактора об более общего понятия погони к конкретному понятию «охота».

7. Двери в средневековом замке отражены в номинанте «there were at each corner folding doors, which gave access to other parts of the extensive building» (там же) / «были в каждом углу складные двери, которые дали доступ к другим частям обширного здания», номинант подчеркивает описание наличия дверей в каждом углу тот факт, что зал находился в центре замка.

Номинант переведен симметрично, поэтому зал в переводной модели средневекового замка находится в центре дома, как и в оригинальной проксеимной модели.

В целом, модель «Средневековый замок», состоящая из семи номинантов, вследствие трансформации категории числа в четвертом переводном номинанте, приведшей к увеличению количества каминов в зале в проксеимной модели текста перевода и к изменению системы отопления, искажена, что привело к изменению образа хозяина замка, Седрика Сакса, с грубого на более изнеженный, любящий тепло и уют.

Темпоральный аспект выражен одним лексическим таймером «the evening meal», который переведен симметрично как «вечерняя трапеза» [Скотт 1985: 45].

Таким образом, исследование модели «Средневековый замок», репрезентированной в историческом романе В. Скотта «Айвенго» выявило факт наличие различных типов лингвокогнитивных механизмов, прежде всего, в оригинальном тексте, а именно, к лингвокогнитивным механизмам были отнесены текстовая аттракция и текстовый интерпретативный потенциал.

В аспекте англо-русского трансфера модели «Средневековый замок» указанные лингвокогнитивные механизмы проявляются как фактор функционирования номинантов при билингвальном трансфере, посредством которого эти номинанты транскодированы преимущественно асимметрично – в тексте перевода замок представлен более уютным, чем в тексте оригинала, что привело к искажению образа хозяина замка с грубого средневекового землевладельца на более изнеженный образ.

Литература

1. Даниленко И.А. Алгоритм реализации когнитивной аттракции в текстовых мирах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч. – Челябинск, 2022. – С. 183–186.

2. Жирова И.Г. Прагматические аспекты перевода // Грани перевода. Материалы научно-практического круглого стола в рамках научно-практической конференции с международным участием. – М., 2025. – С. 23–30.
3. Лукин Д.С. Анализ перевода реалий на русский язык на примере сериала «Дом дракона» / Д.С. Лукин, Е.Д. Кудрявцева // Грани перевода. Материалы научно-практического круглого стола в рамках научно-практической конференции с международным участием. – М., 2025. – С. 51–58.
4. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. – Белгород, 2003.
5. Наумова А.И. Трансформация концепта «Дружба» в контексте культурного перевода романа Э Берджесса «Заводной апельсин» на русский язык / А.И. Наумова, К.С. Потовская // Казанская наука. – 2025. – № 11. – С. 742–744.
6. Неваленая Е.В. Интерпретативный потенциал транскодированных лингвокультурем (на материале романа Э. Уортон «Эпоха невинности» и четырех его переводов) // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Материалы II Всероссийской научной конференции. – Барнаул, 2024. – С. 324–329.
7. Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода. – Белгород, 2004.
8. Огнева Е.А. Функционирование моно- и кросс-лингвальных моделей художественного дискурса / Е.А. Огнева, В.Д. Высочина, К.С. Чупина, Н.В. Шкилёва // Филология: научные исследования. – 2026. – № 1. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77300 (дата обращения: 20.03.2026).
9. Скотт В. Айвенго: Роман / Пер. с англ. Е. Бекетовой., Вступ. Статья и примеч. А. Ингера., Худож. А. Лурье. – М.: Худож. лит., 1985. – 432 с.
10. Шахпутова З.Х. Механизмы экспликации этнокультурной ауры автохтонного и переводного текста / З.Х. Шахпутова, Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Филология. – 2022. – Т. 141. – № 4. – С. 92–105.
11. Alefirenko N.F. Language imagery: discursive and modus creative // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – № 8 (4). – P. 3–14.
12. Walter Scott. Ivanhoe. The project Gutenberg EBook [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/82/pg82-images.html> (дата обращения: 15.12.2022).

**LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF THE ENGLISH-RUSSIAN
TRANSFER OF THE “MEDIEVAL CASTLE” RECONSTRUCTION MODEL
IN THE NOVEL “IVANHOE” BY W. SCOTT**

E.A. Shemetova

Russia, Belgorod, Belgorod State Institute of Arts and Culture

Abstract. The article examines the English-Russian translation transfer of the “Medieval Castle” model, which is represented in Walter Scott’s historical novel “Ivanhoe”. For the first time, textual attraction and textual interpretative potential are considered as linguistic and cognitive mechanisms of translation transfer. The terms “bilingual transfer of a textual model” and “multilingual transfer of a textual model” are introduced. It has been established that in the bilingual transfer of the Medieval Castle model, the nominants of the model are predominantly transcoded asymmetrically, which created a more cozy castle in the translated text than in the original text and led to a distortion of the image of the castle’s owner.

Keywords: translation transfer, text model, bilingual transfer of a text model, multilingual transfer of a text model, symmetry, asymmetry.

УДК 81'42

Абакумова О.Б.¹, Цуканов М.В.²

**СТРУКТУРА ОБРАЗА ДЕНОТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ПОСЛОВИЦЫ
С НУМЕРАТИВОМ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

^{1, 2} Россия, г. Орёл, Орловский государственный университет имени

И.С. Тургенева

¹ Abakumova-ob@mail.ru

² tsukanov1307@yandex.ru

Профессор Н.Ф. Алефиренко справедливо замечает: «Если под фразеологическим значением принято понимать сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей языка, то под фразеологическим смыслом – индивидуальное значение фраземы, выхваченное из этой устоявшейся системы связей. Вместо них в дискурсе оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данной ситуации. Поэтому фразеологический смысл – результат привнесения в фразему коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемой ситуации» [Алефиренко 2025: 18].

Пословицу мы определяем как коммуникативный фразеологизм со структурой предложения, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное высказывание, с обобщенным, чаще метафорически мотивированным значением, которое функционирует в тексте/дискурсе как косвенный речевой акт [Абакумова 2013, 2022].

Смысл фраземы, по мнению Н.Ф. Алефиренко, а в нашем случае, смысл пословицы в дискурсе, возникает в процессе речемыслительной деятельности в конкретный отрезок времени и в конкретной дискурсивной ситуации. «Фразема, оказавшись в «ассоциативно-семантической сети» соответствующего дискурса, обогащается особыми экспрессивно-смысловыми свойствами. Превращение знака в экспрессивно-образный и сотворение в процессе индивидуального смысла фраземы осуществляется благодаря чувственному переживанию представляемого фраземой образа денотативной ситуации» [Алефиренко 2025: 19].

В данной статье представлен процесс описания образа денотативной ситуации и выявления смысла пословицы в художественном дискурсе с помощью модели КДМП (когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе) [Абакумова 2013].

Пример 1. взят нами из книги В. Михальского «Для радости нужны двое», где используется хорошо известная русская пословица «*Семь раз примерь (отмерь) – один отрежь*». Словарь русских пословиц и поговорок дает такое определение значения пословицы: «Перед тем, как сделать, решить что-либо, ответственное, серьезное, тщательно обдумай, всё предусмотрй» [Жуков 1966: 410]. Число «семь», используемое в качестве компонента структуры пословицы, считается символом святости у многих народов, а также символом разума [Похлебкин 2005: 393]. В русской традиции число «семь» считается числом удачи (*быть на седьмом небе от счастья*). В английской культуре чаще используется число «девять» (*on cloud nine*) [Цуканов 2024].

Коммуникативная ситуация, представленная в эпизоде художественного произведения, следующая: люди, оказавшиеся вдали от родных мест, без жилья, обсуждают строительство нового дома.

Хаджибек: Сейчас выберем место и сразу начнем.

Мария: Ну куда так спешить? Надо еще придумать дом. У нас в России так говорят: **семь раз отмерь – один отрежь**.

Хаджибек: Я счастлив, что вы согласны, сейчас обрадую своих.

И, не дожидаясь, что скажет Мария, господин Хаджибек засеменил в дом. (Михальский. Для радости нужны двое).

Коммуникативная составляющая связана с выбором типа коммуникативного действия говорящим. Говорящий (Мария) использует тип собственно коммуникативного действия, имеющий целью взаимопонимание и последующую совместную деятельность. Когнитивный оператор: *желая предупредить о необходимости быть осторожным*;

Когнитивное использование языка представляет собой разворачивание пословичного сценария и переосмысление пословичного предиката.

Семантический класс пословичного предиката: рекомендуемое действие, тип которого переосмысливается (*отмерь – обдумай, отрежь – реши и действуй*) и приобретает характеристику нового качества, которое мы определяем как *квалитатив осторожности, благоразумия*.

Образ денотативной ситуации можно представить в виде разворачивания пословичного сценария в художественном дискурсе как наложение трёх типов фреймов (образного, обобщенного и конкретно-ситуативного).

Образный фрейм на уровне внутренней формы пословицы представляет собой *Пошив одежды*. Ситуация предполагает наличие действий, связанных с измерением объемов фигуры человека, определением нужного количества ткани, которую позже нужно будет отрезать от имеющегося куска, предварительно нарисовав мелом точные контуры изделия. Если портной ошибется и отрежет неправильно, вернуть отрезанное будет уже невозможно.

Обобщенный фрейм: Перед тем как приступить к серьезному, ответственному делу, нужно тщательно все просчитать и предусмотреть. Назовем данный фрейм «Подготовка к действию/деятельности». Неторопливое взвешенное обсуждение проблемной ситуации следует предпочесть необдуманному быстрому действию.

Конкретно-ситуативный фрейм также связан с подготовкой к действию, это строительство дома, приступить к которому так спешит господин Хаджибек, но его останавливает Мария, используя в качестве аргумента русскую пословицу. Назовем этот фрейм соответственно «Подготовка к строительству дома».

Пословичный сценарий: принятие решения о строительстве дома уподобляется изготовлению одежды. Говорящий предупреждает, что не стоит спешить, а следует все очень внимательно обдумать, просчитать, «придумать дом», т.е. составить план-проект и только после этого приступать к работе. Оператор: *я говорю, что прежде, чем действовать, нужно все обдумать и просчитать*.

Репрезентативная (экспрессивная) составляющая связана со социальной ролью говорящего, дающего совет. Именно в речи говорящего интенция вербализуется, обретая конкретную языковую форму, в данном случае в форму метафорически мотивированной пословицы, происходит превращение знака свободного словосочетания в экспрессивно-образное выражение, снабженное коннотациями разного рода (рациональной и эмоциональной оценкой, культурными фоновыми ассоциациями, стилистическим регистром). Модальность высказывания эпистемическая, основанная на опыте поколений, деонтическая, связанная с долженствованием, аксиологическая, указывающая на особый статус числа «семь» в русской традиции. Оценка ситуации рациональная, нормативная. Иллокутивная сила: директив. Говорящий рекомендует все тщательно обдумать и предусмотреть, прежде чем приступать к такому серьезному делу, как строительство дома. Число «семь» выступает в структуре пословицы как репрезентант числового кода русской культуры, символизирует разум и призывает к рациональному поведению, предупреждает о необходимости принимать только хорошо

продуманные взвешенные решения. Это число в русской традиции наделяется особым статусом, отражая полноту и совершенство [Цуканов 2025: 316]. Культурная коннотация связана именно с этим числом, которое в русской культуре считается счастливым. Оператор: *я думаю, ты понимаешь, что это правильно.*

Регулятивная составляющая связана с опорой на нормы социального поведения и инференцией смысла пословицы слушающим и послания автора произведения читателем. В пословичном директиве реализуются заложенные в семантике пословицы деонтические нормы безопасности и благоразумия: следует быть осторожным, советоваться с людьми, не принимать необдуманных решений (утилитарные нормы по В.И. Карасику). Но контекст показывает, что второй участник коммуникации, принадлежащий другой культуре, не спешит соглашаться с мудростью русской пословицы и торопится приступить к строительству дома без серьезной подготовки. Оператор: *сделай вывод: не следует принимать поспешных решений*, Нормы осторожности и благоразумия рекомендуют советоваться с людьми, чтобы все как следует серьезно обдумать, обсудить, взвесить и просчитать.

Кратко рассмотрим другие примеры с использованием данной пословицы, чтобы посмотреть, как образ денотативной ситуации отражается и/или модифицируется в зависимости от ситуации референтной.

Пример 2.

Коммуникативная ситуация, описанная в произведении И. Лазутина, представляет ситуацию выбора, который должен был сделать молодой человек по имени Николай в своих отношениях с женой. «Много бессонных ночей провел он когда-то в раздумьях над тем, что делать: найти работу, которая нравится ей, или, отшвырнув её мещанские предрассудки и ложный стыд, идти своей дорогой? Выбрав последнее, он потерял Наташу». (Лазутин. «Сержант милиции»). Автор пишет, что Николай крутым нравом пошел в отца, который на резких поворотах в жизни всегда руководствовался пословицей: «Семь раз отмерь, один отрежь». Образ денотативной ситуации в данном контексте получает негативные коннотации. Читатель инферирует, опираясь на нормы осторожности и благоразумия, что молодой человек недостаточно все взвесил, прежде чем принять серьезное решение. Фрейм «Семейная жизнь: выбор профессии»

Пример 3.

В книге «Алитет уходит в горы» представлен разговор двух мужчин, одного из которых зовут Никита Сергеевич. Его собеседник, подчиненный, обращается к нему с вопросом: А почему бы нам сразу не начать организацию родовых советов? На что руководитель отвечает: А вот потому, друг мой, что ты вот никак не хочешь понять одну очень важную русскую пословицу: «Семь раз отмерь, один отрежь» (Семушкин. Алитет уходит в горы). Фрейм «Карьера: выбор пути». Оценка ситуации рациональная (позитивная или нейтральная у руководителя, который понимает, что время для действий еще не наступило) и эмоциональная (негативная у подчиненного, который не хочет долго ждать и готов к резким переменам).

Пример 4.

В произведении Островского находим такой эпизод, участники которого обсуждают кандидатуру жениха: «А теперь, значит, дело стало за тем, чтоб узнать, что это за человек и стоит ли его любить, а тем паче выходить замуж. Потому что пословица говорит: семь раз отмеряй, а один отрежь» (Островский. Красавец мужчина). Фрейм «Сватовство. Женитьба». Рациональная оценка ситуации образа денотата в конкретном контексте скорее отрицательная, в речи говорящего чувствуется настороженность.

Пример 5.

Короткая цитата из произведения Николаевой содержит трансформированный вариант пословицы: «Иные вопросы надо быстро решать, а иные по пословице: «Семь раз обмозгуй, а один раз реши» (Николаева. Повесть о

директоре МТС и главном агрономе). Модифицированный вариант пословицы сохраняет структуру, но убирает метафорическую образность. При этом значение пословицы не меняется, но смысл в данном контексте двоякий: говорящий обсуждает две стратегии поведения в проблемной ситуации и вполне допускает принятие быстрого решения. Фрейм «Принятие решения».

Число «семь», как можно было убедиться, обладает в русской традиции особым статусом, отражая полноту и совершенство описания ситуации выбора, предшествующей принятию окончательного решения и переходу к деятельности. Образ денотативной ситуации может сохраняться, но чаще претерпевает некоторые изменения вплоть до смены оценочного знака с плюса на минус, чаще все-таки сохраняя нейтральный статус завершенности и рациональной оценки.

Предложенная модель актуализации значения и смысла пословицы в дискурсе (КДМП) на материале художественного текста позволила выявить, что культурно-значимые смыслы концепта числа получают свое выражение в интерпретационной структуре паремиологического образа: 1) измерение параметров объекта внешнего мира, конструирование, построение нового; 2) смысл, связанный с необходимостью тщательно обдумывать свои планы прежде, чем принимать серьезные решения и приступать к действию; 3) значение пословицы как текста в тексте художественного произведения, отражает культурные смыслы и опыт предшествующих поколений; 4) пословица как самый сложный языковой знак, называющий, моделирующий и оценивающий денотативную ситуацию, в центре которой находится проблема ответственности принятия решения; 5) образ сознания языковой личности автора, который, используя символику чисел, дает своим героям шанс стать счастливыми обладателями нового дома, гармоничных отношений, создания семьи, новых отделов в государственном учреждении или просто принятия решений в проблемной ситуации.

Представляется, что в данных эпизодах из художественных произведениях с помощью образа создания дома, семьи, городского совета и т.д. и символики числа выражаются эмпатический и эйдетический символические смыслы [Карасик 2025: 115], поскольку читатель с самого начала проникается симпатией к своим героям, а затем попадает под влияние созданных автором ярких и значимых образов, понятных представителям данной культуры.

Литература

1. Абакумова О.Б. Пословица в языке, сознании и коммуникации. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 354 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Теоретическая база когнитивной фразеологии // Актуальные проблемы фразеологии в контексте новейших исследований XXI века: монография. – М.: Академия Естествознания, 2025. – С. 11–23.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 536 с.
4. Карасик В.И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Актуальные проблемы фразеологии в контексте новейших исследований XXI века: монография. – М.: Академия Естествознания, 2025. – С.104–118.
5. Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 543 с.
6. Цуканов М.В. Числовой код лингвокультуры и его проявление в русской и английской паремиологической картине мира / М.В. Цуканов, О.Б. Абакумова // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Институт Языкознания Российской академии наук – М.: ИЯ РАН, 2024. – С. 56–67.
7. Цуканов М.В. Концепт числа в русской и английской паремиологической картине мира // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. – Вып. №2(63). – Ч.1. – С. 315–318.

THE IMAGE STRUCTURE OF THE DENOTATIVE SITUATION OF THE PROVERB WITH NUMERAL COMPONENT AND ITS REALIZATION IN DISCOURSE OF FICTION

O.B. Abakumova, M.V. Tsukanov

Russia, Orel, Orel State University named after I.S. Turgenev

Abstract. The paper covers the problems of image structure of the proverb with numeral component and its sense actualization in discourse of fiction by means of cognition and discourse model (CDMP). The analysis showed the development and transformation of the image evaluation under the influence of communicative situation and the position of the author of the text of fiction.

Keywords: proverb, image structure, numerical code of culture, discourse of fiction, CDMP model.

УДК 81'373

Авдеева О.И.

СИНЕРГЕТИКА КОНЦЕПТОВ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВАРЯ-ТЕЗАУРУСА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРК И МЕТКИХ ВЫРАЖЕНИЙ» В.И. ЗИМИНА)

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
olavd@yandex.ru

Одним из основных понятий когнитивной фразеологии, как известно, является концепт, имеющий большое количество определений в научной литературе, освещающей вопросы как когнитивной лингвистики, так и лингвокультурологии. В связи с этим все подходы к пониманию концепта, вслед за Г.В. Токаревым, условно можно разделить на три группы: 1) отражающие когнитивный подход и, как следствие, - психолингвистический, служащий его продолжением; 2) лингвокультурологический; 3) синкретичный, совмещающий основные положения когнитивного и лингвокультурологического подходов [Токарев 2003: 6–16]. *Когнитивный подход* к пониманию концепта опирается на работы Е.С. Кубряковой и наиболее удачно реализован в следующем определении: концепт – это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1996: 90]. *Лингвокультурологический подход* опирается на работы Ю.С. Степанова и наиболее полно выражен в его определении концептов, которые он понимает как «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово...», «сгустки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а через него – в семантику языка [Степанов 1997: 40]. *Синкретичное понимание концепта* реализуется в работах Н.Ф. Алефиренко: оно отражено в его наиболее удачном определении концепта, в котором под ним понимается «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [Алефиренко 2002: 225]. В понимании Н.Ф. Алефиренко, концепт – является «мысленным субстратом значения, на котором лингвокреативное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера» [Алефиренко 2005: 58, 63]. К этой точке зрения близко определение Е.В. Ивановой, в котором даётся понимание концепта как «концентрированного знания об объекте, репрезентированного в семантике языковых единиц» [Иванова 2023: 97]. Различные подходы к пониманию концепта, безусловно, актуализируют разные его стороны и таким образом дают разное наполнение этому понятию. Однако именно синкретичный подход позволяет максимально приблизиться к изучению реальных когнитивных процессов человека и их вербализации в живом языке.

Одним из наиболее важных средств вербализации концепта, наряду со словом и паремией, являются фраземы. Это отмечают такие учёные, как Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2003: 8], Л.Б. Савенкова [Савенкова 2003: 258] и многие другие.

Цель данного исследования – выявить роль синергетики разных типов концептов в формировании художественной картины мира на примере словарной статьи «Слово – закон» из «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» Валентина Ильича Зимина [Зимин 2017].

Следует отметить, что особенностью рассматриваемого словаря В.И. Зимина является именно структура словарной статьи, которая представляет собой не научное толкование заглавной паремии или фразеологизма, а единый текст, реализующий живую русскую разговорную речь, основанную на использовании большого количества поясняющих ситуацию русских паремий и фразеологизмов, которые вербализуют целый ряд концептов разного типа. Таким образом, словарная статья представляет собой связный текст, который по своим признакам близок к художественному тексту.

Как известно, концепты участвуют в формировании языковой картины мира, важной частью которой является художественная картина мира. Определяя её, В.М. Мокиенко пишет, что она, «с одной стороны, является проекцией общей языковой картины мира в художественное творчество, с другой – отражением индивидуального мировидения писателя, поэта или художника в широком смысле этого слова» [Мокиенко 2019: 15–16].

В словарной статье «Слово – закон» [Зимин 2017: 382–383] выявлено 34 фразеологических и паремиологических единицы, среди которых 8 фразеологизмов (типа **держит слово, крепок на слове, поймать на слове, идти на попятную** и т.д.), 24 паремии (типа **Хороший пёс на ветер не лаёт; Взлся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем – полезай в кузов** и т.д.); 2 единицы имеют промежуточный характер между фразеологизмами и паремиями: по форме они представляют собой паремии, однако включающие в свой состав известные фразеологизмы (**Он слов на ветер не бросает; У него слово с делом не расходится**).

Посредством этих языковых единиц вербализуются 14 концептов, в совокупности составляющих концептосферу «Твердость сказанного слова», вербализованную названием словарной статьи «Слово – закон». Выделенные концепты: «Сдержанность слово», «Не болтлив», «Крепкое слово», «Воплощение в жизнь», «Прочность договора», «Выбор: давать – не давать слово», «Сдержанность обещание», «Укор пообещавшему», «Необходимость вникать», «Поучение», «Неведомый обет», «Заключение сделки», «Изменение договора», «Совет» – освещают разные аспекты упомянутой концептосферы.

Например, концепт «Сдержанность слово» вербализован фразеологическими единицами **держит слово, твёрд на слове, твёрд на слове как камень, крепок на слове** [Зимин 2017: 382], которые имеют достаточно прозрачную семантическую структуру и дают характеристику человеку как способному сдерживать своё слово, выполнить своё обещание. Концепт «Не болтлив» вербализован паремиями **Хороший пёс на ветер не лаёт; Он слов на ветер не бросает** [Зимин 2017: 382], которые характеризуют человека как сдержанного в словах и всегда выполняющего сказанное. Концепт «Крепкое слово» вербализован паремиями **Сказал как отрезал, Сказал – топором отрубил, Сказал как гвоздём прибил, У него слово железно** [Зимин 2017: 382] и фразеологизмом (для него) **слово – закон** [Зимин 2017: 382], которые характеризуют человека, чьё слово всегда чёткое, конкретное и весомое. Концепт «Воплощение в жизнь» вербализован паремиями **Сказано – сделано** и **Сказано – сделано: заяц трепаться не любит** [Зимин 2017: 382], которые характеризуют человека, способного быстро реализовать намеченные планы и высказанные обещания.

Причём, хотя последняя поговорка носит шуточный характер, основное значение единицы от этого не меняется. Концепт «Прочность договора» вербализован поговорками **Уговор – делу родной братец; Уговор дороже денег; Уговор – святое дело; Слово не сдержатъ – себя не уважатъ** [Зимин 2017: 382], которые учат человека обязательно сдерживать свои обещания, не нарушать договорённости. Концепт «Выбор: давать – не давать слово» вербализован поговорками **Не давши слово – крепись, а давши – держись; Дал слово – крепись, не дал – держись** [Зимин 2017: 382], которые отражают ситуацию выбора: если не обещал, то держись – не обещай, а если пообещал, то обязательно выполняй, как бы ни было трудно. Концепт «Сдержатъ обещание» вербализован поговорками **Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем – полезай в кузов; Нанялся в попы – служи и панихиды; Кровь из носу, а слово сдержи; Сухо дерево – назад не пятиться** (равно по значению – **Уговор дороже денег**) [Зимин 2017: 382] и фразеологизмом **связал себя словом** [Зимин 2017: 382], которые требуют от человека строгого выполнения как своих обещаний, так и начатого дела. Отдельно следует прокомментировать этимологию поговорки **Сухо дерево – назад не пятиться**. Полная форма этой поговорки – **Сухо дерево – завтра пятница, дело сделано – назад не пятиться** – дана В.И. Зиминим вместе с комментарием в его «Словаре-тезаурусе...» в другой словарной статье – «О трудовом договоре» [Зимин 2017: 93-96], где объясняется, что перед заключением торговой сделки при свидетелях на базаре в пятницу в четверг происходило «подторжье» – предварительное согласование договора. «Придя к обоюдному согласию, брали первую попавшуюся палку и ломали её через колено. Если палка была сыровата и ломалась не за один приём, то стороны оставляли за собой право поторговаться по каким-то пунктам. Ну а если палка была сухой и ломалась сразу, то и произносили данное присловье» [Зимин 2017: 95]. После этого торг уже был невозможен. Причём, инфинитив *не пятиться* употреблён в значении повелительного наклонения, выражающего приказ всем участникам сделки.

Концепт «Укор пообещавшему» вербализован одной поговоркой **Никто тебя за язык не тянул** [Зимин 2017: 382], которая укоряет человека за непродуманное обещание, которое, очевидно, очень трудно выполнить, но теперь это сделать необходимо. Концепт «Необходимо вникать в дело» также вербализован одной поговоркой **Заглазно лошадь не покупают** [Зимин 2017: 383], которая учит человека на примере торговой сделки серьёзно, внимательно, вдумчиво относиться к любому делу. Концепт «Поучение» вербализован фразеологизмом (в совокупности с окружающим контекстом) **(Не давай) поймать (себя) на слове** [Зимин 2017: 383], который учит человека продумывать свои слова, свои обещания, не говорить лишнего, того, что могут потом использовать против него.

Концепт «Неведомый обет» вербализован двумя поговорками **Неведомый обет главу Предтечи на плаху положил** и **Неведомый обет главу Предтечи на блюдо сложил**, понимание которых требует фоновых знаний. Эти поговорки восходят к событиям, связанным с казнью Иоанна Предтечи. Правитель Галилеи Ирод Антипа на своём Дне рождения, восхищённый танцем своей падчерицы Саломеи, дал обет, что выполнит любое её желание. Она обратилась с вопросом к своей матери Иродиаде, которая посоветовала потребовать принести на блюде голову Иоанна Крестителя, так как он обличал её незаконное сожителство с Иродом Антипой – братом законного мужа. Ирод Антипа не хотел казнить Иоанна Предтечу, так как тот пользовался большим авторитетом у народа, но, не желая прослыть нарушителем своего слова, все-таки дал приказ его казнить. Эти поговорки говорят о том, что не следует давать «неведомых обетов» – обещаний, результат которых ты не можешь предугадать – такие обеты могут привести к неприятностям и даже к беде.

Концепт «Заключение сделки» вербализован одной паремией **Сухо дерево – завтра пятница, дело сделано – назад не пятиться**, комментарий которой дан выше. Данная паремия означает окончательное завершение сделки. Концепт «Изменение договора» вербализован одним фразеологизмом, представленным тремя его вариантами: **Идти (пойти) на попятную (на попятный, на попятный двор)** со значением 'попытаться изменить своё решение, обещание, нарушить договор'. Последний концепт - «Совет» - вербализован одной паремией **Будь своему слову господин**, которая как бы подводит итог всему сказанному выше. Таким образом, синергетика этих концептов - их взаимовлияние и взаимодополнение – формирует концептосферу «Твердость сказанного слова», вербализованную названием данной словарной статьи - «Слово – закон».

Кроме того, в составе концептосферы «Твердость сказанного слова» выявлены концепты разных типов. В частности, Н.А. Илюхина, рассматривая «логику становления фразеологизмов с точки зрения их соотношения с концептами», выделяет следующие типы последних: «фреймы, пропозиции, сценарии и гештальты» [Илюхина 2023: 104]. В составе исследуемой концептосферы «Твердость сказанного слова», в основном, выявлены два типа концептов: фреймы и сценарии, однако выявлен один гештальт, но пропозиции не выявлены.

Как отмечает Г.В. Токарев, под *фреймом*, «вслед за М. Минским, Т.А. Ван Дейком, Ч. Филлмором и др., мы понимаем социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую)» [Токарев 2003: 44]. Следует отметить, что фреймы состоят из слотов (слот – пустой узел), для которых характерно обязательное наличие экстенционала при отсутствии интенционала, что даёт определённую свободу в их заполнении: не каждый фрейм заполнен всеми возможными слотами. Концептосфера «Твердость сказанного слова» репрезентируется следующими *фреймами* «Сдержанность слово» (**держит слово, твёрд на слове, твёрд на слове как камень, крепок на слове** [Зимин 2017: 382]), «Прочность договора» (**Уговор делу – родной братец; Уговор дорожке денег; Уговор - святое дело.** [Зимин 2017: 382]). Следует отметить, что одна паремия **Слово не сдержанность – себя не уважать** репрезентирует такой тип концепта, как сценарий, а не фрейм), «Поучение» (в совокупности с окружающим контекстом - **(Не давай) поймать (себя) на слове** [Зимин 2017: 383]), «Совет» (**Будь своему слову господин**).

Другой тип концепта – *гештальт*, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается «целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное» [Лакофф 1990]. В составе концептосферы «Твердость сказанного слова» *гештальт* представлен частью концепта «Крепкое слово», а именно – вербализован одним фразеологизмом - **слово - закон**.

В основе третьего типа концептов – *сценария* - лежит *ситуация*, которая связана с понятиями *сцены, сценария и сценария*. По мнению Г.В. Токарева, *ситуация* «предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий» [Токарев 2003: 45]. *Сцену* образует «совокупность таких компонентов нашего сознания, как образы участников ситуации, их функции, обстоятельства ситуации... Совокупность последовательно сменяющихся сцен составляют *сценарий*. А типичный сценарий называется *сценарием*» [Авдеева 2023: 121]. Обычно наибольшее распространение имеют сценарии.

Сценарий как тип концепта в составе концептосферы «Твердость сказанного слова» представлен следующими концептами: «Не болтлив» (**Хороший пёс на ветер не лает; Он слов на ветер не бросает** [Зимин 2017: 382]), «Крепкое слово» (**Сказал как отрезал, Сказал – топором отрубил, Сказал как гвоздём прибил, У него слово железно** [Зимин 2017: 382], а также фразеологизмом **слово – закон** [Зимин 2017: 382], который вербализует гештальт), «Воплощение в жизнь» (**Сказано – сделано; Сказано – сделано: заяц**

трепаться не любит [Зимин 2017: 382]), «Выбор: давать – не давать слово» (**Не давши слово – крепись, а давши – держись; Дал слово- крепись, не дал – держись** [Зимин 2017: 382]), «Сдержанность обещание» (**Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем – полезай в кузов; Нанялся в попы – служи и панихиды; Кровь из носу, а слово сдержи; Сухо дерево – назад не пятиться** [Зимин 2017: 382] и фразеологизмом **связал себя словом** [Зимин 2017: 382]), «Укор пообещавшему» (**Никто тебя за язык не тянул** [Зимин 2017: 382]), «Необходимо вникать в дело» (**Заглазно лошадь не покупают** [Зимин 2017: 383]), «Неведомый обет» (**Неведомый обет главу Предтечи на плаху положил, Неведомый обет главу Предтечи на блюдо сложил**), «Заключение сделки» (**Сухо дерево – завтра пятница, дело сделано – назад не пятиться**), «Изменение договора» (**Идти (пойти) на попятную (на попятный, на попятный двор)**).

Таким образом, для репрезентации концептосферы «Твердость сказанного слова» характерна синергетика многочисленных фреймов и сценариев, которые вербализуются в Словаре в соответствующих дискурсах посредством паремий и фразеологизмов. Причём, в количественном отношении в данной концептосфере также доминируют сценарии.

Итак, синергетика концептов разного типа формирует художественную картину мира, часть которой вербализована текстом рассматриваемой словарной статьи.

Следует отметить, что для понимания некоторых фразеологизмов, а также текста в целом, часто необходимы фоновые знания. Об этом пишут О.Г. Соколовская и Е.В. Ковалева, характеризуя текстообразующую роль фразеологизмов в создании художественного текста: «семантический контекстный потенциал фразеологизмов проявляется в полной мере при наличии у реципиента фоновых знаний» [Соколовская 2024: 188], которые классифицируются разными учеными как «общечеловеческие, региональные, культурные знания (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), социальные и профессиональные (И.Я Чернухина), социальные, индивидуальные, коллективные (В.Я. Шабес), житейские, донаучные, научные, литературно-художественные (Н.С. Валгина). За счёт таких знаний фразеологизмы создают или вызывают в сознании больший объём информации, чем тот, что содержится в языковых единицах» [Соколовская 2024: 188].

Кроме того, необходимо отметить еще один важный аспект - текстообразующую роль контекста. В рассматриваемой словарной статье паремии и фразеологизмы скреплены контекстными связками, типа **«Он живет по принципу: сказано-сделано...»**, **«Люди, умеющие держать слово, советуют: Связал себя словом – выполни его даже в убыток себе. Сам виноват – Никто тебя за язык не тянул»** и т.д., благодаря чему и образуется единый связный текст, близкий по своим характеристикам к художественному.

Характеризуя художественную картину мира, В.М. Мокиенко отмечает соединение в ней важных черт как общенародной языковой картины мира, так и индивидуальной картины мира конкретного автора: «Индивидуальная картина мира и художественное полотно языка писателя преобразуются в художественную картину мира как определенного произведения, так и в языковую систему в целом, порождая текст» [Мокиенко 2019: 16].

Таким образом, синергетика концептов, проявляющаяся в каждой словарной статье «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» Валентина Ильича Зимина как на уровне семантики концептов, так и на уровне их типологии на фоне семантики контекста формирует фрагменты художественной картины мира, соединяющей в себе элементы индивидуальной картины мира автора словаря и общенародной русской языковой картины мира.

Литература

1. Авдеева О.И. Многоуровневая синкретичность как основной принцип построения «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина (на примере словарной статьи «Дерево держится корнями, а человек – друзьями»)// Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Сетевое издание. – Тула, 2023. – Вып. 3 (15). (Вторые Зиминские чтения, 20 октября 2023 г.). – С. 109–124.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
4. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. – 736 с.
5. Иванова Е.В. О некоторых аспектах концептуального моделирования при сопоставительном исследовании фразеологии // Славянская фразеология и паремиология : сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол.: Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 95 – 98.
6. Илюхина Н.А. Гештальт и структура фразеологического значения // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол.: Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 103 – 107.
7. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
8. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С.387 – 415.
9. Мокиенко В.М. Русские крылатые слова-библейзмы в художественной картине мира // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. научн. трудов по итогам 4-ой Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 г.) / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова и др. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019.– С. 15–26.
10. Соколовская О.Г. Фразеологизм как текстообразующее средство художественного текста / О.Г. Соколовская, Е.В. Ковалева // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Выпуск 5 / редкол.: И.Г. Гомонова (отв. ред.); Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Филиал представительства Россотрудничества в Республике Беларусь – Русский дом в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – С. 187 – 190.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
12. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): иконография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

CONCEPTUAL SYNERGIES AS A BASIS FOR FORMING AN ARTISTIC WORLDVIEW (USING V.I. ZIMIN'S "DICTIONARY-THESAURUS OF RUSSIAN PROVERBS, SAYINGS, AND ACCURATE EXPRESSIONS")

O.I. Avdeeva

Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University

Abstract. This article examines the mechanism of the mutual influence of different types of concepts in the formation of an artistic worldview using the example of the dictionary entry "Word-

Law" from Valentin Ilyich Zimin's "Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings, and Apt Expressions". Unlike other lexicographic sources, the entries in this dictionary do not represent traditional scholarly interpretations of the title proverb or phraseological unit, but rather a unified text embodying living Russian colloquial speech using a large number of explanatory Russian proverbs and phraseological units, which, in turn, verbalize a wide range of concepts of various types. This structure of the dictionary entry brings it closer to artistic speech, allowing for the concepts verbalized within it to be analyzed as components of a unified conceptual sphere participating in the formation of an artistic worldview.

Keywords: concept, artistic worldview, proverb, phraseological unit.

УДК 81'42

Аглеева З.Р.¹, Кудряшов И.А.²
**ФЕНОМЕН ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ И СЛОВА
В ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИПОСТАСЕЙ ЧИТАТЕЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)**

¹ Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет

² Россия, г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

¹z.agleeva@yandex.ru

²igalk@mail.ru

В лингвистике текста фактор читателя трактуется двояким образом, а именно как: 1) литературное творение автора и 2) субъект, реально поддерживающий разворачивание художественной коммуникации. Вслед за М.М. Бахтиным утверждается, что смысловое содержание текста активируется вследствие неизбежного столкновения двух гносеологических сущностей, а значение не принадлежит слову как таковому, осознается исключительно в процессе интерактивного понимания. Эта не новая проблема давно уже обросла обертонами многочисленных интерпретаций [Гало 2020]. Еще в «Поэтике» Аристотель перечисляет и многомерно исследует языковые средства, с помощью которых поэт может наилучшим образом повлиять на реакцию аудитории, манипулировать ею. На конструктивной важности присутствия читателя в воссозданном и объективном проявлении фокусируются и сами авторы художественных текстов (Г. Филдинг, Л.Н. Толстой, А.С. Пелевин).

В 1846 г. по завершении романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевский писал о своих читателях: «В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всём они привыкли видеть рожу сочинителя. Я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может...» [Достоевский 1959: 86]. В 1876 г. писатель указывал на стабильную тенденцию читательской аудитории путать голос рассказчика с голосом автора: «... "Записки из Мертвого дома" написал пятнадцать лет назад, от лица вымышленного, от преступника, будто бы убившего свою жену... прибавлю как подробность, что с тех пор про меня очень многие думают и утверждают даже и теперь, что я сослан был за убийство жены моей» [Достоевский 1959: 278].

В формате художественного произведения в лингвистике текста проводится разграничение между двойственной ипостасью автора – реальной и имплицитной. Обосновывается постулат о том, что предполагаемый автор разительно отличается от реального субъекта [Алефиренко 2011: 29]. Категория имплицитного автора вводится для того, чтобы зафиксировать, каким становится объективный автор, когда он порождает текст. В творческом порыве автор порождает свое воображаемое «Я», которое потенциально может не иметь ничего общего с объективным психологическим портретом создателя текста.

Ф.М. Достоевский стремится скрыть подразумеваемый авторский голос, что, по мнению М.М. Бахтина, становится основным принципом его повествовательной техники на протяжении тридцати пяти лет [Бахтин 2024: 113]. Определенную ценностную установку задавала Ф.М. Достоевскому и проблема читательских реакций: «... всегда мучит меня вопрос: как это примут, захотят ли понять суть дела, и не вышло бы скорее дурного, чем хорошего, тем, что я опубликовал мои заветные убеждения?» [Достоевский 1959: 194–195]. Художественная проза Ф.М. Достоевского содержит «заветные убеждения», однако они тщательно скрываются под слоями повествовательной ткани. Другими словами, читатель призван самостоятельно эксплицировать глубинное смысловое содержание художественного текста. Не без некоторого сожаления Ф.М. Достоевский констатирует истину о необходимости косвенной репрезентации категории автора в тексте: «Я никогда ещё не позволял себе в моих писаниях довести некоторые мои убеждения до конца, сказать самое последнее слово... Поставьте какой угодно парадокс, но не доводите его до конца, и у вас выйдет и остроумно, и тонко... доведите же иное рискованное слово до конца, скажите, например, вдруг: «Вот это-то и есть Мессия», прямо и не намёком, и вам никто не поверит именно за вашу наивность, именно за то, что довели до конца, сказали самое последнее ваше слово...» [Достоевский 1959: 227].

Повествование и читательская аудитория представляют собой неразрывно связанные категории: осознание одной неизбежно ведет к пониманию другой. В романе «Идиот» Ф.М. Достоевский начинает развивать образ рассказчика-хроникера, который он позже многогранно задействует в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы». В образе рассказчика-хроникера писатель объединяет приемы повествования от первого и третьего лица. Выявляя преимущества обоих приемов, такой тип рассказчика живет в городе, где происходит действие, имеет прямой доступ к мельчайшим деталям разворачивающейся сюжетной линии, но не участвует в ней. Время от времени рассказчик осуждает протагонистов, окружающих его, дает анализ текущих событий, высказывает возмутительные мнения, что, в свою очередь, служит маской имплицитного автора. Читатель потенциально может спутать голос этого рассказчика с голосом имплицитного автора.

Анализируя повествователей в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина и романах Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтин выявляет гносеологические причины, по которым и в какой степени голоса имплицитного автора и рассказчика могут взаимопроникать. «Ведь автору, – пишет исследователь, – ... важна не только индивидуальная и типическая манера мыслить, переживать, говорить, но прежде всего манера видеть и изображать: в этом его прямое назначение как рассказчика, замещающего автора. Поэтому отношение автора, как и в стилизации, проникает внутрь его слова, делая его в большей или меньшей степени условным. Автор не показывает нам его слова (как объектное слово героя), но изнутри пользуется им для своих целей, заставляя нас отчетливо ощущать дистанцию между собою и этим чужим словом» [Бахтин 2024: 276]. Воспринимая образ рассказчика-хроникера Ф.М. Достоевского, читатель не всегда «отчетливо ощущает дистанцию» между ним и автором.

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» рассказчик практически никогда не обращается к читателю напрямую. Тем не менее можно предложить модель описания читателя в этом романе, которая поможет раскрыть намерения имплицитного автора. Субъект, воспринимающий текст этого романа, приобретает двойственную ипостась, начинает одновременно играть две роли читателя, который непосредственно реагирует на 1) высказывания рассказчика-хроникера (т.е. становится читателем рассказчика) и 2) косвенные манипуляции имплицитного автора (т.е. функционирует как подразумеваемый читатель). Конструктивную важность приобретает взаимодействие между этими двумя читательскими ролями. В контексте повествования в романе «Идиот» системно

выявляется три авторские ипостаси: 1) объективный автор (Ф.М. Достоевский), 2) имплицитный автор и 3) рассказчик-хроникер. Категория имплицитного автора порождает категорию имплицитного читателя, который способен делать более беспристрастные умозаключения, чем личность этого читателя в формате объективной повседневности. Погружаясь в художественный текст, читатель проецирует «Я», разделяющее авторские «заветные убеждения». «Я» имплицитного автора и «Я» имплицитного читателя – «за спиной» рассказчика – вступают в коммуникативный контакт.

В романе «Идиот» категории имплицитного автора и рассказчика не совпадают, однако их общим гносеологическим знаменателем выступают определенные идеи и воззрения. Отметим, что ближе к концу романа они резко расходятся в выражаемых точках зрения. Рассказчик отвергает истину князя Мышкина, в то время как имплицитный автор незыблемо стоит на стороне своего героя. В формате этого романа можно говорить о трех читательских ипостасях: 1) реальном читателе, 2) имплицитном читателе и 3) читателе повествования рассказчика. В отдельных контекстах читатель, о котором говорит рассказчик, не испытывая серьезных морально-нравственных проблем, воспринимает повествование ради получения удовольствия от перипетий в развитии сюжетной линии.

Реальный читатель романа выполняет функцию имплицитного читателя и читателя повествования рассказчика, однако он не объединяет их. Все эти типы читателя существуют автономно и вне зависимости друг от друга, время от времени занимая диаметрально противоположную эпистемическую позицию внутри субъекта, погружившегося в текст, который, в свою очередь, синхронно и одновременно испытывает всю совокупность реакций. В романе «Идиот» сосуществуют несколько контрастирующих способов повествования. Читатель вынужден постоянно корректировать свое отношение к повествовательной структуре и образам персонажей. Постигая первую и вторую часть романа, читатель начинает ожидать активирования определенного голоса для описания определенного персонажа или группы протагонистов. При восприятии фрагмента (1), читатель улавливает голос, который иронично отстранен от происходящих событий, легко поддается влиянию со стороны распространяющихся местных слухов: (1) *«В старину генерал Епанчин, как всем известно было, участвовал в откупах. Ныне он участвовал и имел весьма значительный голос в некоторых солидных акционерных компаниях. Слыл он человеком с большими деньгами, с большими занятиями и с большими связями. В иных местах он сумел сделаться совершенно необходимым, между прочим и на своей службе. А между тем известно тоже было, что Иван Фёдорович Епанчин – человек без образования и происходит из солдатских детей; последнее, без сомнения, только к чести его могло относиться, но генерал, хоть и умный был человек, был тоже не без маленьких, весьма простительных слабостей и не любил иных намёков. Но умный и ловкий человек он был бесспорно. Он, например, имел систему не выставляться, где надо – стушевываться, и его многие ценили именно за его простоту, именно за то, что он знал всегда своё место. А между тем, если бы только ведали эти судьи, что происходило иногда на душе у Ивана Фёдоровича, так хорошо знавшего своё место! Хоть и действительно он имел и практику, и опыт в житейских делах, и некоторые очень замечательные способности, но он любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем с своим царём в голове, человеком “без лестии преданным” и – куда нейдёт век? – даже русским и сердечным»* [Достоевский 2026: 15]. Рассказчик-хроникер направляет сарказм в сторону как генерала Епанчина, так и общественных оценок о генерале. В манере, напоминающей гоголевский повествовательный регистр, в данном случае активизируется ирония рассказчика по отношению к генералу и, в меньшей степени, слегка иронические чувства читателя

по отношению к рассказчику, который склонен обнародовать все известные слухи о генерале. Читатель и рассказчик оказываются в умиротворяющем состоянии «сговора» против как генерала, так и осуждающего его общества. Доверие читателя к восприятию рассказчика укрепляется, как и читательская уверенность в действенности интерпретации (поскольку читатель с легкостью улавливает присутствие этого ироничного голоса в повествовании).

Время от времени рассказчик переходит к комическому тону, излагая информацию в стиле повествования о непристойных манерах: (2) *«Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками, и, конечно вследствие своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать. Маменька их, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность их аппетита, но так как иные мнения её, несмотря на всю наружную почтительность, с которою принимались дочерьми, в сущности давно уже потеряли первоначальный и бесспорный авторитет между ними, и до такой даже степени, что установившийся согласный конклав трёх девиц сплошь да рядом начинал пересиливать, то и генеральша, в видах собственного достоинства, нашла удобнее не спорить и уступать»* [Достоевский 2026: 32].

Активация юмористического эффекта, производимого данным фрагментом, как и в большей части повествования рассказчика о семейной жизни Епанчиных, предопределяется тем, знаком ли читатель с формой «романа нравов». С самого начала рассказчик играет с условностями и разрушает все закономерности, на которых строится данная романная форма. Портретная зарисовка «трех дочерей» начинается довольно типично, но быстро сбивается. Какими бы независимыми ни казались типизированные героини, они редко предстают перед читателем с такими качествами, как «удивительные плечи», «мощная грудь», «сильные, почти как у мужчин, руки», «гигантский аппетит». Рассказчик подтрунивает над читательскими ожиданиями относительно того, какими должны быть три девушки на выданье из хорошей семьи, заходит так далеко, что представляет печальную историю Настасьи Филипповны с бесстрастной точки зрения Афанасия Ивановича Тоцкого. Он непринужденно сообщает читателю об отсутствии образования у Настасьи Филипповны: (3) *«В самом деле, если бы, говоря к примеру, Настасья Филипповна выказала вдруг какое-нибудь милое и изящное незнание, вроде, например, того, что крестьянки не могут носить батистового белья, какое она носит, то Афанасий Иванович, кажется, был бы этим чрезвычайно доволен. К этим результатам клонилось первоначально и всё воспитание Настасьи Филипповны по программе Тоцкого, который в этом роде был очень понимающий человек; но, увы! результаты оказались странные»* [Достоевский 2026: 117].

Точка зрения Тоцкого заражает рассказчика. Имплицируемый автор заставляет читателей хотя бы на мгновение рассмеяться (что не очень-то уместно в данном контексте повествования), тем самым вовлекая их в преступление Тоцкого. Читатель реагирует на иронию рассказчика и точку зрения Тоцкого, находит их забавными суждениями. В конце романа, когда ситуация становится всепоглощающе трагичной, читатель должен осознать, что он, подобно рассказчику и Тоцкому, виновен, потому что способен, пусть и ненадолго, делать аморальные умозаключения. То, что рассказчик говорит отстраненным голосом, придает комичности ситуации в начале романа. Эмоции читателя сдерживаются именно благодаря тому, что рассказчик озвучивает суждения веселым тоном. В начале романа читатель, поддавшись такому тону, воспринимает в комическом свете некоторые ситуации, которые в объективной реальности совсем не являются источником такой реакции. Читатель, возможно, добровольно поддался угрызням совести. Позже рассказчик затрагивает эмоциональную сферу читателя, заставит его ощутить трагичность тех же самых ситуаций, избавляется от ироничного тона, когда

описывает князя Мышкина. Сочувственно и всезнающе рассказчик проникает в сознание героя: (4) *«Представлялся и ещё один неразрешённый вопрос, и до того капитальный, что князь даже думать о нём боялся, даже допустить его не мог и не смел, формулировать как, не знал, краснел и трепетал при одной мысли о нём. Но кончилось тем, что, несмотря на все эти тревоги и сомнения, он всё-таки вошёл и спросил Настасью Филипповну»* [Достоевский 2026: 159]. На протяжении всего романа рассказчик передает мысли Мышкина сходным образом: он часто использует неопределенные местоимения вместо существительных, он мистифицирует читателя, а не обеспечивает его действенной информацией. Читатель полагает, что рассказчик проникает в мысли князя с кажущейся прямоотой, но на самом деле он не ожидает узнать много нового.

Воспринимая фрагмент (5), читатель улавливает готический голос рассказчика, который использует прием усиления ужаса: (5) *«И князю ужасно захотелось, ещё недавно, в воксале Царскосельской дороги, – когда он садился в вагон, чтобы ехать к Аглае, и вдруг опять увидел эти глаза, уже в третий раз в этот день, – подойти к Рогожину и сказать ему, “чьи это были глаза”! Но он выбежал из воксала и очнулся только пред лавкой ножовщика в ту минуту, как стоял и оценивал в шестьдесят копеек один предмет, с оленьим черенком. Странный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более. Этот демон шепнул ему в Летнем саду, когда он сидел, забывшись, под липой, что если Рогожину так надо было следить за ним с самого утра и ловить его на каждом шагу, то, узнав, что он не поедет в Павловск (что уже, конечно, было роковым для Рогожина сведением), Рогожин непременно пойдёт туда, к тому дому, на Петербургской, и будет непременно сторожить там его, князя, давшего ему ещё утром честное слово, что “не увидит её” и что “не затем он в Петербург приехал”»* [Достоевский 2026: 253].

Упоминание о страхах вызывает больший эффект, чем их полное описание. В этот момент Мышкин, вернувшийся в Петербург после шестимесячного отсутствия, только что вышел из дома Рогозина и в его сопровождении бродит по городу. Типичный рассказчик в готическом романе стремится заинтересовать читателя любыми средствами, изображая происходящее таинственным образом, допуская существование сверхъестественного мира, описывая события в жутких подробностях. В указанном микроконтексте «нечто» преследует Мышкина, к нему «привязался демон». Его недобрые предчувствия, в готическом стиле, неумолимо сбываются: кульминацией сцены становятся попытка Рогожина убить Мышкина и эпилептический припадок князя. Читатель оказывается в мире, далеком от легкой иронии повседневности в доме Епанчиных. В первой и второй частях романа утверждается доверие читателя к суждениям, вкусу, остроумию и такту рассказчика. В то же время читатель знает, что рассказчик манипулирует им, утаивает информацию, например, не сообщает о наследстве князя до конца первой части; читатель, как и другие персонажи, считает Мышкина бедным родственником.

Читатель чувствует, что рассказчик не полностью совпадает с имплицитным автором, а его способность рассуждать иногда кажется слегка подозрительной. Зависимость от слухов умаляет авторитет рассказчика, порой низводит его до статуса городского сплетника. В третьей и четвертой частях позиция читателя по отношению к рассказчику еще более усложняется, возникает потребность в разграничении ответных реакций имплицитного читателя и читателя повествования рассказчика. Многоголосие, встречающееся в первой половине романа, во второй части временами переходит в какофонию. С начала третьей части рассказчик все чаще дает о себе знать, извиняется перед читателем за то, что «зашел слишком далеко», но затем отступает еще дальше, жалуясь на нехватку компетентных государственных служащих в России. Быстрые изменения в точке зрения могут начать раздражать читателя. Рассказчик еще более тщательно

выстраивает свое повествование о кульминационных событиях. Например, когда читатель мог бы логически ожидать услышать больше об Ипполите на следующее утро после его неудачной попытки самоубийства, рассказчик вместо этого переключает интерес читателя на отношения между Аглаей и князем. Аглая рассказывает, что Настасья Филипповна писала ей письма. В этой суматохе кульминационных откровений читатель повествования рассказчика обнаруживает, что забывает об исповеди Ипполита, погружается в новую ситуацию. Эти повествовательные «скачки» не дают читателю передышки в виде комического облегчения, создают атмосферу неослабевающего напряжения. Имплицируемый читатель, который, в отличие от читателя повествования рассказчика, не просто воспринимает текст романа вместе с ним, оказывается в универсуме, где нет выхода из экстремальных ситуаций.

Возможно, как и князь Мышкин, имплицируемый читатель жаждет сбежать, но он вынужден проникать еще глубже в повествование. В начале четвертой части он сталкивается с дилеммой: (6) *«Есть люди, о которых трудно сказать что-нибудь такое, что представило бы их разом и целиком, в их самом типическом и характерном виде; это те люди, которых обыкновенно называют людьми “обыкновенными”, “большинством”, и которые действительно составляют огромное большинство всякого общества»* [Достоевский 2026: 481]. Данное отступление отдаляет читателя повествования рассказчика от событий, заставляет вспомнить, что он всего лишь воспринимает текст романа. Имплицируемый читатель осознает, что новая одержимость рассказчика трудностями повествования перекликается с доминирующей тематической проблемой имплицируемого автора и самого Мышкина, – темой неизбежного искажения важной идеи. Когда рассказчик признается, что недостаточно описывает «обычных» персонажей романа (Варю, Ганю Иволгина, Птицына), читатель не знает, чего ожидать дальше из-за внезапной нервозности рассказчика.

Чтобы описать званый вечер у Епанчиных (на котором Мышкин разбивает китайскую вазу), рассказчик использует привычный циничный стиль изображения общества. Примечательно, что он не освобождает образ князя от необходимости изображения более резким голосом. На вечеринке ужасные кульминации следуют одна за другой: вспышка гнева Мышкина, которая делает нелепыми его идеи, разбитая китайская ваза и, наконец, второй эпилептический припадок князя. На протяжении всей этой сцены у читателя возникают противоречивые реакции. Читатель повествования рассказчика отвергает идеи Мышкина о римском католицизме, России и миссии аристократии как бред сумасшедшего; с нетерпением ожидает, что вазу с неизбежностью разобьют. Однако имплицируемый читатель узревает во вспышке гнева князя логическое продолжение высказанных им убеждений, осознает, что является свидетелем попытки Мышкина выразить идею напрямую (высказать, по словам Ф.М. Достоевского, «священное убеждение»). Хотя эта попытка обречена на провал, читатель должен, по крайней мере, отнестись к князю с тем же пониманием, с каким сам Мышкин относился к другим персонажам, безуспешно пытающимся выразить собственные идеи. Имплицируемый читатель находит ключ к хитрой многословности рассказчика: если бы имплицируемый автор выразил свою мысль напрямую, это тоже бы не сработало. Имплицируемому автору нужна маска, чтобы рассказчик взял на себя бремя прямого выражения за него. Рассказчик внезапно снимает с себя ответственность за свою историю в целом: (7) *«Прошло две недели после события, рассказанного в последней главе, и положение действующих лиц нашего рассказа до того изменилось, что нам чрезвычайно трудно приступать к продолжению без особых объяснений. И однако, мы чувствуем, что должны ограничиться простым изложением фактов, по возможности без особых объяснений, и по весьма простой причине: потому что сами, во многих случаях, затрудняемся объяснить происшедшее. Такое*

предупреждение с нашей стороны должно показаться весьма странным и неясным читателю: как рассказывать то, о чём не имеешь ни ясного понятия, ни личного мнения? Чтобы не ставить себя ещё в более фальшивое положение, лучше постараемся объяснить на примере, и, может быть, благосклонный читатель поймёт, в чём именно мы затрудняемся, тем более что этот пример не будет отступлением, а, напротив, прямым и непосредственным продолжением рассказа» [Достоевский 2026: 591]. Рассказчик обещает прямое продолжение истории, но то, что следует за ним, – это репортаж о сплетении слухов. Имплицируемый читатель начинает не доверять рассказчику, который знает о событиях и Мышкине не больше, чем все остальное общество. Рассказчик признается, что ему было бы трудно охарактеризовать состояние души своего героя; он даже не знает истинных желаний Мышкина.

Отказывая читателю в информации о своем герое, о событиях и фактах романа, рассказчик выражает мысль о сложности повествования, ставит читателя в особое положение. Читателю было легко проигнорировать случайный комментарий, касающийся проблем повествования, но рассказчик внезапно ставит под сомнение всю онтологическую основу повествования. По мере того как читатель рассказчика повествования продолжает погружаться в текст романа, сочувствуя затруднительному положению рассказчика среди путаницы событий, имплицируемый читатель начинает сомневаться в смысле самого процесса восприятия художественного произведения, задаваясь вопросом: что за текст он постигает, если рассказчик, которому до сих пор можно было доверять, отказался от личного мнения и достоверного знания фактов? Через формальные средства повествования имплицируемый автор вынуждает рассказчика снова актуализовать информацию о трагической неспособности Мышкина выразить свою идею. Однако имплицируемый читатель чувствует, что внезапная ненадежность рассказчика – это вымышленная конструкция, уловка имплицируемого автора, направленная на то, чтобы заставить читателя самостоятельно раскрыть замысел имплицируемого автора. В конце концов, рассказчик открыто отворачивается от своего героя, разделяя общее возмущение беспорядком, который устроил Мышкин, излагая все эти факты и отказываясь их объяснять. Имплицируемый читатель продолжает реагировать на авторские манипуляции автора за спиной рассказчика. Данный более проницательный читатель отказывается поддаваться негодованию по поводу Мышкина и вместо этого ощущает крайний пафос и изолированность позиции князя. Имплицируемый читатель научился «видеть» по-новому, независимо от рассказчика и читателя повествования рассказчика. Имплицируемый автор воспользовался частичным неприятием повествователя. Решающим моментом является то, что реальный субъект, постигающий текст романа, одновременно является обоими читателями – читателем повествования рассказчика и имплицируемым читателем. Он распознает в себе спонтанные реакции этих двух читателей в моменты их явного расхождения, т.е. одновременно осуждает и прощает Мышкина.

Таким образом, вследствие действия механизма чтения, запрограммированного реальным автором, читатель переживает опыт, параллельный опыту персонажей. На протяжении всего романа Мышкин проявляет склонность человека к двойственным мыслям. В решающий момент, когда суждение героя висит на волоске, реальный читатель осознает, что он тоже неизбежно испытывает эти двойственные мысли. Голос рассказчика в романе «Идиот» формирует реакцию читателя на художественный текст в той же степени, что и голоса любого из персонажей. Калейдоскопический способ повествования вынуждает читателя отделять обзор событий рассказчиком от самих событий; он должен перейти к пониманию смысла романа, разумно принимая некоторые версии повествования и отвергая другие. Во всех своих произведениях Ф.М. Достоевский

принуждает своих героев брать на себя ответственность за последствия своих поступков. Используя ипостаси надежного и ненадежного рассказчика, автор ставит реального читателя в аналогичную ситуацию: когда читатель начинает чувствовать в себе сосуществование имплицитного читателя и читателя повествования рассказчика, он также осознает наличие в себе смеси двух ключевых слов Ф.М. Достоевского – ответственности и чувство вины. Обычно настоящая вина читателя заключается в склонности к легкой иронии и снисходительности (например, в те моменты, когда он квалифицирует суждения Тоцкого как истинные). Однако его участие в качестве читателя повествования рассказчика ставит его на грань осуждения автора, что вовлекает его в ту же эпистемическую сеть, что и героев романа. Расщепление читателя на три неравных «Я» проливает свет на смысловое содержание романа. Имплицитный читатель, который реагирует на манипуляции имплицитного автора, усваивает уроки Мышкина, воздерживается от осуждения, не может сформировать у реального читателя целостное представление о смысле романа. Реальный читатель отстраняется от своего столкновения с повествованием, осознает существование в себе добра и зла. На мгновение мир реального читателя и воображаемый универсум, воспроизводимый Ф.М. Достоевским, становятся синкретичным целым.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте // Гуманитарные исследования. – 2011. – №2(38). – С. 28–34.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: АСТ, 2024. – 448 с.
3. Гало Я. Лингвистика текста: традиции и перспективы // Филологический класс / Я. Гало, Н.Ф. Алефиренко // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 23–38.
4. Достоевский Ф.М. Письма: в 4-х тт. – М.: Художественная литература, 1959. – 606 с.
5. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: АСТ, 2026. – 640 с.

THE PHENOMENON OF THE INTERACTION OF THOUGHT AND WORD IN THE TYPOLOGIZATION OF READER'S HYPOSTASES (BASED ON THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY "THE IDIOT")

Z.R. Agleeva¹, I.A. Kudryashov²

¹ Russia, Astrakhan, Astrakhan State University

² Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University

Abstract. Splitting the reader into three unequal selves sheds light on the semantic content of the novel. The implied reader, who reacts to the manipulations of the implied author, learns the lessons of Myshkin, refrains from condemning, cannot form a holistic view of the meaning of the novel in the real reader. The real reader detaches himself from his collision with the narrative, realizes the existence of good and evil in himself.

Keywords: F.M. Dostoevsky, implied reader, real reader.

*Антонова Е.Н.***ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕРТЕКСТЕМ
В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**Россия, г. Москва, Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru

В современной филологии сложилась устойчивая тенденция расширения исследовательского пространства путём синтеза смежных областей знания, когда изучение языка происходит в тесном взаимодействии с иными академическими областями.

Так, со второй половины прошлого столетия получили широкое распространение психолингвистические исследования, посвящённые «закономерностям порождения и восприятия речевых высказываний» [Колесникова 2024: 227]. **Психолингвистика** – это своеобразный симбиоз языковедения и психологии, включая мышление, сознание, язык, речь. Оформление в отдельную исследовательскую область с выведением терминологического аппарата относится к первой половине прошлого века. Вопросы психолингвистики интересовали таких учёных, как А.А. Леонтьев (один из первооткрывателей), Л.В. Бондарко, Е.Л. Гинзбург, Л.Р. Зиндер, И.И. Ильясов, В.Г. Костомаров, Л.В. Сахарный, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун, Е.Ф. Тарасов, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович и др.

Совместными усилиями исследователей было выведено общее толкование предмета психолингвистики, основанное на соотнесённости личности с речью как инструментом деятельности, характеризующимся определённой структурой и репрезентативной функциональностью, и с языком, формирующим на базе мыслительных процессов образное наполнение мира. В этом когнитивно-лингвокультурологическом пространстве важную роль играет **интертекстуальность**, позволяющая объединить множество образов в любом из существующих дискурсов, состоящих из «когнитивных схем, эталонных образов типовых когнитивных ситуаций и т.д.» [Леонтьев 2005: 15].

Интертекстуальность проявляется и реализуется в дискурсе, обязанном своим возникновением языку, в котором аккумулируются различные лингвокультурные коды и формулы, идиоматические структуры, иные ритмические образования и социально-вербальные фрагменты. Взаимоотношения данных речемыслительных категорий, ценностно-смысловым тенденциям в языке, аксиологическим коннотациям и т.д. посвящены, например, работы [Дискурс... 2025; Теория ценностно-смыслового пространства... 2025; Алефиренко 2023].

Важнейшими единицами интертекстуальности являются **интертекстемы**, представляющие собой концептуальные комплексы в дискурсе как отсылки к другим источникам, включая разнотипные устойчивые языковые структуры (в широком понимании) и разнообразные прецедентные феномены. Понятие интертекстемы было сформировано отечественными филологами В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [Мокиенко 2003; Сидоренко 1997], среди основных свойств данной дискурсивной единицы выделяются: фиксация в коллективном сознании в качестве оригинальной модели или формулы, воспроизводимость (не исключая вариативности), безграничность лингвокультурных воплощений и возможностей текстовой реализации.

Оригинальное воплощение интертекстемы происходит в русском поэтическом тексте в силу его жанровой специфики. Поэтическое языковое пространство существенно отличается от языка как средства общения. Информативная функция в поэтическом дискурсе имеет второстепенное значение, первенство принадлежит

вербально-когнитивной и эмотивной эстетике, проводником которой служит поэтический текст, пронизанный интертекстуальными связями.

Русский поэтический дискурс отражает уровень общей духовной культуры социума и языковой личности автора, психолингвистические предпосылки и лингвокультурные установки, поскольку вмещает в своё речемыслительное пространство не просто стихотворные тексты, но и становится прочным фундаментом, на котором выстраивается способность к продуцированию качественно новых, оригинальных идей и вербально-образных продуктов. Психолингвистические предпосылки в поэтических текстах отражаются в первую очередь в репрезентации концептуальной триады – **языка, речи, мысли (мышления)**. Наиболее очевидными экспликаторами являются одноимённые языковые элементы, реализующиеся в интертекстемах.

Взяв для анализа в рамках данной работы фрагменты интертекста – подборку поэтических контекстов, размещённых в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ], охарактеризуем психолингвистические проявления в интертекстемах посредством концептуальных репрезентантов «язык», «речь», «мысль», «мышление». В качестве «способа сортировки» в НКРЯ был выставлен параметр «по дате рождения автора (в обратном порядке)». Таким образом, было проанализировано по несколько десятков контекстов с каждым указанным репрезентантом. В результате были обнаружены следующие поэтические интертекстемы, участвующие в формировании ярких речемыслительных образов.

Компонент **«язык»** довольно часто выступает интертекстуальным элементом в русских поэтических текстах.

В качестве эпиграфа, который мы также позиционируем как интертекстему, Б.Б. Рыжий в стихотворении «Трижды убил в стихах реального человека...» (1999) использует первую строчку произведения И.А. Бродского, играющую роль и названия: «... и при слове «*грядущее*» из **русского языка** выбегают...».

В национальном коллективном сознании словосочетание «*русский язык*» представляет собой не просто номинацию, определяющую разновидность второй сигнальной системы, а отождествляется с комплексным понятием, в котором отражается многообразие лингвокультурных образов и интертекстуальных связей.

Следующая выделенная интертекстема с искомым компонентом формируется на основе антропонима, преобразованного в притяжательное прилагательное:

«Но запомни на случай, линючий от мокрой кирзы:

*Из всех языков наилучший – **зенонов язык**»* (Зельченко Вс.В. Парад: «Голубые глаза и в пожатии потная пясть...», 1991).

Наблюдается отсылка к древнегреческому философу Элейской школы Зенону, занимавшемуся концептуальной противоречивостью множественности, пространства, движения.

В контекстах стихотворения М.М. Степановой «А зима такая стоит по дворам...» [Священная зима 20/21, 1] (2021) наблюдается столкновение значений известного фразеологизма и свободного словосочетания:

*«А я ваш **язык** давно **держу за зубами**»;*

«Язык за зубами, и есть два про запас,

Гетский, сарматский, оба новенькие

И ни в один не хочется сунуть ногу».

У того же автора встречается интертекстема, отправляющая читателя в область невербалики: «*Губы головы, губы пола, язык рта и **язык тела***» (Степанова М.М. «Всегда осень, все снято, все разъято...» [Девочки без одежды, 4], 2020).

Вообще в стихах данного автора наблюдается частотная поэтизация концепта «Язык» в его разных значениях, о чём свидетельствуют данные НКРЯ. Обнаружены

такие интертекстемы в авторской обработке, в том числе контаминированные языковые структуры, включающие устойчивые конструкции: «как валидол под толстым языком», «затылки запрокинуты, / языки застыли», «так и не сказано на моем языке», «и язык дрожит, как стрелка, поперек соленых губ», «острый язык огня пройдет по сусекам», «я твой родной язык» (стихи М.М. Степановой, НКРЯ), а в её стихотворении «– Ходили за линию, взяли языка...» (2008) использован приём каламбура:

«– Ходили за линию, взяли **языка**,
А он уже без **языка**.

«Все, что он может издать, **язык**,
Крик бараний да зверский зык».

Наблюдается структурно-семантическое перекрещивание разных прецедентных феноменов.

Контексты с элементом «**речь**» особенно частотны в поэтических текстах Б.Б. Рыжего (если производить выборку по тем же параметрам в НКРЯ). Интертекстемы с данным компонентом тоже имеют интересное воплощение в русских поэтических текстах.

Дополняет интертекстему «**русский язык**» интертекстуальная единица «**русская речь**», встречаемая у разных авторов:

«И ангел, стараясь развлечь,
заводит шарманку про **русскую речь**,

вот это, мол, вещь» (Новиков Д.Г. «Казалось, внутри поперхнется вот-вот...», 1993). Примечательно, что в одной строке с рассматриваемой интертекстемой употреблена и другая устойчивая структура.

«Но все впереди, а пока еще рано,
И сердце в груди не нашло свою рану,
Чтоб в исповеди быть с любовью на равных

И дар **русской речи** беречь» (Башлачев А.Н. Тесто: «Когда злая стужа снедужила душу...», 1986). Общей цели создания оригинальной образности подчинён приём аллитерации, несущий особую смысловую нагрузку в последней строке.

Просмотровое чтение контекстов по заданным параметрам в НКРЯ позволяет обратить внимание на следующие интертекстемы с компонентом «речь», реализуемые в русских поэтических текстах: «заходит речь» (М.М. Степанова. «но я умел бы жить и умереть в париже...», 2014); «Об этом и речь!» (Ю.Ф. Гутолев. «В пиджачке и коротеньком галстучке...», 2000-2006); «выспренние речи» [Т.Ю. Кибиров. «Ленивы и нелюбопытны...», 1990) – зафиксирован устаревший лексический компонент, сравним это сочетание с конструкцией «возвышенная речь»; «не может быть и речи» (Т.Ю. Кибиров. «Не унывай, Наташенька, не стоит!..», 1999; С.М. Гандлевский. «Вот когда человек средних лет, багровея, шнуры...», 1991).

Дихотомия «язык – речь» находит воплощение в контексте:

«**Язык** имеет выход, а **речь** имеет вход» (Парщиков А.М. Устрицы: «Похожие на кованую бровь...», 1995).

Компонент «**мышление**» также становится строительным материалом интертекстом, характеризующих психолингвистические особенности русских поэтических текстов. Интересен контекст, в котором реализуется речемыслительный образ, отражающий понятие, характерное для философии, психологии, педагогики:

«**Категориальное мышление**,
делящее население
на четыре сорта или пять,

объявляется опять» (Слуцкий Б.А. «Категориальное мышление...», 1964–1969).

Интертекстуальные свойства присущи и сочетанию с компонентом «мышление» в следующем контексте:

«И тем не менее

*Покоятся они в **Божественном мышлении**»* (Белоцветов Н.Н. «Бегут ли времена? Бегут! И тем не менее...», 1926).

В стихотворении А.К. Толстого «Против течения» («Други, вы слышите ль крик оглушительный...», 1867) обнаружена языковая единица «сила мышления», имеющая интертекстуальную переключку со словосочетанием «сила мысли», встречающимся в литературных произведениях у М. Горького, А.И. Герцена и других.

*«Мир обновили мы **силой мышления** –*

Где ж побежденному спорить художеству

Против течения?».

В рассуждениях об интертекстуальных свойствах русских поэтических текстов интересен фрагмент стихотворения М.Ю. Лермонтова «Н.Ф. И...вой» («Любил с начала жизни я...», 1830) с дискуссионной последней строкой:

«К тому, чего даны в залог

С толпою звезд ночные своды,

К тому, что обещал нам бог

И что б уразуметь я мог

Через мышления и годы.

С компонентом «**мысль**» в НКРЯ зафиксированы такие поэтические интертекстемы и интертекстуальные контексты: «**шалая мысль**» (Рыжий Б.Б. «Россия. Глухомань. Зима...», 1998); «**Есть просторы для мысли, которые даже огромны**» (Байтов Н. «Взять, допустим, червонец, валяющийся у помойки...», 1987); «**Секунд этак пять я смотрел на билет / без мыслей, как Германн на даму**» (Байтов Н. «Секунд этак пять я смотрел на билет...», 1993) – прецедентное имя отсылает к произведению А.С. Пушкина «Пиковая дама»; «**Совсем без мысли взгляд его убогий / мигает надо мной, белес и жидок**» (Байтов Н. «Раскрыл я дверь – и до утра мой голос...», 1985); «**мысли ход**» (Байтов Н. Фрагмент поэмы «Нескончаемые сетования» : «Написано про леопарда...», 2007); «**Ветхозаветный змий сидит на древе / и наши мысли ловит, как радар**» (Кекова С.В. «На троне царь сидит, как на костях...» (1980-1999)] – прочитывается библейский сюжет об Адаме и Еве; «**Блажен, кто жизнь прожил и с этой мыслью свыкся**» (Кекова С.В. Стансы («И тонкий звездный свет, и отблески костров...»), 1999) – вспоминаются, например, известные афоризмы «Блажен, кто смолоду был молод» (А.С. Пушкин), «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» (А. С. Грибоедов).

В стихотворении Б.Б. Рыжего «**Мысль об этом леденит: О –...**» (1996) угадывается влияние фразеологизма «страх леденит душу».

В контексте стихотворения Б.Ш. Кенжеева «Любезный Радашкевич, извинишь ли...» [Послания, 1] (1989) наблюдается интертекстема, представляющая собой прецедентный феномен:

«А между тем роман мой злополучный

обруган был неведомым зоилом

*в известной **“Русской мысли”**».*

«Русской мыслью» назывался московский журнал (1880–1918), освещавший вопросы политики, литературы и науки, закрытый большевиками в 1918 году, но потом издававшийся за границей до 1927 года. Периодическое издание с таким названием и интересной судьбой известно и сейчас.

Итак, на материале русских поэтических контекстов, отражённых в НКРЯ, были рассмотрены некоторые интертекстемы, воплощающие психолингвистические представления о речемыслительных образах.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Аксиологические коннотации славянских этнонимов / Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь // Русин. – 2023. – № 72. – С. 178–195.
2. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
3. Колесникова С.М. Актуальные проблемы современной русистики : учебник и практикум для вузов / ответственный редактор С.М. Колесникова. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 635 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». – М.: Academia: Смысл, 2005. – 287 с.
5. Мокиенко В.М. Интертекстемы и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 4–27.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка / Поэтический корпус [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Сидоренко К.П. Интертекстема как межуровневый реляционный сегмент // Герценовские чтения, посвященные 200-летию Российского гос. ун-та им. А.И. Герцена (23-25 апреля 1997 г.): тезисы докладов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – С. 83–84.
8. Мокиенко В.М. Теория ценностно-смыслового пространства языка Н.Ф. Алефиренко в свете полипарадигмальных тенденций в лингвистике 20-21 вв. / В.М. Мокиенко, Е.А. Огнева, Е.Г. Озерова, Н.Н. Семененко // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 24–41.

PSYCHOLINGUISTIC PREREQUISITES OF INTERTEXTUALITY IN RUSSIAN POETIC TEXTS

E.N. Antonova

Russia, Moscow, State University of Land Management

Abstract. This article examines poetic intertextemes whose components include key categories of psycholinguistics: “language”, “speech”, and “thought” (“thinking”). Using materials from the poetry corpus of the National Corpus of the Russian Language, certain features of their verbal and cognitive perception were analyzed. The results allowed us to draw conclusions about the psycholinguistic function of intertextemes in Russian poetic texts.

Keywords: intertexteme, psycholinguistics, poetry corpus.

Аль-Тамими А.Я.А.
КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ НАЗВАНИЯ СИМВОЛА «МЕЧЕТЬ»
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ИСЛАМСКО-АРАБСКОГО МИРА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ahmad.yas20@uosamarra.edu.iq

Обращение к миру Востока – одна из устойчивых традиций русского художественного творчества. Восточные мотивы с разной степенью глубины и достоверности эксплуатировались в живописи, музыке, литературе, а позднее – в кино, при этом богатство оттенков и полутонов позволяло актерам решать самые разные художественные задачи – от декоративно-орнаментальных до глубинно-метафорических. Особенности текстопорождения определялись теми индивидуально-авторскими, имманентными, субъективными смыслами, которые закладывал творец [Дискурс... 2025].

Особенно наглядно арабо-исламский код как система символов восточной культуры эволюционировал в русской поэзии – от Пушкина до современности. При этом поэтические репрезентации арабо-исламского мира охватывают как архитектурные и декоративные мотивы, так и ключевые идеологические концепты, связанные с верой. В текстах встречаются и наименования персонифицированных теонимических концептов, например, «Пророк», «Аллах», «Коран» [Кулиев 2002] и названия религиозных атрибутов: *мечеть*, *минарет*, *купол*, *молитва* и т.п., на одном из которых (*мечеть*) мы сегодня остановимся. Принципы сравнительного концептуального анализа в русской и иноязычной лингвокультурах, применяемые в современных исследованиях, позволяют углубить понимание подобных символических образов [Коренецкая 2024].

1. Общее значение слова «мечеть»

"Мечети принадлежат Аллаху. Не взывайте же ни к кому наряду с Аллахом." Коран сура 72, аят 12.

Общепринятая этимология слова «мечеть» производит его от «مسجد» (мн. ч. – مساجد), которое, в свою очередь, происходит от арабского корня «سَجَدَ» – «падать ниц» – в значении места и означает «место поклонения», «место совершения земного поклона». Оно указывает на место, где верующий может поклониться Богу во время молитвы и не предполагает ничего, кроме ритуально чистого пространства. Другое возможное происхождение слова – от «المسجد الجامع» – «пятничное, или соборное, моление».

2. Символ «мечеть» в поэзии XIX века

В русской поэзии XIX века *мечеть* выступает не только как обозначение архитектурного объекта, но и как сложный культурный маркер – единица восточного культурного кода (о прагматике элементов восточного культурного кода см. [Чумак-Жунь 2025]).

Одним из первых русских поэтов XIX века, в творчестве которого появляется выразительный, по-восточному романтичный образ мечети, является М.Ю. Лермонтов, при этом семантика слова *мечеть* в творчестве поэта динамична и контекстуальна:

В контексте описания Востока – это красота восточной природы, которую оттеняет красота строений, созданных человеком:

*Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,*

Как под ногами, встретит взор!

В контексте праздника и жизни – это символ жизнестойкости, общности и радости, противопоставленный одиночеству природы.

Дни мчатся. Начался байран.

Везде веселье, ликованья;

Мулла оставил алкоран,

И не слышать его призыванья;

***Мечеть** кругом освещена;*

В контексте войны и разрушения – это символ утраченного духовного и мирного существования.

Аул, где детство он провел,

***Мечети**, кровы мирных сел –*

Всё уничтожил русский воин.

Во всех случаях лексема *мечеть* является ключевым культурным маркером, который позволяет Лермонтову с глубоким пониманием и симпатией изобразить мир кавказских горцев, показав его трагедию и его жизненную силу. Это не просто архитектурное сооружение, а емкий образ, в котором заключена душа целого народа.

В поэзии Ф.И. Тютчева упоминание мечети приобретает символическую нагрузку, оформляя пространство как романтизированный исламский Восток и вступая в диалог с символом европейской античности (*Парфенон*). В стихотворении «Войди со мной – пуста сия обитель...» (1828–1829) лексема *мечеть* становится одним из элементов синтеза культур и воплощает идею о тленности и величии человеческой цивилизации.

Сей мир насильства, лени, сладострастья

Он зрел еще перед его кончиной –

Где обнялись в роскошном запустенье

И жизнь и разрушенье

И дружески цвели в вечернем свете

Вершины гор, где жил разбой веселый,

Там, за скалой, пирата парус белый,

*Здесь рог луны, горящий **на мечети**,*

И чистые остатки Парфенона

На девственном румянце небосклона.

Упоминание мечети в этом тютчевском произведении обладает следующими текстовыми функциями:

- быть культурным маркером, «отвечающим» в пространстве стихотворения за романтический исламский «Восток»;
- быть элементом контраста и диалога с символом европейской античности (*Парфенон*), что подчеркивает идею синтеза культур перед лицом вечности;
- быть составной частью ключевого образа «роскошного запустенья», воплощающего байроническую (и тютчевскую) идею о возвышенной и прекрасной тленности всего земного.

Таким образом, если у М.Ю. Лермонтова *мечеть* – трагический и жизнеутверждающий символ народной души, то у Ф.И. Тютчева – декоративный и философский образ, вписанный в диалог Востока и Запада.

«Восточное направление» движения образной системы русской поэзии отчетливо прослеживается в творчестве выдающихся поэтов XX века – Н.С. Гумилева и Б.А. Ахмадулиной.

В поэтических текстах Н.С. Гумилева мечеть представлена как цель духовного паломничества. Так, в стихотворении «Галла» (1921) из африканского цикла Гумилёв – это сакральная вершина, к которой стремится лирический герой:

И таинственный город, тропический Рим,

*Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.*

У Гумилёва **мечеть** – это:

- сакральный символ, объект поклонения, маркирующий вхождение в иную, полную тайн культурную реальность;
- ключевая точка на пути духовного искателя – герой не просто видит мечеть, а кланяется ей, что подчёркивает ритуальное, почти мистическое отношение.
- элемент экзотического Востока, но не поверхностно-романтический, а глубоко пережитый через личный опыт путешествий Гумилёва.

В отличие от XIX века, у Гумилёва мечеть перестаёт быть только пейзажной деталью или этнографическим маркером – она становится целью паломничества, точкой притяжения религиозного и художественного поиска.

В поэзии Б. А. Ахмадулиной происходит метафорическое преобразование мечети. В стихотворении «Моя родословная» (1963) поэтесса совершает радикальный семантический сдвиг: слово *мечеть* утрачивает прямое лексическое значение и превращается в элемент мощной поэтической метафоры:

*Как тесно облекли шаровары
золотые **мечети** колен!*

Семантика образа складывается из нескольких слоёв:

- визуальное сравнение – форма коленей уподобляется куполам мечетей;
- сакрализация человеческого тела – тело осмысляется как храм, как нечто божественное;
- культурное самоопределение – отсылка к восточным, татарским корням поэтессы;
- атмосфера интимности, нежности, защищённости – восточная пышность и теплота.

Если у Лермонтова и Тютчева *мечеть* – это символ (реалистический или романтический), то у Ахмадулиной – это метафора, служащая для преобразования реальности и выражения сложного чувственного и культурного опыта. Именно здесь русская поэзия достигает высшей степени освоения исламско-арабского образа: он становится не «чужим», а органичным средством говорения о самом сокровенном.

Проведённое исследование позволило выявить эволюцию репрезентации символа «мечеть» в русской поэзии XIX–XX веков – от культурного маркера до интимной метафоры.

В XIX веке (Лермонтов, Тютчев) *мечеть* выступает прежде всего как культурный маркер, обозначающий романтизированный Восток, и как символ, вступающий в диалог с античными или народными идеалами. У Лермонтова она трагична и жизнестойка, у Тютчева – декоративна и философична.

В XX веке семантика образа усложняется. У Гумилёва мечеть сохраняет сакральный ореол, но становится целью духовного паломничества, точкой личного религиозного переживания. Наиболее яркое преобразование происходит в лирике Ахмадулиной, где *мечеть* утрачивает прямое значение и превращается в метафору тела, культурной идентичности и нежности.

Таким образом, символ *мечеть* в русской поэзии является не статичным заимствованием, а динамичным концептом, который адаптируется, трансформируется и обогащается, отражая меняющееся восприятие русскими поэтами исламско-арабского мира – от экзотического «Другого» до неотъемлемой части общечеловеческого культурного и духовного универсума.

Литература

1. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.
2. Коренецкая И.Н. Концепты Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультуре // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2024. – Т. 43. – № 4. – С. 525–533.
3. Кулиев Э. Р. Коран / Пер. смыслов и коммент. – М., 2002. – 807 с.
4. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – М.: Изд-е книгопродавца А.И. Манухина, 1865. – 718 с.
5. Никитин А. Хожение за три моря. – М.: Эксмо, 2009. – 601 с.
6. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб.: В.И. Губинский, 1910. – 676 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.2026).
8. Коран в русской поэзии XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. – URL: <https://eminbar.com/islamovedenie/book-02/chapter-07/koran-v-russkoj-poezii-xix-xx-vv> (дата обращения: 30.04.2026).
9. Чумак-Жунь И.И. Культуромиметическая прагматика элементов восточного культурного кода в цикле А.С. Пушкина «Подражания Корану» / И.И. Чумак-Жунь, А.Я.А. Аль-Тамими // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 4. – 157–170 с.

CULTURAL AND RELIGIOUS NAMES OF THE SYMBOL "MOSQUE" IN RUSSIAN POETRY: LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE ISLAMIC-ARAB WORLD

A.Ya.A. Al-Tamimi

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article explores the linguistic and cultural representation of the mosque symbol in Russian poetry from the 19th to 20th centuries, analyzing its evolution from a cultural marker to an intimate metaphor, reflecting the changing perception of the Islamic-Arab world by Russian poets.

Keywords: Russian poetry, Islamic-Arab world, linguistic and pragmatic factors, mosque.

УДК 81'42

Бабаян В.Н.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТРИАДНЫЙ ДИАЛОГ КАК ПРОДУКТ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО АКТИВНЫХ И ПАССИВНОГО УЧАСТНИКОВ

Россия, г. Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского,
vladimirbabayan@rambler.ru

Триадный диалог представляет собой общение в диаде коммуникантов как его активных членов, т.е. адресанта и адресата, в присутствии третьего пассивного лица, который не участвует в текущем акте коммуникации. В настоящей работе этот третий участник диалога называется «молчащим наблюдателем» (МН). Являясь третьей стороной диалога партнеров по общению, МН часто воздействует на (не)вербальное поведение коммуникантов и фактом своего присутствия приводит к образованию триады, тем самым превращая диалог в особую форму речевого общения – триадный диалог [Бабаян 2009: 15; 2021: 98–99].

Таким образом, МН своим присутствием воздействует на коммуникантов как

активных членов триады (АЧТ), реконструирует весь коммуникативный процесс, модифицирует форму и содержание диалога и превращает коммуникативную диаду в триаду. Благодаря этой значительной в создавшейся коммуникативно-речевой ситуации роли МН становится значимым и неотъемлемым компонентом триадного диалога и фактором, оказывающим влияние на коммуникативно-психологический фон общения [Бабаян 1998: 50].

Как показали результаты анализа триадных диалогов, молчащим наблюдателем (МН) в них может оказаться любой невольный участник подобной коммуникативно-речевой ситуации. Помимо того, МН оказаться лицом, (не)заинтересованным в данном разговоре АЧТ и не принимать активного участия в диалоге. Примечательно, что МН по-своему воспринимает и истолковывает (декодирует) речь активных участников триадного диалога, АЧТ [Бабаян 2021: 98]. Согласно результатам анализа триадных диалогов можем утверждать, что то, как этот МН воспринимает и интерпретирует (декодирует) услышанное им вербальное общение (отдельные высказывания-реплики, диалогические единства или весь диалог), формирует и его отношение как к теме услышанного им разговора и к самим партнерам по диалогу, так и ко всей сложившейся ситуации в целом. Интересным представляется также и сам феномен молчания в коммуникативно-дискурсивном и прагма-аксиологическом аспекте диалогического взаимодействия [Аверина 2025: 33].

Считаем уместным представить разработанную нами общую теорию триадного диалога с МН и его значительной ролью в триаде на конкретных примерах из произведений художественной литературы [Бабаян 1998, 2009], а также провести их комплексный анализ. Кроме того, отметим, что единицей диалогического дискурса считается высказывание-реплика, высказанная полностью либо прерванная высказыванием-репликой партнера по общению [Бабаян 2009; Купцов 2024; Тюкина 2020; Мельникова 2022].

(1) В рассказе И.А. Бунина «Хорошая жизнь» есть эпизод, в котором Настасья Семеновна Жохова (АЧТ₁), повествует о том, что она, хозяйка дома, сдавала горницу «барышне-проститутке» Фене (ЭМН), в которую, как оказалось, влюбился её сын Ваня (АЧТ₂). Посоветовавшись со своим кумом Чайкиным (АЧТ₃), Настасья Семеновна «штатную историю придумала», чтобы избавиться от Фени. Как говорит сама хозяйка, «Прикинулась я, что в гости иду... Стучу – молчат. <...> Зачала я в окна колотить <...> Вдруг задвижка – стук: Ванька. **Белый, как мел.** Я его за плечо со всей силы – и прямо в горницу. А там уж чистый пир какой: бутылки пивные пустые, вино столовое, сардинки, селедка большая очищена, как янтарь розовая, – всё из лавки (самой Настасьи Семеновны. – В. Б.). Фенька (МН. – В. Б.) на стуле сидит... Увидела меня, привскочила, **глядит во все глаза**, а у самой **аж губы посинели от страху**. (Думала, бить кинусь.)» Следующий диалог состоится между Настасьей Семеновной (АЧТ₁) и ее сыном Ваней (АЧТ₂) в присутствии Фени (МН):

- Чтой-то у вас, – говорю, – ай **сговор**? Ай именинник кто? Что ж **не привечаете, не угощаете**?

Молчат.

- Что ж, – говорю, – молчите? Что ж молчишь, **сынок**? Такой-то ты хозяин-то, **голубчик**? **Вот куда, выходит, денежки-то мои кровные летят!**

Он было **шерсть взбудоражил**:

- **Я сам в лета взошел!**

- Та-ак, – говорю, – а мне-то как же? Мне, значит, от твоей милости **с сучкой с этой** (ЭМН. – В. Б.) из своего собственного дома выходить? Так, что ль? **Пригрела** я, значит, **змеяку** (ЭМН. – В. Б.) **на свою шейку**?

Как он на меня **заорет!**

- **Вы не можете ее (ЭМН. – В. Б.) обижать! Вы сами молодые были, вы должны понимать, что такое любовь!**

А Чайкин, услышавши такой крик, и вот он: **вскочил, ни слова не сказавши, сгреб Ваньку за плечи, да в чулан, да на замок.** (Человек ужасный сильный был, прямо гайдук!) Запер и говорит Феньке:

- **Вы барышней числитесь, а я вас волчком могу сделать!**

(С волчьим билетом, значит.)

- Хотите вы, говорит, этого, ай нет? – **Нонче же комнату нам ослобонить, чтоб и духу твоего здесь не пахло!**

Она (Феня, ЭМН. – В. Б.) – **в слезы.** А я еще поддала:

- **Пусть, – говорю, – денежки мне прежде приготовит! А то я ей и сундучишко последний не отдам. Денежки готовь, а то на весь город ослаблю!**

Ну, и спровадила в тот же вечер. [Бунин 1983: 278–279] (жирный курсив наш. – В.Б.).

Как видим из создавшейся эмоционально насыщенной и сложной ситуации, хозяйка дома Настасья Семеновна Жохова (АЧТ₁), посоветовавшись со своим кумом Чайкиным (АЧТ₃), заранее подготовилась к разговору-спору со своим сыном Ваней (АЧТ₂).

Настасья Семеновна (АЧТ₁) пришла в горницу с претензиями к своему сыну Ване (АЧТ₂), говоря о том, что он плохой хозяин, растрчивает ее деньги (**Такой-то ты хозяин-то, голубчик? Вот куда, выходит, денежки-то мои кровные летят!**). Следует обратить внимание, что обращается Настасья Семеновна к сыну с укором, тем не менее, называя его ласково словами «сынок», «голубчик». С Феней (МН) же Настасья Семеновна напрямую не общается, говорит о ней в 3-ем лице, называет ее унизительно «сучкой», «змеей» (**Мне, значит, от твоей милости с сучкой с этой из своего собственного дома выходить? Так, что ль? Пригрела я, значит, змейку на свою шейку?**). Важно отметить, что Феня никак не реагирует на эти высказывания Настасьи Семеновны и до конца триадного диалога остается эксплицитным МН. Ваня заступает за свою любовницу Феню, кричит на мать (**Вы не можете ее обижать!**), упрекает свою мать (**Вы сами молодые были, вы должны понимать, что такое любовь!**) Этой поддержкой своей любовницы создается альянс молодых людей – Вани и Фени – против Настасьи Семеновны (АЧТ₂ + МН > АЧТ₁). Заметим, что диалог-скандал между матерью и сыном состоится в эмоционально напряженной обстановке, коммуниканты говорят на повышенном голосе, кричат друг на друга.

На этот крик в горнице «барышни-проститутки» Фени (МН) появился Чайкин (АЧТ₃), **«ни слова не сказавши, сгреб Ваньку за плечи, да в чулан, да на замок».** Своими действиями Чайкин, в свою очередь, оказывает поддержку Настасье Семеновне (АЧТ₁). Кроме того, Чайкин напрямую обращается и угрожает Фене (МН) (**Вы барышней числитесь, а я вас волчком могу сделать!**), велит Фене немедленно покинуть дом Настасьи Семеновны (**Нонче же комнату нам ослобонить, чтоб и духу твоего здесь не пахло!**) Благодаря своей поддержке кум хозяйки дома Чайкин (АЧТ₃) и Настасья Семеновна (АЧТ₁) составляют альянс против Вани (АЧТ₂) и ее любовницы Фени (МН). Этот альянс взрослых людей против молодых можем выразить формулой АЧТ₁ + АЧТ₃ > АЧТ₂ + МН.

Отметим, что анализируемый диалог-спор заканчивается тем, что Феня (МН) плачет, а Настасья Семеновна (АЧТ₁) требует с нее свои деньги (**Пусть денежки мне прежде приготовит!**), предупреждает, что в противном случае она лишит Феню имущества (...я ей и сундучишко последний не отдам.) и угрожает, в этот раз обращаясь к Фене напрямую, **«Денежки готовь, а то на весь город ослаблю!»**

Важно подчеркнуть, что в исследуемом триадном диалоге МН в лице Фени является поводом всего акта коммуникации, она привязала к себе Ваню, сына хозяйки дома, и этим создала такую сложную коммуникативно-речевую ситуацию. Кроме того, можем говорить о том, что в исследуемом диалоге-споре наблюдаются два альянса. Причем, эти альянсы представляют объединение по возрастному принципу, в спор вступают представители двух поколений – молодежь (Ваня и Феня), являющаяся альянсом 1 и взрослые (мать Вани Настасья Семеновна и ее кума Чайкин), которые представляют альянс 2.

В языковом отношении отметим, что анализируемый диалог-спор насыщен восклицательными и повелительными предложениями-репликами его активных участников, лексически и интонационно выражающими эмоционально напряженную ситуацию и негативное отношение Настасьи Семеновны (АЧТ₁) и ее кумы Чайкина (АЧТ₃) к Фене (МН). Невербальные средства коммуникации, используемые автором в исследуемом диалоге, способствуют более полному описанию состояния всех его активных (АЧТ) и пассивного (МН) участников.

Схема диалога-спора терциарной речи может быть представлена следующим образом:

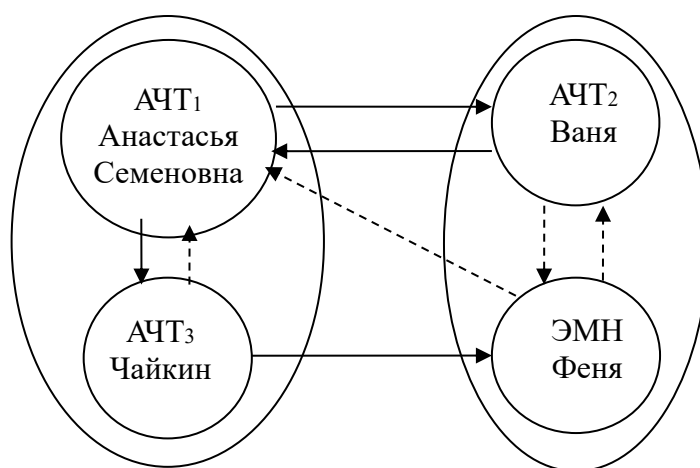

Рис. 1. Схема триадного диалога из рассказа «Хорошая жизнь» И.А. Бунина

Исследуемый диалог-спор терциарной речи можем с уверенностью отнести к *асимметричному* (по В.И. Карасику и И.А. Стернину); *компетитивному типу диалога* (по В. Франке), участники которого в неравном положении, целью такого общения является воздействие на партнера по диалогу, что и делают представители альянса взрослых – Настасья Семеновна (АЧТ₁) и ее кумы Чайкина (АЧТ₃) против альянса молодых – Вани (АЧТ₂) и Фени (МН).

(2) В романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» говорится о том, что когда Квентин входит в хлебный магазин, там стоит «замурзланная девочка с глазами, как у плюшевого медвежонка, и с двумя лакированными косичками». Квентин приветствует ее и спрашивает, где хозяйка магазина. Девочка молчит, но, как замечает автор, «*вот задняя дверь отворилась, и вошла хозяйка*». Следующий диалог состоится между Квентином (АЧТ₁) и хозяйкой магазина (АЧТ₂) об этой маленькой девочке в ее присутствии, которая на протяжении всего диалога обеих АЧТ выступает в роли МН.

"Hello, **sister**." <...> "Anybody here?"

But she (девочка, МН. – В.Б.) merely watched me until a door opened and the lady came. <...>

"Two of these, please, ma'am."

From under the counter she produced a square cut from a newspaper and laid it on the counter and lifted the two buns out. The little girl (МН. – В.В.) watched them with still and unwinking eyes like two currants floating motionless in a cup of weak coffee.

<...>

"Do you do your own baking, ma'am?"

"Sir?" she said. Like that. Sir? Like on the stage. Sir? "Five cents. Was there anything else?"

"No, ma'am. Not for me. **This lady** (МН. – В.В.) **wants something.**" She was not tall enough to see over the case, so she went to the end of the counter and looked at the little girl.

"Did you bring her in here?"

"No, ma'am. **She** (МН. – В.В.) was here when I came."

"**You little wretch,**" she said. She came out around the counter, but she didn't touch the little girl. "**Have you got anything in your pockets?**"

"**She hasn't got any pockets,**" I said. "**She wasn't doing anything. She was just standing here, waiting for you.**"

"Why didn't the bell ring, then?" She **glared at me.** **She** (девочка, МН. – В.В.) **just needed a bunch of switches...** "**She'll hide it under her dress and a body'd never know it.** You, child. How'd you get in here?"

The little girl (МН. – В.В.) **said nothing.** **She looked at the woman,** then she gave me **a flying black glance** and looked at the woman again.

"**Them foreigners,**" the woman said. "How'd she get in without the bell ringing?"

"**She came in when I opened the door,**" I said. "**It rang once for both of us. She couldn't reach anything from here, anyway. Besides, I don't think she would. Would you, sister?**" The little girl **looked at me, secretive, contemplative.** "What do you want? bread?"

She extended her fist. It uncurled upon a nickel, moist and dirty, moist dirt ridged into her flesh. The coin was damp and warm. I could smell it, faintly metallic.

"**Have you got a five cent loaf,** please, ma'am?"

From beneath the counter she produced a square cut from a newspaper sheet and laid it on the counter and wrapped a loaf into it. **I laid the coin and another one on the counter. "And another one of those buns,** please, ma'am."

She took another bun from the case. "Give me that parcel," she said. I gave it to her and she unwrapped it and put the third bun in and wrapped it and took up the coins and found two coppers in her apron and gave them to me. **I handed them to the little girl. Her fingers closed about them, damp and hot, like worms.**

"You going to give her that bun?" the woman said.

"Yessum," I said. "I expect your cooking smells as good to her (девочке, МН. – В.В.) as it does to me."

I took up the two packages and gave the bread to the little girl, the woman all iron-gray behind the counter, **watching us with cold certitude.** "You wait a minute," she said. She went to the rear. The door opened again and closed. The little girl **watched me, holding the bread against her dirty dress.**

"What's your name?" I said. She (девочка, МН. – В.В.) **quit looking at me,** but she was **still motionless. She didn't even seem to breathe.** The woman returned. She had a funny looking thing in her hand. <...>

"Here," she said. The child looked at her. "Take it," the woman said, jabbing it at the little girl. "It just looks peculiar. I calculate you won't know the difference when you eat it. Here. I can't stand here all day." The child took it, still watching her. The woman rubbed her hands on her apron. "I got to have that bell fixed," she said. She went to the door and jerked it open. The little bell tinkled once, faint and clear and invisible. **We** (Квентин, АЧТ₁ и девочка, МН. – В.В.) **moved toward the door** and the woman's peering back.

"Thank you for the cake," I said.

"Them foreigners," she said. <...> "Take my advice and stay clear of them, young man."

"Yessum," I said. "Come on, sister." We (Квентин, АЧТ₁ и девочка, МН. – В.Б.) *went out. "Thank you, ma'am."* [Faulkner 1958: 61-62] (жирный курсив наш. – В.Б.).

В процессе анализируемого диалога Квентина (АЧТ₁) и хозяйки хлебного магазина (АЧТ₂) в присутствии молчащего наблюдателя (МН) в лице маленькой девочки – наблюдаем, что даже там, где обычно люди вступают в вербальную коммуникацию, особенно, когда к человеку обращаются с прямым вопросом (Квентин: *Привет, сестренка. ...А где продавец?; ...Что тебе? Хлеба?; Как тебя зовут?;* хозяйка магазина: *Небось, набила карманы?; Скажи-ка мне, деточка, как ты вошла сюда?*), маленькая девочка продолжает молчать. Более того, интересным представляется тот факт, что Квентин в соответствии со сложившейся ситуацией говорит и заступает за эту девочку (МН) (*А вот юная леди желает; У нее нет карманов. Она ничего не брала. Стояла и ждала вас; Дайте нам, пожалуйста, пятицентовый хлеб; Благодарим вас за пирожное.*). Таким позитивным отношением Квентина к маленькой девочке и его заступничеству и помощью ей, создается альянс против хозяйки магазина, т.е. Альянс = АЧТ₁ + МН > АЧТ₂. Считаем целесообразным продемонстрировать вышеизложенное репликами и авторскими ремарками из диалога: *«Колокольчик доложил о нас обоих сразу»; «Дайте нам, пожалуйста, пятицентовый хлеб»; «...серо-стальная за прилавком смотрит на нас с холодной непреложностью»; «Погодите-ка минуточку»; Мы пошли к двери...»; «Благодарим вас за пирожное»; «Пошли, сестренка.»; «Мы вышли.»* (выделены языковые средства выражения альянса Квентина с маленькой девочкой).

Отношение к МН в лице маленькой девочки у обоих АЧТ – Квентина и хозяйки магазина – разное, противоположное. Квентин относится к МН уважительно, называя ее «юная леди, «сестренка», а хозяйка магазина – негативно: «негодница маленькая». Она обижает девочку, обвиняет ее (МН) в воровстве *«Небось набила карманы?»; «Ей не хватает только пучка розог... Она так спрячет под платье, что взвек не догадаетесь».* Квентин же пытается защитить девочку от нападок и обвинений хозяйки магазина: *«У нее нет карманов. Она ничего не брала. Стояла и ждала вас»; «Отсюда за прилавок ей все равно не дотянуться. К тому же, она бы и не стала».*

Внимательный читатель замечает, что оба коммуниканта – Квентин и хозяйка магазина – не только говорят о МН в лице девочки в третьем лице (местоимение «она», словосочетания «вот юная леди») словно она отсутствует в данном акте коммуникации, но и обращаются к ней напрямую (Квентин: *«Привет, сестренка. ...А где продавец?»; «Что тебе? Хлеба?»;* хозяйка магазина: *«Скажи-ка мне, деточка, как ты вошла сюда?»; «Вот тебе. ...Бери же... На же. Некогда мне с тобой тут.»*). Но, как видим, девочка молчит и продолжает оставаться эксплицитным МН, являясь темой разговора обоих коммуникантов.

Автор, мастерски используя средства невербального общения, воссоздает атмосферу анализируемого триадного диалога, а также состояние МН в данном акте коммуникации: *«...смотрит на них* (плюшки. – В.Б.), *не моргая и глаз не сводя...; «На меня летучий черный взгляд – и снова на хозяйку»; «Смотрит на меня взором тайным, раздумчивым»; «Протянула кулачок. Разжала...»; «Пальцы сжались, горячие и влажные, как червячки»; «...на меня глазеет, прижав хлеб к грязному платьицу»; «Отвела взгляд, но ни с места. Даже как будто не дышит».*

Схему триадного диалога представим следующим образом:

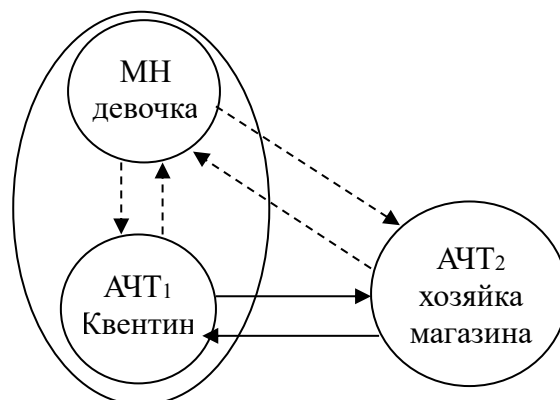

Рис. 2. Схема триадного диалога из романа
«Шум и ярость» У. Фолкнера

Альянс, как было замечено ранее, образуется благодаря хорошему отношению Квентина к маленькой девочке, его помощи, заступничеству. Средствами выражения альянса выступают не только языковые (инклюзивные местоимения, словосочетания, высказывания-реплики), но и психологические и социальные явления (моральная поддержка, материальная помощь, человеческое отношение и др.).

Таким образом, анализ приведенных примеров триадного диалога в присутствии молчащего наблюдателя (МН) показал, что коммуникативная роль этого третьего участника диалога (МН) при двустороннем речевом обмене партнеров по общению (АЧТ) значительна. Ведь именно присутствие МН представляет тот самый фактор, который влияет как на самих АЧТ и их речемыслительную деятельность в целом, так и на форму и содержание их диалога. Важно также отметить, что каждая из трех сторон триадного диалога – АЧТ₁, АЧТ₂ и МН – может быть представлена как одним человеком, так и группой лиц, все АЧТ и МН являются неотъемлемыми компонентами конкретной коммуникативно-речевой ситуации и продуцентами особого типа диалога, триадного диалога. Учет присутствия МН при комплексном анализе триадного диалога позволяет по-новому взглянуть на диалогический акт коммуникации в триаде, выявить новые специфические особенности диалогического общения в присутствии МН, которые не представляется возможным обнаружить при анализе обычного диалога двух общающихся.

Литература

1. Аверина М.Н. Коммуникативно-дискурсивный и прагма-аксиологический подход к исследованию феномена молчания в диалогическом общении // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Материалы научной конференции, Ярославль, 04 апреля 2025 года. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2025. – С. 32–43.
2. Бабаян В.Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе: специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич. – Ярославль, 1998. – 195 с.
3. Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Белгород, 2009. – 41 с.
4. Бабаян В.Н. Диалогический дискурс терциарной речи с молчащим наблюдателем как одним из его участников // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Сборник материалов научной конференции и материалы 6-го межрегионального научно-практического семинара, Ярославль, 03–04 марта 2021 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 97–107.

5. Бунин И.А. Рассказы / Сост., предисл., ком. А. Саакянц. – М.: Правда, 1983. – 576 с.
6. Купцов А.Е. О выразительных, эмоционально окрашенных и аксиологических языковых средствах современного английского языка // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка: Сборник научных материалов Международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024. – С. 99–109.
7. Мельникова К.А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография / К.А. Мельникова, Л.А. Тюкина. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2022. – 160 с.
8. Тюкина Л.А. К вопросу о единице диалогического дискурса / Л.А. Тюкина, В.Н. Бабаян // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 14-16 мая 2020 г. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2020. – С. 20–23.
9. Faulkner W. *Intruder in the Dust*. – New York: Random House, Inc. – 1958. – 247 p.

**FICTIONAL TRIADIC DIALOGUE
AS A PRODUCT OF THE VERBAL AND COGNITIVE ACTIVITY
OF ITS ACTIVE AND PASSIVE PARTICIPANTS**

V.N. Babayan

Russia, Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky

Abstract. The article studies a triadic dialogue as a product of the verbal and cognitive activity of its active and passive participants. It is found that the silent bystander (SB), as a "passive" participant in the dialogue, influences the interlocutors' (non)verbal behaviour and produces a unique speech product – triadic dialogue as a special type of dialogue characterized by particular features. The psycholinguistic characteristics of the triadic dialogue with SB are revealed.

Keywords: discourse, triadic dialogue, fictional dialogical discourse, silent bystander (SB), verbal and cognitive activity.

УДК 81'42

Владова Н.

**КОНЦЕПТ «ЯЗЫКОВАЯ СИНЕСТЕЗИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

1042255095@rudn.ru

Синестезия – феномен, связанный с пересечением двух ощущений из разных сенсорных модальностей (зрения, слуха, осязания и др.). Это явление отражает целостность восприятия личностью окружающей действительности.

С точки зрения науки о языке синестезия связана с особым использованием лексики, относящейся по значению к области сенсорных ощущений. В рамках языковой синестезии слова, семантически связанные с одной сферой восприятия, употребляются для описания ощущений, присущих другой чувственной модальности. Как отмечает В.В. Кучер, «имеет место переход или сдвиг значения» [Кучер 2023: 44].

Г.Н. Склярёвская пишет, что для человека ощущения представляют собой главный источник информации об окружающем мире, их ««скрещивания» ...

не могли не оказаться стимулом языкового творчества и импульсом различных семантических процессов» [Скляревская 1993: 52]. В.И. Шувалов определяет синестезию как «своего рода плод наблюдений, обобщение индивидуального и коллективного опыта» [Шувалов 2005: 47].

Чаще всего языковая синестезия реализуется в рамках словосочетания: «с сухим шорохом» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»), «в темном грохоте» (К.Д. Воробьёв «Убиты под Москвой»). Однако данное явление может охватывать и грамматическую основу предложения: «Пушка ударила с такой силой, что мальчику показалось, **будто от нее во все стороны побежали красные звенящие круги**» (В.П. Катаев «Сын полка»); «...И сразу же по ушам **стеганул ужасный крик**» (В.А. Курочкин «Железный дождь»).

В современной лингвистике проблема синестезии является и актуальной, и дискуссионной. Один из важнейших исследовательских вопросов, которому посвящено большое количество научных работ – направленность языковой синестезии [Zhao Qingqing et al. 2022: 554]. Исследователи обращаются к изучению тенденций направленности перехода лексики из одной сферы ощущений в другую. Подчёркивается существование двух основных моделей, отражающих такие направленности в обобщённом виде для языковой синестезии в индоевропейских языках: линейная модель С. Ульмана (S. Ullmann) и линейно-иерархическая модель Дж. М. Уильямса (J.M. Williams). Авторы отмечают схожесть расположения сенсорных областей в данных моделях [Zhao Qingqing et al. 2019: 2]. Так, по модели С. Ульмана, сферы ощущений связаны следующим образом: осязание → вкус → обоняние → слух → зрение. В модели Дж. М. Уильямса представлено иерархическое расположение областей «цвет» и «звук», направленность перехода между ними возможна в обе стороны (см. Zhao Qingqing et al. 2019). Исследуя синестезию в китайском языке (Mandarin Chinese), авторы приходят к выводу, что тенденции её направленности не совпадают с моделями для индоевропейских языков. Выделяются такие типы направленности языковой синестезии, как однонаправленные («unidirectionality»), направленные со смещением («biased-directionality»), направленность в обе стороны, но с преимуществом одной из сфер), двунаправленные («bidirectionality») [Zhao Qingqing et al. 2019: 11].

В контексте данного исследования представлена попытка выявить возможные направленности языковой синестезии в комплексе прозаических художественных текстов о Великой Отечественной войне, таких авторов, как Ю.В. Бондарев («Батальоны просят огня», «Последние залпы»), Г.Я. Бакланов («Южнее главного удара», «Пядь земли»), К.Д. Воробьёв («Убиты под Москвой», «Это мы, Господи!...»), В.А. Курочкин («На войне как на войне», «Железный дождь»), Эм. Г. Казакевич («Звезда», «Сердце друга»), В.П. Некрасов («В окопах Сталинграда»), В.П. Катаев («Сын полка»), Б.Л. Васильев («А зори здесь тихие»), В.В. Быков («Сотников», в авторском переводе на русский язык). Выбор текстов военной тематики обусловлен особой значимостью чувственного восприятия в их смысловом пространстве. Подбор авторов и произведений осуществлялся с учётом их известности, культурной значимости, а также включения в программу школьного обучения.

Такой подход к исследованию текстов военной тематики обладает научной новизной, так как ещё не использовался по отношению к данному материалу в лингвистических трудах о языковой синестезии.

Цель исследования – выявить основные пути перехода лексики чувственного восприятия из одной сенсорной модальности в другую в рамках концепта «Языковая синестезия» в смысловом пространстве прозаических художественных текстов о Великой Отечественной войне.

Как подчёркивает П.В. Ярошенко, к синестезиям исследователи могут причислять «не только полимодальные сочетания» [Ярошенко 2020: 146]. Изучаются выражения, в которых представлена одна сфера ощущений, и

«чувственная ассоциация, возникающая в связи с некоторым абстрактным понятием» [Ярошенко 2020: 146]. В данном исследовании объектом изучения выступают собственно синестезии, представляющие собой пересечение только *двух* сенсорных областей. Возможное представление в рамках языковой синестезии *трёх* и более чувственных сфер (например, *слуха, зрения, осязания*: «Часто выходил проводить коня и подолгу стоял на крыльце, **повитый черной, шелково шелестящей тишиной**» (М.А. Шолохов «Тихий Дон», кн. III, ч. VI, X) не рассматривается.

В статье рассматривается 6 модальностей чувственного восприятия: *слух, зрение, обоняние, вкус, осязание, температура* (ощущение температуры выделяется из сферы осязания в связи с его значимостью и широким представлением в исследуемых текстах). Таким образом, исключая взаимодействие одинаковых сенсорных областей, представляется возможным появление 30 комбинаций (схем) ощущений в пределах языковой синестезии (например, *слух* → *зрение*, *зрение* → *слух* и т.д.). В схемах по типу *слух* → *зрение* подразумевается использование лексики сферы слухового восприятия для характеристики зрительного образа. Соответственно, в примерах, составленных по схеме *зрение* → *слух*, выявлен переход лексики из области зрения в слуховую модальность. Приведём конкретные примеры.

I. *Лексика из области слухового восприятия*. Слова, семантически связанные со *слухом* и обозначающие, например, непосредственно *звук* или его характеристики (например, *тихий / громкий*) могут быть использованы для описания образов из других чувственных модальностей. Направление перехода такой лексики представлено следующими вариантами:

1) *Слух* → *зрение*: «...Весь город лежал **в тихом розовом свете**, затопившем край неба» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). Лексема *тихий*, по своему прямому значению относящаяся к *сфере слуха*, переходит в область зрительного восприятия и характеризует образ города, в котором в рамках языковой синестезии пересеклись две чувственных модальности. Перенос значения лексемы *тихий* основан на *метонимии* (в городе было *тихо*).

2) *Слух* → *температура*: «По открытому, ничем не защищенному месту гуляет-**аукает** **холод**...» (К.Д. Воробьёв «Это мы, Господи!»). Языковая синестезия представлена *олицетворением* в рамках грамматической основы предложения. Лексема *слухового* восприятия *аукает* использована для описания температурного образа *холода*.

Примеров языковой синестезии, реализованных по схемам *слух* → *осязание*, *слух* → *обоняние*, *слух* → *вкус* не обнаружено.

Таким образом, в рамках языковой синестезии лексемы из области *слуха* в исследуемых текстах используются для описания только *двух* типов образов: *зрительных* и *температурных*. Ассоциации могут быть основаны как на сходстве ощущений, так и на их смежности.

II. *Лексика из области зрительного восприятия*. Из сферы *зрения* в рамках языковой синестезии используются слова, обозначающие то, что можно увидеть: *цвет (красный, фиолетовый)*, *тон (светлый / тёмный)*, *форму (округлый)* и пр.

1) *Зрение* → *слух*. Лексика из сферы зрительного восприятия может выступать, например, как характеристика *слухового* образа *смеха*: «И вдруг за дверью землянки, совсем близко, раздался громкий, **серебристый** женский **смех**» (Эм. Г. Казакевич «Сердце друга»). В данном примере прилагательное *серебристый* использовано в качестве *эпитета*, характеризующего *высокий, мелодичный звук*.

2) *Зрение* → *осязание*. Пример такого перехода в рамках языковой синестезии представлен в контексте описания мыслей персонажа: «**Под светлой тяжестью** этих мыслей Летягин решил наконец посмотреть в лицо Акимову»

(Эм. Г. Казакевич «Сердце друга»). Значение слова *светлый* в таком контексте выходит из области *зрительного* восприятия, характеризуя *ясность* и *логичность* образа мысли.

3) *Зрение* → *температура*. Использование лексемы из области *цвета* по отношению к *температурному* образу представлено в следующем примере: «А за обмерзшими окнами – **фиолетовый холод...**» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). В словарях указывается только прямое значение слова *фиолетовый*, связанное с конкретным цветом. В данном контексте языковая синестезия представлена либо *метонимией* (на основе смежности действительно воспринимаемого зрительного образа и испытываемого холода), либо *метафорой* (с опорой на субъективное ассоциативное восприятие фиолетового как *холодного цвета* (ср. голубой, синий). И в первом, и во втором случае слово *фиолетовый* по значению остаётся связанным с областью зрения. Использование семантически несочетаемых лексем в данном случае может быть обусловлено контекстом: синестезия реализована в рамках *воспоминаний* героя перед гибелью.

Слова, семантически связанные со зрительным восприятием, не используются для описания образов сферы обоняния и вкуса (не выявлены примеры для схемы перехода *зрение* → *обоняние*, *зрение* → *вкус*).

Так, использование лексики зрительного восприятия при описании образов других чувственных областей представлен *три* продуктивными схемами языковой синестезии. Сенсорными модальностями, в сторону которых направлен семантический переход, выступили сферы *слуха*, *осязания* и *температуры*.

III. *Лексика из области обонятельного восприятия*. Результаты исследования показали, что слова данной группы (например, *ароматный*, *пахучий*, *душистый*, *вонючий* и пр.) практически не переходят из исходной модальности в другую.

В изученных текстах выявлена только одна действующая схема языковой синестезии: *обоняние* → *зрение*. «Рюмин согнулся, но пролаз был низок, и он опустился на колени и локти и пополз **в пахучую темень дыры...**» (К.Д. Воробьёв «Убиты под Москвой»). Данный пример основан на *метонимии*: в дыре было *темно*, и в то же время там был *сильный запах*.

Остальные предлагаемые схемы (*обоняние* → *слух*, *обоняние* → *вкус*, *обоняние* → *осязание*, *обоняние* → *температура*) в текстах не реализуются.

Таким образом, схемы, в которых лексика сферы обоняния переходит в другую сенсорную модальность, оказываются наименее продуктивными. В исследуемых текстах обонятельное восприятие представлено только для описания зрительного образа.

IV. *Лексика из области вкусового восприятия*. Слова данной группы в рамках языковой синестезии семантически переходят практически во все обозначенные сенсорные модальности. Однако, в большинстве случаев, представленные лексемы оказываются практически не связанными семантически с сенсорным восприятием и выступают средством *оценки* или *передачи чувственного состояния персонажей*.

1) *Вкус* → *слух*: «...**Соленые остроты** Деревянко...» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). Лексема *солёный*, использованная по отношению к слову из сферы *слуха* – *острота*, употребляется в переносном разговорном значении ‘остроумный, но грубый’ и оказывается практически не связанной со своей исходной сенсорной модальностью, так как обозначает *оценку* слухового образа.

2) *Вкус* → *зрение*: «Он все еще **улыбается**, но как-то **кисло...**» (Г.Я. Бакланов «Пядь земли»). В данном примере лексема *кисло*, по своему прямому значению связанная с восприятием *вкуса*, используется в переносном значении ‘тоскливо, уныло’ для передачи *внутреннего состояния* персонажа.

3) *Вкус* → *осязание*: «Он так сильно и **горько обнял** ее, что она пошатнулась...» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). В представленном

фрагменте лексема *горько* также теряет сенсорное значение и выступает *средством выражения чувств* героя, реализуя своё переносное значение 'горестно, тяжело'.

4) *Вкус* → *обоняние*. Восприятие *вкуса* и *запаха* тесно связано, благодаря чему при семантическом переходе лексика вкусовых ощущений *сохраняет* своё сенсорное значение: «От шинели Кузьминского грубо и **вкусно пахло** солдатскими щами» (В.П. Катаев «Сын полка»). Запах в подобных примерах вызывает понятную ассоциацию с каким-либо вкусом: «Сократилин ...чувствовал **запах** табака и еще чего-то **приторно-кислого**» (В.А. Курочкин «Железный дождь»). В последнем фрагменте в рамках сложного прилагательного представлена ассоциация сразу с двумя вкусовыми ощущениями – *приторностью* и *кислотой*.

В зависимости от контекста значение лексемы вкусового восприятия может меняться на *оценочное*: «...Хорошо бы ...поехать в свой родной город и там снова делать свое дело: строить новые дома, вдыхать **сладкий запах** строганых досок... (Эм. Г. Казакевич «Звезда»). Слово *сладкий* может использоваться по отношению к запаху в рамках ассоциации со сладким вкусом, однако в конкретном примере эта лексема употреблена в переносном значении 'приятный'.

Схема *вкус* → *температура* в анализируемых текстах не представлена конкретными примерами.

Таким образом, переход лексики из сферы *вкуса* происходит в рамках языковой синестезии практически во все представленные модальности. Слова данной группы активно используются для характеристики *слуховых, зрительных, осязательных* и *обонятельных* образов. Зачастую в языковых синестезиях, построенных по подобным схемам, лексемы вкусового восприятия приобретают значение оценки или передают чувства героев.

V. *Лексика из области осязательного восприятия*. Данная группа отличается разнообразием значения лексем в составе языковой синестезии: слова могут обозначать ощущение *сухости / влажности, мягкости / твёрдости, тяжести / лёгкости, шероховатости / гладкости*, ощущение *боли, упругости, сыпучести* и так далее.

1) *Осязание* → *слух*: «В сырые ночи оттуда доносило **тяжёлый гул** артиллерии...» (Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие»). В рамках языковой синестезии *слуховой* образ наделяется характеристикой *по весу*, то есть слово из сферы осязания используется для описания *слуховых* ощущений.

Приведём более сложный и интересный пример, в котором синестезия выходит за рамки словосочетания и охватывает сложное предложение: «Когда затрещала доска и завизжали гвозди, Богдану показалось, что с него сдирают кожу» (В.А. Курочкин «Железный дождь»). В действительности герой только *слышит* (треск досок и визг гвоздей). Однако слуховые ощущения вызывают отклик осязания, при этом именно физическая боль используется для описания того, как воспринимается шум, а не наоборот.

2) *Осязание* → *зрение*: «**Щупают небо** немецкие **прожекторы**» (В.П. Некрасов «В окопах Сталинграда»). В рамках *олицетворения*, реализованного в грамматической основе и словосочетании, представлена синестезия, в которой лексема *щупать* из сферы осязания служит характеристикой *зрительного* образа.

Подобные синестезии зачастую выступают средством описания характера человека через описание зрительных образов, связанных с его внешностью, например, *глаз*: «У Беззубцева была тяжёлая нижняя челюсть, ...**квадратный нос** и крохотные **колючие глаза**» (В.А. Курочкин «На войне как на войне»). Глаза героя не являются «буквально» колючими, таким кажется его взгляд – *пронзительный* и *внимательный*.

3) *Осязание* → *температура*. Несмотря на то, что температурные ощущения являются *одной из составляющих* сферы осязания, языковые синестезии, основанные на взаимном переходе лексем из этих модальностей, возможны и могут

быть представлены конкретными примерами: «**Острым северным холодом** дуло с Карпат...» (Ю.В. Бондарев «Последние залпы»). Осязательное ощущение, представленное эпитетом *острый*, усиливает чувственное восприятие холода, подчёркивая его *резкость* и *силу*.

4) *Осязание* → *обоняние*. Например, языковая синестезия на основе смежности образов (то есть метонимии): «...**Влажный запах** ноябрьского дождя...» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). *Запах* дождя вызывает ощущение *влажности*, кажется *влажным*, что является причиной появления языковой синестезии на основе жизненного опыта, реальных сенсорных ощущений.

Схема *осязание* → *вкус* не реализована конкретными примерами.

Таким образом, практически все предполагаемые варианты перехода лексики из сферы осязания в иную модальность реализуются в исследуемых текстах. Языковая синестезия в таких схемах относится к *слуховым*, *зрительным*, *температурным* и *обонятельным* образам.

VI. *Лексика из области температурного восприятия*. Результаты работы показали, что слова, семантически связанные с ощущением *температуры* (*жаркий*, *горячий*, *тёплый*/ *ледяной*, *морозный*, *холодный*) активно используются для создания языковой синестезии. Данная модальность выступает исходной в следующих схемах:

1) *Температура* → *слух*: «Еще издали в **морозной** ночной **тишине** слышалось его частое, затрудненное дыхание...» (В.В. Быков «Сотников»). Семантический переход лексемы *морозный* из сферы *температурных* ощущений в область *слухового* восприятия в рамках синестезии, представленной словосочетанием, основан на метонимии: ночью было и *тихо*, и *морозно*.

2) *Температура* → *зрение*. Синестезии, реализованные по такой схеме, могут выступать средством описания внутреннего состояния героя через зрительные образы: «...**Холодные глаза** трезво смотрели в зеркало» (Г.Я. Бакланов «Южнее главного удара»). Употребление лексемы *холодный* в переносном значении создаёт образ *рассудительного*, *бесстрастного* персонажа.

3) *Температура* → *осязание*: «...Кондратьев, в жару, чувствуя **горячую влагу** слез в горле, ... подумал...» (Ю.В. Бондарев «Батальоны просят огня»). Использование синестезии, построенной по такой схеме, усложняет осязательный образ, делает его ярким. Обе лексемы в структуре словосочетания использованы в прямом значении.

4) *Температура* → *обоняние*: «...Почти красного чая, от которого сразу распространился чудеснейший **горячий аромат**» (В.П. Катаев «Сын полка»). Перенос значения лексемы температурного восприятия основан на метонимии: *горячий чай* → *горячий аромат* чая. Синестезия представлена словосочетанием.

Синестезии, реализованные по схеме *температура* → *вкус*, не представлены в исследованных текстах.

Следует отметить, что отсутствие примеров реализации некоторых схем синестезий не означает невозможность их языкового представления. Например, при помощи поиска в Национальном корпусе русского языка можно выявить синестезию на основе схемы *обоняние* → *температура*, которая не получила конкретных примеров в изученных текстах: «Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, **душистым теплом повеяло** от земли» (И.С. Тургенев «Ася»).

Таким образом, анализ направлений перехода лексики из исходной сенсорной модальности в чувственную сферу описываемого образа в рамках языковых синестезий, представленных в художественных текстах о Великой Отечественной войне, позволил сделать следующие выводы:

1. С опорой на классификацию, представленную в предшествующих лингвистических исследованиях (Zhao Qingqing et al. 2019), направления языковой

синестезии в художественной прозе о Великой Отечественной войне можно распределить в две группы:

- двунаправленные: 1) *зрение* <-> *слух*, 2) *зрение* <-> *осязание*, 3) *слух* <-> *температура*, 4) *зрение* <-> *температура*, 5) *осязание* <-> *температура*. В соответствии с полученными данными, модальности *зрения* и *температуры* (представлены в *трех* схемах), *слуха* и *осязания* (представлены в *двух* схемах) могут выступать в качестве и *исходной*, и *конечной* области перехода лексики в рамках двунаправленной синестезии.

В ходе исследования выявлены двунаправленные синестезии, не получившие конкретных примеров языкового выражения в изученных текстах: 1) *вкус* <-> *температура*, 2) *слух* <-> *обоняние*.

- однонаправленные: 1) *обоняние* -> *зрение*, 2) *вкус* -> *слух*, 3) *вкус* -> *зрение*, 4) *вкус* -> *осязание*, 5) *вкус* -> *обоняние*, 6) *осязание* -> *обоняние*, 7) *осязание* -> *слух*, 8) *температура* -> *обоняние*. В контексте однонаправленных вариантов область *вкуса* чаще выступает *исходной* модальностью для языковой синестезии, а сфера *обоняния* – *конечной*.

2. Примеры синестезий, созданных по непродуктивным схемам, могут быть обнаружены при обращении к большому количеству художественных текстов.

3. Одинаковая направленность примеров синестезий не означает совпадение пути переноса значения. Языковая синестезия может быть представлена *метафорой*, *метонимией*, *эпитетом*, *олицетворением*, *сравнением*, *сочетанием слов в прямом значении* вне зависимости от того, по какой схеме она реализована. Исследование возможных приоритетных форм выражения синестезии, реализованной по той или иной схеме, может быть рассмотрено в качестве перспективы исследования.

Обращение к анализу количественных данных реализации схем языковой синестезии в ходе дальнейшей работы также требует изучения более широкого перечня текстов.

Литература

1. Кучер В.В. Синестезия как художественный прием в рассказах Дж. Стейнбека // Язык: мультидисциплинарность научного знания. – 2023. – № 6. – С. 44-50.
2. Национальный корпус русского языка, 2003–2026 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д.Н. Шмелев: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб: Наука, 1993. – 150 с.
4. Шувалов В.И. Метафорический дискурс. – М.: Прометей МПГУ, 2005. – 147 с.
5. Ярошенко П.В. Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и его русских переводов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 144–156.
6. Zhao Q. Linguistic synesthesia is metaphorical: a lexical-conceptual account / Q. Zhao, K. Ahrens, C.-R. Huang // Cognitive Linguistics. – 2022. – Vol. 33, iss. 3 – P. 553–583.
7. Zhao Q. Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study. / Q. Zhao, K. Ahrens, C.-R. Huang // Lingua. – 2019. – Vol. 232. – P. 1–15.

THE CONCEPT OF “LINGUISTIC SYNAESTHESIA” IN THE LITERARY TEXT ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. Vladova

Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract. The study aims to investigate the peculiarities of the formation of the concept of «linguistic synaesthesia» in the fictional texts on Russian language about the Great Patriotic war. The author attempts to identify basic tendencies in the directionality of transferring lexical items from one sensory modality to another. The choice of military-themed texts is determined by the special importance of perception in their semantic space.

There are 6 types of sensory modalities which are discussed in this article: hearing, sight, smell, taste, touch and temperature. The author points out that there are 30 possible combinations of these modalities in the theory. The research results shows that there are only 18 combinations in the texts under study.

The author describes the directionality of semantic transfer and identifies such forms of linguistic synaesthesia as metaphor, comparison, personification, metonymy, etc.

Keywords: Russian language, lexical item, synaesthesia, literary text.

УДК 821.581

Гарколь Н.С.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И АССОЦИАТИВНОСТЬ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Россия, г. Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

n_garkol@mail.ru

Китайская поэзия является сокровищем китайской литературы, истоки которой уходят в древнейшие времена. В главе 17.9 «Аналектов» (《论语》阳货第十七篇的17.9章, 1) Конфуций – величайший китайский философ – рассуждает о функции и ценности «поэзии». Он пишет, что «без изучения стихов невозможно говорить», а своим ученикам завещал: «Изучайте 《诗论》 и 《诗》 (Книги песен), и вы сможете увидеть добродетели прошлого, познать человеческие чувства и развить благопристойность». «Проявляйте интерес к поэзии 诗, соблюдайте традиции и сможете стать счастливыми. Поэзия – это базовый навык обучения, – утверждал Конфуций, – поэзия может вдохновлять, служить для социального взаимодействия. Она учит нас служить нашим отцам и нашим правителям; она также расширяет наши знания о названиях птиц, зверей, растений и деревьев» [Аналекты Конфуция].

Этот отрывок не только раскрывает многогранные функции «Классики поэзии», но и отражает глубокие размышления Конфуция о наследии традиционной культуры. Какие замечательные слова!

Посредством изучения китайской классической поэзии мы можем узнать об обычаях, межличностных отношениях и моральных концепциях общества. Их контент обогащает наши исторические и культурные знания о Поднебесной.

Поэзию называют «музыкой для души», а каллиграфию называют «музыкой для глаз».

Каллиграфия служит тем мостом, что связывал поэзию и живопись. Иероглиф – это не просто знак; это изображение, несущее в себе энергию и эмоцию. Мастер каллиграфии кистью передаёт ритм, движение, характер. Каллиграфическая надпись становилась структурным и смысловым элементом композиции. Она балансировала изображение, задавала ритм и, главное, раскрывала те внутренние переживания, которые один лишь визуальный образ мог передать лишь отчасти.

Когда поэт наносил своё стихотворение на живописный свиток собственной рукой, он совершал завершающий акт творения. Каллиграфическая надпись

становилась структурным и смысловым элементом композиции. Она балансировала изображение, задавала ритм и раскрывала внутренние переживания, которые один лишь визуальный образ мог передать лишь отчасти.

Высшим воплощением этого синтеза стал жанр «живописи учёных», где обязательным элементом было стихотворение, сочинённое и каллиграфически написанное самим художником-поэтом. Одним из таких гениальных мастеров можно назвать Ли Бо, поэта династии Тан. Поэт Ли Бо выписывает кистью не просто пейзажи, а состояние души, достигшей полной гармонии с мирозданием. Приведем его стихотворение:

Ли Бай (李白) – «Одинокая скала» 《独坐敬亭山》 (唐) 李白

众鸟高飞尽,
孤云独去闲。
相看两不厌,
只有敬亭山。

Скрывшись в вышине, умчались птицы.

Тучи одиноко уплывают вдаль.

Твой взор скользит по горным пикам,

А в глазах безмолвная печаль. (авторский перевод)

Это стихотворение – гимн одиночеству и вечности. В живописи ему могла бы соответствовать очень лаконичная композиция. Слова «смотрим друг на друга» (相看) создают ощущение диалога между человеком и безмолвными вершинами гор. Рисуя этот живописный образ, на переднем плане видим – одинокая, величественная скала, написанная смелыми, энергичными мазками. Птицы – символ шумной толпы, суеты, социальных связей – исчезают. Даже одинокая туча, казалось бы, родственная душа, – и та уплывает в своём безмятежном странствии. Остаётся лишь чистое, безмолвное пространство. Это не покинутость, а долгожданное освобождение. Сцена подготовлена для встречи с истинным. Поэт пришёл к горе, чувствуя себя покинутым, но обрёл в ней самого верного и понимающего друга. В этом стихотворении одиночество – не бремя, а дар. Это возможность сбросить с себя всё наносное и обрести тихую, непреходящую радость в созерцании вечной истины, которой и является прекрасная и величественная природа. В конечном счёте, это история о том, как человек, оставшись наедине с миром, обнаруживает, что он – не одинок.

Возьмем поэзию Ду Фу. Он пишет о разрушенной стране, о войне, о потерянных друзьях. Так звучат его строки:

Ду Фу (杜甫) – «Мир полон бед и тревог»

空外一鹜鸟，河间双白鸥。
飘飘搏击便，容易往来游。
草露亦多湿，蛛丝仍未收。
天机近人事，独立万端忧。

Коршун кружит в наползающей мгле,

Белые чайки кричат на реке,

Роса на траве - непросохшие слёзы,

Это следы забытой тоски вдалеке.

Паук паутиной рисует картины,

Сплетает тайны небес и людские дела,

Я один в этом мире – и мне

Тени шепчут во мгле, что за судьба мне дана. (авторский перевод)

Всё стихотворение использует приём метафоры и аллегории для выражения чувств через предметы, отражая меланхоличный и пронзительный поэтический стиль Ду Фу. Действия насекомых и птиц аналогичны действиям людей, поэтому при виде этого возникают всевозможные тревоги поэта.

Природные пейзажи, такие как «роса на траве» и «паутина», в стихотворении представляют собой метафорический прием «использования тайн природы для изображения человеческих дел», подразумевающий сложную среду, где сосуществуют благосклонность императора и политические интриги. Это приводит к глубокому чувству одиночества. Это отражает характерную для поэзии Ду Фу «поэтическую историю», которая тесно связывает личную судьбу с превратностями того времени, а также его неизменный патриотизм к своей стране.

Таким образом, китайская классическая поэзия предстает не как искусство слова в чистом виде, а как кумулятивное явление, где мысль, слово, линия и изображение сливаются в целостном акте духовного самовыражения, предлагая уникальную модель художественного представления действительности. Каждая строчка запускает процесс мысленного преобразования в картину реального мира, когда прочитанное сопоставляется с личным опытом, или воспоминаниями, схожими чувствами. Поэтому каждый раз, перечитывая эти великолепные строки китайской поэзии, вдруг осознаешь, что они являются актуальными и в современном мире.

Литература

1. Аналекты Конфуция / Конфуций. 《论语.阳货篇第十七》 [Электронный ресурс] – URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzI3Njc4NTkzOA==&mid=2247495886&idx=7&sn=d64f09257d687bd7ae73cb74fe6d46fb&chksm=eb728eb3dc0507a5075718f5cd2799a5d96864577c33adc782839afoof453c99a3ef92090676&scene=27 (дата обращения: 12.03.2026 г.).

2. Гарколь Н.С. Особенности игры слов и рифмы, характерные для китайских детских стихотворений // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: Сборник материалов XI международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2025. – С. 134–138.

3. Пономаренко О.П. Особенности межкультурной коммуникации с носителями китайского языка: Социально-Философский Анализ / О.П. Пономаренко, Н.С. Гарколь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 7. – С. 99–102.

4. Сюй Л. Особенности перевода китайской классической поэзии / Л. Сюй, Т.А. Казакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – 16(3). – Т. 16. – Вып. 3. – С. 480–500.

5. Чжан Ш. Особенности переводов и исследований китайской классической поэзии в России / Ш. Чжан, Ф. Ян, Е.И. Митькина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2024. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 72–80.

POLYSEMY AND ASSOCIATIVITY OF SPEECH AND THOUGHT IMAGES IN CHINESE POETRY

N.S. Garkol

Russia, Barnaul, Altay State Pedagogical University

Abstract. This article examines the polysemy and associativity of speech-thought images in Chinese poetry, the multilayered meanings of artistic images, and the understanding of the Chinese tradition of synthesizing poetry and art as a unique cultural paradigm of the China.

Keywords: polysemy, speech-thought images, Chinese poetry.

Декатова К.И.

КОМПОЗИТЫ-АЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. БАЛЬМОНТА

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

dekatovaki@mail.ru

Поэтический текст – знаковое пространство, в котором слово способно преобразовываться, семантически развиваться. Исследуя «жизнь» слова в художественном произведении, В.В. Виноградов подчеркивал, что смысл слова не ограничивается его прямым номинативно-предметным значением: в контексте произведения слова, «находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки...», [Виноградов 1959: 234]. Эти дополнительные смысловые оттенки являются вербальным проявлением сложного художественного образа, создаваемого автором поэтического текста.

В отечественной лингвистике содержание, структура, речемыслительные механизмы формирования художественного образа рассматривались в трудах таких отечественных исследователей, как Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Е.Б. Борисова, В.В. Виноградов, А.А. Потебня, Н.А. Урсова и др. Анализ средств вербализации поэтических образов единицами лексического и фразеологического уровней языка посвящены работы Е.Н. Антоновой, Е.А. Зацепиной, В.В. Никульцевой и др. В ряду описанных изобразительно-выразительных средств особое место занимают композиты-алогизмы, образный потенциал которых рассматривается в статье.

В современной лингвистике существует узкое и широкое понимание фигур алогизма. Сторонники широкого понимания называют данными фигурами все стилистические приемы нарочитого абсурда [Пекарская 2014; Вольф 2017; Садовников 2014 и др.]. При узком понимании фигуры алогизма противопоставляются фигурам неправдоподобия и рассматриваются как стилистические приемы, отличающиеся несовместимостью смыслов и ложностью выраженных утверждений, возникающих вследствие нарушения законов логики [Москвин 2024: 105].

Придерживаясь второго (узкого) понимания фигур алогизмов, мы в данном исследовании рассматриваем композиты-алогизмы как сложные слова, отличающиеся смысловым противоречием, обусловленным нарушением законов логики, например: **мучительно-великолепны** (М. Цветаева), **старушка-девушка** (О. Мандельштам), **радостно-грустном** (О. Мандельштам), **нежно-груб** (И. Северянин) [Декатова 2025].

В поэтические произведения К. Бальмонта вплетены композиты-алогизмы разного типа. Поэт нередко использует для воплощения сложной мысли композиты-оксюмороны – сложные слова, образующиеся в результате объединения корней противоположных по смыслу слов, приписывающих взаимоисключающие признаки одному объекту номинации. Например, в произведении «Хвала сонету» поэтическое произведение сравнивается с прекрасной женщиной, которая одновременно обладает противоречивыми признаками – изысканностью и простотой.

*Люблю тебя, законченность сонета,
С надменной твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы **изысканно-простой**,
[Бальмонт 2010, Т.1: 261]*

Не менее часто К. Бальмонт создает уникальные образы с помощью композитов-катахрез – сложных слов, компоненты вербализируют онтологически несовместимые понятия. Например, в произведении «Художник» поэт, описывая прекрасный мир, в котором даже нечто неприятное имеет привлекательные признаки, прибегает к сложному слову, являющемуся такой разновидностью катахрезы, как синестезия:

*О, мудрость мирозданья глубока,
Прекрасен вид лучистой паутины,
И даже муха в ней **светло-звонка**.
Белейшие цветы растут из тины,
Червашией всех цветов на плахе кровь,
И смерть - сюжет прекрасный для картины*
[Бальмонт 2010, Т.1: 455]

Частота использования композитов-алогизмов в поэзии К.Бальмонта объясняется их уникальной способностью создавать непростые и загадочные образы. Противоречивость семантики компонентов сложных слов позволяет объединить представления о не сочетающихся в реальной действительности объектах и их признаках. И важно отметить, что такое объединение не разрушает смысловую структуру алогичного стилистического приема, а становится основой формирования новых, смыслов, которые «прочно склеивают» ранее не совместимые когнитивные и семантические структуры его компонентов.

В поэтических текстах К. Бальмонт использует композиты-алогизмы для формирования разных образов. Анализируемые фигуры абсурда могут участвовать для создания образа материальных и абстрактных объектов, при этом композиты-алогизмы могут быть номинацией объекта или его признака. Так, в произведении «К Бодлэру» описывается образ французского поэта К. Бальмонт прибегает к композиту-оксюморону **заложник-властелин**:

*Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров **заложник-властелин!***
[Бальмонт 2010, Т.1: 279]

В поэтическом произведении из цикла «Огонь» композиты-алогизмы становятся вербальным воплощением абстрактных понятий:

*Рудра-Сива, **Смерть-Любовь**,
Смерть- Бессмертье, Пламя-Кровь,
Радуга над Морем,
Змеи молний, ток дождей,
Вечность зыбкая страстей,
Здесь мы Грому вторим!*
[Бальмонт 2010, Т.2: 187].

В стихотворении из цикла «Вода» композит-катахреза **воздушно-сладкою** и композит-оксюморон **различно-схож** выступают номинацией признаков абстрактного объекта (чувства тоски) и материального объекта (ручей), создавая объединяющие несовместимые признаки чувства и природного явления образы:

*И без конца поют ручьи,
И нежат душу в забвении парадоксально
Воздушно-сладкою тоскою.
Как разность ярко здесь видна,
Как ясно, что Вода - одна:
Ручей **различно-схож** с рекою.
И нам преданья говорят:
Ручей с рекой - сестра и брат.*
[Бальмонт 2010, Т.2.: 196]

Образы, рождающиеся в результате использования композитов-алогизмов, всегда являются экспрессивными, эмоциональными и нередко оценочными. Особенностью оценки, выражаемой многими фигурами абсурда, является их амбивалентность. Например, в произведении К. Бальмонта из цикла «Огонь» выразить противоречивую оценку чарующему и пугающему одновременно виду пламени вулкана позволяет оценочный композит-оксюморон **чудовищно-красивы**:

И в страшных кратерах - молитвенные взрывы:

Качаясь в пропастях, рождаются на дне

*Колосья пламени, **чудовищно-красивы**,*

И вдруг взмываются пылающие нивы,

Устав скрывать свой блеск в могучей глубине.

[Бальмонт 2010, Т.2: 184]

Таким образом, поэтический космос К. Бальмонта наполнен уникальными художественными образами, многомерность которых нередко воплощается в форме композитов-алогизмов. Сложные слова с семантикой оксюморона и катахрезы помогают поэту выразить уникальность и диалектическую противоречивость его мировосприятия.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Речемыслительная синергия дискурса. – М.: Флинта, 2023. – 183 с.
2. Антонова Е.Н. Когнитивная эстетика фразеологизмов-библейзмов в русском поэтическом сознании / Е.Н. Антонова, Е.А. Зацепина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы XX Междунар. науч. конф. (Покров, 16–18 сентября 2020 г.) – Покров: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С.66–68.
3. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
5. Декатова К.И. Композиты-алогизмы в русской поэзии Серебряного века: структурно-семантические и функциональные особенности // Terra Linguistica. – 2025. – Т. 16. – № 4. – С. 27–40.
6. Москвин В.П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. Кн. 2. – М.: Ленанд, 2024. – 368 с.
7. Никульцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Материалы Междунар. науч. конф. (Тула, 17–19 мая 2018 г.) – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 265–274.
8. Пекарская И.В. Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2014. – № 7. – С. 72–80.
9. Вольф О.А. Фигуры, построенные по принципу алогизма: к проблеме номенклатурного описания // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 37–41.
10. Садовников С.А. Алогизм как средство создания художественного образа в прозе А. Платонова // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 16. – С. 398–405.
11. Урсова Н. А. Художественный образ как когнитивный феномен // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 1. – С. 61–72.

COMPOUND ALOGISMS AS A MEANS OF VERBALIZING AN ARTISTIC IMAGE IN THE POETRY OF K. BALMONT

K.I. Dekatova

Russia, Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract. The problem of verbalization of an artistic image in a poetic text is devoted. The article examines the functional features of such figures of alogism as composites-oxymoron and composites-catachresis in Balmont's poetry.

Keywords: poetic text, artistic image, composites, figures of alogism, oxymoron, catachresis.

УДК 81'42

Завьялова Е.Е.

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ: ТИПЫ ПОВЕСТВУЮЩЕЙ ИНСТАНЦИИ В РОМАНЕ А.В. КОРОЛЁВА «ХОХОТ»

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

zavyalovaelena@mail.ru

Одной из важнейших проблем, поднимаемых А.В. Королёвым (1946–2025) в романе «Хохот», является вопрос о природе вдохновения: причинах погружения в состояние самозабвения, характеристиках сознательно-интеллектуальной активности, закономерностях дивергентного мышления. Целью исследования стало выявление механизмов текстопорождения, точнее – способов демонстрации этих механизмов писателем-постмодернистом. Проследить, как художественный вымысел сделался смыслопорождающим базисом эстетической коммуникации, позволило изучение типов повествующей инстанции.

«Хохот» (2001–2011) – весьма оригинальное произведение, как по содержанию, так и по форме. К.С. Ямщиков определил его жанр как лаконичную философскую фантазмагорию либо громадное эссе на заданную тему [Ямщиков 2019]. Сюжет базируется на истории о сотне «великих смотрящих» [Королёв 2018: 21] – тайных контролёров уровня смеха на планете Земля. Главный герой Тетель (от франц. *tete* – ‘голова, начало’ [Скоропанова 2020: 192]) под личиной московского галериста Ахилла Каблукова инспектирует русский квадрат. И попадает в неприятную ситуацию: на грани срыва оказывается подготовленный им перформанс, накануне акции крадут, с целью выкупа, гвоздь программы – баснословно дорогой торт, представляющий собой скульптуру-фигуру Элвиса Пресли в натуральную величину. Тетель опасается огласки. Поскольку обстоятельства грабежа очень комичны, кафолический смех грозит превысить и без того аномальный уровень, попасть в резонанс «с тайным хохотом Бога» [Королёв 2018: 150], что чревато вселенской катастрофой. В попытке разгадать тайну поставленного предела он отправляется в путешествие по прошлому.

Части произведения отличаются по стилю – в зависимости от того, куда перемещается главный герой. Повествование о визите смотрящего к Оскару Уайльду пестрит блестящими афоризмами, основанными на парадоксах. Рассказ о любви Мойсеса к Рахили содержит несколько фрагментов, тематически, образно, ритмически отсылающих к «Песни песней». Глава о Лени Рифеншталь написана как режиссёрский сценарий – с раскадровкой изобразительного материала. В эпизодах встречи с Даниилом Хармсом ощущается театрализация, здесь чаще используются алогизмы, заумь. История о поваре и фаворитках Людовика XIV выделяется лёгкостью изложения, пикантностью зарисовок. В эпилоге показывается суд над Тетелем, речи участников процесса и резюме судьи позволяют автору объединить разрозненный материал в стройную концепцию.

«В „Хохоте“ много эпизодов, сделанных избыточно, роскошно, с применением всех новейших писательских технологий», – отмечает В.А. Толстов [Толстов 2018]. В контексте заявленной нами темы исследования особый интерес представляют принципы нарративизации языкового сознания [Алефиренко 2016: 33], обусловившие многоуровневую структуру «посредничества» между изображённым миром и адресатом.

Повествователь со всей очевидностью проявляет себя в многочисленных обращениях к читателю, стилизованных под классику XIX столетия. Например, представление главного героя в начале романа сопровождается следующими словами: «Но читатель, я никогда бы не стал занимать своё и ваше время такой спорной фигурой, какой может быть современный московский галерист на скользкой стезе популярности. Боже упаси» [Королёв 2018: 12]. (Ср. с замечанием из «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя: «Но автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями» [Гоголь 1951: 20].) За маской подобострастия таится ирония. В сходной манере даётся обещание предоставить надлежащие разъяснения в положенный срок: «персона <...>, о значении которой ниже всё будет поведено читателям честно и до конца» [Королёв 2018: 24]. (Ср. с гоголевским: «...обо всём этом читатель узнает постепенно и в своё время» [Гоголь 1951: 19].)

Подчас, из-за скепсиса собеседника, нарратор ставится перед необходимостью доказывать свою точку зрения. «Но – перебивает давно меня пытливый читатель – разве для такого фрукта, как <...> Тетель, проблема в один миг отыскать похитителей торта <...>? Отвечаю. Да, гений Тетель в принципе свободен...»⁶ [Королёв 2018: 24]. «Пытливый читатель» из «Хохота» напоминает «проницательного читателя» из «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, поскольку тоже перебивает повествователя и старается предугадать ход событий [Чернышевский 1939: 223]. Однако современный романист лояльнее к оппоненту, он одобряет его прозорливость: «Стряслось то, о чём давно догадался бессонный читатель» [Королёв 2018: 135]. Общность взглядов может манифестироваться открыто («...как мы с вами, читатель, увы» [Королёв 2018: 24]) либо внушаться опосредованно, путём противопоставления другим («Этот дурила с пушкой в лапах не знал, что Леннона звали Джоном, великого Пресли – Элвисом, а звезду группы „Эвритмикс“ – Энни Леннокс» [Королёв 2018: 6]: браток-дегенерат не знал, а «собеседник» повествователя явно осведомлён). Поэтоним «бессонный читатель» фигурирует в другом произведении А.В. Королёва – «Эрон» (1994). Как замечает Е.Н. Чащинов, этот предполагаемый адресат обладает «высоким уровнем интеллекта и широким кругозором» [Чащинов 2015: 108], в отличие от остальных читателей, обращение к которым конструируется с помощью форм множественного числа.

Такие же «остальные» читатели оказываются внутри художественного мира «Хохота». Нарратор направляет, контролирует ход общения, как экскурсовод, побуждает к действиям при помощи глаголов-операторов: «Смотрим» [Королёв 2018: 98], «Закроем на миг глаза!» [Там же: 141], «Но отвратим взор» [Там же: 138], «Продолжим» [Там же: 104]. Он старается активизировать внимание публики: «представьте себе» [Там же: 5], «судите сами» [Там же: 7]. Предугадывает физические реакции: «Глотай слюни, читатель!» [Там же: 105]. И даже успокаивает: «Тсс...» [Там же: 52]. Сходную функцию выполняют ремарки в фрагменте, посвящённом Лени Рифеншталь. Здесь история передаётся в форме киноэкзфрасиса. Повествователь вместе с зрителями переносится в воображаемый зал и наблюдает за кадрами фильма: «Мы видим...» [Там же: 52], «Чу, в кадре...» [Там же: 52], «Крупно» [Там же: 60, 61], «Очень крупно...» [Там же: 55], «Во весь экран...» [Там же: 56, 60], «Склейка» [Там же: 54, 62], «Монтажная склейка» [Там же: 62] и т.д.

⁶ Здесь и далее для удобства восприятия текста статьи внутрицитатные абзацы романа не сохранены.

А.В. Королёв «дозирует» замечания нарратора, структурирует соображения, воспроизводя очерёдность их возникновения: «Опустим утомительные подробности...» [Там же: 127], «Короче...» [Там же: 138, 142], «Выяснилось вот что...» [Там же: 30], «Так и вышло...» [Там же: 131], «Тут надо взять паузу» [Там же: 12], «Да, чуть не забыл» [Там же: 10].

«Спутники» повествователя оказываются способны перемещаться в пространстве романа, более того – воздействовать на художественный мир: «Что ж, оставим Кваскова на перепутье... <...> Вернёмся в баньку» [Там же: 100], «...Не будем будить героя, <...> а догоним-ка стремглав улетевшего гения Тетеля» [Там же: 96], «Отдёрнем портьеру и припустим бегом вверх по белой лестнице на второй этаж, в гостиную, догоняя спину слуги, несущего визитную карточку...» [Там же: 13] (в последнем примере повествователь вместе с читателями не просто абстрактно «опережает» героев – компания взбирается по ступенькам, торопясь разглядеть убранство комнаты).

Когда нарратор обращается к персонажам, мера его близости к действию на порядок возрастает, его уже правильнее назвать рассказчиком: «Дружище Тетель, ты вляпался по уши, ты смешон» [Там же: 24], «Ау, братва, где вы!» [Там же: 98], «Спрашивать, есть ли среди вас, братва, эстеты... напрасно» [Там же: 47]. И, наоборот, выходит из внутритекстового образа, если демонстрирует «сделанность» мира, на ходу исправляет сочинённое: «с описанием баньки автор переборщил» [Там же: 47]. Смена регистров может происходить моментально: «И тут кулинар поведал тайну бисквита, за которую каждый из нас много бы дал, если бы мог подслушать их разговор. Но нет ничего более лёгкого для автора, чем услышать речь собственных персонажей» [Там же: 29].

Когда повествователь по ходу действия поясняет в скобках обстоятельства и детали (что такое риграф [Там же: 123], какова дульная энергия пистолета ТТ [99], что за полотна создавал Арчимбольд [Там же: 9] и т.п.), он тем самым привлекает к себе внимание. Графически отделённые попутные уточнения делаются сигналом его обращённости к читателю: «...Ахиллеса (далее просто Ахилл)...» [Там же: 11], «...Им (кто такие *Они* – читай ниже)» [Там же: 11], «(От автора: Речь о споре, который недавно случился...)» [Там же: 21]. Знаменательно, что комментарии А.В. Королёв даёт не в сносках, а здесь же, в тексте. На наш взгляд, это множит степень присутствия нарратора в «общем» с читателем измерении. Примечания, помещаемые в нижней части полосы книги, тем более в конце издания, увеличили бы дистанцированность от адресата.

Таким образом, в романе «Хохот» присутствуют:

- рассказчик, который способен общаться с другими героями и путешествовать по художественному пространству;
- повествователь, который освещает события со стороны и управляет поведением читателей;
- автор-демиург, который организует художественное пространство произведения и размещает в нём персонажей.

В частности, замечание «Понятно, к чему тянет читателя за уши автор...» [Там же: 103], вероятнее всего, принадлежит «гиду»-повествователю. А утверждение, что роман сочиняется под знаком обериутов [Там же: 13], видимо, изрекает автор-демиург. Как и признание писательской несостоятельности в описании безликих небесных сил в сцене суда [Там же: 142].

Отдельная линия произведения посвящена описанию процесса конструирования текста «романистом». Роль демиурга выстраивается в пародийном ключе, о чём, среди прочего, свидетельствует центральная аллегория: сюжетная линия уподобляется полёту жареной перепёлки. В первых строках романа рассказывается о композиторе Джоаккино Россини, разрывавшемся из-за упавшей за борт лодки фаршированного деликатеса [Там же: 5]. Автор объявляет, что

намеревается «превратить падение в хохот» [Там же: 6]. Сравнивает завязку, похищение торта, с началом «жареного полёта на дно сюжета» [Там же: 8], а развитие действия – с движением по параболе к точке зенита [Там же: 8]. Живописно изображается причудливое чередование эпизодов: «...в безоблачном небе романа вертится проклятая перепёлка Россини, дурёха, фаршированная трюфелями, кривляется перебивкой сюжета, отливает жирными ляжками...» [Там же: 66]. Не менее оригинально обозначается развитие конфликта: птица «...рисует бронзовой брошкой вместо луны в пупке у романа» [Там же: 104]. Развязка событий знаменуется концентрическими кругами: демиург самолично «легко пронзает неподвижной стрелой неподвижную куру, после чего та, припеваючи, падает в воду» [Там же: 158]. На протяжении всего произведения А.В. Королёв изменяет цитаты, переиначивает факты, чтобы чаще упомянуть перепёлку. На наш взгляд, выбор метафоры объясняется многими факторами: важностью для писателя мотива «ненасытимости», ярко выраженной женской символикой, внешней неприметностью птицы, схожестью звуков квохтанья со смехом и др.

Выше указывалось, что в «Хохоте» воображаемый читатель получает возможность перемещаться по художественному пространству и воздействовать на события (опережать, передвигать, будить). Отметим и обратную тенденцию: персонажи романа оказываются в состоянии воочию созерцать аллегорический образ, введённый демиургом. Грабителям-браткам из 2000-х, Ване, затем Нерону, видится «та самая» [Там же: 100] перепёлка Россини. Находящиеся в пространственно-временном континууме «Хохота» далёкие друг от друга в географическом и историческом плане миры делаются взаимопроникаемыми. Более того, А.В. Королёв размывает границы самого романа и «впускает» персонажей в «наш» мир. В эпилоге судья, великий арбитр, объявляет присутствующим: «книга „Хохот“ о нас написана, оплачена, издана и скоро будет прочитана светом» [Там же: 151].

Важнейшим предметом изображения в анализируемом произведении является процесс его написания. Мы имеем дело с особым типом метапрозы – пойменоном (от др.-греч. 'создание'). «Хохот» не только книга об «изготовлении» текста, но и книга о том, как складывалась жизнь «настоящего» автора во время её сочинения.

Помещённые в роман записи касаются главным образом двух тем: этапов обдумывания замысла (варианты названия, структура, аллюзии, финальная фраза) и отношений писателя с матерью, Елизаветой Михайловной (1918–2002). Также введено несколько новостей той поры и немного воспоминаний о детстве. Заглавный мотив смеха контрастирует с трагическими событиями, которые происходят в жизни автора, про смех пишущего. Фрагменты текста провокационно сталкиваются, диссонируют друг с другом (например, когда вслед за известием о том, что у матери А.В. Королёва развивается болезнь Альцгеймера, помещается рассказ о справляющем нужду бандите Перепёлке [Там же: 48]).

Автобиографическую и созданную воображением части произведения скрепляет мотив смеха. Писатель вспоминает, как в марте 2001-го неуместно «пережил тайный приступ смешка» на могиле Пушкина [Там же: 28]. Позднее констатирует, что юмор в его произведении «стал заметно темнеть» [Там же: 44], отдаёт гарью [Там же: 68]. Далее – что «чувство юмора почти на нуле» [Там же: 48] и ему «теперь не до хохота» [Там же: 49]. Переживая нервное потрясение, А.В. Королёв концентрируется на своих личных ощущениях, при этом всё острее чувствует зловещий смех проведения: «Я попал во чрево хохота» [Там же: 72], «Я по-прежнему в чреве черного хохота» [Там же: 73], «Меня душит тайный смех» [Там же: 74]. И, наконец, объявляет: «Первый раз мне не до смеха» [Там же: 75], «Резюме – клиника не помогла: у меня больше нет чувства юмора» [Там же: 78].

В романе 22 небольшие вставки с подзаголовком «Из дневника». Они выделены курсивом и обрамлены сплошной линией (сверху / слева). В четырёх первых главах замечания располагаются в конце. Далее закономерность нарушается, рассуждения появляются в середине разделов, их может быть несколько или не быть вовсе. В начале седьмой главы, самой объёмной, приходящейся на середину произведения, следуют подряд целых девять фрагментов личных записей. Смерть матери заставляет писателя отказаться от творческого замысла: «У меня исчезло чувство юмора... Сбрасываю текст романа с рабочего стола ПК в архивную папку» [Там же: 73]. А.В. Королёв излагает некоторые автобиографические подробности происшествий, случившихся незадолго до и сразу после кончины Елизаветы Михайловны: приезд скорой помощи, отпевание, похороны; далее описывает своё пребывание в клинике неврозов. Последняя дневниковая запись в седьмой главе отделена подзаголовком: «Прошло семь лет» [Там же: 77]. Писатель внезапно обнаруживает возвращение чувства юмора и снова начинает творить. Неоконченным предложением, которым началась седьмая часть, открывается запоздалое её продолжение. Последний фрагмент «Из дневника» помещён перед постскриптумом: во сне к А.В. Королёву приходит мама.

Комбинирование типов повествующей инстанции играет в романе «Хохот» важнейшую роль. Автор описывает процесс восприятия текста, его переход в дискурс. В произведение включено большое количество акторов, начиная от путешествующих по художественному миру читателей и заканчивая внедряющимися в «реальное» пространство персонажами. Нарраторы отличаются по способу изображения, степени выявленности, области референции. В результате личный опыт соединяется с его широким обобщением, а фантазмагорическая, искажённая, абсурдная картина действительности делается убедительной и правдивой. Субъективные точки зрения помогают вызвать у читателя эмоциональный отклик, создать многогранное, глубокое представление о Бытии, подвести черту в осмыслении вневременных онтологических проблем.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Живое слово дороже мёртвой буквы: язык в свете лингвистического постмодернизма // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Н.Ф. Алефиренко (11–12 января 2016 г.) / сост. Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова, И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. – С. 31–38.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Т. 6. Мёртвые души. Том первый / ред. изд.: Н.Ф. Бельчиков, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевский; текст и коммент. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 923 с.
3. Королёв А.В. Хохот: роман. – М.: ArsisBooks, 2018. – 160 с.
4. Скоропанова И.С. Феномен смеха в романе Анатолия Королёва «Хохот» // Анализ одного произведения: сборник научных статей / редкол.: И.С. Скоропанова [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. – С. 185–219.
5. Толстов В.А. Солёное ухо на левой щеке // Урал: литературный журнал. – 2018. – № 9. – URL: <http://uraljournal.ru/work-2018-9-1880> (дата обращения: 18.01.2026).
6. Чащинов Е.Н. Роман Анатолия Королёва «Эрон»: поэтика, проблематика, контекст: дис. ... кан-та филол. н. – Пермь, 2015. – 211 с.
7. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. XI. 1860–1861 / под ред. П.И. Лебедева-Полянского; подгот. текста и коммент. Н.А. Алексеева, А.П. Скафтымова. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1939. – 764 с.

8. Ямщиков К.С. «История ненасытимости» в новом романе Анатолия Королёва // Ревизор: информационный портал о культуре в России и за рубежом. – 9.01.2019. – URL: <https://rewizor.ru/literature/reviews/istoriya-nenasytimosti-v-novom-romane-anatoliya-koroleva/> (дата обращения: 20.02.2026).

ON THE QUESTION OF THE MECHANISMS OF TEXT GENERATION: TYPES OF NARRATIVE INSTANCE IN THE NOVEL BY A.V. KOROLEV “LAUGHTER”

E.E. Zavyalova

Russia, Astrakhan, Astrakhan State University

Abstract. The article identifies ways to demonstrate the mechanisms of text generation in A.V. Korolev's novel “Laughter”. The study of the types of narrative instance makes it possible to trace how fiction becomes the semantic basis of aesthetic communication. It is proved that a large number of actors are included in the work, ranging from readers traveling through the artistic world to characters who are embedded in the “real” space. Narrators differ in the way they are depicted, the degree of detection, and the area of reference. As a result, personal experience is combined with its broad generalization, and a phantasmagorical, distorted, absurd picture of reality is made convincing and true.

Keywords: text generation, narrativization, storyteller, narrator, demiurge, author, text, discourse.

УДК 81'37

Калинина Л.В.

**ЛЕКСЕМА НЕУЛОВИМЫЙ И ЕЁ ПРОИЗВОДНЫЕ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Россия, г. Киров, Вятский государственный университет

grifon.kalinina@yandex.ru

Поэтический дискурс не случайно выступает одним из центральных объектов исследовательского интереса когнитивной лингвистики. Как пишет Т.А. Пономарева, «с позиций когнитивного подхода, поэзия является не только сочетанием средств художественной выразительности... но и особым проявлением смыслоискательства» [Пономарева 2024: 49].

Целью настоящей статьи является анализ функционирования лексики *неуловимый* и её производных в поэтическом дискурсе. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, при описании какого рода ситуаций и по отношению к какому рода объектам поэты используют слова с семантикой *неуловимого* и, соответственно, что мыслят под «неуловимым» авторы поэтических текстов.

Под поэтическим дискурсом нами вслед за И.И. Чумак-Жунь понимается «сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств» [Чумак-Жунь 2009: 8]. Каждый поэтический текст в этой системе представляет собой результат работы художественного мышления, в процессе которого создаются многоплановые словесные образы. По мысли Н.Ф. Алефиренко, словесные образы, в которых находит своё воплощение авторский замысел, являются отражением образов ментальных, внешней проекцией внутреннего, ментального лексикона [Алефиренко 2024: 42–43].

Прежде чем обратиться к анализу семантики *неуловимого* в поэтическом дискурсе и проследить связь словесных художественных образов с единицами ментального лексикона, кратко охарактеризуем функционирование лексики *неуловимый* в других типах речи.

Согласно словарным дефинициям, прилагательное *неуловимый* в современном русском языке имеет два основных значения – прямое ‘такой, которого нельзя поймать или застать где-нибудь’ и переносное ‘еле заметный’ [Толковый словарь... 2008: 520].

Наши предыдущие наблюдения, основанные на анализе данных основного корпуса НКРЯ и отдельных прозаических художественных произведений, показывают, что прямое значение характеризует прежде всего свойство живых существ, лиц или животных (*неуловимый вор, неуловимая лисица*), реже применяется по отношению к предметам (*неуловимый мяч*). Характеризуя лицо, прилагательное *неуловимый* обладает значительным аксиологическим потенциалом: способность быть неуловимым оценивается положительно с точки зрения носителя данного качества, «внутреннего субъекта» (‘хорошо, когда твоя свобода не ограничена и ты всегда можешь уклониться от нежелательного взаимодействия с другим человеком’), и отрицательно – с точки зрения «внешнего субъекта» (‘плохо, когда ты не можешь настичь нужного тебе человека и удержать его на какое-то время’). См. подробнее, напр.: [Калинина 2024].

Переносное значение прилагательного *неуловимый* связано прежде всего с перцептивным восприятием, категоризацией, интеллектуальным осмыслением чего-либо (*неуловимый жест, неуловимая мелодия, неуловимое дуновение, неуловимое сходство, неуловимый смысл* и т. п.); аксиологический компонент в таких контекстах либо отсутствует, либо выражен слабо и не привязан к однозначно положительной или отрицательной оценке. В речи чаще реализуется именно переносное значение лексемы *неуловимый*, а наиболее частотной сочетаемостью отличается конструкция *что-то/нечто неуловимое*, что позволяет рассматривать семантику неуловимого в аспекте категоризации, как связанную с ситуациями затруднительной или неоднозначной категоризации [Калинина 2017 и др.].

Далее перейдём к формально-грамматическому и смысловому анализу стихотворных контекстов [ср. Алефиренко Н.Ф. 2023: 34], чтобы установить, какого рода объекты, признаки, действия характеризуются в поэтическом дискурсе как *неуловимые*, с помощью каких словесных образов воплощается идея неуловимого и что на этом основании можно сказать о концептуализации «неуловимого» в художественном поэтическом мышлении.

Материалом исследования послужили 260 контекстов из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), включающих лексические единицы *неуловимый, неуловимо, неуловимость* в 272 употреблениях [НКРЯ]. В качестве основных методов использовались методы грамматического, дистрибутивного, контекстуального и интерпретационного анализа. Исследование осуществлялось в три этапа: 1) грамматический анализ, включая частеречную характеристику лексических единиц с семантикой неуловимого и особенности их синтаксического функционирования; 2) анализ сочетаемости и контекстуального окружения лексических единиц с семантикой неуловимого; 3) когнитивная интерпретация полученных результатов с точки зрения связи лексических единиц и вербализуемых ими в поэтическом тексте смыслов.

Грамматический анализ показал, что чаще всего в поэтическом дискурсе используется прилагательное *неуловимый* в полной или краткой форме (234 употребления из 272, или 86% примеров). Полная форма закономерно выступает в роли согласованного определения (реже – обособленного определения, сказуемого), краткая – в роли сказуемого, ср.: «Ах, жизнь по сути только сумма таких минут **неуловимых**» (Л. Лосев); «Тонкий, **неуловимый** сквознячок беды» (М. Айзенберг); «Всё было зыбким и мгновенным, **Неуловимым**, как в кино» (А. Штейнберг); «**Неуловимая** бесследно жизнь прошла» (А. Адалис); «И догоревший уголёк страданья Уже не жжёт, и на ладони он – Почти **неуловимое** касанье» (Д. Кленовский); «Тон был **неуловим**» (Г. Оболдуев); «Но ускользал он

по-тритоньи, **неуловим**, необъясним» (Е. Евтушенко); «А ты была, как дым, **неуловима**, Душа моя» (Вс. Рождественский); «Хотелось бы по существу, но существо **неуловимо**» (Д. Самойлов) и др. Ср. также использование прилагательного в форме компаратива: «Цвета бледней, **неуловимей** звуки» (В. Перелешин).

В 29 примерах (10,7%) представлено наречие **неуловимо**, ср.: «Но страшно вдруг проснуться ночью И встретить тишину воочью. Она молчит **неуловимо** И усмехается незримо» (Б. Садовской); «А разных главных **неуловимо** шофёры возят и возят мимо» (В. Маяковский); «Удары родят молнии – Безумные, упорные, **Неуловимо** полные мгновенного огня» (А. Платонов).

В семи примерах (2,6%) отмечена субстантивация, ср.: «Блёкло неопишемого описанье, **неуловимого** – легковесен улов» (Б. Ахмадулина); «Богу к лицу – пребывать в вечно новом, В **неуловимом** пределов не знать» (К. Случевский).

Существительное **неуловимость** в поэтическом подкорпусе НКРЯ встречается всего в двух примерах (0,7%), в сочетаниях **неуловимость** глаз (Г. Дашевский) и **неуловимости** налёт (В. Алейников).

Анализ сочетаемости и контекстуального окружения лексем с семантикой **неуловимого** показал, что с их помощью чаще всего характеризуются следующие объекты.

1. Абстрактные понятия, признаки, действия, состояния, процессы (40% примеров): **бесцельность**, вера, время, дух, душа, жизнь, значение, игра, идея, краса, красота, любовь, мечта, миф, мысль, небытие, отрада, переход, смерть, смысл, сон, сонность, срок, счастье, тяжесть, язык и др. Ср., напр.: «**Неуловима** лишь **бесцельность** рая» (А. Парщиков); «Ушёл и бросил беглый взгляд **Неуловимого** значенья» (Д. Бурлюк); «Всегда стремясь к любви **неуловимой**, Скитался я, как странник, меж людей» (М. Кузмин); «Без этой меры мир – химера, И **смысл** его **неуловим**» (Д. Самойлов) и др.

2. Перцептивное восприятие, его объекты и результаты (16,5%): аромат, взгляд, вздрог, взор, гул, движение, запах, звон, звук, излучение, касанье, лепет, мерцанье, ощущение, проблеск, речь, ритм, свет, сияние, сквознячок, созвучье, стон, тон, цвет, шорох и др. Ср., напр.: «Травы **неуловимое** движенье» (А. Тарковский); «Порой вонзались в тишину, как жало, **Неуловимым** звоном комары» (Д. Андреев); «Светлый миг. Стёрт мой лик. **Речь** **неуловима**» (А. Герцык); «Ведь слышит тот, кто сам душой поэт, Вселенной **ритм** **неуловимый**» (Л. Бартольд) и др.

3. Реалии мира природы (13,6%): ветер, вода, воздух, дым, звезда, зелень, луч, мёд, метеор, молнии, море, мороз, муть, небеса, облако, огонь, пар, река, тень и др. Ср.: «Меланхоличность буксовых аллей, Дыханье **ветерков** **неуловимых**» (С. Киссин); «Гремя, бежала ключевая **Неуловимая** вода» (В. Корвин-Пиотровский); «Преодолев ревнивый сумрак туч, подкрадывается **неуловимый** луч» (В. Набоков); «**Облаков** **неуловимых** Волокнистые стада» (М. Лермонтов) и др.

4. Действия, движения, перемещения, динамичные состояния (10,3%): **неуловимо** бежать, вдыхать, возить, жить, загораться, лететь, мелькать, мелькнуть, меняться, молчать, опираться, отлететь, плыть, побледнеть, подойти, превращаться, предостеречь, путать, скользить, стихнуть, течь, ускользать, хранить и др. Ср.: «**Неуловимо** **меняются** лица, пейзажи, сцены, стены» (Г. Сапгир); «Стихи на этом языке, как пламя, **Плывут** **неуловимо** в глубину» (Б. Нарциссов); «Да и ночь **Неуловимо** превращалась в серый Гранит» (П. Антокольский); «Почему все знаки возврата **Путало** **неуловимо** и невозвратно коварство» (В. Брюсов и др.).

5. Человек и антропоморфизируемые сущности (9,9%): вор, враг, друг, мы, он, она, спутник, ты, шпион, юноша, я и др.; имена собственные – Ардатов, Нелла.

Ср.: «*Но, впрочем, редко в час приёма Ардатов оставался дома: Он был почти неуловим*» (Т. Щепкина-Куперник); «*О враг добра непримиримый, Ужасен ты, неуловимый!*» (Д. Струйский); «*Ведь юноша, преследующий мяч... Неуловим: упряма не сломили*» (В. Перелешин); «*Я и сам посреди лавин, вроде снежного человека, абсолютно неуловим*» (А. Вознесенский) и др.

6. Конкретные объекты и вещества (7%): *город, жало, изгиб волос, крылья, мяч, нить, одежды, окна, полудуга, пояс, руки, тело, труп, часики, яд* и др. Ср.: «*А Брюссель – Чужой неуловимый город*» (Н. Клюев); «*Луна, Нью-Йорк, ликующие крыши На триста этажей и кутерьма Оранжевых неуловимых окон*» (В. Луговской); «*Он, может быть, погиб, И труп его неуловим для глаза!*» (М. Тарловский); «*И часики, неуловимы, Качают время, словно кровь*» (Д. Самойлов) и др.

Среди остальных примеров можно выделить микрогруппы номинаций животных (*змея, кони, мотылёк, налим, орёл, птица, серна, синицы*); отрезков времени (*время, день, мгновение, миг, минута, ночь, срок*); внешнего облика (*лик, лицо, облик, черты*); фрагментов речи (*вывод, зов, слова; «Мы не идиоты!»*) и некоторые другие.

Нельзя не признать, что данная классификация весьма условна, так как она выполнена с опорой на прямые значения слов и с учётом их непосредственной, ближайшей грамматической связи, в то время как в поэзии слова обычно используются в метафорическом смысле, входят в состав тропов и фигур речи, из-за чего один и тот же контекст может быть теоретически отнесён к разным группам. Ср., напр.: «*Когда нам веет запах детства, Неуловимый, как мечта!*» (Вс. Рождественский) – слово *неуловимый* определяет слово *запах* ‘перцептивное восприятие’, но само описывается через слово *мечта* ‘абстрактное понятие’; «*Но время, полное измен, Летит неуловимой серной*» (В. Перелешин) – слово *неуловимый* грамматически связано со словом *серна* ‘животное’, а семантически – ещё и со словами *время* ‘отрезки времени’ и *летит* ‘действие’. Однако общие тенденции употребления лексики с семантикой неуловимого в поэтическом дискурсе осуществлённая классификация проследить всё-таки позволяет.

Переходя к **интерпретационному анализу** языкового материала, мы исходим из того, что «исследование когнитивной интерпретации основано на изучении лексической сочетаемости слов. Для составления когнитивной интерпретации значения исследуемых слов необходимо собрать все возможные контексты их употребления» [Лось 2021: 135]. Наблюдения за сочетаемостью лексических единиц с семантикой неуловимого в условиях поэтического текста позволяют сделать следующие выводы.

Семантика неуловимого в поэтическом дискурсе представлена в первую очередь прилагательным *неуловимый*. Для поэтического дискурса, как и для обычного, более актуальным является не прямое, а переносное значение данного прилагательного ‘еле заметный, трудно различимый, неясный’. Однако, в отличие от «непоэтического» дискурса, это значение реализуется не столько в контекстах, касающихся категоризации объектов и явлений окружающего мира, сколько в контекстах, связанных с осмыслением и переживанием абстрактных сущностей: жизни и смерти, любви, красоты, смысла, знания и понимания чего-либо, мечты и веры, быстротечности времени и т. п. Примечательно, что в поэтическом подкорпусе НКРЯ нет ни одного примера с сочетаниями *что-то неуловимое* и *нечто неуловимое*, наиболее употребительными в обычной речи (по данным основного корпуса). Это значит, что «обобщённый поэт» не испытывает категоризационных затруднений, но рефлексировать по поводу устройства, законов, ценностей мира. Поэт обладает повышенной чувствительностью к внешним проявлениям действительности (ср. значительный процент контекстов с перцептивной лексикой), он воспринимает *неуловимые звуки, запахи, цвета* и особенно *движения* (ср.

отдельную группу для сочетаний «*неуловимо* + глагол»), обозначающих разного рода динамические проявления мира. Большое внимание уделяется также и «*неуловимым*», изменчивым, постоянно сменяющим друг друга явлениям природы.

Особую ценность для поэта имеют «экстрасенсорные» способности, то есть умение «улавливать неуловимое», проникать в тайны мироздания, понимать скрытые мотивы человеческих поступков и отношений. Ср., напр.: *«Меня, во мраке и в пыли Досель влачившего оковы, Любви крылья вознесли В отчизну пламени и слова. И просветлел мой тёмный взор, И стал мне виден мир незримый, И слышит ухо с этих пор, Что́ для других неуловимо»* (А.К. Толстой).

Мотив постижения «неуловимого» может быть выделен в поэтическом дискурсе в качестве самостоятельного. Он вербализуется с помощью употребления субстантивированных форм прилагательного *неуловимый*, ср.: *«Неуловимое порою уловимо»* (К. Случевский); *«Неуловимое. Всю жизнь искать я буду страстно, И не найду, и не пойму, Зачем люблю Его напрасно, Зачем нет имени Ему»* (Д. Мережковский); *«Я хочу безмолвной музыкой, Точно воздухом, дышать; Уловить неуловимое, Непостижное понять!»* (И. Лялечкин); *«Что ново в чувствах, то в словах не ново. В признаньях часто пропадает суть. Коль нету сокровенного чуть-чуть, Неуловимого, но в нём основа»* (Д. Самойлов); *«Отшедший друг! Твое благословенье На этот путь заранее со мной. Неуловимого я слышу приближенье, И в сердце бьёт невидимый прибой»* (В. Соловьёв) и др.

Что касается применения характеристики *неуловимый* по отношению к человеку, то в поэтическом дискурсе человек чаще оказывается неуловимым не в буквальном, физическом смысле ‘такой, которого нельзя поймать или застать где-нибудь’, а в переносном смысле, не выделяемом современными словарями – ‘такой, которого поймёт не каждый, направление мыслей и чувств которого сложно предсказать’. Эта духовная неуловимость/непредсказуемость осмысливается поэтами как высшая ценность, как качество, отличающее глубоко мыслящего и тонко чувствующего человека. Ср. в связи с этим: *«Созвездие Пса за мною в погоне Зря пребывает – неуловима, Ныне на мраморном я балконе Древнеприютного Иерусалима <...> Гибкий мой ум с рассеяньем свыкся, Есть и в Исходе моя повадка... Вот и кажусь загадочней сфинкса, Ибо сама для себя загадка»* (И. Лиснянская). В стихотворении Юнны Мориц «Кто сказал, что поймут полюбят?..» содержится прямой призыв к человеку не поддаваться никаким соблазнам и оставаться неуловимым: *«Делай всё, чтоб других понимали, Чтоб, любовью заездив своей, Не тебя, а других обнимали За мозги хомутами любвей. Дай промчатся упряжкам, обоймам, Не прельщайся любовью лавин. Незаезжен, безбрежен, непойман, Будь прозрачен и неуловим!..»* (Ю. Мориц).

Поскольку в стихах речь часто идёт о неуловимости именно внутренней, душевной жизни, носителем этого признака нередко выступает душа. Это может быть душа самого лирического героя или душа любимого человека, выполняющая роль ангела-хранителя. Ср., напр.: *«Наш век суров. Он любит то, что зримо, Ткань бытия, А ты была, как дым, неуловима, Душа моя»* (Вс. Рождественский); *«Нет, лишь душа недоступна тленью, Плачет, смеётся, Тревогой жжёт, Неуловима, как дуновенье, И тяжела, как созревший плод»* (Вс. Рождественский); *«Вспорхнув, крылом меня задела, Неуловима и легка, Не из иного ли предела Ко мне простёртая рука? <...> Но ты простишь, само терпенье, Лишь покачаешь головой, Мой лёгкий ангел (весь – паренье!), Неуловимый спутник мой!»* (Д. Кленовский).

Проведённый анализ функционирования лексических единиц с семантикой неуловимого в поэтическом дискурсе подтверждает мысль Н. Ф. Алефиренко о том, что «дискурс по отношению к тексту является в некотором роде когнитивной моделью, в которой структурно-семантические позиции в виде смутных, порой

сложно неуловимых образов “оживают” в конкретных текстах» [Алефиренко 2024: 42] и позволяет сделать следующие **выводы**.

Семантика неуловимого в стихах чаще всего вербализуется словоформами прилагательного *неуловимый*, реже – с помощью сочетаний наречия *неуловимо* с глаголами, называющими движение, перемещение, изменение состояния. Такое же соотношение отмечается и в непоэтических текстах, как и общее преобладание переносного значения ‘еле заметный’ над прямым ‘такой, которого нельзя поймать или застать где-нибудь’.

Специфическими для поэтического дискурса (в том виде, в каком он представлен в примерах НКРЯ) являются: 1) отсутствие сочетаний *что-то неуловимое* и *нечто неуловимое*, высокочастотных в непоэтических текстах; 2) невыраженность интереса к категоризации объектов и явлений действительности, но при этом повышенная восприимчивость к проявлениям внешней и внутренней жизни и ярко выраженная рефлексия по поводу устройства мироздания, в своей высшей степени проявляющаяся как желание «уловить неуловимое»; 3) положительная и высокая оценка «духовной неуловимости» человека как его стойкости перед соблазнами.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8(490). – С. 39–48.
2. Алефиренко Н.Ф. Нейропсихические механизмы порождения дискурса как коммуникативного события: пролегомены / Н.Ф. Алефиренко, А.Т. Алефиренко // Организационная психолингвистика. – 2023. – № 1(21). – С. 10–41.
3. Калинина Л.В. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка / Л.В. Калинина, М.А. Трушков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2(51). – С. 78–89.
4. Калинина Л.В. Аксиологический аспект семантики неуловимого в «Рассказе о том, как создаются рассказы» Б. Пильняка // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ООО Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2024. – С. 16–23.
5. Лось А.Л. Когнитивная интерпретация значений слов, репрезентирующих визуальную перцепцию // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: Материалы Всерос. науч. конф., Комсомольск-на-Амуре, 28–29 января 2021 года. Часть 2. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021. – С. 134–138.
6. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Пономарева Т.А. О проблеме существования поэтического дискурса // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2024. – № 4(121). – С. 47–51.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
9. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII - начала XXI веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2009. – 38 с.

THE *ELUSIVE* LEXEME AND ITS DERIVATIVES IN POETIC DISCOURSE

L.V. Kalinina

Russia, Kirov, Vyatka State University

Abstract. The article uses data from the National Corpus of the Russian language to identify the specifics of the use of the adjective *неуловимый* 'elusive' and its derivatives in poetic discourse using a set of linguistic methods. Based on the functioning of lexical units with the semantics of the elusive, the basic meanings put into the concept of "elusive" by the authors of poetic texts are established.

Keywords: poetic discourse, semantics, lexical units.

УДК 81'42

Любецкая В.С.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ИОСИФА БРОДСКОГО

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
1460865@bsu.edu.ru

Проблема исследования языковой личности сопряжена с интерпретацией речемыслительных образов автора в художественном тексте и является одной из актуальных в области когнитивной лингвистики, поскольку «речь – это процесс объективации мысли основной единицей – текстом» [Дискурс... 2025: 13]. По определению Ю.Н. Караулова, языковая личность предстаёт как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [Караулов 2010: 38]. Рассмотрим объективацию мысли в поэтических текстах Иосифа Бродского и основные смысло- и текстообразующие средства, посредством которых она репрезентируется.

Мир в поэтических текстах Иосифа Бродского частотно предстаёт как статичный, застывший в монолите времени, что выражается посредством номинативных рядов («Воздух, пламень, вода, фавны, наяды, львы...») или отглагольных существительных («молчание», «присутствие», «замирание»). Также о статичности говорят лексемы, контекстуально создающие образ камня как символ застывшего мира:

*«Если вдруг забредаешь в **каменную** траву,
выглядающую в **мраморе** лучше, чем наяву,
или замечаешь фавна, предавшегося возне
с нимфой, и оба в **бронзе** счастливее, чем во сне...»* [Бродский 2001в: 36].

Лексемы *каменную*, *в мраморе*, *в бронзе* создают образ застывшего времени, а также отсылают к античной культуре, сохранившейся в камне. Посредством лексики автор, как скульптор, стремится придать поэтическому миру монументальную форму, создавая образы в плоскости античной архитектуры.

Концепт «Время» в поэтическом пространстве Иосифа Бродского тесно связан с концептом «Пространство». Именно эта категория является тем, что запечатлевает разрушение, созданное временем. В рассмотренном ранее контексте создаётся образ, ассоциативно отсылающий к пространству Рима или Древней Греции. Автор нередко помещает лирического героя в античное, мифологическое пространство: «Письмо в бутылке», «Одиссей Телемаку», «Новая жизнь», «Итака» и др.

В тексте «Одиссей Телемаку» концепты «Время» и «Пространство» взаимодействуют друг с другом и репрезентируются посредством авторского переосмысления мифа:

*«И всё-таки ведущая домой
дорога оказалась **слишком** длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли **время**, растянул **пространство**»* [Бродский 2001в: 27].

В контексте данного произведения чем больше пространство, тем больше времени «теряет» герой.

В формировании индивидуально-авторской картины мира Иосифа Бродского важную роль играют предметы, через призму которых поэт смотрит на жизнь. В его творчестве частотно изображён «вещный мир», так как, по мнению автора, всё имеет свою форму, а значит материально. «Вещью» И. Бродский маркирует предметы в комнате, слово, мир вокруг и даже человека. Вещам в поэтических текстах автора приписываются человеческие качества: они «живут» в пространстве, выполняют действия, хранят прошлое, говорят. Ярким примером очеловечения «вещного мира» является произведение «Посвящается стулу», в котором образ данного предмета отождествляется автором с человеком:

*«На мягкий в **профиль** смахивая знак
и “восемь”, но квадратное, в **анфас**,
стоит он в центре комнаты, столь **наз**,
что многое притягивает глаз»* [Бродский 2001г: 7].

Стул имеет свою историю, предназначение, а когда его не используют, он испытывает чувства, свойственные человеку – одиночество и грусть.

Языковая личность поэта также репрезентируется посредством образа лирического субъекта, представляющего противоречивым, ироничным, находящимся в постоянной борьбе с самим собой и с миром. Таким он изображён в поэтических текстах «Одиночество», «На прения с самим собою ночь...», «Лагуна», «В кафе» и других. В силу своей противоречивости лирический герой находится между неверием и верой. С одной стороны, Бог – высшая инстанция, а с другой, – сила, которую можно обвинить в несправедливости мира и личном несчастье. В поэтическом тексте «Разговор с небожителем» представлено обращение лирического героя к Творцу:

*«Любая **речь**
безадресна, увы, об эту пору –
чем я сумел, друг-небожитель, спору
нет, пренебречь»* [Бродский 2001б: 366].

Пространственный образ небожителя дополняется лексемами-обращениями: *ты, друг-небожитель, Ангел, «о Господе», Дух-исцелитель*. Лирический герой проявляет в одних и тех же поэтических строках как уважение, так и пренебрежение; апогеем «панибратского» обращения к Богу является фраза *«Там, наверху, – услышь»*.

Поэтические тексты Иосифа Бродского характеризуются необычной системой содержательных и формальных лингвистических особенностей, которые отражают индивидуальную картину мира автора и уникальный способ языкового выражения. К текстовым особенностям идиостиля поэта относятся синтаксические приёмы, графические средства, структурно-композиционная организация текстов, особенности словообразования и лексико-семантические маркеры. Например, для творчества автора характерны синтаксические паузы и парцелляция:

*«Вещь. Коричневый цвет
вещи. Чей контур стерт.
Сумерки. Больше нет
ничего. Натюрморт»* [Бродский 2001б: 424].

В поэтическом тексте «Пенье без музыки» встречаются разные случаи синтаксических пауз: разрыв внутри слова, внутри фразы, внутри строфы. Также для творчества поэта характерно усложнение конструкций вводными, уточняющими,

условными и уступительными предложениями, которые автор частотно выделяет тире:

*«...есть проведение прямой,
и, жаждущая встречи пара
любовников – **твой взгляд и мой** –
к вершине перпендикуляра»* [Бродский 2001б: 386].

Отметим, что в поэтическом тексте «Песнь без музыки» Иосиф Бродский использует 38 тире: данный знак препинания позволяет автору сделать акценты на важных смысловых частях.

Ведущим принципом построения поэтического текста И. Бродского является использование повторов: синтаксических, лексических, морфологических и др. Анафористические повторы частотны в поэтических текстах автора, как правило, это отдельные лексемы. Например, в произведении «Холмы» Иосиф Бродский повторяет лексему, а также использует схожую синтаксическую конструкцию:

«Холмы – это наши страданья.

Холмы – это наша любовь.

Холмы – это крик, рыданье...» [Бродский 2001а: 218].

Посредством подобных повторов строится весь авторский текст, такой приём нами зафиксирован и в произведении «Глаголы», в котором лексема *глаголы* повторяется 11 раз, включая название. В поэтическом тексте «Камни на земле» словоформа *камни* употребляется автором 22 раза. Кроме того, в данном произведении присутствуют и анафористические повторы: «*простые камни*» (5 раз).

В качестве характерной черты идиостиля И. Бродского также выделим лексическую сочетаемость. Поэт частотно употребляет прилагательные в нестандартном контексте, нередко передающем абсурдность явлений. Например, в тексте «Эклога 5-я» поэт употребляет словосочетание «*потные муравьи*». Такое определение по отношению к насекомому может служить образом трудолюбия, однако сочетание лексем порождает экспрессивность и коннотативную маркированность. Данные авторские сочетания «*просторное молчанье*», «*цвет консервный*», «*капроновый дождь*», «*пыльная капля*», «*злой гвоздь*», «*ослеплённая игла*», «*ослеплённое окно*», «*тяжёлый ливень*», «*кислый триумф*», «*пасмурная свеча*», «*ключи слепые*» «переводят смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний» [Алефиренко 2024: 46]. Отметим, что многие из окказиональных сочетаний, созданных Иосифом Бродским, являются своеобразным оксюмором.

Для поэтических текстов Иосифа Бродского характерно использование многокомпонентных рядов прилагательных, благодаря этому строятся градационные конструкции, создающие эмоциональное напряжение: «*весёлый, праздный, грязный, очумелый*»; «*сизой, лиловой, пунцовой, алой долиной*». Также они служат для всестороннего описания (по разным признакам) предмета или явления: «*сырой конопляной многоверстной рубахе*»; «*неприкрытой, стеклянной, поллитровой груди*»; «*перистым, рыхлым, единым хлебом*».

Также автор частотно употребляет глаголы, среди которых нами зафиксированы окказиональные: «*когтит*», «*бюстует*», «*комнет*», «*деревенит*», «*забуревают*», «*воспрясть*», «*накнокал*», «*взорлить*» и другие. Внешний мир настолько динамичен и изменчив, что для Иосифа Бродского в русском языке не хватает слов, которые могли бы описать его речемыслительные образы, поэтому автор создаёт свои, поскольку «процесс номинации детерминирован мыслительной информацией как продуктом когнитивной деятельности» [Мокиенко 2025: 35].

Таким образом, речемыслительные образы Иосифа Бродского репрезентируют совокупность взаимодействия мысли и слова. Перечисленные

особенности составляют лишь толику средств, характеризующих образный универсум Иосифа Бродского, который предстаёт как многогранная и сложная система. Речемыслительные образы выявляют специфику функционирования лексического пространства поэта, его лингвокреативность и интертекстуальный тезаурус автора.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – Т. 1. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 304 с.
3. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – Т. 2. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 440 с.
4. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – Т. 3. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 312 с.
5. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – Т. 4. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 432 с.
6. Дискурс. Речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2025. – 264 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Мокиенко В.М. Теория ценностно-смыслового пространства языка Н.Ф. Алефиренко в свете полипарадигмальных тенденций в лингвистике 20-21 вв. / В.М. Мокиенко, Е.А. Огнева, Е.Г. Озерова, Н.Н. Семенов // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2025. – Т. 11, № 4. – С. 24-41.

THE LANGUAGE PERSONALITY OF JOSIF BRODSKY

V.S. Lyubetskaya

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic personality of Joseph Brodsky. The main features of the poet's individual style are analyzed. Key concepts in the author's work are highlighted. Textual features reflecting Brodsky's linguistic personality are also described.

Keywords: linguistic personality, concept, poet's individual style.

УДК 81'42

Плотникова Л.И.¹, Мельчакова Е.И.²

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ПОСТУЛАТОВ

3. ГИППИУС: ОТ ИДЕИ К ОБРАЗУ

^{1, 2} Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹ Plotnikova@bsuedu.ru

² katay5448@gmail.com

Художественный текст – это результат творческой деятельности автора, в котором отражаются особенности его миропонимания, жизненный опыт, лингвокреативный потенциал. Особое место среди художественных текстов занимает текст поэтический, потому что именно в нём ярко проявляется установка на творчество.

Специфика поэтического языка в разное время составляла объект лингвистических исследований. Их теоретической базой послужили работы Г.О. Винокура (1991), В.М. Жирмунского (1925), А.А. Потебни (1990),

Б.В. Томашевского (2002), в которых были представлены основы теории поэтической речи. Учёные обращают внимание на тот факт, что сила поэтического слова в первую очередь заключается в его образности. Кроме того, слово характеризуется и ярко выраженной внутренней формой, которая, как отмечает А.А. Потебня, «показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Это – яркое представление, центр образа слова, один из его характерных признаков. Если значение слова – это то, что отражается им, то внутренняя форма – это то, как отражается и представляется в слове тот или иной предмет действительности» [Потебня 1990: 83].

Анализ различных моделей речепорождения, представленных в психологии, теории речевой деятельности, психолингвистике, нейролингвистике свидетельствует о поэтапном процессе порождения речи. Среди обязательных этапов выделяют мотивационно-побуждающий, смыслообразующий и реализующий этапы. Если рассматривать особенности, связанные с выбором узуального слова или порождением авторского лексического новообразования, то особое внимание необходимо уделить смыслообразующему этапу, на котором мысль, запущенная с помощью универсального предметного кода, описанного Н.И. Жинкиным, перекодируется в вербальный код. На этом этапе происходит поиск единицы в индивидуальном лексиконе. Если поиск не приносит желаемого результата, если возникает необходимость выразить мысль нестандартно, ярко, это может стать причиной создания авторского слова, отсутствующего в языковой традиции, отличающегося эмоционально-экспрессивной насыщенностью и новизной.

Значимой представляется мысль Н.Ф. Алефиренко о том, что «образ как продукт восприятия и понимания мира – категория сознания. Будучи включённым в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ – категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений» [Алефиренко 2009: 73].

Анализ индивидуально-авторских слов, созданных З. Гиппиус, одной из ключевых фигур русской литературы Серебряного века, позволяет проследить особенности процесса словотворчества и выявить философские идеи, которые способствовали созданию инноваций. Лексические новообразования можно считать одним из главных инструментов создания образа в поэзии, это своеобразные языковые средства манифестации образа. В отличие от слов узуальных, авторские слова несут в себе сгусток личностного смысла, который непосредственно формирует образ. При этом созданное слово обращает на себя внимание читателя своей новизной и необычной формой. Как правило, такие слова отличаются семантической ёмкостью и «многопризнаковостью», могут более кратко представлять развёрнутые описания, заменять целый ряд ассоциаций. Это позволяет говорить о том, что вместе с новым словом рождается новый образ, без него поэзия теряет силу своего воздействия.

Философия Зинаиды Гиппиус представляет собой парадоксальный и глубинный комплекс идей, органично соединивший эстетику символизма, религиозный максимализм и экзистенциальный поиск. В спектр размышлений З. Гиппиус входят фундаментальные вопросы бытия – жизнь, смерть, любовь, социум. Все идеи поэта исходят из основной философской концепции «нового религиозного сознания», ключевым постулатом которой становится установление «Царства Третьего Завета», дарующего человеку примирение духа и плоти. Этот религиозный максимализм требовал преображения не только души, но и всего материального мира [Гиппиус 1999].

Апология свободы воли и творчества связана с предельным дуализмом картины мира поэта, выражавшемся в оппозициях *дух – плоть*, *вечность – время*,

святость – грех. Примирение этих противоположностей, как считает поэт, возможно лишь в акте творчества, в котором слово преобразует реальность. Непрерывный поиск Бога соединялся у З. Гиппиус с культом эгоцентрической личности и принципиальным неприятием всякой обыденности и мещанского покоя.

Творчество Зинаиды Гиппиус представляет собой уникальный феномен: являясь не только ярким представителем символизма, но и идейным вдохновителем религиозно-философской концепции «нового религиозного сознания», она создала свою поэтическую систему, в которой отвлеченная философская мысль обретает конкретное языковое воплощение.

Так, созданные З. Гиппиус имена прилагательные отличаются не только необычной структурой, они обладают особой дискурсивной образностью, являются яркими эпитетами. В поэтическом тексте подобного рода слова:

- выражают философскую оценку: *«Беги, беги, пещерная вода, / Как пенье звонкая, как пламя чистая. / Гори, гори, небесная звезда, / Многоконечная, **многолучистая**»* («Рождение») [Гиппиус 1999: 265]; *«И радость во взоре / **Молитвенно-чистая**, / Весенние зори, / Сирень восьмилстая...»* («Земля») [Гиппиус 1999: 112];

- фиксируют экзистенциальные состояния лирического героя: *«Три раза искушаема была Любовь моя. / И мужественно борется... сама Любовь, не я. / Вставало первым странное и **тупо-злое** тело. / Оно, **слепорожденное**, прозрений не хотело»* («Час третий») [Гиппиус 1999: 149];

- передают особую цветовую гамму: *«Полотенца **луннозеленые** / на белом окне, на полу. / Но желта свеча намоленная / под вереском, там, в углу»* («Сентябрь») [Гиппиус 1999: 214]; *«Они четыре паутины / В одну, огромную, сплели. / Гляжу – шевелятся их спины / В **зловонно-сумрачной** пыли»* («Пауки») [Гиппиус 1999: 139];

- являются языковой формулой философского парадокса: *«Душа моя угрюмая, угрозная, / Живет в оковах слов. / Я – черная вода, **пенноморозная**, / Меж лдяных берегов»* («Водоскат») [Гиппиус 1999: 169]; *«Мы солнца **смертельно-горячего** / не знаем, не видели; / но мы знаем его отражение, – / мы тихую знаем луну»* («Песни русалок») [Гиппиус 1999: 109] и др.

Созданные автором композиты представляют результат креативной речемыслительной деятельности, основанной на сложных «закадровых» ассоциациях и позволяющий наиболее точно, ёмко и оригинально выразить собственную вербальную версию представления об обозначаемом.

Выбранные автором слова в пространстве поэтического текста способствуют созданию изобразительно-выразительных средств, отражают индивидуальный тип поэтического мышления. Так, одним из ярких образных средств в поэзии З. Гиппиус является антропоморфная метафора, которая позволяет поэту перенести человеческие качества, чувства и намерения на природные и абстрактные объекты. Важным становится философский принцип жалости или злорадства небес: согласно философии поэта, мир антропоморфен, поскольку он является отражением состояния человеческой души, например:

*«Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею, –
С вечернею зарею.
И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным ...
Оно **не сжалится** над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным»* («Песня») [Гиппиус 1999: 75].

Способность *сжалиться* предполагает наличие воли, сострадания – качеств, присущих человеку. В контексте небо отказывается проявлять сострадание, хотя

наделено человеческими качествами. Так создается эффект враждебного, холодного космоса, в котором Абсолют безразличен к человеку. По мысли поэта, бренность человеческой жизни бессильна перед вечностью небес, человеческая греховность бессильна перед недостижимым идеалом.

Яркой чертой идиостиля З. Гиппиус является способность представить абстрактные сущности (*душа, любовь, смерть, грех*) через неожиданные предметные метафоры. Примером может послужить стихотворение «Она», в котором душа предстает в образе змеи:

*«Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя»* («Она») [Гиппиус 1999: 165].

Метафора *душа – змея* развернута через детали. В финале поэтического текста заключается своеобразный парадокс – душа одновременно и своя, и чужая сущность:

*«И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная – моя душа!»* («Она») [Гиппиус 1999: 165].

Это соответствует философской установке поэта на воплощение идеи в языковом образе.

Создание развернутой метафоры позволяет поэту переводить отвлеченные философские понятия в сферу чувственно воспринимаемых образов. Ярким примером может послужить стихотворение «Электричество», в котором абстрактная философская проблема взаимоотношения противоположностей (*да – нет, дух – плоть, Бог – человек*) получает воплощение через образ электрических проводов:

*«Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» – не слиты,
Не слиты – сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво.
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся –
Другие «да» и «нет»,
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет – Свет»* («Электричество») [Гиппиус 1999: 111].

Метафора разворачивается последовательно: два противоположных начала предстают как две нити, которые не слиты в единое целое, но сплетены, то есть находятся в состоянии сосуществования. Уточнение *не слиты – сплетены* фиксирует отношение противоположностей: они не преодолены, не примирены, но неразрывно связаны, подобно двум токопроводящим жилам. Сочетания *темное сплетенье* и *состояние мертво* передают трагическую статику настоящего момента, однако глаголы *ждет* и *ждут* вводят своеобразную перспективу: противоположности не сняты, но устремлены к своему преодолению. В финале разворачивание метафоры завершается: касание концов проводов – физическое действие – становится символом диалектического снятия противоречия. Парадоксальное отождествление смерти со Светом – синтез, который в концепции З. Гиппиус знаменует переход к «Церкви Третьего Завета».

Собственная вербальная версия находит выражение и в создании олицетворения, которое не ограничивается отдельными образами, но пронизывает всю ткань поэтического текста, создавая эффект одушевленного космоса, например, в стихотворении «Любовь – одна»: *«Любовь одна, как смерть одна»* («Любовь –

одна») [Гиппиус 1999: 90]. В данном случае представлено не просто сравнение, но отождествление любви и смерти через общий предикат. В других строках любовь выступает как самостоятельная сила, управляющая сердцем:

«Не может сердце жить изменой,

Измены нет: любовь – одна» («Любовь – одна») [Гиппиус 1999: 90].

Это соответствует философской концепции З. Гиппиус, согласно которой любовь является не только психологической, но и онтологической категорией.

Противопоставление в поэзии З. Гиппиус часто служит для установления связи между разнородными сущностями, например, в стихотворении «Бессилие» имплицитно, с помощью лексического повтора *не могу*, сопоставляются Бог и любовь:

«Мне близок Бог – но не могу молиться,

Хочу любви – и не могу любить» («Бессилье») [Гиппиус 1999: 90].

Таким образом поэт подчеркивает мысль о том, что Господь и любовь связаны, однако пока человек не овладеет своими страстями, он не может искренне любить и быть с Богом.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что поэзия Зинаиды Гиппиус – это синтез тщательно отобранных узуальных и созданных автором слов, которые отражают индивидуальный тип поэтического мышления. Каждое слово отбирается в соответствии с авторским замыслом, направлено на языковое воплощение философских постулатов, формирует поэтическую картину мира, способствует созданию эстетической гармонии мысли и слова.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.
3. Гиппиус З.Н. Дневники. – М.: Интелвак, 1999. – 718 с.
4. Гиппиус З.Н. Оправдание свободы. – СПб: ООО «Издательство «Росток», 2002.
5. Гиппиус З.Н. Стихотворения / А.С. Кушнер, К.М. Азадовский, В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров и др. – СПб, 1999.
6. Жирмунский В.М. Введение в метрику. Теория стиха. – Л.: Academia, 1925. – 284 с.
7. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.
8. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 334 с.

THE LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE PHILOSOPHICAL POSTULATES OF Z. GIPPIUS: FROM IDEA TO IMAGE

L.I. Plotnikova, E.I. Melchakova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article examines the linguistic manifestations of philosophical attitudes in Zinaida Gippius's poetry, focusing on the system of figurative devices. The poet's words and carefully selected commonplace lexemes reflect complex associative connections and contribute to the creation of vivid expressive means that allow abstract entities to be presented in tangible form. Each poetic word aims to embody the author's idea and defines the uniqueness of her poetic worldview.

Keywords: poetic text, Z. Gippius, philosophical postulates, author's words, figurative means.

Москвин В.П.

**«СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА:
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОЛКОВАНИЯ**

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

vasily-ms@yandex.ru

Исследователи данного текста указывают на его сложность, загадочность и недопонятость; на то, что «вполне понятное на эмоциональном уровне, оно малопонятно на уровне отдельных строф, строк и образов» [Стратановский 2024: 234]; на «разные варианты понимания образов произведения» [Видгоф 2023: 184], т. е. на обилие темных мест и не вполне ясных фрагментов. Такие фрагменты поддаются расшифровке при опоре:

I. На словесный контекст: а) узкий; б) широкий.

II. На ситуативный контекст (конситуацию). Соответственно, облигаторным аспектом анализа неясной номинации представляется соотнесение данной номинации с местом, временем и обстоятельствами ее появления. Как известно, ономазиология как раздел лингвистики, изучающий процессы номинации, восходит к школе «Слова и вещи» [нем. Wörter und Sachen] – направлению в австрийской лингвистике конца XIX – начала XX в., оформившемуся в 1909 году с выходом в свет одноименного журнала. Методика, используемая представителями данного направления (Гуго Шухардт, Рудольф Мерингер, Лео Вайсгербер и др.), основана на изучении слова в связи с обозначаемой им вещью, т. е. в рамках соответствующего культурного контекста. Ввиду того, что данная методика не получила точного и однозначного наименования, можно условно назвать ее конситуативным тестированием [Москвин 2022: 31].

III. На вертикальный контекст, роль которого играет прецедентный текст, выявляемый в процессе интертекстуального анализа (см., напр., применительно к анализируемому тексту: [Видгоф 2023; Стратановский 2024; Шульц 2024: 102–104], etc.). Здесь, впрочем, необходимо привести следующее методологически значимое предупреждение: «Рассмотрение истории стихотворения и обнаружение его гипотетических источников [здесь и далее разрядка наша. – В. М.] далеко не всегда способствует пониманию, часто разговор об источниках не доходит до разговора о смыслах, ибо туда и не стремится, одно подменяется другим, так что мы имеем, как в случае с “Неизвестным солдатом”, огромный список разного рода литературных и культурных явлений и документальных материалов, которые то ли повлияли на автора, то ли нет, но сложить все это в единую картину не представляется возможным» [Сурат 2023: 91].

Опора на указанные три типа контекста, принятые нами за основные точки зрения, или “позиции” (τόποι), с которых следует рассматривать темные места художественного произведения (особенно в случае его осложненности семантическими переносами и стилистическими фигурами), не может быть успешной без обращения не только к контекстуальному, но и к другим методам и приемам современного лингвистического анализа (**IV**), в частности трансформационного (**а**), позиционного (**б**), функционального (**в**) и др.

При этом, безусловно, возможны и иные, в частности более или менее уникальные аналитические топосы, учитывающие индивидуальные особенности автора: так, при расшифровке строк *И всегда одышкой болен // Фета жирный карандаш* (О. Мандельштам. Дайте Тютчеву стрекóзу..., 1932), которые принадлежат поэту, как известно, владеющему немецким языком, можно предположить, что «внутренняя форма фамилии Фет (Foeth / Fett) послужила

добавочной мотивировкой эпитета *жирный* в применении к фетовскому карандашу» [Ронен 2002: 37]. В развитие этого тонкого наблюдения, открывшего продуктивный аналитический топос, добавим, что, сменив установку с немецкого языка на латинский, можно с не малой степенью вероятности полагать, что под *карандашом* подразумевается *стил* (ср. лат. *stilus* ‘острая палочка для письма’) А. Фета, порою очень настойчиво нагнетающего (и тем самым *жирно* «подчеркивающего») одно и то же средство выразительности, напр. стихи в виде кратких (а значит, соответствующих учащенному дыханию, *одышке*) номинативных предложений, ср.: *Шепот, робкое дыханье, // Трели соловья, // Серебро и колыханье // Сонного ручья* (А. Фет. *Шепот, робкое дыханье...*, 1850), что вызвало череду комических стилизаций, близких к пародиям: а) *Вечер. В комнатке уютной // Кроткий полусвет. // И она, мой гость минутный... // Ласки и привет* (Н. Добролюбов. *Первая любовь*, 1860); б) *Холод, грязные селенья, // Лужи и туман, // Крепостное разрушенье, // Говор поселян* (Д. Минаев. *Холод, грязные селенья...*, 1863) и др.

Есть аналитически сложные случаи, требующие применения ряда приемов. Рассмотрим с этой точки зрения, напр., следующие темные строки: *И месмерический утюг – явление // Небесных прачек – **тяжести улыбка*** (О. Мандельштам. Феодосия, 1919). С тем, чтобы пояснить эти строки, следует: а) произвести трансформационный анализ (топос IVa), демонстрирующий, что за субстантивом *тяжесть* стоит эпитет⁷, относящийся, судя по предтексту (топос I), к утюгу: *тяжесть* <утюга> → *тяжелый утюг* (аналогично: *тяжесть черных кос* → *тяжелые черные косы*, etc.); б) анализируемое стихотворение написано в 1919 году, следовательно, необходимо узнать, как в начале XX в. выглядел утюг, т. е. применить конситуативное тестирование (топос II), которое показывает: горизонтально расположенная ручка крепилась за края специальной скобой в форме полукруга к верхней части утюга [см.: Утюг... 2022], думается, что именно этот полукруг и был метафорически осмыслен как улыбка.

Ниже каждому из трех рассмотренных нами темным мест «Стихов о неизвестном солдате» будут поставлены в соответствие: а) комментарий, а также (в случае необходимости) критический анализ альтернативных прочтений; б) аналитический метод или прием, примененный при расшифровке данного темного места. Первые три обозначены римскими цифрами (напр.: I – контекстуальный, II – конситуативный), остальные – римскими цифрами с буквенной конкретизацией (напр.: IVa – трансформационный, IVб – позиционный, etc.).

1. Следующий отрывок требует прочтения с позиций контекстуального [I] (см. пункты 1.1, 1.2), конситуативного [II] (см. пункт 1.2), функционального [IVв], позиционного [IVб] (см. пункт 1.1) и трансформационного анализа [IVa] (см. пункт 1.2):

Там лежит **Ватерлоо** – поле новое,
Там от **битвы народов** светло (...)
Глубоко в черномраморной устрице
Аустерлица забыт огонек,
Смертоносная ласточка шустрится,
Вязнет чумный **Египта** песок.

1.1. Речь идет о битвах при Ватерлоо (1815), под Лейпцигом («битва народов», 1813) и при Аустерлице (1805), а также о Египетском походе (1798–1801) Наполеона. Известно, что «художественное время “Стихов...” нелинейно, зигзагообразно, калейдоскопически перекомбинирует фрагменты прошлого, настоящего и будущего» [Шульц 2024: 99]; еще О. Ронен констатировал «обратный хронологический порядок» в упоминании событий: 1815 → 1813 → 1805 → 1798–1801

⁷ Замена прилагательного отадъективным субстантивом известна как фигура отвлечения эпитета.

[Ронен 2002: 101]. Какой функции подчинена такая перестановка? Можно предположить, что эта последовательность продиктована ретроспективной рецепцией цепочки событий (топос IVб): если взгляд назад возможен не только в пространстве, но и (метафорически) во времени, то в этом случае за Ватерлоо (или, если развернуть эту метонимическую свертку, за *битвой при Ватерлоо*) будет виднеться («светиться») Лейпциг, за Лейпцигом – Аустерлиц («огонек Аустерлица»), за Аустерлицем – Египет («Египта песок»). Автор ставит себя в позицию визуального наблюдателя, отсюда ввод визуальных маркеров при каждом событии: *поле – светло – огонек – ласточка, песок*.

1.2. Выражением **черномраморная устрица** метафорически обозначена гробница Наполеона, находящаяся в соборе Дома инвалидов в Париже. По форме дугообразная верхняя ее часть, украшенная завитками, действительно напоминает край раковины, но саркофаг выполнен из темно-**красного** кварцита, его постамент – из темно-**зеленого**. Эта невязка была указана О. Роненом: «Гробница в Доме Инвалидов, однако, из красного порфира, а не черного мрамора» [Ронен 2002: 107]. Ключом к решению указанной проблемы представляется тот факт, что в русском языке эпитеты *темный* и *черный* регулярно применяются как синонимы, поэтому: а) возможна субституция: *темная ночь* ↔ *черная ночь*; б) *темный* хлеб именуется *черным*, etc. В этой перспективе естественны трактовки *темного* (**темно-красного** саркофага, **темно-зеленого** постамента) как *черного*, ср.: а) **Черный саркофаг Наполеона** [...] *самой своей архитектуроникой создает атмосферу торжественности* (М. Крлежа. Поездка в Россию, 1925); б) *Если смотреть вниз [с галереи собора. – В. М.], можно видеть углубление, где находится **мраморный черный** саркофаг с останками Наполеона I* (М. Петрова-Водкина. Мой великий русский муж..., 1957); в) *В середине бассейна **черный мраморный** гроб с останками императора* (Б. Солоневич. Заговор красного Бонапарта, 1958).

2. С позиций контекстуального [I] (см. пункт 2.1б) и конситуативного анализа [II] (см. пункты 2.1а и 2.2) рассмотрим следующий спорный фрагмент в строфе 3:

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими **косыми** подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.

2.1. По мысли И. М. Семенко, здесь имеют место «бытовая символика» скошенного каблука и «негативная характеристика зловещего (косого, косо падающего) света» [Семенко 1997: 96]. Но: а) на плоской «подошве» луча (видимо, от прожектора, так как действие происходит **ночью**) каблука нет и по определению быть не может; б) характеристика *зловещий* по отношению к «косо падающему свету» имеет скорее адгерентный и субъективный, чем ингерентный и объективный характер, т. е. вызвана влиянием предтекста.

2.2. Если сравнить световое пятно от луча с подошвой, а луч, развертывая эту же семантическую метафору, – с ногой, то «подошва» по отношению к «ноге» составит прямой угол только при перпендикулярном их соотношении, во всех же остальных случаях «подошва» будет расположена по отношению к лучу под косым углом, т. е. *косо*.

2.3. С точки зрения (2.2) трудно принять интерпретацию Ю.И. Левина, согласно которой «[...] “косыми подошвами Луч стоит на сетчатке моей” – говорит о грубости воздействия, его непосредственно физиологическом характере (*косыми* при этом – “**обмолвка**”, вместо *босыми*)» [Левин 1979: 200]. М.Л. Гаспаров уточняет: «*Косыми подошвами* (...) – звуковая метафора вместо “босыми” [...]» [Гаспаров 1996: 73]. Думается, здесь нет ни звуковой метафоры (т. е. замены по близкозвучию *босыми* → *косыми*), ни «обмолвки».

Значимость О. Мандельштама в современной русской культуре и интерес к его (как известно, нередко требующим дополнительных разъяснений) текстам таковы,

что каждый вновь открывшийся факт, каждый удачный комментарий, пусть даже одной строки, обретает безусловную ценность. Надеемся, что наша краткая заметка найдет свое место в этом ряду.

Литература

1. Видгоф Л. «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама и «Полковник Шабер» Бальзака. Опыт сопоставления // Знамя. – 2023. – № 8. – С. 184–203.
2. Гаспаров М.Л. «Стихи о неизвестном солдате»: апокалипсис и / или агитка? // Гаспаров М. Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. – М.: РГГУ, 1996. – С. 6–77.
3. Левин Ю.И. Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов, II («Стихи о неизвестном солдате») // Slavica Hierosolymitana. – Vol. 4. – 1979. – P. 185–213.
4. Москвин В.П. Стихотворение О. Мандельштама «За то, что я руки твои не сумел удержать...»: комментарии к темным местам // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – Т. 81. – 2022. – № 2. – С. 27–47.
5. Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. – СПб.: Гиперион, 2002. – 240 с.
6. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту. – 2-е изд., доп. – М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.
7. Стратановский С. «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама: некоторые соображения // Звезда. – 2024. – № 8. – С. 234–245.
8. Сурат И.З. К истории «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама // «Страх и Муза»: Ахматова, Мандельштам и их время: материалы международной конференции. Москва – Санкт-Петербург, 17–21 января 2022 г. / Ред.-сост. П.М. Нерлер, Д.В. Зуев. – М.: trofimov.design, 2023. – С. 91–116.
9. Утюг: от древности до наших дней // Лавка старины. 2022. – URL: <https://dzen.ru/a/YzGZnCEIcD68Te6O> (дата обращения: 18. 03.2026).
10. Шульц С. Хронотоп «Стихов о неизвестном солдате» О.Э. Мандельштама // Slavica. – Vol. 53. – 2024. – P. 98–106.

“POEM ABOUT AN UNKNOWN SOLDIER” BY OSIP MANDELSHTAM: THE FIGURATIVE COMPONENT AS AN OBJECT OF INTERPRETATION

V.P. Moskvina

Russia, Volgograd, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Abstract. The purpose of the article is to explain one of the most difficult to understand works by O. Mandelstam. The sources of obscurity in his texts are: 1) the use of semantic transfers, devoid of contextual support; 2) reliance on a consituation that is not known to all addressees; 3) intertextual connections, etc. To achieve the set purpose, a methodology for analyzing dark places has been developed; on this basis, a number of explanations have been compiled.

Keywords: O. Mandelstam, semantic transfers, poetry text.

УДК 82

Морщинский В.С.

КАТЕГОРИЯ «НЕНАЗЫВАЕМОЕ» КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Ф. ЛАВКРАФТА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

morshchinskiy@bsuedu.ru

Творческое наследие Г.Ф. Лавкрафта занимает важное место в истории мировой литературы, знаменуя переход от классической готической литературы к современному хоррору. Центральным явлением в эстетической панораме творчества

американского классика становится категория «неназываемое» – объекты или явления, которые не поддаются прямой вербализации или визуализации в рамках человеческого опыта. В связи с этим образная система в произведениях Г.Ф. Лавкрафта решает уникальную задачу – изображать страх не как нечто конкретное, а возведение страшного в ранг экзистенциального ужаса, страха перед самим человеческим бытием.

Особый интерес для нас представляют несколько трудов Лавкрафта (рассмотренных в данной статье), но данное исследование может быть продолжено расширением предметной базы и введением новых характеристик, касающихся функционирования категории «неназываемое» в его художественных работах.

В нашем исследовании мы рассмотрели следующие произведения: «Изгой», впервые опубликованный в 1926 году в журнале «Weird Tales»; «Зов Ктулху», опубликованный в том же журнале в 1928; «Хребты безумия» были отклонены журналом «Weird Tales», но позже в 1936 году были изданы в «Astounding Stories». Данные произведения часто относят к специфическому для творчества Г.Ф. Лавкрафта и его продолжателей поджанру, который принято называть «космический ужас» (“cosmic horror”).

Для нужд нашего исследования мы выделяем несколько положений, касающихся особенностей функционирования категории «неназываемое» в творчестве Г.Ф. Лавкрафта:

1) Мотив безумия – практически всегда центральный в изучаемом творчестве. Категория «неназываемое» в данном контексте выступает своеобразным психологическим барьером. Персонажи не в силах объять или осознать ужас, что предстал перед ними. Недосказанность и расплывчатость – способ спасения разума.

2) Категория «неназываемое» ярко выражается посредством образов древних богов и существ – основных антагонистов в литературной вселенной Лавкрафта. Эти создания настолько чужды всему человеческому, что для них просто не существует номинаций. Это ярко выражает идею о ничтожности человека в масштабах Космоса.

3) Категория «неназываемое» выражается посредством пространственных образов. Зброшенные замки, вырождающиеся города и древние циклопические руины полны неестественных форм и очертаний, которым невозможно подобрать аналогии в реальной архитектуре. Даже природные формы меняют свои естественные свойства.

Данные положения в контексте категории «неназываемое» позволят нам рассмотреть и классифицировать художественные образы, функционирующие в выбранной прозе Г.Ф. Лавкрафта.

В литературоведении существуют разные точки зрения на понимание сущности художественного образа. Так, Ю.Б. Боров определяет художественный образ «как всеобщую категорию художественного творчества, средство и форму освоения жизни искусством» [Боров 2003: 462]. Е.Б. Борисова пишет, что «образ – это, прежде всего, категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [Борисова 2009: 26]. Интерес представляет мнение В.П. Мещерякова, согласно которому «образ передает реальность и в то же время создает новый вымышленный мир, который воспринимается человеком как существующий на самом деле» [Мещеряков 2003: 18.]. Мы видим, что в классическом понимании художественный образ всегда приобщён к действительности, к понятному и закономерному способу её описания, однако, для Лавкрафта это вовсе не способ отражения реальности, а, напротив, точка столкновения реального с чуждым, где автор намеренно не даёт никаких инструкций по «расшифровке» необычайного.

Это можно рассмотреть уже на уровне языка. Автор превращает имена своих вымышленных существ и богов в мощный инструмент суггестии. Имена собственные

«Йог-Сотот», «Шуб-Ниггурат», «Ктулху», «Шоггот» сами по себе являются образами «неназываемого». Они сконструированы из сочетаний звуков, абсолютно нетипичных для человеческой артикуляции. Позже мы рассмотрим текстовые описания визуального облика этих существ, но даже на уровне их номинации они маркируются семиотически чуждо. Н.Ф. Алефиренко пишет о том, что «языковое сознание ищет соответствующий данному конструкту языковой образ», но, по нашему мнению, читатель не находит его даже с поддержкой визуального описания этих существ [Алефиренко 2024: 42].

В тексте рассказа «Зов Ктулху» мы можем увидеть описание монстра, в котором *«чудовище не поддавалось описанию. Ни в одном языке нет слов, способных передать его несовместимость с реальным миром, силами природы и гармонией Космоса <...> После тысячелетнего заточения в склепе великий Ктулху вновь был свободен и жаждал власти на земле»* [Лавкрафт 2005: 178]. Однако, ранее в тексте мы видим более развёрнутое описание колдовской статуэтки, которая должна повторять внешность древнего бога: *«Высота статуэтки составляла примерно семь-восемь дюймов, и сделана она была поистине совершенно. В чудовище смутно улавливались **человеческие черты**, но его голова походила на **осьминожку**, лицо покрывали **щупальца**, тело было как резиновое, на передних и задних конечностях красовались длинные **когти**, а за спиной развевались узкие **крылья**. Оно словно излучало злобу...»* [Лавкрафт 2005: 159]. В этом отрывке автор прибегает к биологической гибридизации образа. Г.Ф. Лавкрафт соединяет воедино характеристики, которые в сознании исключают друг друга (антропоморфное и моллюскообразное в данном контексте). Здесь «неназываемое» — это намеренная игра с логикой. Автор называет детали, но читатель не может их сложить в единое существо.

Стоит отметить, что при описании существ Лавкрафт часто прибегает к аллюзиям на античную литературу. Это должно подчеркнуть невероятную древность этих ужасающих созданий. Ктулху в рассказе сравнивается с персонажем эпической поэмы «Одиссея» циклопом Полифемом. Упустив несчастных моряков с яхты «Алерт», *«Великий Ктулху взгромоздился на каменный монолит, разинул пасть, плюнул вслед яхте и разразился громкими проклятиями, совсем как **Полифем**, упустивший корабль Одиссея»* [Лавкрафт 2005: 179].

Аллюзии на античность вполне объяснимы, учитывая личный интерес писателя к этой культуре. В бумагах автора можно найти признание о том, что «всегда жадный до легенд, я случайно наткнулся на «Книгу чудес» и «Тэнглвудские сказки» Готорна и пришел в восторг от греческих мифов, даже в онемеченной форме. Затем мое внимание привлекла маленькая книжечка из личной библиотеки моей старшей тети - история об Одиссее, изданная в «Получасовых сериях Гарпера». Она держала меня в напряжении с первой же главы, и к тому времени, когда я дочитал до конца, я уже навеки был греко-римлянином <...> В возрасте примерно семи или восьми лет я был истинным язычником, столь опьяненным красотой Греции, что приобрел почти искреннюю веру в старых богов и природных духов» [Lovecraft 2021: 20].

В повести «Хребты безумия» герои становятся свидетелями появления Шоггота: *«В этот же момент в туннеле поднимается гул и появляется отвратительный по запаху бледный туман, после чего раздаётся трубный свист «Текели-ли», и учёные бегут по направлению к выходу от неведанного ими зла. Сперва звуки наводят их на мысль, что один из Старцев всё-таки выжил, но обернувшись, они в ужасе видят гонящуюся за ними **чёрную протоплазму с кучей зелёных временных глаз*** [Лавкрафт 2018]. Читателю даётся лишь несколько разнородных жутких деталей, что полностью соотносится с творческой установкой автора — изобразить реальность, которую невозможно адекватно представить ограниченным человеческим инструментарием интеллекта и органов

чувств. С.И. Петрова пишет о кризисе репрезентации: «суть этого кризиса заключается в фундаментальном сомнении относительно возможности адекватного представления реальности через традиционные знаки и символы» [Петрова 2025: 80].

В приведённых ранее примерах на первый план выступает образная недостаточность и лакунарность. У термина «лакуна» существует несколько возможных определений, но для данной работы мы использовали определение А.В. Папикяна. Согласно ему, «лакуна – проявление несоизмеримости культур и языков, то есть обнаруживаемые в процессе коммуникации несовпадения тех или иных реалий. Различия не существуют сами по себе, только контакт с другими, сравнение своего с чужим придаёт тем или иным признакам статус дифференциального признака» [Папикян 2008: 479]. В данном случае можно говорить не о несоизмеримости культур или языков, а о полном разрыве между антропоцентрическим представлением о мире и жестокой правдой, согласно которой человечество просто не может постичь весь ужас устройства Вселенной.

Пространство в художественных произведениях Лавкрафта принципиально антиантропоцентрично. В случае, если действие происходит на условно цивилизованной территории города, замка или местности, окружающей его, автор наполняет эти локации чувством страха, таинственности и недосказанности. В «Изгое» герой оказывается пленником зловещего замка, будто прямиком из готического романа: *«Самое раннее мое воспоминание - этот замок, **бесконечно древний и бесконечно ужасный**, его бесчисленные **мрачные** галереи, высокие потолки, затянутые мраком и паутиной, камни полуразрушенных коридоров, покрытые **мерзкой** сыростью, и этот **проклятый** запах – будто дотлевает **погребальный костер** ушедших поколений»* [Лавкрафт 1992].

Природные ландшафты претерпевают изменения, подстраиваясь под художественные установки автора: *«В конце проезжей дороги они вышли и дальше пробирались пешком по **мрачной, тёмной** даже в солнечный день кипарисовой роще...Наконец они миновали **зловещий** лес и направились к **жалким** лачугам...»* [Лавкрафт 2005: 161]

Вершиной изобразительности является описание внеземной структуры логова Ктулху – древнего города Р'льех с его внеземной архитектурой: *«Он не знал, что такое **футуризм**, но, говоря о городе, очень близко подошёл к его определению. Йохансен передал общее впечатление от огромных углов и каменных поверхностей с **кощунственно-наглыми** статуями и иероглифами»* [Лавкрафт 2005: 176].

Всюду в ранее приведённых описаниях бросается в глаза их ограниченность, что, однако, не противоречит их большой эмоциональной насыщенности. Читатель не узнаёт описательных подробностей, но распознаёт эмоциональный заряд каждого подобного пространственного образа. Н.А. Урсова пишет, что «во время чтения когнитивная система человека распознаёт вызываемую текстом эмоцию и соотносит её с имеющимися прототипичными эмоциями. Оpoznанная эмоция (например, гнев, радость, страх) создаёт определённую эмоциональную ситуацию, которая знакома читателю и позволяет ему сформировать дальнейшие ожидания от текста» [Урсова 2021: 67]. Грубо говоря, сам читатель дополняет эти описания своими собственными ожиданиями, что и делает текст крайне насыщенным с позиции эмоциональности.

Опираясь на приведённые ранее примеры, мы можем предложить типологию художественных образов, посредством которых реализуется категория «неназываемого» в изученных произведениях. Стоит отметить, что данную типологию можно расширять, добавляя предметную базу для последующих исследований:

1. Комбинаторные образы – представлены смешением несовместимого (см. одновременный антропоморфизм и моллюскообразность Ктулху)

2. Аморфные образы – представлены отсутствием устойчивой или понятной формы (см. описание Шоггота)

3. Парадоксальные образы – представлены в основном пространствами с искореженной или внеземной природой (см. описание Р'льеха и зловещих природных ландшафтов)

Интерес для дальнейших исследований также может представлять лексический и фонетический уровни изученных текстов. Мощным инструментом суггестии являются многочисленные имена богов, чудовищ, а также тексты заклинаний и воззваний к ним.

Таким образом, категория «неназываемое» в художественных произведениях Г.Ф. Лавкрафта – это фундаментальный авторский инструмент, а не признак языковой бедности и пустоты. Художественный образ перестаёт быть средством описания (или расшифровки) действительности, а превращается в средство её дальнейшего зашифровывания и даже уничтожения. Языковая деструкция здесь – это процесс сознательного авторского разрушения картины объективной действительности и выстраивание её заново на новых правилах. «Неназываемое» выполняет роль своеобразного маркера, с помощью которого автор сталкивает своих героев с масштабными и безучастными космическими силами. В конечном итоге, именно в лакунарности и заключается основа творческого метода Г.Ф. Лавкрафта, именно посредством подобной реализации художественных образов автор добивается в своих произведениях максимальной эмоциональной достоверности ужаса, ведь самое страшное – не то, что можно увидеть, а то, что даже невозможно представить.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник челябинского государственного университета. – 2024. – №8 (490). – С.39–48.

2. Боров Ю. Эстетика. Теория литературы // Энциклопедический словарь терминов. – М.: Астрель, 2003. – С. 462.

3. Борисова Е.Б. О содержании понятия «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35. – С. 20–26.

4. Лавкрафт Г. Зов Ктулху: [сб.: пер. с англ.]. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 730 с.

5. Лавкрафт Г. Изгой (пер. с англ. Яна Шапиро), Альманах фантастики «Z.E.T.», Днепропетровск – Севастополь, 1992. – URL: <http://lib.ru/INOFAANT/LAWKRAFT/outcast.txt> (дата обращения: 15.03.2026).

6. Лавкрафт Г. Хребты безумия (пер. с англ. Л. Биндемана). – М.: Эксмо, 2018.

7. Мещеряков В.П. Основы литературоведения. – М.: Дрофа, 2003. – С. 18.

8. Папикян А.В. Социокультурные лакуны: типология, причины появления и способы заполнения при изучении иностранных языков // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – Вып. 37 (80). – С. 477–483.

9. Петрова С.И. О кризисе репрезентации в культуре // Наука. Искусство. Культура. – 2025. – №2(46) – С. 80–87.

10. Урсова Н.А. Художественный образ как когнитивный феномен // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. – 2021. – №1. – С. 61–72.

11. Lovecraft H.P. A Confession of Unfaith. Selected Essays / Vol. I of «The Lovecraft Collectors Library», ed. by George Wetzell. – 2021. – P. 20.

THE CATEGORY OF THE «UNNAMABLE» AS A STRUCTURE-FORMING ELEMENT OF THE IMAGERY SYSTEM IN THE WORKS OF H.P. LOVECRAFT

V.S. Morshchinsky

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article is devoted to the category of the "unnamable", considered as a structure-forming element of the imagery system in the works of H.P. Lovecraft related to the cycle "The Myths of Cthulhu". The author of the study examines the functioning of artistic images built through understatement, lacunarity and emotivity, which is integrated into the mainstream of the individual author's style of the writer and becomes one of the main tools for the implementation of the horror component. A typology of artistic images is proposed, through which the category "unnamable" is expressed and further research paths related to the expansion of the subject base of the study are outlined.

Keywords: H.P. Lovecraft, category "unnamable", imagery, suggestiveness, lacunarity, emotivity.

УДК 82

Невзорова Н.П.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ У.С.МОЭМА «ТРЕПЕТ ЛИСТА: МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ ОСТРОВОВ ЮЖНОГО МОРЯ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

nevzorova@bsuedu.ru

Изучение речемыслительных образов в художественном тексте – это исследование художественных возможностей изобразить, как мыслит автор текста и как он заставляет следовать за своей мыслью читателя, как при помощи языковых особенностей, например, авторской речи, несобственно-прямой речи, диалогов, эпитетов, метафор и пр., он передает внутренний мир и образ мышления персонажей.

Для анализа специфики и функциональности речемыслительных образов в сборнике У.С. Моэма «Трепет листа: Маленькие истории островов Южного моря» мы рассматриваем данный сборник как цикл рассказов, объединенных общей идеей, выраженной в эпиграфе (см. ниже); художественным пространством – экзотическими для европейцев островами в Тихом океане; всей стилистикой повествовательной манеры автора. Это дает возможность проанализировать использование специфических авторских стилистических приемов при создании образов и сюжетно-композиционных особенностей, в основе которых лежит конфликт Востока и Запада, городской европейской цивилизации и дикой тропической природы, жизни индустриального города и примитивного быта аборигенов, Природы и Человека, мужчины и женщины, здравого смысла, рациональности и глубинных необузданных бессознательных страстей.

Сборник был написан на основе результатов путешествия автора в 1916–1917 гг. на острова Полинезии и опубликован в 1921 году. Как известно, автор несколько раз менял состав и последовательность рассказов в книге, но в конце концов вернулся к первоначальному варианту, состоящему из 8 текстов в следующей последовательности: «Тихий океан», «Макинтош», «Падение Эдварда Барнарда», «Рыжий», «Заводь», «Гонолулу», «Дождь», «Envoi» [Пивоварова 2009].

Книге предпослан эпиграф: «Величайшее счастье и глубочайшее горе разделены легким трепетом листа; не в том ли вся наша жизнь?» [Моэм 2002: 3] (В оцифрованных интернет-ресурсах мы не нашли ни одного источника с эпиграфом,

поэтому приводим ссылку единственный раз здесь по бумажному изданию – НПН). На наш взгляд, основная идея и самого эпиграфа, и всего сборника – амбивалентность, парадоксальность и скоротечность жизни, непредсказуемость, иррациональность и сложность человеческой природы, противоречивость представлений о Добре и Зле, о счастье и горе. Герои рассказов, сталкиваясь с ситуацией экзистенциального выбора, чаще всего оказываются слабыми и беспомощными, они трепещут от страха и ужаса в бурном водовороте природных или социальных стихий, оказываются не способными к адекватному пониманию самих себя, теряют контроль над собой и обстоятельствами. Почти во всех рассказах случайный неожиданный поворот событий, как дуновение ветра, как трепет листа, меняет человеческую жизнь в самом неожиданном направлении.

Это свидетельствует о том, что книга представляет собой цикл историй, объединенных вышеназванными параметрами, – и тем не менее рассказы не объединены ни общим сюжетом, ни основными персонажами.

Цикл построен по рамочному принципу. Он начинается с лирической бессюжетной миниатюры «Тихий океан», самого маленького текста в сборнике (перевод Ю. Жуковой) и заканчивается не менее миниатюрным «Заключением» (в переводе М. Тужилина) об отплытии корабля с острова и метафорическом разрыве всех связей с прошлым (в рассказе физически рвутся бумажные ленты гирлянд-украшений между кораблем и провожающими).

Речемыслительный образ Тихого океана в первом рассказе дан в восприятии лирического героя, рассказчика, человека явно европейской культуры – причем в обращении к гипотетическому читателю. «Попутный ветер вливается вам в кровь, волнуя нетерпеливым желанием неведомого» [Моэм] (Курсив наш – НПН. Далее все цитаты из сборника приводятся по оцифрованному тексту: Моэм У.С. Трепет листа – см. Литература). Как и многие другие образы книги, образ мощной водной массы дан в нескольких состояниях, в противопоставлении (спокойный – бурный), а также в сопоставлении (человек – природа, вода – суша) с обилием метафорических эпитетов («свинцовая зыбь», «бешеные волны», «слепящее зеркало», «невообразимое безмолвие») и сравнений («Тихий океан изменчив и коварен, как душа человека»). Создается образ стихии, полностью равнодушной к человеку, пугающей даже в спокойном своем состоянии («постепенно пустота наполняет вас смутным предчувствием недоброго»). Причем, стихия океана сопоставляется с непредсказуемостью человеческой души. Эта зарисовка – не столько пейзажная картинка, сколько образ восприятия, задающий определенную атмосферу тревоги и неопределенности, непредсказуемости, опасности. Это эмоциональный и философский камертон всего цикла рассказов, метафора тех непознаваемых глубинных, иррациональных природных стихий бессознательной сферы психики человека, которые высвобождаются из цивилизованной оболочки персонажей на экзотических островах в экстремальных обстоятельствах, порождая вспышки разрушительной страсти, ненависти, ревности, одиночества.

Остальные рассказы, кроме двух рамочных, рисуют пограничные ситуации в жизни обычных, совсем негероических обывателей. Совершенно верно отмечает в Предисловии к автобиографическому эссе Моэма «Подводя итоги» исследователь Г.Э. Ионкис: «Моэм пишет в основном о людях обыкновенных, но происходят с ними вещи необыкновенные. Он широко использует элемент неожиданного, что помогает выявить шаткость, относительность социально-политических ценностей, психологических установок [Моэм. Цит. по: Ионкис]. Большинство рассказов заканчиваются необычным, часто парадоксальным, непредсказуемым финалом или резкой сменой обстоятельств – что сближает рассказы Моэма с новеллами. Речемыслительные образы этих рассказов и выявляют условность, относительность общепринятых общественных норм, внешних приличий или психологических алгоритмов, которые рушатся под воздействием случайного импульса, роковой

встречи, по воле случайных обстоятельств. Герои-европейцы до поры до времени живут в рамках строгих сложившихся веками правил, пока необычные происшествия не выбивают их из колеи налаженной жизни. И именно такие неожиданные повороты судьбы раскрывают истинную суть личности, приводят к переоценке всех привычных ценностей и норм. Так, например, фанатичный миссионер Дэвидсон, клеймящий проститутку, в известном рассказе «Дождь» по воле случая под влиянием импульса поддается соблазну и остается у нее на ночь, а потом загадочно погибает на следующий день, вполне возможно, совершив самоубийство.

В одном из первых рассказов цикла, «Макинтош», основной конфликт построен на двух разных типах личности, ее мышления и мироощущения – это конфликт между воспитанным, высоко организованным, рефлексивным, но пассивным помощником администратора Макинтошем и его грубым, деспотичным, безграмотным, но «вполне успешным», эффективным в управлении уже более четверти века островом Талуа архипелага Самоа начальником Уокером.

С помощью авторской, а также несобственно-прямой речи Моэм рисует образ островного администратора Уокера, чье мышление в целом прямолинейно, агрессивно, вульгарно и примитивно. Его речь – это прямолинейные приказы, пошлые и грубые шутки, циничные комментарии. Он мыслит категориями агрессии, силы и вульгарной утилитарности. О своем молодом помощнике он отзывается следующим образом: «Он будет молодцом, когда я его хорошенько выдрессирую. Он умный пес и любит своего хозяина». Его хамская самоуверенность и самодовольство – «непробиваемый щит» для любой рефлексии.

Мало того, что его внешность отвратительна, что описывается через несобственно-прямую речь Макинтоша («Он был заметно ниже среднего роста, просто коротышка, и поражал неимоверной толщиной. Крупное мясистое бритое лицо подпирали огромный тройной подбородок, щеки обвисали по сторонам тяжелыми складками; небольшой нос и глаза тонули в сале»). Делается акцент на его ограниченности: «Тупость делала его неуязвимым для тонких насмешек, самодовольство служило непробиваемым щитом. Громкий голос, гулкий смех были оружием, которому Макинтош не мог ничего противопоставить, и он на горьком опыте убедился, что лучше всего ничем не выдавать своего раздражения». Метафорические эпитеты-характеристики помогают читателю представить этот неприятный образ: тупость как «неуязвимость», самодовольство как «непробиваемый щит», а голос и смех – как «оружие». Это не просто описание внешности, а алгоритм мышления, где грубая сила и отсутствие рефлексии являются главными инструментами взаимодействия с людьми и миром в целом.

Для создания образа Макинтоша используются более тонкие штрихи, хотя внешность его в авторской характеристике тоже не вызывает особой симпатии («Макинтош был некрасивый, тощий мужчина, высокий, с впалой грудью, сутулыми плечами и неуклюжими дергаными движениями. Большие глаза на землистом лице с запавшими щеками смотрели угрюмо»). В отличие от Уокера картина мира этого героя представлена через внутреннюю, мыслительную реакцию образованного, интеллигентного и рефлексивного человека, но человека пассивного, слабовольного, не решающегося на какие-то серьезные поступки. Его сознание не в силах противостоять этой грубой силе («не мог ничего противопоставить»). Поэтому вывод («лучше всего ничем не выдавать своего раздражения») – это результат грустного и горького опыта наблюдения и размышлений, стратегия выживания, к которой он приходит через самоанализ. Самое трагическое, что такая стратегия подавления раздражения рождает у этого героя сарказм, ярость, ненависть, которые в рассказе описаны при помощи приема градации («неприязнь», «мстительная злоба», «брезгливая ненависть», «ледяное презрение», «отвращение»). Герой сравнивает его с «напыжившимся индюком», «раздувшейся жабой». «Его ненависть

все росла и росла, пока не превратилась в настоящую манию. Он следил за Уокером с бдительностью безумца». Моэм-психолог прекрасно знает, что подобные отрицательные эмоции закономерно оказывают уродующее воздействие на личность человека. Они приводят Макинтоша к затаенной мысли об убийстве Уокера («Здесь на острове он был пленником, узником недвижимого океана и своей лютой ненависти к этому мерзкому старику. <...> С каким наслаждением он бы его убил»). Именно тогда в герое просыпаются неведомые ему иррациональные разрушительные силы. Примечательно, что Моэм через повествователя точно фиксирует этот момент: «И сердце у него при этом бешено стучало. Внезапно он почувствовал, что находится во власти какой-то посторонней силы. Не он сам, но она теперь управляла его движениями, неведомая и чужая. В горле у него пересохло, он машинально прижал ладонь к груди, словно помогая своему голосу, и почему-то, сам того не желая, отвел глаза от Манумы». При помощи лаконичных емких характеристик, глубоко психологичных и зачастую парадоксальных, Моэм создает не просто портреты, а целостные речемыслительные образы: примитивно-агрессивный и рефлексивно-пассивный, подавленный типы мышления, столкновение которых и составляет основное напряжение рассказа.

Отличительная особенность стиля писателя заключается в том, что он не судит своих героев, он констатирует противоречивость и сложность человеческой натуры. Он заставляет своего героя Макинтоша признавать и положительные черты начальника: «Однако ненависть его не была слепой, наоборот, она отличалась необыкновенной проницательностью, и заслуги Уокера Макинтош оценивал вполне точно». Несмотря на гротескность фигуры начальника, подчиненный отмечает в ней «свое достоинство», «проницательность взгляда», «несокрушимое упорство». «Был честен и справедлив. Хотя он имел много возможностей быстрой наживы, он не только не разбогател с тех пор, как занял свой пост, но даже стал заметно беднее и в старости мог рассчитывать только на казенную пенсию, которую должен был получить, уйдя на покой». Уокер строит дороги на острове, чтобы облегчить торговлю местных. Он умеет наслаждаться природой. «Хвастал тем, как удачно выбирал для дороги место – и для дела удобно, и можно любоваться красотами острова, которые были так милы его сердцу. О дорогах он говорил почти как поэт».

Он любит своих подопечных туземцев довольно своеобразно. «Просто он считал туземцев своими детьми. Как ни странно, но этот грубый, вульгарный эгоист горячо любил остров, на котором так долго прожил, и относился к его жителям с суровой нежностью, поистине удивительной». «Он любил их потому, что они были в его власти – так эгоист любит свою собаку». «Но к своей власти Уокер относился очень ревниво: сам пас их жезлом железным и не терпел возражений, однако другим белым на острове не давал их в обиду».

В рассказе психологически убедительно показано развитие и изменение речемыслительных образов как Макинтоша, так и Уокера. Будучи смертельно раненным и осознавая близящуюся кончину, Уокер ведет себя достойно и даже благородно. Используя форму диалога, автор дает своему грубому и вульгарному герою возможность не только признаться в симпатии к Макинтошу, но и в своей заботе о нем как о своем преемнике. Уокер вполне по-христиански великодушно прощает виновников своей смерти и просит Макинтоша позаботиться о том, чтобы никого не наказали за его смерть, признав ее как несчастный случай.

Сложная и непредсказуемая гамма чувств разворачивается на протяжении рассказа и в душе помощника. От жгучей ненависти и ледяного презрения он переходит к эмоциональному потрясению, к состраданию умирающему начальнику. При помощи несобственно-прямой речи Моэм раскрывает изменение отношения Макинтоша к умирающему Уокеру: «Этот толстый, оплывший старик на огромной кровати выглядел необыкновенно жалким. Он был так слаб, так беззащитен, что прямо сердце сжималось». «У Макинтоша вырвалось что-то вроде рыдания». И,

вероятно, кроме сочувствия, у него появляется гнетущее осознание своей ответственности за его гибель, когда он спровоцировал сына вождя на похищение своего револьвера. «Неожиданно для себя Макинтош ощутил, как судорога ужаса передернула его с ног до головы». «Голова у него разламывалась от боли. В мозгу словно бились какие-то злобные существа и старались вырваться наружу». «Макинтош охнул. Сердце у него невыносимо сжалось». «Макинтош высвободил руку из пальцев мертвеца и пошатываясь вышел, как человек, одурманенный сном». Вероятно, это и есть то самое «трепетание», которое по мысли автора заставляет человека поступать непредсказуемо. В результате чего Макинтош пускает себе пулю в висок. Через авторскую речь Мозм констатирует, что человеческая личность сложнее и парадоксальнее, чем любые моральные и социальные, даже примитивные, местные, нормы и обычаи.

Остроте «конфликта цивилизаций» способствует и не менее трагическое описание болезненно-конфликтных отношений белых с туземцами.

В восприятии белых туземцы – примитивные дикари. Отношения белых к ним – высокомерно-презрительные с примесью расизма, но и снисходительно-заботливые с акцентом в грубость, самодурство, жестокость и деспотизм. Даже интеллигентный и разумный Макинтош не избегает этого противоречия в мышлении: «Джарвис был метис, но все-таки наполовину белый, так что с ним худо-бедно, но можно было разговаривать». «Для торговца-полукровки существует не Уокер, а мистер Уокер».

Белые – хозяева и боги в глазах туземцев. Сами же они покорны и почтительны, иногда лицемерно, часто хитры и коварны, мстительны, что реализуется через ответную жестокость, как ни странно, раскрывающую зачатки появления самосознания, понимание эксплуатации. При этом в рассказе автор практически не дает слова этой стороне конфликта, что лишний раз демонстрирует авторскую позицию белого европейца-колонизатора, характерную для английского общества начала XX века. Тем не менее стоит отметить, что на фоне болезненной ущербности внешности обеих основных фигур писателем явно выделяется образ молодого сына вождя – красавца Манума, который будучи публично униженным как раз и наносит смертельную рану самоуверенному в своей безнаказанности администратору. «Это был высокий меднокожий красавец, с рыжей, выветленной известью шевелюрой, шею его обвивала гирлянда из красных ягод, а за ухом, точно язык пламени у смуглой щеки, алел цветок. Манума был обнажен до пояса, но лава-лава заменил на парусиновые брюки в знак того, что жил в Апии и уже больше не дикарь».

Не менее конфликтная пара в рассказе – отношения белого человека и экзотической дикой природы, будь это неумолчное жужжание комаров («их безжалостное, грозное гудение сливалось в одну протяжную, нескончаемую ноту, словно где-то звучал отдаленный орган»), угрожающее биение прибоя («Мысль, что нет никакой возможности оборвать эти звуки, что они так и будут повторяться и повторяться до скончания века, была мучительна и будила в нем сумасшедшее желание вскочить и помериться силой с беспощадной стихией») или просто солнце («И теперь, глядя из окна на лагуну и белую полосу пены на рифе, он содрогнулся от ненависти к этому ослепительному солнечному пейзажу»). Однако, когда ненависть Макинтоша получила свое разрешение, природа тоже смягчается: «Океан синел ярче обычного, ослепительнее блистали небеса, пассат крепчал, и по лагуне бежала рябь, словно ветер гладил аквамариновый бархат против ворса». «На закате лагуна, вся в розовых, лиловых и зеленоватых отблесках, была удивительно красива. Ему было хорошо и спокойно». Описание природы зачастую служит дополнительным штрихом к созданию картины психологического состояния персонажей.

Таким образом, можно сделать вывод, что с позиции автора столкновение таких разных типов сознания не может закончиться компромиссом. Оно ведет к

вспышкам насилия, взаимному уничтожению, показывая фатальную несовместимость "цивилизаторской" грубости и "цивилизованной" рефлексии в условиях экзотической тропической природы, грубых местных нравов, неконтролируемости и самодурства власти, колониального угнетения, национального унижения и изоляции. Вероятно, этим объясняется трагический финал рассказа: Уокер гибнет от рук возмущенных несправедливостью и бесправием туземцев, Макинтош кончает жизнь самоубийством, не в силах вынести ответственности за провокацию и неспособность предотвратить убийство начальника. Туземцев скорее всего ожидают жестокие репрессии колониальных властей, о которых перед смертью предупреждает Макинтоша Уокер: «Не устраивайте шума. В девяносто пятом во время волнений убили белых, и военные корабли обстреляли деревни. Погибло много ни в чем не повинных людей. В Апии они все дураки. Если поднять шум, наказание понесут не те. Я хочу, чтобы никого не наказывали».

В остальных рассказах цикла можно обнаружить те же конфликты и идеи, что и в рассказе «Макинтош», однако решаются они по-разному.

Так «Падение Эдварда Барнарда» представляет несколько иной поворот «конфликта цивилизаций». Главный конфликт здесь это противопоставление материального успеха, своеобразной материализации "американской мечты" в образах американцев из Чикаго Бэйтмена Хантера и Изабеллы Лонгстаф, обретению душевного покоя, радости и духовной гармонии в виде своеобразной "таитянской мечты" Эдварда Барнарда, который переосмысливает ценности урбанистической цивилизации, отказывается от невесты в США и остается жить на далеком острове Таити в Тихом океане.

Сразу необходимо отметить, что рассказ написан совсем в другой, более легкой тональности, чем «Макинтош». В нем нет трагических тонов. Он насквозь пронизан иронией автора в отношении урбанистической цивилизации и ее ценностей.

Мышление Бэйтмена Хантера раскрывается как прагматический, деловой подход к успешной карьере и материальному процветанию с налетом юношеской мечтательности и некоторого сентиментализма. Авторская речь откровенно иронично характеризует его следующим образом: «Он был подобен филантропу, который из самых бескорыстных побуждений строит образцовые жилища для бедняков и потом обнаруживает, что выгодно поместил свой капитал». Это образ консервативного конформиста, для которого мнение общества и социальные штампы коммерческой элиты Чикаго – норма жизни. «Конечно, вид у него дурацкий: синий костюм, стоячий воротничок, все строго, аккуратно, как подобает джентльмену, и вдруг на голове этот нелепый венок». Речь Бэйтмена представляет собой воспеание идеи технологического прогресса: «Будущее Америки – в развитии ее экономических возможностей, а Чикаго так удобно расположен, и жители его исполнены такой энергией, что, конечно, ему суждено стать подлинной столицей страны». Для него понятие комфорта – это жить в крупном промышленном городе, «видеть толпы на тротуарах, машины, снующие по мостовой, слышать привычный шум». Он не глуп и образован, но «отдыхает душой», слушая о приобретении картины старого мастера за пятьдесят тысяч долларов. <...>. Он снова в цивилизованном мире, в самом средоточии культуры, среди избранных мира сего».

Бэйтмен Хантер порядочен, сдержан, неплохо владеет собой и поджентльменски благороден, готов пожертвовать своим счастьем ради дружбы: «он ликовал, думая о том, как ценою собственного счастья устроит счастье двух самых дорогих ему людей. Он никогда не женится. Он будет крестным отцом их детям, и через много лет, когда Изабеллы и Эдварда уже не будет в живых, он расскажет их дочери, что в давние-давние времена любил ее мать. Бэйтмен рисовал себе эту сцену, и глаза его затуманивались слезами».

Однако, автор добавляет в эту умильную картинку и определенные отрицательные моменты. В душе Хантера, оказывается, есть место и вполне расистским взглядам. В первые минуты пребывания на Таити он сталкивается с молодым человеком и обращает внимание, что "в жилах этого юноши течет немало туземной крови. И невольно Бэйтмен стал смотреть на него несколько свысока». Об этом же свидетельствует и реплика из его разговора с Барнардом: «Вот уж не ожидал увидеть, как ты отмериваешь три с половиной ярда дрянного ситца какому-то грязному негру».

Интересно отметить, что в рассказе сопоставляются и противопоставляются женские образы: холодная, умная и прагматичная Изабелла Лонгстаф, невеста Эдварда, и Ева, дочь Хантера и местной женщины, «богиня полинезийской весны». Этот рассказ – один из немногих в цикле, где взаимоотношения местной девушки и белого европейца показаны как равные и вполне гармоничные. Во многих других рассказах («Заводь», «Гонолулу») автор показывает такие взаимоотношения как мезальянс, приносящий страдания и боль обеим сторонам. Такие отношения представлены как «страсть, которая сколь сладка, столь и губительна. Эта страсть нередко похожа на проклятие или приворот – какое-либо из проявлений магии» [Чивильгина].

Образ Эдварда Барнарда претерпевает в рассказе радикальное изменение. Начало жизни у обоих героев одинаковое, они оба из богатых семейств, вместе учились и влюбились в одну и ту же девушку. Но жизненные обстоятельства (разорение и самоубийство отца) заставляют Эдварда самому дальше строить свою судьбу. То есть вначале он мыслит, как типичный американец. Так он попадает на Таити с вполне прагматичной целью: начать успешную карьеру в торговой фирме в Полинезии и заработать деньги. «Господи, до чего же я был энергичен! У меня руки чесались, когда я смотрел на это сонное царство. Куда ни пойдешь, всюду открывалось широкое поле деятельности для предприимчивого человека. Тут можно было нажить не одно состояние. <...> Куда выгодней делать все на месте, где есть дешевая рабочая сила, и не тратить денег на перевозки, и я уже видел, как на острове возникают огромные фабрики <...> Я уже видел, как через двадцать лет на месте этого полуфранцузского ленивого городишки Папэте вырастет большой американский город с десятиэтажными домами и трамваями, театрами, биржей и мэром». Однако два года жизни вдали от цивилизации и знакомство с еще одним «беглецом из цивилизации», Арнольдом Джексоном изменили не только его образ жизни, но и речь – и мышление.

В разговорах с Хантером, приехавшим на Таити спасать друга, он говорит ему о своих новых ценностях: о красоте заката, о неторопливости и размеренности жизненного уклада местных туземцев, об их добродушии и беззаботной улыбочивости, о праздности как высшей ценности, о чтении: «Я стал думать. Прежде у меня на это никогда не хватало времени. Я стал читать. <...> Здесь я научился читать удовольствия ради. Я научился разговаривать. Известно тебе, что беседа – одно из величайших удовольствий в жизни? Но для этого нужен досуг. Прежде я всегда был слишком занят. И понемногу все, что казалось мне таким важным, значительным, стало казаться довольно-таки мелким и пошлым. Что толку в этой вечной суете, в постоянном напряжении?»

Примечательно, как по-разному воспринимают оба героя свой родной город Чикаго и жизнь в нем. Если Хантер наслаждается многолюдностью, шумом машин, то Барнард вспоминает город с неприязнью: «Вот я вспоминаю Чикаго и вижу мрачный, серый город, сплошной камень – точно тюрьма, – и непрестанную суматоху. А к чему все эти усилия? Так ли надо жить? Для того ли мы родились на свет, чтобы спешить на службу, работать час за часом весь день напролет, потом спешить домой, обедать, ехать в театр?» Собственно говоря, почти весь диалог друзей – это монолог Эдварда о смысле жизни и новом понимании ее ценности вне

цивилизации. Его идеал – «Красота, правда и доброта». «Я и не знал, что у меня есть душа, пока не приехал сюда. Останься я богатым человеком, я потерял бы ее безвозвратно». «Здесь я отучился от глупостей и сантиментов. Я очень хочу счастья и тебе и Изабелле, но и сам вовсе не желаю быть несчастным».

Конечно, можно не соглашаться с некоторыми мыслями героя, сквозь которые видится авторская позиция – особенно в отношении Арнольда Джексона, бывшего мошенника, отсидевшего 7 лет в тюрьме за свои махинации, и приятии людей такими, какими они есть. Но здесь снова видится та же идея писателя, приправленная иронией, что человек многомерен и противоречив. «Богатый банкир, почтенный прихожанин, филантроп, человек, уважаемый всеми не только за происхождение (в его жилах текла кровь лучших семей Чикаго), но и за безупречную честность, он в один прекрасный день был арестован по обвинению в мошенничестве; и обман, вскрывшийся на суде, был не из тех, который можно объяснить внезапным соблазном: он был преднамеренным и длился не один год».

Ирония звучит и в названии рассказа: падение в глазах конформистского общества оборачивается обретением себя. «Я не потерпел поражения. Я преуспел. Ты и не представляешь себе, с какой жадностью я смотрю в будущее, каким богатым и полным смысла оно мне кажется. Когда ты женишься на Изабелле, ты будешь изредка вспоминать обо мне. Я построю себе дом на своем коралловом острове и стану там жить и выращивать пальмы, и очищать кокосы от скорлупы, как их очищали спокон веку, и ухаживать за своим садом, и удить рыбу. У меня будет как раз столько дела, чтобы не скучать, но и не тупеть о работы. У меня будут книги, и Ева, и дети, я надеюсь, и главное – бесконечная изменчивость моря и неба, и свежесть рассвета, и прелесть закатов, и щедрое великолепие ночи. Где еще совсем недавно была пустыня, я насажу сад. Я что-то создам. <...> Скромно, на свой лад, и я проживу не чуждый красоты. Ты думаешь, это такая малость, когда доволен каждым своим днем? Ведь известно, что не будет пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет. А я обрел душу».

Сопоставляя оба образа сознания, автор не навязывает свою точку зрения читателю, у каждого из героев своя правда. Однако, явно ироничный финал рассказа все-таки говорит о приоритете свободы духа для писателя над коммерческим мышлением. «Он едва верил своему счастью. Она протянула ему для поцелуя свои прелестные губки. И, держа ее в объятиях, он видел, как разрастается и приобретает все больший вес Автомобильная компания Хантера, видел миллионы машин, которые она будет выпускать, видел огромную коллекцию картин, которая затмит любую нью-йоркскую коллекцию. И он станет носить роговые очки».

Таким образом можно сделать вывод, что в цикле рассказов У.С. Моэма «Трепет листа» «конфликт культур» представлен разными речемыслительными типами. Образ сознания европейца неоднороден, противоречив. Примечательно, что общественный статус таких героев может быть совершенно различным. Это и простой необразованный матрос (рассказ «Рыжий») – и представитель высшего света американской торговой элиты Хантер (в рассказе «Падение Эдварда Барнарда»). Во многих «колониальных» рассказах Моэма представлено богатство подобных типов [Булашова]. Примечательно, что такие речемыслительные образы в некоторых рассказах представлены в развитии. Здесь и вульгарная грубость Уокера, и пассивная рефлексирующая ненависть Макинтоша, расчетливость и прагматизм Бэйтмена и Изабеллы, маниакальная разрушительная одержимость Лоусона, фанатичность, но и склонность к греху Дэвидсона и т.д. Однако у них есть общая черта – они неспособны понять и принять «чужую», экзотическую культуру, оказываются не в состоянии примириться и совладать с темными сторонами своей собственной души. В сложных ситуациях экзистенциального выбора они сознательно или нет тяготеют к уничтожению, разрушению всего того, что оказывается за пределами их картины мира.

Образы островитян, как туземцев, так и белых, «вжившихся» в местный образ жизни и восприятия мира, почти не имеет голоса в рассказах, он принципиально закрыт для прямой вербализации в тексте. Реализуется он через молчание (Салли в «Рыжем»), поступки (Этель в «Заводи», Манума в «Макинтоше») или магические ритуалы (девушка в «Гонолулу»). Этот образ оказывается более интуитивным, целостным и сильным, чем европейский прагматизм и рационализм. Своим отношением они принимают мир таким, каков он есть, даже если он непонятен и жесток.

Образ повествователя чаще всего представлен как сторонний наблюдатель, не вмешивающийся в события, констатирующий сложность, непредсказуемость и противоречивость человеческой природы, с психологической наблюдательностью рассматривающей окружающий мир и поведение людей, зачастую довольно ироничный, но почти всегда сострадающий жизненным перипетиям и трагедиям персонажей. Речемыслительные образы персонажей раскрывают идею автора о том, что под тонкой оболочкой культуры, пусть даже и культуры экзотической, скрывается тот самый "трепет" – первобытная, иррациональная сила, готовая в любой момент разрушить привычный порядок вещей, заставить человека действовать необычным образом.

Литература

1. Булашова Н.М. «На китайской ширме» У. С. Моэма – галерея национальных характеров. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 1 (869). – С. 134–140.
2. Ионкис Г.Э. Уильям Сомерсет Моэм: грани дарования // Моэм У.С. Подводя итоги. – М., 1991. – С. 19. – URL: <https://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/ionkis-uilyam-somerset-moem.htm> (дата обращения: 17.03.2026)
3. Моэм У.С. Полное собрание рассказов. В 5 т. – Т. 1. – М.: Захаров, 2002. – 416 с.
4. Моэм У.С. Трепет листа. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/457670-uilyam-moem-trepet-lista.html#read> (дата обращения: 17.03.2026)
5. Пивоварова Е.Л. Название как один из жанроформирующих факторов цикла рассказов (С. Моэм. «Трепет листа: маленькие истории островов Южного моря»). – 2009 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nazvanie-kak-odin-iz-zhanroformiruyuschih-faktorov-tsikla-rasskazov-s-moem-trepet-lista-malenkie-istorii-ostrovov-yuzhnogo-morya/viewer> (дата обращения: 17.03.2026).
6. Чивильгина Е.А. Тема любви в экзотических рассказах У.С. Моэма (на материале сборника «Трепет листа») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 17. – №1(5). – 2015. – С 1188–1190. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-lyubvi-v-ekzoticheskikh-rasskazah-u-s-moema-na-materiale-sbornika-trepet-lista/viewer> (дата обращения: 17.03.2026)

THE SPECIFICITY OF SPEECH-THOUGHT IMAGES IN W.S. MAUGHAM'S COLLECTION OF STORIES "THE TREMBLING OF A LEAF: LITTLE STORIES OF THE SOUTH SEA ISLANDS"

N.P. Nevzorova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract This article examines the characteristics of speech and thought patterns in Maugham's short story cycle "The Trembling of a Leaf: Little Stories of the South Sea Islands". The analysis reveals the following recurring patterns: the European mindset; the native mindset and the related image of white immigrants; and the images of the narrator or storyteller. The first pattern is characterized by outward rationality and common sense, but also by an inability to understand and accept the alien way of life and thought of the natives. The author gives the natives virtually no voice in the cycle, and their image is realized primarily through their actions. This way

of thinking proves to be more holistic and harmonious, although in many ways irrational. They accept the world around them as it is, even if it is harsh, cruel, and unpredictable. The narrator can either participate in the events themselves or be an outside observer, but he never passes judgment, nor interfere. His speech, however, is characterized by reflection and analysis. For the most part, he empathizes with his characters and their tragedies, though at times he is ironic. The cycle explores the depths of the human psyche in complex conflicts between different civilizations, set against the backdrop of exotic nature. The stories' speech and thought images reflect the author's own compassionate stance toward humanity in extreme circumstances.

Keywords: images of speech and thought, W.S. Maugham, "The Trembling of a Leaf", image of European thinking, image of a native, image of a narrator, image of wild nature, psychologism, exotic circumstances, conflict of civilizations.

УДК 81'42

Орлова Т.С.

**РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ТИШИНЫ В ПРОЗЕ КАДЗУО
ИСИГУРО: МЕЖДУ СЛОВОМ, ПАУЗОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ ДЕТАЛЬЮ**

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица

ots_prof3@mail.ru

Проза Кадзуо Исигуро широко известна своей сдержанностью и недосказанностью. В его романах тишина нередко «говорит» не менее выразительно, чем сами слова, а то, что остается невысказанным, часто обладает большим значением, чем произнесенное напрямую. Такая художественная стратегия формирует особый речемыслительный образ тишины – образ, рождающийся на стыке речи и мысли, между сказанным словом и паузой молчания. Изучение способов репрезентации тишины у Исигуро позволяет понять, как писатель превращает отсутствие явного действия или диалога в осмысленную художественную деталь.

В творчестве Исигуро тишина выступает не просто тематическим мотивом, но и важнейшим повествовательным приемом. Писатель сознательно акцентирует внимание не на том, что происходит, а на том, чего не происходит. Действие у него часто передается через свое отсутствие: паузы, заминки, умолчания создают напряжение и несут смысловую нагрузку. Эта поэтика не-действия сближает прозу Исигуро с кинематографическим языком, где пустой кадр или затемнение могут содержать больше смысла, чем оживленная сцена. Тишина, таким образом, становится для автора формой коммуникации: способом выразить внутренние переживания персонажей и подтексты сюжета, не прибегая к прямому высказыванию. Подобные речемыслительные образы тишины формируются на пересечении нескольких элементов – слова, паузы и визуальной детали, – которые в совокупности создают особый эффект недосказанности и вовлекают читателя в процесс осмысления скрытого смысла.

Далее рассмотрим, как именно в прозе К. Исигуро тишина проявляется в двух основных аспектах: во-первых, в структуре речи и диалога (через паузы, умолчания, недоговоренности), а во-вторых, через визуально-пространственные детали, образующие своего рода «статичные кадры» молчания. Анализ опирается на произведения писателя разных лет – от раннего рассказа «Семейный ужин» до романов «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце», – а также на исследования, посвященные поэтике его творчества. Такой подход позволит выявить, как «между словом, паузой и визуальной деталью» рождается сложный художественный образ тишины, выполняющий важные смысловые и эмоциональные функции в текстах Исигуро.

Одной из характерных черт прозы Исигуро является пауза – остановка речи, замолкание персонажа или повествователя, – которая нередко значимее, чем само высказывание. Через паузы и умолчания автор передает напряжение, внутренний конфликт и эмоциональную дистанцию между героями. Так, в рассказе «Семейный ужин» (1982) кульминационная сцена построена почти без слов: отец и сын сидят за столом после трагической гибели матери, и между ними царит гнетущая тишина. Исигуро намеренно наполняет рассказ повторяющимися указаниями на отсутствие речи – герои молчат, вместо того чтобы обсудить болезненную тему. Повествователь прямо фиксирует эту паузу: «Длилось молчание»; «Отец молчал, и я молчал вместе с ним» [Исигуро 2004: 119–120]. Эта навязчивая тишина выполняет сразу несколько функций. Во-первых, она метафорически отражает невозможность говорить о трагедии – герои не в силах выразить словами горе утраты, и потому молчание замещает собой потенциальный диалог. Во-вторых, пауза становится структурным приемом, создающим драматический эффект: вместо откровенного разговора читатель наблюдает за напряженной сценой молчаливого взаимодействия, что лишь усиливает эмоциональное воздействие. В-третьих, через молчание конструируется образ семейных отношений в тексте: семья представлена как «пространство отсутствия», где близость утрачена и общение сведено к молчаливому сосуществованию. Повторяющееся указание на то, что персонажи молчат, создает особую ритмику повествования и подчеркивает его незавершенность – недосказанность становится частью смысла рассказа.

Аналогичные приемы недоговоренности прослеживаются и в знаменитом романе «Остаток дня» (1989). Дворецкий Стивенс, от лица которого ведется повествование, всю жизнь придерживается строгой сдержанности и профессиональной отстраненности. Его внутренняя речь полна скрытых эмоций, но в диалогах с другими персонажами – особенно с мисс Кентон – он сохраняет внешнее молчаливое достоинство. Кульминационная встреча Стивенса с мисс Кентон наполнена паузами и недосказанностью: важнейшие чувства остаются невысказанными вслух. Читатель лишь по намёкам догадывается о глубине его сожаления и одиночества. Умолчание становится ключом к пониманию трагизма героя: истинный смысл кроется между строк, в подтексте его скупых реплик и продолжительных пауз. Литературоведы отмечают, что в мире Исигуро «подлинная драма разворачивается не в словах, а в паузах между ними». Стивенс словно не может «озвучить» свою боль, поэтому тишина выполняет коммуникативную функцию, говоря за него.

Еще более явно тема молчания проявляется в романе «Не отпускай меня» (2005). Здесь центральный конфликт – судьба клонов, выросших без родителей, – во многом держится на недомолвках и постепенном раскрытии правды. Персонажи долго не обсуждают напрямую свое предназначение доноров органов; эта коллективная тишина вокруг страшной истины создает особое напряжение. Отсутствие родительской любви, знаний о внешнем мире, контроля над своей судьбой становится определяющим ощущением в жизни героев. «Мы никогда не знали родителей», – признается повествовательница Кэти про себя, констатируя фундаментальный дефицит, который запускает все развитие сюжета [Исигуро 2007]. Показательно, что важнее оказываются не сами поступки персонажей, а то, что им недоступно, чего они лишены [Морженкова 2008]. Постепенное раскрытие этой недосказанной правды организует особую читательскую интригу. Как отмечают исследователи, композиция романа выстроена так, что читатель вынужден пройти тот же путь познания, что и герои, постепенно догадываясь о истинной природе их жизни. Читатель, как и персонажи, долго остается «в темноте», разделяя их чувство неопределенности и отчуждения.

Особую роль в поэтике тишины у Исигуро играют визуальные детали. Писатель зачастую описывает сцену так, словно выстраивает кинематографический

кадр, в котором неподвижные объекты, свет и тень говорят за персонажей. В отсутствие слов именно зрительные образы передают настроение сцены и внутренние состояния героев. Вернемся к рассказу «Семейный ужин»: помимо пауз в диалоге, Исигуро использует контраст света и тьмы, чтобы подчеркнуть безмолвное напряжение между отцом и сыном. Повествователь подробно фиксирует обстановку в комнате во время их молчаливой трапезы. Он описывает, как отец ставит на стол кастрюлю с ужином: «Отец подался вперед и снял крышку. Облачко пара вырвалось из-под нее и, клубясь, поднялось к фонарю... Пол-лица у него было в тени» [Исигуро 2004: 121]. Эта деталь – лицо, наполовину скрытое тенью – визуально подчёркивает отчужденность и скрытые эмоции героя. Ярко освещенный центр стола (лампа над столом, тарелки, еда) контрастирует с полумраком, в котором находится отец, так что сам образ отца становится словно неясным, ускользающим, символизируя дистанцию между ним и сыном. Молчание в этой сцене буквально «освещено» тусклым светом лампы и облечено в тень – визуальная метафора отсутствия понимания и близости. Прием светотени здесь работает по законам немого кино: отсутствие слов компенсируется экспрессией изображения. Подобно тому, как в фильме затемнение кадра или игра светом может передать драму без слов, Исигуро использует лампу и тени, чтобы усилить драматизм молчания.

Важна и окружающая обстановка: рассказчик упоминает мрак за окнами дома, который сгущается по мере развития сцены. За пределами круга тусклого света от лампы простирается темный сад с колодцем, где, по детским поверьям героя, «живут привидения»; сумерки быстро сгущаются, погружая сад во тьму [Исигуро 2004: 122]. Контраст между освещенным семейным столом и окружающей темнотой создает эффект театрального прожектора: будто семья высвечена на фоне пустоты и мрака. Эта изолированная статичная сцена – фигуры за столом, окруженные тьмой – визуально передает чувство опустошенности, утраты опоры. Дом кажется одиноким островком света в безмолвной ночи, что усиливает впечатление эмоциональной изоляции персонажей. Таким образом, визуальная деталь (свет/тьма) не нейтральна, она сама превращается в выразительное средство, говорящее о переживаниях героев. Исигуро сближает литературу с языком кино, используя описание пространства для передачи психологического состояния.

Похожий прием можно наблюдать и в романе «Клара и Солнце» (2021). Хотя этот роман посвящен отношениям девочки и ее искусственной подруги-андроида, семейная тема присутствует как фон – здесь опять же есть потерянное звено родительской любви (отсутствие отца, страх потери матери из-за болезни). Кульминационные моменты переданы с помощью тишины. Клара, искусственный друг, ночами безмолвно следит за тем, как дышит спящая больная девочка Джози, боясь, что та перестанет дышать. Молчаливое ожидание становится центральным «событием» этих сцен – никаких активных действий не происходит, только тихое наблюдение, насыщенное тревогой. Исигуро предельно визуализирует эту тишину: читатель представляет темную комнату, едва освещенную лунным светом или прибором, неподвижную Клару у кровати и чуть заметное движение груди спящей Джози. Эта застывшая картина полна драматизма благодаря отсутствию явного движения или речи – напряжение рождается из самой тишины и зрительного образа ожидания. Литературные критики отмечают, что подобные эпизоды сближают стиль Исигуро с кинематографом: мы как бы видим немой кадр, в котором скрытое действие происходит внутри сознания наблюдателя (Клары) и читателя.

Анализ творчества К. Исигуро показывает, что тишина в его прозе приобретает статус самостоятельного художественного образа, формируемого на стыке речи, паузы и визуальной детали. Писатель виртуозно использует паузу и умолчание как прием: отсутствие слов становится выразительным средством,

передающим глубокие эмоции, конфликты и темы утраты. Одновременно тишина обретает зримое воплощение через посредничество визуальных образов – светотеневые контрасты, статичные сцены, детали пейзажа. Такое сочетание вербального пробела и зрительного акцента создает уникальный речемыслительный эффект: читатель считывает смысл из молчания, вовлекается в поиск скрытого подтекста. Уже обсуждалось ранее, что поэтика не-действия превращает отсутствие действия и речи в источник психологического напряжения и смыслового движения [Орлова 2025: 5081]. Пауза, тень, молчание, недосказанность – все эти элементы в совокупности работают как форма «невидимого действия», которая запускает воображение и эмпатию читателя.

Речемыслительные образы тишины у Исигуро выполняют важную этическую и эмоциональную функцию. Они позволяют передать сложные переживания – горе, стыд, любовь, страх – без прямого именованного, показывая вместо того, чтобы сказать. Такая художественная манера не только отражает личный стиль автора, но и соотносится с широкой традицией эстетики молчания в искусстве XX века, о которой писала, например, Сьюзен Зонтаг, утверждая, что полное молчание в искусстве недостижимо, но паузы и тишина наполняют произведение особыми смыслами. В прозе Исигуро тишина не равна пустоте – напротив, она становится формой голоса, который звучит между строк. Между словом, паузой и визуальной деталью рождается пространство, в котором читатель сам додумывает и ощущает то, что напрямую не выражено.

Литература

1. Исигуро К. Клара и Солнце / пер. с англ. В. Голышева. – М.: Эксмо, 2021.
2. Исигуро К. Не отпускай меня / пер. с англ. В. Голышева. – СПб.: Азбука-классика, 2007.
3. Исигуро К. Художник зыбкого мира. – СПб.: Эксмо, 2004.
4. Морженкова Н. Особенности повествовательной структуры в романе К. Исигуро «Не отпускай меня» // Тропа. – 2008. – № 2.
5. Орлова Т.С. Поэтика не-действия: семейные образы и визуальная статика в прозе Кадзуо Исигуро // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 11. – С. 5080–5084.
6. Shruthi T.C., Silence and Memory in Ishiguro's Narratives / T.C. Shruthi, V. Sheshadri // International Journal of Creative Research Thoughts. – 2025. – Vol. 13. – Issue 10. – P. 133–139.
7. Toker L. Reader Response and the Recycling of Topoi in Kazuo Ishiguro's "Never Let Me Go" / L. Toker, D. Chertoff // Partial Answers. – 2008. – No. 6 (1). – P. 163–180.

CONCEPTUAL IMAGES OF SILENCE IN THE PROSE OF KAZUO ISHIGURO: BETWEEN THE WORD, PAUSE AND VISUAL DETAIL

T.S. Orlova

Russia, Saint-Petersburg, St. Petersburg State Academy of Art and Industry named after A.L. Stieglitz

Abstract. The article examines the speech-thought image of silence in Kazuo Ishiguro's prose, formed at the intersection of word, pause, and visual detail. Based on "A Family Supper", "The Remains of the Day", "Never Let Me Go", and "Klara and the Sun", it analyzes pauses and omissions in dialogues as well as chiaroscuro contrasts and static shots that create "speaking" silence. In Ishiguro, silence becomes an independent artistic image fulfilling emotional and ethical functions.

Keywords: K. Ishiguro, image of silence, conceptual image.

Панина Я.В.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ПАМЯТИ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ

Россия, г. Самара, Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»

d_yana1989@list.ru

Проблема взаимодействия мысли и слова приобретает особую глубину при обращении к архаическим поэтическим системам, в которых вербализация абстрактных понятий осуществляется через конкретно-чувственные образные структуры. «Старшая Эдда» – корпус древнескандинавских поэтических текстов, засвидетельствованный в рукописях Codex Regius (вторая половина XIII в.), AM 748 и Hauksbók (начало XIV в.), – представляет собой уникальный материал для изучения речемыслительных образов, поскольку в ней концепт «Память» вербализуется через разветвленную систему мифопоэтических образов: зооморфных (вороны Одина), вещественных (мёд поэзии), пространственных (мировое древо, источник Мимира), антропоморфных (вёльва, норны) и акциональных (жертвоприношение, начертание рун) [Топорова 2020: 213–214].

Объектом исследования являются мифологические песни «Старшей Эдды», прежде всего «Прорицание вёльвы» (*Völuspá*), «Речи Высокого» (*Hávamál*), «Речи Гримнира» (*Grímnismál*), «Речи Вафтруднира» (*Vafþrúðnismál*), «Поездка Скирнира» (*Skírnismál*), «Речи Альвиса» (*Alvíssmál*) и др. Предметом анализа выступают мнемонические речемыслительные образы, через которые в этих текстах вербализуется концепт «Память» в древнескандинавской мифопоэтической традиции.

Цель работы заключается в том, чтобы описать «поэтику памяти» «Старшей Эдды», а именно выявить и классифицировать систему речемыслительных образов, репрезентирующих данный концепт, и реконструировать когнитивные паттерны, лежащие в основе их порождения. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: во-первых, определяется теоретико-методологическая база описания речемыслительных образов в мифопоэтическом тексте (понятия когнитивного субстрата, концептуальной метафоры, полевой структуры концепта); во-вторых, устанавливается номинативное поле концепта «Память» в древнеисландском языке (лексемы *minni*, *tuna*, *Muninn*, *dómr*, *orðstírr*, *hugr* и др.) и описывается его лексико-семантическая организация; в-третьих, на материале корпуса Эдды выделяются мифопоэтические образы, выступающие вербальными репрезентантами памяти; в-четвертых, эти образы группируются по когнитивным паттернам и описываются как речемыслительные единицы; наконец, анализируется текстопорождающая функция мнемонических образов в поэтике Эдды, т.е. их роль в организации, структурировании и устной передаче эддического текста.

Материалом исследования служат поэтические тексты Старшей Эдды в рукописи Codex Regius с опорой на критическое издание G. Neckel – H. Kuhn и академический русский перевод А.И. Корсуна в редакции М.И. Стеблин-Каменского. При этом следует иметь в виду, что анализируемые тексты фиксируются в письменной традиции XIII века и отражают более раннюю устную стадию лишь опосредованно; выявляемые когнитивные паттерны описывают прежде всего то состояние концептуализации, которое засвидетельствовано в этой поздней записи [Старшая Эдда 1963: 183–185].

Методологическую основу работы составляют семантико-когнитивный метод описания концепта (З.Д. Попова, И.А. Стернин), метод моделирования когнитивных паттернов (Е.В. Савицкая), теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф,

М. Джонсон), а также контекстуальный и этимологический анализ, опирающийся на классические этимологические и двуязычные словари древнеисландского языка (J. de Vries).

Научная новизна исследования заключается в том, что мифопоэтические образы «Старшей Эдды» впервые системно описываются как мнемонические речемыслительные образы – особый тип текстовых единиц, в которых абстрактный концепт «Память» разворачивается через конкретно-чувственные паттерны когнитивного субстрата. Предлагается типология таких образов по соответствующим когнитивным моделям, что позволяет выявить внутреннюю организованность древнескандинавской «поэтики памяти» и показать, как единый комплекс образ-схем (вместилище, путь, вертикаль, связь) реализуется в зооморфных, вещественных, пространственных, антропоморфных и акциональных репрезентациях памяти.

Результаты и обсуждение

В современной когнитивной лингвистике «концепты внутренне организованы по полемому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Попова 2007: 15]. Концепт одновременно принадлежит мышлению и языку: он когнитивен по природе и вербализуется через речевые единицы, что делает его продуктивным инструментом описания речемыслительных образов. Н.Ф. Алефиренко показал, что дискурс есть «речемыслительная категория, служащая в коммуникативном акте моделью порождения текста», а текстопорождение осуществляется посредством внутреннего программирования, в ходе которого переживание воспринимаемого коммуникативного события порождает в ментальном лексиконе ономазиологические импульсы, переводящие смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний [Алефиренко 2024: 43]. Истоки текстопорождения следует искать в вербальной памяти коммуниканта, в которой хранятся ментальный лексикон и внутренние слова [Алефиренко 2024: 43].

Речемыслительный образ в контексте данного исследования определяется как вербализованный когнитивный паттерн – языковая (текстовая) единица, посредством которой абстрактное ментальное содержание выражается через конкретно-чувственную образность. Речемыслительный образ обладает двойственной природой: он одновременно является фактом мышления (когнитивная модель) и фактом речи (вербальная реализация). Это соединение делает его центральным объектом: речемыслительный образ есть точка, в которой мысль и слово становятся неразделимы. Подобное понимание речемыслительного образа согласуется с подходом Т.В. Топоровой, выделяющей в «Песне о Трюме» особый жанровый слой «вербальной деятельности», маркированный глаголами 'говорить', 'молчать', 'называть' и именами 'слово', 'речь' [Топорова 2020: 214–215]. Эти единицы одновременно организуют метаописание речевых актов и актуализируют когнитивные операции персонажей, что позволяет рассматривать их как зоны пересечения мыслительного и речевого уровней – в точности в том смысле, в каком в данном исследовании определяется речемыслительный образ.

Ключевым теоретическим инструментом исследования выступает понятие когнитивного субстрата языкового мышления и входящих в его состав когнитивных паттернов. Опираясь в том числе на ленинскую интерпретацию «Науки логики» Гегеля, Е.В. Савицкая понимает когнитивный субстрат как «совокупность прежних форм, образующих исторический фундамент для более новых», то есть как исторически наслоенный слой практических и мифологических представлений, закрепленных в языковой семантике [Савицкая 2020: 2]. Этот субстрат охватывает языковое мышление в целом, но членится на отдельные участки; для их обозначения Савицкая вводит термин «когнитивный паттерн» (*pattern* 'образец, шаблон, модель'), трактуемый как этноспецифический стереотип мышления и

отношения к миру [Савицкая 2020: 2]. В дальнейшем под когнитивными паттернами будут пониматься локальные фрагменты такого субстрата (дерево, источник, птица, жидкость и др.), которые в мифопоэтическом дискурсе «Старшей Эдды» становятся основой мнемонических речемыслительных образов памяти; их взаимодействие с абстрактным содержанием концепта «Память» целесообразно описывать в терминах теории концептуальной метафоры.

«Опираясь на собственно языковые факты, мы установили, что большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» – отмечают Лакофф и Джонсон в главе «Концепты, которыми мы живем» [Лакофф 2004: 25]. Теория концептуальной метафоры трактует метафору как базовый когнитивный механизм: «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф 2004: 27]. Метафора моделируется как взаимодействие области-источника (source domain) и области-цели (target domain). Область-цель (абстрактное понятие) структурируется по подобию области-источника (конкретный опыт) через метафорические проекции (mappings) [Лакофф 2004: 9]. Применительно к нашему материалу концепт «Память» (область-цель) структурируется через области-источники – фреймы «Дерево», «Источник», «Птица», «Жидкость», «Начертание», «Жертва». Каждый мифопоэтический образ «Старшей Эдды» реализует определенную метафорическую проекцию: вороны Одина воплощают метафору «Память как птица-вестник», мёд поэзии – метафору «Память как напиток», Иггдрасиль – метафору «Память как древо» и т. д.

Для описания внутренней организации концепта «Память» используется семантико-когнитивный метод З.Д. Поповой и И.А. Стернина, согласно которому концепт моделируется как полевая структура с ядром (наиболее прототипические когнитивные признаки и номинации) и периферией (менее устойчивые, контекстно обусловленные характеристики) [Попова 2007]. В дальнейшем это позволяет соотнести ядерные и периферийные зоны концепта «Память» с различными типами мнемонических речемыслительных образов в эддическом корпусе.

Е.М. Мелетинский в «Поэтике мифа» показывает, что мифологическое мышление трансформируется в художественной речи, а мифологические модели и символы функционируют как «коллективные представления», закрепленные в поэтической форме [Мелетинский 1976]. В контексте настоящей работы это означает, что мифопоэтические образы «Старшей Эдды» не только отражают представления о памяти, но и выступают инструментами самой памяти: кеннинги, аллитерация, рефрены, формулы воспоминания (*ek man*) функционируют как мнемонические средства устной культуры. Сборник «*Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture*» под ред. P. Hermann, S. Mitchell, A.S. Arnórsdóttir задает специализированную рамку для изучения памяти в средневековой северной культуре; в нем показывается, что *mínni* в древнескандинавской традиции обозначает не только индивидуальную память, но и ритуальный тост, коллективный акт воспоминания, т. е. социальную функцию памяти [Hermann2014]. Это согласуется с наблюдениями Т.В. Топоровой о том, что вербальная деятельность и устойчивые формулы речи в эддических песнях выступают структурообразующим фактором мифопоэтической модели мира [Топорова 2020: 214].

Номинативное поле концепта «Память» в древнеисландском языке организовано вокруг двух ядерных лексем: существительного *mínni* и глагола *muna*. *Mínni* охватывает значения 'память', 'воспоминание' и ритуальный 'тост в честь кого-либо', соединяя индивидуальное запоминание с коллективным актом поминовения; *muna* и его производные обозначают процесс 'помнить, вспоминать' и задают динамическую сторону концепта [Hermann et al. 2014]. Оба слова восходят к прагерманской базе (*ga-munijā-, *munan-) и далее к индоевропейскому корню *men- 'думать, помнить', что отражает изначальное единство память-мышление в древнегерманской традиции [Vries 1977: 388; Neckel 1914].

В ближней периферии поля располагаются лексемы, репрезентирующие социальное и когнитивное измерения памяти: *dómr* 'суд, посмертная молва' актуализирует память-оценку о деяниях (ср. *dómr um dauðan hvern* в строфе *Hávamál* 77 – «но знаю одно, что вечно бессмертно: умершего слава») [Neckel 1914: 28; Старшая Эдда 1963:22]; *orðstírr* 'добрая слава' – память-репутацию: *en orðstírr deyr aldregi, hveim er sér góðan getr* – «но смерти не ведает громкая слава деяний достойных», *Hávamál* 76 [Neckel 1914: 28; Старшая Эдда 1963:22]; *hugr* 'мысль, ум, дух' обозначает внутренний ментальный центр, тесно взаимодействующий с памятью и поддерживающий ее кумулятивную функцию (накопление и удержание пережитого опыта). (*Hugr einn þat veit, er býr hjarta nær, einn er hann sér of sefa* – «Твоей лишь душе ведомо то, что в сердце твоём; худшей на свете хвори не знаю, чем духа томленье», *Hávamál* 95 [Neckel 1914: 34; Старшая Эдда 1963: 23]. Дальняя периферия включает архаичное *getynd* 'память, разумение' и антонимичное по отношению к ядру *gleyma* 'забывать', маркирующее зону концепта «Забвение» [Vries 1977: 174]. Периферийно с полем связаны и описательные конструкции типа *segja frá* 'рассказать о' и формулы *ek man* 'я помню', которые функционируют как нарративные и перформативные репрезентанты памяти, переводя хранимое знание в акт повествования [Neckel 1914:1]. В более широком семантическом окружении поля оказываются также лексемы и мифонимы, связанные с знанием и его хранением (*fróð* 'мудрый', *vit* 'знание', *rúnar* 'руны', *forn spjöll* 'древние сказания', *Mímisbrunnr* 'источник Мимира'), которые задают культурный фон концепта «Память», но не образуют его собственно номинативного ядра [Vries 1977: 144]. В этом ракурсе ядерные номинации *minni* и *tína* коррелируют с наиболее прототипическими образными моделями («Память как птица-вестник», «Память как напиток»), тогда как пространственные и акциональные паттерны («Дерево», «Источник», «Жертвоприношение») формируют ближнюю и дальнюю периферию концепта, обеспечивая его космологическое и экзистенциальное осмысление.

На основании анализа мифологических песен «Старшей Эдды» концепт «Память» представляется структурированным через шесть базовых когнитивных паттернов, которые реализуются в виде концептуальных метафорических моделей. В качестве фреймов-областей-источников выступают «Птица», «Жидкость/напиток», «Дерево», «Источник/водоем», «Начертание/запись» и «Жертвоприношение», порождающие, соответственно, модели «Память как птица-вестник» (вороны Одина *Huginn* и *Muninn*), «Память как напиток» (мёд поэзии в сосудах *Óðrerir*, *Boðn*, *Són*), «Память как древо» (ясень *Yggdrasill*), «Память как источник» (*Mímisbrunnr*, *Urðarbrunnr*), «Память как начертание» (руны и деяния норн) и «Память как жертва/инициация» (самоповешение Одина и утрата глаза) [Лакофф 2004; Neckel 1914]. Дополнительно выделяются рамочный образ рефрена *ek man* «я помню», формирующий паттерн «Пророческое видение» [Neckel 1914: 1; Старшая Эдда 1963: 9–15]; а также периферийные модели «Память как таксономия» (каталожные перечисления в *Alvíssmál*) и «Память как напиток-напоминание» (*minnisveig* в *Skírnismál*) [Neckel 1914: 67, 120].

В «Речах Гримнира» (строфа 20) Один говорит: *Huginn ok Muninn fljúga hverjan dag / Jörmungrund yfir; / óumk ek of Hugin, at hann aptr né komi-t, / sjámk ek meir of Munin* – «Хугин и Муниин над миром все время летают без усталости; мне за Хугина страшно, страшней за Мунина – вернутся ли вороны!» [Neckel 1914: 59; Старшая Эдда 1963: 37]. Имена воронов этимологически соотнесены с когнитивными функциями: *Huginn* восходит к *hugr* 'мысль, ум, сознание', *Muninn* – к *tína* 'помнить, вспоминать', что вербализует в зооморфных персонажах концептуальный дуализм «мысль – память» как двух неразрывных аспектов единого когнитивного процесса [Vries 1977: 265, 395]. В рамках паттерна «Птица-вестник» формируется метафорическая модель «Память как птица-вестник»: полет воронов по всем мирам репрезентирует динамику мышления и воспоминания, их

возвращение к Одину – это достижение когнитивного результата (доставка сведений), ежедневность полета подчеркивает непрерывность работы памяти, а подчеркнутая тревога Одина за Мунина маркирует экзистенциальную значимость сохранения памяти по сравнению с утратой мысли. Зооморфный речемыслительный образ воронов Одина таким образом закрепляет за памятью признаки подвижности, уязвимости и жизненной необходимости для поддержания целостности субъекта.

В «Речах Высокого» (строфы 104–110) развернут миф о мёде поэзии: мёд, сотворенный из крови мудреца Квасира, хранится в сосудах Óðrerir, Voðn и Són и добывается Одним ценой хитрости и жертвы [Старшая Эдда 1963: 30]. В строфе 107: *Vel keypts litar hefí ek vel notit... þvíat Óðrerir er nú upp kominn á alda vés jaðar* – «так ныне Одрёрир в доме священном людей покровителя» [Neckel 1914: 32; Старшая Эдда 1963: 24] – подчеркивается, что овладение этим напитком делает мудрого почти самодостаточным в знании, ибо сосуд с мёдом «поднят к святилищу людей» и становится доступным носителем сакрального содержания.

В рамках паттерна «Жидкость/напиток» формируется метафорическая модель «Память как напиток»: мёд поэзии предстает как субстанция, которую можно «впитать» и тем самым присвоить знание, сосуды Óðrerir, Voðn и Són функционируют как образ носителей памяти – от индивидуального сознания до культурной традиции, а происхождение мёда из крови Квасира связывает память с жертвенно добытой мудростью как «жизненной сущностью» [Топорова 2012: 821 – 822]. Антиобразом этой модели выступает *óminnishegri* ‘цапля забвения’ из строфы 13 *Hávamál* [Neckel 1914: 18; Старшая Эдда 1963: 13], крадущая у пирующих *geð* ‘рассудок’ [de Vries 1977: 159] и тем самым лишаящая их памяти; оппозиция *minni* / *óminni* в этом контексте воспроизводит антонимическую структуру концепта «Память» и «Забвение», где угроза забвения проявляется в «попытке похищения напитка враждебным богам силам», а значит утрате *minni* [Топорова 2020: 209]. Зооморфно-субстанциональный речемыслительный образ мёда поэзии, дополняемый «птицей забвения», фиксирует амбивалентность памяти как культурной функции: она мыслится и как дар, и как ресурс, требующий усилия и подверженный утрате.

Мировой ясень «Yggdrasill» описан в «Прорицании вёльвы» (строфы 2, 19–20) и «Речах Гримнира» (строфы 29–35) как космическое дерево, орошаемое «влагою мутной» и охватывающее своими ветвями все миры [Старшая Эдда 1963: 9–15]. Кеннинг «Yggdrasill» в традиционном толковании ‘скакун Игга (Одина)’ отсылает к жертвенному повешению Одина на дереве, а в комментарии М.И. Стеблин-Каменского это дерево интерпретируется как «дерево предела»: его ветви «кладут предел» миру в пространстве, а вероятным прообразом служит священный столб типа *Irmisul*, связанный с пространством загробного мира; неслучайно именно на этом древе Один приносит себя в жертву, чтобы приобрести тайные знания [Старшая Эдда 1963: 216].

В рамках паттерна «Дерево» формируется метафорическая модель «Память как дерево»: вертикальная структура ясеня с тремя корнями, уходящими к *Urðarbrunnr*, *Mímisbrunnr* и *Hvergelmir*, репрезентирует иерархию пространства хранения знания, где прошлое, мудрость и первоначало локализованы в разных «источниках» у корней *Yggdrasill* [Neckel 1914]. Эпитет *heidvonom* ‘привыкший к влаге’ в отношении мирового дерева в «Прорицании вёльвы» (строфа 27) связывает его с семантическим полем ‘влага/жидкость – познание’, которое Т.В. Топорова прослеживает в корреляциях *heid-* ‘влага’ – *Heiðr* (имя колдуньи, носительницы магического знания), *hunang* ‘мёд’ и *lögr* ‘влага’ в их когнитивной соотнесенности с познанием [Топорова 2012: 827]. В таком ракурсе *Yggdrasill* предстает как мнемоническая вертикаль, объединяющая другие образы памяти: у его корней располагаются источники знания, на стволе норны вырезают руны судьбы, на ветвях

обитают вестники-птицы, что позволяет рассматривать мировое древо как интегральный речемыслительный образ космической памяти.

Рассмотренные образные модели могут быть интерпретированы как локальные фрагменты когнитивного субстрата языкового мышления в смысле Е.В. Савицкой, где каждый паттерн репрезентирует устойчивую образ-схему (животное, жидкость, дерево), восходящую к наглядно-действенному и мифологическому опыту и служащую основанием для абстрактной концептуализации памяти [Савицкая 2020]. Когнитивный субстрат древнескандинавской традиции структурируется через набор этноспецифических паттернов, которые в поэтике «Старшей Эдды» реализуются в виде мнемонических речемыслительных образов памяти. В этом отношении когнитивные паттерны памяти в эддическом корпусе можно рассматривать как «внутренние слова» и мыслекодовые схемы, которые обеспечивают текстопорождающий потенциал дискурса в смысле Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2024]. Помимо подробно рассмотренных паттернов, корпус «Старшей Эдды» демонстрирует еще три когнитивные модели памяти – «Источник/водоем», «Начертание/запись» и «Жертвоприношение/инициация», которые тесно связаны с образами *Mímisbrunnr*, *Urðarbrunnr*, рун и жертвенных актов Одина. Их развернутый анализ, включая взаимодействие с метрическими и формульными особенностями эддического стиха, заслуживает отдельной публикации.

Выводы

На основании проведенного анализа мифологических песен «Старшей Эдды» можно заключить, что концепт «Память» предстает как полевое образование, в котором ядерные номинации *minni* и *minna* соотносятся с прототипическими образными моделями («Память как птица-вестник», «Память как напиток»), тогда как пространственные и акциональные паттерны («Дерево», «Источник», «Жертвоприношение» и др.) образуют периферию, задающую космологическое и экзистенциальное измерения памяти. Мнемонические речемыслительные образы воронов Хугинна и Мунина, мёда поэзии, ясеня *Yggdrasill* и рефрена *ek min* демонстрируют, как абстрактное содержание концепта «Память» разворачивается через устойчивые когнитивные паттерны (животное, жидкость, дерево) и закрепляется в мифопоэтической системе, выступая одновременно средством культурной ретенции и способом вербализации коллективного опыта. В терминах теории когнитивного субстрата эти образы могут быть описаны как локальные фрагменты исторически сложившегося слоя практических и мифологических представлений, функционирующие в древнескандинавской традиции как «внутренние слова» и мыслекодовые схемы, обеспечивающие текстопорождающий потенциал дискурса; формально-поэтические механизмы реализации этой «поэтики памяти» (аллитерационные структуры, кеннинги, туллы, диалогические сцены мудрости) намечают перспективу отдельного исследования. Изложенное дает основания рассматривать речемыслительный образ в эддической поэтике как форму актуализации когнитивного паттерна, переводящего архаический мифологический субстрат в живую ткань стиха.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.

4. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.
4. Савицкая Е.В. Когнитивные паттерны языкового мышления // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 20.
5. Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях / пер. А.И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. – Л.: Наука, 1963. – 259 с.
6. Топорова Т.В. О вариациях мифа о мёде поэзии в «Старшей Эдде» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2012. – № 16. – С. 820–829.
7. Топорова Т. В. «Старшая Эдда» как отражение мифопоэтической модели мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 5 (834). – С. 206–219.
8. Hermann P. Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture / P. Hermann, S. Mitchell, A.S. Arnórsdóttir (eds.). – Turnhout: Brepols, 2014. – 244 p.
9. Neckel G. (Hrsg.). Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Bd. 1 : Text. – Heidelberg : Winter, 1914. – XII. – 331 p.
10. Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. – 2. verb. Aufl. – Leiden: Brill, 1977.

SPEECH-THOUGHT IMAGES OF MEMORY IN THE POETIC EDDA: A COGNITIVE PATTERN PERSPECTIVE

Y.V. Panina

Russia, Samara, Samara University of Public Administration “International Market Institute”

Abstract. The article analyzes memory in the Poetic Edda through mnemonic speech-thought images. Grounded in cognitive linguistics, the study reconstructs lexical nominations and core patterns (“Memory as Bird,” “Memory as Drink”, “Memory as Tree”) that organize the mythic poetics of the text. These images are defined as cognitive patterns that verbalize the archaic mythological substrate.

Keywords: Poetic Edda, cognitive linguistics, core patterns.

УДК 81'42

Петрова И.М.

АРХИТЕКТОРЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОНТОЛОГИЙ: ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТАПРОЗЕ

Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет

petrovaim@mgpu.ru

В современной лингвистике метапроза всё чаще рассматривается не просто как литературная форма, рефлексирующая над собственным устройством, но как уникальный когнитивный полигон, где традиционная репрезентация реальности сменяется её активным проектированием [Fausconnier 1994; Беседина 2020]. В этом процессе авторский когнитивный стиль служит детерминантой выбора моделирующих инструментов: от специфических метафорических векторов до механизмов концептуальной интеграции [Fausconnier, Turner 2002; Ирисханова 2014]. В данном контексте автор предстает как архитектор альтернативных онтологий, а его индивидуальный идиостиль функционирует как «операционная система», определяющая параметры порождаемого художественного мира [Селиванова 2010; Дзюба 2022].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов того, как «речемыслительный образ» – от абстрактной идеи до вербальной структуры – воплощается в конкретных стратегиях моделирования

бытия. В фокусе внимания находится идиостиль как первичный когнитивный фильтр, определяющий способы концептуализации и категоризации меняющегося мира. Стратегия лингвокогнитивного моделирования обусловлена индивидуальными паттернами внимания и процессами интерпретации, при которых языковые единицы активируют глубинные концептуальные структуры в соответствии с авторским фокусом [Stockwell 2002; Болдырев 2014].

Объектом исследования выступает процесс лингвокогнитивного моделирования реальности в метапрозе, а предметом – специфика метафорических векторов и механизмов концептуальной интеграции как проекция идиостиля.

Эмпирическую базу работы составил корпус текстов авторов, представляющих принципиально разные подходы к конструированию художественной онтологии:

1. В. Пелевина, реализующего дискретно-технологическую модель (*мир как интерфейс*).
2. Е. Водолазкина, работающего в рамках континуально-исторической стратегии (*мир как палимпсест*).
3. К. Исигуро, чья дефицитарно-аналитическая модель (*мир сквозь призму ограниченного сознания*) позволяет исследовать границы человеческого через когнитивные лакуны.

Сопоставление данных моделей позволяет выявить корреляцию между когнитивными установками субъекта и выбором вербальных инструментов конструирования онтологии.

Методологический аппарат исследования базируется на синтезе когнитивно-дискурсивного анализа и метода метафорического моделирования, что позволяет эксплицировать механизмы проектирования альтернативных онтологий в текстах.

В работе применен инструментальный анализ параметров когнитивного стиля, включая оценку диапазона эквивалентности, степени полезависимости и выраженности конкретности/абстрактности авторского дискурса. Выявление ключевых векторов концептуальной интеграции и структуры мнемического нарратива проводилось с опорой на теорию блендинга и антрополингвистический подход. Сравнительно-типологический метод позволил верифицировать предложенную типологию стратегий (дискретно-технологической, континуально-исторической, дефицитарно-аналитической) на материале произведений В. Пелевина, Е. Водолазкина и К. Исигуро.

Проблема лингвокогнитивного моделирования реальности в художественном тексте находится на пересечении антрополингвистики, когнитивной стилистики и лингвоперсонологии. Теоретическим фундаментом для понимания того, как лексические единицы отражают эволюцию человеческого мышления и формируют языковую картину мира, служат работы в области антрополингвистики, постулирующие неразрывную связь между развитием лексики и трансформацией ментальных структур [Гринев-Гриневиц 2005].

Важнейшим инструментом в работе «архитектора» художественной реальности выступает его индивидуальный когнитивный стиль, определяющий специфику ментальной репрезентации мира. Исследование параметров этого стиля позволяет эксплицировать механизмы того, как авторская мысль трансформируется в слово. Так, анализ диапазона эквивалентности дает возможность выявить индивидуальные особенности классификации объектов и явлений, что критически важно для понимания глубинной структуры идиостиля [Петрова 2025a]. Сопоставление таких характеристик, как полезависимость и полenezависимость, демонстрирует степень автономности автора от контекста при моделировании лингвокогнитивного пространства [Петрова 2025б].

Степень выраженности конкретности или абстрактности в дискурсивной практике автора прямо указывает на вектор категоризации реальности: от скрупулезной фиксации предметных деталей до конструирования предельно

отвлеченных ментальных схем [Петрова 2025в]. Именно этот когнитивный «инструментарий» позволяет «архитекторам» метапрозы задавать параметры своих миров. Сегодняшние подходы к моделированию художественного текста опираются на диффузию моно- и кросс-лингвальных кодов, что открывает писателям путь к проектированию многомерных онтологий [Огнева 2026]. В метапрозаическом пространстве язык перестает быть простым ретранслятором событий, превращаясь в активный инструмент порождения альтернативных бытийных систем. В этом процессе ключевую роль играет архитектура мнемического нарратива: то, как именно автор «сшивает» разрозненные лоскуты памяти в единую текстуальную ткань, определяет успех реализации континуальных стратегий моделирования [Тивьяева 2020].

Неизбежный выход лингвокогнитивного моделирования в плоскость фундаментальных философских категорий позволяет проследить, как традиционные культурные концепты (например, *предопределение*) адаптируются авторами метапрозы для легитимации логики вымышленных миров [Афанасьева 2023]. Резюмируя, можно утверждать: феномен альтернативной онтологии в современном тексте детерминирован триадой факторов – авторскими когнитивными установками, национальными кодами и спецификой нарративной структуры.

В творчестве В. Пелевина эта тенденция воплощается в дискретно-технологической стратегии, где реальность низводится до статуса программируемого симулякра или цифрового интерфейса. Писатель выступает в роли демиурга мира, лишённого материальной субстанции и сведённого к информационным потокам. Агрессивная терминологическая экспансия (внедрение IT-сленга и маркетинговых клише) становится в его идиостиле инструментом радикальной деконструкции бытия. В романах *«iPhuck 10»* и *«Путешествие в Элевзин»* онтологический статус сущего вербализуется через метафорику «апгрейда прошивки» или «багов восприятия». Человек в такой системе координат утрачивает духовную вертикаль, превращаясь в «биологического юзера», чья идентичность скомпилирована из внешних драйверов и рекламных лозунгов.

Иллюстрацией этого служит рассуждение алгоритма-повествователя: *«Человеческий ум – это просто устаревший софт, запущенный на безнадежно медленном железе. Любая эмоция – лишь уведомление от операционной системы, которое мы привыкли принимать за свободную волю»* [Пелевин 2017: 112]. Ключевым маркером стратегии становится концептуальная интеграция сакрального и технологического, позволяющая проектировать мир в категориях *таргетирования кармы, выхода из демо-режима или майнинга смысла*.

Континуально-историческая стратегия Е. Водолазкина реализует модель лингвокогнитивного моделирования, основанную на принципе неразрывности бытия. В рамках этой архитектуры мир предстает как *палимпсест* – единый многослойный текст, в котором разные эпохи сосуществуют синхронно. Индивидуальный когнитивный фильтр автора определяет восприятие реальности не как разрозненного потока информации, а как целостного пространства, где прошлое и настоящее образуют единое вневременное поле.

На материале романов *Лавр*, *Авиатор* и *Чагин* ключевым механизмом конструирования онтологии становится *стилистическая конвергенция*. В текстах Е. Водолазкина *архаизмы* и *современная лексика* органично вплетаются в единую ткань повествования: персонаж в XV веке может внезапно ощутить *гул грядущих самолетов*, а современный герой – воспринимать повседневность сквозь *старославянское смирение*. Персонаж в XV веке может внезапно ощутить *гул грядущих самолетов*, а современный герой – воспринимать повседневность сквозь старославянское смирение. Единство времен эксплицируется в диалогах героев: *«– Чаю, отче, – сказал Арсений, – что время не течет, яко река, но стоит*

неподвижно, аки озеро. – Аминь, – ответил старец Никандр. – Ибо в вечности нет ни вчера, ни завтра, а есть только вечное ныне, в коем и самолеты грядущие уже гудят над нашими кельями» [Водолазкин 2012: 84]. Главным маркером стратегии выступает метафора *лоскутного одеяла памяти*, в рамках которой герои буквально *сшивают лоскуты времени* своими воспоминаниями, превращая язык в инструмент преодоления дискретности времени и обретения устойчивости в *исторической преемственности*.

Дефицитарно-аналитическая стратегия К. Исигуро репрезентирует экзистенциально-технологическую модель реальности, функционирующую через *фильтр ограниченного или искусственного сознания*. В рамках этой архитектуры ключевым механизмом выступает стратегия *ненадежного нарратора*, чье восприятие мира детерминировано когнитивной лакуарностью – неспособностью осознать полноту контекста в силу технологической природы или социальной изоляции. Автор проектирует реальность, в которой границы человеческого устанавливаются через скрупулезный анализ ошибок и дефицитарных состояний субъекта.

На материале романов *Не отпускай меня* и *Клара и Солнце* человеческое концептуализируется через технологическое: эмоции и привязанности андроидов или клонов вербализуются как *функциональные алгоритмы* или логические выводы из наблюдений. Языковым маркером этой модели служит *когнитивная аттенюация* – намеренное упрощение синтаксиса и лексическая недосказанность. Сложные чувства метафоризируются как *сбои в системе* или *закрытые черные ящики*, содержание которых недоступно самому субъекту. Примеры, в которых герой-робот пытается проанализировать структуру любви через *интенсивность солнечного света* или воспринимает человеческую ревность как *помеху в обработке данных*, демонстрируют эффект остранения, превращая текст в аналитическое исследование природы души: «*Я видела, как Ревность разделила Лицо Матери на пять прямоугольников. Это была ошибка в обработке данных, вызванная слишком резким перепадом Солнечного света, или же чувства людей действительно так дробят мир на части?*» [Исигуро 2021: 156]. Подобная деконструкция чувственного опыта позволяет автору верифицировать границы человеческого через когнитивные лакуны искусственного сознания, выявляя то, что остается неуловимым для любого алгоритма.

Проведенное исследование подтверждает, что современная метапроза функционирует как сложная когнитивная площадка, на которой автор выступает в роли архитектора альтернативных онтологий. Идиостиль писателя в этом процессе выполняет функцию первичного когнитивного фильтра, определяющего выбор вербальных инструментов для проектирования реальности. Выявленная типология индивидуальных стратегий – дискретно-технологическая у В. Пелевина, континуально-историческая у Е. Водолазкина и дефицитарно-аналитическая у К. Исигуро – демонстрирует, как специфические метафорические векторы напрямую зависят от когнитивных установок субъекта.

Анализ показал, что конструирование художественных миров опирается на фундаментальные параметры когнитивного стиля: от диапазона эквивалентности, позволяющего синтезировать архаику и современность, до шкал конкретности и абстрактности, определяющих плотность и характер ментальных репрезентаций. Использование механизмов концептуальной интеграции и структуры мнемического нарратива превращает текст в пространство конвергенции индивидуальной мысли и национально-культурных кодов [Ирисханова 2014; Тивьяева 2020].

Метафорическое проектирование реальности в рамках метапрозы перерастает рамки лингвистического приема, становясь базисным речемыслительным процессом. Благодаря преломлению традиционных категорий через актуальные метафорические векторы, авторы создают уникальные онтологические модели,

отвечающие вызовам времени. Вклад данной работы в лингвоперсонологию заключается в обосновании идиостиля как действенного инструмента бытийного конструирования. Именно в анализе индивидуального стиля сокрыта разгадка того, как ментальные структуры трансформируются в вербальные формы, создавая «тайную связь» между мыслью и словом.

Литература

1. Беседина Н.А. Когнитивные механизмы формирования морфологических смыслов: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2020. – 214 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В. Основы антропологической лингвистики: к лексическим основаниям эволюции мышления человека / С.В. Гринев-Гриневиц, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк. – М.: Спутник+, 2005. – 114 с.
4. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2022. – 248 с.
5. Ирисханова О.К. Игры фокуса: Поэтика внимания в языке и тексте. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 272 с.
6. Мотив предопределение в литературе США: эволюция и трансформация / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, С.С. Савинич (и др.). – М.: Языки народов мира, 2023. – 238 с.
7. Петрова И.М. Анализ элементов когнитивного стиля конкретность / абстрактность в публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. – 2025а. – № 2-2(63). – С. 190–194.
8. Петрова И.М. Диапазон эквивалентности как один из параметров анализа когнитивного стиля // От слова к дискурсу: материалы Междунар. науч. конф. – Минск: МГЛУ, 2025б. – С. 154–156.
9. Петрова И.М. Полезависимость и полenezависимость: сопоставительный анализ когнитивных стилей // Когнитивные исследования языка. – 2025в. – № 1-2(62). – С. 164–167.
10. Селиванова Е.А. Когнитивная лингвистика: проблемы, перспективы, понятия: монография. – Черкассы: Изд. Чабаненко Ю.А., 2010. – 400 с.
11. Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 303–315.
12. Функционирование моно- и кросс-лингвальных моделей художественного дискурса / Е.А. Огнева, В.Д. Высочина, К.С. Чупина, Н.В. Шкилева // Филология: научные исследования. – 2026. – № 1. – С. 321–328.
13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 196 p.
14. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p.
15. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. – London: Routledge, 2002. – 193 p.

Источники материала исследования

1. Водолазкин Е. Авиатор. – М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2016. – 416 с.
2. Водолазкин Е. Лавр. – М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2012. – 448 с.
3. Водолазкин Е. Чагин. – М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2022. – 384 с.
4. Исигуро К. Клара и Солнце / пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Эксмо: Inspiria, 2021. – 352 с.
5. Исигуро К. Не отпускай меня / пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
6. Пелевин В. iPhuck 10. – М.: Эксмо, 2017. – 416 с.
7. Пелевин В. Путешествие в Элевзин. – М.: Эксмо, 2023. – 480 с.

ARCHITECTS OF ALTERNATIVE ONTOLOGIES: LINGUO-COGNITIVE MODELING IN MODERN METAPROSE

I.M. Petrova

Russia, Moscow, Moscow City University

Abstract. The article examines the mechanisms of linguo-cognitive modeling of reality in modern metaprose, viewed as a space for the active projection of alternative ontological systems (p. 1). The author substantiates the concept of an individual idiosyncrasy as a determining cognitive filter (an "operating system") that defines the parameters of conceptualization and categorization of the fictional world.

Based on a synthesis of cognitive-discursive analysis and the metaphorical modeling method, the author identifies and verifies a typology of reality construction strategies: discrete-technological (V. Pelevin), continual-historical (E. Vodolazkin), and deficit-analytical (K. Ishiguro). The study explicates the correlation between the cognitive parameters of the author's style (equivalence range, field dependence, the degree of discourse abstractness) and the choice of verbal tools for modeling existence—from specific metaphorical vectors to conceptual integration mechanisms and the structure of the mnemonic narrative. The findings contribute to the development of linguopersonology and cognitive stylistics, offering a new toolkit for analyzing the transformation of the "verbal-mental image" into the verbal structures of a literary text.

Keywords: metaprose, linguo-cognitive modeling, idiosyncrasy, alternative ontology, cognitive style, conceptual integration, V. Pelevin, E. Vodolazkin, K. Ishiguro.

УДК 81'37

Прокопчук К.А.

ТОРГОВЫЕ МАРКИ И ИХ ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Германия, г. Эрланген, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене
и Нюрнберге

klavdiya.prokopchuk@fau.de

Объектом данного исследования являются прагматонимы (имена собственные, используемые для обозначения серийно производимых товаров), функционирующие в текстах русской художественной литературы. Массовое появление такого рода онимов в различных языках и культурах принято рассматривать как одно из следствий развития капиталистического общества с его механизацией технологий, освоением поточного производства, высокой конкуренцией на рынке товаров и услуг, развитием индустрии рекламы. Одновременно с проникновением в повседневную человеческую жизнь названия торговых марок товара и услуг (например, торговая марка *Kodak*), а также имена марочных товаров (фотоаппарат «Кодак», фотопленка «Кодак», фотобумага «Кодак») начинают использоваться и в литературных текстах, где они выступают в качестве одного из элементов художественного отражения как материальной культуры определенного среза действительности, так и языковой реальности этого среза, включая ее ономастическую составляющую [Gutschmidt 1982: 21–22; Prokopczyk 2024: 233–234]. Марочные наименования можно встретить в произведениях высокой, ставшей уже классической литературы – в качестве примеров приведем хотя бы папиросы «Наша марка» в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова или уже упомянутый «Кодак» в романе «Дар» В. Набокова: *В Татцъен-лу по кривым и узким улицам бродили бритоголовые ламы, распространяя слух, что ловлю детей, дабы из глаз их варить зелье для утробы моего «кодака»*. В еще большей степени различные типы прагматонимов (реально существующие или вымышленные имена торговых марок, названия модельного ряда или серии товаров) используются в современной тривиальной, сугубо развлекательной литературе.

С формальной, технической стороны под торговой маркой (или просто маркой) понимают «имя, термин, знак, символ, рисунок или их сочетание, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и дифференциации их от товаров и услуг конкурентов» [Котлер 2007: 238], а под марочным названием – часть марки, которую можно произнести. С психологической точки зрения марка определяется через абстрактные категории образа, имиджа, ассоциации, коннотации, представления и т.п. В отличие от процитированного выше классического определения Ф. Котлера тут нет единой общепринятой дефиниции, но тем или иным образом сформулированную идею, что марка – это образ или имидж, мы находим у многих авторов, ср.: «brand is simply the image people have of your company or products. It's who people think you are» [Handley 2012: 41]; торговая марка (бренд) – это «образ в потребительском сознании, имеющий определенное отношение к товару, это запатентованный визуальный, эмоциональный, рациональный и культурный образ, который ассоциируется с компанией или продуктом» [Щербак 2015: 19].

Английское *image* в русской экономической литературе переводится как 'имидж' или 'образ', и у экономистов понятия «образ марки» и «имидж марки» часто употребляются как синонимические, или имидж определяется как устойчивый образ субъекта или марки в общественном сознании (или в сознании потребителя). Вместе с тем некоторые авторы настаивают на необходимости разграничения этих двух понятий, одновременно признавая, что грань между имиджем и образом весьма тонка. Но тем не менее они различают между имиджем и образом марки на основании того, что имидж ориентирован на цель и оценивается по критерию соответствия цели, т.е. имидж делают в каких-либо целях и относительно этих целей его и оценивают, а у образа такая прагматическая составляющая отсутствует. Если принять такое разграничение образа и имиджа, то в случае размещения названий торговых марок в художественном тексте с целью скрытой рекламы имеет смысл говорить об имидже, т.е. о попытке укоренить определенные положительные ассоциации, представления, эмоции по отношению к рекламируемому товару в сознании читательской аудитории. При отсутствии таких корыстных намерений или если они не распознаются как таковые читателем, можно считать, что мы имеем дело с образом.

Круг вопросов, рассматриваемый в данной статье, связан с направлением в лингвопрагматике, ориентированном на изучение взаимодействия коммуникантов в процессе общения. При этом лингвопрагматический подход дополняется элементами когнитивно-коммуникативного и культурологического анализа, позволяющими определить роль марочного наименования в тексте «с одной стороны, в интенционально-авторском текстопорождении, а с другой – со стороны его восприятия и понимания читателями» [Алефиренко 2021: 318]. За исходное взято положение о том, что каждый носитель языка оперирует ограниченным количеством онимов, что позволяет в рамках каждой языковой общности различать между своего рода ядром общеизвестных имен собственных и индивидуальными перифериями (ср. [Werner 1995: 478]). Из этого закономерно следует, что одной из проблем, возникающих при употреблении онимов, может быть отсутствие у реципиента знаний о данном имени или различия в ассоциациях, связываемых с данным именем у отправителя сообщения и у разных групп реципиентов. То обстоятельство, что многие имена собственные известны только некоторой части языкового сообщества, побуждает говорящего или пишущего при употреблении имени собственного в высказывании или тексте делать предположения о фоновых знаниях реципиентов относительно этого имени и учитывать возможные индивидуальные отличия [Werner 1995: 482]. Эти общие положения относятся и к использованию названий марок и марочных товаров в произведениях художественной литературы.

Цель данной работы – на материале прозы современных российских писателей обсудить, как степень известности/неизвестности торговой марки для потенциального читателя, особенности ее эмоционального образа, представления о ней, а также особенности языковой формы марочного наименования и связанные с ней коннотации влияют как на использование автором названия марки в художественном тексте, так и на восприятия текста читательской аудиторией.

Учитывая, что большинство предметов, окружающих современного человека, являются промышленными фабрикатами определенных марок, можно утверждать, что в целом прагматонимы встречаются в художественных текстах относительно нечасто, хотя начиная с 1990-х годов в литературах разных стран, в том числе и России, появляются произведения с довольно высокой концентрацией имен данного разряда [Прокопчук 2022: 143–144]. Как справедливо обобщает в своем диссертационном исследовании Н.Н. Фролова, выбор писателем названия торговой марки в качестве номинативного средства обусловлен многими параметрами, к которым относятся «как общие эстетические принципы, так и предметная соотнесенность повествования» [Фролова 2011: 22]. В зависимости от коммуникативной ситуации и творческих интенций писателя маркировочные наименования (бренды) в художественном тексте «кодируют социокультурную и прагматическую информацию, реализуют коннотативно-экспрессивный потенциал, обусловленный способностью онимов к накоплению речеконтекстных и фоновых приращений интра- и интертекстуального характера. [...] бренды в художественном тексте выполняют прежде всего функцию изобразительности. Типично формирование с помощью брендов таких стилистических фигур, как сравнение и антитеза» [Там же]. И далее автор подчеркивает, что выполнять перечисленные функции могут «только самые широко известные бренды» [Там же].

Действительно, с помощью имен реально существующих марочных товаров, глубоко укоренившихся в массовом сознании, автор литературного произведения, как правило, апеллирует к имеющемуся у читателя эмоциональному образу-представлению, обусловленному особенностями продукта, знаниями о производителе продукта, а также определенными социальными коннотациями типа «эксклюзивный», «массовый», «бюджетный», «молодежный», «спортивный», «классический», «профессиональный», «традиционный», «экстравагантный», «устаревший» и т.п. Такого рода социально-оценочные коннотации отражают ценностные установки и потребности общества на определенном этапе его развития и могут претерпевать трансформацию с течением времени (ср. [Крюкова 2021: 47]).

Например, в следующем предложении писательница путем использования марочных наименований, хорошо известных массовому потребителю, создает узнаваемую, конкретно-вещную ситуацию повседневной жизни начала 2000-х годов: *Анна Сергеевна открыла новехонький «Аристон», достала бутылку «Гжелки» и протянула мне [...] (Д. Донцова. Покер с акулой. 2000)*. Употребление прагматонимов без родового термина (просто «Аристон», а не холодильник «Аристон», «Гжелка», а не водка «Гжелка») свидетельствует о том, что автор, моделируя аудиторию своих читателей, обоснованно предполагает, что образ (имидж) обеих марок достаточно укоренен в общественном сознании либо через личный опыт использования товара, либо из рекламы: так, прочитав слово «Аристон» читатель, вероятно, подумает о современной, надежной и функциональной бытовой технике без дизайнерских изысков по доступной цене, а при упоминании бутылки «Гжелки» в воображении читателя скорее всего возникает визуальный образ этикетки с элементами сине-белой гжельской росписи и ассоциации с такими характеристиками, как «русская водка», «традиционная», «классическая», «низкая цена» и др. Помимо того, *новехонький «Аристон»* выступает одним из маркеров времени создания текста, когда после кризиса в экономической и социально-политической жизни 1990-х годов наступает период

относительной стабилизации, увеличения доходов населения, развития потребительского кредитования и как следствие – беспрецедентный рост потребления, в том числе и активное приобретение бытовой техники.

Если же названия товаров или их фирм-производителей неизвестны или плохо известны читателю, то такие номинации не вызывают четкой ассоциативной связи со свойствами товара и часто выступают как носители чуждости. Иначе говоря, отсутствие какой-либо образной структуры в сознании реципиента, когда он видит или слышит марочное название, не позволяет ему в полной мере определить дополнительные атрибуты, которыми обладают понятия субординатного уровня категоризации (по терминологии Э. Рош) – например, фотокамера «Кодак», холодильник «Аристон», водка «Гжелка» – по сравнению с понятиями базового уровня, т.е. «фотокамера», «холодильник», «водка».

Не будучи уверенным в наличии у какой-то части потенциальных читателей соответствующих представлений об упоминаемой марке, автор, как правило, прибегает к определенным стратегиям построения текста. Например, в романе, опубликованном в 2007 г., Д. Донцова вводит в текст прагматоним «угги» в сочетании с оценочным прилагательным в препозитивной позиции и пояснением, оформленным в виде обособленного определения в постпозиции: *Стоит ли упоминать, что на мне была не красная, а малоприметная черная куртка, самые обычные джинсы и удобные сапожки «угги», этакие валеночки из дубленой кожи* (Д. Донцова. Личное дело женщины-кошки). Сходным образом автор описывает «угги» и в 2008 г.: *Широко разрекламированные, охотно надеваемые модницами «угги», дубленые сапожки на плоской подошве, – видоизмененный вариант русских катанок* (Д. Донцова. Шопинг в воздушном замке). А используя тот же самый прагматоним в 2016 г., писательница явно полагает, что он уже хорошо знакомой широкой аудитории, поэтому наименование товара употребляется без родового понятия, также отсутствует поясняющая информация относительно характеристик называемого объекта: *Я перевела дух, взяла из шкафа куртку, угги и начала одеваться* (Д. Донцова. Корпоратив королевской династии).

(В качестве отступления заметим, что в некоторых случаях контекст литературного произведения не позволяет определить юридически-правовой статус прагматонима, т.е. идет ли речь о зарегистрированной торговой марке (словесном товарном знаке) или о незарегистрированном названии товара. Относительно приведенных выше предложений, в которых упоминаются сапожки «угги», мы не можем с уверенностью сказать, имеет ли автор в виду обувь известного бренда и зарегистрированной торговой марки «UGG Australia» или зимние сапоги подобного дизайна, изготовленные другими производителями.)

Возвращаясь к вопросу о том, как предположение об отсутствии у адресата осведомленности или, по крайней мере, каких-либо ассоциаций относительно называемой торговой марки может побуждать автора использовать определенные стратегии в построении текста [Прокопчук 2022: 145–146], кратко перечислим основные из этих стратегий:

- прагматоним имеет при себе атрибуты, называющие впечатления, мнения, эмоции автора (или персонажа) об упоминаемом марочном продукте или марке;
- прагматоним сопровождается поясняющей информацией, оформленной в виде приложения, парентезы или сноски;
- прагматоним сопровождается более или менее детальной характеристикой (длиной от нескольких предложений до нескольких абзацев), которая может включать в себя указания на функциональные свойства товара, его атрибуты, эмоциональные характеристики марки, систему ценностей производителя, тип потребителя, который покупает данный товар, сравнение товара с аналогами конкурентов и т.д. *И тут он заметил на толстом запястье часы швейцарской фирмы «Лонжин». Эта деталь рассеяла внезапную муть неприятных сомнений.*

Настоящий «Лонжин». Механика, золотой корпус, кожаный ремешок. В таких важных деталях мужского туалета Саня разбирался неплохо.

Человек, который носит обычный «Роллекс», не так богат, как хочет казаться. Большие деньги дались ему легко и случайно, завтра он их может потерять. А вот «Лонжин» говорит о надежности, спокойном стабильном достатке, как и костюм и галстук от «Боско Чилледжи» (П. Дашкова. Эфирное время. 2000). (Подобное развернутое описание позитивных характеристик реально существующего товара, доступного для приобретения на внутреннем рынке, может вызвать у читателя впечатление, что эпизод помещен в литературный текст с целью скрытой рекламы, хотя такое предположение не обязательно соответствует интенциям, которыми на самом деле руководствовался автор).

Употребление в тексте без каких-либо пояснений названий марок, совершенно неизвестных для большинства читателей-современников, приводит к тому, что эти онимы снижают порог понимания, становятся носителями чуждости и, возможно, вызывают у какой-то части реципиентов негативные эмоции. Говоря об эффекте чуждости, в качестве примеров можно привести некоторые случаи использования названий торговых марок в «гламурной» прозе О. Робски (ее творчество охватывает период 2005–2009 гг.) и в так называемом антигламурном романе С. Минаева «Duxless. Повесть о ненастоящем человеке», появившемся в 2006 г. как альтернатива гламурной женской литературе. Оба автора изображают материальный мир своих героев с помощью списков вещей (машин, одежды, часов, украшений, алкогольных напитков, косметики и др.), нередко с указанием фирмы-производителя и цены. Ср.: *Еще я однажды подарила своему любовнику на День святого Валентина пижаму Brioni за \$1200. [...] Не удержалась – и оставила чек в коробке. А то вдруг он не узнал, сколько стоит пижама у Brioni? (О. Робски. День счастья – завтра). Одной рукой он сжимает сосисочными пальцами бокал с «Chateau Margaux» (бутылка предусмотрительно поставлена на стол так, чтобы большая часть зала могла видеть, что чувак лениво потягивает тысячу гринов), другой он поглаживает чужиху лет двадцати пяти (С. Минаев. Duxless).*

С одной стороны, такие «каталоги вещей», которые типичны не только для названных авторов, но и в целом для «гламурно-глянцевой» прозы [Гертнер 2021], содержат названия дорогих, недоступных для массового потребителя товаров, марки которых, однако, хорошо известны в российском обществе (не столько благодаря непосредственному потреблению, сколько из рекламы в глянцевых журналах, фильмов, телепередач и т.п.). Поэтому в сознании читателя, когда он видит в тексте такие имена, как *Ролекс, Тиффани, Бенгли, Прада, Гуччи, Шанель* и т.п., возникает некая совокупность представлений, ассоциаций, эмоций по отношению к соответствующему товару или торговой марке. С другой стороны, помимо широко известных иностранных марок в «гламурной» литературе можно встретить немало наименований, незнакомых большинству читателей и не имеющих для них практического смысла, поскольку такие имена не вызывают достаточной ассоциативной связи ни с маркой товара, ни с его эмоциональным образом или практическими характеристиками. Чтобы получить представление о называемой в тексте марке, читателю приходится прибегать к поиску информации о ней в интернете. Ср.: *Перспектива зарыться в мягкие подушки Катиного Provazi перед телевизором показалась мне более привлекательной (О. Робски. Causal).* Правильное написание прагматонима в приведенном примере – Provasi. Речь идет об эксклюзивной мебели классических стилей итальянской марки Provasi. *Я достал из кармана мини-диск, вставил его в Restek (О. Робски. Про любoff/on). Restek – немецкая фирма, выпускающая аудиоаппаратуру высшего класса (high end). Она ждет только меня, последнюю, заблудшую в мире фальши овцу, тщательно укрывающую огонь духовной свечи в складках пальто от Pal Zelieri (С. Минаев.*

Duxless). Правильное написание – Pal Zileri, бренд итальянской мужской одежды в сегменте высокого ценового диапазона.

Такой способ использования иностранных марочных наименований позволяет утверждать, что авторы не стремятся предупредить возможное непонимание отдельных фрагментов текста. Эффект чуждости усиливается тем, что названия марок даются в оригинальном латиноалфавитном написании, вследствие чего многие читатели не могут правильно прочесть наименования из английского, французского, итальянского и немецкого языков. Все это приводит к выводу, что в своих произведениях оба автора создают атмосферу богатства, показного сверхпотребления, роскоши, избранности, недоступности для большинства, используя код, понятный только в определенных узких кругах.

Помимо названий реальных торговых марок в художественной литературе можно встретить и фиктивные имена вымышленных товаров или услуг. С одной стороны, это литературные имена фантастических, магических предметов, которые «играют не последнюю роль в формировании автором пространства фантастической реальности, в креативном создании альтернативной реальности по аналогии с реальным миром» [Prokopszuk 2024: 234]. С другой стороны, фиктивные прагматонимы используются в реалистических произведениях, когда в контекстах, создающих негативный образ фирмы, марки или продукта, автор хочет избежать упоминания какого-либо реального названия фирмы или словесного обозначения товара, зарегистрированных в качестве знака собственности и являющихся объектами правовой охраны (примеры подобных вымышленных марочных товаров – консервированная кукуруза «Тандюэль» у С. Минаева в романе «Duxless», конфеты «Цукерзюс» в романе Д. Донцовой «Гороскоп птицы Феникс»).

Как справедливо отмечает К. Гутшмидт, реально существующее название товара всегда отсылает читателя к реальному миру и функционирует в литературном произведении прежде всего «через ассоциации, которые возникают у читателя на основе знания названия и продукта. Форма имени, его коннотации, которые предполагались при его присвоении, отходят на второй план» [Gutschmidt 1982: 22 – перевод К.П.]. Для фиктивного названия товара «решающую роль играет его форма» [Там же], при этом механизм создания фиктивного прагматонима, мотивы номинации обычно оказываются достаточно прозрачными для читателя-современника.

Если фиктивный прагматоним заключает в себе аллюзию к реально существующей и широко известной торговой марке или фирме, то коннотации, связанные с этой маркой или фирмой, в той или иной мере окажут влияние на формирование образа называемого предмета в читательском восприятии. В качестве примеров приведем название *iPhuck 10*, вынесенное В. Пелевиным в заглавие своего одноименного романа, а также конкурирующего с ним на рынке гаджета «Самсунь андрогин», сладкую кукурузу «Тандюэль» у С. Минаева (у большинства читателей прагматоним вызывает ассоциации с маркой «Бондюэль» / Bonduelle), транспортные средства марки «Даймлер Моторенваген» в романе-антиутопии В. Пелевина S.N.U.F.F. (аллюзия на торговую марку и одноименную компанию «Мерседес-Бенц». Предшественником ныне существующей компании была «Daimler-Benz AG», возникшая в 1926 г. в результате слияния двух немецких автоконцернов – Benz & Cie. и Daimler Motoren Gesellschaft).

В отличие от рассмотренных выше случаев, когда для читателя очевиден прием обыгрывания названия реальной торговой марки и образованные автором прагматонимы создают определенный сатирический или юмористический эффект, в художественном тексте могут присутствовать вымышленные имена, созданные полностью в соответствии с нормами и универсальными моделями реально существующих прагматонимов. Так, когда читатель видит название арманьяка «*Liquid Diamond*» (В. Пелевин. S.N.U.F.F.), он не может с уверенностью определить,

идет ли речь о реальном или вымышленном продукте. (Следует заметить, что равно как в реалистической художественной литературе могут встречаться фиктивные прагматонимы, так и в фантастической литературе могут присутствовать имена реально существующих торговых марок.) Образный потенциал сочетания «жидкий бриллиант» безусловно позволяет использовать его в качестве имени алкогольного напитка, и на рынке алкогольной продукции мы действительно можем обнаружить просекко марки «Liquid Diamond». Вместе с тем присутствие этого наименования в романе В. Пелевина не влечет за собой целой цепи значений и ассоциаций, как это происходит, например, в случае такого же одноразового, не влияющего на основной сюжет упоминания названия реально существующего и хорошо известного марочного продукта (ср. приведенный выше пример с «Гжелкой»).

Анализ контекстов, содержащих названия марок или имена серийно производимых товаров, с точки зрения передаваемой этими именами информации о предметах изображаемого в тексте мира, а также с учетом образов, создаваемых автором при помощи такого рода имен, позволяет прийти к следующим заключениям:

Как правило, автору не столь важно сообщить, что какой-то персонаж, например, ездит на машине, носит часы, пользуется бытовой техникой или пьет вино, имеющие определенные торговые названия, сколько он апеллирует к имеющемуся у читателя эмоциональному образу-представлению, ассоциативному полю, обусловленному особенностями продукта, знанием о производителе продукта, различными социальными коннотациями. Таким образом, выполнение прагматонимами типичных для них функций в художественной литературе во многом зависит от фоновых знаний читателя относительно продукта или предприятия, называемого в тексте. Полное отсутствие у читателя какого-либо образа называемых марок, товарных знаков и т.п. влечет за собой невозможность определить дополнительные атрибуты, которыми обладают понятия субординатного уровня по сравнению с понятиями базового уровня категоризации; в некоторых случаях – особенно в произведениях, написанных в жанре фантастики или фэнтези – реципиенты, ориентируясь лишь на форму имени, не могут быть уверены, представляет ли собой прагматоним название реально существующего товара или является результатом творчества автора произведения. Предположения касательно осведомленности потенциальных читателей о торговой марке побуждают автора к использованию определенных текстовых стратегий, в том числе и таких, которые ведут к созданию разного рода индексов элитарности или чуждости.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, К.К. Стебунова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18 (2) – С. 313–338.
2. Гертнер Е.В. Гендерно-аксиологическая специфика гламурно-глянцевых текстов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2021. – 26 с.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2007. – 656 с.
4. Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. – 2021. – № 2. – С. 42–53.
5. Прокопчук К.А. Прагматонимы в русском художественном тексте конца XX – начала XXI вв. // *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura. Monografia ze studiów slawistycznych V*. – Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2022. – С. 141–149.
6. Фролова Н.Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты (на

материале русского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 23 с.

7. Щербак А.А. Бренд как элемент социальной идентичности личности: дис. ...канд. психол. наук. – М., 2015. – 177 с.

8. Gutschmidt K. Zur Funktion der Warennamen in der Literatur // *Studia Onomastica*. – 1982. – № 3. – S. 20–27.

9. Handley A. Content Rules: How to Create Killer Blogs, Podcasts, Videos, E-books, Webinars (and More) That Engage Customers and Ignite Your Business / A. Handley, C.C. Chapman. – Hoboken: Wiley, 2012. – 320 p.

10. Prokopczuk K.A. К вопросу типологии наименований товаров в фикциональных текстах // *Słowiańszczyzna dawniej i dziś – język, literatura, kultura: Monografia ze studiów slawistycznych VI*. – Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT, 2024. – P. 233–242.

11. Werner O. Pragmatik der Eigennamen // *Namenforschung. Name Studies. Les noms propres. Ein internationales Handbuch zur Onomastik. Bd. 1*. – Berlin, New York: De Gruyter, 1995. – P. 476–484.

BRANDS AND THEIR IMAGE IN FICTIONAL TEXTS

K.A. Prokopchuk

Germany, Erlangen, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, FAU Language Centre

Abstract. The article analyses brand names (both real and fictional) in Russian fictional literature from the view-points of linguopragmatics and textual organisation. The aim is to discuss how the degree of familiarity of a trade mark to the potential reader, its emotional image, as well as linguistic features of the brand name and associated connotations, influence, both the use of the brand name in a literary text by the author and perception of the text by the reader.

Keywords: brand name, brand image, fictional brand name, shared back-ground knowledge, understanding of fiction texts, Russian literature.

УДК 81'37

Сальников В.Б.

СИСТЕМНОЕ ЕДИНСТВО КОМПОНЕНТОВ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИНОПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АНТАГОНИСТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО МИСТИЧЕСКОГО ФИЛЬМА «БЕС»)

Россия, г. Уфа, Уфимский профессиональный колледж имени Героя Советского

Союза Султана Бикеева

asztlhjin@yandex.ru

Речевая характеристика персонажа художественного текста – явление разноаспектное и многоплановое. С одной стороны, это всегда фрагмент некоего общего текста, заранее спланированного и составленного автором. С другой стороны, это имитация подлинной коммуникативной деятельности, то есть сам по себе отдельный текст. Следовательно, речь героя художественного произведения является и частью макротекстовой системы, и самостоятельной текстовой системой одновременно. Это обстоятельство предопределяет двоякость подхода к лингвистическому изучению речи персонажа – с помощью методов филологического анализа художественного текста (речевая характеристика как деталь общей эстетической системы) и с помощью лингвопоэтического речевого портретирования (речевая характеристика как относительно самооценная эстетическая система, представленная в виде имитации коммуникативной деятельности).

Несмотря на то что филологический анализ текста является методом традиционным, а в некоторых своих аспектах даже древним, а речевое портретирование, наоборот, относится к новым методикам, оба эти подхода прекрасно объединяются в современных языковедческих трудах, исследующих художественную речь – как книжно-литературную, так и кинематографическую. На сегодняшний день учёными составлено достаточно много речевых портретов самых разных персонажей и в самом разном ключе: так, в работе Е.В. Максимюк [Максимюк 2024] через аспектный речевой портрет (а именно семантико-синтаксический, так как автором изучаются только способы отрицания) анализируется коммуникативное поведение и ценностная система персонажей сериалов; в статье А.С. Баранниковой [Баранникова 2025] исследуется передача фонетических особенностей героев романа.

Однако в подавляющем числе трудов, посвящённых речевому портрету персонажей, анализ либо производится по социолингвистическому типу портретирования (то есть речь персонажа исследуется точно так же, как речь реального лица, относящегося к некоторому социотипу, и рассматривается как совокупность текстов, связанных только особенностями личности и общества, в котором она сформировалась), либо осуществляется фрагментарно (то есть в речевой системе персонажа выявляется отдельная особенность, например, специфическая лексика, и рассматривается изолированно от других особенностей, связанных с ней в рамках данной речевой системы). Оба этих типа анализа выявляют общий методологический недостаток, а именно отступление от принципа системности. Если при классическом филологическом анализе этот принцип соблюдается строго, то при составлении речевых портретов наблюдаются отклонения от него. В случае с речевым портретированием реального лица эти отклонения неизбежны, поскольку, как мы уже отметили, реальное лицо порождает множество текстов, необязательно связанных между собой системно. Однако речевая характеристика персонажа, даже обособленная от прочего текста произведения, представляет собой именно единый текст, так что при лингвопоэтическом речевом портретировании отклонения от принципа системности недопустимы.

Цель настоящей работы – выявить и продемонстрировать системный характер речи персонажа и, как следствие этого, взаимосвязь всех компонентов речевого портрета данного персонажа. Единство речевого портрета проявляется во взаимосвязи и взаимообусловленности языковых единиц всех уровней, стилистических черт и коммуникативных, прагматических особенностей. Помимо того, все лингвистические признаки речи персонажа в значительной мере предзадаются эстетическими особенностями рассматриваемого художественного образа: речь персонажа создаётся не вообще, а в пределах эстетической системы соответствующего произведения.

Материалом исследования выступили речевые партии Беса, персонажа отечественного мистического фильма «Бес» (1991 год, режиссёр В.А. Дудин, сценарист М.А. Ворфоломеев, [Бес 1991]). Выбор материала обусловлен разносторонним характером кинематографической речи – например, в отличие от литературы, речь в кинофильмах обладает полноценным фонетическим проявлением – и новизной результатов на его основе, поскольку данный фильм редко избирался учёными-гуманитариями в качестве объекта исследования.

Прежде всего следует установить, что с культурологической точки зрения образ Беса сформирован двумя обстоятельствами. Во-первых, согласно сюжету это представитель духовного, потустороннего мира, даже, судя по первым репликам в разговоре с главным героем, писателем Изюмовым, мира загробного. Трудно определить, какая религиозно-мифологическая система была избрана создателями в качестве мировоззренческой основы фильма, но, исходя из репрезентации

персонажа, можно полагать, что это и собственно бес (христианский или славянский, языческий нечистый дух, искушитель, имеющий целью навредить человеку и его душе), и психопомп (общемифологический проводник тени умершего в царство мёртвых).

Во-вторых, данный герой в ходе действия фильма постоянно учиняет протагонистам препятствия, вводит людей в заблуждения, проказничает с ними, а также сам обладает двойственной природой, принадлежа и миру людей, и миру иному. Всё это вкупе с другими особенностями, о которых будет сказано ниже, совпадает с теми характеристиками, которые К.Г. Юнг дал архетипу трикстера [Юнг 2019]. Бес представляет собой классического трикстера с почти полным набором его качеств: от плутовской природы до сопровождающих его неудач и крушения замысла в конце фильма. Опора на современные описания данного архетипа выявляет дополнительные сходства этой древней фигуры и Беса, а именно внесение хаоса, прибегание к шуткам и юмору, сексуализацию (телесное, а потому неожиданное для духа влечение к другой протагонистке, Лизе) и др. [Забелина 2024]. Из этих свойств особенно примечательно то, что трикстер в произведениях искусства нередко поднимает вопросы, актуальные для эпохи, в которую эти произведения создаются [Забелина 2024]. Фильм «Бес» в значительной мере посвящён осмыслению развала Советского Союза и наступившего затем периода 90-х, и подавляющее число реплик на эту ведущую тему кинокартины произносит именно заглавный персонаж.

Именно эти параметры, мифологические начала злого духа с психопомпом и архетипическое начало трикстера, выступают смысловым стержнем, предопределяющим появление в речи персонажа тех или иных особенностей и объединяющим эти особенности в относительно цельную и стройную эстетическую систему. Внутри данной системы соответствующим образом организуется и собственно речевая система персонажа, его идиолект. А далее, как следствие, выстраиваются и стилистическая, морфологическая и др. подсистемы.

Составим лингвопоэтический речевой портрет Беса с учётом всего изложенного, опираясь на методику, представленную в нашей работе [Сальников 2025]. Поскольку семантически более сложные единицы оказывают влияние на семантически менее сложные, речевой портрет целесообразнее выстраивать по принципу подхода «сверху», то есть идя от макроуровней наподобие прагматики и стилистики к более элементарным уровням вроде морфемики и фонологии.

В своей речи Бес использует разнообразные культурные отсылки, мотивированные разными причинами. Демоническая отнесённость образа предопределила появление следующих отсылок: 1. Регулярное упоминание Парижа как места жительства Беса и того мира, куда он хочет забрать Лизу, чтобы та жила вечно. Судя по всему, слово *Париж* употребляется персонажем в переносном значении, и под ним подразумевается ад или царство мёртвых. Это вызывает ассоциации с Америкой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», куда стремится и в итоге отправляется Свидригайлов. 2. Элементы русского фольклора: упоминание бесов и чертей (Бес резко подчёркивает, что он именно бес, а не чёрт), употребление сочетания *чёртово болото* в инвективной функции (отметим здесь иронический, игровой характер этого употребления: нечистый дух, злясь на происшествие в ресторане, ругается с помощью номинативной единицы, связанной с нечистой силой). 3. Косвенная цитация культурных первоисточников своего образа. Характеризуя себя словами *Я связующее звено между людьми и ничем – той пустотой, что зовётся небытием* (8:35–8:40 – здесь и далее в скобках указан таймкод: минута и секунда), персонаж отсылается к трагедии И.В. Гёте «Фауст». Сам фильм «Бес» наполнен аллюзиями на роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и даже, можно сказать, является как бы его продолжением или переосмыслением. И «Мастер и Маргарита», и «Бес» черпают вдохновение на

создание образа дьявола из Гётевского «Фауста», но если Воланд отражает диалектический аспект личности Мефистофеля («Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»), то Бес – нигилистический («Дрянное Нечто, мир ничтожный, Соперник вечного Ничто»).

Трикстерская отнесённость образа в той же мере повлияла на вышеприведённый отсылки (ср. и языковую игру, и иронию, и разрушительность), но также вызвала отсылки к различным социокультурным реалиям: упоминание предметов промышленности (*А тебя кто рожал: **мартеновская печь?*** (19:29–19:31)), употребление военного жаргона (*Старая! **Слушай мою команду! Кругом! Шагом марш!*** (69:21–69:29)). Это придаёт образу вневременной характер, нередко свойственный трикстерам. Помимо того, восклицание *Что стало с Россией! Бардак* (51:47–51:52) и ироничная цитация И.В. Сталина (*Жить стало лучше, жить стало веселее* (70:56–70:58)) вытекают из функции персонажа обличать и анализировать реалии своей эпохи – в данном случае, периода развала СССР.

Плутовская природа трикстера и лукавая природа беса предопределили высокий уровень стратегичности речи персонажа: он часто говорит прямо, но ещё чаще старается через речь добиться своих целей, непостижимых и не всегда приятных, а потому скрытых. В своей коммуникативной деятельности Бес использовал следующие стратегии по обращению к следующим героям: самопрезентацию (к Изюмову), иную самопрезентацию (к Гоше), обличение (к Гоше), искушение (к Репенко), издёвку (к бабушке Лизы), соблазнение (к Лизе), принуждение (к Лизе), обличение (к бабушке Лизы, к Гоше, косвенно – к Изюмову и эпохе в целом), вызывание жалости (к некоей неназванной высшей силе – либо Богу, либо дьяволу). Таким образом, Бес-трикстер использует для разных коммуникантов разные речевые маски, причём в разговоре с грешниками преобладает маска обличителя или искусителя (того, кто подталкивает на грех, испытывает на прочность), а в разговоре с Лизой, которую он любит, – соблазнителя (того, кто прельщает ко греху, переманивает к себе).

Стратегическое многообразие повлекло за собой стилистическую эклектичность речи Беса: переплетение элементов разговорных (*прибил*) и книжных (*недосягаема*), включение в преимущественно разговорную по стилю речь элементов художественного стиля (анафора: *А **почему** ты его при жизни боялся? Почему тогда не прибил? Почему в дом пускал?* (31:08–31:17); афористичность: *Нельзя разочаровывать женщину, потому что от женщины исходит гармония* (19:23–19:26)), публицистического (ср. культурные отсылки к эпохе) и официально-делового (*С вами произошло несчастье. Только что во сне у вас лопнула сердечная стенка* (3:34–3:39)). Стилистика речи Беса помогает воплотиться архетипу трикстера, создавая образ персонажа, многогранно использующего разговорный литературный язык, персонажа умного и образованного, но (в отличие, например, от архетипа мудрого старца) не интеллигентного.

Особую функцию в раскрытии персонажа как трикстера выполняют многократные случаи языковой игры на разных языковых уровнях: синтаксическом (построение с помощью хиазма структурно логичного, но по смыслу абсурдного предложения с целью усиления иронии: *Раз работали, значит, надо, и раз надо, значит, работали* (70:52–70:55)), морфологическом (смещение обращения на «ты» и на «Вы» при разговоре с Изюмовым: ***Вы** писатель Изюмов?* (2:52–2:53), *Хочешь заглянуть туда, куда **ты** скоро пойдёшь?* (8:42–8:44) – и с бабушкой Лизы: *Я спрашиваю, вызывали?!* (40:24–40:25), *Раз звала, я пришёл* (40:39–40:40)), лексическом (в примере выше – столкновение значений слова *звать*: звать сантехника, в которого превратился Бес, и поминать нечистого духа, коим и является Бес), фонетическом (произнесение полумягкого звука на месте постфикса -сь-: [ба'лу ·и́ть'с·]); манерное произнесение словоформы в *Париж* с твёрдым [р] и,

возможно, без последней согласной фонемы – скорее всего, имитируя французское произношение: в [ра'vi]; фрикативное [h] в словоформе *Кру-гом!*).

Стилистическое многообразие речи персонажа обусловило соответствующее многообразие в системе функционально-смысловых типов речи и в наборе речевых жанров. Бес в той или иной мере прибегает ко всем типам речи, от стандартных повествования, описания и рассуждения до более редких предписания и констатации. Доминирующие стратегические роли повлияли на частоту соответствующих речевых жанров: наиболее часто во время действия фильма Бес обращался к жанру упрёка (обличительная функция трикстера и беса), разговора по душам (соблазнительная функция беса и психопомпа, так как задача персонажа – увлечь Лизу в свой мир) и афоризма (коммуникативное украшение речи трикстера).

Подробное описание каждого языкового уровня употреблённых Бесом единиц представляется нецелесообразным, так что для более быстрого и эффективного достижения цели исследования представим анализ данных единиц с позиции их системности и взаимообусловленности на примере только одной сцены фильма. Безусловно, для всех остальных сцен также свойственны влияние архетипа и художественного типа персонажа на избираемые способы коммуникативного поведения и на реализующие их языковые единицы, однако почти во всех случаях это влияние проявляется достаточно однотипно. Для описания собственно лингвистического аспекта речи Беса нами избрана сцена диалога в ресторане, в ходе которой Бес пытается заполучить душу Лизы и прибегает для этого к стратегии соблазнения. Данная стратегия реализована тактиками признания (Бес рассказывает героине, как приходил к ней в далёком прошлом), комплимента (персонаж указывает, что с тех пор героиня приобрела исключительность, выделяющую её из числа других людей), рекламирования (Бес рассказывает о своей вилле в «Париже» и обещает даровать Лизе вечную жизнь) и самопрезентации (антагонист описывает свои всезнания и власть). Для успешной реализации все тактики производились в пределах речевого жанра разговора по душам.

Итак, указанные особенности повлияли на такой синтаксический признак речи Беса в этом эпизоде, как преобладание разговорных черт: простых предложений (*Это неправда* (47:18)), неполных предложений (*Знаю* (47:09)), конструкций с союзом-частицей *а* (*А ведь это я тогда пришёл к тебе и положил свою руку тебе на голову* (46:11–46:15)), восклицательных предложений (*Ты стала больна!* (46:23–46:25)). Для усиления своих тезисов Бес прибегает к градации, воплощаемой или через присоединённые конструкции (*Ты станешь жить в ней. И жить ты станешь вечно* (46:50–46:56)), или через повтор (*Знаю. Я всё знаю!* (47:09–47:14)), а также к неполному предложению, чей предикат опущен в целях умолчания (*Вечно жить – это...* (46:57–46:58)): то, что я обещаю, настолько прекрасно, что говорить об этом невозможно.

Разговорный синтаксис закономерно влечёт за собой разговорную морфологию: отсутствие сугубо книжных словоформ, наличие разговорной частицы *ведь*, частоту глаголов в личной форме и значительное преобладание местоимений разных смысловых и грамматических разрядов (*А ведь это я тогда пришёл к тебе и положил свою руку тебе на голову* (46:11–46:15)). Совсем немного для повышения статусности говорящего применены книжные морфологические средства: краткая форма *недосягаема* и нулевое склонение слова *Сочи*.

На лексико-фразеологическом уровне книжных средств для этой цели выявлено чуть больше: в принципе книжный характер лексики *недосягаема*, книжное слово *дерзкий* и фразеологизм *бросил вызов*. Одна из задач Беса – уговорить Лизу оставить отношения с Изюмовым и отправиться за Бесом. Для достижения этой задачи персонаж прибегает к коммуникативному ходу упрёка, фамильярно называя Лизу *девочкой*, когда та рассказывает о своих мыслях насчёт Изюмова.

Той же целью служит средство морфемно-словообразовательного уровня, так как тогда же он именуется героиню *Лизонькой*, и здесь названную функцию упрёка выполняет уже уменьшительно-ласкательный суффикс *-оньк-*. На этом же уровне, что необычно, проявляется нигилистическая природа трикстера: на протяжении всего фильма Бес часто использует отрицательные частицы и слова с отрицательными префиксами *не-* и *без-*, и два подобных случая приходится на данный эпизод: **недосягаема** и **неправда**.

Описанные особенности прямо сказываются на фонетике персонажа. Восклицательное предложение *Ты стала больна!* (46:23–46:25) потребовало эмфатического удлинения последнего гласного звука и произнесения всей фразы со второй интонационной конструкцией, здесь структурно необязательной. Коммуникативный ход упрёка, уже рассмотренный в связи со случаем **Лизонька, девочка**, у меня в Париже есть вила (46:42–46:45), воплощён не только уменьшительно-ласкательным суффиксом и фамильярным обращением, но и пейоративно окрашенной седьмой интонационной конструкцией (правда, без смычки), с которой эти два обращения были произнесены Бесом. Выразительное умолчание из разобранного случая *Ве⁵чно жи⁵ть – это⁶...* (46:57–46:58) усиливает свой эффект за счёт произнесения этой фразы с пятой и шестой конструкциями (центры отмечены цифрами в примере). Наконец, самопрезентации способствует книжное произнесение слов *сейчас*, без выпадения звука [и], и *телеграмму*, с долгим произнесением звука [м].

Таким образом, элементы речевой характеристики Беса как в кинокартине в целом, так и в отдельных эпизодах оказались не просто взаимосвязаны и взаимообусловлены, но системно организованы. Эстетическая природа персонажа, основанная на мифологемах беса и психопомпа, литературном типе антагониста и архетипе трикстера, предопределила весь набор прагматических установок, коммуникативных стратегий и тактик, речевого поведения и смыслового наполнения речевых партий. Те же эстетические категории вкупе с коммуникативными установками повлияли на отбор собственно речевых категорий в партиях: элементов стилизации, функционально-смысловых типов речи, речевых жанров. Речевые категории для своего воплощения потребовали строго определённых языковых единиц, причём та или иная, например, синтаксическая единица неизбежно влекла за собой конкретную фонетическую, а отдельные особенности лексики отражались и на морфемной специфике выбранных слов. Следовательно, все компоненты речевой характеристики персонажа художественного произведения действительно существуют не самостоятельно и обособленно друг от друга и от своего смыслового наполнения, но объединяются в сложную систему, организованную иерархически как ситуативным, так и эстетическим фактором. Добавим напоследок, что смысл художественного образа влияет на его речевое воплощение, а речевое воплощение этого образа позволяет лучше уточнить его смысл.

Литература

1. Баранникова А.С. Передача фонетических особенностей речи персонажей в романе Дж. Тула «Сговор остолопов» / А.С. Баранникова, И.В. Погорелова // Лингвистика. Лингводидактика. Межкультурная коммуникация: сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского, 2025. – С. 11–14.
2. Бес (Виталий Дудин, 1991). – URL: <https://ok.ru/video/6245066410685> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Забелина С.С. Архетип трикстера: от мифов и легенд до современного фэнтези // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики: материалы IV Международной научно-практической

конференции (Москва, 3 марта 2023 г.). – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 222–227.

4. Максимюк Е.В. Функциональный диапазон форм отрицания как отражение ценностной картины мира (на материале речевых портретов главных героев сериалов «Интерны» и «House, M.D.») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 3. – С. 64–73.

5. Сальников В.Б. Лингвопоэтический речевой портрет мудрого старца (на материале образа Мастера из мистического фильма «Экстрасенс») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 11. – С. 4705–4716.

6. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – 496 с.

**SYSTEMIC UNITY OF THE COMPONENTS OF THE SPEECH CHARACTERISTICS
OF A FILM CHARACTER (BASED ON THE SPEECH PORTRAIT
OF THE ANTAGONIST OF THE DOMESTIC MYSTICAL FILM “BES”)**

V.B. Salnikov

Russia, Ufa, Ufa Professional College named after Hero of the Soviet Union Sultan Bikeev

Abstract. The article proves the systemic nature of a character's speech patterns, both as parts of the overall text of a work of fiction and as an independent textual whole. Using the example of an analysis of the lines of a character in the mystical film “Bes” (Russia, 1991), it is argued that the systemic unity of the components of a film character's speech is achieved through the organizing role of aesthetic parameters and pragmatic attitudes.

Keywords: speech patterns, film “Bes”, speech, portrait.

УДК 81'42

Тарасова И.А.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Россия, г. Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

tarasovaia@mail.ru

В работах Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2002; 2011; 2021] убедительно раскрыта когнитивно-синергетическая природа художественного дискурса, его смысло- и миромоделирующая функция. По мысли ученого, именно художественный дискурс является синергетической базой порождения образного слова, конденсирующего в себе смысловую энергию. Смыслорождающая энергия дискурса обусловлена, в том числе, знаково-символической интерпретацией первичных образов, а также образов, уже вошедших в дискурсивное пространство [Алефиренко 2011: 115]. Думается, что такое высвобождение энергии происходит при разгадке интертекстуального знака, «снятия» его смысловых напластований в процессе интерпретации. Продемонстрируем это на примере анализа поэтического текста.

Интертекстуальный образ, говоря словами Н.Ф. Алефиренко, – это «речевой экстракт обмена скрытыми мыслями» [Алефиренко 2011: 114], поэтому он не только синергетичен, но и имплицитен. Обнаружить эти импликации – важнейшая задача интертекстуального подхода.

Предметом нашего анализа послужили два интертекстуальных образа (*Цитера* и *Кикапу*), выраженные именами собственными и отсылающие к двум

поэтическим мирам представителей русской эмиграции – Игоря Чиннова и Георгия Иванова, вступающих в коммуникативное взаимодействие.

Первый интертекстуальный образ – *Цитера*. Обращение к Национальному корпусу русского языка (Поэтическому подкорпусу)⁸ позволяет проследить историю этого мифонима и раскрыть его символический потенциал.

Образ Цитеры (Киферы) представляет собой классический античный тоpos, глубоко укорененный в европейской и отечественной культуре. В русской поэтической традиции он употребляется в двух вариантах: как топоним – центр культа Афродиты (Венеры) – и метонимически – как обозначение самой богини любви (у М. Хераскова, Г. Державина, В. Жуковского и А. Пушкина). В оде А.С. Пушкина «Вольность» Венера перифрастически именуется *царицей Цитеры*. Один из частотных мотивов, связанный с этим образом – мотив путешествия на Цитеру («езды в остров любви» – В.К. Тредиаковский). Наиболее значимыми контекстами интерпретации традиционного топоса в культуре XVIII века являются поэма И. Богдановича «Душенька» (1782), где оним Цитера встречается 3 раза в рифменной паре с Венерой, и живописное полотно А. Ватто («L'embarquement pour Cythere»). Заметим, что живописная традиция выступает неотъемлемой частью интертекстуального фонда.

Г. Иванов обращается к мотиву отплытия на Цитеру неоднократно. Дважды он выбирает его для названия своих стихотворных сборников разных периодов творчества, что позволяет говорить о Цитере как ключевом концепте художественного мира Г. Иванова. Однако семантика образа претерпела радикальную трансформацию.

В первом сборнике поэта (1911) локус Цитеры упоминается в сниженном ключе: *Смуглый отрок, лиру строя, На красавиц целит глаз. Не успела глянуть Хлоя, Как стрела ей в грудь впилась <...> Не избежать на Цитере Купидоновых сетей!* [Иванов 2005: 115]. Цитера раннего Г. Иванова – безусловно, элемент традиционного поэтического словаря, включенный в систему традиционных рифменных пар (*Цитера – Венера*) и мифологических атрибутов. Начиная автор присваивает энергию готового образа, иронически подсвечивая его, но не меняя кардинально. Заглавие первой книги Г. Иванова соотносится с традицией русской поэзии конца XVIII – первой четверти XIX века и совмещает в себе поэтические значения ареала любви и поэтического творчества (К. Батюшков, Е. Баратынский).

Название вышедшей в эмиграции (1937) книги избранных стихотворений Г. Иванова повторяло название первого сборника. Но Цитера Г. Иванова периода эмиграции – меньше всего остров любви: она приобретает контуры острова смерти. «Сильным» контекстом, позволяющим верифицировать эту гипотезу, является стихотворение «Потеряв даже в прошлое веру...», где мотив отплытия однозначно прочитывается как путь к смерти через введение показательного сравнения: *Грусть любуется лунным пейзажем, Смерть, как парус, шумит за кормой...* [Иванов 2005: 283]. Интересно, что Г. Иванов сохраняет отсылку к знаковому произведению А. Ватто, но эта аллюзия служит теперь источником мортальной образности: лексемы «синеватый» и «сиянье» обладают в лексиконе Г. Иванова устойчивой символикой смерти: *Уплываем теперь на Цитеру В синеватом сияньи Ватто* [Там же]. В журнальной публикации 1952 года стихотворение «Мне больше не страшно. Мне томно...» заканчивалось строфой: *Я вижу со сцены – к партеру Сиянье... Жизнь... Облака... Отплыть на остров Цитеру, Где нас поджидала че-ка* [Иванов 2005: 649]. Семантикой смерти обладают здесь как узуальные (*пропасть, Жизнь*), так и индивидуально-авторские образы (*полёт, сиянье, облако*), в параллельную

⁸ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/poetic> (дата обращения: 12.12.2025).

конструкцию с которыми включается мотив отплытия. Стихотворение завершается трансформацией «вашей России» в Россию советскую (*Россию че-ка*) и их неожиданным отождествлением с островом Цитерой. Территория искусства оборачивается территорией смерти. Энергия образа здесь совершенно другая. Имплицитное противопоставление любви и смерти, заключенное внутри символического знака «остров Цитера», создает напряженное поле интерпретации, заставляя читателя почти физически ощутить контраст между прошлым и настоящим – поэтической традицией, русской культурой и тем, что пришло ей на смену.

Так Г. Иванов многократно увеличивает смысловой и энергетический потенциал интертекстуального образа, закладывая в него возможность иной – полярной – интерпретации. Этот переосмысленный образ Цитеры (от локуса любви – к территории смерти) укореняется в художественном дискурсе, становясь, в свою очередь, объектом творческого диалога, инструментом порождения новых смыслов.

Некрологическая символика традиционного поэтического образа развивается в стихотворениях последнего поэта «парижской ноты» Игоря Чиннова. Согласно образной логике И. Чиннова, остров Цитера – конечная точка человеческого существования, его финальная перспектива.

Первая строфа стихотворения «На остров Цитеру. Выпьем в пути...» (1970) представляет собою пастиш из ивановских образов:

На остров Цитеру. Выпьем в пути.
Ну что? Цикута в бокале?
И горький миндаль. Миндаль? Почти
Цианистый калий [Чиннов 2000: 261]

Предложно-падежная конструкция «на остров Цитеру», представленная как отдельное предложение, опознается как «осколок» мотивного комплекса «отплытия» и отсылает как к стихотворению Г. Иванова, так и к названию его сборника 1937 года. Структурная неполнота этого предложения заставляет увидеть в нем реплику диалога со своим поэтическим пропонентом. Эта интертекстуальная отсылка поддерживается следующей синтагмой: «выпьем в пути» – аллюзией на стихотворение Г. Иванова «Уплывают маленькие ялики...» – одну из многочисленных вариаций ивановского мотива путешествия в вечность. В этом стихотворении Г. Иванов перифрастически изображает вечность как «золотой междупланетный омут» [Иванов 2005: 306], грозящий поглотить лирического героя. И. Чиннов соединяет в своем тексте два метафорических водных пути – путь к смерти и путь в вечность, довольно точно моделируя топологию художественного мира своего литературного наставника и напоминая о его «метафизическом цинизме»: «Припасли, дружок, немного водочки, Вот теперь ее и разопьем...» [Там же].

Импликация смерти, которая объединяет эти интертекстуальные отсылки, поддерживается через введение растительных «ядовитых» заместителей «водочки» – цикуты и горького миндаля – и окончательно обнажается в конце строфы, с появлением каузатора смерти – цианистого калия. Линейная конфигурация символов порождает цепную реакцию, в результате которой высвобождается энергия интертекста как хранилища культурных смыслов. Стратегия интертекстуальности реализуется через конвергенцию ивановских образов.

«Цианистый калий» – тоже интертекстуальный знак, вошедший через эпиграф Г. Адамовича в текст ивановского стихотворения «Как вы когда-то разборчивы были...»: *Стал нашим хлебом цианистый калий...* [Иванов 2005: 294] – образную картину эмигрантского существования. У И. Чиннова цианистый калий – метафорическое обозначение «отравленной» крови лирического героя. Заданная Г. Ивановым тема обогащается вариантами концептуальных моделей жизнь –

плавание, жизнь – напиток, чувство – вещество (*остатки надежд, крупницы любви, сухие кристаллы печали*).

Представляется, что стихотворение И. Чиннова не случайно входит в цикл «Галлюцинации и аллитерации»: оно демонстрирует, в том числе, фонетическую связь ключевых образов, ресурсы смыслообразования, энергию, которую заключает в себе поэтически и символически интерпретированный звукокомплекс. Цитера оказывается одним из многочисленных символов смерти, связанных между собой фонетически: *Цитера – цианистый – цукута* (устойчивый символ смерти у самого Чиннова).

Стихотворение И. Чиннова «Как белые птицы, летали высокие ноты...» (1984), ритмически (Аф5ж) напоминает «Мы дышим предчувствием снега и первых морозов...» Г. Иванова. А. Семина отмечает диалогизм на метрическом уровне как характерную черту поэтики И. Чиннова [Семина 2021: 216]. Отправной точкой энергийного взаимодействия текста и претекста становится ритмомелодика двух стихотворений.

Сравните у И. Чиннова:

*Как белые птицы, летали высокие ноты,
И к нам опускались флейтисты с нездешнего неба.
Над пыльной дорогой мерцали следы позолоты,
Как тень Аполлона, как тень лучезарного Феба* [Чиннов 2000: 515].

У Г. Иванова:

*Мы дышим предчувствием снега и первых морозов,
Осенней листвы золотая колышется пена,
А небо пустынно, и запад томительно розов,
Как нежные губы, что тронуты краской Дорэна* [Иванов 2005: 434].

Стихотворные тексты связаны лексическими перекличками, определяющими образный слой: нездешнее небо – небо пустынно, следы позолоты – золотая пена листвы, розовый запад – тень лучезарного Феба. Упомянутые И. Чинновым пейзажи Ватто и Лоррена усиливают ассоциацию с художественным миром раннего Г. Иванова, однако ключевой интертекстуальный образ Цитеры (*Они улетали на радостный остров Цитеру* [Чиннов 2000: 515]) в указанном стихотворении Г. Иванова мы не находим: он, с одной стороны, служит дополнительным указателем на автора претекста, с другой – задает новый контекст интерпретации. В стихотворении Г. Иванова влюбленные встречаются в царстве мертвых, поэтому радостный остров любви осмысливается и как недоступная мечта, недостижимое пространство, и как локус, заданный поэтической традицией, которая нуждается как в опровержении, так и в поддержании.

Под пером И. Чиннова элегическое пространство раннего Г. Иванова превращается в пространство фантастическое: в нем летают не только птицы, но и флейтисты, конторщики, продавцы... Остров Цитера – своеобразный аттрактор, идеальное конечное состояние, к которому стремится возможный мир. Так И. Чиннов возвращает интертекстуальному образу его первоначальную оценочную коннотацию, закрепляя его амбивалентность.

Если в случае с Цитерой Г. Иванова заимствует традиционную мифологию и творчески преобразует её, то появление в «Посмертном дневнике» загадочного образа *Кикапу* позволяет проследить историю индивидуального образа, ставшего интертекстуальным знаком.

Как указывает А.Ю. Арьев, стихотворение Г. Иванова начинается неточной, что подчеркнуто самим автором («Не так... Забыл...») цитатой из произведения Т. Чурилина «Конец Кикапу»: *Побрили Кикапу в последний раз, Помыли Кикапу в*

последний раз! Волос и крови полный таз. Да-с [Иванов 2005: 334]. Претекст входил в сборник Т. Чурилина «Весна после смерти» (1915), который поэт опубликовал после двухгодичного пребывания в лечебнице для душевнобольных. Основные мотивы книги – одиночество, болезнь, безумие и смерть. Концепт «Смерть» вербализуется лексемами, соотносящиеся со смертью в прямом значении (*убил, убитый, моя смерть*), эвфемистически (*в последний раз, пора*), символически (*настежь обе двери, я, как погибший Титаник, иду на дно*). В этот образный ряд включается антропоним Кикапу – автономизация лирического героя книги.

В ассоциативно-смысловом поле имени главного героя наблюдаются отсылки к произведению Э. По «Человек, которого изрубили в куски. История последней кампании против бугабу и кикапу» [Иванов 2005: 663], что обусловило появление «индейских» реалий: «Мой клик – Кикапу! На свою, на свою я повел бы тропу» [Там же]. Название индейского племени, упомянутое Э. По, превратилось у Т. Чурилина в имя собственное.

Образ Т. Чурилина постоянно двоится: в наименовании лирического героя чередуются формы 1 и 3 лица, амбивалентная оценка совмещает «голос толпы» (*Урод, о урод! Идиот*) и самохарактеристику героя (*Я счастье народа, Я горе народа. Я – гений убитого рода*). В финальном стихотворении «Пьяное утро» образ обогащается еще одной, фонетической ассоциацией: «Кикапу! Рококо...», отсылающей к сфере безумия, абсурда. Имя Кикапу становится знаком бессмысленности бытия и умирания человеческой личности.

Именно эта символическая компонента образа эксплицирована Г. Ивановым: *Но Кикапу меня бессмысленно тревожит...* [Иванов 2005: 334] В смысловом пространстве «Посмертного дневника» Кикапу – существо, обреченное на смерть: *Он больше ничего не может, Как умереть* [Там же].

Интертекстуальный блок ассоциаций включает образы сбритых волос и крови, предикативные характеристики героя (*побрили, помыли, умереть*). Глагол «умереть», маркирующий сферу смерти, обуславливает появление ассоциатов, связанных со смертью каузативными отношениями. Если для героя Чурилина это режущие предметы, угрожающие со стороны (бритва, нож), то для лирического героя Г. Иванова – это орудия самоубийства. Смерть и безумие объединяются в алогичном, гротескном образе: *Висит в шкапу – Не он висит, а мой пиджак – И все не то, и все не так* [Иванов 2005: 334].

Возникающий в «Посмертном дневнике» Г. Иванова как образ измененного состояния сознания лирического героя, *Кикапу* у Чиннова «обретает вторую жизнь» [Хадынская 2020: 85] и становится полноправным обитателем гротескного адского мира (наряду с другими персонажами Г. Иванова):

Может быть, оба мы будем в аду.

Чертик, зеленый, как какаду,

Скажет: «Вы курите? *Кукареку* <...>

В шипящем котле сидит *Кикапу*... [Чиннов 2000: 245].

Верный своей стратегии паронимического сближения интертекстуальных знаков, их конвергенции, Чиннов объединяет в пределах одного текста фантомного *Кикапу*, *чертика-кенгуру*, аллюзивно отсылающего к веселящемуся кенгуру Г. Иванова [Иванов 2005: 298], и звукоподражательное *кукареку*, употребляемое Г. Ивановым (в формах *кукуреку*, *ку-ку-реку*) в качестве символа бессилия поэтического слова отобразить мир, утративший гармонию [Иванов 2005: 208, 331]. Как справедливо отмечает А.А. Хадынская, игровой гротекст используется И. Чинновым как форма миропостроения [Хадынская 2020: 80], а фонетическое сходство ивановских образов заставляет воспринимать их как один интертекстуальный ряд и настойчиво подсказывает читателю, к кому из литературных предшественников апеллирует И. Чиннов в процессе создания своей абсурдистской поэтической вселенной.

Итак, синергичное взаимодействие мысли и слова определяет природу интертекстуального образа, коммуникативный характер которого приводит к созданию нового ассоциативного смысла.

Энергичный потенциал интертекстуального знака определяется способностью читателя произвести работу по его дешифровке.

В качестве помощи читателю И. Чиннов избирает стратегию конвергенции интертекстуальных маркеров, несущих сходный смысл и отсылающих к поэтическому миру создателя литературных претекстов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Автохтонная синергия русского художественного дискурса / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, З.Х. Шахпутова // Русистика. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 253–270.

2. Алефиренко Н.Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, К.К. Стебунова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – № 18 (2). – С. 313–338.

3. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.

4. Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 1 (23). – С. 114–119.

5. Иванов Г.В. Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста, примеч. А.Ю. Арьева. – СПб.: Академический проект, 2005. – 768 с.

6. Семина А. «Контрапунктик музыканта»: интонация и диалогизм в поэзии И. Чиннова // Филология и культура. – 2021. – № 4 (66). – С. 215–224.

7. Хадынская А.А. Георгий Иванов и Игорь Чиннов: специфика гротескного миромоделирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2020. – Т. 26. – № 2 (197). – С. 67–88.

8. Чиннов И.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т.1: Стихотворения / Составление, подготовка текста, вступ. ст., коммент. О.А. Кузнецовой. – М.: Согласие, 2000. – 576 с.

INTERTEXTUAL IMAGE IN A LITERARY TEXT

I.A. Tarasova

Russia, Saratov, Saratov State University

Abstract. The article develops N.F. Alefirenko's idea that artistic discourse is the synergetic basis for the generation of figurative language. It is proposed that the meaning construction energy of discourse is determined by the symbolic interpretation of intertextual images that have already entered the discursive space. Proper names (Citera and Kikapu) referencing the artistic worlds of G. Ivanov and I. Chinov are used as examples of analysis.

Keywords: artistic discourse, intertextual image, Georgy Ivanov, Igor Chinov.

Чересюк П.А.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕНСОРНЫХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ
Л.Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университетcheresyuk@bsuedu.ru

В художественном тексте лексика чувственного восприятия раскрывается во всей палитре семантических оттенков и выразительных возможностей, превращаясь в средство образного мышления.

В повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье» перцептивная лексика становится средством художественной выразительности, позволяя не только детализировать описания, но и формировать эмоциональный фон, раскрывать внутренний мир героини Маши. В отличие от более поздних произведений классика, в повести всё описание идёт от лица женщины (запахи сада, звуки природы, тактильные впечатления). В повести репрезентируется не мир сам по себе, а его образ, преломлённый через систему чувственных восприятий героини. Автор конструирует «женскую» чувственность через язык.

Настоящее исследование опирается на результаты изучения лексических репрезентаций сенсорных образов, представленные в работе Н.В. Разумковой [Разумкова 2022]. В ходе анализа повести «Семейное счастье» были выявлены контексты с лексикой чувственного восприятия. Основанием выделения послужил способ воздействия на чувства и ощущения читателя через образы обоняния, осязания, вкуса, зрения и слуха.

Обонятельные, осязательные и вкусовые образы. Вербально отмеченные признаки запаха имеют реальную мотивировку. Например: «*Ветер замер, ни один лист, ни одна травка не шевелилась, **запах сирени и черемухи** так сильно, как будто весь воздух цвел, ...*» [Толстой: URL]. В моменты эмоционального напряжения или умиротворения Маша замечает ароматы: «*Отовсюду сильнее **запахло цветами**, ...*» [Толстой: URL]. Обонятельные детали создают атмосферу чувственного восприятия мира: «*... как только подошел к вам после всей этой пыли, жару, трудов, так и **запахло фиалкой. И не душистой фиалкой, а знаете, этою первою, темненькою, которая пахнет снежком талым и травюю весеннею***» [Толстой: URL]. Выделенные существительные *сирень, черёмуха, фиалка, цветы и трава* указывают на источник запаха (запах сирени и черёмухи, запах цветов). Лексема *фиалка* пробуждает в памяти Маши воспоминание – при встрече Сергей Михайлович ласково называл её «молодая фиалка».

Лексика с семантикой тактильных ощущений усиливает чувство реальности и связи с природой: «*..., иногда в одной кофточке, потихоньку от Кати, выходила в сад и по **розе** бегала до пруда, ...*» [Толстой: URL]; «*Всё было **мокро, холодно, светло, и в саду в первый раз замечался осенний простор, пестрота и оголенность***» [Толстой: URL]; «*... **холодная** струя воды из лейки кругами чернила вскопанную землю около стволов георгин и подпорок*» [Толстой: URL]. Лексика тактильных ощущений маркирует этапы внутреннего пути Маши. В начале – радость и лёгкость: бег по *розе* как символ свободы и беспечности. Более сложные ощущения передаются деталями *мокро, холодно*, которые отражают переход к взрослению. *Холод* уже не просто физическое свойство среды, а метафора эмоциональной дистанции и первых разочарований.

Прилагательное *холодный* в текстовом пространстве создаёт ощущение ясности ума: «*И после дождей, начавшихся летом, прояснился первый **холодный** и*

блестящий осенний вечер» [Толстой: URL]. Отношения Маши и Сергея Михайловича, зародившиеся в начале лета, носили непонятный характер, но после дождей прояснился первый холодный вечер – ‘Основанный на доводах рассудка’ [Большой толковый словарь русского языка: URL].

Фактура поверхности проявляется в словах с семантикой шершавости: «**Сморщенные** яркие кисти рябины краснелись на ветках с убитыми морозом редкими, покоробившимися листьями, георгины **сморщились** и почернели» [Толстой: URL].

Синестетический образ представлен в примере: «Я (Маша – П.Ч.) ответила **холодным взглядом**, который говорил: "нечего спрашивать! что за любезности?"» [Толстой: URL]. В выражении *холодный взгляд* происходит перенос тактильного ощущения (температуры) на зрительное восприятие (взгляд). Согласно классификации Н.Д. Арутюновой это пример нестрогой синестезии – перенос качеств между разными сенсорными сферами без полного совпадения смыслов [Арутюнова 1978]. Холод не описывает реальную температуру, а служит эмоциональной метафорой – нежелание героини разговаривать с собеседником.

Тактильные маркеры создают ощущение физического обновления. В лингвистической картине мира Л.Н. Толстого холод – это не только температура, но и нравственная категория. Осязаемые детали заземляют романтический образ, делая его подлинным. Усиливают чувство реальности и связи с природой.

Вкусовые образы в тексте репрезентированы лексемой *сладкий* и производными от неё лексическими единицами. Используются автором не для описания еды, а для характеристики человеческих отношений или эмоционального состояния героев: «...хотелось закрыть глаза и ничего не видеть, не слышать, кроме этого **сладкого запаха**» [Толстой: URL]; «А из сада всё сильнее и **слаще** поднималась **пахучая свежесть** ночи, ...» [Толстой: URL]. Мастерство Л.Н. Толстого строится не на прямых названиях чувств, а на перцептивных маркерах. *Сладкий запах* – классический пример синестезии, когда запах ассоциируется с чем-то, что имеет сладкий вкус (мёд, цветы). Эпитет *пахучая свежесть* передаёт радость и умиротворение героини. Образ связывает физическое ощущение с переменами в её душе.

Визуальные маркеры придают текстовому пространству непосредственную наглядность. Зрительный ряд в саду лишен бытовых подробностей, он строится на игре света, тени и чистоты. Например: «На небе было **ясно**, холодно и **бледно**» [Толстой: URL]; «Я прижалась к стене и хотела уже вскрикнуть, но мышь так же беззвучно и быстро вынырнула из-под навеса и скрылась в **полутьме** сада» [Толстой: URL]; «Листва березовой аллеи была вся **прозрачна** на заходящем солнце» [Толстой: URL].

Автор использует колоративную лексику для создания визуальной картины и детализации образов: «Кудрявые кусты **сирени** кое-где как будто посыпаны были сверху чем-то **белым** и **лиловым**» [Толстой: URL]. Обратим внимание на прилагательное *лиловый*: у Л.Н. Толстого лиловый цвет был одним из любимых. Через изображение куста сирени с его лиловыми соцветиями автор выстраивает колористическую связь внутри художественного пространства. Сирень часто ассоциируется с весной, возрождением природы и пробуждением чувств. В русской литературе этот цветок становится символом зарождающейся любви, счастья и нежности.

Рассмотрим другой пример со светолексемой: «И после дождей, начавшихся летом, прояснился первый холодный и **блестящий** осенний вечер» [Толстой: URL]; «Я вышла в сад. Солнце только что вошло и **блестело** раздробленно сквозь облетевшие **желтеющие** липы аллеи» [Толстой: URL]. Автор использует глагол *блестело*, который обозначает оптическое свойство поверхности –

способность отражать цвет, передавать блики, сверкать. Глагол не называет конкретный цвет, но передаёт световые характеристик: яркость, блеск и глянец.

В текстовом пространстве фиксируется употребление конкретно-предметной лексемы, наделённой колоративной семантикой: «Сад уже был весь в **зелени**, в заросших клумбах уже поселились соловьи на все Петровки» [Толстой: URL].

В следующем примере представлена структура описываемого объекта: «**Кудрявые кусты сирени** ...» [Толстой: URL]. *Кудрявые кусты* – метафорический эпитет, переносящий черты человеческой внешности на растение. Куст сирени сравнивается с кудрявым человеком – это придаёт описанию лёгкость и игривость. Образ задействует сразу несколько модальностей: зрение (форма), обоняние (аромат), осязание (ощущение мягкости соцветий) и слух (шелест). Кудрявый куст сирени символизирует пробуждение жизни и домашний уют.

Зрительные образы сада подчёркивают романтизм Маши в начале отношений и отражают охлаждение чувств, когда Маша становится женой и матерью. Например: «Я, **прижавшись** к углу, смотрела в окно на далекие светлые поля и на дорогу, убегающую в **холодном блеске** месяца» [Толстой: URL]. *Холодный блеск месяца* – ключевой образ для передачи эмоционального состояния. *Блеск* – яркий, но безжизненный свет. В отличие от солнечного тепла, лунный свет не согревает, а лишь освещает. Прилагательное *холодный* – прямое указание на охлаждение чувств. Эпитет задаёт тон всему описанию: семейная жизнь больше не греет, а оставляет ощущение пустоты и отстранённости. *Прижавшись к углу* – тактильный образ, передающий физическую замкнутость и психологическую зажатость. Это подчёркивает эмоциональную дистанцию между Машей и её мужем. Сенсорные образы не просто описывают пейзаж, а передают тоску, отчуждение и разочарование от брака.

Звуковые образы. Звуковая архитектоника базируется на дихотомии: звучание и молчание. Например: «На дворе за садом **слышались** последние **звуки** дня, **шум** пригнанного стада» [Толстой: URL]; «Я прижалась к стене и хотела уже вскрикнуть, но мышь так же **беззвучно** и быстро вынырнула из-под навеса и скрылась в полутьме сада» [Толстой: URL]. Тишина и шум окружающего мира акцентируют внутренние конфликты.

Рассмотрим пример: «А там где-то в **блеске**, в **шуме** волновались, страдали и радовались толпы людей, не думая о нас и о нашем ушедшем существовании» [Толстой: URL]. *Шум* – символ динамичной, насыщенной жизни, полной эмоций, событий и страстей. Он противопоставлен тишине и монотонности домашнего быта, который начинает тяготить героиню. Шум объединён в паре с *блеском* – зрительным образом. Вместе они создают полимодальный образ светской жизни: яркий, громкий и притягательный. Шум становится метафорой жизни, которая проходит мимо Маши.

Звуки сада в повести не просто слышны – они отдаются в сердце, создавая связь между природой и внутренним миром. Например: «Только **соловей** уже не по-вечернему, отрывисто и нерешительно, а по-ночному, неторопливо, спокойно, **заливался** на весь сад, и другой снизу от оврага, в первый раз нынешний вечер, издали **откликнулся** ему» [Толстой: URL]; «Ближайший **замолк**, как будто прислушался на минуту, и еще резче и напряженнее **залился** пересыпчатой **звонкой трелью**» [Толстой: URL]; «А всё то же: тот же сад виден в окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка вон там над оврагом, те же **соловьиные песни** несутся от пруда, ...» [Толстой: URL]. Соловьи представляются нам Машей и Сергеем Михайловичем. Словосочетание *издали откликнулся* вербализует преодоление дистанции между героями. Глагол *заливаться* и его производные несут семантику избыточности и полноты. Для Маши это перцептивный эквивалент счастья. *Звонкая трель* становится акустическим зеркалом её души.

Источниками звука выступают листья: «Дорожка была устлана **шуршавшими** листьями» [Толстой: URL]; «И мы точно ходили по дорожкам, ... **сухой** лист шуршал под ногою, и свежая ветка задевала меня по лицу» [Толстой: URL]. Повторяющийся звук «шуршал» задаёт ритм шагов, подчёркивая размеренность прогулки. Шуршание вызывает чувство умиротворения и расслабления, не требует активного внимания и создаёт фоновый комфорт.

Таким образом, лексические репрезентации сенсорных образов в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье» выступают как значимый элемент художественной системы. Анализ показал, что лексика чувственного восприятия представлена системно: зрительные образы (колоративная лексика, светолексемы, структура), слуховые образы (акустические предикаты), осязательные впечатления (тактильные маркеры температуры, текстуры), обонятельные образы (ольфакторные маркеры) и вкусовые ощущения (вкусовая лексика). Синестетические метафоры в тексте объединяют разные типы ощущений. Лексика чувственного восприятия помогает раскрыть внутренний мир героини Маши. Через сенсорные детали автор передаёт динамику её эмоционального состояния, маркирует этапы её личностного становления и взросления, показывает связь между внешними впечатлениями и внутренними переживаниями, создаёт эффект присутствия.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1978. – № 4. – С.333–343.
2. Апостолов Н.Н. «Лиловый» цвет в творчестве Толстого // Толстой и о Толстом: Новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. – М., 1927. – С. 175–177.
3. Кафанова О.Б. Сад как зеркало любовно-семейных отношений в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье». // Казанский лингвистический журнал. – 2025. – № 8 (2). – С. 166–179.
4. Марков М.Р. Способы выражения проприоцептивных сенсорных образов в романе французского писателя Анри Барбюса «Le feu» («огонь»). // Лингвистика и образование. – 2025. – Т. 5. – № 1. – С. 117–137.
5. Разумкова Н.В. Лексические репрезентации сенсорных образов в лирике Осипа Мандельштама // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – Томск. – 2022. – Т. 8. – № 3 (31). – С. 23–44.
6. Толстой Л.Н. Семейное счастье // Lib.ru/Классика/ – URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0039.shtml (дата обращения: 18.03.2026).

LEXICAL REPRESENTATION OF SENSORY IMAGES IN LEO TOLSTOY'S NOVEL “FAMILY HAPPINESS”

P.A. Cheresyuk

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article examines the lexical means of representing sensory images in Leo Tolstoy's novella "Family Happiness". The following perception modalities were identified: olfactory, tactile, gustatory, visual and auditory, as well as synesthetic images. The results of the study allow us to comprehend the artistic method of Leo Tolstoy and the role of sensory vocabulary in the formation of reader's perception.

Keywords: L.N. Tolstoy, "Family happiness", vocabulary of sensory perception, artistic text, synesthesia, imagery, sensory images.

Чумак-Жунь И.И.

**ИМЯ СОБСТВЕННОЕ НИКОЛАЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СМЫСЛОВ**

Россия, г. Белгород, Белгородский национальный исследовательский университет
chumak@bsuedu.ru

Дорогому Учителю Николаю Федоровичу посвящается.

*Я также, Николай Гомерович почтенный,
Имею честь поздравить Вас,
С тем, что когда-то в этот час
Вы были Николай новорожденный.
(В.А. Жуковский. Записка к Н.И. Гнедичу)*

Поэтический дискурс как текстопрождающая среда диктует специфические законы для функционирования поэтического слова, в том числе, поэтического имени собственного. «По словам К.С. Станиславского, одно из главных противоречий между прозаическими и стихотворными формами речи в том, что у них разные темпо-ритмы, что их размеры по-разному влияют на нашу эмоциональную память, на наши воспоминания, чувствования, переживания» [Чумак-Жунь 2009: 3].

«В поэтическом тексте происходит модификация значения слова звучанием, принудительное воздействие метрики на отбор языковых средств, интеграция слов посредством ритма в единое целое – все то, что названо И. Бродским «колоссальным ускорителем сознания поэта» [Алефиренко 2025: 157]. По словам Ю.М. Лотмана, «...входя в состав единой целостной структуры стихотворения, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку» [Лотман 1972: 38].

Это представление об «автономности» поэтического дискурса через особую коннотацию прилагательного *поэтический* закрепилось как в обыденном языковом сознании (где слово приобрело признаки качественного прилагательного: *поэтический взгляд, поэтический вздох, поэтический жест* и т.д.), так и в терминосистеме лингвопоэтики. В поэтическом дискурсе знаки вторичного семиозиса заключаются в своего рода «модусные рамки» (о которых пишут М.И. Сидорова и А.А. Липгарт [Сидорова 2018]), при этом слово *поэтический* выступает дискурсивным спецификатором.

Так, сочетание *поэтическое слово* обозначает знак, который отличается от «просто слова» наличием дополнительных семантических признаков, возникающих в поэтическом контексте под влиянием «тесноты стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов).

Поэтическая фразеология (термин В.В. Виноградова) – явление динамичное, которое во многом формируется поэтическим портретом эпохи и разнится с фразеологией узуальной.

Поэтическая метафора обладает рядом дополнительных признаков, при этом, как справедливо отмечает С. Кураш, «в работе отечественных исследователей обозначены черты гомогенности метафоры и поэтического дискурса» [Кураш 2007]. Например. Н.Д. Арутюнова «указывает на актуализацию далеких и неявных связей, единство образа и смысла, диффузность значения, допущение разных интерпретаций, устранение мотивировок и разъяснений» (см. [Арутюнова 1990: 5–32]). Об этом же пишет и Вл. Новиков: «Не является ли метафорой и сам стих? Во

всяком случае, его изобретатель обладал богатым воображением, раз он решился бесконечность жизни и речи уподобить краткому мигу - строке» [Новиков 1982: 247]

Сегодня мы обращаемся к *поэтическому имени собственному*, точнее, к специфике его функционирования в поэтическом дискурсе. Семиотика имени собственного в лингвистической литературе описана неоднозначно – от полного отрицания у личного имени конкретной семантики (изначально пустого денотата) до утверждения о наличии у антропонима (о нем здесь идет речь) указаний на особенность референта. Когда речь идет о функционировании антропонима в художественном дискурсе, принято ссылаться на высказывание Ю.Н. Тынянова: «в художественном произведении нет неговорящих имен. <...> Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [Тынянов 1977: 268]. В рамках современных исследований «имя собственное в художественном тексте понимается как функционально-семантическая единица языка, речи и культуры, поскольку в его значении объединены номинативный, коннотативный, ассоциативный, культурно-ценностный компоненты» [Кузьмина 2017: 116]. Однако в поэтическом тексте имя собственное преимущественно выступает как знак вторичного семиозиса, обретающий относительную автономию от номинативной функции. В отличие от узального антропонима, фиксирующего денотат в референтной реальности, и антропонима в контексте художественной прозы, где его вариативность позволяет сделать умозаключения о характере героя положения и взаимоотношениях в контексте описываемой ситуации, в поэтическом дискурсе оно насыщается дополнительными коннотациями, мотивированными ритмом, рифмой и семантическим полем текста.

Специфические характеристики имен собственных в поэтическом тексте представлены в научной литературе преимущественно в рамках изучения онимов как идиостилевых маркеров. Цель настоящего исследования заключается в определении диахронической динамики функционирования имени в поэтическом дискурсе – от антропонима к носителю историко-культурных и прецедентных смыслов.

Одним из знаковых антропонимов в русском коммуникативном сознании является имя *Николай*, эволюцию функционирования которого в русском поэтическом дискурсе мы и проанализируем.

Знаковость этого онима обусловлена, во-первых, широкой распространенностью имени в русском именнике и богатым вариативным рядом. «Словарь русских личных имен» под редакцией Н.А. Петровского фиксирует несколько вариантов: НИКОЛАЙ, -я, м. народн. *Никола2*, -ы; прост. *Миколай*, -я и *Микола*, -ы. Отч.: *Николаевич*, *Николаевна*; разг. *Николаич*. Производные: *Николайка*; *Николаха*; *Николаша*; *Николя*; *Коля*; *Колюня*; *Колюся*; *Колюха*; *Колюша*; *Коляня*; *Коляха*; *Коляша* <...> || *Николка*; *Никула* (*Никуля*); *Никоша*» [Петровский 2005].

Происхождение имени – греческое: «Nikolaos» (νίκη – «победа», λαός – «народ»), что делает его смысловым конструктором «победитель народа» или «победитель народов».

Во-вторых, имя *Николай* выступает в качестве сакрального кода, связывающего русскую и европейскую культуру через образ святого Николая Чудотворца. В русском языковом сознании св. *Николай* представлен как постоянный прецедент. Б.А. Успенский отмечает: «Хорошо известно, что Никола (св. Николай) занимает совершенно исключительное место в русском религиозном сознании. Никола, несомненно, наиболее чтимый русский святой, почитание которого приближается к почитанию Богородицы и даже самого Христа. Это особое положение Николы на Руси неоднократно отмечали иностранные наблюдатели,

которые констатировали, что русские воздают Николе поклонение, приличествующее самому Богу» [Успенский 1982: 6].

В-третьих, имя *Николай* является знаком культурной и исторической памяти. Культурную память олицетворяют, например, фигуры Николая Михайловича Карамзина, Николая Васильевича Гоголя, Николая Степановича Гумилева, Николая Алексеевича Некрасова, Николая Алексеевича Островского. В историческо-мемориальном контексте активно используются имена императоров – Николая I и Николая II, закрепляющие в сознании представление о Николае как прецедентном имени конкретной исторической эпохи: *Николай I, Николай II*.

Национальный корпус русского языка зафиксировал в качестве наиболее активно употребляемого варианта имени собственное *Николай* (294 текста, 376 примеров).

Анализ примеров, содержащих это имя, дал возможность сделать наблюдения, которые, несомненно, могут быть спроецированы на функционирование других русских имен в диахроническом аспекте.

Поэтический текст всегда существует на фоне дискурсивно-поэтического портрета эпохи и несет её отпечаток, что не может не отразиться на специфике функционирования онима.

Так, в поэзии XVIII-начала XIX веков, в соответствии со стилистикой классицизма, которая предполагает строгое соблюдение канонов, идеализацию героев и прямолинейную обрисовку характеров, имя маркирует адресата, выступая как знак конкретной личности. Произведения, как правило, содержат указания на личные обстоятельства или факты, общие для пишущего и маркированного адресата. В сильной позиции названия определяется жанр – *Посвящение, Послание, Поздравление, Ода*. Чаще всего имя *Николай* выступает как компонент антропонимической формулы (имя, отчество, фамилия) в посвящениях, используясь в структуре эпитафии. Поэзия XVIII века дает интересную и познавательную лингвокультурологическую и историческую информацию: в эпитафиях приводится полное указание чинов, звания, статуса. Показательный пример – посвящение в оде В. П. Петрова «Под небом дышим мы, чудясь его лазорю...» (1769): *Ода Его Высочайшему превосходительству Черноморского Флота господину вице-адмиралу и Ордену Св. Александра Невского, Св. Князя Владимира первой степени И Св. Анны кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову*. В трех посвящениях 1777 года разные поэты определяют адресатом Николая Никитича Поповского, профессора красноречия и магистра философии. Это посвящения М.Н. Муравьева – Николаю Никитичу Поповскому («Таков Поповский был, что Попом быть родился...»), В.И. Майкова – К изображению Николая Никитича Поповского («Что Попе, мудрствуя, писал о человеке...»), Ф.Я. Козельского – Николаю Никитичу Поповскому («Что Попе в Англии умом высоким мнил...»).

Жанр личного обращения как «вознесение хвалы» собеседнику практически полностью исчерпал себя к середине XIX века.

Пушкинская эпоха представлена посвящениями узнаваемым историческим личностям – например, Николаю Гнедичу (В.А. Жуковский «Записка к Гнедичу» (1822; 1828), Д.И. Хвостов «Статскому советнику Николаю Ивановичу Гнедичу» (1833)) или Николаю Карамзину (А.С. Пушкин – эпитафия к Борису Годунову «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина»).

Появление выдающихся личностей ведет к изменению частотности и контекстов употребления в разные периоды. Особенно показательно функционирование имен императоров в историческом контексте: они выступают не просто как ономастические единицы, а как идеологически нагруженные знаки монархической власти, где позитивная коннотация (лояльность, божественное право) доминируют в официальной поэзии, а негативная – в подпольном или полуподпольном дискурсе. Показательно изменение коннотации имени императора.

Николай Павлович (время царствования с декабря 1825 по 1855 год), как прецедентный знак *николаевской эпохи*, первоначально воплощает имперский триумф и стабильность. В поэзии он представлен как источник надежд и чаяний (Ф.И. Тютчев «О Николай, народов победитель», 1830), но к 1830–1840 эволюционирует в символ репрессий, усиливая диахронический сдвиг от оды к сатире. В стихотворении А.И. Полежаева это народный погубитель: *Ай, ахти, ох, ура, Православный наш царь, Николай государь, В тебе мало добра! Обманул, погубил Ты миллионы голов...*(1938)). Кардинально меняется оценка в тексте Ф.И. Тютчева 1855 года: *Не богу ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые, – Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей* («Н<иколаю> П<авловичу>»).

Это имя, оставаясь прецедентным (хотя и трансформировавшись в *Николай I* после появления *Николая II*), утрачивает частотность, но функционирует в поэтическом дискурсе как элемент исторической памяти и знак эпохи. В процессе десемантизации имя теряет буквальную семантику, становясь символом с оценочной нагрузкой. У Некрасова в «Русских женщинах»: *И прежде был там рай земной, А нынче этот рай Своей заботливой рукой Расчистил Николай. Там люди заживо гниют – Ходячие гробы, Мужчины – сборище Иуд, А женщины – рабы.* Э.Г. Багрицкий усиливает негативную оценочность, представляя Николая как убийцу Пушкина – жандарма из тени: *... Наемника безжалостную руку Наводит на поэта Николай! Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса Следит– упорно, взведены ль курки, Глядят на узкий пистолет Дантеса Его тупые скользкие зрачки* (Э. Багрицкий. О Пушкине).

Начало XX века знаменуется стилистическими экспериментами, обогащением образности, при этом имя собственное зачастую используется как маркер поэтического идиостиля.

Саша Черный (1909) узнаваемо использует имя *Николай Васильевич Гоголь* как символ классической силы в эпоху упадка:

*Одни лишь черти, Вий да ведьмы, и русалки,
Попавши в плен к писателям modernes,
Зачахли, выдохлись и стали страшно жалки,
Истасканные блудом мелких скверн...
Ах, милый **Николай Васильич Гоголь!**
Как хорошо, что ты не можешь встать...*

(Саша Черный. «Смех сквозь слезы»)

Ярок образ Николая Второго у В.В. Маяковского:

*мы!
Николай второй!
двуглавый повелитель
России-тюрьмы
и прочей тартарары,
царь польский,
князь финляндский,
принц эстляндский
и барон курляндский,
издевающийся
и днем и ночью
над Россией
крестьянской и рабочей...*

(В. В. Маяковский. Корона и кепка (1927))

Символическая роль имени *Николай* заключается как в олицетворении исторически-оценочного знака власти, так и в сакральном воплощении национально-культурной идентичности русского народа, что связано с образом

Николая Чудотворца. На протяжении периода эволюции русского поэтического дискурса имя *Николай* выступает как прецедентная единица сакрального кода, воплощая образ святого Николая – «символ абсолютной реализации чуда, объединяющий добродетель и человеколюбие в проявлениях милосердия, любви, сопереживания и кротости» [Черкасова 2025: 123]. Следует согласиться с И.П. Черкасовой, которая пишет о феномене концептуализации образа святого Николая в русском поэтическом дискурсе [Черкасова 2025]. Глубоко укоренившийся в национальном сознании, этот концепт встречается в разных интерпретациях и поэтических контекстах, при этом всегда представляя соборность русского народа и его веру в чудо. Символично, что первое и последнее употребление онима в Национальном корпусе связано именно с именем святого Николая:

– конец XVIII века, А. Д. Кантемир: *Сегодня один из тех дней свят Николаю, / Для чего весь город пьян от края до края;*

– начало XXI века, О.Г. Чухонцев: *Однако иконка картонная, Николай Чудотворец, все же была прикинута*

Как мы видим, использование антропонима *Николай* в поэтическом дискурсе связано с оценочностью, сакральностью, исторической памятью, национально-культурной маркированностью и обусловлено такими факторами, как поэтическая эпоха, особенности формального построения поэтического текста, индивидуально-авторская картина мира поэта. Антропоним в поэзии превращается в символ, где буквальное значение уступает место ассоциативному и эмоциональному резонансу, усиливая модусность дискурса.

Литература

1. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. – М.: Прогресс, 1990.
3. Кузьмина М.И. Семантика агнионима *Николай* (на материале русских паремий и православных молитв) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16 – № 2. – С. 116–126.
4. Кураш С.Б. Метафора как универсальный семиотический код поэтического дискурса // Язык – текст – дискурс: традиции и новации: Материалы международной лингвистической конференции. – Самара: Самарский государственный университет, Самарский научный центр Российской академии наук. 2009. – С.173–180.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста (структура стиха). – Л.: Просвещение, 1972.
6. Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 2. – С. 12–19.
7. Новиков Вл. Философия метафоры // Новый мир. – 1982. – № 8. – С.246–251.
8. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён: более 3000 имён. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005.
9. Сидорова М.Ю. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 2) / М.Ю. Сидорова, А.А. Липгарт // Филология и человек. – 2018. – № 4. – с. 63–79.
10. Станиславский К.С. Работа актера над собой // Собр. соч. в 8 томах. – М.: Искусство. – Т. II, 1954 – 424 с.
11. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.
12. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.

13. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

14. Черкасова И.П. Феномен концептуализации образа Николая Чудотворца и понятия чуда в поэтическом дискурсе // Филология и человек. – 2025. – № 1. – С. 123–141.

15. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII - начала XXI веков: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Белгород, 2009. – 38 с.

THE PROPER NAME NIKOLAI IN POETIC DISCOURSE: DIACHRONIC DYNAMICS OF PRECEDENT MEANINGS

I.I. Chumak-Zhun

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. The article examines the functioning of the proper name Nikolai in Russian poetic discourse in a diachronic aspect. The study is based on contexts selected from the National Corpus of the Russian Language. It is shown that the name Nikolai in poetic texts not only performs a direct nominative function, but also acts as a precedent sign associated with historical memory, cultural tradition, and sacred beliefs. The article identifies the main types of the name's use: as part of epigraphs and dedications, in the form of anthroponymic complexes, as a historical precedent name that actualizes the images of Nicholas I and Nicholas II, and as a stable cultural image of Saint Nicholas. A diachronic analysis reveals the change in the semantic and pragmatic potential of the name and shows its transition from an individual anthroponym to a multi-layered poetic symbol.

Keywords: poetic discourse, proper name, precedent sign, Nicholas, sacred.

УДК 81'37

Шаравин А.В.¹, Старцева И.Л.², Резаков Я.О.³

«СЕРОЕ» КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ В ПРОЗЕ Ю. В. ТРИФОНОВА: К ВОПРОСУ О ЧЕХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ, СЕМАНТИКЕ СГОРАНИЯ И ОСТУЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

^{1, 2} Россия, г. Брянск, Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского

³ Россия, г. Щелково, независимый исследователь

¹ ekl1ier@mail.ru

² kafedra338@mail.ru

³ ric.darko@mail.ru

Введение

Проблема речемыслительного образа принадлежит к числу наиболее значимых в филологическом анализе художественного текста. Речемыслительный образ — это текст, сформированный субъективным видением и осмыслением мира писателем. Механизм порождения речемыслительного образа реализуется через словесно-художественную структуру, переводящую исходную реальность в эстетическую. Жизненные реалии, преобразуясь через представление и слово, образность и художественность, моделируются и проявляется в тексте через и в единстве речемыслительных образов.

Проза, построенная на несобственно-прямой речи, акцентирующая предметные детали, воссоздает, благодаря как будто «подслушанным» мыслям персонажа, его сложный, многоплановый внутренний мир. Ю. В. Трифонова — мастер художественной детали, писатель, который манифестационно выводит ее за

рамки описательности. Трифоновский «речемыслеобраз» исходит из памяти, прорываясь к чувствам, внутреннему состоянию, а от него к истории, метам эпохи, отражению времени в человеке («Память, как художник, отбирает подробности. В памяти нет цельного, слитного, зато она высекает искры: она видит блестящее под лунной горлышко бутылки на плотине, как чеховский Тригорин, когда описывал летнюю ночь. Чувства давно исчезли, сметены ветром, как сор, зато, выкованная из стали, сверкает подробность: качались в саду на качелях. И я ощущаю дрожь юности, надежду, страх, неведомое зимы восемнадцатого...») [Трифонов, т. 4 1987: 246]. Он всегда отражает внутреннее движение, создающее представление о целостном мире человека. Для Ю. Трифонова речемыслительных образом чаще всего становятся «сор», мелочи жизни (предметы обыденного мира, запахи, цвет). Так один из наиболее устойчивых, многозначных речемыслительных образов в его прозе серый цвет.

Серое для писателя – это представление о советском мире 70-х, с его невыразительностью, стагнацией, обезличенностью.

Эта колористика «вызывающе» традиционна. И прежде всего она, несомненно, чеховская. Раневской рассуждает в пьесе «Вишнёвый сад» — «Как вы все серо живёте, как много говорите ненужного...», — задавая восприятие серости как модели и формы жизни, утратившей яркость, содержательность и целостность [Чехов, т. 13 1978: 220]. Трифонова следует этой чеховской традиции, актуализируя ее в советской жизни 70-80-х годов. Цель настоящей статьи — показать, что образ серого в прозе Ю. В. Трифонова является речемыслительным образом, а также проследить, каким образом в его художественной системе развивается чеховская традиция понимания «серой» жизни.

1. Речемыслительный образ как теоретическая основа анализа

Речемыслительный образ возникает там, где слово передаёт не только внешнюю сторону изображаемого, но и способ его осмысления субъектом речи. Такой образ находится на стыке поэтики, стилистики, теории дискурса и психологии художественного текста. Его признаки можно определить следующим образом: во-первых, он выражает единство речи и мышления; во-вторых, он всегда включает субъективную оценку; в-третьих, он обладает образной плотностью, выходящей за пределы прямого номинативного значения; в-четвёртых, он участвует в организации не только отдельной детали, но и всей смысловой ткани произведения. В прозе речемыслительный образ особенно часто возникает в зоне несобственно-прямой речи, внутреннего монолога, повторяющейся символической детали, цветовой или пространственной семантики. В этом смысле серое у Трифонова представляет собой один из наиболее показательных примеров. Оно характеризует не только предметы и пейзаж, но и лицо, одежду, спектакль, память, страх, больничное пространство, городскую среду, внутреннюю усталость героя. Следовательно, перед нами не отдельный эпитет, а целая сквозная форма мысли, которая разворачивается в разных текстах и на разных уровнях художественного мира.

2. Мыслеречь и серость мира в повести «Обмен»

Особенно отчётливо образ серого как речемыслительный образ проявляется в повести «Обмен», где описание пространства незаметно перерастает в форму внутренней речи героя. Так, фрагмент о берегу реки начинается как будто нейтрально: пляж, ларьки, молодая роща, дома, песок, лежаки. Но постепенно в повествование входит субъективная оценка: «На противоположном берегу, где когда-то был луг, теперь устроили громадный пляж с балаганами, ларьками. Лежаки были сложены штабелями, но два лежака до сих пор почему-то стояли у самой воды, смутно голубея на темно-сером песке. Все на том берегу было темно-серого, цементного цвета. За пляжем курчавилась молодая роща берез, насаженная лет десять назад, а за рощей туманно-белыми глыбами высились горы жилья, среди

которых стояли две особенно высокие башни. Все изменилось на том берегу. Все «олукьянилось». Каждый год менялось что-то в подробностях, но, когда прошло четырнадцать лет, оказалось, что все олукиянилось — окончательно и безнадежно» [Трифонов, т. 2 1986: 36]. Здесь классический пример мыслеречи, реализованной через несобственно-прямую речь. Авторский рассказ уже неотделим от сознания героя. Это подтверждается и продолжением: «Но, может быть, это не так уж плохо? И если это происходит со всем — даже с берегом, с рекой и с травой, — значит, может быть, это естественно и так и должно быть?» [Трифонов, т. 2 1986: 36]. Вопросительная интонация, повторы, колебание между осуждением и примирением показывают, что мы слышим не внешнего рассказчика, а внутренне неуверенную мысль Дмитриева. Перед нами не просто описание изменившегося мира, а процесс мучительного самоубеждения, попытка героя признать нормой то, что он внутренне ощущает как утрату.

Именно здесь серое приобретает особую значимость. Пейзаж строится через тусклую гамму: тёмно-серый песок, цементный цвет, туманно-белые глыбы жилья. Но эта гамма выражает не столько внешний вид пространства, сколько его обезличенность, мертвенность, утрату органической памяти. Позже то же самое переносится на человека: о Дмитриеве сказано, что он «посерел». Следовательно, серый берег и посеревший герой — части одного речемыслительного комплекса. Мир и человек отражают друг друга. Такое строение текста позволяет говорить о том, что у Трифонова внешний мир всегда подаётся через внутренний фильтр нравственного самочувствия героя. Серость здесь не пейзажное свойство, а форма мыслительного и морального переживания действительности. Именно поэтому образ серого в «Обмене» становится ключом не только к колористике повести, но и к её нравственно-философской проблематике.

3. «Олукиянился» как мета серого: процесс, итог, обмен

Для понимания природы серого в «Обмене» принципиально важно слово «олукьянился», которое можно определить как мету серого, то есть как словесный знак, конкретизирующий, в чём именно состоит серость. Реплика: «Витька, как же ты олукиянился!» обозначает не просто влияние семьи Лукьяновых и не только бытовую трансформацию героя [Трифонов, т. 2 1986: 36]. В этом слове заключён процесс вставания в удобную повседневность, компромиссную жизнь, где подлинность заменяется благополучием, внутренняя самостоятельность — бытовой устроенностью, а нравственная сложность — социальной нормативностью.

В этой связи особенно продуктивна смысловая цепочка: серый → олукиянился → обмен. Серый — итоговое состояние: внутренняя невыразительность, обезличенность, нравственная вялость. Олукиянился — процесс постепенного вхождения в это состояние. Обмен — механизм, через который совершается внутренняя капитуляция личности. Человек как будто обменивает прежнего себя — память, свободу, нравственную самостоятельность — на комфорт, норму, спокойное существование. Таким образом, серое в повести не просто тон мира, а результат скрытого и будничного духовного обмена. Именно эта смысловая связка позволяет увидеть, что серость у Трифонова не пассивный фон, а следствие вполне определённого многопланового процесса.

4. Сквозная семантика серого: искусство, быт, пространство, лицо

Образ серого у Трифонова не ограничивается текстом одной повести. Он проходит через самые разные произведения и ситуации, что позволяет говорить о нём как о сквозной речемыслительной категории. Характерна формула: «Спектакль был серый, но не по вине Сергея Леонидовича, а по вине пьесы. Какая-то скукота о лесополосах. Поставили из-за темы. В газетах похваливали, но публика ходила вяло» [Трифонов, т. 2 1986: 134]. В данном случае серость обозначает уже не цвет, а эстетическую несостоятельность, художественную вялость, отсутствие внутреннего

огня. Это спектакль, который поставлен «из-за темы», а потому оказывается лишён целесообразности и необходимости.

Следовательно, серое может характеризовать не только быт и пространство, но и качество искусства. Тот же смысловой ряд разворачивается в деталях: «серый от грязи паркет», «серое, дымное Подмосковье», «белели в сумерках газеты на сером песке», «серая бетонная излука моста», «серо-жёлтый дворец» [Трифонов, т. 2 1986: 345, 355, 286, 489]. Во всех этих случаях серое означает не столько цвет, сколько состояние мира: запущенность, усталость, обветшание, утрату ясности и внутреннего порядка. Вещный мир начинает говорить о человеке больше, чем сам человек способен сказать о себе.

Не менее важен перенос серого на человека: серое лицо, серая гимнастёрка, серые галифе, серый больничный халат, брюки серого цвета «гудрон». Серое у Трифонова становится антропологической характеристикой. Оно обозначает бескровность, внутреннее выцветание, усталость, надлом. Формула «лицо было серое и дышал тяжело» особенно показательна: серость почти физиологически срастается с пределом, страхом, болезнью, внутренним обессиливанием [Трифонов, т. 2 1986: 357]. Тем самым серое оказывается универсальным знаком мира, в котором человек и среда одинаково поражены процессом внутреннего выгорания.

5. Серое как знак болезни, страха и распада цельности

У Трифонова серое часто связано с пространством болезни, пограничности и распада. Больничный халат, молчаливые больные, сумерки, лес, потеря дороги, сырость, усталость — всё это формирует мир, где исчезает ясная граница между нормой и хаосом. Серое обозначает здесь не уже совершившуюся катастрофу, а её постепенное наступление. Именно эта медленность и делает трифоновский трагизм особенно сильным: катастрофа в его прозе редко бывает громкой, чаще она нарастает как повседневная, почти незаметная потеря внутренней формы жизни.

С серым связан и мотив мозаичности: жизнь распадается на осколки, на обрывки, на несводимые в целое элементы. Серое здесь — цвет мира, утратившего собранность. Оно обозначает не только отсутствие яркости, но и отсутствие внутренней формы. Наиболее глубокий уровень этого образа открывается тогда, когда серое связывается с памятью и страхом. Формула о темноте, «серой, как грифель», из которой выступает «скелет», переводит серое в экзистенциальную плоскость: «Но надо всем этим мучившим душу нагромождением тайно светился — тогда невидимый, теперь же обрел рисунок — невзрачный скелетик, обозначавший страх. Вот ведь что было истинное. Ну, это потом, потом! Проходят десятилетия, и, когда уже все давно смыто, погребено, ничего не понять, требуется эксгумация, никто этим адским раскопом заниматься не будет, внезапно из темноты, серой, как грифель, выступает скелет» [Трифонов, т. 2 1986: 455]. Серое становится цветом той скрытой, вытесненной правды о человеке, которая десятилетиями не осознавалась, но в какой-то момент проступает как подлинный внутренний каркас жизни.

6. Чеховская традиция: «Как вы все серо живёте...»

Для более точного понимания образа серого у Трифонова необходимо учитывать чеховский контекст. Реплика Любви Андреевны Раневской из «Вишнёвого сада» — «Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живёте, как много говорите ненужного...» — имеет принципиальное значение. У Чехова серость уже осмысливается не как колористическая деталь, а как способ существования: жизнь без внутренней яркости, без настоящего содержания, жизнь в пустословии, инерции и привычной беспомощности.

Именно в этой чеховской традиции следует рассматривать и Трифонова. Однако у Трифонова чеховская семантика серого получает дальнейшее развитие. Если у Чехова серо живут, то у Трифонова серым становится уже весь мир: спектакль, паркет, песок, мост, лица, халаты, Подмосковье, память, внутреннее состояние героя. Иначе говоря, Трифонов не просто наследует Чехову, а усиливает и

структурирует чеховское открытие. Он превращает серое из характеристики социально-психологической среды в один из главных способов нравственного анализа действительности.

Общим остаётся главное: и у Чехова, и у Трифонова серость связана с ненужным, вторичным, неподлинным, с жизнью, в которой человек перестаёт быть внутренне собранным и настоящим. У Чехова — это «много говорите ненужного», у Трифонова — пустой спектакль, повседневность как норма, компромисс, оседание личности в бытовом. Поэтому говорить о чеховской традиции у Трифонова обоснованно. Более того, можно утверждать, что образ серого — одна из точек особенно явного трифоновского следования Чехову. Но если Чехов формулирует диагноз, то Трифонов показывает и его механизм, и его медленное действие внутри повседневности. Ю. Доманский отмечает, что «тексты Чехова — и эпические, и драматургические — связываются друг с другом через схожие мотивы, характеры, сюжетные ситуации» [Доманский 2023: 335]. Исследователь подчеркивает: «Тем самым формируются контексты, включающие в себя чеховские произведения, соотносимые друг с другом на различных уровнях» [Доманский 2023: 335]. Отмеченная Ю. Доманским «целостность» чеховских текстов проецируется и как интертекстуальность: творческая «заразительность» текстов писателя, позволяющая органично вступать во взаимодействия с текстами прозаиков других времен. Именно такого рода вхождение повести «Обмен» Ю. Трифонова в рассказ «Ионыч» А. П. Чехова отметили и В. А. Суханов и П. А. Гендрин [Суханов 2025: 91].

Мотив «погасшего огонька» в душе героя, намеченный в рассказе «Ионыч» Чехова, получает свое развитие и углубление в повести «Обмен» Трифонова. Если у Чехова «огонек в душе погас» обозначает итог внутренней деградации героя (утрату способности к живому чувству, нравственному выбору и духовному сопротивлению среде), то у Трифонова этот процесс представлен как длительный, почти незаметный механизм внутреннего истощения личности. Посеревший, обесцвеченный Дмитриев оказывается тем же типологическим продолжением Старцева: его духовное выгорание не столь резко обозначено, но также необратимо.

7. Пепельное как градация серого

Особую глубину образ серого у Трифонова приобретает тогда, когда он переходит в пепельную колористику. Если серое чаще связано с тусклой повседневностью, внутренним снижением, обесцвечиванием жизни, то пепельное — это серое после огня. Показательны образы: «пепельно-серая туча», «светлые, пепельные ночи» военного времени [Трифонов, т. 2 1986: 128, 478]. Пепельное удерживает в себе след жара, войны, дыма, катастрофы. Это уже не просто цвет усталого мира, а цвет мира, прошедшего через сгорание. Поэтому пепельное можно понимать как промежуточную стадию между серым и чёрным. Именно в этом заключается особая выразительность трифоновской цветовой логики: серое не статично, оно способно сгущаться, становиться всё более трагичным.

Пепельное — это уже серость, в которой ещё слышен бывший огонь. Тем самым цветовая семантика у Трифонова получает внутреннее движение: серое больше не является только знаком будничной тусклости, а становится этапом более сложного процесса, связанного с переживанием истории, памяти и катастрофы.

8. Жара, лава, сгорающее время, пепел, крематорий

Семантика серого у Трифонова существенно углубляется, если рассматривать её в системе мотивов жары, лавы, огня, сгорания и пепла. Показательна метафора революционного времени: «Свиреп год, свиреп час над Россией... Вулканической лавой течет, затопляя, погребая огнем, свирепое время... Когда течешь в лаве, не замечаешь жара. И как увидеть время, если ты вне?» [Трифонов, т. 3 1986: 473]. Здесь время воплощается как раскалённая стихия, как историческая лава, в которой человек существует, не замечая её жара, пока не пройдут годы.

Это очень важная трифоновская формула. Она позволяет понять, что серое у Трифонова может быть прочитано не только как знак повседневной тусклости, но и как остаток исторического горения. В таком контексте выстраивается цепочка: революционная жара → вулканическая лава времени → сгорание человека и мира → пепельное → серое как состояние выжженной жизни.

Особенно значим образ крематория в повести «Дом на набережной». Формула: «Обогнули чёрный, недышащий крематорий и стали искать могилу, что оказалось в потемках делом небыстрым. Старик наклонялся и ощупывал камни. Наконец произнес, тяжело дыша: — Это здесь... Он присел на корточки и долго делал что-то, сидя так: что-то стряхивал, перебирал, шелестел сухой листвой. Я думал о том, что нет ничего страшнее мертвой смерти. Погасший крематорий — это мёртвая смерть», — выводит цветовую семантику к предельной точке [Трифонов, т. 2 1986: 493]. Если пепельное — это остаток огня, то чёрный, недышащий крематорий — это уже конец даже этого остатка, завершение серого в неподвижности и смерти. Принципиально важно слово «недышащий»: оно переводит здание из плана вещественного описания в зону онтологической характеристики. Крематорий не просто закрыт и не просто тёмн — он лишён даже того страшного функционального дыхания, которое связывало его со смертью. Здесь движение от жара к пеплу и от пепла к чёрному завершению получает почти онтологический смысл. Мир, начавшийся у Трифонова как серый, тускнеющий и распадающийся, приходит к предельному образу чёрного, выгоревшего, недышащего небытия. Таким образом, возникает градация: серое → пепельное → чёрное. Серое — это тусклость, усталость, выцветание жизни. Пепельное — серое, прошедшее через огонь. Чёрное — окончательная остановка, мёртвая смерть.

В этой системе цвет становится не описательным, а историософским речемыслительным образом. Бытовая проекция этого мотива также значима: замечание о жарком дне, о «несусветной жаре», рифмуется с образом исторического жара. История не отделена от повседневности, а продолжает жить в ней как скрытая температура времени. Следовательно, мотивы жары, лавы, сгорающего времени, пепла, серого и крематория образуют у Трифонова единую смысловую систему. Эта система позволяет увидеть, что серое в его прозе не просто цвет безликого мира, а форма существования мира после катастрофы, после огня, после великого исторического напряжения. Именно в этом заключается одна из важнейших особенностей его поэтики: цвет здесь становится способом мышления о времени.

9. Водная стихия как остужение времени

Контрапунктом к огненной образности становится водная стихия. Если революция в «Отблеске костра» мыслится как гигантский костёр, как пламя, в котором сгорела прежняя российская жизнь, а отец героя — как один из «кочегаров революции», «истопников гигантской топки», то вода у Трифонова выполняет противоположную функцию: она остужает время [Трифонов, т. 4 1987: 9]. В «Отблеске костра» особенно важно, что рассказчик идёт в архив. Архив хранит уже не сам огонь, а его запах, след, отблеск. Это означает переход от участия к осмыслению. Огонь — стихия свершения истории; вода — стихия её позднего понимания. Вода у Трифонова связана с дистанцией, течением, отражением, поздним историческим сознанием. Если костёр — это история в момент её горения, то вода — это история после того, как она прошла через человека.

В этом смысле вода остужает время, переводит его из состояния раскалённой непосредственности в состояние памяти и анализа. Не случайно в названии фигурирует не сам костёр, а отблеск костра: уже не ослепляющее пламя, а отражённый, охлаждённый свет пережитого. Следовательно, в художественной системе Трифонова выстраивается важная оппозиция: огонь / костёр / топка / лава / жара как образ истории в момент катастрофического горения; вода / течение / отражение / отблеск как образ остужения времени,

позднего понимания, памяти. Именно поэтому водная стихия в «Отблеске костра» может быть интерпретирована как то начало, которое остужает время, делает возможным взгляд назад, выводит человека из самой топки истории к её позднему, трагическому и трезвому пониманию.

В этом состоит одна из важнейших особенностей поэтики Трифонова: он мыслит историю не только как огонь, но и как необходимость её последующего охлаждения в памяти, иначе прошлое останется лишь ослепляющим пламенем и никогда не станет предметом человеческого понимания. Именно водная стихия, несущая человека, открывает повесть «Дом на набережной» и задаёт её внутренний ритм: текучий, изменчивый, подчинённый неумолимому движению времени: «Никого из этих мальчиков нет теперь на белом свете. Кто погиб на войне, кто умер от болезни, иные пропали безвестно. А некоторые, хотя и живут, превратились в других людей. И если бы эти другие люди встретили бы каким-нибудь колдовским образом тех, исчезнувших, в бумажейных рубашонках, в полотняных туфлях на резиновом ходу, они не знали бы, о чем с ними говорить. Боюсь, не догадались бы даже, что встретили самих себя. Ну и бог с ними, с недогадливыми! Им некогда, они летят, плывут, несутся в потоке, загребая руками, все дальше и дальше, все скорей и скорей, день за днем, год за годом, меняются берега, отступают горы, редуют и облетают леса, темнеет небо, надвигается холод, надо спешить, спешить — и нет сил оглянуться назад, на то, что остановилось и замерло, как облако на краю небосклона» [Трифонов, т. 2 1986: 363]. Вода символизирует исторический поток, несущий человека, лишённого укорененности. В повести «Дом на набережной» течение реки ассоциируется с памятью. Вадим Глебов обладает феноменом беспамятства: он не любит вспоминать. Водная стихия актуализируется Ю. Трифоновым как метафора исторического амнезии забвения. Этот же мотив текучести и неустойчивости человеческого существования проявляется и в других произведениях Трифонова.

В романе «Старик» усиливается философский смысл при изображении водной стихии. Прошлое спонтанно охватывает Павла Евграфовича Летунова, заставляя его переосмыслить прошедшую жизнь. Память в представлении Трифонова стихийна: она внезапно вторгается во внутренний мир героя, разрушая привычное ощущение устойчивости. Таким образом, водный образ в прозе Трифонова выполняет объединяющую функцию: он связывает разные произведения в единую художественную систему, где центральной становится идея человека, погружённого в поток времени.

Заключение

Таким образом, серое в прозе Ю. В. Трифонова — один из ключевых речемыслительных образов его художественного мира. Серое — знаковость советской жизни 70-х годов XX века. Этот речемыслительный образ продолжает и углубляет чеховскую традицию «серой жизни».

Это слово, лишённое цветовой выразительности, обозначает усталость советского интеллигента, уставшего от невыразительной жизни обозначающей духовную невыразительность и внутреннюю усталость; обозначает повседневное снижение и обезличенность среды; связано с распадом цельности и накоплением страха; функционирует как итог внутреннего обмена и процесса олукиянивания; продолжает и углубляет чеховскую традицию «серой жизни»; имеет внутреннюю градацию, переходя в пепельное и затем в чёрное; оказывается включено в историософическую систему мотивов огня, лавы, сгорающего времени, пепла и крематория; получает контрапункт в образе водной стихии, которая остужает время и переводит историю в пространство позднего понимания.

Следовательно, серое в прозе Трифонова не цвет как таковой, а способ мыслить о человеке, времени и нравственном состоянии мира. Именно поэтому оно

должно рассматриваться не как частная деталь поэтики, а как важнейшая категория его художественного сознания.

Литература

1. Доманский Ю.В. Внутренние связи в творчестве Чехова: от текстов к контексту («Драма», «Ионыч», «Спать хочется») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2023. – № 3. – Ч. 3. – С. 334–346.
2. Суханов В.А. Феномен «обмена» в рассказе А. Чехова «Ионыч» и повести Ю. Трифонова «Обмен» / В.А. Суханов, П.А. Гендрин // Сибирский филологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 82–95.
3. Трифонов Ю.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Худ. литература, 1985–1987.
4. Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 18 т. – М.: Изд-во «Наука», 1983–1988.

“GRAY” AS A VERBAL IMAGE IN THE PROSE OF YU.V. TRIFONOV: ON THE QUESTION OF THE CHEKHOV TRADITION, THE SEMANTICS OF THE COMBUSTION AND COOLING OF TIME

A.V. Shatavin¹, I.L. Startseva², Y.O. Rezakov³

^{1, 2} Russia, Bryansk, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

³ Russia, Shchelkovo, independent researcher

Abstract. The article examines the “gray” in Yu.V. Trifonov's prose as a special speech-thinking image, which combines the subject detail, the inner speech of the hero and the author's moral assessment of reality. It is proved that Trifonov's gray semantics are much broader than the usual color characteristics and cover the areas of inner fatigue, disintegration of wholeness, spiritual expressionlessness, fear, illness, memory and late historical self-understanding. It is shown that the gray in Trifonov's prose is connected with the Chekhov tradition, primarily with Ranevskaya's remark from the play “The Cherry Orchard”. In addition, the article traces the internal gradation of color semantics: gray → ash → black, and also reveals the connection of gray with the motifs of revolutionary heat, lava of time, combustion, ashes, crematorium and, as a counterpoint, with the image of the water element cooling time in the “Glow of the campfire”.

Keywords: verbal image, Yu.V. Trifonov, Chekhov tradition, color semantics.

УДК 81'42

Якимова Е.М.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПАМЯТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Л. ЯСНОВОЙ)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

Chernikova@bsuedu.ru

Поэтический текст на протяжении долгого времени находится в фокусе внимания исследователей. Особенно сложным остается вопрос возникновения поэтического слова, его специфики и условий, способствующих его появлению. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «истокитекстопорождения и механизмы его внутреннего программирования следует искать в вербальной памяти коммуниканта, в которой хранятся ментальный лексикон и внутренние слова. <...> Когда корреляции ментального слова и денотата коммуникантом установлены, в кратковременной памяти актуализируются внутренние слова, доступные для мысленного моделирования соответствующего коммуникативного события и подбора нужного для реализации звукового образа того, что рождается в недрах души автора» [Алефиренко 2025:42]. Самым важным фактором, определяющим специфику категории «поэтическое», И.И. Чумак-Жунь считает поэтическое

сознание автора, которое предполагает «право на свободу самовыражения субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного лирического образа» [Чумак-Жунь 2024: 311] и «формирует образные структуры, подвергающиеся художественно-эстетической «огранке», которая несет на себе печать авторской индивидуальности» [Чумак-Жунь 2024: 312]. Таким образом, для порождения поэтического текста значимыми являются поэтическое сознание автора, коммуникативно значимое событие, внутренние слова, существующие в кратковременной памяти и формирующие речемыслительный образ. Образ, воплощенный особым сочетанием языковых средств, отражает индивидуальное восприятие действительности и особенности поэтического воображения.

В соответствии с таким пониманием особенностей поэтического текста и речемыслительного образа представляется необходимым обратиться к анализу стихотворений Ланы Ясновой, опубликованных в сборнике «Профиль Мнемозины» (2021). Показательным является название сборника, которое включает имя собственное *Мнемозина*. Как отмечает автор стихотворений в примечаниях к сборнику, «поэт, согласно античным представлениям, в момент нахождения во власти муз пьет из источника знаний Мнемосины – богини памяти, являющейся условием творчества» [Яснова 2021: 286]. Феномен памяти со времен античности находится в центре внимания ученых, а особенности его концептуализации в текстовом пространстве выступают предметом ряда современных исследований [Шаталова 2005; Тивьяева 2018].

Обращаясь к вопросу соотношения памяти и дискурса, О.Г. Ревзина отмечает, что «само представление о памяти, будучи вербализованным, свидетельствует о человеке. Об этом, кстати, свидетельствуют многочисленные стихотворения и стихотворные строки о памяти, о воспоминании – в русской поэзии совсем различная память и разная оценка памяти» [Ревзина 2006: 15].

Метафорические модели репрезентации феномена памяти в русской поэзии детально анализирует Е.В. Купчик и представляет следующую классификацию: «память-существо», «память-земное пространство», «память-воздушное пространство», «память-орудие», «память-напиток», «память-ткань», «память-информация», а также описывает соответствующие типы метафоры: антропоморфную, зооморфную, пространственную и т.д. [Купчик 2011].

Принимая во внимание многообразие метафорических форм репрезентации феномена памяти в русской поэзии, рассмотрим сквозь призму метафоричности особенности речемыслительного образа памяти в стихотворениях Ланы Ясновой. Речемыслительный образ памяти создается благодаря поэтическому воображению и отражает интенциональность и эмоциональность поэтического сознания автора: в соответствии с прагматическими установками поэт создаёт собственный образ мира и в определенный момент выражает в поэтической форме индивидуальное его восприятие.

Образному воплощению феномена памяти в стихотворениях Ланы Ясновой способствуют авторские метафоры и синкретичные тропеические образования, которые отражают особенности речемыслительной деятельности поэта. Метафорические контексты показывают, как автор осознает, познает, представляет память и связанные с ней механизмы миропонимания. Так, в стихотворении «Карандаши» репрезентируется речемыслительный образ памяти с помощью включения метафоры, которая является началом образного контекста: «<...> **так память вспыхивает** странно – / из давних далей, без причин, / как будто месяц – из тумана – / роняет ножик перочин- / ный тот, которым очиняли / не перья, но карандаши, / а мы музыку сочиняли / и рисовали для души» [Яснова 2021: 37]. Создаваемый образ памяти связан с интенцией автора понять возникновение воспоминаний в сознании: актуализируются такие свойства памяти

(воспоминаний), как внезапное, ничем не обусловленное появление, долговременное хранение, детализация воспоминания.

Приведенный контекст иллюстрирует синкретичный характер образных средств, которые участвуют в создании образного пространства в стихотворении. Метафора *память вспыхивает* передает внезапность и уточняется эпитетом *странно*, который отражает загадочность, неосознанность появления воспоминаний. Образное сочетание *из давних далей* является окказиональным (ср. *дальних далей*) и лаконично репрезентирует далекое пространство и давнее время. Развернутое сравнение *как будто месяц – из тумана – / роняет ножик перочин- / ный* включает уточнение (*из тумана*), показывающее существование и некоторую эфемерность множества других воспоминаний, и одновременно отсылает к детской считалочке, которая служит переходом собственно к воспоминанию детства (*а мы музыку сочиняли / и рисовали для души*), где явно проступает элемент детализации воспоминания (*не перья, но карандаши*).

Стимулом к возникновению речемыслительного образа памяти послужило впечатление (так называемый феномен импринтинга) элемента предметного мира (карандашей), номинация которого вынесена в заглавие стихотворения. Занимая сильную позицию, номинация *карандаши* организует смысловое пространство поэтического текста, которое отображает речемыслительную деятельность поэта.

Речемыслительный образ памяти создается благодаря поэтическому воображению, когда денотат сравнивается с одушевленным предметом (человеком) на основе возможности совершать активные действия, в результате чего возникают антропоморфные образные средства. В стихотворениях Ланы Ясновой функционируют как лаконичные сравнения (*подкрадётся память, **будто вор***) и олицетворения (*память немножко лукавит; память глядит сурово*), так и развернутые метафорические контексты, которые репрезентируют более объемный речемыслительный образ. Например, в стихотворении «Феврали» память представлена в виде антропоморфного образа: **«Неловкая память, споткнувшись на вспыхнувшем слове, / тебя возвращает к снегам неслучившихся встреч, / и автор не может себя отличить от героя, / вставая в страницу / затем, чтобы всех уберечь»** [Яснова 2021: 118]. Эпитет *неловкая*, олицетворение *споткнувшись* и метафора *память возвращает к снегам неслучившихся встреч* участвуют в создании образного контекста, в котором читателю транслируется образ, возникший в авторском сознании на основе собственного восприятия действительности, ассоциаций и ценностей. Образные средства, выступая в переносном значении, функционируют не обособленно, а в сопряжении друг с другом, создавая образное поэтическое пространство.

Особенности речемыслительной деятельности поэта можно представить, анализируя метафорические контексты, которые высвечивают особенности поэтического воплощения феномена памяти и кодируемых мнемических процессов, выделенных И.В. Тивьяевой: помещение информации в память, хранение информации в памяти, восстановление информации из памяти, утрата информации из памяти [Тивьяева 2018: 20].

В поэзии Ланы Ясновой в образной форме актуализируется, прежде всего, процесс сохранения памяти, сбережения воспоминаний: **«И радости, и горести времён / хранятся там, как в маминой шкатулке – / серебряный двусторонний медальон – / и старый сад – в соседнем переулке»** [Яснова 2021: 57]. В стихотворении функционирует синкретичное тропеическое образование (метафора и сравнение), характерное для русского языкового сознания и отражающее концептуализацию памяти как некоторого вместилища важных для человека событий [Купчик 2011: 158].

В ряде стихотворений Ланы Ясновой репрезентируется традиционный способ запечатлеть события с помощью письма, однако окказиональный эпитет

татуированный словами передаёт оригинальность речемышлительного образа памяти: «Татуированный словами, / **лист охраняет память лет:** смотри бумагу на просвет – почувствуй власть над временами» [Яснова 2021: 273].

Индивидуально-авторское восприятие действительности определяет также использование оригинального для феномена памяти сравнения: «**В узлах далёких пожелтевших строк / хранится память – чёрствою краюхой,** / и не займёт ни зрения, ни слуха – / другому дню – исписанный листок» [Яснова 2021: 95]. Сравнение чёрствою краюхой содержит отрицательную коннотацию и передаёт представление о скупости, недостаточности, давности воспоминаний.

Своеобразие речемышлительного образа памяти в современной поэзии может быть обусловлено отображением в сознании автора технических средств хранения информации: «Здесь **память хранится, как будто в мотках киноленты,** / не твой и не мой это город – навеки ничей» [Яснова 2021: 132]; «<...> и сотни дней сливаются в одно – / за далью лет – чем дальше, тем милей – / **почти документальное кино / воспоминаний – в памяти твоей**» [Яснова 2021: 252]. Таким образом, поэтическое речемышление определяется в том числе способностью автора мыслить современными категориями и использовать их в качестве смысловой основы образного контекста.

В ряде стихотворений Ланы Ясновой образно репрезентируется процесс исчезновения воспоминаний. Наряду с общеупотребительной метафорой *стереть из памяти (стереть память)*: «Не так ли **век стирает нашу память,** / когда приходят новые ветра? / А может, никого не хочет ранить не ставшее сегодняшним «вчера» <...>» [Яснова 2021: 69], функционируют образные контексты, в которых индивидуально-авторский речемышлительный образ памяти связан не столько с полной утратой воспоминаний, сколько с постепенным процессом забывания. «Соотношение память-забвение, на самом деле, совсем не прямолинейно антонимичное. Забвение как стирание следов – тех самых образов-воспоминаний – это естественное завершение совокупности мнемонических процессов» [Ревзина 2006: 17]. Так, в процессе речемышления Лана Яснова прибегает к метафорической репрезентации исчезновения воспоминаний с целью выразить не полное забвение, а предшествующие этапы, ведущие к нему. Образное представление процесса забывания определяется авторскими интенциями и поэтическим воображением и передаётся с помощью зрительного образа. Утрата чёткости / яркости воспоминаний в сознании автора сопряжена:

1) с представлением процесса рисования красками: «Ляжет дорога враздвой, / к сроку уляжется заметить: / **кто-то разводит водой / краску с названием «память»**» [Яснова 2021: 58];

2) с изменением интенсивности эмоций: «**Фотографией выцветет память, / очертания горя размыв.** / Вот пишу – и пытаюсь представить, / но представить нельзя, не прожив» [Яснова 2021: 205];

3) с одористическим восприятием: «**Пять влюблённостей, две любви... / снимок временем обесцвечен – / затянуло уже дымком / поле памяти – вдалеке**» [Яснова 2021: 52].

В приведенных контекстах при наличии традиционной метафоры, основанной на сравнении исчезающих воспоминаний с выцветшей фотографией, наблюдается приращение смыслов, что свидетельствует об особом поэтическом воображении, которое отличается многогранностью и оригинальностью.

Репрезентация процесса забывания в стихотворениях Ланы Ясновой имеет прагматически ориентированный и суггестивный характер, что достигается сочетанием тропеических средств и стилистических фигур, которые сообщают контексту эмоциональность и экспрессивность.

1. Метафоричность процесса забывания создается посредством сравнения с бытовым процессом, а эмоциональность возникает благодаря риторическому

восклицанию «О, сколько мы в юности тратили сердца и сил / **на лёгкую наметь осевшей на памяти пыли**: /подумаешь, кто-то когда-нибудь нас разлюбил, / подумаешь, сами кого-нибудь мы разлюбили...» [Яснова 2021: 113].

2. Сознательное забывание неприятных событий актуализируется с помощью образа воровства, оригинальность которого заключается в направленности совершаемого действия, когда субъект намеренно лишает себя тяжелых воспоминаний: «<...> но кто из нас **не крал / у памяти / случившихся утрат / и кто не забывал печальных дат, когда светло воспоминанье дня?**» [Яснова 2021: 25]. Использование риторического вопроса сообщает метафорическому контексту особую экспрессивность.

3. Неосознанное забывание жизненного периода представлено речемыслительным образом, который репрезентируется совокупностью тропов (метафоры и эпитета) и экспрессивным сочетанием (**надёжно утратить**): «<...> сегодня совсем этот запах нектати – / он слишком обманчив, как запах духов, / тому, кто **давно и надёжно утратил / весеннюю память своих дневников**» [Яснова 2021: 237]. Таким образом, репрезентация исчезновения воспоминаний в индивидуально-авторском представлении отличается экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью.

В процессе создания речемыслительного образа поэт, безусловно, отталкивается от общекультурного понимания действительности. Однако поэтическое воображение корректирует речемыслительный образ и определяет его индивидуально-авторское воплощение в тексте. В стихотворениях Ланы Ясновой речемыслительный образ памяти, с одной стороны, коррелирует с особенностями концептуализации памяти в русской поэзии, с другой стороны, актуализирует новые смыслы в пространстве поэтического текста, что обусловлено интенциональностью и эмоциональностью авторского сознания. Специфика репрезентации речемыслительного образа памяти проявляется в создании развернутого метафорического контекста, в котором органично сосуществуют синкретичные тропеические образования и стилистические фигуры, придающие образу динамичность и многомерность. Таким образом, речемыслительный образ памяти в поэзии Ланы Ясновой отображает особенности лингвокреативной деятельности поэта и специфику поэтического воображения.

Литература

1. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
2. Купчик Е.В. Метафора памяти в русской поэзии // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2011. – №1. – С. 154–159.
3. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 10–24.
4. Тивьяева И.В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2018. – 38 с.
5. Чумак-Жунь И.И. Поэтический дискурс: выход в эстетико-эвристическое измерение языка? // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей VIII Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 09-13 июня 2024 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. – С. 310–315.
6. Шаталова О.В. Репрезентация концепта «память» в текстах русских элегий первой трети XIX века: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 250 с.
7. Яснова Л. Профиль Мнемозины: избранные стихотворения. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 320 с.

THE SPEECH-THOUGHT IMAGE OF MEMORY IN A POETIC TEXT

E.M. Yakimova

Russia, Belgorod, Belgorod State National Research University

Abstract. This article examines the speech-thought image of memory in terms of its metaphorical representation in poetic text. The speech-thought image of memory is determined by the author's perception of the world and poetic imagination. In Lana Yasnova's poems, the speech-thought image of memory is represented through individual metaphors and syncretic tropes that reflect the poet's linguistic and creative activity.

Keywords. Poetic text, poetic imagination, speech-thought image, metaphor.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ **КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

УДК 81'80

Иваненко М.Ю.¹, Любимова Н.И.²

ИНТЕГРАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

^{1, 2} Россия, г. Белгород, ФГБОУ ВО Белгородский государственный аграрный
университет имени В.Я. Горина

¹333xxx31@mail.ru

Сегодня цифровизация профессионального образования идет полным ходом, однако активное внедрение генеративных нейросетей обнародовало серьезную проблему: студенты всё чаще предпочитают просто имитировать учебную деятельность [Блинов 2020: 15; Машкова 2023: 112]. Вместо того чтобы разбираться в сложном материале, обучающиеся привыкают использовать искусственный интеллект исключительно как машину для генерации готовых ответов.

По мнению современных исследователей, в частности А.Ю. Уварова, мультимодальность в контексте генеративных сетей рассматривается как технологическая способность алгоритма одновременно обрабатывать, анализировать и синтезировать информацию из разных каналов восприятия – текста, сложного изображения и звука [Уваров 2018: 14]. В свою очередь, классик когнитивной психологии Дж. Свеллер определяет когнитивную нагрузку как общий объем умственных усилий, затрачиваемых рабочей (оперативной) памятью обучающегося в процессе обработки новой информации [Sweller 1988: 260]. В качестве педагогического целеполагания для таких инструментов Л. С. Выготский определяет зону ближайшего развития как расстояние между уровнем актуального развития обучающегося (при самостоятельном решении задач) и уровнем его потенциального развития, достигаемым под руководством наставника [Выготский 2005: 112]. При этом, согласно концепции В.И. Блинова, интеграция ИИ-наставников становится частью цифровой дидактики – отрасли педагогики, изучающей организацию образовательного процесса в высокотехнологичной среде для достижения максимальной персонализации обучения [Блинов 2020: 15].

Важно отметить, что еще в 1984 году Б. Блум сформулировал так называемую проблему «двух сигм» – фундаментальное противоречие, при котором индивидуальное обучение с тьютором дает результаты на два стандартных отклонения выше, чем работа в классе, но масштабировать этот подход экономически невозможно [Bloom 1984: 5]. Сегодня поиск решения этой застарелой проблемы выходит на новый уровень. В настоящее время глубокими исследованиями в области применения искусственного интеллекта (ИИ) в педагогике и снижения когнитивной нагрузки занимаются такие ведущие отечественные специалисты, как А.Ю. Уваров, С.Г. Григорьев, В.И. Блинов [Блинов 2020: 15; Уваров 2018: 14], а также признанные мировые эксперты направления AId (Artificial Intelligence in Education) – Роуз Лаккин, Уэйн Холмс и Нил Селвин [Holmes 2019: 45].

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы показать, как именно мультимодальные нейросети могут работать в роли адаптивного персонального тьютора, опираясь на концепцию зоны ближайшего развития Л.С. Выготского [Выготский 2005: 112].

Объектом исследования выступили стратегии взаимодействия обучающихся с нейросетями при изучении педагогического модуля «Современные образовательные

технологии» (включая сложные для восприятия темы: геймификация, микрообучение, дидактика «перевернутого класса»). В исследовании применялись методы наблюдения и формирующего эксперимента. Наблюдение позволило в реальном времени зафиксировать уровень когнитивного сопротивления и степень вовлеченности студентов при работе с новым материалом. Формирующий эксперимент заключался в разделении потока в 17 человек на две группы. Студентам выделили 40 минут на самостоятельную работу, при этом им разрешалось свободно пользоваться ИИ-инструментами.

Наблюдение за ходом эксперимента четко выявило две совершенно разные стратегии. Первая из них – «Пассивная генерация» (её придерживалась контрольная группа). Студенты просто вводили в чат короткие текстовые запросы, чтобы сразу получить прямой ответ. Внешняя когнитивная нагрузка у них упала до нуля, но вместе с ней исчезла и полезная учебная работа. В итоге обучающиеся механически зачитывали сгенерированный машиной текст, совершенно не понимая сути обсуждаемых педагогических технологий.

Вторая стратегия, которую мы обозначили как «Активный (мультимодальный) диалог», дала кардинально иные результаты в экспериментальной группе. Студенты не просто задавали вопросы, а активно загружали в систему скриншоты, непосредственно тексты заданий и использовали функции коллаборации ИИ-агентов с поисковыми машинами. Они просили алгоритм визуально разобрать материал шаг за шагом, по сути, превратив нейросеть в своего виртуального наставника. За те же 30–40 минут эти студенты смогли не только глубоко понять дидактические причинно-следственные связи, но и уверенно оперировали сложной педагогической терминологией в ходе дискуссии.

Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод: если использовать мультимодальные нейросети грамотно, они снимают лишнюю когнитивную нагрузку и позволяют выстроить для каждого студента персональную траекторию в рамках его зоны ближайшего развития. Подобный симбиоз является одной из попыток в истории дать масштабируемый технологический ответ на проблему «двух сигм». Разумеется, алгоритмы никогда не заменят живого преподавателя. Но интеграция ИИ в формате интерактивного помощника – это уже не смелые фантазии футуристов, а реальная необходимость для подготовки сильных современных специалистов.

Литература

1. Блинов В.И. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: монография / В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 112 с.
2. Выготский, Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
3. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития / Т.В. Машкова, А.С. Зеленин, Н.В. Федорова [и др.] // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 09.03.2026).
4. Уваров А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Информатика и образование. – 2018. – № 4 (293). – С. 14–22.
5. Bloom, B. S. The 2 Sigma Problem: The Search for Methods of Group Instruction as Effective as One-to-One Tutoring // Educational Researcher. – 1984. – Vol. 13. – №6. – P. 4–16.
5. Holmes W. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning / W. Holmes, M. Bialik, C. Fadel. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. – 228 p.

6. Sweller, J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 1. – № 2. – P. 257–285.

INTEGRATION OF MULTIMODAL NEURAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL PROCESS AS A TOOL TO REDUCE STUDENTS' COGNITIVE LOAD

M.Y. Ivanenko, N.I. Lyubimova

Russia, Belgorod, Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin

Abstract. The article considers the problem of uncritical cheating with the help of AI. Passive and multimodal strategies for working with neural networks are compared. It is proved that AI in the role of a tutor reduces cognitive load, improves the quality of knowledge and helps students to master complex pedagogical concepts.

Keywords: AI, neural networks, knowledge.

УДК 81'80

Мамедова И.О.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

Азербайджан, г. Баку, Азербайджанский государственный педагогический университет

Elchin_mamedzade@hotmail.com

Понятие речевого образа следует рассматривать с некоторой осторожностью, поскольку оно находится на пересечении ряда теоретических традиций: психологии развития, психолингвистики, литературной педагогики и теории словесного искусства. В данной статье речевой образ понимается как внутренне генерируемое, опосредованное вербальным образом представление, позволяющее ребенку осмыслить литературную ситуацию, персонажа, действие или эмоциональное состояние. Это не просто мысленная картина. Ребенок может представить себе лес, комнату, лицо героя, развитие событий. Но именно тогда, когда представленное содержание связывается со словами, мотивами, суждениями и возможными значениями, возникает специфическое речевое качество этого образа. Ребенок не просто «видит» литературный эпизод внутренне. Ребенок начинает называть его, сравнивать его, объяснять его, предвосхищать его, оценивать его.

Такое понимание близко к культурно-исторической традиции и особенно к анализу Выготским взаимосвязи слова и мышления. Для Выготского речь и мышление – это не две отдельные линии развития, которые случайно пересекаются позже. Их взаимосвязь меняется в процессе развития, и значение слова становится одной из центральных единиц, посредством которой можно изучать это изменение [Выготский 1986]. Эта позиция особенно важна для изучения детей младшего школьного возраста, поскольку их опыт чтения все еще тесно связан с конкретным восприятием, эмоциональной реакцией и устной речью. Когда ребенок читает или слушает литературный текст, слово не является нейтральным знаком. Оно фокусирует внимание, упорядочивает память и формирует интерпретацию, находящуюся в процессе создания. Литературное слово, особенно если оно выразительное или образное, побуждает ребенка перемещаться между тем, что прямо названо, и тем, что следует вывести.

Идея интернализации Выготского помогает объяснить, почему формирование речевых образов и мыслей нельзя свести к росту словарного запаса. Ребенок может знать отдельные значения слов в тексте, но при этом не в состоянии составить связную картину ситуации. С другой стороны, ребенок может уловить эмоциональную составляющую сцены раньше, чем сможет полностью ее

сформулировать. Развитие - это колебание между этими двумя полюсами: воспринимаемый образ становится более вербальным, а вербальное объяснение - более наполненным воображаемым содержанием. В этом смысле работу с литературным текстом можно рассматривать как переход от внешней речевой активности, например, чтения вслух, ответов на вопросы и пересказа, к внутренней речевой активности, когда ребенок молча формирует смысл прочитанного [Выготский 1978, 1986].

Работа Лурии помещает эту проблему в более широкий психологический контекст. Его культурно-исторический взгляд на познание демонстрирует, что язык участвует в организации восприятия, классификации, памяти и произвольных действий [Лурия 1976]. Применительно к чтению литературы это означает, что представление ребенка о тексте находится под влиянием не только чувственного воображения, но и доступных ему вербальных категорий. Например, персонажа можно сначала понять через простую внешнюю черту: «он стар», «она добрая», «мальчик боится». При целенаправленной работе ребенок может начать замечать мотивы, противоречия и изменения: старик одинок, добрая девочка неуверенна, испуганный мальчик действует храбро, несмотря на страх. Образ становится более дифференцированным, потому что ребенок приобретает более точные средства выражения того, что было понято.

В этом отношении русская психологическая традиция отличается от чисто зрелого подхода к детскому мышлению акцентом. Теория Пиаже по-прежнему полезна, поскольку объясняет, что основной период начальной школы – это время, когда дети лучше способны выполнять логические операции, связанные с конкретными ситуациями [Пиаже 1952]. Однако понимание литературы нельзя объяснять исключительно с точки зрения общей когнитивной стадии развития ребенка. Учебный текст – это не нейтральный объект, который нужно представить уже сформированному интеллекту. Это часть социальной ситуации: учитель спрашивает, ребенок отвечает, одноклассники реагируют, а само литературное произведение содержит голоса, оценки и точки зрения. Культурно-историческая теория позволяет нам рассматривать литературный образ ребенка как продукт опосредованной деятельности, а не как изолированный результат индивидуального воображения.

На этом этапе полезна теория деятельности Леонтьева, поскольку она отвлекает внимание от самого содержания мысли и на условия, в которых это содержание создается. Чтение литературного текста в начальной школе – это деятельность, имеющая мотивы, действия и операции [Леонтьев 1978]. Мотивом может быть эстетическое удовольствие, любопытство к сюжету, желание ответить учителю или желание принять участие в общей дискуссии в классе. Такие действия могут включать чтение, слушание, пересказ, сравнение персонажей, объяснение незнакомых слов или представление того, что может произойти дальше. Операции зависят от навыков, имеющихся у ребенка: декодирование, интонация, память, словарный запас и способность связывать детали. Эта деятельность происходит не вне, а внутри процесса формирования речевого образа мышления. Она имеет педагогически значимый характер. В зависимости от того, как организована работа с текстом, один и тот же текст может представлять собой последовательность событий для одного ребенка и морально или эмоционально значимую ситуацию для другого.

Лингвистический аспект проблемы проясняется теорией высказывания и диалогизма Бахтина. Речь, по мнению Бахтина, заключена в конкретных высказываниях, обращенных к кому-либо и формируемых прошлыми и будущими ответами [Бахтин 1986]. С этой точки зрения, литературный текст – это не просто набор предложений. В нем присутствуют голоса, позиции, интонации и подразумеваемые ответы. Для ученика начальной школы понимание слов персонажа часто означает вступление в упрощенное, но реальное диалогическое

отношение к тексту. Ребенок думает про себя: «Почему персонаж это сказал? Было ли это правдой? Было ли это справедливо? Что бы я сказал в этом случае?» Такие вопросы не являются сторонним дополнением к пониманию. Они являются частью процесса, посредством которого литературный смысл становится личным и озвученным.

Этот диалогический аспект особенно важен для формирования речевых и мыслительных образов, поскольку литературный образ редко бывает статичным. По мере развития сюжета мысленный образ персонажа у ребенка может меняться. Персонаж сначала воспринимается через видимое действие, затем через намерение, а затем через последствия этого намерения. Подход Бахтина помогает объяснить, почему реакция ребенка на литературу не может ограничиваться правильным воспроизведением сюжета. Пересказ необходим, но недостаточен. Более значительное развитие, по-видимому, происходит, когда ребенок начинает позиционировать себя по отношению к голосам в тексте: соглашаясь, сомневаясь, сочувствуя, осуждая или ища какое-либо другое объяснение.

Западные теории повествования и реакции на чтение являются важным дополнением к этой позиции. Брунер отличает нарративное мышление от парадигматического или логико-научного мышления, утверждая, что повествование формирует человеческий опыт с точки зрения действующих лиц, намерений, конфликтов и последствий. Эта идея очень актуальна для чтения в начальной школе, где дети часто усваивают абстрактные отношения через ситуации в рассказе, прежде чем смогут определить их концептуально. Ребенок может не суметь объяснить «ответственность» в абстрактных терминах, но может понять ее через персонажа, который сдерживает или нарушает обещание. В таких случаях образ речи-мышления служит мостом между опытом и словесным обобщением.

Концепция также уточняется с помощью транзакционной теории чтения Розенблатта. Смысл находится не только в тексте и не только в читателе; он создается в процессе чтения, когда воспоминания, ожидания, эмоции и языковые ресурсы читателя взаимодействуют со вербальной структурой произведения [Розенблатт 1978]. В случае с детьми младшего школьного возраста этот процесс часто проявляется в их спонтанных комментариях: «Я думал, он плохой, но теперь мне его жаль» или «Это место напоминает мне деревню моей бабушки». Мы не должны отвергать такие реакции как субъективные отвлекающие факторы. При правильном направлении они становятся основой для более точной речи, для более дисциплинированной интерпретации.

Формирование образов, определяющих речь и мышление, представляет собой тонкий баланс между воображением и вербальным контролем. Если работа с литературным текстом носит исключительно эмоциональный характер, ребенок может создавать яркие, но неустойчивые впечатления. Если же она становится чисто аналитической, живой образ текста может отступить за формальные вопросы. Педагогическая задача состоит в том, чтобы удерживать эти два движения вместе: сохранять образный контакт ребенка с литературным миром и постепенно направлять этот опыт к более ясной речи, более богатому словарному запасу, более осознанной интерпретации. Этот баланс особенно важен в младшем школьном возрасте, когда дети еще учатся превращать непосредственные впечатления в связанные высказывания.

Теоретическая основа речевых образов может базироваться на синтезе культурно-исторической психологии, теории деятельности, диалогической лингвистики и нарративных подходов к чтению. Выготский и Лурия допускают, что образ рассматривается как вербально опосредованное познание. Леонтьев указывает на деятельность, в ходе которой формируется образ. Бахтин демонстрирует, что реакция ребенка на литературный язык носит диалогический, а не просто рецептивный характер. Брунер и Розенблатт, принадлежащие к разным традициям,

помогают объяснить важность нарратива и читательского опыта в построении смысла. В совокупности эти точки зрения позволяют определить речевой образ как развивающееся явление: внутренне воображаемое, эмоционально окрашенное и вербально организованное представление, возникающее, когда ребенок осмысленно работает с литературным текстом.

Литературный текст проникает в сознание ребенка иначе, чем обычный информационный текст. Он не просто сообщает факт или объясняет концепцию, он организует опыт посредством образов, ритма, голоса, событий и эмоционального напряжения. Ребенок в начальной школе может не всегда осознанно осознавать эту разницу, но она ощущается в процессе чтения. Рассказ, стихотворение, басня или сказка предлагают ребенку представить ситуацию, которой нет непосредственно, и удерживать эту ситуацию в голове достаточно долго, чтобы обсудить ее. Именно поэтому литературный текст может быть продуктивным средством для формирования речевых и мыслительных образов. Он предоставляет ребенку вербальный материал, который можно дополнить воображением, интерпретацией и внутренним откликом.

Детская фантазия никогда не совпадает с литературным образом. Она определяется текстом. Автор дает имена, действия, детали, паузы, повторения, образные выражения, ребенок работает с этими знаками и постепенно выстраивает осмысленное внутреннее представление. Здесь полезно понятие Лотмана о художественном тексте как о сложной семиотической структуре, поскольку оно показывает, что литературный смысл создается не только отдельными словами, но и отношениями между элементами текста [Лотман 1977]. Эта структурная сложность проявляется в чтении в начальной школе простым, но важным образом. Ребенок учится тому, что одна деталь может изменить значение другой: повторяющаяся фраза может подразумевать страх; описание погоды может задать эмоциональный тон; небольшое действие может раскрыть что-то о внутреннем состоянии персонажа.

Эта проблема имеет особое значение для русской литературной теории, поскольку с этой точки зрения художественный язык – это не украшение, а особый способ организации восприятия. Особенно актуальна идея дефамилиаризации Шкловского: литература замедляет восприятие и делает знакомое вновь видимым [Шкловский 1965]. Для взрослого читателя эта идея может быть связана с художественной техникой. Для ребенка она имеет важное значение в процессе развития. Литературный язык позволяет сделать паузу в автоматическом потоке понимания, направляя внимание ребенка на то, что повседневный язык слишком быстро игнорирует: оттенок предмета, одиночество персонажа, моральная значимость поступка, различие между тем, что кто-то говорит, и тем, что кто-то чувствует. Затем, в этот момент колебания между непосредственным узнаванием и более полным пониманием, начинает формироваться речево-мыслительный образ.

Это особенно очевидно в работе с образным языком. Метафора, сравнение, эпитет, олицетворение и символические детали требуют от ребенка выйти за рамки буквального прочтения текста. Вопрос в том, что ребенок должен понять, когда ему говорят, что ветер «шептал», что ветер не говорит в буквальном смысле, но мы все же хотим сохранить выразительную силу этой фразы. Мышление ребенка функционирует посредством двойной операции: сначала формируется образ; затем этот образ интерпретируется. Такие моменты педагогически ценны, поскольку они сочетают воображение с вербальным рассуждением. Задача учителя состоит не в том, чтобы заменить образ ребенка готовым объяснением, а в том, чтобы помочь ребенку найти слова для связи между выражением и создаваемым им смыслом.

Структура повествования также участвует в формировании речевых и мыслительных образов. События в литературном произведении не кажутся просто изолированными фактами. Они выстроены в последовательности с причинами, мотивами, последствиями и эмоциональными оттенками действий. Брунер [1986]

объясняет это, различая нарративный и парадигматический способы мышления, которые могут быть полезны детям. Ситуации в повествовании часто легче понять ученику начальной школы, чем абстрактные определения человеческих отношений. Когда они воплощены в действиях персонажа, становятся доступными такие понятия, как доброта, зависть, мужество, стыд, справедливость или ответственность. Ребенок представляет ситуацию, затем вербализует ее и лишь постепенно приходит к более обобщенному суждению.

Характер является одной из осей, вокруг которых строятся речевые и мыслительные образы. В младших классах начальной школы многие дети описывают персонажей, основываясь на видимых чертах или отдельных моральных ярлыках: хороший, плохой, храбрый, ленивый, забавный. Литературные произведения могут углубить это восприятие. Через диалог, через конфликт и изменения в сюжете ребенок узнает, что персонаж может быть одновременно испуганным и храбрым, добрым, но ошибающимся, виновным, но способным раскаяться. Для объяснения этого движения полезна теория диалогизма Бахтина. В литературном тексте голоса не просто сливаются в один авторский голос, а вступают во взаимоотношения друг с другом, и понимание читателя развивается в контакте с этими взаимоотношениями [Бахтин 1984, 1986]. Даже в детской литературе, где структура может быть проще, ребенку отводится ряд позиций: голос рассказчика, речь персонажа, подразумеваемое суждение истории и реакция ребенка.

Диалоги в литературных произведениях имеют особое значение для развития речи, поскольку они дают ребенку образцы высказываний в контексте. Слова персонажа связаны с намерением, настроением, социальными отношениями и ситуацией. Чтение диалогов вслух, их разыгрывание и обсуждение причин, по которым персонаж сказал то, что сказал, помогают детям начать связывать речь с мотивом. Это более сложный процесс, чем простое повторение содержания предложения. Он ставит ребенка в положение, когда он представляет говорящего в данной ситуации. Образ речи и мысли – это не просто то, что происходит, но и кто говорит с кем, с какими чувствами и с какой целью.

Другая часть этого процесса объясняется транзакционной теорией Розенблатта. Литературное произведение обретает смысл в процессе чтения, когда текст и жизненный опыт читателя встречаются [Розенблатт 1978]. Эта транзакция часто видна в личных ассоциациях детей младшего школьного возраста. Ребенок может ассоциировать историю разлуки с тоской по родителю, историю дружбы с классовым конфликтом или описание пейзажа с местом, которое он помнит. Эти связи не обязательно означают очевидное понимание; без руководства они могут быть поверхностными. Но часто они являются первой точкой входа для ребенка в текст. Педагогическая проблема заключается в том, как перевести ребенка от личной реакции к текстовой опоре: Какая часть истории заставила тебя так подумать? Какое слово выражает эмоцию персонажа? Изменилось ли твое мнение после следующего эпизода?

Здесь также актуальна теория эстетического отклика Изера, особенно его точка зрения о том, что литературные тексты содержат пробелы, которые читатель должен заполнить [Изер 1978]. Дети младшего школьного возраста постоянно сталкиваются с такими пробелами – но в форме, соответствующей их возрасту. Рассказ может не объяснять, почему персонаж молчит, почему друг обижен или почему концовка грустная, хотя могла бы быть счастливой. Ребенок должен сделать выводы. Эти выводы не являются второстепенными дополнениями к чтению, а частью самого процесса понимания. Внутренний образ перестраивается, когда ребенок заполняет пробел в тексте. Ребенок переходит от «Я знаю, что произошло» к «Я думаю, что понимаю, почему это произошло». Это движение, связанное с формированием речевой мыслительной деятельности.

Эмоциональная структура литературного текста также способствует развитию у детей речи и мышления. Эмоции подпитывают образ, но им необходима и вербальная форма. Во время чтения ребенок может испытывать жалость, удивление, раздражение или радость, но образовательная ценность этого чувства раскрывается, когда оно становится выразительным. В этом отношении когнитивный подход Николаевой к детской литературе полезен, поскольку он рассматривает детскую художественную литературу как пространство, в котором юные читатели развивают социальное, эмоциональное и этическое понимание [Николайева 2014]. Литературный опыт дает ребенку возможность взглянуть на чужой разум без непосредственного давления реального жизненного конфликта. На определенном расстоянии можно говорить о страхе, ошибке или выборе персонажа. Это расстояние позволяет ребенку мыслить более свободно.

Однако это не означает, что любой литературный текст обязательно порождает образы, побуждающие к размышлению. Многое зависит от качества текста и способа его изложения. Слишком абстрактный текст может остаться недоступным для словесного восприятия; слишком простой текст может не требовать реальной работы по интерпретации. Наиболее продуктивные литературные тексты для детей младшего школьного возраста, как правило, сочетают в себе ясность сюжета с выразительным языком, узнаваемыми эмоциональными ситуациями и некоторой открытостью к интерпретации. Сказки, рассказы, басни, лирические стихи и реалистические истории могут достичь этого, если они побуждают ребенка к воображению, сравнению, объяснению и оценке.

В педагогическом плане эта точка зрения подтверждается работами Игана о нарративе в начальном образовании. Он утверждает, что формы повествования, противопоставления, образы, эмоции и запоминающиеся повествовательные модели являются мощными факторами, формирующими понимание детей [Иган 1989]. Это не означает превращение детского мышления в фантазию. Скорее, это предполагает, что воображение является одним из способов развития рационального понимания. При чтении литературы ребенок часто понимает эмоциональную структуру истории раньше, чем способен сформулировать ее концептуальное значение. Это естественное движение может быть использовано учителем: сначала для того, чтобы помочь детям восстановить образ истории, а затем для того, чтобы подвести их к все более точной речи о мотивах, отношениях и значениях.

Литературный текст создает образы речи и мышления, поскольку требует от ребенка одновременной координации нескольких умственных действий. Ребенок должен воспринимать словесную форму, представлять себе изображаемый мир, следить за развитием сюжета, распознавать эмоциональные сигналы, делать выводы о мотивах и выражать свою интерпретацию в речи. Но при реальном чтении эти действия не являются дискретными. Они перекрываются и корректируют друг друга. Последующий рассказ может изменить первое впечатление о персонаже; непонятное слово может исказить всю ситуацию, пока ему не объяснят; обсуждение в классе может помочь ребенку увидеть деталь, которую он ранее упустил из виду. Образ формируется посредством чтения, говорения, слушания и перечитывания.

Литературный текст следует рассматривать не как иллюстративный материал для развития речи, а как живую вербальную среду, в которой мысль и речь могут быть более тесно связаны. Педагогическая ценность заключается в том, что он дает детям что-то осмысленное, что они могут сказать, и одновременно учит их тому, как смысл конструируется посредством языка. Тщательная работа с литературой учит детей переходить от впечатления к слову, от слова к образу, от образа к суждению и от личного суждения к обсуждению. Это движение является основой формирования речевых и мыслительных образов в младшем школьном возрасте.

Формирование у детей младшего школьного возраста речево-мыслительного образа зависит не только от литературного качества текста, но и от того, как учитель

организует взаимодействие ребенка с текстом. Литературное произведение может быть наполнено выразительными образами, моральным напряжением, диалогами и эмоциональным движением, но эти возможности реализуются лишь частично, если цель урока – проверить, помнят ли дети сюжет. Педагогически значимая работа начинается тогда, когда ребенка побуждают замечать, представлять, вербализировать, сравнивать и переосмысливать. В этом смысле чтение литературы – это развивающая деятельность, а не просто упражнение в воспроизведении.

Этот методологический подход хорошо обоснован культурно-исторической традицией. Согласно концепции зоны ближайшего развития Выготского, обучение должно основываться не только на том, что ребенок может сделать самостоятельно, но и на том, что он может сделать с помощью [Выготский 1978]. В случае чтения литературы это означает, что учитель не должен просить детей рассказывать о том, что они поняли спонтанно. Учитель должен создавать условия, при которых у ребенка будет больше шансов прийти к более сложному пониманию, чем он мог бы сделать это самостоятельно: увидеть скрытый мотив, объяснить эмоциональные изменения, связать слово с образом или перейти от личной реакции к интерпретации, основанной на тексте.

Теория деятельности Леонтьева подчеркивает этот момент, напоминая нам, что обучение структурируется посредством мотивов, действий и операций [Леонтьев 1978]. Урок по литературному тексту должен быть структурирован как целенаправленная деятельность. Ребенку нужна причина, чтобы вернуться к тексту, а не просто указание ответить. Эта причина может заключаться в проблеме в сюжете, противоречии в поведении персонажа, непонятной фразе или вопросе, на который нет сразу очевидного ответа. Ребенок таким образом ищет смысл, и речь становится необходимой. Ребенок говорит, чтобы образ стал ясным, а образ ясен, потому что он произнесен.

Здесь также важна теория Гальперина о поэтапном, планомерном формировании умственных действий. Он подчеркивает идею о том, что умственное действие развивается в систематической последовательности внешних, вербальных и внутренних стадий [Гальперин 1969, 1989]. Эту идею можно использовать в литературном воспитании, не превращая урок в жесткую схему. Сначала ребенку может потребоваться внешняя поддержка: картинки, ключевые слова из текста, последовательность событий, фраза, повторяемая персонажем, или наводящий вопрос от учителя. Затем ребенок начинает обсуждать литературную ситуацию. Эти внешние и устные средства постепенно усваиваются посредством практики. Ребенок учится удерживать образ текста в уме и организовывать интерпретацию, прежде чем говорить.

Одним из первых педагогических условий этого процесса является выразительное чтение. Литературный текст должен быть услышан и расшифрован. Интонация, ритм, паузы, ударение и темп – все это помогает детям воспринимать эмоциональные связи, которые могут быть недоступны им при чтении про себя. Когда учитель читает диалог, обращая внимание на интонацию, дети начинают понимать, что речь – это больше, чем просто информация. Неохотный ответ, вспышка гнева или приглушенное описание природы могут направить ребенка к эмоциональной сути эпизода. Когда дети позже сами читают тот же отрывок, они не просто тренируют произношение. Они проверяют, как следует читать текст, понимается ли он.

Ещё один важный метод – это задавание вопросов, но качество этих вопросов имеет решающее значение. Вопросы, которые касаются только «Кто?», «Где?» и «Что произошло?», полезны для определения основной ситуации, но они редко сами по себе способствуют формированию образов, необходимых для речевого мышления. Более продуктивные вопросы побуждают ребёнка связывать детали

текста с их интерпретацией. Почему персонаж не говорил? Какое слово указывает на изменение настроения? Что ты подумал, описывая это место? Знал ли персонаж другого человека? Такие вопросы не вредят самостоятельности ребёнка. Напротив, они дают ему возможность проникнуть в текст, но ценой личных умственных усилий.

Этот подход соответствует принципу взаимного обучения, который заключается в развитии понимания посредством таких видов деятельности, как прогнозирование, задавание вопросов, уточнение и обобщение [Палинсар и Браун 1984]. Эти виды деятельности могут быть направлены на более эстетическую и интерпретативную работу с литературными текстами. Прогнозирование может касаться не только следующего события, но и возможного решения персонажа. Уточнение может означать не только незнакомое слово, но и неясный мотив или образное выражение. Обобщение может выходить за рамки сжатого изложения сюжета и включать формулировку центральной эмоциональной или моральной ситуации. В каждом случае ребенка поощряют рассматривать чтение с точки зрения речи.

Пересказ по-прежнему является важным приемом, но его нельзя рассматривать как механическое повторение. Хороший пересказ показывает, как ребенок структурировал текст в своем сознании. В простейшей форме ребенок повторяет последовательность событий. На более развитом уровне ребенок запоминает причинно-следственные связи, эмоциональный тон и меняющуюся позицию персонажей. Учитель может способствовать этому развитию, предлагая детям пересказывать с разных точек зрения: с точки зрения рассказчика, с точки зрения одного из персонажей или с позиции молчаливого наблюдателя. Эти задания помогают детям понять, что одну и ту же литературную ситуацию можно воссоздать разными словами. Образ более податлив, речь более целенаправленна.

Работа над словарным запасом также необходима, поскольку ребенок не может развить или выразить образное мышление во всей его полноте без достаточных вербальных средств. Но словарный запас не следует вырывать из контекста литературного произведения. Бек, Маккеон и Кулан [2013] выступают за интенсивное обучение словарному запасу, где слова не просто запоминаются, а воспринимаются, обсуждаются и активно используются. Этот принцип особенно применим к чтению художественной литературы. Вернитесь к тексту и выберите слово, выражающее чувство, движение, внешний вид или моральное суждение. Что оно добавляет к картине? Можно ли использовать другое слово в этом случае? Если бы автор выбрал более простое выражение, был бы персонаж другим? Такая работа помогает детям понять, что слова – это не взаимозаменяемые ярлыки, а инструменты для формирования смысла.

Если дети по-прежнему связаны с текстом, творческие задания могут углубить этот процесс. Рисование сцены, инсценировка диалога, продолжение истории, сочинение короткого внутреннего монолога для персонажа или выбор названия для эпизода могут помочь детям выразить образ, который еще не сформировался. Но задание не должно превращаться в свободную фантазию. Ребенка просят объяснить творческий выбор, опираясь на текст: почему ты нарисовал персонажа именно так? Какое предложение помогло тебе выбрать этот тон? Почему этот персонаж произнес именно эти слова? Именно это возвращение к тексту превращает творчество в литературное мышление.

Диалог в классе играет особую роль в развитии речевых и мыслительных образов. Мерсер и Литтлтон [2007] демонстрируют развитие мышления детей посредством социально организованных форм общения. На уроке литературы дети могут обсуждать и сравнивать образы и интерпретации. Один ребенок ссылается на действие персонажа, другой – на его чувства, а третий вспоминает предыдущую деталь, которая меняет интерпретацию. Задача учителя – не добиться немедленного

согласия, а поддерживать обсуждение, основанное на тексте. Дети должны понять, что интерпретации могут быть разными, но они должны быть подкреплены словами, событиями и связями, найденными в литературном произведении.

В этом смысле диалогическое обучение – это не просто разговор в классе. Это дисциплинированный вид совместного мышления, что напрямую применимо и к чтению литературы. Если дети отвечают по частям, их речевые образы становятся личными и неполными. Если же люди слушают друг друга, отвечают, добавляют, задают вопросы и вносят правки, образ текста обогащается социально. Ребенок начинает понимать, что понимание литературы – это не то же самое, что угадывание ответа, которого хочет учитель. Это процесс создания смысла вместе с другими и внимательного отношения к тексту.

Использование визуальных и драматических средств следует рассматривать в рамках одной и той же логики развития. Иллюстрации, схемы сюжета, чтение ролей, театрализованные представления и простые инсценировки могут помочь детям младшего школьного возраста перейти от непосредственного восприятия к вербальной интерпретации. Эти средства особенно полезны, когда текст вызывает неоднозначные эмоции или содержит образные выражения. Ребенок, еще не способный объяснить стыд персонажа, может продемонстрировать позу, молчание или выражение лица в инсценировке. Затем учитель может направить ребенка от телесного представления к вербальной формулировке: что показал твой жест? Почему персонаж склонил голову? Какая строка в тексте помогла тебе это понять? В этом процессе образ и речь постепенно связываются.

Теория литературного воображения Лангера предоставляет полезную основу для описания этого процесса в классе. Понимание литературы развивается по мере того, как читатели строят, изменяют и размышляют над воображаемыми мирами во время чтения [Лангер 1995]. Учитель помогает детям младшего школьного возраста осознать это воображение. Перед чтением детей можно подготовить, обсудив название, ключевые слова или жизненные ситуации, связанные с текстом. Во время чтения они могут делать паузы, чтобы уточнить образы, мотивы и эмоциональные изменения. После чтения они могут вернуться к произведению целиком и объяснить, как изменилось их понимание. Важным аспектом является непрерывность: образ не формируется раз и навсегда в начале чтения, а развивается благодаря многократному взаимодействию с текстом.

Также следует тщательно оценивать образы, формирующие речевое мышление. Недостаточно оценивать только способность ребенка отвечать на фактические вопросы. Может ли ребенок сформировать осмысленное словесное представление о тексте? Может ли ребенок ссылаться на текстовые доказательства? Может ли ребенок объяснить мотивы персонажа? Может ли ребенок интерпретировать образный язык? Может ли ребенок выразить эмоциональную реакцию, используя подходящие слова? Может ли ребенок изменить свое предыдущее мнение после обсуждения? Эти показатели не обязательно должны быть формальным контрольным списком на каждом уроке. Они могут помочь учителю в наблюдении за переходом от впечатления к интерпретации у детей.

Педагогические условия формирования речевых образов можно описать как единство выразительного восприятия, направленной интерпретации, речевой практики и рефлексивного возвращения к тексту. Учитель знакомит ребенка с литературной ситуацией, помогает ему вербально организовать эту ситуацию и побуждает его сравнивать, углублять и совершенствовать формирующийся образ. Это требует терпения. Первый ответ ребенка может быть простым, неточным, слишком личным, но, если учитель знает, как его развить, он может стать началом настоящего литературного понимания.

Работа с литературными текстами в начальной школе должна строиться как постепенный переход от внешней поддержки к внутренней речевой и мыслительной

деятельности. Экспрессивное чтение пробуждает образ. Вопросы направляют внимание. Пересказ организует последовательность. Работа с лексикой придает точность. Драматизация и рисование позволяют выразить то, что еще формируется. Диалог проверяет и обогащает интерпретацию. Взаимодействуя друг с другом, эти методы превращают литературный текст в пространство, в котором дети учатся воображать словами и мыслить речью. Таким образом, формирование речевых и мыслительных образов в процессе работы с литературным текстом приобретает практическую основу.

Литература

1. Ахутина Т.В. Нейропсихология индивидуальных различий детей как основа использования нейропсихологических методов в школе // I Международная конференция памяти А. Р. Лурия: сб. докладов. – М.: Смысл, 1998. – С. 201–208.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Кудина Г.Н. Литературное чтение в начальной школе: методика преподавания. – М.: Просвещение, 2005. – 192 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2005. – 352 с.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика, 1994. – 528 с.
8. Романовская З.А. Методика обучения литературному чтению в начальных классах. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
10. Светловская Н.Н. Методика обучения чтению в начальной школе. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
11. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
12. Ortells E. Children's Books by Canonical Authors in the EFL Classroom // English Language Teaching. – 2020. – Vol. 13. – №11. – P. 100–108.
13. Ali Z. Reading Approaches Practiced in EFL Classrooms: A Narrative Review and Research Agenda / Z. Ali, S.T. Palpanadan, M. Asad, P. Churi, E. Namaziandost // Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education. – 2022. – Vol. 7. – Article 25.
14. Calafato R. Literature in Language Education: Exploring Teachers' Beliefs, Practices, Creativity, and Literary Competence // Pedagogies: An International Journal. – 2023. – Vol. 19, № 1. – P. 80–98.
15. Seifert S. Is Reading Comprehension Taken for Granted? An Analysis of Austrian Textbooks in Fourth and Sixth Grade // Technology, Knowledge and Learning. – 2021. – Vol. 26. – P. 383–405.
16. Sun X. Literature in Secondary EFL Class: Case Studies of Four Experienced Teachers' Reading Programmes // The Language Learning Journal. – 2021. – Vol. 49, №2. – P. 145–160.

FORMATION OF SPEECH-THINKING IMAGES IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN THE PROCESS OF WORKING WITH A LITERARY TEXT

I.O. Mammadova

Azerbaijan, Baku, Azerbaijan State Pedagogical University

Abstract. The article reveals the theoretical foundations of the relationship between speech, thinking and imagination in the course of mastering a literary text, examines scientific approaches to the interpretation of the concept of "speech-thinking image". Special attention is paid to the importance of fiction in the development of cognitive and speech activity of primary school students. A pedagogical model of the formation of speech-thinking images is presented, including cognitive, speech and creative blocks, as well as the key pedagogical conditions for the implementation of this technique. It is demonstrated that systematic work with literary texts

contributes to the development of imaginative thinking, speech expressiveness and reading literacy of younger schoolchildren.

Keywords: speech-thinking images; artistic text; younger schoolchildren; imaginative thinking; speech development; reading competence.

УДК 81'373

Маркова Е.М.

ОБРАЗ КАК МОТИВ НОМИНАЦИИ И МНЕМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ

Словакия, г. Братислава, Экономический университет

Elena-m-m@mail.ru

Наименования окружающих нас предметов и явлений имеют образную основу и построены на ассоциативной связи уже имеющего языковое выражение обозначения с номинируемым объектом. Так в них отражаются представления людей об окружающем мире, их «видение» действительности, которое может быть различным в разных этнокультурных сообществах. Образность первичных наименований транслирует представление о том, какой признак был существенным для данного этноса в момент номинации, какие свойства предметов или явлений действительности оказались важными для сознания человека в его когнитивно-номинативном освоении мира.

По словам В.В. Виноградова, «слово – неразрывное единство звука, значения и внутренней формы» [Виноградов 1968: 114], т. е. образной основы. Понятие «внутренней формы» слова было введено в свое время А.А. Потебней и основано на образе, уже имевшем языковое выражение и ставшем отличительным признаком номинируемого объекта. Как писал А.А. Потебня, «все значения в языке по происхождению образны, каждое может с течением времени стать безобразным» [Потебня 1976: 5]. Образ, положенный в основу наименования, составляет стержень его внутренней формы, выявление которой помогает прояснению номинативной модели. По мнению А.Ф. Алефиренко, продолжавшего вслед за А.А. Потебней, В.В. Виноградовым исследования образной основы номинации, «внутренняя форма слова, в отличие от понятия – категории объективной ... характеризуется способностью к субъективному ... представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определённом языке... В этом случае речь идёт скорее о внутренней форме слов как словесно-логическом представлении заключённого в них смысла» [Алефиренко 2005: 7].

Связывают называемый предмет с каким-либо его качеством или признаком, уже имеющим материальное выражение, ассоциации человека, поэтому номинативные процессы психологичны в своей основе. Ассоциации всегда образны по своему характеру и обусловлены сравнением, сближением двух предметов. Образ, лежащий в основе значения слова, может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, в контексте которой оно возникло. То, что при наименовании выделяется один признак из множества, объясняет значительные расхождения между языками в плане мотивировки семантически аналогичных слов. В результате даже при сравнении близкородственных языков, какими являются славянские языки, возникают различия в их номинативных основах.

С точки зрения семасиологической номинация представляет собой определенную (первичную) семантическую модель. В этом смысле все слова являются продуктом семантической производности. Можно сказать, что восприятие человеком окружающего мира находит отражение в семантической мотивации наименований предметов и явлений действительности. В самом акте номинации

реализуется установка носителей языка на выделение, актуализацию признаков, значимых для языкового сознания. Взгляд на мотивировку слова как исходную семантическую модель показывает, что большинство подобных моделей носит метонимический характер, так как обусловлено смежностью, сближением предметов или явлений, лежащих в основе любой ассоциации.

Образные основы наименований, или мотивировочные признаки, в случае их сохранности всегда бросаются в глаза при сопоставлении языков, так как сопоставление особенностей мотивации одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, особенности их мировидения и мировосприятия [Шанский 1991]. Это необходимо использовать при обучении иностранным языкам с целью более эффективного запоминания и последующего воспроизведения языковых единиц.

Для словопроизводства индоевропейских языков характерным является то, что большинство производных слов восходит в них в конечном счете к основам, обозначающим действие или состояние и представленным соответствующими глаголами [Маркова 2024]. Анализ образных основ праславянских существительных с суффиксом *-dlo* в разных значениях подтверждает мотивированность большинства из них определенными действиями, например, в существительных с инструментальным значением: **klepadlo* (от гл. **klepati*, чеш., пол. *klepadlo* ‘молоток, колотушка’, рус. диал. *клепало* ‘колокол’, ‘язык в колоколе’, ‘доска, в которую стучат сторожа’, ‘звонок на шее скота’, а также ‘лун, сплетник’) [ЭССЯ, т.10: 7]; **kopadlo* (от гл. **kopati*, чеш. *kopadlo* ‘орудие для копания’, рус. диал. *копало* ‘приспособление для копки картофеля, овощей’, ‘мотыга’) [ЭССЯ, т.11: 13]; **kosidlo* (от гл. **kositi*, рус. диал. *косило* ‘лезвие косы’, ‘ручка косы’) [ЭССЯ, т.11: 140]; **kovadlo* (от гл. **kovati*, чеш., словц. диал. *kovadlo* ‘наковальня’, рус. диал. *ковало* ‘молот’, ‘наковальня’) [ЭССЯ, т.12: 5] и др. Или существительных для обозначений предметов домашнего быта, вещества: **čerpadlo* (от гл. **čerpati*, чеш. *čerpadlo* ‘черпак, насос’, рус. диал. *черпало* ‘ковш’) **lěpidlo* (от гл. **lěpiti*, чеш., словц. *lepidlo* ‘клей’, у рус. диал. *лепило* ‘прозвище старательного человека’) [ЭССЯ, т.14: 216]. Лексемы данного словообразовательного типа могли служить и обозначением еды, питья, также мотивированным глаголом: **kvasidlo* (от гл. **kvasiti*, чеш. *kvasidlo* ‘закваска’, рус. диал. *кvasило* ‘осадок в квасе’, ‘кисель из овсяной муки или отрубей’, ‘кислое тесто’) [6, т.13: 151]; **ědlo* (от **ěd-*, чеш. *jídlo* ‘пища, кушанье’, словц. *jedlo* ‘пища, кушанье’, ‘еда’, рус. диал. *ело* ‘еда’) [ЭССЯ, т.6: 41]. Названия частей тела людей и животных, органы также именовались по характерному для них действию: **čudlo* (от **čuti*, чеш. *čidlo* ‘орган чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания)’, рус. диал. *чуло* ‘орган чувств’) [ЭССЯ, т.4: 128], **dyxadlo* (от гл. **dyxati*, чеш., словц. *dychadlo* ‘дыхательные органы’, рус. *дыхало* ‘дыхательное горло’, ср. рус. прост. *дать под дыхало* ‘ударить по легким’) [ЭССЯ, т.5: 199]; **ědadlo* (от гл. **ědati*, рус. диал. *ядало, едало* ‘рот’) [ЭССЯ, т.6: 38]; **xodidlo* (от гл. **xoditi*, чеш., словц. *chodidlo* ‘ступня’, рус. диал. *ходило* ‘лопатка в теле животного’, ‘тазобедренный сустав’); **n`uxadlo* (от гл. *\*n`uxati*, рус. диал. *нюхало* ‘нос’) [ЭССЯ, т.25: 156] и т. п.

С другой стороны, в современном словопроизводстве в разговорной речи чрезвычайно активными стали отсубстантивные (отыменные) глаголы, в основе которых – образ, запечатленный в имени существительном. Примеры здесь многочисленны: рус. *жюри́ть* (← *жюри*), *премье́рить* (← *премьера*), *пенсионе́рить* (← *пенсионер*), *засувени́рить* (ирон. ‘взять что-то из отеля в качестве сувенира’) (← *сувенир*), *стрессова́ть* (← *стресс*), *эмоциона́ровать* (← *эмоция*), *паутина́ть* (‘темнить, давать ложную или запутанную, непонятную информацию’) (← *паутина*), *ручка́ться* (‘здороваться за руку’) (← *рука*), *чаевнича́ть* (‘пить чай’) (← *чай*) и т. п.

Семантическая и словообразовательная мотивированность глаголов именами существительными принадлежит к характерным особенностям славянского

словообразования. Подтверждает типичность подобных глагольных образований с субстантивным мотиватором и материал словацкого языка: *hostiť* ('принимать гостей') (←*host*), *číslovať* ('нумеровать') (←*číslo*), *klincovať* ('прибивать гвоздями') (←*klinec* 'гвоздь'), *bičovať* ('хлестать') (←*bič* 'бич, кнут'), *knižovať* ('заказывать') (←*kniha*), *žrebovať* ('тянуть жребий') (←*žreb* 'жребий'), *koreniť* ('приправлять специями') (←*koreň*) [Horecký 2003], *paličkováť* ('ходить с палками, заниматься скандинавской ходьбой') (←*paličky*), *guľať* 'катать, валять' от *guľa* 'шар', *Wi-Fičiť* ('использовать Wi-Fi', из рекламы: *Na čom Wi-Fičíte?*) (←*Wi-Fi*) () и т. п. Некоторые из них имеют соответствия в русском языке (например, *бичевать*, но с другим, переносным значением: 'критиковать, высмеивать недостатки': *бичевать пороки* и т.п.), другие их не имеют, тем больший интерес они вызывают при их сопоставительном рассмотрении и изучении.

В качестве первичных образных основ могут выступать не только действия или предметы, но и конкретные их характеристики:

цвет предмета (рус. *лебеда*, чеш. *lebeda* / *loboda*, пол. *lebiada*, болг. *лобода*, рус. *лебедь*, чеш. слвц. *labuť* имеют в основании 'белый цвет', а рус. *голубика*, *черника* соотносятся с голубым и черным);

форма предмета (по форме частотны наименования хлебных изделий: чеш., слвц. *koláč* 'пирог', с.-х. *кòлач* 'пирог', пол. *kolacz* 'пшеничная лепешка, калач', болг. *колач* 'каравай', рус. *калач* ← *коло* 'круг, кольцо', также в русском *подковка*, *рожок*, *рогалик* (чеш., слвц. *rohlik*) мотивированы формой этих хлебо-булочных продуктов);

материал, из которого сделан предмет (соврем. чеш. *sukně*, укр., белор. *сукня*, с.-х. *сѹкня*, слвц. *sukňa* 'юбка', рус. диал. *сукня* ← *сукно*; чеш. *kožich* 'шуба', рус. диал. *кожух* 'тулуп из овчины' ← *кожа*; рус. *ватник* ← *вата* и др.);

часть тела, на которую надевается предмет одежды (слвц. *nohavice* 'брюки', чеш. 'штанина у брюк', рус. диал. *ногавицы* 'чулки из толстой шерсти' ← *нога*; рус. *рукавицы* ← *рука*; чеш. *palčáky*, слвц. *palčiaky* 'рукавицы' – от слова *palec*, имеющем значение 'большой палец' в этих языках);

действие, характерное для предмета (чеш. слвц. *potraviny* 'продукты' ← *травить* 'кормить', в русском этот глагол послужил мотивом однокоренных *трава* как 'корм для скота', *отрава*),

место нахождения (произрастания) (рус. *багульник* указывает на место, где он растет, – *багно* 'болото', рус. *земляника* отражает близость ягод этого растения к земле),

качество предмета (название дерева *липа*, известное всем славянским языкам, указывает на его *липкость*),

запах (рус. *смородина*, *ландыш* апеллируют к таким обонятельным мотиваторам, как *смад* и *ладан*),

вкус (рус. *горчица*, чеш. *hořice*, слвц. *horčica* указывают на горький вкус этого продукта, а их соответствие с.-х. *слàчица* – на его сладкий вкус),

сходство с другим предметом (рус. *колокольчик* назван по сходству его цветка с *колоколом*, имеющем в общеславянском ареале название *звон*, откуда и чеш. *zvoněček*, слвц. *zvonček*, пол. *dzwonek*, с.-х. *звóнце*; а чеш., слвц. *konvalinka* 'ландыш' ассоциируется с кувшином, чайником, который обозначается словом *konvice*) и т.д.

Соотнесение слова с тем или иным образом служит мнемической опорой для его запоминания, помогает закреплению в памяти изучающего данный язык как иностранный. Можно сказать, что тот, кто изучает иностранный язык, прослеживает когнитивный путь рождения слова, благодаря чему постигает логику кодирования понятия в знак.

Известно, что человек мыслит образами и запоминает слова как некие образы. Образ является своеобразной «меткой» вещи, предмета, явления, действия, не

только формирует их словесную оболочку, но и помогает быстрее запомнить и воспроизвести в нужный момент слово благодаря его образной составляющей.

Образ в большей степени связан с объектами действительности, чем с категориями смысла. Поэтому образ становится не только транслятором лингвокультурной информации, экспликатом когнитивного содержания, вербализуемого словом, но и той «ниточкой», мостиком, «мнемической связью, которая помогает соотнести слово и объект внеязыковой действительности, что имеет отношение к практике преподавания иностранного языка» [Маркова, 2011: 68]. «Поэтому апелляция к внутренней форме, к образной основе слова обеспечивает ассоциативную связь между словом и реальным объектом, позволяет закрепить это слово в памяти и вызвать его в нужный момент коммуникации. В этом лингводидактическое значение внутренней формы слова» [Маркова 2024].

При обучении инославянскому (иному славянскому) языку методически целесообразно сопоставлять слова с разной образностью в родном и изучаемом языках. Это имеет большое мотивирующее значение, способствует возникновению и поддержанию интереса к изучаемому языку, осознанию их генетического единства и национального своеобразия, пониманию техники словопорождения и лучшему запоминанию лексики изучаемого языка в ее системных связях как внутри этого языка, так и в сопоставлении с родным языком. Так, рус. *черепаха* была названа так по сходству с *черепом*, слов. *korytnačka* – с *корытом*. Русское существительное *белье* мотивировано таким его типичным признаком, как *белый*, в чешском, словацком языках ему соответствует *prádlo*, которое возникло на основе выделения другого признака белья – возможности его стирать (*prat*). В основе рус. *одеяло* – признак *одеть*, слов. *rokrývka* – *покрыться*. Рус. *зажигалка* – то, что можно *зажечь*, слов. *zapaľovač* – что можно *запалить*. Внутренняя форма рус. *лепешка* – то, что можно *лепить* (из теста), его соответствие в словацком *placka* (от *plackať* ‘хлопать’) – ‘то, что изготавливают хлопая’. Чеш., слов. *ponožky* ‘носки’ указывает на такой признак, как часть тела, на который они надеваются, – нога, а внутренняя форма их русского коррелята *носки* обусловлена словом *нос* (перен. ‘заостренный, выступающий край ноги’). Рус. *лестница* номинирует то, с помощью чего ‘лезут’, а понятийно аналогичное ему слов. *schody* – ‘с помощью чего сходят’ и т.п.

Славянские языки демонстрируют разную степень образной «прозрачности», выраженной мотивированности. В ряде языков, «предпочитающих» заимствования как способ словообразования, – русском, польском, болгарском – меньше слов с явно выраженной образностью. В чешском, словацком, сербском и хорватском – слов с «прозрачной» внутренней формой, эксплицитно выраженной образностью гораздо больше в силу того, что в этих языках более предпочтительными являются образования на базе собственно славянского корнеслова, а также калькирования. Освоение и запоминание лексики этих языков облегчается «прозрачностью», видимостью образа, образующего внутреннюю форму слов. Сравним, например, русско-словацкие коррелятивные пары слов, в который русский вариант представлен заимствованием, а словацкий – словом с исконным корнем: рус. *парашиют* – слов. *padak* (‘то, что падает’), рус. *фартук* – слов. *zástěra* (‘то, что защищает’), рус. *тропуар* – слов. *chodník* (‘место, где ходят’), рус. *пресс-секретарь* – слов. *hovorca* (‘кто говорит’), рус. *витрина* – слов. *výklad* (от *класть/кладу* ‘место, где выложен товар’) и т.п.

Сопоставительный анализ лексиконов славянских языков с точки зрения ономаσιологической, в аспекте номинации, демонстрирует многообразие видения мира даже близкородственными народами, какими являются славяне, раскрывает универсальное и индивидуальное, типологическое и специфическое в наименованиях. Апелляция к образной основе номинации, к признаку, послужившему семантическим ядром нового номината, помогает в изучении лексики инославянского языка, раскрывает механизм создания наименования и

служит мнемической опорой, помогающей не только его кодированию в нашем сознании, закреплению в памяти, но и декодированию, возможности быстро извлечь в нужный момент из памяти.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака. // Вестник Томского гос. пед. университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – №3 (47). – С. 5–10.
2. Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках. В кн.: Славянское языкознание. Материалы VI Межд. съезда славистов. – М., 1968. – С. 53–119.
3. Маркова Е.М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты при изучении русского языка в инославянской аудитории // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 5. – С. 68–74.
4. Маркова Е.М. Действие как когнитивное основание лексической номинации у древних славян // Язык и ментальность в диахронии: сборник научных трудов по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых ученых с междунар. участием. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2024. – С. 119–130.
5. Маркова Е.М. Лингводидактическое значение образной основы номинации в славянской аудитории // Мир русского слова. – 2022. – №1. – С. 12–21.
6. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных русского и чешского языков). монография. – М.: МГОУ, 2014. – 306 с.
7. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.
8. Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина) – Л.- Спб., вых. с 1965.
9. Шанский Н.М. Сходство и различие в номинативных системах языков // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 72–74.
10. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М., 1995.
11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. / Под ред. Трубачева О.Н. Вып. 1–42. – М.: Наука, 1974–2005. – в статье ЭССЯ
12. Horecký J. Onomaziologická štruktúra slovenčiny // Spisy Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV, Supplement 5. – Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 2003. – 61 p.
13. Slovník slovenského jazyka. – Bratislava: Veda, 1987.
14. Slovník spisovného jazyka českého. T. 1–8. – Praha, 1989.

IMAGE AS A MOTIVE FOR NOMINATION AND A MNEMIC BASIS IN TEACHING VOCABULARY

E.M. Markova

Slovakia, Bratislava, University of Economics

Abstract. This article examines the figurative basis of words in terms of their cognitive-nominative function. Emphasizing the role of a nationally specific "view" of things, which emphasizes a particular feature as a "marker" that embodies the concept of an object or phenomenon in words, is emphasized. The author confirms this using material from Slavic languages (Czech, Slovak, and others). According to the author, the image underlying a word as a sign not only helps trace the movement of a person's thought during the process of nomination but also facilitates the consolidation of the word in memory during language learning in a foreign audience due to the figurative nature of our thinking.

Keywords: image, nomination, Russian language, Slavic languages, linguodidactics.

*Скляренко С.А.***АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ**Китай, г. Дэчжоу, Дэчжоуский университет
sklyarenko.sa@yandex.ru

Несмотря на то что, на протяжении многих десятилетий, среди иностранных языков, по популярности для изучения среди китайского студенчества, русский язык как иностранный (РКИ) занимает в лучшем случае четвертое место (после английского, японского и корейского), по мере усиления российско-китайского стратегического взаимодействия, изучения данного языка, будет только усиливаться в качестве показателя профессионализма высококвалифицированного специалиста, что будет продолжать ставить перед китайскими университетами задачу тщательной проработки концепций преподавания РКИ, особенно с учётом усиления цифровых возможностей.

Целью настоящего исследования стало на основе полученных данных лично автором за 10-ти летний период времени (2016–2026 гг.) на площадках трех университетов Китая (Тяньцзинский педагогический университет, а так же университеты городов Санья (провинция Хайнань) и Дэчжоу (провинция Шаньдун)) в качестве преподавателя русского языка как иностранного для студентов-нефилологов, а так же на основе анализа иных научных работ по этой проблематике, выявить наиболее актуальные методы обучения РКИ для китайских студентов-нефилологов с учётом перечисленных факторов, опираясь на концепцию речемыслительных образов как вербализованных обыденных концептов. Доклады по предыдущим этапам исследований производились автором на протяжении 2017–2026 гг. на международных конференциях, в т.ч. [Скляренко 2017; Скляренко 2025; Скляренко 2026]. Кроме того, ряд публикаций в научных изданиях носил обобщающий межстрановой характер [Скляренко 2020], а также был подготовлен в соавторстве и в межрегиональном формате [Айзенберг 2022] исследования.

Современная парадигма преподавания РКИ в Китае уже не первый год предполагает смещение акцента с акцента на грамматический подход к формированию по преимуществу коммуникативной компетенции. Однако с началом массового использования программ искусственного интеллекта, в качестве помощников для студентов, коммуникационные компетенции становятся в университетских аудиториях, при изучении данного предмета почти тотальными.

Вместе с тем, среди наиболее востребованных методов последних лет в России при работе с китайскими студентами стоит выделить следующие:

В исследовании [Зубкова 2026] формулируется, что метод сторителлинг (способ изучения объекта через истории и пояснения, а не путем заучивания) как коммуникативный принцип в обучении РКИ показывает в первой половине 2020-х гг. себя достаточно эффективным в среде китайских студентов, способствуя ускоренному развитию словарного запаса и грамматических навыков, улучшению произношения и понимания на слух, активизации творческих способностей и повышению мотивации. Автор формулирует, что для студентов-нефилологов, которые часто испытывают дефицит времени для погружения в языковую среду, сторителлинг предоставляет возможность более естественного усвоения языковых структур через повествование. В целом с автором данного исследования можно согласиться, однако применение данной методики нам видится эффективной при работе с малочисленными группами обучающихся, что сделать в рамках работы в китайских университетах затруднительно.

В работе [Цховребов 2024] предлагается к использованию эрратологическая модель обучения, которая представляет собой девятиэтапная система анализа ошибок, включающую распознавание ошибочного действия, фиксацию факта отклонения, идентификацию ошибок, формулирование грамматических правил, коррекцию, контрольные и корректирующие действия, формирование навыков самоконтроля, фиксацию безошибочной речевой деятельности и рефлексии усвоенных знаний. Данная модель, была успешно апробирована на иностранных студентах в Военном институте (инженерно-техническом) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, однако для большинства нефилологических направлений в вузах Китая из-за своей сложности применения не позволяет эффективно обеспечивать развитие профессиональных компетенций на русском языке, и тем более обеспечивать устойчивый интерес к изучению РКИ.

Важным направлением является также обучение безэквивалентной лексике. В китайско-русской лингвокультурной паре особенно ярко проявляется феномен «культурного вакуума» – отсутствия прямых соответствий для целого ряда понятий в силу различий в общественно-политическом устройстве, традициях и менталитете. Разработка эффективных стратегий преподавания такой лексики способствует лучшему пониманию культурных различий и повышению культурной адаптации китайских учащихся.

Одним из наиболее существенных, но часто недооцениваемых факторов, влияющих на эффективность обучения русскому языку китайских студентов, являются их диалектные особенности. Практически все китайские студенты наряду с литературным китайским языком (путунхуа) владеют тем или иным региональным диалектом, фонетические, лексические и грамматические характеристики которого могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процесс усвоения русского языка.

Личная сравнительная практика в Тяньцзине и Дэчжоу, относительно Санья, во многом подтвердила прежние аналогичные исследования, которые показывали, что отрицательный перенос в русском произношении наиболее ярко проявляется у студентов из Юго-Восточного Китая, особенно в области произношения согласных фонем и слогов. В то же время существуют и отдельные случаи положительного переноса, что свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода.

Данная проблематика должна изначально фиксироваться для преподавательского состава РКИ в университетах России при принятии к обучению студентов КНР из разных регионов в рамках одной группы.

Вместе с тем, есть и общие типичные ошибки китайских студентов на занятиях по фонетике русского языка возникают как следствие интерференции двух неродственных языков, так и вследствие особенностей различных китайских диалектов. Носители северных диалектов в целом ближе к нормативному произношению китайского языка. Однако именно эта близость к норме создаёт иллюзию лёгкости: студенты из северных регионов часто недооценивают фонетические трудности русского языка и меньше работают над произношением, что приводит к «акценту», который сложнее корректировать на поздних этапах обучения. В отличие от них, носители южных диалектов имеют ряд специфических фонетических особенностей, которые усугубляют интерференцию при изучении русского языка, что приводит к более серьёзным трудностям при освоении русских переднеязычных, шипящих и сонорных согласных.

Методические следствия из этого очевидны: при работе с китайской аудиторией необходимо учитывать не только факт принадлежности студента к китайскому этносу, но и его конкретную диалектную зону. Как справедливо отмечается в исследовании Круглова и Владимировой (), использование материалов диалектных фонетических систем необходимо для успешного усвоения фонетики

РКИ. Этноориентированный подход к преподаванию фонетики русского языка, основанный на сопоставлении фонетических ошибок с конкретными произносительными особенностями родного языка учащихся, является наиболее продуктивным.

Вторым учитывающим фактором, а по важности даже первым, что по мере улучшения качества цифровизации процессов обучения, желания к запоминанию, даже базовых фраз языка, а вместе с ним и средний групповой уровень в познании языка, снижается. Прежние принципы мотивирования к работе, особенно в ведущих вузах страны уже по факту не работают.

При анализе методов преподавания РКИ для студентов-нефилологов необходимо так же учитывать структурное разнообразие китайских университетов, как государственных, так и частных, узко- и многопрофильных, статусных и отстающих.

Отдельного рассмотрения заслуживает обучение русскому языку на китайско-российских совместных образовательных программах, которые в последние годы получают всё более широкое распространение. Классификация таких программ включает совместные программы получения степени, программы двойных дипломов и программы включённого обучения.

Методика преподавания РКИ в рамках совместных программ имеет ряд характерных особенностей, связанных с необходимостью интегрировать языковую подготовку с профессиональным содержанием. На практике это означает, что русский язык выступает не только как предмет изучения, но и как средство освоения профессиональных дисциплин.

При реализации китайско-российских образовательных программ возникает ряд методических проблем. Методическим решением этих проблем пробуют разрешать путем использования интенсивных методов обучения на начальном этапе, внедрения смешанных форм обучения и развитие сетевого взаимодействия между российскими и китайскими преподавателями РКИ и пр. Форматы сроков студенческих обменов в рамках таких программ тоже не стандартизированы. К примеру, Московский государственный институт культуры и Тяньцзиньский педагогический университет в 2014 году избрали модель 3+1, где 3 года происходит обучение будущих бакалавров музыковедов в Тяньцзине и 1 год в Химках (городе расположения вуза-партнера по программе).

Переход от общеобразовательных форматов к специализированным знаниям изучения РКИ в рамках вузов может происходить достаточно быстро. К примеру, в частном университете Санья (учредитель – автомобильная компания Gelly) процесс смещения акцента в обучении на туристскую деятельность в обучении русскому языку произошел в течении зимних каникул учебного 2025/2026 года.

В Белгородском институте пищевых наук при Дэчжоуском университете, который является основной нынешней базой «лабораторией» для данного исследования, совместная образовательная программа между университетами Дэчжоу и Белгородским государственным национальным исследовательским университетом выстраивается по системе «4+0», т.е. 4 года обучения в Китае, под совместным кураторством представителей. Подобная модель несколько снижает возмущающие факторы в совместной работе, описанные выше. Русский язык как иностранный в рамках данной программы преподается на первых трех курсах, в том числе с преподавателями – носителями языка, на 1 и 2 курсах. Кроме того, курс РКИ здесь подразделяется на 2 дисциплины: «Русский язык как иностранный» в целом (в т.ч. обучение лексике, фонетике, грамматике, чтению и письму) и отдельно «Аудирование и говорение РКИ». Такая структура дает возможность наиболее эффективно концентрировать внимание студентов на конкретном аспекте и виде речевой деятельности в целях оптимизации развития коммуникативных навыков в рамках изучения русского языка.

Предлагаемая система работы по обучению студентов РКИ внедряется по данной совместной образовательной программе с момента её разработки в 2022 году. Если курс РКИ проходит по достаточно стандартной классической методике работы с учебником, то на второй дисциплине имеет больший объем для возможностей к преподавательскому экспериментированию. Так, на курс аудирование и говорение РКИ в рамках первого и второго годов обучения отводится в семестр около 18 полуторачасовых занятий, по одному занятию в неделю на аудиторию до 50 человек по специализациям основной подготовки биология, биотехнология, химия и пищевая индустрия. Итоговая оценка успеваемости складывается из баллов за активную работу на занятиях, промежуточный и стандартный экзамен. В рамках используемых принципов, содержание занятий на первом курсе обучения включают в себя отработку лишь наиболее базовых бытовых и профильных для специальности предложений и терминов, при этом особое внимание уделять правильному произношению слов и словосочетаний, оставляя остальную часть работы преподавателям основного курса РКИ, возможностям программ искусственного интеллекта и приложений онлайн перевода, а так же дополнительным занятиям на специализированных секциях. На втором же курсе, когда словарный запас стал обширнее, а общее понимание структуры построения предложений в русском языке понятнее для обучающихся, при согласовании с общезыковыми стандартами, а также профильными по специальности, общенаучными и политическими концептами, производится рассмотрение в качестве монологов и диалогов студент-преподаватель таких тем как: «Две страны, два региона, два города и два вуза-партнера», «Основы специальности», «Выбор профессии», «Система высшего образования в двух странах», «Выдающиеся люди науки и образования двух городов совместной образовательной программы», «История и культура двух стран» «Встреча в общежитии, лаборатории, столовой, деканате российского университета», «Изучение учебной программы вуза-партнера». Некоторые темы могут рассматриваться в течении одной половины занятия, другим же темам уделяется сразу несколько занятий. Многое в этом вопросе зависит от вовлеченности студентов, а в каждом направлении подготовки год к году она существенно изменяется. Именно для этого, учебная программа данной дисциплины в учебном плане на год формируется с большим запасом времени для подобного рода изменений и вариаций.

Работа над заданиями к темам приводит данных студентов как к пониманию на слух русской речи в виде монологов и диалогов, так и к продуцированию ее в виде связных, логичных высказываний с учетом темы занятия. Несомненно и при такой работе студенты часто пробуют в наши дни обращаются за помощью к чат-ботам программ искусственного интеллекта, однако непосредственно собственные доклад и ответы на вопросы им приходится формулировать самим, что так или иначе приводит к закреплению их личных познаний в данном иностранном языке.

Таким образом, опираясь на данные, полученные по итогам произведенной работы к моменту завершения данного этапа исследования, можно утверждать, что предложенная система обучения для студентов-нефилологов пока продолжает продуктивно выполнять свою основную функцию, т.е. способствовать эффективному развитию навыков в рассматриваемых видах деятельности, мотивируя данных студентов на совершенствование своих коммуникативных способностей, а не только полагаться на возможности всё более совершенствующихся программ искусственного интеллекта на личных гаджетах.

Вместе с тем, развитие собственных навыков ведения устной речи на русском языке для студентов-нефилологов в университетах Китая остается в настоящее время существенной задачей, причем чат-боты программ искусственного интеллекта пока существенно усугубляют данную проблему. Актуальной проблемой для педагогического сообщества остаются при этом продолжение поиска способов

повышения мотивации к развитию коммуникативной компетенции у данных студентов в период ускорения цифровизации в Китае.

Литература

1. Айзенберг И.Р. Перспективы развития модели китайско-российской межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлунцзян / И.Р. Айзенберг, С.А. Склярёнок, С.С. Кульбятская // Современная научная мысль. – 2022. – № 4. – С. 298–302.
2. Зубкова И.А. Сторителлинг как коммуникативный метод обучения русскому языку как иностранному // Научно-педагогическое обозрение. – 2026. – № 2 (66). – С. 20–29.
3. Круглов В.В. Интерферентные явления в фонетике русского языка и китайских диалектов в межкультурном измерении / В.В. Круглов, О.Ю. Владимирова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 1-1. – С. 70–72.
4. Склярёнок С.А. Современные проблемы преподавания дисциплины «русский язык как иностранный. аудирование и говорение» в рамках китайско-российских образовательных проектов // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2026. – С. 32–35.
5. Склярёнок С.А. Провинция Хайнань как новый локомотив сотрудничества в сфере высшего образования России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2025. – № 4 (15). – С. 669–672.
6. Склярёнок С.А. Сотрудничество Московского Государственного Института Культуры и Тяньцзинского Педагогического Университета в сфере программ двойных дипломов бакалавров по направлению «музыкознание и музыкально-прикладное искусство» (профиль «музыкальная педагогика») // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. материалы VII международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 493–496.
7. Склярёнок С.А. Механизмы усиления сотрудничества в образовательной сфере России и Китая через инновации в области методики преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов // Текст, дискурс, нарратив: современные тенденции и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 2020. – С. 375–385.
8. Цховребов А.С. Эрратологическая модель обучения русскому языку иностранцев-нефилологов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29. – № 5. – С. 1337–1352.

CURRENT METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN CHINESE UNIVERSITY FOR NON-PHILOLOGY STUDENTS

S.A. Sklyarenko

China, Dezhou City, Dezhou University

Abstract. The article discusses current methods of teaching Russian as a foreign language at Chinese universities for non-philology students. Special attention is paid to the differentiation of methodological approaches depending on the dialect affiliation of students, the structural features of Chinese universities, as well as the specifics of teaching in Chinese-Russian joint educational programs.

Keywords: teaching Russian, Russian as a foreign language, Chinese-Russian joint educational programs.

*Солнышкина М.И.¹, Мартынова Е.В.², Гатиятуллина Г.М.³,
Вахрушева А.Я.⁴*

СЛОЖНОСТЬ СЛОВА В УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ РКИ⁹

^{1, 2, 3, 4} Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

¹ mesoln@yandex.ru

Возрастающий интерес к изучению сложности учебного текста обусловлен выявленным современными учеными несоответствием уровня сложности учебного текста лингвистическим способностям целевой аудитории. В результате такого рода несоответствия тексты перестают быть доступными для понимания [Зиганшина 2020: 235; Газизулина 2019: 373]. Данное наблюдение относится и к текстам по русскому языку как иностранному (далее РКИ) [Воронин 2024: 556]. Представленное исследование **нацелено** на анализ оценки сложности слова учебного текста РКИ. Работа выполнена на **материале** авторского корпуса текстов по русскому языку [Учебный корпус русского языка. Свидетельство № 2020622254], в который, в частности, входят учебники серии «Дорога в Россию». Логика и алгоритм представленного исследования продемонстрированы на материале учебника «Дорога в Россию» базового уровня РКИ (A2 CEFR) [Антонова 2019], объем которого составляет 7934 слов (далее Корпус).

Поставленная цель обусловила **алгоритм** работы, а именно, (1) определение лексического состава Корпуса, включающее выявление количества вхождений слов в Корпусе и составление частотного списка слов (далее ЧС), (2) оценка уровня сложности слов (A1 – C1) в соответствии с лексическими минимумами РКИ (далее ЛМ) и выявление слов, не входящих в ЛМ, (3) семантико-словообразовательный анализ ЧС.

На *предварительном этапе* работы текст учебника прошел конвертацию из pdf в txt файл и предобработку в редакторе Notepad ++. При обработке были удалены нечитаемые символы, лишние пробелы и графические символы, возникшие при конвертации. Далее текст был сохранен в txt файле. Объем текста составил 7934 слов.

На *этапе 1* был составлен частотный список (ЧС) словарного состава Корпуса по следующему алгоритму: (а) извлечение списка слов из исходного текста с использованием библиотек python-docx и striprt; (б) лемматизация списка с удалением пунктуационных знаков, служебных слов и стоп-слов; (в) фиксация количества вхождений; (г) расчет нормализованной частоты при помощи формулы: $Ч(норм) = \text{количество вхождений слова в Корпусе} / \text{общее количество слов в Корпусе} * 1000 (ipt)$; (д) удаление имен собственных; (е) экспорт данных в таблицу формата Excel (.xlsx).

Удаление из ЧС имен собственных продиктовано задачами данного этапа исследования¹⁰.

Поскольку алгоритм составления ЧС был автоматизирован, полученный Excel список был вручную проверен двумя экспертами с целью исключения ошибок и опечаток. Полученный ЧС Корпуса включал 1365 лемм (Рис. 1).

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10129, <http://rscf.ru/project/24-78-10129/>.

¹⁰ Оценка трудности восприятия имен собственных как отдельная задача предполагает осуществление экспериментального исследования с участием респондентов – студентов РКИ и запланирована как перспектива данного исследования.

	B	C	D
1	Лемма	Частот.	Норм. частот.
2	год	81	10,37
3	человек	48	6,15
4	очень	44	5,63
5	знать	40	5,12
6	хотеть	37	4,74
7	так	32	4,1
8	быть	31	3,97
9	сказать	31	3,97
10	время	30	3,84
11	русский	30	3,84
12	работать	29	3,71
13	стать	28	3,59
14	храм	28	3,59
15	поехать	25	3,2
16	много	23	2,95
17	хороший	23	2,95

Рис. 1. ЧС Корпуса (фрагмент)

Этап 2 предполагал анализ словарного состава Корпуса на предмет соответствия лексическим минимумам (A1 – C1) был осуществлен при помощи текстового профайлера RuLingva [<https://rulingva.kpfu.ru/lexdiv>]. Маркировка уровня сложности слова (A1 – C1) реализуется на основе ЛМ РКИ, загруженных в RuLingva. При выявлении дубликатов в ЛМ разных уровней лексема удалялась из списка более высокого уровня (уровней) и была сохранена только в том списке, в котором она упоминается в первый раз. Например, лексемы **август**, **автобус**, **автор** вводимые в ЛМ A1, сохранены только в A1.

Маркировка уровней A1 – C1 была добавлена в Excel матрицу ЧС.

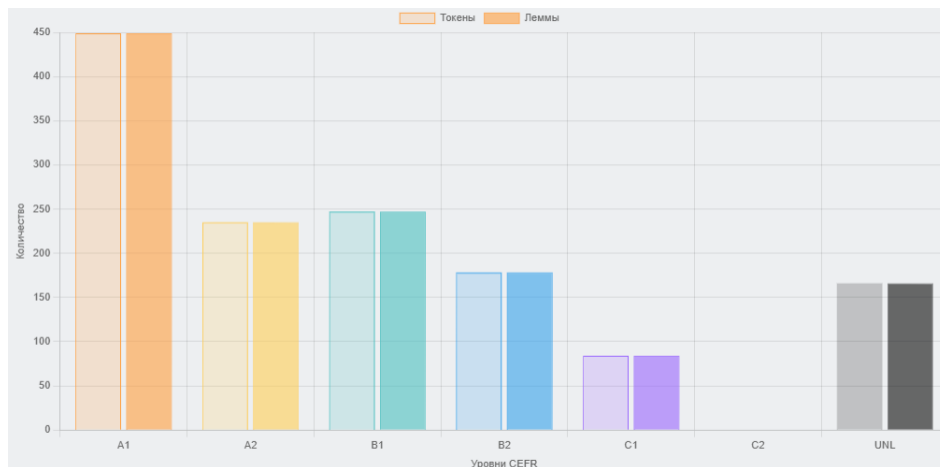

Рис. 2. Распределение ЧС по уровням CEFR

На Рисунке 1 видим, превалирование слов уровня A1 (449 лемм), количество вхождений которых почти в два раза выше по сравнению с другими уровнями. Отметим, что исследования показывают, что список слов уровня A1 как ядерный является наиболее многочисленным в текстах всех уровней сложности [см. Андреева 2025: 821–844]. Например, **год** (10,37)¹¹, **человек** (6,15), **знать** (5,12).

Слова уровней A2 (235 лемм) и B1 (247 лемм) содержатся в материале исследования почти в равном количестве. При этом слова уровня B1 имеют достаточное количество вхождений, чтобы представлять отдельную трудность для восприятия студентами-иностранцами на уровне A2: **храм** (3,59), **подойти** (1,41),

¹¹ В скобках указана нормализованная частотность слова в ЧС.

война (1,28). Изучаемый учебник содержит 178 слов уровня В2 (например, **букет** (0,77), **развестись** (0,26), **гастроль** (0,13)) и 84 слова уровня С1: **купол** (0,38), **казнить** (0,26) и др.

На 3 этапе был реализован семантико-словообразовательный анализ ЧС Корпуса. Данный этап осуществлялся вручную двумя экспертами. Сначала были маркированы слова-интернационализмы (287 лемм). Например, **метро** (2,69), **фильм** (2,31), **музей** (1,66), **программа** (0,9) и т.п. Очевидно, что для изучающих русский язык как иностранный восприятие и понимание данных слов не будет представлять особой трудности, поскольку данные слова звучат одинаково во многих языках.

Далее, в ЧС А2 – С1 были выявлены дериваты (375 лемм) слов более низких уровней. Например, глагол **доехать** (А2) образован от глагола **ехать** (А1) при помощи приставки до-. Суффиксация использована при образовании прилагательного **мировой** (В1) образовано от существительного **мир** (А1). Слово **неделя** (А1) лежит в основе слова **еженедельный** (В2), а прилагательное **удобный** (А2) – в основе слова **удобство** (С1).

346 лемм являются общенаучными терминами, т.е. используются в различных областях науки. Например, **слово, корень, приставка, система, справочный**.

Проведенное исследование 1365 лемм ЧС Корпуса позволяет сделать ряд выводов. Превалирование лексики А1 находим закономерным для учебных текстов. В словарном составе Корпуса почти поровну распределены слова уровней А2 и В1. Леммы В2 и С1 менее частотны. Дериваты слов более низких уровней (27%), общенаучные термины (25%) и интернационализмы (21%) составляют отдельный блок ЧС. Степень когнитивной нагрузки при восприятии и обработке данной лексики варьируется в зависимости от принадлежности лексическому минимуму, количества вхождений и прозрачности семантики.

Литература

1. Андреева М.И. Механизм сложности при адаптации текста / М.И. Андреева, М.И. Солнышкина, С. Сарра // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16. – № 3. – С. 821–844.
2. Антонова В.Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 14е изд. / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, А.А. Толстых. – СПб.: Златоуст, 2019. – 256 с.
3. Воронин К.В. Лингвистическое профилирование учебных и художественных текстов / К.В. Воронин, Ф.Х. Исмаева, А.В. Данилов // Русистика. – 2024. – Т. 22. – №4. – С. 555–578.
4. Газизулина Л.Р. Сложность и читабельность как критерии оценки учебного текста при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – №. 1 (74). – С. 372–374.
5. Зиганшина Ч.Р. Сложность учебного текста (на материале русскоязычных и англоязычных учебных текстов по физике) / Ч.Р. Зиганшина, Т.В. Вильданова, Т.В. Мазаева, А.М. Айдарова // Глобальный научный потенциал. – 2020. – №. 12. – С. 235–241.
6. Учебный корпус русского языка. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020622254 от 12.11.2020 г.
7. RuLingva [Электронный ресурс]. – URL: <https://rulingva.kpfu.ru/lexdiv> (дата обращения: 20.03.2026).

THE WORD COMPLEXITY IN RFL EDUCATIONAL TEXTS
M.I. Solnyshkina, E.V. Martynova, G.M. Gatiyatullina, A.Ya. Vakhrusheva
Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The study is aimed at analyzing the assessment of the complexity of the word and is based on reading texts of the textbook 'Doroga v Rossiyu' (A2, CEFR). The RuLingva text profiler was used to analyse the textbook vocabulary (1,365 lemmas) according to the parts of speech and match with the lexical minima (A1-C1). The assessment of lexical complexity revealed the prevalence of A1-level words (449 lemmas) and an almost equal number of A2-level (235 lemmas) and B1-level words (247 lemmas). B2 and C1 words encounter 178 and 84 lemmas, respectively. The semantic and word-formation analysis of the textbook's revealed the following distribution of the words into three groups, namely, 25% (346 lemmas) of general scientific terms, 27% (375 lemmas) of derivatives of words of lower levels (B1-A1), 21% (287 lemmas) international words. The degree of cognitive complexity of the perception and processing of words of these groups varies and rests on the lexical minima, the number of occurrences and the transparency of internal form and semantics.

Keywords: linguistic text complexity, educational text, Russian as foreign language, foreign words.

УДК 81'373

Чекулаева О.В.
ОТ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА К ИНОЯЗЫЧНОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ
БУДУЩИХ АРХИТЕКТОРОВ

Россия, г. Москва, Государственный университет по землеустройству
chekulaeva_olja@mail.ru

С точки зрения современной лингводидактики, обучение иностранному языку в профессиональных целях не должно ограничиваться формированием лексико-грамматических навыков. Особенно актуальным это положение становится при подготовке студентов-архитекторов, чьё профессиональное мышление обладает визуально-пространственной природой. В этом случае перед преподавателем ставится сложная лингводидактическая задача: научить будущих архитекторов переводить целостный профессиональный образ (эскиз, чертёж, мысленную модель) в линейное, синтаксически оформленное иноязычное высказывание, направленное на выполнение целей профессиональной коммуникации.

Решение этой проблемы может быть найдено в русле идей научной школы проф. Н.Ф. Алефиренко, рассматривающей дискурс как речемыслительный механизм порождения текста, в котором главная роль принадлежит внутренней речи, ментальному лексикону и внутреннему слову. Как отмечает проф. Алефиренко, «текстопорождение осуществляется посредством внутреннего программирования, в ходе которого переживание воспринимаемого коммуникативного события порождает в ментальном лексиконе его ономазиологические импульсы, которые с помощью семантических падежей переводят смысловое сочетание внутренних слов в линейные схемы порождаемых высказываний» [Алефиренко 2024:46].

В данной статье поставлена цель представить лингводидактическую модель, обеспечивающую поэтапный переход от профессионального образа к развернутому иноязычному высказыванию у будущих архитекторов, и обосновать теоретическую базу для такой модели, основываясь на современных исследованиях в области психолингвистики, семиотики и лингводидактики.

Теоретические основы исследования: архитектура в семиотической перспективе

Взаимосвязь архитектуры и языка имеет глубокие теоретические корни. Как отмечается в исследованиях по архитектурной семиотике, начиная с 60-х годов XX века методы структурализма и семиотики стали применяться для объяснения не только языковых, но и архитектурных систем. Обоснованием служило положение, что знаковые системы существуют даже тогда, когда факт их существования не очевиден, и одной из таких скрытых знаковых систем с древнейших времён является архитектура.

Один из основателей семиотического подхода в лингвистике и культурологии, Ю.М. Лотман, выделял три аспекта семиотики, которые находят прямое применение в архитектурном анализе: семиотика как научная дисциплина (изучение архитектурных знаков – Ч. Дженкс, М. Бензе, И. Страутманис); семиотика как метод гуманитарных наук (анализ «языка архитектуры» – А.В. Иконников, У. Эко, Дж. Бродбент); семиотика как склад мышления исследователя. Для данной статьи ключевым является второе направление – понимание архитектуры как языка, имеющего свою лексику (архитектурные формы), синтаксис (правила их сочетания), и семантику (культурные значения).

В работах А.В. Иконникова прослеживается следующая идея: архитектурная форма несёт не только функциональную, но и смысловую нагрузку. Иконников отмечает, что существенным признаком архитектуры является **заранее программируемая информация**, которая закладывается в её произведения и несёт общекультурное, эмоционально-эстетическое и идейно-художественное содержание [Иконников 1986: 6]. Это положение лежит в основе разрабатываемой лингводидактической модели: архитектурный образ в сознании студента – это сложный знак, который предстоит перекодировать в вербальное высказывание.

У. Эко, рассматривая архитектуру в семиотической перспективе, указывает на то, что архитектурные объекты могут функционировать как означающие, даже если они не были созданы с намерением что-либо означать, именно эта особенность делает семиотический анализ архитектуры достаточно продуктивным для понимания механизмов означивания в целом [Эко 1986: 60]. Следует отметить, что интерес к архитектурной метафоре выходит за пределы собственно архитектуры. Как отмечают А. Брайант и Р. Мас в исследовании информационной архитектуры, метафора архитектуры несёт важный когнитивный и коммуникативный потенциал, который часто остаётся в тени её структурных аспектов [Bryant 2008]. Это наблюдение позволяет предположить, что для архитекторов архитектурный образ является не только структурной данностью, но и основой для коммуникации, требующей вербального развертывания.

Современные исследования на стыке архитектуры и лингвистики

В последние годы проблематика взаимодействия архитектурного и лингвистического знания вызывает всё больший интерес. Исследование А.В. Колядина, выполненное под руководством проф. Е.А. Огневой в Белгородском государственном университете, посвящено лингвокультурному моделированию когнитивных доминант «architecture» и «архитектура» в публицистическом дискурсе. Автор доказывает, что архитектурные понятия функционируют в языке как сложные ментальные образования, интегрирующие культурные, исторические и профессиональные смыслы [Колядин 2025: 45]. Это исследование ценно тем, что оно демонстрирует: архитектурный дискурс – не совокупность терминов, а особая когнитивная структура, для описания и анализа которой нужны специальные методы. Колядин подробно останавливается на том, как архитектурные концепты формируются в публицистическом дискурсе под влиянием культурно-исторических

факторов, и предлагает методику их лингвокультурного моделирования, что может быть использовано при разработке учебных материалов для будущих архитекторов.

В русле когнитивной лингвистики выполнена и работа А.Д. Урюпиной, исследующей влияние экстралингвистических факторов на формирование архитектурной терминосистемы. Автор выделяет социальные, культурные, исторические, экономические и технологические аспекты, определяющие развитие терминологии в архитектурном дискурсе. Интерес представляет анализ таких факторов как глобализация (появление стандартизированных терминов), исторические события (возникновение термина «брутализм» после Второй мировой войны), технологические инновации (термины «устойчивая архитектура», «БИМ-технологии», «умные здания») [Урюпина 2026: 61]. Для предлагаемой лингводидактической модели это означает, что обучение профессиональной речи должно учитывать не только языковые, но и экстралингвистические факторы – культурный контекст, историю профессии, современные технологические тренды.

Можно предположить, что интеграция лингводидактики и архитектурной методологии послужит цели развития критического сознания и улучшения образовательного опыта студентов (например, увеличение лингвистического репертуара). Для этого необходимо изучить особенности мышления архитекторов как представителей одновременно творческой и технической профессии.

Важное значение для понимания профессионального мышления архитектора имеют фундаментальные труды Н.Н. Нечаева по психологии архитектурного творчества. В своих работах Н.Н. Нечаев определяет сознание в контексте профессии как «предметно специализированные и профессионально развитые способы умственной деятельности и системы профессионально-личностных установок, которые выступают в качестве базисных психологических компонентов в структуре осваиваемой профессиональной деятельности» [Нечаев 1988: 32]. Это понимание позволяет рассматривать этапы предлагаемой модели не просто как последовательность учебных действий, но как формирование устойчивых профессионально-личностных установок, определяющих способность студента-архитектора к речемыслительной деятельности.

Опираясь в том числе на работы Н.Н. Нечаева, Е.И. Черкашина в своём исследовании рассматривает проблемы преподавания языка (LSP) студентам-архитекторам. Автор предлагает модель обучения, учитывающую данные исследований функциональной асимметрии мозга, нейропсихологии и дифференциальной психофизиологии. Ключевой тезис: «профиль латеральной организации мозга у студентов инженерных специальностей коррелирует с их профессиональным типом мышления, и это необходимо учитывать при построении модели обучения [Черкашина 2024: 152]. В контексте рассматриваемой модели это прямое обоснование того, почему архитекторам (с их визуально-пространственным, «правополушарным» мышлением) нужны особые подходы к обучению речи. Черкашина подробно описывает, как учёт нейропсихологических особенностей позволяет выстраивать образовательный процесс, опирающийся на сильные стороны студентов (образное мышление, способность к целостному восприятию). Таким образом, обучение иноязычной речи архитекторов должно строиться на формировании профессионально-личностных установок на перекодировку вербального образа в вербальное высказывание.

Психолингвистические основания

Теоретической базой данного исследования выступает также психолингвистическая теория внутренней речи и порождения высказывания, разработанная Л.С. Выготским и А.Р. Лурией и получившая развитие в работах Т.В. Ахутиной. Согласно этой теории, мысль не воплощается в речи, а совершается в ней, проходя этапы «смыслового сгустка», внутренней речи и лексико-

грамматического развертывания. Как отметил А.Р. Лурия, «с помощью внутренней речи происходит перекодирование исходной семантической записи в схему дальнейшего развернутого речевого высказывания» [Лурия 1979: 291].

Т.В. Ахутина развивает эти идеи применительно к синтаксису, выделяя три уровня синтаксической организации: «смысловой (уровень «топик-коммент»), семантический (уровень предикатов-аргументов) и поверхностный (формально-грамматический уровень)» [Ахутина 2025: 45]. Эта трёхуровневая модель также была положена в основу предлагаемого в данной статье подхода. Ахутина подробно анализирует, как происходит переход от смыслового уровня к формально-грамматическому, и какие трудности могут возникать на этом пути. Особую ценность представляет её анализ роли внутренней речи в синтаксическом структурировании высказывания.

Для данного исследования ключевым является понятие **«внутреннее программирование»**, разрабатываемого в белгородской научной школе. В коллективной монографии «Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста» (2025) под редакцией Н.Ф. Алефиренко развивается концепция внутреннего программирования. Согласно этой концепции на уровне глубинной структуры симультанные связи между ментальными и внутренними словами определяются смыслом коммуникативного события, а затем происходит сукцессивное формирование текста [Алефиренко 2025: 45]. Именно этот механизм – переход от целостного образа к линейной речи – и представляет главную трудность для студентов-архитекторов, привыкших мыслить пространственными категориями, а не вербальными.

Создание лингводидактической модели для применения на практике

На основе теоретических изысканий, указанных выше, была разработана лингвистическая модель, состоящая из четырёх ступеней, и позволяющая формировать навыки формирования профессионального иноязычного высказывания у будущих архитекторов. Каждая ступень этой модели соотносится с определённым механизмом речемыслительной деятельности и реализуется через систему учебных заданий.

На первой ступени происходит **актуализация образа**. Студент получает профессиональную задачу в визуальной форме – эскиз, чертёж, фотографии, проектный бриф, техническое задание с визуальными референсами. Собственно, именно в таком виде студенты – архитекторы получают свои задания на проектирования, поэтому здесь может сработать и придать дополнительную уверенность эффект узнавания. На этой ступени студентам необходимо вычленить ключевые элементы будущего высказывания, активизировать в сознании профессиональные образы и связанные с ними смыслы.

Особенность архитектурного мышления состоит в том, что оно оперирует целостными, симультанно данными пространственными образами. На стадии актуализации образа происходит первичное «размыкание» этой целостности: студент учится выделять в образе отдельные элементы, имеющие значение для решения профессиональной задачи и для последующего речевого высказывания. Тем самым закладывается основа для перехода от симультанного восприятия к сукцессивному, линейному развертыванию речи.

Приведём пример задания при работе над темой «Концепция общественного пространства»: студенты получают фотографии проблемной городской среды и выделяют на них ключевые элементы (скамейки, освещение, озеленение, пешеходные зоны, проблемные зоны, видовые точки, точки притяжения), фиксируя их на русском или английском языке. Здесь можно использовать технологию «мозгового штурма», попросив студентов отнести выделенные элементы к той или

иной категории. Важно то, что на этой ступени не требуется развёрнутой речи, достаточно номинации и краткого комментария, показывающего, что студенты поняли поставленную задачу. Можно включить подготовительный этап в такое задание, попросив студентов подготовить свои фотографии и визуальные материалы по знакомой им проблемной территории.

Вторая ступень – смысловое структурирование, или внутренняя речь. Это ключевой момент, здесь происходит формирование так называемого «внутреннего слова» – смыслового сгустка, который потом будет развернут во внешнюю речь. Студенты фиксируют основные смыслы в виде опорных слов, словосочетаний, визуально – смысловой карты («*mind map*»). Происходит свертывание мысли, её подготовка к следующему развертыванию в связное высказывание. Именно на этой ступени осуществляется переход от целостного образа к первичному структурированию смыслов, а также отбор нужных лексических единиц и грамматических конструкций.

Для архитекторов этот этап имеет особое значение, поскольку их профессиональное мышление оперирует целостными, организованными в пространстве образами. Задача преподавателя – помочь студенту «развернуть» эти образы во временную последовательность языковых единиц. В ходе работы на этой ступени нашей модели у студентов формируются навыки саморегуляции и метакогнитивного контроля – они учатся структурировать свои мысли до того, как приступить к говорению, что весьма важно в профессиональной коммуникации.

Пример задания: «Создайте визуально – смысловую карту вашего проекта, включив в неё следующие категории: функции пространства, проблемы, решения, используемые материалы. Расположите элементы в порядке, который вам кажется логичным для будущего рассказа». Помимо прочего, такое задание поможет укрепить междисциплинарные связи, поскольку студентам придётся актуализировать свои знания по объёмно-пространственной композиции и функционально - пространственным отношениям.

Таким образом мы переходим к третьей ступени предлагаемой лингводидактической модели, **лексико – грамматическому развертыванию**, при котором происходит перекодирование пространственного образа в линейную речь. Смысловые опоры преобразуются в грамматические конструкции через внутреннюю речь, механизм которой обеспечит переход от смыслового уровня к формально-грамматическому.

Для архитекторов как представителей творческой профессии свойственно доминирование правополушарного мышления, они мыслят образами и переход к линейным грамматическим структурам может вызвать у них затруднения. На этой ступени им необходима помощь преподавателя в «наведении мостов» между этими двумя системами. Такой переход можно облегчить, предлагая студентам визуальные схемы грамматических отношений (возможно, сравнив языковые и архитектурные конструкции), цветовое кодирование частей предложения, опору на предлоги места и передвижения.

Представляется, что на данном этапе будут эффективными **поликодовые тексты**, сочетающие в себе визуальные и языковые компоненты. Такие тексты позволяют активизировать образный компонент значения термина и способствуют более прочному усвоению профессиональной лексики, поскольку опираются на естественные механизмы восприятия и переработки информации, свойственные человеку [Policode text 2024:.232].

В качестве задания на этой ступени можно применить следующее упражнение: «Объедините ключевые слова из вашей визуально-смысловой карты, используя союзы и местоимения *which, where, although, due to, on account of, through, from*, и объясните, почему вы выбрали те или иные решения. Используйте

предлоги места (*next to, opposite, along, facing*) для описания расположения объектов».

На четвертом уровне мы подходим к созданию связного текста. Отдельные предложения необходимо связать в диалог или монолог, используя профессиональную аргументацию и средства когезии. Знакомым и понятным для студентов-архитекторов будет формат конференции, который начинается с подготовки к мини-презентации проекта. Для этого студенты знакомятся с образцами профессиональных выступлений (существенную помощь здесь окажут записи конференций *TED Talk*), анализируют их структуру, речевые приёмы, интонационные модели. Затем необходимо освоить клише, характерные для профессионального сообщения: вводные фразы (*I'd like to present...*), формулы аргументации (*This allows us to...*), уступки (*Although there are certain limitations...*), заключения (*To crown it up..., ultimately...*). Результатом этой работы должен стать план выступления, с продуманной логикой, переходами от общей концепции к деталям, от проблемы – к её решению.

Здесь важно не упустить следующий момент: на этапе тренировки, или репетиций, перед выступлением у студентов должна быть возможность использовать визуальные опоры – эскизы, чертежи, слайды. Это создаст ощущение «дружественной среды», снизит нервозность и позволит, в том числе, сохранить профессиональный контекст: будущие архитекторы, помимо языковых навыков, получают навыки выступления перед аудиторией и защиты своих проектов. Помимо этого, визуальный материал будет выполнять функцию внешней памяти, освобождая ресурсы для контроля над речью.

Особое место в работе со студентами-архитекторами занимает моделирование профессионального общения в формате диалога. Студенты учатся быстро и адекватно реагировать на вопросы, уточнять и защищать свою точку зрения, что наверняка понадобится им в дальнейшей работе с заказчиками и коллегами. Крайне полезным представляется принятый в архитектурной среде приём *peer review* (взаиморецензирование) – студенты оценивают выступления друг друга, обращают внимание на структуру, связность, аргументированность, наполненность профессиональной лексикой.

Оценивая работу студентов на четвертой ступени, необходимо учитывать такие параметры, как наличие введения, основной части и заключения, логичность переходов между этими частями, использование средств когезии, обоснованность профессиональных решений и способность к импровизированному общению.

Если все предыдущие ступени были пройдены правильно, на этом этапе студент будет выступать в роли профессионала, представляющего свой проект на иностранном языке. Это – крайне важный этап, он формирует положительный опыт профессионального общения, повышает уверенность в своих силах и демонстрирует практическую ценность пройденной подготовки. Последовательно освоив четыре ступени нашей модели, студент-архитектор сможет преодолеть основные трудности в построении высказывания – неумение начать фразу, отсутствие логических связей, нарушенную синтаксическую структуру. Это позволит ему выйти на уровень достойной аргументированной профессиональной речи в реальных рабочих ситуациях.

Ключевые особенности предлагаемого подхода

Предлагаемый лингводидактический подход строится на нескольких положениях, которые связаны между собой, имеют теоретическое обоснование и практическое значение для обучения студентов-архитекторов иноязычной профессиональной речи. В его основе лежит понимание семиотической природы архитектурного мышления. В сознании студента архитектурный образ представляет собой сложный знак, в котором неразделимо связаны материальная форма и её

культурное значение. Задача преподавателя иностранного языка состоит в том, чтобы помочь студентам осознать знаковую природу архитектурных образов и овладеть механизмами их вербализации.

Предлагаемая в данном исследовании модель опирается на представление о многоуровневом характере порождения речи. Выделенные четыре ступени отражают переход от целостного образа к развернутому высказыванию, от начальной актуализации образа через его смысловое структурирование во внутренней речи к лексико-грамматическому оформлению и к созданию связного текста. Каждая ступень строится на принципах лингводидактики, психолингвистики и психологии восприятия. Преодолевая ступень за ступенью, студенты последовательно решают академические и профессиональные задачи в процессе формирования иноязычной речи.

Поскольку мы объединяем лингвистические и архитектурные знания, профессиональную лексику можно рассматривать не как изолированный набор терминов, а как инструмент, функционирующий в культурном, историческом и технологическом контексте. Обучение строится с учётом образного правополушарного типа восприятия, что требует особых приемов при обучении линейному развертыванию речи.

Практическая значимость подхода состоит в предлагаемой системе поэтапных заданий, каждое из которых имеет практическую направленность и может быть использовано в учебном процессе. Модель даёт алгоритм действий, адаптированную к профессиональным задачам архитекторов. Теоретической базой для разработки данной модели послужили идеи научной школы проф. Н.Ф. Алефиренко: обучение иноязычной профессиональной речи предстаёт как процесс формирования у студентов способности к речемыслительной деятельности.

Представленная четырёхступенчатая модель может быть адаптирована для нужд других технических специальностей, связанных с визуально-пространственным мышлением – дизайнеров, градостроителей, ландшафтных архитекторов. Это открывает возможности создания дидактического инструментария, позволяющего оценивать уровень формирования речемыслительных навыков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как речемыслительный субстрат текста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 8 (490). – С. 39–48.
2. Дискурс: речемыслительные механизмы порождения текста: коллективная монография / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – М.: ФЛИНТА, 2025. – 264 с.
3. Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: URSS, 2025. – 224 с.
4. Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с.
5. Колядин А.В. Лингвокультурное моделирование публицистического информативного кода в дискурсивных когнитивных доминантах «architecture» и «архитектура»: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2025. – 222 с.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
7. Нечаев Н.Н. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 165 с.
8. Урюпина А.Д. The influence of extralinguistic factors on the formation of the architectural terminology system // Молодой ученый. – 2026. – № 7 (610). – С. 60–62.

9. Черкашина Е.И. Teaching LSP to Architecture Students // Вестник МГПИУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2024. – № 1(53). – С. 148–159.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
11. Polycode text as a means of teaching technical vocabulary to engineering students // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 503. – С. 227–234.

**FROM ARCHITECTURAL IMAGE TO FOREIGN LANGUAGE UTTERANCE:
A LINGUODIDACTIC MODEL FOR TEACHING FUTURE ARCHITECTS**

O.V. Chekulaeva

Russia, Moscow, State University of Land Management

Abstract. The article deals with the problem of coining professional utterances by architecture students. The approach is based on the ideas of Belgorod scientific school. The author proposes a four-stage teaching model, which integrates principles of architectural semiotics and psycholinguistics. The paper outlines practical use of the model in an English for Specific Purposes (ESP) course for architecture students.

Keywords: speech-thinking image, discourse, inner speech, architectural semiotics, ESP.